18.61.7.24

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

867

ВАСИЛІЙ ЖУКОВСКІЙ

СОЧИНЕНІЯ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

18.61.7.24-3

СОЧИНЕНІЯ

ТРЕДЬЯКОВСКАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ

1849

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 4 Февраля 1847.

Цензоръ С. Куторга.

Цензоръ А. Крыловъ.

Гос. Публичная Библио

Цѣна за 3 тома въ 4-хъ книгахъ 3 р. 50 к. сер.

Iѕображенiе

Iспорченнаго пiсцамi Кiрiловскаго Алфавiта, какъ уставнаго, такъ i скоропiснаго, котораго iѕобрѣтенiе блаженному Iеронiму неправо прiпiсанное

Уставные Начальные	Буквы строчные	Скоропiсные Начал.	Скоропiсные строч.	Сiла	Уставные Начальные	Буквы строчные	Скоропiсные Начал.	Скоропiсные строч.	Сiла
Ⰰ	ⰰ	Ⰰ	ⰰ	а	Ⰱ	ⰱ	Ⰱ	ⰱ	о
Ⰱ	ⰱ	Ⰱ	ⰱ	б	Ⰲ	ⰲ	Ⰲ	ⰲ	п
Ⰲ	ⰲ	Ⰲ	ⰲ	в	Ⰳ	ⰳ	Ⰳ	ⰳ	р
Ⰳ	ⰳ	Ⰳ	ⰳ	г	Ⰴ	ⰴ	Ⰴ	ⰴ	с
Ⰴ	ⰴ	Ⰴ	ⰴ	д	Ⰵ	ⰵ	Ⰵ	ⰵ	т
Ⰵ	ⰵ	Ⰵ	ⰵ	є	Ⰶ	ⰶ	Ⰶ	ⰶ	оу
Ⰶ	ⰶ	Ⰶ	ⰶ	ж	Ⰷ	ⰷ	Ⰷ	ⰷ	ф
Ⰷ	ⰷ	Ⰷ	ⰷ	ѕ	Ⰸ	ⰸ	Ⰸ	ⰸ	х
Ⰸ	ⰸ	Ⰸ	ⰸ	з	Ⰹ	ⰹ	Ⰹ	ⰹ	ѿ
Ⰹ	ⰹ	Ⰹ	ⰹ	и	Ⰺ	ⰺ	Ⰺ	ⰺ	щ
Ⰺ	ⰺ	Ⰺ	ⰺ	ї	Ⰻ	ⰻ	Ⰻ	ⰻ	ц
Ⰻ	ⰻ	Ⰻ	ⰻ	є	Ⰼ	ⰼ	Ⰼ	ⰼ	ч
Ⰼ	ⰼ	Ⰼ	ⰼ	к	Ⰽ	ⰽ	Ⰽ	ⰽ	ш
Ⰽ	ⰽ	Ⰽ	ⰽ	л	Ⰾ	ⰾ	Ⰾ	ⰾ	ь
Ⰾ	ⰾ	Ⰾ	ⰾ	м	Ⰿ	ⰿ	Ⰿ	ⰿ	ꙗ
Ⰿ	ⰿ	Ⰿ	ⰿ	н	Ⱀ	ⱀ	Ⱀ	ⱀ	ѫ

Греческое уставное пiсьмо

IX. вѣка.

ΑΙΜΕΙΤΑΙ *αινεῖται χαλιτε*

Монфоконъ въ палеографiи греческой

Кн. III. стр. 232. 234. 237.

РАЗГОВОРЪ

МЕЖДУ

ЧУЖЕСТРАННЫМЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ

І

РОССІЙСКІМЪ.

ОБЪ

ОРТОГРАФІІ

СТАРІННОЙ І НОВОЙ

І

О ВСЕМЪ

ЧТО ПРІНАДЛЕЖІТЪ КЪ СЕЙ МАТЕРІІ.

ГОСПОДАМЪ.

ГОСПОДА́МЪ.

БЛАГОВОЛІВШІМЪ СПОСПѢШЕСТВОВАТЬ.

ТШЧІВОЮ. ПОМОШЧІЮ.

Ізданію. въ. Свѣтъ. Сея. Кнішкі.

АВТОРЪ.

Въ. знакъ. своея.

БЛАГОДАРНОСТІ.

П. П. П.

ГОСПОДА!

Вашему благодѣянію россійскіі охотнікі одолжены сею кніщкою: Вы ізволілі произвесть ея на свѣтъ, употребівши на печатаніе собственное іждівеніе Ваше.

Сколькобъ кто ні пожелалъ умалять сіе достохвальное дѣло; но благородная і отмѣнная лотерія, которая заведена у насъ первымі Вамі, і гдѣ каждый выігрываетъ, не проігрываетъ нікто, імѣетъ Вамъ быть, Господа, въ велікую честь у нашіхъ потомковъ. Кніщка сія, предлагая своюо матерію, тѣмъ самымъ не молчітъ о Вашей славѣ: да і літеральная історія наша потшчітся объявіть, въ свое время, імена Ваші, коль я ні стараюсь утаіть оныя нынѣ, дабы какъ вмѣсто славныхъ, не явіть Васъ тшчеславнымі.

Кажется мнѣ, что я віжу отвсюду окружающіхъ меня, которыі нетерпѣлівно желаютъ отъ меня вѣдать, кто Вы іменно. Догадываются ужé объ істіннѣ, что Вамъ невозможно не быть благородныя крові Особамъ: знаменітѣйшаго воспітанія сердца, обы-

кновенно бываютъ чувствѣтельнѣе къ такому увеселенію, которое проіѕводитъ просвѣщенная добродѣтель, неумѣющая сама нікогда корыстоваться, а всегда готовая служить законной бліжніхъ пользѣ.

Впрочемъ, я ставлю себѣ въ славу іскренное прізнаніе, что я Вамъ, Господа́, долженствую благодаріть, і благодарю. Но почелъ бы я ешче і шчаслівымъ себя, ежелібъ сія кнішка столько всѣмъ другімъ прінесла пользы, сколько она Вамъ подала права, быть упомінаемымъ нѣкогда въ ученой історіи нашей, толь за ізрядную шчедрость.

Напослѣдокъ, я імѣю честь быть съ должнымъ почтеніемъ,

ГОСПОДА,

Вашъ покорный, і одолженный слуга:

В. Тредіаковскій.

РАЗГОВОРЪ
О
ПРАВОПИСАНІИ.

Vt autem materiam, quoniam de rebus minutis subtiliter disserit, per se minus amoenam, aliqua voluptatis illecebra lenocinioque commendaremus, Dialogo rem tractauimus, subinde nonnihil adspergentes, quod lectionis satietatem vel recreet, vel excludat.

Erasm. in dedic. Dialog. de recta Lat. Græcique sermon pronunciat.

Тоесть:

Понеже матерія въ тонкой состоітъ мѣлочі, а кто-мужъ, і сама собою не весьма пріятна: того ради, чтобъ ея, нѣсколько украсівъ, одобріть, представілі мы сілу дѣла Разговоромъ, въ которыій індѣ вносімъ то, что скуку въ чітающчемъ ілі бы развеселіть, ілі бы оную отъ него могло отогнать всеконечно.

Ераѕм. въ дедікац. Разгов. о прям. Латін. і Гречес. язык. проіsношен.

Предувѣдомленіе.

отъ

АВТОРА

Сочинивъ рассужденіе о россійскомъ правописаніи Латинскімъ языкомъ, начáлъ было я оное і на нашъ переводіть. Но въ тожъ самое время пришло мнѣ на умъ, что Ерáсмъ-Ротеродáмъ, доказательство свое о прямомъ проіsношеніи Латінскаго і Греческаго языка, тоесть, во всемъ подобную моей матéрію, составілъ разговоромъ между Медвѣдемъ і Львомъ: а съ другой стороны, способъ, который я употребілъ въ Латінскомъ къ доказанію моіхъ мнѣній, былъ нѣсколько высокъ і труденъ понятію простыхъ людей і ученіковъ, для польsы которыхъ наібольше я труділся.

Показался ужé мнѣ оный какъ выше матерії, іsъ какія состоітъ рассужденіе о буквахъ, такъ і трудняе обыкновенныхъ другіхъ способовъ, каковы употребляются къ іsъясненію себя прочімъ, а особліво начінаюшчімъ учіться, которымъ прілічна къ наставленію простота, ясность, і краткость, а не математіческімъ порядкомъ расположенныя доказательства, хотя і почітаются

сіи ѕа самыя лучшія, і ѕа самыя порядочныя между ученымі.

Того ради, Латінское мое оное сочіненіе разсудилъ я уничтожіть; а для собщенія іскуснымъ, сочінілъ я вновь тожъ самое на нашемъ ѧзыкѣ, однако, послѣдуя Дезідерію-Ерáѕму въ подобномъ точно случае, способомъ же разговора, да только не между двумя Ѕвѣрямі, но между двумя Пріятелямі. Ізъ сіхъ у меня одінъ бутто бы человѣкъ былъ чужестранный, умѣюшчій довольно по россійскі, однако, не довольную ѕнаюшчій сілу въ нашемъ правопісаніі; но другой пріродно Россіанінъ, і потому могушчій обстоятельно увѣдоміть онаго о всемъ, что касается до нашіхъ буквъ і правопісанія: обажъ, получівшіі нѣкоторое просвѣшченіе отъ наукъ.

Способъ доказателѧствъ разговорамі, есть какъ простѣйшій, такъ і древнѣйшій: онъ былъ обыкновенный Сокрáту; а потóмъ Платóнъ, ученікъ Сокрáтовъ, ввелъ его ешче въ бóльшее употребленіе, такъ что Платóнъ названъ ужé отцомъ разговоровъ, хотя прямый іхъ ізобрѣтатель былъ Зенóнъ Елеатскій, ілі нѣкто Алексіáнъ, по Арістóтелеву мнѣнію. [1])

Сверьхъ сіхъ, въ древності весьма многіі пісалі своі сочіненія разговорамі, съ велікою себѣ похвалою: а коль обшчую получілъ імі славу Луціáнъ Самосатéнскій, оный острый і хітрый насмѣшнікъ, какъ называется, богамъ і человѣ-

[1] Діог. Лаерц. въ Плат.

камъ; то всѣмъ ученымъ іѕвѣсно, отъ котораго наіменованъ раѕговоръ сыномъ філософіі. [1]) Ціцеро́нъ іѕъ древніхъ Рімлянъ, будучі по бо́льшей ча́сті послѣдователь Плато́новой Акаде́міі, почітай всѣ свої філософіческія сочіненія оставілъ намъ также раѕговорамі. Но і вся драматі́ческая, тоесть трагедіа́льная, і комедіа́льная Поеѕія, нічто есть іное, какъ токмо театральныхъ ліцъ, съ представленіемъ дѣйствія, раѕговоры.

Въ семъ моемъ імѣютъ быть трі ча́сті: но прежде начнется онъ нѣкоторымъ родомъ Вступленія, содержашчаго нѣсколько обшчіхъ і вобшче понятій, до буквъ і правопісанія надлежашчіхъ. Въ первой опішутся уѕаконенія старыя нашея Ортографіі, которая і понынѣ въ прежней печаті употребляется. Во второй положатся нѣкоторыя основанія на раѕумѣ утвержденныя. Сіі послужатъ къ раѕобранію Ортографіческіхъ употребленій въ оной прежней печаті, і покажутъ, что старая Ортографія не весьма есть ісправная, ешче по бо́льшей ча́сті і не наша, но Греческая, нашему правопісанію не нужная, і бесполеѕная. Въ третіей представітся новая Ортографія, особлівожъ для гражданскія печаті; а проіѕойдетъ она іѕъ тѣхже основаній, которыя во второй ча́сті предложатся. Все сіе по прілічнымъ мѣстамъ подъ чертою іногда іѕъясняемо, а іногда подтверждаемо будетъ прімѣчаніямі.

---

[1] Въ дважд. осужден.

Впрочемъ, я хотя і нікому, по нещчастію, не возмогу угодіть [1]) (какъ почітай обыкновенно случается съ новыми сочіненіями) ізъ нашіхъ моею матерією, і о ней мнѣніемъ; однако, смѣю надѣяться, что за сей способъ сложенія, і за простоту, понятную всѣмъ, слова, не всякъ на меня негодовать імѣетъ.

---

[1] Sunt nouitates tamquam adue nae et peregrini, quos admiratione plus, minus beneuolentia prosequimur. Cancell. Baco. Varia fama, vt cuncta ferme noua.

Tac. annal. lib. 14.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Чужестранный. Желаю вамъ здравствовать, государь мой; і прошу, не погнѣваться на дерзновенный мой къ вамъ пріходъ.

Россійскій. Аа! добро пожаловать, Государь мой; весьма пріятный, а давно не бывалый гость. Я радуюсь, что вы изволілі взыскать меня сімъ вашімъ посѣщеніемъ: покорно прошу сѣсть.

Чуж. Будь по волѣ вашей; я тутъ сяду.

Рос Не лучшелібъ было, ежелібъ вы здѣсь изволілі взять мѣсто?

Чуж. Все равно, гдѣ ні есть: мнѣ у васъ, г. м., вездѣ хорошо.

Рос. Впрочемъ, гдѣ вамъ угодно. Я токмо благодарствую попремногу, за ваше пріятство і неоставленіе. Но всель вы благополучно, і больше здорово пребываете?

Чуж. Слава Богу! здоровъ помалу, но попремногу къ вашімъ услугамъ, ежелі меня способна къ онымъ находіть изволіте. А вы, какъ я віжу, непрестанно въ трудахъ обращчаетесь.

Рос. Да, г. м.; іное должность повелѣваетъ, къ іному прівлекаетъ і охота, которая праведно, по пріслові, пушче неволі. А впрочемъ, не знаю, поідетъ

лі въ путь моя́ работішка, хотя [1]) нічего больше въ жізні не желаю, і ні о чемъ такъ не стараюсь, какъ чтобъ ілі тѣмъ, ілі другімъ, нѣкоторую услугу показать моему Отечеству.

Чуж. Я не сомнѣваюсь, чтобъ за толь доброе ваше намѣреніе, не даровалъ вамъ БОГЪ получіть желаемаго. Но въ чемъ вы ізволіте упражняться?

Рос. Напрасно спра́шіваете, г. м.: всегда не весьма въ важномъ; а теперь уже́ въ са́моій мѣлочі состоітъ моя́ работа.

Чуж. Въ мѣлочі! какаяжъ она? Смѣть лі мнѣ васъ о неій спросіть?

Рос. Какъ не мѣлочь, г. м.! О буквахъ, і о пра́вописаніі нашемъ захотѣлось мнѣ рассуждать! Стыдно въ люді показаться, [2]) а ешче съ такою матерією, которая съ перваго взгляду кажется неважною: думается, что і ребятамъ будетъ смѣшно.

Чуж. Разумѣю. Но прошу, ізвініть меня: я въ семъ противнаго вамъ мнѣнія; і говорю, поістіннѣ не льстя, что «сія [3]) мѣлочь снаружі токмо кажется мѣлочью,

---

[1] Pulchrum est bene facere reipublicae, etiam bene dicere non absurdum est.

Salust. bell. Catilin.

[2] Plus habet in recessu, quam fronte promittit.

Quinctil l. 1. c. 4.

[3] Quo minus sunt ferendi, qui hanc artem vt tenuem ac ieiunam, cauillantur: quae nisi fundamenta fideliter iecerit, quidquid superstruxeris, corruet: necessaria pueris, iucunda senibus, dulcis secretorum comes, et quae vel sola omni studiorum genere plus habet operis, quam ostentationis. Ne quis igitur tamquam parua fastidiat Gram-

«а въ самой вещчі основаніе всему ученію.» Ета мѣлочь весьма крупна! [1]) Я слыхалъ, а вамъ і самімъ

---

matices elementa: non quia magnae sit operae consonantes a vocalibus discernere, ipsasque eas in semiuocalium numerum mutarumque partiri, sed quia interiora velut sacri huius adeuntibus adparebit multa rerum subtilitas, quae non modo acuere ingenia puerilia, sed exercere altissimam quoque eruditionem ac scientiam possit. An cuiuslibet auris est, exigere literarum sonos? Non hercule magis, quam neruorum. At Grammatici saltem omnes in hanc descendent rerum tenuitatem.

Quinctil. l. 1. c. 4.

Товсть:

Несносны повсему такіи люді, которыі сію науку бесчестятъ поріцая, что бутто есть ізъ самыхъ мѣлкіхъ і тошчіхъ спіроды. Но ежелі она не положітъ спервa твердаго основанія; то все прочее огромное ученій строеніе, прінуждено будетъ обрушіться, і втрѣскі распастся. На противъ того, знать ея весьма нужно молодымъ людямъ, а весело і престарѣлымъ, для того что она втайнѣ і наедінѣ пріятная і сладосная споспѣщніца. Словомъ сказать, она одна ешчѐ больше пріносітъ для всѣхъ наукъ польsы, нежелі ізъ всѣхъ отнюдъ не імѣетъ въ себѣ тшчеславія. Того ради, не должно презірать грамматическіхъ первыхъ основаній, і гнушаться імі: сіежъ не для того, что невеліков і неважное дѣло, согласные буквы отлічать отъ гласныхъ, і тѣ ешче на полгласные і безгласные раздѣлять; но для того, что кто войдетъ во внутренность, какъ бы свящченнаго ея храма, тотъ увідітъ тамъ премногіе тонкості, которые не токмо отроческій разумъ ізощрять могутъ, но і высочайшей мудрості і

[1] Τὸ μικρον, οὐ μικρὸν, ὅταν ἐκφέρῃ μέγα.
Ὁ ἅγ-Γρηγοριος.

ізвѣсно, что на греческомъ, также на латінскомъ, і на французскомъ языкахъ, всякій ученый человѣкъ наібольше отъ знанія буквъ, ілі пісменъ, называется. Тоесть, на первомъ γραμματὲυς, на второмъ literatus, і literator, а на третіемъ, un homme de lettres, ілі letré; даромъ что у васъ такой отъ кнігъ кніжнікомъ прозванъ, но прітомъ съ греческаго отъ буквъ, і грамматнікомъ іногда именуется у васъ человѣкъ ученый.

Рос. Віжу, что жалуя меня такъ ізволіте о семъ рассуждать. Всѣ прочіі, а особліво нѣкоторыі молодцы, не будутъ въ томъ съ вамі согласны, которымъ не нужна уже́ Азбука. Ізвольте повѣріть, мнѣ і васъ стыдно, что вы меня въ семъ засталі.

Чуж. Кажется, что вы не весьма основате́льно тѣмъ стыдіться ізволіте, чего не ставілі себѣ въ стыдъ самыі славныі въ древності, і въ нынѣшніхъ лѣтахъ люді, какъ на прімѣръ, Квінтіліаны, Діоме́ды, Прісціа́ны; ілі какъ Ера́змы, Во́ссіі, Целла́ріі, Сен-Піе́ры, Мена́жі, Пелтіе́ры, і многіі другіі. А сверьхъ того, Кассіодо́ръ, бывші канцлеромъ у Теодорі́ка Готскаго Короля, і імѣя уже́ 93. года отъ рожденія, за

наукѣ упражненіе дать, находятся въ состояніі. Всякій лі слухъ есть способенъ, распознавать отмѣны раздѣльно і внятно въ звонахъ означаемыхъ буквамі? Поістіннѣ, не больше какъ безъ знанія музыкі услаждаться, проісходяшчімъ согласіемъ отъ разныхъ струнъ совокупно звеняшчіхъ. Но Грамматісты всѣ, по крайней мѣрѣ добрыі, умѣютъ вступать во всю находяшчуюся въ томъ самую тонкую подробность, і также рассуждать о всемъ ісправно.

Квінтіл. кн. 1. гл. 4.

2. токмо до своея смерті, однако не постыдіался і не полѣнілся пісать объ Ортографіі. Въ буквахъ, г. м., въ буквахъ токмо вся состоитъ человѣческая вѣчность![1]) А превосходная іхъ честь, предъ всѣмъ прочімъ въ свѣтѣ, не говоря ужé о превелікой отъ ніхъ полѣ, чресъ сіе крайно сіяетъ, что самъ Вседержітель, ізъявляя своѐ превѣчность, не единократно себя въ Откровеніі Алфою і Омéгою называетъ.

Рос. О! г. м.; вы ужé і безъ оговоркі, смертнымі и святымъ бессмертнымъ утверждаете достоінство буквъ. Довольно прімѣра і отъ людей, а отъ тѣхъ ешче славныхъ. І я впрочемъ, что і сколько до славныхъ оныхъ мужей, знаю отчасті, что вы правду изволіте говоріть: однако, всѣ тѣ, і другіі либо славныі і мудрыі люді, находілісь и находятся въ другіхъ обстоятельствахъ, нежелі въ какіхъ я обращаюсь.

Чуж. Нікакъ. Я думаю, что у всѣхъ у васъ одні обстоятельства: оні объявлялі своему обшчеству мнѣнія своі, врассужденіі правільнаго правопісанія; вы также імѣете объявіть вашему тожъ, і не въ указъ.[2])

Рос. Не спóрю, одні обстоятельства у насъ врассужденіі противніковъ і недоброхотовъ. Но ежелі бы вы знали родъ нашіхъ бесхітросныхъ крітіковъ, а другоій ліцепріемныхъ пренебрегателей; то бы сказалі, что моі обстоятельства нѣжняе і опаснѣе. Пер-

---

1 Patuit vsus rei, qua constat immortalitas hominum... Chartae vsu maxime humanitas constat in memoria.
Plin.

2 N. B.

вьі ізъ сіхъ, безъ всякія злости і умысла, не такъ какъ недоброхоты, станутъ язвіть насмѣшкамі, для того что оні всегда почітать імѣютъ предпріятый трудъ о буквахъ смѣшнымъ, не відавші у насъ о семъ кромѣ Азбукі, і тріязычнаго Букваря: но другіі, будучі пристрастнѣе, можетъ быть взведутъ на меня преступленіе оскорбленныя Азбукі; і какъ знать, чемъ оні ешче обвінять будутъ? Вѣроятно, что і въ ліцо мнѣ слѣдуюшчее говоріть станутъ: *пісалъ бы ты, братецъ, такъ, какъ твой дѣдъ пісалъ.*

Чуж. Я не надѣюсь, чтобъ благоразумныі люді такъ моглі о семъ думать. На бесхітросныхъ, какъ вы іхъ называете, пересмѣшніковъ, і почітай всегда неправыя мнѣнія імѣюшчіхъ, сіежъ какъ отъ незнанія, такъ отъ лехкомыслія, я думаю, что не надобно смотрѣть много. [1]) Недоброхотовъ хотя і невозможно не імѣть; но іхъ терпѣніемъ надлежітъ побѣждать: а отъ противніковъ, правдою себя защічшчать должно. Чтожъ до пристрасныхъ пренебрегателей, буде оні на васъ взведутъ преступленіе оскорбленныя, какъ вы говоріте, Азбукі; то вы ізвольте на ніхъ взводіть преступленіе *озлобленныя правоты*, а молча, *і смысла*, і притомъ громко говоріть: *мой дѣдъ, пішучі буквы, отъ незнанія погрѣшалъ; а я, внукъ его, знаючі погрѣшать нынѣ не хочу.*

Рос Подлінно, г м., весь вашъ совѣтъ весьмабъ ізрядныі былъ, і такъ, что не можно бы лучшаго

---

[1] Numquam volui populo placere: nam quae ego scio, non probat populus, et quae probat populus, ego nescio. Senec. Epist. 29.

подáть, ежелі бы мнѣ его дѣломъ, по всѣмъ его частямъ для тѣхже обстоятельствъ, въ которыхъ я по нещчастію нахожусь, ісполнять благопрістойно і безвредно было. Мнѣ всѣхъ непріятелей токмо что терпѣніемъ должно побѣждать: завість, презрѣніе, ненавість, і злость, слушаютъ своіхъ только прістрастіи, а крітіка наша, по большой часті почітай безъ узды, туда скачетъ, куда ея влечетъ устремленіе. Сія твердая, просвѣшчаетъ; но у насъ не такая: наша самохвалка, прежде наукъ усілівшаяся, грозна хотя неосновательному, въ чемъ ея прямая і состоітъ должность; однако, будучі сама чашче неосновательна, не допускаетъ смѣть являться іногда і доброму. Всего того очень мнѣ опасно; а ешче съ Азбукою, которая і по своему імені ребячій есть праснікъ. Ітакъ, поістіннѣ вся моя надежда токмо на благоразумныхъ людей.

Чуж. Не лучшежъ лібы потому было, какъ мнѣ теперь кажется, оставіть такой трудъ, отъ котораго вы себѣ чаяте больше вреда, нежелі добра. [1]) Пускай для меня всѣхъ наукъ не будетъ, не токмо что одноя ортографіи, буде чрезъ сіе нічего я недолженъ буду опасаться.

Рос. Лучше бы поістіннѣ было оставіть. Однако, ревность, чтобъ [2]) услужіть Отечеству, затмѣваетъ

---

[1] Qu'entre nous l'amitié règne, dûssent périr tous les arts
Mr. dela Motte.

[2] Is demum mihi viuere, et frui anima videtur, qui aliquo negotio intentus, praeclari facinoris, aut artis bonae famam quaerit.
Sal. bell. Catil.

всѣ оныѣ опасности въ разсужденіи моемъ; а притомъ, образцы другихъ просвѣщенныхъ въ Европѣ народовъ, которыі также сперва начіналі съ небольшихъ вещчей просвѣщеніе свое, сільный мнѣ подалі поводъ къ предпріятію сего. Но словомъ, что уже́ начато; тому не начатымъ быть не можно. Пора, г. м., пора і намъ за свое пріниматься, сперва [1]) за малое, а потомъ будутъ люді, которыі і велікихъ і важныхъ вещчей въ наукахъ не оставятъ: чего толь іскреннѣе Россіи желаю, коль ізвѣснѣе надѣюсь, что і крітіка тогда перемѣнится въ істінную; а за нею вездѣ верьхъ просвѣщенія непремінуемо послѣдовать імѣетъ.

Чуж. Я нѣсколько могу відѣть, куда клоніться ваше желаніе. Ізвольте быть увѣрены, мнѣ ревность ваша безмѣрно нравится; і не сомнѣваюсь, чтобъ, істіннаго усердія люді, не захотѣлі вамъ быть подпорою і защчітою: общчая польза і слава того требуетъ; что і да ісполнітъ Господь, іскренножъ желаю!

Но къ Азбукѣ; понеже вы уже́ трудъ свой началі, і потому всю его сілу въ мыслі расположілі: того ради, прошу, не скрыть отъ меня, что вамъ не понравілось въ вашіхъ буквахъ? Мнѣ кажется, что вашъ Алфавітъ весьма полонъ; ізъ чего я заключаю, что чістому выговору всѣмі чужестраннымі языкамі, которымъ ваші учатся, сія одна і главная есть прічіна.

Рос. Знаю, что наші чісто выговарівают чужіі

---

[1] Euenit nonnumquam, vt aliquid grande inueniat, qui semper quaerit, quod minimum est.

Quinctil. l. 2. cap. 12.

ясыкі, но не могу сказать, чтобъ сему была прічіною полнота нашего Алфавіта, для того что она ложная полнота: іное въ Алфавітѣ нашемъ лішнее, есть іное недостаточное, іное чужое, іное і ізъ чужаго наше, да ілі іспорченое неѕнаніемъ, такъ наѕываемыхъ словесныхъ учітелей, которыі, по большой часті, почітай безграматныі простакі бываютъ, ілі не въ той сілѣ, какъ надлежітъ, выговоромъ проіѕносімое; отъ чего проіѕошло многіхъ тысячъ словъ порочное проіѕношеніе.

Впрочемъ, рассужденіе мое не касается до оныя учебныя Аѕбукі, по которой у насъ начінаютъ учіть дѣтей; также ні до пісцовъ скоропісью [1]): слѣдованіе мое ідетъ врассужденіі токмо гражданскія нашея печаті, которыя Алфавітъ, понеже не толь ешче у насъ ѕастарѣлъ, коль прежнія, нынѣ церковныя, печатіжъ; то можно, кажется, о немъ рассуждать, і правопісаніе онымъ въ кнігахъ прілічное ему, і свойственное нашему ясыку опредѣліть, і правость его доказать: хотя прітомъ всяческі невозможно обойтісь, чтобъ не коснуться ко всему старому нашему Алфавіту, проіѕводя новаго ізъ основаній правопісаніе.

Чуж. Мнѣ помнітся, что старыі вашъ Алфавітъ съ сорокъ чісломъ буквъ імѣетъ.

Рос. Всѣхъ въ немъ буквъ съ сорокъ съ пять; а нашъ ясыкъ не требуетъ больше дватцаті девяті, ілі, на большой конецъ, трітцать іхъ токмо надобно, не включая въ чісло буквъ, трехъ нѣкоторыхъ ѕнаковъ.

---

[1] Ταχυγράφοι.

Чуж. Какъ, г. м., не включать знаковъ въ число буквъ, для того что каждая буква не что есть иное, какъ токмо знакъ?

Рос. Праведно изволите говорить, что каждая буква есть знакъ; однако не такой, о какихъ я упомянулъ. *Буква, какъ буква, есть произвольный знакъ либо звона простаго и сложнаго, происходящаго отъ нашего гóлоса; либо растворенія, какимъ въ нькоторый способъ приводится тотъ нашего гóлоса звонъ простый и сложный.* Но знакі, о которыхъ я упомянулъ, не то значатъ, что буквы: изъ тѣхъ одинъ объявляетъ *сокращеніе целаго времени*, употребляемое на произношеніе *целагожъ нькотораго нашего звона простаго:* а изъ двухъ оставшіхся, одинъ значитъ *существенное отолщеніе растворенія въ звонъ какъ простомъ, такъ и сложномъ;* но другой, тогожъ самаго *растворенія отонченіе, измѣненное изъ существеннаго.*

Чуж. Что нашего гóлоса звонъ, я знаю. Но что *простый и сложный звонъ; сокращеніе времени, употребляемое на произношеніе нькотораго целагожъ нашего звона*; і что *существенное отолщеніе, і отонченіе измѣненное растворенія въ звонъ:* того ні знаю, какъ у васъ говорится, ні вѣдаю Я бы не желалъ, чтобъ вы въ азбукѣ философствовалі: прошу, вытолковать мнѣ все сіе простяе.

Рос. Исполняя вашу волю, предлагаю вамъ. Когда мы произносимъ голосомъ буквы наші, на примѣръ: (а), ілі (е), ілі (і), ілі (о), ілі (у); то мы означаемъ простый нашего гóлоса звонъ: но когда произносимъ также буквы (я), ілі (є), ілі (ы), ілі (іо), ілі (ю); тогда означаемъ сложный, для того что буква (я),

гушче проіsносітся, нежелі буква (а), также буквы (е), (ы), (іо), (ю), гушче проіsглашаются, нежелі (е), (і), (о), (у). Но чего ради буквы (я), (е), (ы), (іо), (ю), гушче проіsносятся, нежелі (а), (е), (і), (о), (у); то прічіна есть сія, что онѣ сложены каждая ізъ двухъ первыхъ буквъ, [1]) тоесть, ізъ двухъ простыхъ sвоновъ совокупно проіsносімыхъ, которыі оба, слівшісь въ едінъ, въ нераздѣльності уже́ едва слышны, ілі і неслышны поросhь: і потому онѣ sнакамі сложнаго нашего sвона отъ меня наsываются, а первые простаго.

Будежъ ізъ сіхъ десяті буквъ, къ которой нібудь пріложітся, отъ правыя, ілі отъ лѣвыя рукі́, буква напрімѣръ (б), ілі (в), ілі (г), ілі (д), ілі (ж), ілі (s), ілі (к), ілі (л), ілі (м), ілі (н), ілі (п), ілі (р), ілі (с), ілі (т), ілі (ф), ілі (х), ілі (ц), ілі (ч), ілі (ш), такімъ обраsомъ: (ба) ілі (бя), ілі (аб) ілі (яб), ілі тѣмъ і другімъ обраsомъ совокупно, двѣ, ілі трі, ілі больше вмѣстѣ; то сіе будетъ sначіть растворенie, ілі пріведенie въ способъ sвона, osначаемаго чреsъ (а), ілі чреsъ (я), сімъ ілі другімъ какімъ наклоненіемъ, по тому что всѣ сіі буквы не sначатъ нікако́ва sвона, тоесть, ні простаго ні сложнаго, но ізъявляютъ токмо способъ его, какімъ оныій наклоняется, ілі растворяется, такъ что такое растворенie, можетъ быть і не быть въ sвонѣ, безъ всякаго его поврежденія.

---

1 Всѣ наші двугласные въ сложеніі своемъ імѣютъ отъ лѣвыя рукі букву (і) а пото́мъ уже́ (а), ілі (е), іпроч. но у грековъ буква (ι) прілагается въ двугласныхъ отъ правыя рукі, какъ напрімѣръ (αι) (ει) (οι) іпрочая.

Грамматісты обыкновенно называютъ ГЛАСНЫМІ [1]) тѣ буквы, которыя значатъ простый нашъ звонъ. ДВУГЛАСНЫМІ, [2]) которыя сложный: но тѣ всѣ СОГЛАСНЫМІ [3]) у ніхъ именуются, которыя означаютъ раствореніе, ілі способъ нашего звона. Прічіна сіхъ званій ясна уже́ вамъ ізъ того, что я говорілъ прежде.

Чтожъ до сокрашченія целаго нѣкотораго звона, то сокращается у насъ токмо одна ізъ гласныхъ буква; именножъ (і); а сокрашчается она такъ, что не проізносітся іногда целаго времені *протяженіемъ*, ілі *продолженіемъ*, гласной буквѣ прілічнымъ; но нѣкоторымъ *половіннымъ*. Когдажъ проізношеніе наше требуетъ ея сокрашченія; тогда она не бываетъ сама собою одна, но всегда находітся прі ней отъ лѣвыя рукі однажъ которая ні будь ізъ гласныхъ, ілі ізъ двугласныхъ. Обыкновенный знакъ ея сокрашченія, который уже́ іздавна опредѣленъ, і каждому ізъ нашіхъ вѣдомъ, есть сей: (ії) [4]).

Напослѣдокъ, звонъ нашъ какъ простый, такъ і сложный, не отолшчается, і не отончавается; а способъ, ілі наклоненіе, ілі растворенію нашего звона,

---

[1] *Φωνήεντα* vocales. [2] *διφθογγοι* diphthongi. [3] *σύμφονα* consonantes.

[4] Когда предъ (ії) находітся которая нібудь ізъ гласныхъ, тогда проізношеніе состоітъ бесспорно въ полутарѣ голосѣ: но когда і ізъ двугласныхъ какая нібудь предъ нею находітся, однако і тогда проізношеніе імѣетъ полтаражъ времені, для того что, хотя въ двугласныхъ двѣ гласныхъ буквы по начертанію, толькожъ звономъ онѣ въ одінъ нѣкоторый густѣйшій сліваются голосъ.

можетъ кончіться тонѣ, нежелі существенно по надлежашчему отолшченію. Того ради, древніі наші опредѣлілі существеннаго отолшченія знакъ сей: (ъ); а отонченія сей: (ь). Ізволілі уже́, надѣюсь, выразумѣть, что вся сія мудрость не столько въ са́момъ дѣлѣ мудрена, сколько она вамъ сперва казалась,

Чуж. Благодарствую, что вы ізволілі потрудіться въістолковаиіі мнѣ *звона простаго і сложнаго, і его растворенія*; і также разности, какая находітся между знакамі звона, і его растворенія, і между тѣмі, которыі означаютъ лібо *сокращеніе времені* въ проізношеніі гласныя буквы (і) *лібо отолшченіе, ілі отонченіе растворенаго звона*.

Однако, мнѣ кажется, что ваше опісаніе буквѣ, служітъ столькожъ і каждому слогу, ілі складу: *ібо каждый складъ, какъ складъ, есть также проізвольный знакъ. лібо звона какъ простаго, такъ і сложнаго, лібо растворенія, какімъ пріводітся въ способъ звонъ простыі і сложныі*. Какаяжъ у васъ будетъ разность между буквою і складомъ? А по моему: іное есть буква; а іное складъ.

Рос. Ваше наблюденіе весьма есть праведное, для того что какъ буква, такъ і складъ *есть проізвольныі знакъ, лібо звона проісходящаго отъ нашего го́лоса, лібо его растворенія*. Однако, буква і складъ значатъ оное въ разной сілѣ. Каждая буква, есть знакъ лібо одного просто звона, какъ человѣческаго [1]) звона, лібо простожъ растворенія его; і сіе какъ нераздѣльная часть склада по случаю. Но каждый складъ есть знакъ,

[1] N. B.

ілі одного звона, не просто какъ человѣческаго звона, но какъ уже составляющаго[1]) выговоръ человѣческій звона всеконечно; і иногда знакъ такóважъ звона совокупно съ растворенiемъ, а не звона, ілі его растворенія, особно : і всежъ сіе какъ часть цельная необходімо реченія, ілі какъ называютъ общче, слóва. Посему, іное есть буква, а іное складъ не у васъ токмо, но і у меня; какъ і подлінно буква съ складомъ сію разность імѣетъ.

Теперь бы требовалъ порядокъ, чтобъ я вамъ описалъ і то, что есть реченіе, ілі слово; также что целая рѣчь. Но понеже вѣдаю, что вы въ семъ совершенное імѣете знаніе: сверьхъ же того, реченіе прінадлежітъ до грамматическіхъ частей слóва, то есть, целыя рѣчі; а целая рѣчь до прáвілъ сочіненія: но у меня съ вамі слово ідетъ токмо о нашемъ правописаніи, *къ которому прінадлежатъ только что буквы, да іхъ положеніе въ слоі.* Того ради, о всемъ томъ умолчаваю, какъ нерассуждающчіи о всей і целой Грамматікѣ.

Чуж. Сіе состоітъ въ волѣ вашей: я і звонамъ человѣческімъ, і его растворенiямъ, сказать правду, былъ не радъ. Мнѣ нетерпѣлівно знать желается, чего ради вы дѣлаете знатную убавку вашему Алфавіту: ібо вы прежде самі сказалі, что вашъ Алфавітъ імѣетъ съ сóрокъ съ пять буквъ; а вамъ надобно іхъ токмо съ дватцать съ девять, ілі уже́ съ трітцать.

Рос. Убавкѣ сей основательную, кажется, імѣю прічіну, врассужденіі гражданскія нашея нынѣшнія

[1] N. B.

печатї Ежелі вы імѣете время, і не будетъ вамъ скушно; то я вамъ все сіе ізъясніть теперь потщчусь. Я уповаю, что вы въ семъ согласіться со мною імѣете, і скажете, что гражданской печатї такое мое правопісаніе токмо есть своіственное, а всякое іное оной непріродное.

Чуж. Ізвольте быть увѣрены, мнѣ не токмо не скушно васъ слушать; но і съ самою крайною охотою і вніманіемъ, желаю рассужденіе ваше слышать. Мнѣ хочется, чтобъ вы всю въ семъ подробность ізволілі вытолковать. Думайте, что я вашъ ученікъ, і длятого, прошу нічего отъ меня не скрыть. Подлінно, я і самъ давно ужé прімѣтілъ, что въ церковной вашей печатї много такіхъ буквъ, которыхъ въ гражданской не віжу; а і въ сей нѣкоторую нахожу разность: въ іныхъ академіческіхъ книгахъ буква (и) ставіться предъ согласнымі, індѣ въ тѣхже рѣчахъ стоіть буква (і). Но какая разлічію сему прічіна, знать, какъ человѣкъ чужестранный, не могу.

Рос. Чéсті, которую вы мнѣ дѣлаете, г. м, ставясь моімъ ученікомъ, я недостоінъ Я вамъ все обѣщаюсь ізъясніть, какъ моему пріятелю, і такому человѣку, которыі все мое рассужденіе способно понять можете.

Впрочемъ, порядокъ моего рассужденія сей будетъ, а іменно: предложу я вамъ весь нашъ старыі Алфавітъ; потóмъ ізъясню, какое употребляется сімъ Алфавітомъ правопісаніе; объявлю его основанія; напослѣдокъ, покажу вамъ ясно, что оно не токмо непрáвільное, но і нашему Алфавіту, а больше гражданской нынѣшней печатї, несвоіственное. Враѕумі-

тельно вамъ, что когда стараго правописанія неправость облічится; то правость новаго сама собою ізъ того проізойдетъ, і опредѣлітъ чісло буквъ въ его Алфавітѣ.

Однако, сіе я імѣю дѣлать не для того, чтобъ опровергнуть нашъ старый Алфавітъ; но для того, чтобъ васъ увѣдоміть объ его правописаніи, і чтобъ доказать новаго, для гражданскія печаті, твердость.

Чуж. Какой порядокъ ні ізволіте употребіть, то отдаю въ вашу волю: объ одномъ токмо васъ прошу, а именно, благоволіть, ізъясніть мнѣ всѣ подробности, касающчіеся до сего дѣла.

ЧАСТЬ І.

Рос. Поістіннѣ не преміну ісполніть вашего желанія; і надѣюсь, съ Богомъ, что вы, способомъ моімъ рассужденія, будете довольны. Ітакъ, начінаю теперь обѣщчаніе мое проізводіть въ дѣло. Вопервыхъ, ізвольте наблюдать фігуру старыхъ нашіхъ буквъ: онѣ во всемъ подобны Греческімъ 9-го вѣка, въ которыій онѣ Славянамъ даны. Сіла іхъ, і імена, уповаю, что вамъ ізвѣсны.

Чуж. Я знаю, какъ ізъ ніхъ каждая называется, і что которая значітъ. Однако, прошу, напісать мнѣ іхъ теперь на бумашкѣ, і надъ каждою поставіть цыфірное чісло, дабы я могъ каждую знать лучше по чіслу, а не по імені: ібо іныя ваші буквы, мнѣ тяжело выговоріть по імені.

Рос. Ізрядно. Ізвольтежъ смотрѣть; я іхъ стану пісать, і ставіть каждую по порядку, какімъ онѣ всѣ расположены въ старомъ Алфавітѣ.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А	Б	В	Г	Д	Є	Ж	Ѕ	З	И
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
І	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т
21	22	23	24	25	26	27	28	29	
ѵ	ѹ	Ф	Х	Ѿ	Ц	Ч	Ш	Щ	
30	31	32	33	34	35	36	37	38	
Ъ	Ы	Ь	Ѣ	Ꙗ	Ю	Ѧ	Ѫ	Ѩ	
39	40	41	42	43	44				
Ѯ	Ѧ	Ѯ	Ѱ	Ѳ	Ѵ	[1])			

---

1 Весь сей Алфавітъ, тоесть, все число буквъ предложено здѣсь такъ, какъ, і сколько іхъ нынѣ (по́слѣ прібавленныхъ другімі буквъ въ *) Кірілловскій Алфавітъ) употребляется въ нашей Азбукѣ.

Ібо Кіріллъ епіскопъ Моравскій сперва самаго, когда на́чалъ пісать славенскія слова́, греческімі уставнымі буквамі, а іменно въ девятомъ стѣ лѣтъ по рождествѣ, составілъ свой Алфавітъ состоящій токмо із 32 буквъ, взявъ із греческаго тогдашняго Алфавіта токмо 23 буквы; а остальные ввелъ то із еврейскаго Алфавіта, то самъ нѣкоторые новые вымыслілъ.

Сего любомудраго епіскопа Кірілла, Рімскій Папа Іоаннъ VIII. называет Константіномъ філософомъ, тоесть мірскімъ его іменемъ, въ ономъ посланіі, которымъ онъ позволілъ впервые, Славянамъ Моравскімъ Рімскаго закона, отправлять службу Божію Славенскімъ языкомъ. О посланіі семъ многіі знатные предлагаютъ авторы, а іменно, Бароній въ лѣтопіс. церков. на лѣто 880. чіс. 19. Єней Сілвій, потóмъ Піій II. Папа Рімскій, въ чесск. істор. гл.

*) Ізобрѣтатель нашіхъ славенскіхъ буквъ, о которомъ ніже.

Въ новомъ нашемъ гражданскомъ Алфавитѣ ещче есть двѣ буквы, а именно, Ѳ ѳ. Ізъ сіхъ послѣдняя для простыхъ і народныхъ словъ нѣсколько, а для чужестранныхъ, і для аналогіі, тоесть, для воссло-

---

3. Дубравій Епіскопъ Олмуценскій, въ чесск. істор. кн. 1. Гл. 3. Іреней делла кроче въ істор. о городѣ Тріестѣ стр. 613. Но Фрішъ, Берлінскія гімназіі Ректоръ, въ программѣ своей сочіненной полатінѣ 1727 года, положілъ оное все подъ чертою на-полѣ, которое і я здѣсь на концѣ сего прімѣчанія прілагаю подлінное латінское, і переводъ ему. А что до Кірілла, то уже всѣ прочіі пісателі согласно вездѣ именуютъ его Кірілломъ, тоесть, монашескімъ его именемъ.

Для любопытства, я здѣсь предлагаю весь его Алфавітъ, і тѣмъ порядкомъ, какімъ онъ отъ него положенъ; также і его точно фігурою.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
а	б	в	г	д	є	ж	ѕ	з	и	ї	ѳ
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	
24	25	26	27	28	29	30	31	32			
х	ѿ	ц	ц	ч	ш	ъ	ѣ	ѯ.			

Ясно, что буквы 1. 3. 4. 5. 6. 9. 10. 11. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 23. 24. взяты ізъ греческаго Алфавіта, также і двугласные 31. 12. 32. но такъ, что онъ іоту поставілъ прі ніхъ отъ лѣвыя рукі (іа) (іе) (іу), которая прі сіхъ греческіхъ ставітся отъ правыя рукі (αι) (ει) (υι); но 22 буква также точно есть греческая двугласная (ου). Букву подъ чіслом 2. взялъ онъ вторую ізъ еврейскаго Алфавіта. Букву подъ чіслом 7. ілі онъ составіль ізъ еврейскаго Шіна, да греческаго (χ), ілі ізъ греческія (σ) да (χ). Буквою подъ чісл. 8. ізобразілъ онъ

вія, сходства, слічія, подобія, ілі воѕношенія, между двугласнымі буквамі къ гласнымъ, всеконечно надобная: но первая ні въ наші, ні въ чужія слова́ совсѣмъ негодная і лішняя. Но о семъ по́слѣ. Теперь должно ѕнать, і ісслѣдовать токмо старый нашъ Алфавітъ.

греческую нынѣшнюю (ς) для шестерічнаго чісла́, тоесть, *ἐπίσημον βαῦ*; а сіе утверждаетъ съ прочімі і Фрішъ (въ программѣ своей, другой отъ помянутой, наѕванной Історія яѕыка Славенскаго. Historia linguae Slauonicae) что она есть еврейская, *) і наѕывается ВАВЪ. Буква 25. вымышлена отъ него самого; однако беѕъ нужды для всѣхъ Славенскіхъ яѕыковъ. Буква 26. вымышлена отъ негожъ; но вмѣсто (шт), какъ всѣ Ілліріческіі Славенскіі народы і понынѣ ея выговаріваютъ; а не ѕа (шч), какъ мы нынѣ проіѕносімъ; также і ні ѕа (сч), какъ нѣкоторыі думаютъ: о чемъ ні́же. Однако фігуру уподобілъ греческой (ι) і (ν), какъ то я нарочно іѕобраѕілъ внiѕу на грыдорованномъ лісточкѣ греческое слово *αινεῖτε*, такімъ обра-омъ, какімъ во время Кіріллово Грекі буквы пісалі. Буквы 27, которая есть *ἐπίσημον σὰνπι*, для чісла́ 900; также і 28, которая есть *ἐπι ημον κοππα*, для чісла́ 90, а прітомъ і 29, совершенно еврейскіе. О 30. Фрішъ утверждаетъ съ сомнѣніемъ, что, можетъ быть, і она еврейская, наѕываемая Шва, ілі Ше́ва, проісходяшчая отъ іодъ еврейскія. Въ семъ я ему не спо́рю: ешче і самъ съ вѣроятностію думаю, что сіе такъ, для того что нашъ (ь), есть половіна буквы (і).

Ѕдѣсь надлежітъ прімѣчать, что въ Кірілловскомъ Алфавітѣ нѣтъ буквъ

ъ ы ѣ ю ѡ ѯ ѱ ѳ ѵ.

Что до (ъ); беѕъ него всѣ славенскіі яѕыкі быть могутъ.

*) Прітомъ і самарітанская.

Чуж. Смотря на сей Алфавитъ, я поистиннѣ не вижу, что бы въ немъ было лишное: что недостаточное, что чужое, і что испорченое: мнѣ все въ немъ кажется надобное, і такое, безъ чего вамъ обойтись невозможно.

Что до (ы); вѣроятно, і почитай достовѣрно, что онъ вмѣсто его положилъ (и) для густаго звона. Что до (ѣ); вмѣсто его есть у Кирилла (е). Что до (ю); буде рассуждать по нашему нынѣшнему звону, то у него есть въ Алфавитѣ (ж). А понеже і въ нашей Азбукѣ буква сія находится не означающая нынѣ никакова звона, для того что (ю) значитъ у насъ ея звонъ. Слѣдовательно буква (ю) значила прежде сего у насъ, послѣ Кирилла, иный звонъ, а вѣроятно (іо), какъ то ея составленіе показываетъ. Что до (ѡ); есть у Кирилла (о) что до (ѯ) (ѱ); ізрядно Кириллъ сдѣлалъ, что сіхъ не внесъ въ свой Алфавитъ: въ ніхъ нѣтъ для языковъ славенскіхъ нікакія нужды; а і въ фігурѣ іхъ, для знаменованія словъ, нѣтъ же таінства. Что до (ѳ); мнѣ нѣсколько удівительно, что Кириллъ не внесъ ея въ свой Алфавитъ: она весьма інако проіносится у Грековъ, нежелі (Ф). Можетъ быть, что онъ, не слыша у Славянъ подобнаго греческой (θ) звона, кромѣ звона подобнаго (φ), того ради ея не ввелъ, а ввелъ токмо одінъ (Ф). Что до (ѵ); сія всеконечно і нынѣ также ненадобная, какъ была і Кириллу не нужная.

Ізъ сего Кирилловскаго Алфавіта, проісшелъ, такъ называемый отъ чужестранныхъ, ГЛАГОЛІТІЧЕСКІЙ, который число, імена, і сілу буквъ точно одну съ Кирилловскімъ імѣетъ, но весьма странную, і дікую фігуру *), і

*) Фрішъ весьма вѣроятно доказываетъ, что въ такомъ безобразіе приведенъ Кирилловскій Алфавитъ отъ піцовъ, писавшіхъ буквы съ мнімыми украшеніями кудряво.

Рос. Потерпі́те не много: все сіе вамъ будетъ ясно. Теперь надобно раѕобрать весь сей Алфавітъ, і во первыхъ тѣ буквы раѕлічіть, которые ѕначатъ лібо одінъ точно ѕвонъ, лібо одінъ точно способъ ѕвона; а для краткості, я іхъ прі васъ токмо наѕывать буду

такую, которая намъ нынѣ покажется Аѕбукою Малабарскою, ілі какою другою. Я, по́слѣ Фріша, постарался іѕобраѕіть ея всю грыдорованнымъ художествомъ; і пріложілъ ея здѣсь на лісточкѣ въ са́момъ почітай ѕаглавіі сея кнішкі, до котораго любопытныхъ і отсылаю.

Нѣкоторыі пріпісываютъ іѕобрѣтеніе глаголітіческаго Алфавіта блаженному Іероніму, учітелю западныя церькві. Но Фрішъ мнѣніе сіе основательно, і весьма праведно отражаетъ, говоря въ упомянутой прежде программѣ, на стр. 10. «что конечно бы Папа Іоаннъ VIII. пішучі оное «свое посланіе къ Славянамъ Моравскімъ, не наѕвалъ іѕо«брѣтателемъ чужаго Константіна філософа (вмѣсто Кі«рілла філософа), і конечно бы не премінулъ, отдать сея «че́сті велікому учітелю своея церькві Іероніму, ежелібъ «онъ нашелъ какой слѣдъ къ тому въ Історіі.» На сіе, почітай не можно сыскать, протівной сторонѣ, пошлаго отвѣта. Сверьхъ того, всѣ другіі пісателі согласно пріпісываютъ іѕобрѣтеніе пісменъ славенскіхъ Кіріллу; а іныі і Мефодію, брату его, совокупно *) Такое нѣкоторыхъ мнѣніе о блаженномъ Іеронімѣ, не нравітся і Скалігеру «для того что далматскій переводъ біблії, ѕдѣланный Іе«ронімомъ, пісанъ былъ съ самаго нача́ла далматскімі бук-

*) Мавроурбінъ говорітъ на стр. 23. что то былъ Мефодій філософъ, который пото́мъ нареченъ Кіріллъ. Но сей самъ съ собою несогласенъ: ібо на стр. 36. раѕдѣляетъ уже́ Кірілла отъ Мефодія, і наѕываетъ его братомъ Кірілловымъ. Сіе въ немъ правда.

ОДНОГЛАСНЫМІ; потóмъ отлічіть должно тѣ, которые связываются лібо ізъ двухъ согласныхъ, лібо ізъ одноя гласныя, да одноя же согласныя, а значатъ токмо способъ звона, і которые назову я на время СВЯЗНЫМІ; также отдѣлю особліво і тѣ знакі,

---

«вамі, тоесть, совершенно латінскімі, а не сербскімі.» Ізъ сего ясно, что какъ прежде Іеронімъ блаженный пісалъ славенскія слова́ латінскімі буквамі; такъ пóслѣ любомудрый Кіріллъ на́чалъ по славенскі пісать греческімі. Кірілловскія пісмена, Скалігеръ сербскімі назвалъ для того, что такая буквъ фігура употребляется у Сербянъ. Но потомужъ, сіі пісмена должны называться і горватіческімі, (кроатскімі) і болгарскімі, і молдавскімі, і малороссійскімі, і напослѣдокъ, велікороссійскімі: понеже сіі пісмена у всѣхъ сіхъ народовъ, какъ і у насъ, въ употребленіі.

Фрішъ представляетъ прітомъ, что первые трі буквы, въ глаголітіческомъ, ілі названномъ ложно Іеронімовомъ, Алфавітѣ, называются славенскімі іменамі такъ: АЗЪ, БОГА, ВІДѢЛЪ. Но понеже сей Алфавітъ есть тотъ самый, что і Кірілловскій, тоесть, точный Кірілловскій і по чіслу буквъ, і по іхъ сілѣ, і по іменамъ: *) того раді мнѣ сіе не кажется правдою, а іменно длятого, что какъ Кіріллъ не могъ сего ні о себѣ сказать, ні думать о своіхъ ученікахъ, чтобъ онъ і оні когда Бога відѣлі; такъ і мы всѣ Славяне і понынѣ вторую называемъ БУКІ, далекімъ словомъ отъ БОГА, а третію ВѢДІ, не бліскімъ

*) Сіе доказывается тѣмъ, что нѣтъ ні едінаго пісателя, который бы не утверждалъ, что глаголітіческій Алфавітъ проісшелъ ізъ Кірілловскаго. Но глаголітіческій пріпісывается Іероніму: то какъ можно глаголітіческому быть Іеронімовымъ, который былъ въ IV вѣкѣ, а Кіріллъ уже́ въ IX по Хрістѣ?

которымі означается токмо отолщеніе і отонченіе растворенаго способомъ звона, напослѣдокъ покажу, какіе буквы сего Алфавіта давно уже́ у насъ не въ употребленіи.

же отъ ВІДѢЛЪ. По сему, я вѣроятнѣе думаю, что Кіріллъ сімъ буквамъ слѣдующія наложілъ імена: АЗЪ, БУКВЫ ВѢДЫЙ, тоесть, вѣдающій, ГЛАГОЛЮ, і прочая. Мнѣ мнится, что моя́ догадка больше, нежелі Фрішево предложеніе о сіхъ іменахъ, съ правдою сходна, для того что наше нынѣшнее названіе, положівъ что оно испорченое, больше сходствуетъ съ оною.

Кажется, что Фрішъ нѣкоторую імѣлъ склонность, находіть въ славенскомъ словѣ, буква, імя славенскоежъ, БОГЪ: ібо онъ въ тойже программѣ о началѣ пісменъ, на стран. 11, говоріть, «что которыі глаголітическое (то«есть, глаголательное ілі словесное) пісьмо называютъ «БУКВІЦЕЮ: тѣ де употребляютъ славенское слово БУГЪ, «ілі какъ другіі пішутъ і выговарівають, БОГЪ, ізъ ко«тораго первобразнаго, прідавъ къ нему окончаніе, ВІЦА, «дѣлается прілагательное імя, БУКВІЦА, (неправедно: «буквіца есть імя сушчествітельное) і значіть БОЖЕСТ«ВЕННЫЙ.» Ізъ сего онъ заключаетъ, что глаголітическое пісьмо есть божественное, і даетъ прічіну, чего ради ему такъ прілічно называться. Но все сіе далеко отъ істінны: Буквіца есть імя употребляемое у Іллірическіхъ славянъ, а значашее по нашему токмо БУКВАРЬ, і АЗБУКУ, по латінѣ АБЕЦЕДАРІУМЪ, а по греческі АЛФАВІТАРІОНЪ. Впрочемъ, въ программахъ его о сей матерііі, много інаго находітся какъ прімѣчанія достоінаго, такъ і праведнаго.

Глаголітическій, тоесть, ложно Іеронімовскій Алфавітъ, на́чалъ быть вѣдомъ 1) чрезъ Господню молітву, которую іздалъ Андрей Міллеръ, Совѣтнікъ Курфіршества

Чуж. Поступайте, какъ вамъ угодно: я на все соглашаюсь съ охотою, только бы мнѣ получіть желаемое.

Рос. Того ради 1) буква З (в), съ 44 (v), есть иногда одногласная. Буква 6 (е), съ 34 (ѥ), есть также

Бранденбургскаго, вóстѣ переводахъ сея молитвы, на стр. 56. 2) 1561 года, вольный Баронъ Іоаннъ Унгнадъ, іѕдая новый Sавѣтъ, (прі управленіі дѣла отъ Теолога Трубера, а прі помощчі въ дѣлѣ отъ Антонія Далмата, свящченніка сербскаго, і отъ Стефана Совѣтніка, свящченніка ізъ Босніі) выдалъ оный тремя характерамі, а іменно, Кірілловскімъ, Глаголітіческімъ, і Латінскімъ. 3) Баронъ Валваѕоръ, въ історіческомъ своемъ сочиненіі, фігуру глаголітіческаго характера, также, по себѣ слѣдующчімъ намъ, оставілъ. 4) І. Г. Стредовскій потшчался вырѣзать на мѣді Алфавітъ глаголітіческій; а табліцу свою пріложілъ онъ къ Історіі о Кіріллѣ і Мефодіі. 5) Фрішъ, въ помянутой выше программѣ, о началѣ славенскаго характера. І хотя всѣ сіі пісателі, і другіі многіі, утверждаютъ, что сей характеръ получілъ себѣ такое безобразіе отъ пісцовъ; однако я думаю, что онъ нарочно отъ кого нібудь выдуманъ для тайныя переписки, какъ то нынѣ выдумываются разныя цыфірныя Азбукі для тогожъ. Меня мое мнѣніе веселітъ.

=

ПІСЬМО

Іоанна VIII, Папы Рімскаго къ Моравскімъ Славянамъ.

Literas Slauonicas a Constantino quodam *) philosopho repertas, iure laudamus, et vt in eadem lingua Christi

*) Pro quodam, Antonius Pagi in Critica T. III. ad annum 880. n. 61. felicissime restituit: quondam.

іногда одногласная; а сія съ 33 (ѣ), всегда. Буква 8 (ѕ), съ 9 (з), есть всегда одногласная. Буква 10 (и), съ 11 (і), всегда, а съ 44 (ѵ), іногда есть равнымъ же образомъ одногласная. Буква 16 (о), съ 37 (ѡ); і съ 39 (ѻ), есть всегда одногласная. Буква 21 (ѕ),

---

Dei nostri praeconia et opera enarrentur, iubemus. Neque enim tribus tantum, sed omnibus linguis Dominum laudare, auctoritate sacra monemur. quae praecipit dicens: Laudate Dominum omnes gentes, et collaudate eum omnes populi. Et Apostoli, repleti Spiritu Sancto, loquuti sunt omnibus linguis magnalia Dei. Hinc et Paulus, caelesti quoque tuba, insonat monens: omnis lingua confiteatur, quia Dominus noster Iesus Christus in gloria est Dei Patris. De quibus etiam, in I ma ad Corinthios epistola, satis et manifeste eos admonet, quatenus linguis loquentes, ecclesiam Dei aedificemus. Nec sane fidei, vel doctrinae aliquid obstat, siue missas in eadem Slauonica lingua canere, siue sacrum Euangelium, et Lectiones Diuinas Veteris et Noui Testamenti, bene translatas et interpretatas, legere, aut alia Horarum officia omnia psallere. Quoniam, qui fecit tres linguas principales, Hebraeam, scilicet, Graecam, et Latinam, ipse creauit et alias omnes ad laudem et gloriam suam.

Тоесть:

Пісмена Славенскія, отъ Константіна нѣкоего *) Філософа ізобрѣтенныя, которымі Богу должная хвала воссылается, праведно похваляемъ, і прітомъ повелѣваемъ, да тѣмже языкомъ возвѣщаются Христа Бога нашего прославленія і дѣла́. Ібо не тремя токмо, но всѣмі языкамі Го-

*) Слово, нѣкоего, Антоній Пагі въ Крітікѣ своій том. III, на лѣто 880, чіс. 61, перемѣнілъ весьма шчасліво і справедліво на нѣкогда.

съ 22 (у), есть всегдажъ одногласная. Буква 23 (ф), съ 43 (ѳ), также всегда у насъ і непремѣнно одногласная. Буква 33 (ѣ), съ 34 (е), есть всегда одногласная же. Напослѣдокъ, буква 38 (ꙗ), съ 40 (а), всегдажъ есть одногласная.

спода хваліть, священное насъ писаніе научаетъ, заповѣдуя і говоря: Хваліте Господа всі языцы, і похваліте его всі людіе. І Апостолы, ісполнівшісь Духа Святаго, говорілі всѣмі языкамі величія Божія. Чего ради і Павелъ, небесною также трубою возглашаетъ, увѣщавая, да всякъ языкъ ісповѣсть, яко Господь нашъ Іісусъ Христосъ въ славѣ есть Бога Отца. О которыхъ і ешче, въ 1-мъ къ Коріѳяномъ посланіі, довольно і ясно імъ напомінаетъ, поскольку умѣніемъ языковъ церковь Божію сосідаемъ. Поістіннѣ, сіе какъ вѣрѣ, такъ і ученію не противно есть ні мало, чтобъ ілі Літургію тѣмже Славенскімъ языкомъ служіть, ілі Святое Евангеліе, і Чтенія Божественныя, Ветхаго і Новаго Завѣта, ісправно переведенныя і істолкованныя, чітать, ілі другіе Часовъ всѣ службы воспѣвать. Ібо сотворшій трі главныі языка, а іменно Еврейскій, Греческій, і Латінскій, Самъ же сотворілъ і всѣ прочіі на похвалу і свою славу.

—

Есть нѣкоторыі, которыі сомнѣваются, чтобъ сіе пісьмо было отъ Папы Іоанна VIII. Однако сіе безъ всякаго есть сомнѣнія, что нѣкоторый Папа пісалъ сіе пісьмо къ Славянамъ Моравскімъ: ібо знатныі пісателі Рімскія жъ церькві сіе утверждаютъ, і представляютъ пісьмо оное. По моему мнѣнію, оно есть велікія важности: 1), что отнімаетъ честь у блаженнаго Іеронима въ ізобрѣтеніі славенскіхъ буквъ, а пріпісываетъ оную Константіну, нѣкогда іменовавшемуся въ бѣльцахъ, а потомъ Кірілломъ (по свідѣтельству многіхъ знатныхъ чужестранныхъ і нашіхъ

2) Буква 25 (ѱ), есть свяsная, для того что двумя sнакамі sначітъ одінъ sвонъ і одінъ способъ sвона, а состоітъ она ізъ 39 (ѡ), і 20 (т). Буква 29 (щ), есть также свяsная: ібо сплетается ізъ 28 (ш), і 27 (ч).

Чуж. Теперь мнѣ прішло въ память, что я відѣлъ нѣгдѣ въ скоропісныхъ пісьмахъ, а іменно, вмѣсто 29 (щ), употреблены тамъ 19 (с), да 27 (ч), і потому sнать она сплетается ізъ сіхъ, а не ізъ тѣхъ, которые вы теперь предложілі.

Рос. Жаль, что вы перервалі у меня порядокъ; но быть такъ: должно вамъ і сіе ізъясніть. Правда, і я sнаю такіхъ людей, которыі думаютъ, ешче і стоятъ въ томъ, что буква (щ), сплетена у насъ ізъ (с), і (ч). Но коль оні впрочемъ ні іскусныі люді во многомъ; однако въ семъ, какъ люді, обманываются. Ібо прізнавая, что оная буква сплетена ізъ (ч), надобно імъ необходімо прізнавать, что сія буква (ч) дѣлается ізъ хвостіка буквы (щ), і ізъ поперечныя лінѣйкі, которая находітся между тремя перпендікулярнымі лінѣчкамі, для того что всячески не возможно імъ

пісателей, і по общчему і постоянному всегда нашему мнѣнію) названнoму въ монахахъ по Греческому обыкновенію, для того что, премѣняя прі постріженіі імя, съ тояжъ буквы начінаюшчееся, съ которыя начіналось і первое мірское, тогда налагается. 2), что обличаетъ затвердѣлое і неправое мнѣніе нынѣшнія Рімскія церькві, которая всѣмі сіламі старается утвердіть, что не можно службы Божіея отправлять ні на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ что на Еврейскомъ, Греческомъ, і Латінскомъ.

найті буквы (ч), въ трехъ оныхъ перпендікулярныхъ лінѣечкахъ.

Сіе положівши, какъ оно і праведно такъ; гдѣжъ оні находятъ букву (с)? Не ясно лі мечется въ глаза буква (ш), которая дѣлается ізъ трехъ оныхъ перпендікулярныхъ лінѣечекъ, і также ізъ поперечныя лінѣйкі, которая есть обшчая какъ буквѣ (ч), такъ і буквѣ (ш)? Сверьхъ того, обшчее наше всѣхъ проізношеніе, облічаетъ іхъ въ погрѣшеніі: ібо нікто ізъ насъ не проізноситъ буквы (щ) какъ (сч), но всѣ до одного, какъ (шч). [1])

Прічіна сему, что буква (ч), по пріродѣ своей, нікогда не терпітъ предъ собою (с) да всегда превращаетъ его въ (ш). Но о семъ, не многімъ у насъ вѣдомомъ, велікомъ і первѣйшемъ Ортографіческомъ таінствѣ, донесу вамъ по́слѣ. Будежъ оні думаютъ,

---

[1] Правда, мы выговаріваемъ сію букву какъ (шч), і потому должно думать, что буква (щ) сплетена ізъ (шч), а не ізъ (сч). Но какъ обшчее наше употребленіе нѣсколько, такъ оное особліво всеконечно есть не пра́вільное: ібо буква (щ) свяsана ізъ (шт), а сімъ образомъ сербяне і проізносятъ букву (щ) говоря еште, вмѣсто ешче, і прочая. Сіе самая ея фігура доказываетъ, что буква (щ) свяsана ізъ буквъ (шт). І понеже не токмо сербяне, но і всѣ славяне, кромѣ насъ, малороссіанъ, поляковъ, і чеховъ, выговарівают ея какъ (шт); то заключается, что сей выговоръ есть пріроднѣе всей славеншчізнѣ. Sа насъ стоітъ обшчее наше давнышнее, хотя і іспорченное, проізношеніе. Но что оправдіть можетъ утверждающчіхъ (сч), вмѣсто (шч), развѣ почітать іхъ (с) sа (ш), по нѣмецкому проізношенію?

что ѕа ніхъ стоѧтъ нѣкоторыя словá, которыя, больше въ старой ортографіи, пішутся по проіsведенію чресъ (сч), вмѣсто (щ), но і сіе къ доказательству імъ служіть не можетъ. Всѣ такія словá не состоятъ ізъ (щ); но ізъ сокрашченнаго предлога (со), і ГЛАГОЛЬНАГО ІМЕНІ, какъ напрімѣръ, СЧІСЛЕНІЕ, которое слово есть сокрашчено ізъ СОЧІСЛЕНІЕ.

Чуж. Весьма велікое імѣть должно стараніе учітелю, чтобъ молодый человѣкъ, въ сáмомъ началѣ своего ученія, прівыкъ у него чісто выговарівать всѣ літеры і склады.

Рос. Подлінно г. м.: на семъ первомъ основаніі состоіть все прочее въ жіsні ученіе, і чістота выговора. Но я возврашчаюсь къ свяѕнымъ моімъ буквамъ.

Буква 41 (ѯ), сплетена ізъ 12 (к), і 19 (с). Буква 42 (Ѱ), свяѕана также ізъ 17 (п), і 19 (с).

3) Буквы 30 (ъ), і 42 (ь), напрасно въ семъ Алфавітѣ включаются въ число буквъ: ібо онѣ токмо ѕнакі отолшченія і отонченія, въ наклоненномъ і пріведенномъ ѕвонѣ въ способъ растворенія, какъ я уже́ прежде імѣлъ честь вамъ донесть.

Первыя способъ отолшченія могутъ способно понять всѣ прочіі Европейцы, для того что всѣ іхъ словá, которыя кончатся какою нібудь согласною, імѣютъ сіе самое отолшченіе, чего ради я его і назвалъ сушчественнымъ, тоесть, всему человѣческому роду свойственнымъ.

Но вторыя весьма трудно, какъ токмо славенскому, і особліво нашему выговору пріродныя: ібо сколько разъ ні представляется чужестраннымъ, что ѕвонъ ея есть, прі согласной буквѣ, какъ бы нѣкоторая по-

ловіна буквы (і) ; [1]) однако нікогда іхъ выговора къ тому совершенно склоніть не можно, такъ что оні почітай всѣ того перенять не въ состояніі, развѣ кому пощчастітся ізъ ніхъ особліво.

4) Напослѣдокъ, буква 36 (ѫ) нынѣ ужѐ отъ давніхъ временъ не въ употребленіі въ семъ Алфавітѣ. Она сложена ізъ 21 (ѹ), верьхомъ внізъ обращченнаго і ізъ буквы 11 (і).

Того ради, і значіла она въ старіну звонъ у насъ латінскіхъ буквъ (іи), по італіанскому, нѣмецкому, і польскому латіны проізношенію; [2]) а наша буква 35 (ю), которая сложена ізъ буквъ (іо), [3]) означала тогда звонъ сіхъ самыхъ буквъ совокупно проізноси-

---

[1] Французы слово Espagne, і другія подобныя, точно оканчаваютъ выговоромъ такъ, какъ бы нашімъ (ь) на концѣ было оно напісано. Єспань: (Гішпанія.)

[2] Мнѣ удівітельно, что 36 буква употреблена за (у) въ оной печатной въ малую десть 1575 года Псалтірѣ въ Вільнѣ, которую іздалі на своемъ іждівеніі нѣкоторыі добрыі люді Косма і Лука называемыі; а однако во многіхъ же тоя книгі мѣстахъ (у) буква за себя была употребляема. Я думаю, что сему употребленію была прічіна, одно незнаніе: ібо въ Кірілловскомъ Алфавітѣ всеконечно она положена не за (у), но за (ю), для того что буква (у) положена въ своемъ мѣстѣ у Кірілла, а 36 на концѣ. Но Кіріллъ нігдѣ двухъ буквъ за одну въ своемъ Алфавітѣ не клалъ. Ктомужъ, всегда она называется отъ всѣхъ юсомъ, а не ѹсомъ.

[3] Самое составленіе ея доказываетъ. Того ради, я не віжу основанія, чего ради нѣкоторыі просвѣщенныі люді составляютъ ея ізъ (і) і (у), развѣ токмо по звону, а не по начертанію.

мыхъ. Однако, нынѣ сія буква (ю) ѕначітъ ѕвонъ латінскіхъ буквъ (iu) совокупно проіѕносімыхъ по польскому, італіанскому, і нѣмецкому латіны проіѕношенію, а (юсъ) совершенно сталъ быть не въ употребленіі въ сей которую я теперь іѕъясняю, Аѕбукѣ.

Чуж. Но о буквахъ а б г д ж к л м н о п р с т х ц ч ш ы ю, что мнѣ надобно думать? Ібо вы нічего объ ніхъ не упомянулі ешче понынѣ.

Рос. Ко всѣмъ сімъ буквамъ, рассужденіе мое не долженствуетъ коснуться, для того что каждая іѕъ ніхъ содержітъ *сама въ себѣ ту прічіну, по какой она полагается въ томъ наіпаче, нежелі въ другомъ мѣстѣ слога, на оѕначеніе своего точнаго ѕвона, ілі его способа.* Однако должно вамъ скаѕать то, что касается до пра́вільнаго проіѕношенія ѕвона, оѕначаемаго чреѕъ букву (ы).

Правда, Полякі́ ея ѕвонъ чісто проіѕносятъ, для того что она есть іхъ (у) несокрашченное. Но всѣ прочіі европейцы едва, ілі ешче едва, раѕвѣ чреѕъ весьма долгое обхожденіе прівыкшіі съ нашімі, могутъ ея выговоріть. Скаѕывай імъ сколько іѕволішь, что она ѕначітъ ѕвонъ іѕображаемый чреѕъ два (іі), однако нѣсколько гушче, нежелі проіѕносятся два (іі) совокупно: но оні всегда проіѕносятъ ея ілі какъ простое (і) ілі какъ француское (ou).

Чуж. Посему я віжу, что ортографіческое ваше рассужденіе касаться будетъ токмо до сіхъ буквъ, а іменно до в є ѕ з и ї о ȣ у ф ѿ щ ѣ є о ꙗ ѡ ѧ ѯ ѱ ѳ ѵ; і также до новыхъ двухъ э, іо̀.

Рос. Такъ г. м. до сіхъ токмо; о чемъ я теперь і начінаю предлагать. Но вопервыхъ, опішу вамъ раѕ-

говоромъ моімъ ортографію тѣхъ буквъ, которые назвалъ я *одногласнымі*; потóмъ ужé пріступлю къ *связнымъ*, і ко всему прочему.

Ітакъ, памятно вамъ о предложенномъ мною прежде, тоесть, что буква 3 (в), есть іногда одногласная съ 44 (ѵ)?

Чуж. Помню, г. м. твердо.

Рос. Хотя сія буква (в), есть сама собою прічіна растворяемому своему ѕвону во всѣхъ пріродныхъ россійскіхъ, і чужіхъ Словахъ; однако въ греческіхъ нѣкоторыхъ, (которыя употребляются, ілі могутъ быть употребляемы, на нашемъ яѕыкѣ, і также потому пішутся сего Алфавіта буквамі) прінімаетъ вмѣсто себя, по сілѣ сея ортографіі (которая есть всегдашняя послѣдовательніца греческой) 44 букву, тоесть (ѵ). І потому, сіі греческія словá, напрімѣръ: *ἐυαγγελιον*, *ἐυρωπη*, пішутся сімі такъ: *еѵангеліе*, *еѵрωпа*, вмѣсто, *евангеліе*, *европа*; а сімъ образомъ і во всѣхъ подобныхъ.

Чуж. Такъ лі я думаю, что въ которыхъ греческіхъ словахъ ні ставітся греческая буква (υ) согласною, то въ тѣхъ старая ваша ортографія ставітъ свою́ букву (ѵ) ѕа (в)?

Рос. Точно такъ іѕволіте думать. Чтожъ до 34 буквы (е); вы ужé ѕнаете, что она іногда одногласная съ 6 (е). Сія (е) ѕначітъ ѕвонъ Греческія буквы (ε), ілі латінскія (е); докаѕываетъ сіе порядокъ Кірілловскаго Алфавіта, (*прімѣч. на стран.* 17.) да і споріть о семъ невоѕможно. А (е) ѕначітъ ѕвонъ латінскіхъ буквъ (іе) вмѣстѣ, по нѣмецкому проіѕношенію латіны, проіѕглашаемыхъ.

Но когда долженствуетъ множественное чіслo отличіться отъ единственнаго въ падежахъ именъ, тѣмiжъ точно буквамі пішемыхъ; то единственное чіcло імѣетъ себѣ въ знакъ букву (е), а множественное (е): ібо пішется *творцемъ* единственный творітельный, а дательный множественный *творцемъ*. Въ семъ, і во всѣхъ подобныхъ прімѣрахъ буква (е) бываетъ одногласною съ буквою (е).

На противъ того, когда буква (е), ілі начінаетъ слово, ілі кончітъ оное, ілі такъ полагается, что она дѣлаетъ сама одна складъ въ словѣ называемый *чістый*, то тогда премѣняется въ пріроду буквы (е); а такімъ образомъ і бываетъ проізношеніе такъ: *едінъ, спаніе, твоему*, слово-въ-слово какъ бутто бы напісано было: едінъ, спаніе, твоему.

Чуж. Я ізъ того сіе токмо выразумѣлъ, что обѣ сіі буквы за одну употребляются. А чтобъ не ізлішная была, которая нібудь ізъ ніхъ; то старінныі мудрецы опредѣлілі імъ разную должность разлічать падежі.

Рос. Вы такъ сіе отгадалі, какъ бы тутъ былі. Но сія іхъ мудрость, не весьмажъ мудрая, такое сдѣлала смятеніе въ пріродномъ нашемъ выговорѣ, что почітаій нікоторая лішняя буква столько вреда не прінесла прямому правопісанію, сколько сіе употребленіе одноя буквы за другую. Всему сему віноваты безграматныі Азбукъ учітелі. Но о семъ по́слѣ.

Сіежъ самое есть прічіною, что въ гражданскую печать внесена ізворотная буква (ə); [1]) а внесена она

[1] Подлінно, обороченная сія буква не вновь вымышле-

для означенія лехкаго звона, каковъ означаетъ ілі греческая (ε), ілі латінская буква (е), потому что наші (е) і (ε) сталі, по незнанію употребляющчіхъ, значіть густый звонъ означаемый чрезъ (ѣ), ілі чрезъ латінскіе (іе) совокупно проізносімые, по нѣмецкому сіхъ буквъ въ латінѣ проізношенію.

Чуж. Теперь порядокъ требуетъ, дабы вы показалі мнѣ разность 8 буквы (ѕ), съ 9 (З); также і гдѣ которая ставітся, по сілѣ сея ортографіі.

Рос. Разность сіхъ буквъ, въ семъ правопісаніі, мнѣ самому́ удівітельна. Во всѣхъ словахъ, въ которыхъ надобна буква (З), ставітся токмо она сама. Того раді, не знаю, чего бы раді трі ілі четыре, ілі уже́ не больше десяті словъ, пішемы былі чрезъ (ѕ).

Я прімѣтілъ токмо, прімѣчая чрезъ всю мою́ жізнь, пять словъ, которыя въ семъ правописаніі пішутся чрезъ (ѕ). Ізъ сіхъ 1. есть *ѕло*; 2. *ѕмій і ѕмія;* 3. *ѕвѣзда;* 4. *ѕлость;* 5. *ѕвѣрь.*

Пішутся чрезъ (ѕ) также въ сей Ортографіи всѣ такія слова́, которыя складываются сначала отъ сего імені: ѕло.

Напослѣдокъ, самое імя сея буквы, которое есть *ѕѣло*, пішется чрезъ неяжъ, і которое значітъ славенское наше надглаголіе, а пішется оно такъ: *ѕѣлѡ.*

на, но древняя. Ібо когда пісцы *) прівелі въ безобразіе Кірілловскій Алфавітъ; то ѕдѣлалі вмѣсто Кірілловскаго (е), (э). Сіе ясно відімо такъ въ называемомъ глаголітіческомъ Алфавітѣ. Однако, сіе бесспорно, что сей Алфавітъ есть іспорченный, потому і сія буква.

*) Снесі съ прімѣчаніемъ на стр. 17.

Чуж. Подлінно, мнѣ кажется, что і сія разность имѣетъ свое основаніе на пустой мудрості оныхъ вашіхъ древніхъ мудрецовъ. Прітомъ, я думаю, что, понеже обѣ сіи буквы греческіе, а у грековъ первая значітъ число 6, а вторая 7, і ваші для ізъявленія сіхъ же чіселъ, не імѣя ешче тогда аріѳметіческіхъ, ввелі обѣ сіи буквы въ Алфавітъ.

Рос. Нічто не можетъ быть праведнѣе вашего рассужденія. Но ізвольте слушать правіла правопісанія, которое употребляется врассужденіі слѣдующіхъ одногласныхъ.

Что буква 10 (и), і 11 (і) всегда между собою одногласные; но что 44 (ѵ), іногда съ німі бываетъ одногласноюжъ; о томъ ужѐ вамъ ізвѣсно.

І понеже обѣ первые греческаго Алфавіта буквы; того ради, гдѣ у грековъ та, ілі другая ставітся въ складахъ, тамъ точно і у насъ ставятъ іхъ въ тѣхъ греческіхъ словахъ, которыя мы употребляемъ, напрімѣръ: *Ελληνες*, Єллины; *Ζηνοβιος*, Зиновій, *Ινδια*, Індіа. Ізъ сіхъ трехъ прімѣровъ, послѣдній наблюдаетъ сія ортографія во всѣхъ чужестранныхъ словахъ, а особліво Европейскіхъ.

Врассужденіи же нашіхъ точно словъ; буква (и) імѣетъ мѣсто предъ согласнымі такъ; *ибѡ*, а такімъ образомъ і вездѣ. Но буквѣ (і) въ нашіхъ же словахъ особлівое мѣсто отдано предъ гласнымі, [1]) напрімѣръ: *бію, лію, сію*, і во всѣхъ прочіхъ также.

Чтожъ касается до буквы (ѵ); сію равножъ по

---

[1] Слово МІРЪ, когда значітъ mundum, пріемлетъ (і) і предъ гласною, въ разлічіе МИРА, pax.

сілѣ сея ортографіі пісателі, какъ греческую, ставятъ во всѣхъ словахъ, которыя по греческі пішутся чреѕъ (υ), напрімѣръ: *Ιλλυρια*, Іллѵріа, *ὑποςασις*, ѵ҆постасъ; *ὑσσωπος*, ѵ҆ссопъ; *Συρια*, Сѵріа. Равнымъ обраѕомъ і веѕдѣ індѣ.

Чуж. Теперь я уже́ могу відѣть старінное вашіхъ мудрованіе, тоесть, когда греческая буква (υ) ідетъ у грековъ ѕа согласную, тогда (ѵ) ваша ставітся вмѣсто (в); но когда ѕа гласную, то вы ставіте въ сей ортографіі (ѵ) ѕа (і). І какъ буквы (и) (і) двѣ, і одногласные; то надлежало каждой въ вашіхъ словахъ раѕлічныя опредѣліть мѣста́, а опредѣліть такъ, что первую бы ставіть предъ согласнымі, а другую предъ гласнымі. Подлінно ученіку труда много, а польѕы нічего. Но іѕвольте, прошу, опісывать то, что слѣдуетъ.

Рос. Іѕрядно. Буква 16 (о) есть одногласная съ 37 (Ѡ), і съ 39 (ω). Буква (о), есть ѕнакъ въ сей ортографіі вінітельныхъ падежей обоего чісла́, напрімѣръ: *благаго человѣка похваляю*, есть вінітельный едінственный; а множественный: *благихъ человѣковъ похваляю*.

Ібо 1) родітельный какъ едінственный, такъ і множественный, пішется чреѕъ букву (ω) сімъ обраѕомъ: *благагω человѣка хвала*, едінственно; а *благіхъ человѣкωвъ хвала*, множественно. Ешче, сіяжъ самая буква і въ дательныхъ множественныхъ употребляется, чтобъ раѕлічіть отъ ніхъ творітельныі едінственныі, напрімѣръ: *благимъ человѣкωмъ похвала*. Но сіі дательныі точно славенскіі, а мы іхъ нынѣ проіѕносімъ і пішемъ чреѕъ (а) такъ: *человѣкамъ*.

2) Всѣ надглаголія кончашчіяся на (о) пішутся всегда сеюжъ буквою (ѡ), для разлічія между надглаголіямі і іменамі прілагательнымі средняго рода, єдінственнаго чіслá, которыя *успѣченнымі* называют-ся. Прімѣръ прілагательныхъ: *сіѥ моленіѥ ѥсть свято*; а надглаголіи: *сіѥ моленіѥ ѹправилось святѡ.*

3) Предлогъ сказательнаго падежа, который у насъ состоітъ ізъ одноя буквы (о), всегда въ славенскомъ пішется чрезъ (ѡ), дабы разлічіть звательнаго славенскаго падежа членъ, который есть сей (ꙗ), съ членомъ сказательнаго славенскагожъ. Прімѣръ сказательнаго: *ѡ человѣцѣ*; а звательнаго: *ѡ человѣче.*

4) Всѣ глаголы, і глагольныя імена, которыя сначала складываются ізъ предлога *обѣ*, пішутся также чрезъ (ѡ) прімѣръ: *ѡбхожду, ѡбхожденіѥ*; і потому сей самый предлогъ, когда онъ бываетъ не въ сложеніі, такімъ же образомъ, *ѡбѣ.*

5) Разность сія у буквы (о) съ (ѡ), предложена токмо врассужденіі нашіхъ славенскіхъ точно словъ: но въ греческіхъ, которыя у насъ употребляются, гдѣ стоітъ греческая буква (*ο*), і гдѣ іхъ же (ѡ), тамъ і у насъ ставітся по сей ортографіі нашъ (о), ілі наше (ѡ); напрімѣръ: *μοναχος*, монахъ; *ѡкеанос*, ѡкеанъ.

6) Букважъ ꙗ, какъ я почітай теперь вамъ нѣсколько далъ знать, есть токмо у насъ знакъ всѣхъ воскліцаніі радосныхъ, печальныхъ, словомъ, всѣхъ прістрастіі, которыя ізображаютъ сердечное движеніѥ чрезъ нѣкоторое воскліцаніѥ, напрімѣръ: *ѡ времена! ѡ нравы! ѡ насъ злополучныхъ!* Сімъ образомъ і во всѣхъ прочіхъ.

Чуж. Сіи буквы въ сей вашей ортографіи подобнуюжъ імѣютъ должность, какова наложена въ ней і на буквы (і), (и), (v). Мнѣ сперва казалось, что въ семъ есть нѣкоторое таінство, а теперь віжу, что все сіе походітъ много на пустошь.

Рос. Вамъ ешче всея по надлежашчему пустоші знать теперь нѣкогда, і называть ея такъ непрілічно. ізвольте токмо слушать все, что, і какъ, і для чего, употребляется въ сей ортографіи. Потомъ узнаете, і увіділе пустошь, ілі непустошь сію порядочно.

Чуж. Ізвініте меня, г. м.; я віжу, что вы почтеніе нѣкоторое імѣете къ сей, какъ древнѣйшей, ортографіи. Однако я ея пустою назвалъ, право, безъ умысла. Больше уже перебівать вашего порядка не буду: благоволіте продолжать.

Рос. Мнѣ кажется, что вы нічего не відя струсілі, г. м. Сіе очень славно для сея ортографіи, что пресіраюшчіхъ ея въ страхъ она пріводітъ, хотя употребляюшчімъ ея і не подаетъ дальнаго просвѣшченія. Но я, почітаюшчій ея, за неяжъ.

Буквы 21 (в). і 22 (у) ілі (оу), означаютъ одінъ токмо звонъ голоса, чемъ онѣ хотя і не разнятся между собою; однако разнятся мѣстомъ, на которомъ каждая ізъ оныхъ кладется.

Сія есть прічіна, что буква (у) всегда ставітся въ началѣ слова, а нікогда не полагается ні въ срединѣ, ні на концѣ. На противъ того, буква (в) всегда полагается въ среднихъ і конечныхъ складахъ слова, а нікогда не пішется въ начальныхъ. Прімѣръ для обѣіхъ сіхъ буквъ: *оустьпкв, ілі устьпкв.*

Чуж. Я уже опасаюсь насмѣяться сему употребле-

нію. Сіе токмо выговорю, что двумъ одногласнымъ буквамъ, надобно было наѕначіть два мѣ́ста въ словѣ. Чему быть, отъ іѕбытка, по прісловію, уста глаголютъ.

Рос. Подлінно такъ; но я далѣе іду. Понеже буква 23 (Ф), і 43 (Θ), іѕображаютъ у насъ токмо і точно греческіе буквы, а іменно: (*Ф*), і (*Θ*); того раді і употребляются онѣ, а особліво буква (Θ), въ греческіхъ токмо словахъ, і такъ, что которая когда ставітся у грековъ, та самая тогдажъ въ словѣ і у насъ. Прімѣръ: *Φίλοσοφος*, філософъ; *Θεοδωρος*, Θеодωръ. Такъ і въ другіхъ употребітельныхъ у насъ греческіхъ словахъ.

Хотяжъ грекі проіѕносятъ сіі обѣ своі буквы весьма раѕнымъ ѕвономъ; однако у насъ нѣтъ въ ніхъ нікакія раѕності что до ѕвона, но та і другая оѕначаютъ ѕвонъ совершенно подобный тому, каковъ іѕображается чреѕъ латінскую букву (f), ілі чреѕъ старінную еоліческую дігамму: а сей токмо ѕвонъ намъ, для нашіхъ собственныхъ словъ, весьма і надобенъ.

Впрочемъ, Латіняне іѕображаютъ на пісьмѣ греческое (*Ф*) чреѕъ своі (ph), а проіѕносятъ нынѣ точно сіе (ph), какъ свое (f); но (*Θ*) греческую іѕъявляютъ очамъ чреѕъ (th), а проіѕносятъ нынѣ какъ простое (t), что употребляютъ почітай всѣ европейскіі народы, кромѣ аглічанъ.

Наші малороссіане хотя чреѕъ букву (Ф) іѕображаютъ же ѕвонъ латінскія буквы (f), какъ і мы; но чреѕъ (Θ) латінскіхъ уже́ буквъ (ft), а не такъ, какъ мы одноя буквы (f). Однако, такое проіѕношеніе токмо малой Россіі есть особлівое, а не всей повсюду

Россіи обычее. Того ради, сей способъ произношенія есть токмо провінціальный, а не повсюдный: ібо произношеніе, которое есть всѣмъ глава і образецъ россійскімъ, тоесть, произношеніе великія Россіи, обѣ оные буквы, какъ я уже́ донесъ, произглашаетъ звономъ совершенно подобнымъ латінскоій буквѣ (f).

Чуж. Мнѣ кажется, что, врассужденіі буквъ (Ф) і (Θ), малороссійское произношеніе исправнѣе, нежелі ваше, для того что у ніхъ двѣ разные буквы, разный звонъ і означаютъ, а у васъ обѣ одінъ токмо; і потому, одна изъ ніхъ, которая нібудь, есть не надобная. Прямоль я рассуждаю, г. м.?

Рос. Вы прямо изволіте говоріть, что одна изъ ніхъ у насъ лішняя; но которая, о семъ донесу вамъ по́слѣ. Впрочемъ, малороссійское произношеніе буквы (Θ), какъ латінскіхъ (ft), не весьма толь есть исправное, коль вамъ кажется: ежелібъ оні произносілі ея какъ (tf), а не какъ (ft), то бы могло нѣсколько быть такое іхъ произношеніе исправное, а чего ради, то можете вы самі, изъ предлагаемаго мною, узнать по́слѣ. Теперь должно мнѣ продолжать то, что надобно, і что касается ешче до сея старыя нашея ортографіі.

Чуж. Я о семъ васъ пакі, і попремногу прошу.

Рос. Когда буква 34 (е), бываетъ одногласною съ 6 (е); о томъ уже́ я імѣлъ честь вамъ донесть (стр. 32). Теперь доношу, когда 33 (ѣ), бываетъ одногласною же съ 34 (е).

Всѣ начальныі, [1]) середніі, і послѣдніі слогі словъ, которыі изображаютъ у насъ звонъ латінскіхъ буквъ

---

[1] Кромѣ сло́ва ѣхать, і отъ сего происходящіхъ.

(іе) по нѣмецкому произношенію, такъ что бываютъ чістымі слогамі, тоесть, ні съ какімі другімі согласнымі буквамі не смѣшенныі, пішутся въ сей Ортографіі чрезъ (е); а всѣ равнымъ же образомъ начальныі, середніі, і послѣдніі слогі смѣшенныі съ согласнымі буквамі, означая съ німі звонъ растворенныій способомъ, пішемы обыкновенно бываютъ чрезъ (ѣ).

Первыій прімѣръ: *его*, *твоемъ*, *чаяніе*. Вторыій прімѣръ: *бѣдствію*, *повелѣваю*, *старость*. Сімъ образомъ, врассужденіі сіхъ буквъ, поступаетъ всегда сія орто-графія.

Чуж. І въ семъ, я нічего другаго не віжу, кромѣ ізбытка. Для чего бы вмѣсто (ѣ), не пісать вездѣ (е)? Ібо, хотя смѣшенныій, хотя чістыій будетъ слогъ, буква (е) вездѣ долженствуетъ означать одінъ пріродныій своій звонъ. А то сколько наблюденіі надобно і памяті, для ненужныя прітомъ прямо безділіцы! Простіте меня въ семъ, г. м.: ешче я промолвілся.

Рос. Надобная лі сія есть безділіца, і безділіца лі, о томъ я ешче не рассуждаю. Я токмо поступаю въ глубіну, чтобъ такъ сказать, сея ортографіі, говоря вамъ, что буквы 38 (ⱗ), і 40 (ѧ), такуюжъ точно ортографію здѣсь імѣютъ, какую буквы (и) і (у), о которыхъ уже́ я вамъ предложілъ (стр. 38). Тоесть; первая ізъ сіхъ (ⱗ), полагается токмо въ начальномъ слогѣ сло́ва, і съ самаго нача́ла; но вторая (ѧ) въ средніхъ [1]) токмо і послѣдніхъ. Прімѣръ для обѣіхъ: ⱗꙁыкъ.

[1] Слово ѧзыкъ, lingua, требуетъ сея буквы і въ начальномъ складѣ, для разности съ словомъ ⱗзыкъ, которое значітъ gentem.

Чуж. Что я понялъ о двухъ буквахъ (ѵ) і (у), тожъ рассуждаю і о сіхъ двухъ (ѷ) і (ѧ). Двумъ разнымъ фігурою, но одногласнымъ, буквамъ, надобны два разныя мѣста въ одномъ словѣ. Должно благодаріть вашімъ правопісанія сего полагателямъ, за всѣ одногласные буквы. Оні какъ нарочно ізъ ніхъ такую сдѣлалі ортографію, которая бы пріводіла намъ въ память самое главное естественное право, тѣмъ что ізъ одногласныхъ буквъ *каждая уступаетъ то подобной себѣ, что ея собственное*. Прошу не разріть, что толь важною вещчію пошутілъ прі семъ: я ужѐ не знаю какъ больше смѣяться, толь надъ достойнымъ смѣха мудрованіемъ.

Рос. Вы смѣйтесь, какъ хотіте; но я безъ шутокъ окончілъ ужѐ ту ортографію, которая касалась до ОДНОГЛАСНЫХЪ буквъ. Ежелі вы не скучілісь; то предложу вамъ ортографію СВЯЗНЫХЪ буквъ стараго нашего Алфавіта.

Чуж. Сіі лі, не помню, называются у васъ, ілі вы токмо называете связнымі, то есть, 25 (ѿ), 29 (щ), 41 (ѯ) і 42 (ѱ)?

Рос. Онѣ самые, г. м. Ізъ сіхъ первая (ѿ) пішется 1) въ сей ортографіі тогда, когда бываетъ одна, і значітъ сама собою предлогъ, полагаемый съ родітельнымъ падежемъ. Прімѣръ: ѿ *бога*. 2) Полагается она во всѣхъ сложныхъ глаголахъ сначала, какъ напрімѣръ: *ѿрыгаю, ѿвожу*. Сімъ образомъ употребляется она токмо, какъ теперь вамъ донесъ, въ сложныхъ глаголахъ, і глагольныхъ сложныхъ же именахъ. Но въ простыхъ глаголахъ, і въ простыхъ именахъ, пішется (от). Прімѣръ: *отверзаю, отрокъ*.

Впрочемъ, о буквѣ (щ), нічего нѣтъ особліваго къ наблюденію: полагается она всегда тамъ у насъ, гдѣ надобенъ есть звонъ буквъ (ш) і (ч); а у всѣхъ прочіхъ славянъ, кромѣ чеховъ і поляковъ, гдѣ произносятъ оні буквы (ш) і (т). Напрімѣръ по нашему: *общество* (*обшчество*), *общеніе* (*обшченіе*) прочіі славяне выговарівають *обштество*, [1]) *обштеніе*, пішучі также *общество*, *общеніе*.

Чтоже до буквъ (ѯ) і (Ѱ): онѣ понеже совершенно греческаго Алфавіта (хотя одна изъ ніхъ Паламе́дова, а другая Симо́нідова, токможъ не Кадмейскіѣ, [2]) і прітомъ, Аѳінянамъ долгое время спустя, по іхъ изобрѣтеніі, сталі быть вѣдомы, і у ніхъ въ употребленіі): того раді і употребляются у насъ токмо что въ греческіхъ нашему языку уже́ обыкновенныхъ, словахъ; а нашъ Алфавітъ і безъ ніхъ совершенно обойтісь можетъ.

Прімѣръ греческіхъ словъ, которыя у насъ въ употребленіі: *Αλεξανδρος*, Алеѯандръ; *ψαλμος*, Ѱаломъ. Сімъ образомъ і во всѣхъ греческіхъ словахъ, у насъ употребітельныхъ онѣ пішутся.

---

[1] Понеже буква (щ) связана изъ буквъ (ш) і (т): того раді сербяне, болгары, і прочіі всѣ славяне (ешче і молдавцы, называемыі у насъ волохамі, і употребляющіі славенскіе буквы) і выговарівають ея какъ (шт). Справедлівость славенскаго выговора, а нашего непра́вільность, самое связаніе буквы показываетъ ясно. Но непра́вільность нашу, весьма давно уже́ оправділо общчее і повсюдное у насъ употребленіе.

[2] Алстед. въ енціклоп. стр. 302. Монфок. палеогр. греч. кн. 2. стр. 117.

Чуж. І въ семъ употребленіи глубокаго таінства нѣтъ; а знать надобно вашімъ всѣ тѣ греческія слова, которыя могутъ быть у васъ употребляемы. Сіежъ для того токмо, чтобъ вѣдать, безъ всякаго пріобрѣтенія въ знаніи, когда надобно писать (ꙗ), ілі (ѱ).

Рос. Какъ можно статься сему інако. Но оставівъ сіи буквы гречествующімъ давно по славенскі, ілі лучше, славенствующімъ по греческі, надѣюсь, что вы памятуете то, что я вамъ доносілъ о значкахъ (ъ) і (ь). тоесть, что первый есть знáкомъ *существеннаго отолщенія*, а другой, славянамъ і намъ свойственнаго отонченія въ способѣ звона (стр. 10).

Чуж. Весьма помню, г. м.; і думаю, что безъ перваго вамъ обойтісь можно, а безъ другаго ні по какой мѣрѣ.

Рос. Не спóрю, можно намъ пробыть безъ перваго отолщчающчаго знака: но чего раді я не желаю ему быть выключену, о томъ объявлю вамъ, какъ дойду до того. Теперь доношу, что сіи оба значка въ сей ортографіі почітаются за буквы, і называются дікімъ і фунтовымъ, чтобъ такъ сказать, іменемъ, *пріпряжногласные*, будучі однако не буквы, но токмо *страсті*, ілі *ізмѣненія* буквъ, а особліво вторый значокъ.

Впрочемъ, какъ первый знакъ отолщчаетъ, а вторый отончаваетъ, растворенный способомъ звонъ, тоесть, согласные буквы; того глазамъ нікакъ показать не можно: однімъ токмо слухомъ сіе понімается. Того раді, прошу, прілѣжно слушать, какъ я выговарівію слѣдующія слова; *былъ*, [1] *быль* [2].

---

[1] Fui. [2] Verum factum, verus enctus.

Іѕволілі уже́ выслушать, какъ я первымъ отолшчалъ, а другімъ отончавалъ слова́ іѕъ тѣхъже самыхъ буквъ состояшчія, но по отолшченію, і по отонченію, раѕную вешчь ѕнаменуюшчія: ібо первое слово есть сушчествітельный глаголъ прошедшаго времені, муже́скаго рода, едінственнаго чісла́, всѣхъ трехъ ліцъ, а наклоненія іѕъявітельнаго; но второе, імя сушчествітельное, женскаго рода, третіяго склоненія, чісла́ едінственнагожъ, іменітельнаго падежа.

Чуж. Слухъ мой раѕность сію весьма чувствітельно понімаетъ; но яѕыкъ, не весьма тшчавшійся о вашемъ чістомъ выговорѣ, нікакъ не можетъ преодолѣть сея трудності, что касается до отонченія.

Рос. Мнѣ удівітельно, что вы не можете, давно у насъ пребывая, выговоріть чісто нашіхъ отонченныхъ словъ вторымъ ѕна́комъ: ібо я ѕнаю многіхъ іѕъ вашегожъ народа, которыі такъ сіе хорошо выговаріваютъ, что невоѕможно іхъ прінять ѕа чужестранныхъ.

Чуж. Можетъ быть, оні ѕдѣсь въ Россіі роділісь: посему, імъ сей выговоръ не можетъ не быть пріродный. Но по моему, я какъ очень хвалю, что нѣкотораго состоянія люді особліво тшчатся худо чітать і пісать; такъ очень негодую, что наша братья стараются чісто выговарівать. Одні не хотятъ потерять своего преімушчества; і другімъ бы намъ не надлежаложъ терять своего імені, ілі уже́ пріводіть въ сомнѣніе чістымъ проіѕношеніемъ.

Рос. Думайте, какъ вамъ угодно; я нічего о семъ не рассуждаю, для того что мнѣ до того нѣтъ дѣла.

Я долженъ вамъ теперь объявіть нѣкоторое наблюденіе о 10 сего Алфавіта буквѣ, тоесть, о (и). Ортографію ея предложилъ ужé я вамъ, (стр. 35). Здѣсь объявляю вамъ токмо о сокрашченіи, которое она пріемлетъ иногда въ складахъ.

Сіе дѣлается для того, что во многіхъ у насъ словахъ, не целый долженствуетъ быть (протяженіемъ времені, ілі его продолженіемъ) звонъ, но нѣкоторымъ образомъ половінный. Чтожъ бы такой половіннаго времені звонъ означіть гдѣ надобно; то древнімъ нашімъ заблаго разсуділось, означать сверьху букву (и), которая есть совершенно одногласная съ буквою (і), сімъ слѣдующімъ значкомъ (˘), такімъ образомъ: (й). Отчего буква сія, въ старой сей орографіі, но съ своíмъ значкомъ, называется обыкновенно, *іже краткое*. Но какія раді прічіны, сімъ сократітельнымъ значкомъ не угодно разсуділось означать встаріну сперва буквы (і); того совершенно знать не могу. По моему, пристоíннѣе бы было такъ сокрашчать букву (і), нежелі (и). Съ другой стороны, все равно, хоть та, хоть другая означается: звонъ обѣ одінъ значатъ. Довольно знать, что такъ древнімъ нашімъ захотѣлось; а безъ сокрашченія сего намъ нікакъ обоíтісь невозможно, которому даю теперь здѣсь прімѣръ.

Прімѣръ сокрашченныя буквы (и): [1]) *моíй*, *твоíй*, *своíй*. Ежелібъ она въ сіхъ словахъ, і въ премногіхъ другіхъ, не сокрашчалась онымъ своíмъ значкомъ; то бы надлежало сіі слова выговарівать цельнымъ

[1] Meus, tuus, suus.

временемъ такъ: [1]) *мои*, *твои*, *свои*; а выговоръ сей дѣлаетъ великую разность въ знаменованіи словъ.

Вы изволілі слышать, какъ я сію букву цѣлымъ произносілъ временемъ, і какъ сокрашченнымъ. Глазамъ сего выговора нельзя представіть: слухъ токмо имѣетъ право одінъ сіе чувствовать.

Чуж. По прічінѣ сего верьховаго сократітельнаго значка, желаю отъ васъ слышать также обстоятельно, какъ і о буквахъ ужé слышалъ, і о всѣхъ вашіхъ другіхъ знакахъ, какіі употребляются въ старой вашей печаті надъ буквамі: ібо я примѣтілъ, что іхъ много разныхъ; а изъ ніхъ есть і такіі, для которыхъ невозможно способно чітать старыя вашея печаті. Сіі і у меня отнялі охоту хорошенько ей научіться. Прошу, благоволіте мнѣ вытолковать сіе таінство, которое толь діко намъ чужестраннымъ.

Рос. Віжу, что вы изволіте говоріть о нашіхъ такъ называемыхъ *тітлахъ*, і *словотітлахъ*. Подлінно, г. м.; сіхъ употребленіе не токмо есть трудно для васъ чужестранныхъ, но для многіхъ і изъ нашіхъ, которыі на мѣдныя, какъ говорітся, деньгі учілісь граматѣ.

Чтожъ до отроковъ, начінаюшчіхъ учіться словесному; то какъ нѣтъ нічего трудняе для ніхъ во всей Азбукѣ, такъ і нѣтъ скучняе въ ней толкованія о сіхъ тітлахъ і словотітлахъ для саміхъ учітелей: ібо я ужé вамъ жаловался на наше нещчастіе, что многіі, изъ нашіхъ словеснаго учітелей, бываютъ самі не весьма іскусныі люді.

Впрочемъ, не однѣ сіі тітлы і словотітлы ставятся

[1] Mei, tui, sui.

у насъ надъ буквами: есть значки, которыі называются *апострофями*; есть ещче і палочки, которые *сілою*, тоесть, *просодіею*, ілі *удареніемъ* именуются. Я вамъ употребленіе іхъ всѣхъ предложу теперь порядочно, начіная сперва съ апострофі.

Чуж. Сімъ, вы меня чувствітельно обязать изволіте. А я, хотя і неперейму іхъ употребленія; однако, по вашеі пріязні, знать буду, въ чемъ состоітъ сіла дѣла.

Рос. Въ сеі староі нашеі ортографіі надъ всѣмі буквами какъ гласнымі, такъ і двугласнымі, когда онѣ находятся сначала слога въ словѣ, а сіе хотя чістымъ образомъ, хотя смѣшеннымъ съ согласнымі, стоящімі отъ правыя рукі, ставится слѣдующчій значокъ (᾽), а называется *апостроф*ъ, ілі также по греческі *ψιλὴ*, тоесть *тонкая*, сімъ образомъ: *а᾽дамъ, е᾽ва, і᾽рина, о᾽бразъ, оу᾽тѣшітель, я᾽блоко, і᾽овініанъ, ю᾽гъ.*

Чуж. Сіе точно такъ бываетъ у грековъ, у которыхъ не одна *тонкая* ставится но ещче і *густая*, называемая по іхъ *δασεῖα* которыя фігура на оборотъ пішется отъ тонкія.

Рос. Я уже́ далъ вамъ знать, что вся сія наша ортографія есть не наша, но греческая. І мнѣ удівітельно, какъ наші мудрецы, нашедъ мѣсто надъ буквами *тонкой*, не нашлі также і *густой* оной.

Но что касается до палочекъ нашіхъ; понеже по сво́йству нашего языка, въ каждомъ словѣ одінъ токмо слогъ, іногда послѣдній, іногда предпослѣдній, іногда і пятый і шестый отъ правыя рукі, долженствуетъ выговоріться выше нѣсколько всѣхъ прочіхъ складовъ въ словѣ: того ради, сія ортографія означаетъ такое возвышеніе го́лоса, поставівші просодію,

ілі, по нашему, *сілу* і *ударенїе* надъ возвышаемымъ складомъ.

Сіяжъ просодія есть нечто іное, какъ самая коротінькая палочка, проведенная вкось съ верьху въ нізъ. І понеже палочка сія проводітся ілі отъ правыя къ лѣвой рукѣ, ілі отъ лѣвыя рукі къ правой сімъ образомъ (ˊ) (ˋ): того ради, просодія сія і імѣетъ у насъ два імені, первая называется по греческі *ὀξεῖα, острая*, а другая *βαρεῖα, тяшкая*.

Чуж. Я прошу васъ, объявіть мнѣ і мѣстá сіхъ обѣ іхъ просодій надъ складамі, для того что вы мнѣ только ізволілі показать іхъ фігуру, і сказать імена. Но я догадываюсь, что конечно і сіи палочкі, употребляются у васъ греческімъ же способомъ.

Рос. Такъ точно, г. м.: ібо острая просодія ставітся надъ начальнымі і середнімі слогамі, а тяшкая токмо что надъ послѣднімі, напрімѣръ: *а҆̀нгелъ, богоро́дїца, божествò*.

Я вамъ ужé донесъ, что сія ортографія ставітъ надъ всѣмі какъ гласнымі, такъ і двугласнымі буквамі, надъ начальнымъ складомъ въ словѣ, апострофъ, ілі тонкую: но теперь объявілъ, что острая сіла полагается надъ начальнымі і середнімі слогамі.

Посему, когда апострофъ, і острая сіла надъ начальнымъ слогомъ совокупляются сімъ образомъ, *а҆̀нгелъ*; то ужé апострофъ, ілі тонкая, также і острая сіла, теряютъ свої імена, да однімъ обѣ греческімъ же іменемъ называются *ἴσος*, і *ὁμαλος*, тоесть, *равною*, і *уравняемою*.

Чуж. Все лі ужé, г. м., тутъ, что касается до тонкія і до палочекъ?

Рос. Что до тонкія; то больше нѣтъ нічего. Но палочкі ешче імѣютъ третій значокъ. Ібо нѣкто Літвінъ, жівшій въ прошедшемъ вѣкѣ, состояніемъ монахъ, а іменемъ Мелетій Смотріцкій, также і послѣдующчій ему во всемъ нашъ великороссіанінъ, бывшій Директоръ на московскомъ печатномъ дворѣ, ужé тому съ дватцать съ пять лѣтъ, іменемъ Федоръ Полікарповъ, предалі намъ въ своіхъ Грамматікахъ ешче третію просодію, і назвалі ея съ греческаго *περισπωμένη*, тоесть, *облеченною*, которыя есть слѣдующчая фігура: (ᾶ).

Но понеже должность нашіхъ сілъ состоітъ токмо въ томъ, чтобъ объявлять возвышаемый складъ въ словѣ, а не въ томъ, чтобъ означать долготу і краткость совокупно слога, состоящчую во времені, тоесть, въ протяженіі і въ сокрашченіі: того раді, облеченная просодія нікакія не імѣетъ должності въ возвышеніі складовъ, для того что острая і тяшкая все сіе отправляютъ.

Ітакъ, наложілі оні такую должность на *облеченную* свою, чтобъ сіе іхъ полкружійце, ударяя на слогъ вмѣсто острыя і тяшкія, объявляло, что выключенъ есть целый складъ *изъ* конца ілі изъ средины склада чрезъ *успченіе*, ілі *стісненіе*. Сіе усѣченіе, ілі стісненіе бываетъ наібольше въ родітельныхъ і творітельныхъ падежахъ, множественнаго чіслá. Напримѣръ, целый падежъ есть родітельный множественный: *человѣкωвъ*, усѣкается сімъ образомъ: *человѣкъ*; і целый же множественный творітельный *человѣками*, стісняется такъ: *человѣки*. Употребляется і ешче об-

[1] *Ἀποκοπὴ συγκοπὴ.*

леченная, вмѣсто острыя і тяшкія надъ складамі, въ тѣхъ множественнаго чіслá словахъ, которыя точно ізъ одніхъ буквъ состоятъ съ единственнымі, і тожъ самое съ німі удареніе імѣютъ.

Посему, чтобъ означіть усѣченіе оное і стісненіе, въ первомъ усѣченномъ падежѣ надъ самымъ послѣднімъ, а во второмъ стіснутомъ надъ предпослѣднімъ слогомъ, должно по іхъ облеченную поставіть сімъ образомъ: *человѣкъ*, *человѣки;* сіежъ для того, дабы первый усѣченный родітельный множественный, отлічіть отъ целаго іменітельнаго множественнагожъ. Но во второмъ случае, напрімѣръ сіе слово творітельнаго единственнаго чіслá *славнымъ*, долженствуетъ означіться, по сей ортографіі, острою; а тожъ слово *славнымъ*, когда оно значітъ дательный множественный, должно уже́ означіть облеченною такъ, *славнымъ*. Сіе равнымъ же образомъ дѣлается для разлічія множественнаго чіслá падежей отъ единственныхъ; а іногда і для родовъ, какъ напрімѣръ, *славная жена*, *славная дѣла*.

Чуж. Подлінно, ето уже́ для меня очень мудрено, і такъ, что едва я понімаю.

Рос. Ето ешче токмо тѣнь мудрості: благоволіте терпѣлівно послушать о томъ, что не допустіло васъ хорошенько научіться чітать старыя нашея печаті, то есть о тітлахъ, і о словотітлахъ, о которыхъ теперь, по порятку нашего разговора, долженъ я вамъ предложіть.

Чуж. О! ізвольте, ізвольте; прошу вытолковать мнѣ сілу, въ какой состоятъ сіи моі непріятелі, дабы, по-

знавъ іхъ слабость і твердость, могъ я на ніхъ нападать смѣляе.

Рос. Знать, что онѣ вамъ очень досаділи, і такъ, что вы іхъ себѣ за вѣдомыхъ почітаете непріятелей. Но прошу слушать, понеже вамъ угодно слышать объ ніхъ.

Ортографія сія почітаетъ іхъ не токмо за знакі просто сократітельныі въ пісаніі словъ, но і твердо содержітъ, что отъ ніхъ прідается особлівое і знатное почтеніе вещчамъ, которые ізображаются словамі.

Сія есть прічіна, что употребляются оні надъ такімі токмо словамі, которыя означаютъ вещчі достойные нашего благоговѣнія; ілі которые самі чресъ себя чесные, какъ напрімѣръ: *Богъ*, *Богородица*, *Господь*, *государь*, *царь*, *Евангеліе*, і прочія подобныя і премногія.

Чуж. Пускай думаютъ, какъ хотятъ, толь о велікой сілѣ отъ ніхъ прідаемой вещчамъ: мнѣ желается знать не о мнімой, но о прямой іхъ сілѣ.

Рос. Прямая іхъ сіла состоітъ въ томъ, что онѣ ставятся надъ первымі складамі въ словѣ, но надъ такімі, въ которыхъ гласные буквы слѣдуютъ за согласнымі, также і надъ всѣмі середнімі складамі, въ которыхъ гласные буквы какъ прежде находятся согласныхъ, такъ і слѣдуютъ за німі; ставятсяжъ онѣ такъ, что всѣ гласные буквы выкідываются ізъ сло́ва, а оставляются въ немъ однѣ токмо согласные.

Сіхъ тітлъ і словотітлъ чісломъ въ сей ортографіі 5, ізъ которыхъ первая, свойственно *тітлою* [1]) называемая, есть сія (ˊ) вторая сія (ˆ), которую можно назвать *глаголь-тітлою*; третія сія (ˇ), а імя ей пус-

[1] *Ζίγλα.*

кай будетъ *добро-тітла*; четвертая сія (҃) которая свойственножъ і давно наѕывается *слово-тітлою;* пятая сія (҃), которой я теперь для отмѣны отъ прочіхъ даю імя *онъ-тітлою.*

Всѣ сіі сокрашченія ѕнакі не такъ ставятся надъ складамі въ словѣ, что которой бы хотѣть, тотъ і поставіть, но каждый іѕъ ніхъ, прілічный себѣ складъ особліваго составленія імѣетъ: ібо первый сократітельный ѕнакъ ставітся надъ такімі словамі, у которыхъ въ средніхъ складахъ нѣтъ такъ наѕываемыхъ характерістіческіхъ (*ѕнаменательныхъ*) буквъ г, д, с, і не слѣдуетъ буква о, ѕа буквою р. Напрімѣръ: *нбо, црь, члвкъ, свтъ, мчнкъ.* Сіі всѣ слова́ сполна слѣдуюшчімъ обраѕомъ долженствовалі быть напісаны: *не́бо, царь, человѣ́къ, святъ, мѹ́ченикъ,* въ которыхъ нѣтъ буквъ ні г, ні д, ні с, і также въ ніхъ не слѣдуетъ буква о, ѕа буквою р.

Вторый сократітельный ѕнакъ ставітся надъ такімі словамі, у которыхъ въ середніхъ слогахъ находітся буква г, напрімѣръ: *Єѵ҃ліе, Єѵ҃лістъ,* которыя вполнѣ долженствовалі быть такъ: *Єѵа́нгеліе, Єѵангелі́стъ.*

Третій сокрашченія ѕнакъ ставітся надъ словамі, у которыхъ въ середніхъ слогахъ прілучается буква д. Напрімѣръ. *Бца, првнъ, мръ,* а цельнымъ бы способомъ такъ сімъ надлежало быть: *Богоро́дица, пра́веденъ, мудръ.*

Четвертый ставітся надъ словамі, гдѣ въ середніхъ слогахъ находітся характерістіческая буква с, напрі-

мѣръ: *а҆пⷭ҇тлъ, крⷭ҇тль, прⷭ҇тлъ*, которыя слова́ цело такъ должно пісать: *а҆по́столъ, крести́тель, престо́лъ.*

Пятый ѕнакъ ставітся тогда, когда въ слогахъ слѣдуетъ буква о, ѕа буквою р, напрімѣръ: *прⷪ҇ркъ, трⷪ҇ца*, для того что полныі сіхъ словъ склады сіі: *прорѡ̀къ, тро́йца.*

Прі всемъ томъ слѣдуюшчее должно ѕнать, а іменно, въ которыхъ словахъ находятся совокупно буквы, ілі г съ д; ілі д съ с; ілі с съ г; ілі і всѣ трі вмѣстѣ; то въ такомъ случае тотъ сократітельный ѕнакъ полагается на верьху, которая буква сродная ему выключітся іѕъ складу.

Въ прімѣръ для г, съ д, пускай будетъ полное слово сіе *благодать.* Іѕъ сего, ежелі вынется г, то надобно его сократітельно напісать такъ: *блⷢ҇дть.* Но буде выкінется д, то сімъ обраѕомъ: *блⷣгть.*

Въ прімѣръ для д, съ с, пріемлю я слово сіе *мѹдрость*, іѕъ котораго еслі выключітся д, то пісать сократітельно такъ: *мⷣрсть*; но буде с, то такъ: *мⷣдрⷭ҇ть.*

Въ прімѣръ для с съ г, беру я реченіе цельное *благость*, іѕъ котораго выключівъ с, напісать его сократітельно должно такъ: *блⷭ҇гть*; а выключівъ г, такъ: *блⷢ҇сть.*

Теперь слѣдуетъ прімѣръ на всѣ сіі трі буквы. Сімъ да будетъ мнѣ полное слово *благосе́рдный.* Іѕвольтежъ выкінуть іѕъ него сперва г; то напішіте такъ: *блⷢ҇срдный.* Ежеліжъ угодно вамъ, ілі другому пісателю, вынять іѕъ него с, то такъ: *благⷭ҇рдный*; но напо-

Д

слѣдокъ выключівъ д, такъ: *благсрный*. Должно ешче прі семъ рассуждать, которую букву характерістіческую лушче будетъ выключать.

Но впрочемъ ізъ всѣхъ сіхъ пяті сократітельныхъ знаковъ, наібольше употребляются 2, а именно (⌐), і слово-тітла (⌒), отчего і імена іхъ всѣмъ у насъ вѣдомы, а прочімъ тремъ, я теперь прі васъ, для сходства наложілъ. Первая, тоєсть, тітла, ставітся надъ всѣмі тѣмі, словамі, въ которыхъ нѣтъ буквы с; а вторая надъ тѣмі, ізъ которыхъ выключается буква с.

Наконецъ можно всѣ прочіі 4 знака оставіть, а употреблять токмо одінъ первый вездѣ, тоєсть тітлу: ібо праведно напішется *крстль*, *апстлъ*, *прстлъ* съ тітламі, хотя і не выключітся ізъ ніхъ буква с. [1]) Слѣдовательно, въ сей ортографіі, по прямому, долженствовалъ быть токмо одінъ знакъ сократітельный.

Чуж. Уфъ! въ потъ меня кінуло слушаючі. Впрочемъ, доношу вамъ съ горестію, мнѣ нікогда невыучіться хорошенько чітать старыя вашея печаті. Сіі тітлы, словотітлы, і ешче не помню какія дікія імена, мнѣ теперь страшняе всякаго медвѣдя кажутся, і для того, гдѣ ні попадутся мнѣ сіі звѣрі, я іхъ вездѣ обѣгать буду.

Подлінно, г. м.; можно сказать, что тітлы ваші ус-

[1] Ясно, что всѣ наші тітлы могутъ пріведены быть подъ одну токмо, і толь наіпаче, что і грекі, когда началі пісать сократітельно слова́ для скорості імѣлі токмо одну фігуру тітлъ, а именно, протянутую поперегъ надъ словомъ палочку.

ловаты. Я іхъ далеко не столько почіталъ трудными прежде; но теперь пускай въ ніхъ упражняются тѣ, которымъ онѣ нравны: я лучше іхъ знать не буду, нежелі столько надъ німі голову мнѣ ломать напрасно.

Рос. Не ізволіте лі ешче забавіться, і посмотрѣть комѣтокъ нашіхъ, которые бываютъ у насъ ізъ буквъ?

Чуж. Что то за комѣткі? імя сіе очень худый прізнакъ імѣетъ?

Рос. Не пужайтесь, г. м.: ето не такіе кометы, отъ которыхъ, какъ отъ грому, тшчетный многіі, і едва не всѣ, імѣютъ страхъ. Наші кометы, хотя также съ хвостамі; однако нічемъ не угрожаютъ, і не свѣтятся, развѣ черніла будутъ очень камѣдны.

Чуж. Інъ ужѣ продолжайте, г. м., наполнять мою голову всѣмъ тѣмъ. что вамъ кажется надобнымъ, къ понятію мнѣ старыя вашея ортографіі. Но не то лі вы назвалі комѣтамі, что я відалъ у васъ нѣкоторыя буквы съ решоточкамі, ілі съ нѣкоторымі хвостікамі?

Рос. То самое, г. м., шутя. Сіі буквы въ сей нашей ортографіі чіслітельныя; а хвостікі, ілі решоточкі, прідаются тѣмъ токмо буквамъ, которые значатъ тысячі. Вотъ онѣ і всѣ; ізвольте смотрѣть, начіная отъ едініцы, которые на сей бумашкѣ такъ точно поставлены, какъ онѣ обыкновенно пішутся.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А	В	Г	Д	Е	S	З	И	Ѳ	І
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
АІ	ВІ	ГІ	ДІ	ЕІ	SІ	ЗІ	ИІ	ѲІ	К

30	40	50	60	70	80	90	100	200
Л	М	Н	Ѯ	О	П	Ч	Р	С
300	400	500	600	700	800	900	1000	
Т	У	Ф	Х	Ѱ	Ѡ	Ц	Ꙗ	
2000	3000	4000	5000	6000	7000	8000		
≠В	≠Г	≠Д	≠Е	≠S	≠З	≠И		
					9000	10000		
					≠Ѳ	≠І		

Сімъ образомъ продолжается сіе чіслo до 900000.

Чуж. Сіи самые буквы для чіселъ также употребляются і у Грековъ.

Рос. Однако есть нѣкоторая разность у грековъ въ томъ съ намі; сверьхъ того, оні і десяткі ставятъ полѣвую, а не поправую руку.

Чуж. Ето правда; но не въ томъ больше находітся разності: сія бы не велікія была важности. Однако надобно і ея знать.

Рос. Греческіе чіслітельные буквы, знать полезно чітающічімъ іхъ старінныхъ пісателей; но знать наші, нѣтъ большія нужды, хотя і есть нѣкоторая, касающчаяся также до старінныхъ нашіхъ временъ, а нынѣ до церковныя печаті. Впрочемъ, знать чтобы ні-было добраго, не худо.

Теперь я вамъ імѣю предлагать о такъ называемыхъ у насъ *строчныхъ препінаніяхъ*, которые у васъ съ латінскаго называются інтерпу́нкціамі.

Чуж. Ізрядно, г. м.; я намѣренъ слушать васъ до самаго конца.

Рос. Строчныхъ препінаній, которыя употребляются въ сей ортографіи, на раздѣлѣніе і различіе членовъ і мыслей въ полной рѣчі, равно какъ і на отдохновеніе, і на указаніе сочіненія і чіна грамматическаго, імена і фігура слѣдующая, ізвольте смотрѣть. 1) есть запятая (,); 2) двоеточіе (:); 3) точка (.); 4) вопросительная (;); 5) удівітельная (!); 6) вмѣстітельная ([]); 7) отложітельная ( ).

Чуж. Препінанія строчныя, въ сей ортографіі, одні съ нашімі, кромѣ токмо того, что которое здѣсь есть знáкомъ вопросітельнымъ, то у насъ есть знáкомъ получленнымъ; [1]) а вопросітельная у насъ, какъ і въ новой вашей гражданской печаті, есть пунктікъ съ запятою, ілі съ крючкомъ наверьху. Впрочемъ, хотя і мы имѣемъ также двѣ фігуры вмѣстітельныхъ; однако одно у ніхъ імя, съ греческаго языка *parentesicъ*. [2])

Рос. Я довольно о семъ знаю. Однако въ препінаніяхъ строчныхъ здѣсь съ вашімі, почітай нѣтъ нікакія разности, а которая і находітся самая малая, только-жъ она і неважная, і въ употребленіи не долженствуетъ быть чувствітельная, для того что сімъ і другімъ способомъ равно получается то, для чего опредѣлены строчныя препінанія. Но что слѣдуетъ за німі, то нѣсколько лучшаго прімѣчанія достойно.

Чуж. Я понімаю препінанія строчныя нѣкоторымі бутто перегородочкамі, которые пріщедшіхъ

---

[1] Semi-colon.

[2] *Παρένθεσις*.

къ німъ останавліваютъ. Но вы не намѣреныль теперь сіи ѕаборцы, ілі і плотіночкі срыть совсѣмъ, і ѕдѣлать такъ, какъ въ самыя древнія времена бывало у многіхъ пісывано безъ ніхъ, і нынѣ ешче нѣгдѣ у васъ? Сіе бы нанесло велікую темноту вашімъ сочіненіямъ.

Рос. Нѣтъ, нѣтъ, г. м.: я не токмо строчныхъ препінаній не помыслілъ бы нікогда выводіть, но ешче прідалъ бы імъ, ежелі бы можно, нѣкоторый самый тоненькій і голосокъ, чтобъ оні сільняе моглі останавліват тѣмъ слабінькімъ своімъ крікомъ, какъ нѣкоторыі у рогатокъ, въ темный вечеръ, громкімъ не вначай караульныі. Я іхъ употребленію цены не ставлю. Чтожъ нѣкоторыі у насъ іхъ не употребляютъ і нынѣ; то для того, что оні не знаютъ, гдѣ іхъ ставіть, і оніжъ прітомъ, по большой часті, такіі пісателі, которыі кріво впрягаютъ, да прямо ездутъ по бітой дорогѣ ошчупомъ. Но я долженъ вамъ предлагать о другомъ, а не о семъ.

Чуж. Благоволітежъ, г. м.; слушаю.

Рос. Ізвѣсно вамъ, что есть слова первобразныя,[1]) і отъ ніхъ проізводныя. [2]) Въ сіхъ послѣдніхъ, чтобъ храніть тѣжъ самые характерістическіе (*знаменательные*) буквы, которые находілісь въ средніхъ складахъ, і въ другіхъ прочіхъ іногда у первобразныхъ, пісателі по сей ортографіі весьма тшчатся о семъ, і думаютъ, что оні погрѣшатъ, ежелі гдѣ, по случаю, сего не учінятъ.

---

[1] Primitiua. [2] Deriuatiua.

Однако вездѣ і обшче безъ всякаго выключенія, наблюдать сего не могутъ, для того что прірода нашего ясыка къ тому іхъ не допускаетъ: толкожъ по большой часті проіsводныя слова тѣміжъ характерістическімі буквамі оні составляютъ, хотя весьма часто сіе бываетъ противъ органіческаго нашего обшчаго проіsношенія.

І понеже слово сіе *сладость*, імѣетъ характерістическую букву въ срединѣ (д); то і въ словѣ *сладкій*, которое проісходітъ отъ перваго, ставятъ оні тужъ букву (д), хотя обшчее органіческое наше проіsношеніе требуетъ буквы (т) въ проіsводномъ такъ: *слаткій*. Употребленіе сіе распространяется до весьма премногіхъ словъ.

Но прітомъ, не меньшежъ і тѣхъ словъ, въ которыхъ сего точно наблюдать нельзя: ібо напрімѣръ отъ глагола *пішу*, въ которомъ словѣ характерістическая буква есть (ш), не можетъ проіsойті у насъ глагольное імя съ тоюже характерістическою буквою такъ: *пишаніе*, но перемѣняется (ш) въ (с), *писаніе*.

Чуж. Сіе весьма достойно есть прімѣчанія.

Рос. І слѣдующее не меньше, лішъ бы ешче і не больше, наблюдаемо быть долженствуетъ. Вы, уповаю, прімѣтілі, что мы імѣемъ два рода прілагательныхъ іменъ.

Первый *целыхъ*, а другій *усѣченныхъ*, напрімѣръ целыя: *добрый, добрая, доброе;* а усѣченныя: *добръ, добра, добро.*

Сіе мое предложеніе вамъ, касается токмо до первыхъ, і то ешче до множественнаго іхъ одного числа.

Ібо въ сей ортографіи, оныхъ целыхъ именъ всѣ трі рода разлічаются во множественномъ числѣ такъ, что мужескій родъ имѣетъ окончательную букву (и), женскій (я), і средній тужъ самую (я), слѣдующімъ образомъ: *добріи, добрыя, добрая.*

Такъ употребляется точно въ церковномъ языкѣ: но гражданскій нашъ інако, о чемъ по́слѣ

Чуж. Разлічія сего въ старой вашей печаті я не примѣтілъ, для того что я почітай нікогда ея не чітаю для оныхъ вашіхъ мудреныхъ въ ней тітлъ, і словотітлъ.

Но въ гражданской печаті я усмотрѣлъ, что сіи окончанія вездѣ у васъ во множественномъ числѣ непостоянныя, такъ что індѣ чітаешь мужескій родъ оконченный на (е), індѣ на сіежъ (е) женскій, іногда женскій на (я), а іногда мужескій на (я). Я не знаю, какъ къ сему примѣніться, хотя і давно желаю знать въ семъ силу. Вашімъ писателямъ знать что сіе все равно.

Рос. Нѣтъ г. м., не все равно: мыслію і оні разлічаютъ сіи роды. Но понеже окончательныя буквы (и) (я) (е), бываютъ всегда, въ сіхъ множественнаго числа́ іменахъ, по́слѣ буквы (і) въ старой печаті какъ въ іме́нныхъ, такъ і въ прічасныхъ іменахъ, въ мужескомъ токмо родѣ, а въ гражданской въ іме́нныхъ по́слѣ (ы), но въ прічасныхъ по́слѣ (і) во всѣхъ трехъ родахъ; то общчій нашъ органъ, говоря скоро, не довольную разность подаетъ слуху между буквамі (і) (е) (я), і почітай прінімаетъ, съедая концы, всѣ трі за одну, отъ чего і въ пісьмо сіе вошло. Сего гла-

самъ представіть не возможно: острый токмо слухъ і тонкій, опытъ сему учініть можетъ.

Сія есть прічіна оному безразборному въ цслыхъ іменахъ гражданскаго языка окончанію. Ктомужъ, помоглі утвердіться сей неісправності пісцы, которыі прежде сего обрасцовымі сочіненіямі у насъ владѣлі; а пользуясь сею славою въ пісаніі дѣлъ, удалялісь сколько возможно, хотя і не нарошно, отъ ісправности языка. Іпонеже оні не знали, что мужескій, женскій і средній родъ въ окончаніяхъ языка, также і чемъ сіі роды между собою, по пріродѣ языкажъ, разньствуютъ, ввелі какъ іное многое противъ правости языка, такъ і сіхъ безразборныхъ окончаній, почітай нечувствітельное не знающчему, смѣшеніе.

Однако, нынѣ пішутъ і печатаютъ, съ 1733 года, сіі цслыя прілагательныя імена во множественномъ чіслѣ опредѣленно, а іменно, буква (е) оканчиваетъ тамъ мужескій родъ, а буква (я), какъ женскій, такъ і средній.

Чтожъ до буквы (и), тоесть (і); сія совершенно изъ сіхъ окончаній нынѣ выключена, і къ нимъ больше ужé, въ гражданской отъ нѣкоторыхъ печаті, упрямо не допускается, даромъ что въ церьковной должность она свою непремѣнно і справедліво отправляетъ. Но о семъ новомъ постоянномъ опредѣленіі рассмотрімъ послѣ, справедлівое лі оно, ілі нѣтъ.

Чуж. Ужъ лі все, г. м., что касается до старыя вашея ортографіі?

Рос. Відно, что уже́ вамъ скушно стало слушать толь не веселую матерію. Но ізвольте, прошу, дождаться конца: я імѣю только уже́ предложіть вамъ одно, что самымъ первѣйшимъ, і главнѣйшимъ основаніемъ есть въ сей Ортографіі, і такъ, что на немъ одномъ вся она утверждена.

Чуж. Ого! сего не слушать не возможно: ібо узнавъ основаніе ея, могу способнѣе въ памяті содержать, і разбірать все ея употребленіе. Сіе самое есть, что мнѣ больше всего і надобно.

Рос. Главнѣйшаго того устава въ ней сіе есть опредѣленіе: [1]) наблюдать крайнімъ образомъ, пішучі буквамі, въ греческіхъ словахъ греческую ортографію, въ латінскіхъ латінскую, а въ еврейскіхъ еврейскую, подъ ліщеніемъ славы въ іскусствѣ, і чести, которою величаются іспрaвныі грамматісты.

Чуж. Я нічего не разумѣю, куда клоніться сей уставъ. Думаю однако, что онъ не можетъ не быть справедлівыій.

Рос. По́слѣ, г. м., ізволіте увідѣть твердость сея заповѣді, когда я о ней імѣю рассуждать. Теперь

---

[1]) Смотрі грамматіку Мелетія Смотріцкаго, печатанную въ Москвѣ въ четверть ліста 1651 года; также грамматіку Федора Полікарпова въ осмую долю ліста, печатанную въ Москвѣжъ 1721 года; і ешче грамматіку Федора Максімова Іподіакона, въ осмушкужъ, которая нэпечатана прі С. П. бургѣ въ Троіцкомъ, Александро-Невскомъ монастырѣ.

токмо поздравляю васъ оконченною сею ортографіею; думаю, что уже́ вамъ она наскучіла.

Чуж. Не весьма такъ много, чтобъ прітомъ больше не хотѣлъ я о неи слышать: ібо коль она вся ні чужая; однако нѣкоторыя основанія имѣетъ, і можетъ за себя чрезъ нѣсколько времені стоять. Мнѣ весьма желается знать, какімъ образомъ вы ея опровергнуть, ілі уже́ доказать нѣсколько неправость ея можете.

Рос. Какъ бы кто ні хотѣлъ ея упрямо защіщать; однако одною токмо что старіною можетъ ея оборонять нѣсколько. Но, г. м., не все то справедлівое, что старое. а я, іному старінному токмо удівляюсь, ілі токмо ешче почітаю за старое, но предпочітаю новое. По істіннѣ, какъ не [1]) все старінѣ надлежітъ отдавать, такъ не всежъ отнімать должно і у нынѣшніхъ временъ: явная несправедлівость такъ думать, что уже́ нынѣ, противъ старіны, нічего лучшаго быть не можетъ.

Но і старіна сея ортографіі, не Аредовыхъ, какъ говорітся, вѣковъ: много много, что еи у насъ со́ сто съ восемдесятъ съ небольшімъ, лѣтъ, разумѣя токмо отъ нача́ла нашея печаті, [2]) а не отъ нача́ла времені, въ которое мы узналі буквы.

---

[1] Sum ex iis, qui mirer antiquos, non tamen, vt quidam, temporum nostrorum ingenia despicio; neque enim quasi lassa, et effoeta natura, vt nihil iam laudabile pariat.
Plin. iun. lib. 6. Ep. 21.

[2] Печатаніе книгъ начато въ Москвѣ, по́слѣ какъ, тщаніемъ Царя Іоанна Васільевіча, въ 35 лѣто держа-

Впрочемъ, для сего самаго, что она вся чужая, і не наша прі собственной нашей, не можно ей твердо стоять противъ общчаго разума.

Но я ні малаго не імѣю намѣренія опровергать ея: я только желаю ізъ нея проізвесть свойственную ортографію нашему гражданскому тіпу, который, можетъ быть, не отречется послушенъ быть общчему разуму, і прітомъ доказать, что только та одна ортографія ему прілічна і свойственна, которую я проізведу.

Пускай старая остается цела въ церковной печаті. Ежелібъ безъ нея можно было обойтісь, въ проізведеніі пріродныя намъ, і по общчему разуму основательныя ортографіі; я бы къ старой церковной і не прікоснулся.

вы его, употреблены на учрежденіе Тіпографіі целыя десять лѣтъ. Самая первая кніга напечатана: Дѣянія і Посланія Апостольскія; а вышла она на свѣтъ лѣта отъ сотворенія Міра 7072, (а отъ рожденія Бога слова, 1564.)

Печатаніе сея кнігі продолжалось 2 года, для того что она начата 7070 года (1562 года отъ рождества.) Самыі первыі тіпографшікі былі двое, а именно, Дьяконъ, отъ церкві такъ называемыя Ніколая Гостунскаго, Іванъ Федоровъ сынъ, *) да Петръ Тімофеевъ Мстіславцовъ. Все сіе обстоятельно опісано въ заключеніі, оныя самыя первыя у насъ печатныя кнігі, которая хранітся въ бібліотекѣ Імператорскія Академіі наукъ. Чтожъ Фрішъ, помянутый въ прімѣч. на стран. 17, говоріть, что самая первая кніга напечатана у насъ святое Евангеліе и Апостолъ, то знатно, что онъ о семъ слуху повѣрілъ.

*) Сей называется у Фріша Іваномъ Годеръ-Сономъ.

Часть II.

Чуж. Того ради, я васъ прошу покорно, учініть сію пріязнь, тоесть, показать мнѣ твердость вашея ортографіи теперь, не откладывая до другаго времени, дабы, узнавъ я силу старыя ортографіи, могъ выразумѣть новую вашу.

Рос. Не отрекусь отъ сего вамъ удовольствія, і, по силамъ моімъ, предложу вамъ откровенно все мое доказательство.

Но чтобъ въ проізведеніі сего поступіть надлежашчімъ поряткомъ; то положу я вамъ напередъ такія основанія, которыя не могутъ быть не пріняты отъ васъ, длятого что всѣ оні будутъ согласны съ обшчімъ человѣческімъ разумомъ.

На сіхъ утверждy все мое рассужденіе, которое также пріянято отъ васъ быть імѣетъ, для того что не можно вамъ будетъ противіться самымъ основаніямъ.

Чуж. Люблю, г. м., люблю надѣяніе ваше на себя. Но прошу не погнѣваться; мнѣ кажется, что оно іслішное: ібо статься можетъ, что я вашіхъ не токмо не пріму основаній, но ешче і за нетвердыя іхъ почту.

Рос. Не спóрю; можетъ быть, не будете іхъ [1])

---

[1]) Іезуіты Бюфіеръ сочінівъ новую Французскую грамматіку, далъ на рассмотрѣніе целой такъ называемой Французской Академіи. Она ея не пріняла, длятого что ея планъ весь былъ іной, нежелі на какомъ состоіть латінская обыкновенная. Чтожъ потóмъ? Бюфіеръ, не смо-

прінімать словомъ: но внутренно не можете не согласіться съ німі, для того что оні на обшчемъ человѣческомъ понятіи основаны, і потому, надобно будетъ вамъ інако понімать вешчі, нежелі какъ всѣ люді одно съ одного познаваютъ.

Съ другой стороны, для чего мнѣ не імѣть сего на себя надѣянія, сколько оно вамъ кажется не ізлішное? Пускай основанія моі не прінімаются отъ васъ, і отъ всѣхъ другіхъ. Чтожъ ізъ сего? Сіе токмо одно, что вамъ ортографія моя не будетъ нравіться, хотя коль праведно ні доказана будетъ. Какой мнѣ ізъ того убытокъ, что вы, і всѣ лібо другіі, не будутъ ея употреблять? Она для сего не меньше твердою пребудетъ. Довольно съ меня, что я самъ чувствую ясно, подробно і раздѣльно ея справедлівость.

Чуж. Не то у меня въ умѣ было. Я помню, что вы вступая со мною въ разговоръ, самі опасалісь недоброхотовъ, пренебрегателей, і нѣкоторыхъ насмѣшнічковъ. Сіі, можетъ быть, не любя васъ, ілі інымъ какімъ пристрастіемъ і відомъ двіжімыі, будутъ разглашать, что вы старое опровергаете, а новое, безъ всякаго основанія, вводіте. Но самый почітай ежедневный опытъ научаетъ, что неосновательный і [1]) ложный слухъ, чуть лі не больше вкрады-

---

тря на несправедлівость Академіі, напечаталъ ея: всѣмъ полюбілась, всѣ увідѣлі ея твердость, такъ что большая часть ізъ академістовъ нынѣ по ея пішутъ правіламъ.

[1] Et saepe etiam quod falso creditum est, veri vicem obtinuit.

Curt. lib. 8. cap. 8.

вается, і къ безпрістрастнымъ людямъ, за сущчую правду.

Рос. Подлінно, я тогда опасался. Но теперь, будучі вашіміжъ въ то время ободренъ совѣтамі, даю всѣмъ волю говоріть о мнѣ і о моіхъ трудахъ что хотятъ. Я токмо смотрю на чістое мое намѣреніе і на правоту, і предложу сіе на пісьмѣ такімъ, которыі [1]) умѣютъ праведно мыслiть, для того что я не тшчеславлюсь, чтобъ я могъ кого научіть мыслiть праведно.

Съ другоій стороны; новость ілі перемѣна въ ортографіі, не церковная татьба: за нея не осуждаютъ на смерть. Также, новость оная і не еретічество: проклятію за сію не могу быть преданъ, что ея буду употреблять утвердівшісь на правості ея. Вся распря ортографіческая, есть распря токмо грамматіческая, а не теологіческая, которая толь много упрямыхъ проізвела еретіковъ: но споръ о свѣцкіхъ наукахъ отчасу больше пріводітъ разумъ въ просвѣшченіе. Пускай нынѣ не слѣдуютъ моеій ортографіі; но отчаяваюсь лі я, что не будетъ такóва времені, когда увідятъ ея правость?

Какъ то ні будетъ; но я только теперь думаю, какъ бы ея вамъ ізъясніть лучше.

Чуж. Справедліво г. м., ізволіте рассуждать; ваше россіійское слыхалъ я пріслові: взявшісь за гужъ, не говорі что не дюжъ. Прошу, начінать съ БОГОМЪ.

---

[1] Probatione efficiunt sane, vt cauesam nostram melioiem iudices putent.

Quinctil. lib. 6. cap. 2.

Рос. Ізвольте слушать, предлагаю вамъ всѣ моі основанія одно по́слѣ другаго.

I.

«Каждая буква, [1]) какъ знакъ звона, ілі «способа его, і какъ нераздѣльная часть сло- «га, (стр. 10, 13,) содержітъ сама въ себѣ «ту прічіну, по какой полагается въ томъ «наіпаче, нежелі въ другомъ мѣстѣ сло- «га, на означеніе нѣкотораго одного ток- «мо звона, ілі его способа:» ібо обшчій разумъ сказываетъ, что между многімі і разнымі другъ отъ друга знакамі, означающчімі разные одну отъ другія вешчі, одінъ знакъ за другой прінятъ быть не можетъ, сколь долго каждый ізъ ніхъ пребываетъ зна́комъ все єдіныя вешчі, разлічныя отъ всѣхъ другіхъ.

---

[1] Quaenis litera, qua signum soni, aut modi eius, et qua indiuidua pars syllabae, continet in semet ipsa eam rationem, cur ponatur in hoc potius, quam in alio loco syllabae ad defignandum aliquem certum sonum, vel modum soni.

Въ семъ основаніі состоітъ вся сіла моея ортографіі, которое не токмо на са́момъ разумѣ утверждается, но і на власті остраго і рассудітельнаго Квінтіліана, іменножъ 1-я его книгі, наставленій объ ораторіі, на 7-ой главѣ прі окончаніі.

II.

Лішніе буквы всеконечно долженствуютъ быть выключены ізъ нашея ортографіи: ібо, по обшчему разуму, ненадобныя і ненужныя средствія къ проізведенію въ дѣйство намѣреннаго, столькожъ нічего не дѣйствуютъ, когда бы іхъ прі дѣйствѣ і нé–было; а прітомъ, былі бы [1]) матеріалы умножены безъ всякія нужды.

III.

Буквы связныя [2]) отнюдъ не долженствуютъ быть употребляемы въ нашей ортографіи: ібо такіе буквы не прінадлежатъ къ ортографіи, но по всему праву къ стеганографіи, тоесть, къ заплетенію вензловъ. Прітомъ, ортографія наша безъ ніхъ, не

---

[1] Non sunt multiplicanda Entia sine necessitate.

[2] Надлежітъ памятовать, что чрезъ связныя буквы разумѣются токмо (ѿ), (щ), (ꙋ), (Ѱ): ібо всѣ двугласные хотя і соединеныжъ ізъ двухъ между собою буквъ, однако онѣ несвязныя, но соединенныя, для того что звонъ обѣіхъ гласныхъ слівается въ одінъ, чего въ связныхъ не дѣлается. Чтожъ і двугласныя также между собою связаны, то сіе самое доказываетъ, что звонъ іхъ сложный, котораго інако очамъ представіть не возможно.

терпя не токмо ні малаго убытка, ілі недостатка, состоять можетъ, но ешче і исправнѣе, і меньше, і лехче Алфавітъ нашъ быть імѣетъ, для того что въ немъ нічего пустаго і лішняго не будетъ; а прі ніхъ, [1]) напрасно проіsводітся намѣренное чресъ многія средства, которое можетъ, съ толікімъ же успѣхомъ, проіsводімо быть чресъ немногія. Слѣдовательно, употребленіе іхъ противно прямому разуму.

IV.

Іже краткое, не долженствуетъ почітаемо быть за букву; но за знакъ кратчайшаго і половіннаго времені, употребляемаго іногда у насъ на проіsношеніе буквы (і): ібо каждая буква есть знакъ токмо звона, ілі способа его, а не времені, которое употребляется на проіsношеніе звона, бываюшчаго отъ нашего гóлоса. Но звонъ, і время употребляемое на звонъ, между собою совершенно разны. Слѣдовательно, іже краткое есть не буква.

[1] Frustra sit per plura, quod potest fieri per pauciora

V.

Ѕнакі отолшченія і отонченія раствореннаго способомъ ѕвона, не долженствуютъ чісліться между буквамі въ Алфавітѣ, но токмо почітаться ѕа стра́сті, ілі іѕмѣненія согласныхъ буквъ: ібо ѕнакъ ѕвона, ілі его способа, весьма раѕнітся отъ того, что отолшчаетъ і отончаваетъ способъ ѕвона. Но (ъ) і (ь) только ѕначатъ отолшченіе і отонченіе бываюшчее въ способѣ ѕвона, і потому покаѕываютъ іѕмѣненіе токмо въ способѣ ѕвона. Слѣдовательно (ъ) і (ь) не буквы.

VI.

Какую фігуру імѣетъ ѕнакъ буквъ пропісныхъ, тоесть, больші́хъ; тужъ са́мую долженствуетъ імѣть і ѕнакъ тѣхже буквъ строчныхъ, ілі меньші́хъ, і напротівъ того равнымъ же о́браѕомъ: ібо наружный ѕнакъ какія нібудь вешчі, всегда долженствуетъ быть одінаковъ во внутренномъ сушчествѣ, а по крайней мѣрѣ, въ наружной своей формѣ, хотя і можетъ быть не оді-

наковъ въ велікості своей, для того что другое сушчество, также і форма, перемѣняетъ вешчь въ іной відъ, і потому она не тою відітся, какою надобно відімой быть; а слѣдовательно, ілі не будетъ пріниматься за тотъ знакъ, которымъ она опредѣлена, ілі хотяшчаго пріпять, въ долговременное пріведетъ сомнѣніе. Но хотя вешчь будетъ меньше, ілі больше, а всегда тогожъ сушчества, ілі ужé наружныя формы; то она показывается всегда тоюжъ вешчію, которою должно ея відѣть, ілі інымъ органомъ чувствовать.

VII.

Апострофі, ілі по греческі тонкія, [1]) не должно ставіть въ нашей ортографіі, надъ начінаюшчімі первый складъ въ словѣ гласнымі і двугласнымі буквамі: ібо что не нужное ешче і пустое, то употреблять надъ буквамі правый разумъ запрешчаетъ. Но такова́ есть точно апострофь, для того что она у насъкакъ нічего не значітъ, такъ і нікако́ва дѣйствія въ сілѣ ортографіі не імѣетъ.

[1] Ψιλή.

VIII.

Нѣтъ въ нашей ортографіи ні острыя, ні тяшкія, ні облеченныя просодіи, ілі по нашему сілы; но одна токмо въ нашей ортографіи сіла, хотя она проведется отъ правыя рукí къ лѣвой, хотя отъ лѣвыя къ правой: ібо, по пріродѣ нашего проіsношенія словъ состояшчіхъ ізъ складовъ, одінъ токмо всегда слогъ долженствуетъ во всемъ словѣ проіsноситься выше нѣсколько всѣхъ прочіхъ; а сіла, сіе токмо возвышеніе слога въ словѣ і значітъ [1]).

IX.

Склады подъ тітлами, отнюдъ і всеконечно не долженствуютъ находіться въ совершенно іспрaвной нашей ортографіи: ібо такіі склады крайнее пріносятъ препятствіе лехкості і способности чтенія, по

[1] Въ возвышеніі семъ одного слога въ словѣ, не токмо состоітъ правота і чістота нашего выговора, но і вся сіла колічества слоговъ въ стіхосложеніі, прежде всѣхъ мною въ наше стіхотвореніе 1735 гола введеннаго, а прошедшаго 1745 года въ Кнігѣ, названной отъ меня Россійскімъ Парнассомъ, совершенно утвержденнаго і доказаннаго.

тому что для тітлъ не всѣ находятся должные буквы въ складахъ, отъ чего принужденъ чітающчій запінаться, догадываться, какъ слово должно выговоріть, і часто не такъ его выговарівать, какъ надлежітъ. Прітомъ, такіі на верьху поставленныі знакі портятъ ешче і красоту въ калліграфіі, тоесть, въ чістомъ, ілі въ красномъ пісьмѣ, для того что пісьмо съ німі не можетъ казаться ровнымъ і гладкімъ.

X.

Россійская ортографія, ні самыя малыя нужды не імѣетъ, быть подобна всякой чужой, которыя способъ всеконечно не можетъ быть годенъ ея употребленію; а напротівъ того, самую основательную і твердую прічіну імѣетъ, быть по своей пріродѣ, і, по імені россійскія, свойственною россійской: ібо, по разуму, не должно слѣдовать чужому обрасцу, ежелі оный совершенно не годенъ собственному въ какой нібудь вешчі способу, і ей самóй не сроденъ. Но наша ортографія можетъ імѣть і імѣетъ, імѣя собственный

свой Алфавітъ, собственный і сродный себѣ способъ въ употребленіі того Алфавіта въ складахъ, і складовъ въ целыхъ словахъ, для того что ортографія не касается, какъ токмо до буквъ, і складовъ, а до целыхъ словъ ні мало, по тому что ортографія есть правільное положеніе буквъ въ склады, а складовъ въ слова, ізображая для глазъ токмо, по проізволенію, ізвѣсныі голоса нашего звоны, і звоновъ разныі способы; а целыя слова не значатъ звоновъ, ні іхъ способовъ, но самые вещчі імі ізображаемые, по обшчему всего какова нібудь народа согласію.

XI.

Самая первая, і самая главная прічіна къ ізобрѣтенію прекраснаго нынѣшняго гражданскаго тіпа, было желаніе, чтобъ нашімъ буквамъ быть подобнымъ, сколько возможно, буквамъ нынѣшняго, а не готіческаго, латінскаго тіпа, сіежъ для бо́льшія красоты нашея печаті, і для того, что такая буквъ фігура есть уборістѣе і прігожее въ печаті: ібо что не імѣетъ ні-

какія другія основательнѣйшія причіны, кромѣ одной такой, для которыя оно есть; то, по правому і твердому разуму, ту токмо одну причіну имѣетъ, для чего оно есть. Но ізобрѣтеніе нынѣшніхъ нашіхъ гражданскіхъ буквъ, одну токмо выше помянутую причіну имѣетъ, для чего оно предпріято было і совершено: понеже сіе ясно, і тверже всякаго свидѣтельства доказываетъ нынѣшняя іхъ фігура, которая, сколько возможно, подобітся латінской формѣ буквъ, а отъ греческія всею статью удаляется, какою весь нашъ старый Алфавітъ составленъ, нынѣ въ церковной токмо печаті употребляемый.

Вотъ вамъ г. м., всѣ моі основанія, на которыхъ я утвердівшісь проізведу нашу ортографію. Ізвольте теперь самі рассуждать, надлежітъ лі вамъ, і праведно лі, іхъ прінять, і въ ніхъ со мною согласіться: ібо ежелі теперь вы іхъ не собьете; то ужѐ не можно меня нічемъ преодолѣть, когда я стану іхъ употреблять на утвержденіе моіхъ доказательствъ, развѣ токмо [1]) властію, которой я по дружбѣ противіться не буду, і нѣкоторымъ упрямствомъ, позвольте сказать, заказать мнѣ быть непреодолѣемымъ ізволіте.

[1] Sic volo, sic iubeo, stat pro ratione voluntas.

Чуж. Я вамъ не могу не пріsнаться: вы меня такъ своімі то тайнымі, то явнымі сіллогісмамі [1]) обморочілі, что мнѣ кажутся всѣ ваші основанія согласнымі съ общчімъ человѣческімъ смысломъ, і на одномъ токмо пріродномъ разумѣ утвержденнымі. Можетъ быть, кто іной въ ніхъ найдетъ неправость: но я іхъ всѣ правымі і твердымі почітаю. Тогораді, прошу проізвесть уже́ і доказать мнѣ новую вашу ортографію.

Рос. Для сего вашего пріsнанія, і съ сімъ уговоромъ, я готовъ поістіннѣ удовольствовать ваше желаніе. Благоволіте токмо слушать терпѣлівно: уповаю, что понравітся вамъ мое доказательство, которое ні самыя малыя околічності, касаюшчіяся до ортографіі, і до ея дальнѣйшаго ізъясненія, не оставітъ. Того раді, вопервыхъ начінаю рассматрівать употребленіе въ старой нашей ортографіі буквъ (в) і (ѵ).

Ізвольте пріпамятовать, что ізъ сіхъ послѣдняя буква полагается у насъ вмѣсто первыя въ тѣхъ греческіхъ словахъ, въ которыхъ греческая буква (υ) ставітся какъ согласная (стр. 32). Слѣдовательно, такое ортографическое употребленіе у насъ есть греческое, а не наше.

---

1 Сіллогісмъ есть родъ логіческаго довода, состоящчаго ізъ трехъ предложеній, ізъ которыхъ первое называется большімъ, середнее меншімъ а оба, переднімі, но послѣднему імя, ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Напрімѣръ.

1) Всякая добродѣтель есть похвальна.

2) А понеже Правосудіе есть добродѣтель.

3) Слѣдовательно, Правосудіе есть похвально.

Но по (Х *основ.*), Россійская ортографія ні самыя малыя нужды не імѣетъ слѣдовать всякой чужой ортографіи; а старая сія ортографія, полагая букву (ѵ) sa (в), слѣдуетъ сімъ употребленіемъ безъ нужды греческой, для того что буква (в) сама можетъ вездѣ полагаться sa себя, гдѣ звонъ означаемый чрезъ нея есть нуженъ, (*по* I *основ*). Слѣдовательно сіе дѣлается въ старой ортографіи неосновательно. Сверьхъ того, буква наша (в), ежелі поставітся у насъ въ тѣхъ складахъ греческіхъ, въ которыхъ у грековъ ставітся буква (*υ*, какъ согласная; то не дѣлаетъ она нікако́ва вреда знаменованію целаго сло́ва: въ семъ я всѣмі іскуснымі свідѣтельствуюсь. Ктомужъ, букву (ѵ) не внесъ въ свой Алфавітъ і любомудрый Кіріллъ. (*Прі́мѣч.* на стр. 17).

Посему, довольно одноя буквы (в) въ склады у насъ хотя въ греческіхъ, хотя въ латінскіхъ, хотя во всякіхъ другіхъ словахъ, въ которыхъ нужно намъ ізображать звонъ означаемый буквою (в). Слѣдовательно, буква (ѵ) въ семъ случае у насъ есть лішняя. Но лішніе буквы всеконечно долженствуютъ быть выключены ізъ нашея ортографіи (*по* II *основ.*) Тогораді ісправная ортографія наша всеконечно не долженствуетъ ея употреблять.

Чуж. Безмѣрно радуюсь, что вы въ семъ моего мнѣнія: ібо я, пішучі по вашему, нікогда не употреблялъ буквы (ѵ), вмѣсто (в). Но теперь вижу, что і не надобно того дѣлать.

Рос. Что буква (е), есть знакъ простаго звона, і что точно сходствуетъ съ латінскою буквою (е), ілі съ греческою (ε) (стр. 32); то сімъ весьма ясно доказываетъ-

ся, что въ Кирилловскомъ [1]) Алфавитѣ во второмъ мѣстѣ положена она между гласными, такъ какъ греческая буква (ε).

Ктомужъ, буква сія (когда она складывается у насъ

---

[1] Федоръ Поликарповъ, въ славенской Грамматикѣ, которыя имъ издана въ Москвѣ и напечатана (согласно съ Мелетіевскою четвертною) въ осмую долю листа 1721 года, утверждаетъ, на стр. 254, что Кириллъ былъ братъ Меѳодіевъ, а сей Меѳодій былъ Моравскій Епископъ, и что они далі намъ Россіанамъ, (говоря: «а въ Россію древніі «премудріі Меѳодій Епископъ Моравскій съ братомъ своимъ «премудрымъ Кирилломъ пріпесоша») составленный отъ себя Алфавитъ.

Сіе извѣсно, что Меѳодій былъ въ Моравіи Епископомъ, і что будучі въ Славоніі, а не въ Россіі, писалі оба славенскія слова тогдашімі греческімі буквамі, *) а которыхъ буквъ недоставало въ греческомъ Алфавитѣ для нашіхъ словъ, какъ напр. (ш) (ч) (ц), то они взялі изъ еврейскаго Алфавіта. **)

Въ Сіноисісѣ, о началѣ знанія писменъ славянамі сіе чтется: «вѣдаті же подобаетъ, яко славенороссійскій народъ «ешче въ лѣто отъ Рождества Христова 790, нача писаніе «імѣті і умѣті. Ібо въ томъ лѣтѣ Кесарь Греческій брань «імѣя съ славянамі; і міръ съ німі содѣлавъ, посла імъ въ «знаменіе пріятельства і нераврушімаго міра літеры сірѣчь «словеса азбучная (а) (б) (в) і прочая, яже въ то время «отъ греческаго писанія ново бяху изобрѣтена раді славя«новъ.»

*) Сіхъ фігура изображена нарочно на грыдорованномъ листочкѣ внизу, дабы всякъ відѣлъ, что греческіе буквы іх вѣка, точно тѣжъ, что і наші церковные фігурою.

**) Снесі съ сімъ то, что говорено въ примѣчаніі на стр. 17.

съ согласными такъ, что слѣдуетъ за нимі, і составляетъ складъ растворенаго звона по пріродѣ согласныя буквы, подлѣ которыя стоитъ по правую руку) всегда означаетъ звонъ лехкій, а не густый, тоесть тотъ са-

---

Но о Мефодіі і Кириллѣ въ томже Сінопсісѣ ніже предлагается слѣдуюшчее: «року *) отъ Рожд. Хрс. 863 въ «царство Царя греческаго Міхаіла, Патріарху Константіно-«польскому сушчу Фотію, отъ ніхже, по прошенію Кня-«зей славенскіхъ Святополка, Ростіслава і Коцела, ** пріі-«слані бяху славяномъ учітелі вѣры хрістовы Мефодій і «Кириллъ, сынове мужа нарочіта, іменемъ Лва отъ Селуня, «а оні, по дару духа святаго, преложіша Греческія книгі «славенскімъ языкомъ, святое Евангеліе, Апостолъ, і прочія.» По сему, оба сіі учітелі нѣ-были ні гдѣ въ Россіі, ні въ Кіевѣ, но токмо въ Славоніі, і не далѣе Дуная. О семъ історіческомъ бытіі можно твердо доказать, но не о томъ здѣсь дѣло.

Сего Кирілла Філософа, Епіскопажъ Моравскаго, проповѣдніка і учітеля Славяновъ, ізобрѣтателя іхъ буквъ, Мефодіева брата, въ мірѣ именовавшагося Константіномъ, быв шаго въ средінѣ IX. вѣка, не надлежітъ за одного почітать съ онымъ Кирілломъ Філософомъ, который ко Христу обратілъ, въ умѣленіе прівелъ ізображеніемъ на картінѣ страшнаго суда; і былъ прічіною спасенія Святому і равноапостольному велікому Россійскому Князю Владіміру Святославічу: ібо сей вторый Кириллъ былъ прісланъ отъ царей Греческіхъ, Василія і Константіна, съ послами іхъ ко Владіміру лѣта Господня 1000, какъ Авторъ пішетъ въ рассмотрѣніі своемъ на історію Мавроурбіна о славенскомъ народѣ, ілі 1008

*) Году. Преп. Нестор. печер. част. 1. лѣтопіс.
Длугош. такж. Кромер. кн. 3 Стріков. кн. 4 стр. 146.

**) Коцелъ отъ іныхъ называется Кокелъ і Кочелъ. Сінопс. стр. 56, 57, 4-тое академіч. ізданъ.

мый, который означается греческою буквою (ε), ілі латінскою (e). Сіе всякому ізъ насъ неспорімо. Тогораді, нѣтъ нікакія основательныя прічіны, чего раді сія буква (когда она ілі начінаетъ целое слово, ілі кончітъ оное, ілі такъ полагается, что бываетъ сама одна слогомъ чістымъ въ словѣ (стр. 32) перенімаетъ у насъ по нынѣ на себя пріроду буквы (е), которая есть (іе) латінская, по нѣмецкому і польскому латіны проізношенію.

На протівъ того, нѣтъ же ні мало твердыя прічіны, чего бы раді буква (е) отправляла должность буквы (е) въ падежахъ множественнаго чісла́ (стр. 32): ібо каждая буква содержітъ сама въ себѣ ту прічіну, по какой полагается въ томъ наіпаче, нежелі въ другомъ мѣстѣ слога, на означеніе нѣкотораго одного токмо звона, ілі его способа (*по* I *основ.*)

Но на означеніе звона, совершенно подобнаго звону означаемому греческою буквою (ε), ілі латінскою (e), довольно у насъ буквы (е). [1]) Слѣдовательно, на означеніе тогожъ самаго звона, буква (е) есть ліш-

---

лѣта, какъ бароній объявляетъ, ілі 988 года, по свідѣтельству преподобнаго Нестора, Історіографа россійскаго. Слѣдовательно, между обоімі сімі Кірілламі паходітся ілі 137 лѣтъ, ілі 135 лѣтъ, ілі 125 лѣтъ. А по сему, Первому Кіріллу, невозможно быть сімъ вторымъ Кірілломъ.

[1] Буква (е) гражданскаго тіпа полагается здѣсь вмѣсто церьковныя (є), а буква (е) гражданскаяжъ за (Є) прежнія печаті: ібо церьковные літеры, которые моглі найтісь къ употребленію въ сей кнішкѣ, не равно пріходятъ въ строку съ сею академіческою печатію, і для того употребляются онѣ здѣсь только тамъ, гдѣ не-лзя безъ ніхъ обойтісь.

няя; а на оѕначеніе ѕвона, іѕображаемаго буквою (е), буква (е) есть лішняяжъ. І понеже лішніе буквы всеконечно не долженствуютъ быть въ нашей ортографіі (*по* II *основ.*). Слѣдовательно, сіі обѣ буквы не долженствуютъ у насъ употребляться одна ѕа драгую іѕлішнімъ обраѕомъ; і потому, каждая всегда долженствуетъ собственный свой ѕвонъ оѕначать.

Но собственный ѕвонъ буквы (е), есть подобенъ ѕвону греческія буквы (ε), ілі латінскія (е): сіе докаѕано расположеніемъ Кірілловскаго Алфавіта, (прім. на стран. 17), і нашімъ выговоромъ, когда она съ согласнымі употребляется; а собственный ѕвонъ буквы (е), есть подобенъ ѕвону оѕначаемому латінскімі буквамі (іе) по нѣмецкому і польскому латіны проіѕношенію: сіе самое імя сея нашея буквы совершенно і не преодолѣемо докаѕываетъ, также і нашъ выговоръ, когда она сама собою состоітъ.

Чтожъ до раѕлічія множественныхъ падежей, (стр. 32); оное ѕнаюшчімі сілу въ Грамматікѣ, способнѣе і ісправнѣе распоѕнавается правленіемъ сочіненія, нежелі раѕностію буквъ, въ чемъ я ссылаюсь на всѣхъ іскусныхъ людей въ Грамматікѣ; но которыі не учілісь Грамматікѣ, тѣмъ хотя какъ ні раѕлічай падежі, оні все потомужъ не ѕнаютъ іхъ. Слѣдовательно, буква (е) на раѕлічіе множественныхъ падежей не основательно по нынѣ въ старой ортографіі употребляется, і толь наіпаче, что она нікогда не можетъ не быть ѕна́комъ собственнаго своего ѕвона, гдѣ бы она въ слогахъ ні была поставлена: ібо прямый раѕумъ скаѕываетъ, что ѕнакъ, какой бы ні-былъ, гдѣ онъ ні будетъ, веѕдѣ одну і тужъ самую вешчь оѕначаетъ,

которыя онъ есть знáкомъ, сіежъ толь долго, коль долго онъ пребываетъ по естеству, ілі по проізволенію, тоя вещчі знáкомъ.

Съ другоій стороны, сімъ самымъ образомъ і въ гражданской печаті употребляются обѣ сіі буквы, а іменно, малая (е), і больша́я (Е). Малая сходствуетъ съ Латінскою (е). Слѣдовательно должна ея быть такаяжъ фігура і больша́я: ібо какую фігуру імѣетъ знакъ буквъ меньшіхъ, тужъ самую долженствуетъ імѣть і знакъ буквъ большіхъ, (*по* VI *основ.*), і также съ тоюжъ самою буквою латінскою сходствовать звономъ, съ которою сходствуетъ ея малая. Больша́яже наша гражданская, тоесть (Е), сходствуетъ съ латінскімі буквамі (іе) по нѣмецкому і польскому латіны проізношенію. Слѣдовательно, і малая ея долженствуетъ быть, (*по сілѣ тогожъ* VI *основ.*) і значіть тотже звонъ ізображаемыій чрезъ свою́ большу́ю.

А понеже, первыя буквы, (тоесть, е) нашея, есть малая фігура, а большія нѣтъ; но вторыя, (тоесть Е), есть, больша́я у насъ фігура нынѣ въ гражданской печаті, а малыя нѣтъ. Слѣдовательно, нынѣшняя наша гражданская печать непра́вільна въ рассужденіі сего. Но что і въ сеій гражданской ортографіі у насъ, обѣ сіі буквы также одна за другую употребляются; то теперь доказано, что такое употребленіе есть совершенно непра́вільное, і потому, должно его перемѣніть.

Чуж. Подлінно, г. м., весьма велікое смятеніе дѣлаютъ у васъ обѣ сіі буквы: отъ ніхъ такоій проіскодітъ непорядокъ (стр. 33), какъ въ старой печаті, такъ і въ новой, что я бы тому нікогда не могъ повѣріть

просто, безъ вашего теперешняго изъясненія. Но сіе толь больше мнѣ удівительно, что весь сей непорядокъ, тотчасъ, і лехко можно прівесть въ должный порядокъ, і исправіть въ новой вашей печаті нікого не переучівая. [1]) Для чегожъ сего понынѣ не сдѣлано?

Рос. Правда, увідѣлі уже́ наші сіе давно, когда нужду імѣлі изображать лехкій греческій, ілі латінскій звонъ чістый. Но хотя і імѣлі тотъ самый въ (е); однако́ лучше рассуділіе быть испорченной буквѣ, і совершенно странной для стараго і новаго Алфавіта, нежелі поправіть внутреннее самѣшательство въ сіхъ буквахъ.

---

[1] Хотя нікто не можетъ споріть, что одно наше (е) долженствуетъ тонко, а другое густо быть произносімо; тоесть, что есть у насъ (е) гласное, которое сходствуетъ съ греческімъ (ε), ілі съ латінскімъ (е), также есть і двугласное, которое можетъ изображаемо быть латінскімі буквамі (іе) по нѣмецкому, і польскому латіны произношенію: однако нашліс нѣкоторые особы, коі спорятъ, что сіхъ (е) долженствуетъ быть у насъ одна токмо фігура; сіежъ для того токмо, что нынѣшняя наша гражданская печать употребляетъ на строчныя (е) сію токмо одну фігуру, какъ для называемыхъ чістыхъ складовъ, напрімѣръ: ЕМУ, такъ і для складовъ согласнымі растворенныхъ, напрімѣръ: МЕЧУ. І понеже я (утвердівшісь не токмо на правомъ разумѣ, (основ. І.), но і на Алфавітахъ Кіріловскомъ; егожъ неправо называемомъ Іеронімовомъ, і церьковномъ нашемъ) возобновляю для обоіхъ оныхъ разныхъ звоновъ, двѣ разные буквъ фігуры, а іменно, для тонкаго звона (е , но для густаго (ѥ), напрімѣръ: ЕМУ, МЕЧУ: то сіі особы новыя для сего изображенія благоволілі выдумать, говоря: «наші двугласные буквы іногда бываютъ явнымі, а іногда «тайнымі». Тоесть, чтобъ вытолковать прямо сіі іхъ но-

Сей есть істочнікъ, isъ котораго проістекла оборотная буква въ гражданской печаті (Э), [1]) которая і понынѣ многімъ кажется діка, і не нравітся, да і по достоінству: ібо она не только не статна сама собою, но і ні мало ні на какую isъ латінскіхъ буквъ не походітъ, чего раді одного наібольше вsдуманъ новыі гражданскій тіпъ (*по* XI *основ.*)

Поістіннѣ, она хотя пропісная, хотя строчная, веsдѣ тотчасъ ея перстомъ укаsать можно, для того что ні въ строкѣ, ні въ пропісі ні малыя красоты не імѣетъ, і отъ всѣхъ какъ отдірается.

Чуж. Выже самі говоріте обыкновеннымъ прісло-

выя isображенія, «нѣтъ у насъ гласныхъ буквъ, но токмо «однѣ двугласные».

Явнымі двугласнымі наsываютъ оні тѣ буквы, которые по пріродѣ своей двугласные, на прімѣръ (е); но тайнымі тѣ, которые растворяются согласнымі: тоесть, явные двугласные іхъ бываютъ тогда, когда гласные чістымъ складомъ полагаются, напрімѣръ: ЄДІНЪ, sa ЕДІНЪ; но тайные тогда, когда смѣшеннымъ съ согласнымі, напрімѣръ: ДЄНЬ. Isъ чего sаключаютъ, что надлежітъ быть одной фігурѣ буквъ, для isображенія сіхъ обоіхъ sвоновъ. Но ежелі для (е) сему такъ быть должно; то надобно, чтобъ сіежъ самое служіло і для (а), і для (і), і для (о), і для (у): словомъ, не надобно бы намъ сіхъ всѣхъ гласныхъ. Ібо для isображенія слова, ЯМЫ, есть у насъ двугласная іхъ явная (Я): но для isображенія сло́ва РАМЫ, не должно бы уже́ намъ употреблять (А), но надобно бы, по іхъ основанію, ставіть въ слово тужъ букву (Я), какъ тайную двугласную, такъ: РЯМЫ, а проіsносіть РАМЫ. Но кто не чувствуетъ сея неправості?

[1] Снесі, что говорено въ прімѣчаніі на стр. 33.

вѣмъ, что въ семье не безъ урода; чегораді, радуйтесь, что она только одна у васъ такая.

Рос. Больше прічіны сожалѣть, что она есть, нежелі ею радоваться: ібо ежелі бы она была неповрежденная наша, і нужная, то бы надобно было ея сжавъ сердце сносіть; но она какъ ізъ Кірілловскаго Алфавіта разметістымі пісцамі [1]) іспорченная, такъ і въ гражданскій нашъ Алфавітъ не надобная: ібо сіе маленькое (е), которому надлежітъ быть і большому, всю ея должность уже́ давно въ нашемъ гражданскомъ тіпѣ отправляетъ, кромѣ того, что оно іногда неправо ѕвонъ ѕначіть прінуждается большáго (Е), которому надобно быть потомужъ і маленькому: какъ то все сіе доказывается VI основаніемъ.

Чуж. Велікую вы немілость являете къ буквѣ (Э); но довольно уже́ ізволілі вы на нея сердіться: время вамъ ізъяснять другое, о чемъ васъ і прошу покорно.

Рос. Тотчасъ, г. м., ізвольте. Вы уже́ ѕнаете, что буква (ѕ), есть одногласная съ буквою (з), (стр. 34). Посему, одна которая нібудь есть лішняя. Но лішніе буквы всеконечно выкідывать должно ізъ нашея орторафіі (*по* II *основ.*) Слѣдовательно, одну которую нібудь ізъ ніхъ должно всеконечно выбросіть ізъ чісла́ буквъ въ нашемъ Алфавітѣ.

І поістіннѣ, какая прічіна можетъ пріведена быть на то, чтобъ сло́ву напрімѣръ *законъ*, пісаться чрезъ (з), ілі сло́ву *звѣзда*, пісаться же бы чрезъ (ѕ)? Ѕнаменованіе въ сіхъ словахъ, і во всѣхъ другіхъ, ніко-

---

1 Снесі, что говорено въ прімѣчаніі на стр. 33.

гда не перемѣняется, хотя *звѣзда* напішется чрезъ (з), а *законъ* чрезъ (s).

Сколько кто какъ ні рассуждай; но вамъ ясно есть, что врассужденіі старыя нашея ортографіі, все равно, хотя ту, хотя другую выкінуть: ібо одна токмо ізъ ніхъ, которая нібудь, довольна на то, чтобъ ѕначать одінъ токмо способъ своего ѕвона.

Впрочемъ, скажетъ кто: Понеже одна ізъ сіхъ буквъ въ старой ортографіі ѕначітъ шестерічное, а другая седмерічное чісло; тогораді, обѣімъ імъ должно остаться въ Алфавітѣ. Необходімая нужда! Однако, буквы не на то учреждены, чтобъ імъ чісла ѕначіть, но чтобъ ѕвоны нашего гóлоса, і способы ѕвоновъ, (стр. 10-13).

Но пускай ѕначатъ онѣ, когда угодно, въ старой ортографіі і ѕвоны, і чісла: мы въ томъ нужды не імѣемъ: есть у насъ для ѕначенія чіселъ бесконечныі счісленіемъ ѕнакі аріѳметическіі, всѣмъ почітаі народамъ, і намъ нынѣ, общчіі.

Чтожъ касается до гражданскаго Алфавіта; онъ съ самаго начáла своего понынѣ есть въ семъ прáвіленъ, что одной ізъ сіхъ буквъ не імѣетъ; а первыя сего Алфавіта времена, і всеконечно былі основательныя, для того что, благоволеніемъ ПЕТРА ВЕЛІКАГО, буква (ѕ) предпочтена была буквѣ (з), о чемъ свідѣтельствуютъ многіе книгі, прі дражайшей его жізні сімъ тіпомъ напечатанные. Сіе совершенно согласно съ достохвальнымъ намѣреніемъ, тоесть, чтобъ гражданскому Алфавіту подобну быть, сколько возможно, фігурѣ нынѣшніхъ латінскіхъ буквъ,

для того что сія фігура чішче і уборістѣе въ печаті (X *основ.*)

Но въ нынѣшнія времена недавно, въ гражданскій тіпъ ввелі букву (з), а букву (ѕ) выключілі. Вы, г. м., довольно чувствуете самі, что сія перемѣна ѕдѣлана безъ основанія: ібо самая главная, і самая первая прічіна, къ ізобрѣтенію гражданскаго тіпа, была желаніе, чтобъ нашімъ буквамъ быть, сколько возможно, подобнымъ латінскаго тіпа буквамъ, (*по* XI *основ.*) Но буква наша (ѕ), не токмо, сколько возможно, подобна латінской буквѣ, но і совершенно тажъ самая фігурою съ іхъ буквою (ѕ) называемою есъ. Тогораді, въ гражданскомъ нашемъ тіпѣ должно по прежнему остаться буквѣ (ѕ), а букву (з) ізъ него выключіть.

Чуж. Я не віжу, г. м., чемъ ваші противнікі, какъ вы сказываете, что імѣете іхъ себѣ съ посільное дѣло, могутъ вамъ въ семъ прекословіть?

Рос. Пускай мнѣ въ ліцо какъ хотятъ, такъ прекословятъ, только лішбы тайно, но ложно, не обносілі: я імъ, надѣясь на правду, і на Божію помошчь, въ томъ, ѕа что оні мнѣ непріятелямі являются, хотя всегда отпоръ дать въ состоянііі; однако отнынѣ лучше мнѣ нравітся отвѣтствовать імъ токмо молчаніемъ, чтобъ самому[1]) быть чресъ то въ спокойствіі. Уповаю, что і оні уставъ перестанутъ.

Чуж. Мнѣ помніться, что теперь должно стать на судъ буквамъ (и), (і), (ѵ). Імъ лі подлінно г. м.?

[1] Sed studendum est concordiae viribus totis, per quam res quoque minimae convalescunt.

Ammian. Marcel. lib. 26.

Рос. Праведно такъ, г. м.; сіхъ буквъ употребленіе слѣдуетъ теперь мнѣ по сіламъ рассмотрѣть. Итакъ, понеже сіи буквы (изъ которыхъ послѣдняя когда sa гласную пріемлется) полагаются въ старой ортографіи въ тѣхъ греческіхъ словахъ, въ которыхъ греческіе буквы (η) (ι) і (υ гласная) быть долженствуютъ, (стр. 35-36): тогораді, сія наша ортографія, сімъ положеніемъ osначенныхъ буквъ въ склады, подражаетъ греческой ортографіи. Но россійская ортографія не імѣетъ ні самыя малыя нужды, быть подобна всякой чужой, которыя способъ не можетъ быть годенъ ея употребленію (*по* X *основ.*) Слѣдовательно, худо, что сія старая наша ортографія, положеніемъ въ склады osначенныхъ буквъ, подражаетъ греческой ортографіи.

І подлінно, для какія бы прічіны 1) не можно было лучше пісать сего напрімѣръ Греческаго слóва, *Ελληνες*, нашею ортографіею такъ, єллíны, нежелі єллины съ греческою сходно? Также, Греческаго слóво *Ινδια*, длячего бы по нашему не право было напісать, *Индиа*, вмѣсто *Індіа*? Ібо sвонъ osначается обѣімі сімі буквамі совершенно тотже і одінъ, а прітомъ і sнаменованіе словъ напісанныхъ інако, нежелі по греческой ортографіи, ні мало не теряетъ своея сілы? Равнымъ образомъ, чего бы раді сего греческаго слóва *Συρια*, не можно было право пісать нашею ортографіею, *Сіріа, ілі Сирна*, вмѣсто по греческой *Сγріа*? Понеже sвонъ есть одінъ, і самый тотъ, который надобенъ, также і слово не лішается своего sнаменованія напісанное *Сіріа, ілі Сирна*, вмѣсто *Сγріа.*

Ежеліжъ положіть, что древніі Грекі проіѕносілі гласное свое (*υ*) не такъ какъ нынѣшніі ѕа простое (і), но такъ, какъ проіѕносітся наша буква (у), ілі (ы), ілі всего праведнѣе, какъ (ю) по Французскому чісто, і по нашему съ согласнымі проіѕношенію, то і въ семъ случае не основательно бы мы въ такіхъ словахъ пісалі нашу (ѵ), но надлежало бы намъ пісать въ сіхъ словахъ, дабы греческой ѕвонъ въ складахъ сло́ва іѕобраѕіть, ілі наше (у), ілі (ы), ілі (ю), сімъ обраѕомъ: *Сѵріа*, *ілі Сыріа*, *ілі Сюріа*, вмѣсто *Сѵріа*. *Уссопъ*, *ілі ыссопъ*, *ілі юссопъ* вмѣсто *ѵссопъ*; *ѝллѵріа*, *ілі ѝллыріа*, *ілі ѝллюріа*, вмѣсто *ѝлліріа*.

2) Буквы (и) і (і), что касается до того, какъ онѣ въ нашіхъ точно словахъ по сей старой, і по гражданской ортографіі нынѣ ставятся, также беѕъ всякаго твердаго основанія полагаются въ складахъ нашіхъ тѣмъ обраѕомъ, который предложенъ уже́ вамъ отъ меня (стр. 35-36). Тоесть, первая полагается всегда предъ согласнымі буквамі, а другая предъ гласнымі: ібо все равно, хотя первая положітся предъ гласнымі, вмѣсто того, чтобъ ей быть предъ согласнымі, хотя вторая предъ согласнымі, вмѣсто чтобъ ей стоять предъ гласнымі такъ, *ібо*, *попечение*. Сіе самъ обшчій человѣческій смыслъ совершенно докаѕываетъ, длятого что обѣ сіі буквы ѕначатъ у насъ точно одінъ ѕвонъ.

Тогораді, іѕъ всѣхъ сіхъ трехъ нашіхъ буквъ, двѣ нашлісь, по раѕуму, лішніе. Но лішніе буквы всеконечно не долженствуютъ быть употребляемы въ нашей ортографіі (*по* II *основ.*) Слѣдовательно, двѣ буквы, которые нібудь іѕъ сіхъ трехъ, не должен-

ствуютъ быть всеконечно у насъ. А понеже доказано уже́ вамъ, (стр. 78), что буква (v) есть лішняя въ рассужденіі буквы (в); і что здѣсь тажъ самая буква нашлась одногласною съ двѣмя; также і что ея не положілъ въ свой Алфавітъ любомудрый Кіріллъ (*прімѣч. на стран.* 17). Слѣдовательно, і здѣсь онажъ самая есть лішняя, і длятого не долженствуетъ быть всеконечно въ употребленіі.

По́слѣ сего, изъ двухъ оставшіхся буквъ, тоесть, (и) і (і) одногласныхъ, одна которая нібудь есть лішняяжъ. Но понеже сей старой нашей ортографіі равно імѣть за лішнюю хотя первую, хотя вторую. Слѣдовательно, должна она выключіть, ежелі угодно, по своему выбору.

На противъ того, понеже самая первая, і самая главная прічіна, къ изобрѣтенію нашего гражданскаго тіпа, была желаніе, чтобъ нашімъ буквамъ быть, сколько возможно, подобнымъ буквамъ нынѣшнімъ латінскімъ, (*по* XI *основ.*); а буква наша (і) есть не токмо подобна фігурою, сілою, но ешче і своімъ самымъ іменемъ латінской буквѣ (і): того раді, за лішнюю надлежітъ імѣть въ гражданскомъ Алфавітѣ (и), і потому ея не употреблять (*по* II *основ.*)

І какъ надъ латінскою буквою (і) ставітся токмо одінъ пунктікъ, а надъ нашею два (ї); то для совершеннаго подобія въ нашей съ латінскою, надобно (*по сіль тогожъ* XI *основ.*) ставіть надъ нашею также одінъ пунктікъ, а не два, какъ то і было спервa прі блаженныя памяті ПЕТРѢ ВЕЛІКОМЪ, хотя

пунктікі сіи впрочемъ нічего не значатъ, і можетъ сія буква какъ двухъ, такъ і одного не імѣть.

3) Я уже́ вамъ донесъ (стр. 45), что буква наша (і) імѣетъ іногда не целое, но нѣкоторое половінное время въ звонѣ, стоя́ по правую руку у какой нібудь ізъ гласныхъ, ілі двугласныхъ, і что древнімъ нашімъ заблаго рассудіілось, означать оное сея буквы сократітельное проізглашеніе, слѣдующчею кавычкою, ілі слітною (◡), а ставіть сію слітную надъ буквою (и). І понеже сей половінный звонъ буквы (і) весьма нуженъ въ нашемъ языкѣ. Тогораді, букву (й) съ кавыкою; ілі слітною наверьху, для необходімыя нужды въ половінномъ времені звона, надлежітъ оставіть въ гражданской печаті.

Подлінно, буква (і) сама можетъ прінімать на себя кавычку, і означать тѣмъ половінное время своего звона. Но понеже сія ея фігура будетъ новая, і всѣмъ дікая, такъ что всѣ не будутъ знать, что она значітъ, і потому всѣхъ должно будетъ вновь учіть чітать. Сіе коль есть невмѣсно съ твердымъ рассужденіемъ, всякое человѣческое рассужденіе лехко понімаетъ. Того раді, рассуждаю, что въ семъ случае бо́льшее снісходітельство показать надобно обыкновенію, длятого что всѣ, отъ мала до веліка, вѣдаютъ, что значітъ кавыкою означенная буква (й).

Сіе токмо ешче і ешче напомінаю, что буквы сея, на верьху імѣюшчія кавыку, не надлежітъ почітать за прямую букву въ гражданскомъ Алфавітѣ, но токмо за знакъ сокрашчаемаго звона (*по* IV *основанію*).

Чуж. Мнѣ понравілось ваше рассужденіе о сіхъ буквахъ: дай Богъ, чтобъ і всѣмъ вашімъ также.

Рос. Вы изволите токмо меня ободрять; а я і по тщусъ васъ удовольствовать разсужденіемъ моімъ, сколько возможно.

Для сего извольте воспомніть, что буквы (о) (ѡ) (ѡ) между собою одногласные, і потому двѣ изъ ніхъ которые нібудь лішніе. Но лішнімъ буквамъ въ нашемъ Алфавітѣ быть не нужно, (*по* II *основ.*) Того ради, двухъ изъ сіхъ которыхъ нібудь буквъ намъ не надобно: а іменно, (ѡ), і (ѡ).

Ібо 1), что старая сія ортографія употребляетъ букву (ѡ) въ родітельныхъ падежахъ, а (о) въ вінітельныхъ; то сіе мудрованіе токмо есть школьное, основанное на обрасцѣ греческія ортографіі, а твердості у насъ нікакія не імѣетъ.

2) Также что і надглаголія пішутся буквою (ѡ), для разлічія съ усѣченнымі іменамі средняго рода, единственнаго чісла, которыя імѣютъ всегда послѣднюю букву (о); то сіе употребленіе столькожъ суетное, ѓ безполезное.

3) Равнымъ образомъ, что і сказательныіі падежъ означается членомъ состоящімъ изъ буквы (ѡ), а звательныій частіцею (ѡ); то потомужъ, какъ і прежнее, пустое і лішнее.

4) Не меньшежъ не імѣетъ ні какія пользы і то, что сложныі глаголы пішутся въ сеіі ортографіі чрезъ (ѡ), также і предлогъ (объ) чрезъ (ѡбъ).

Понеже, на разлічіе всего сего, довольно токмо для знающіхъ хорошаго сочіненія; а для незнающіхъ, сколько ні разлічай падежі отъ падежей, імена отъ надглаголій, сложныі глаголы отъ простыхъ, оні все потомужъ не знаютъ, что есть роді

тельный і вінітельный падежъ і прочіі, что надглаголіе, і усѣченнное прілагательное імя, также который есть сложный глаголъ, і который простый: тогораді, на что сіліться разлічать все сіе, которое і безъ сего лішняго знаюшчімъ довольно вѣдомо; а не знаюшчімъ і такое разлічіе ні мало неполезное?

Сверьхъ того, і Кіріллъ премудрый положілъ токмо одну сію букву, іменножъ (о), въ свой Алфавітъ, а обѣ оные другіе троерогіе отставілъ, (*прімѣч. на стр.* 17). Ешчежъ, сіі троерогіе не походятъ ні на одну ізъ латінскіхъ буквъ; а для сего подобія і вымышленъ нашъ гражданскій Алфавітъ (*по* XI *основ.*) Чего раді, для гражданскаго Алфавіта довольна стала одна буква (о), да і весьма рассудітельно одна сія въ немъ оставлена, по благоволенію ПЕТРА ВЕЛІКАГО; а старая ортографія какъ ізволітъ.

5) Чтожъ въ греческіхъ словахъ, у насъ употребляемыхъ, старая ортографія точно ставітъ ілі (о), ілі (ѡ), смотря на греческую ортографію; то для насъ очень сіе употребленіе пустое: ібо для знанія въ словѣ того, что оно есть, надобно намъ только, чтобъ оно состояло ізъ всѣхъ должныхъ звоновъ, такъ что слово *океанъ*, хотя і не напішется чресъ (ѡ) ѡкеанъ, но чресъ (о), всегда значітъ у насъ оное превелікое море, которое есть всѣмъ прочімъ начáло. Сімъ образомъ і о всѣхъ другіхъ словахъ разумѣть должно.

6) Напослѣдокъ, і для ізображенія всѣхъ воскліцаній одноя токмо буквы (о) довольно: ібо ежелі поставітся токмѳ знакъ называемый *удівітельною*; то ужé відно, что сіе есть нѣкоторое воскліцаніе: а ра-

досное лі оно, ілі печальное, ілі ізъявляющее другое какое сердечное движеніе, то самое содержаніе рѣчі показываетъ.

Слѣдовательно, довольно быть въ нашемъ Алфавітѣ одной токмо буквѣ (о), [1]) а обѣ прочіе троерогіе отнюдъ ні на-что не надобны.

---

[1] Понеже надлежітъ быть въ нашемъ Алфавітѣ одной токмо буквѣ (о); то должно здѣсь объявіть о нѣкоторомъ ея свóйствѣ, которое весьма чувствітельно въ московскомъ произношеніі Всѣ (о), во всемъ Россійскомъ произношеніі, произглашаются такъ, какъ того требуетъ звонъ. Но московскій языкъ, і сімъ самымъ первенствующій ізъ всѣхъ прочіхъ провінціальныхъ, произносітъ всѣ (о) ударяемыі сілою, какъ (о); но которыі не ударяются сілою, тѣ оный главнѣйшій выговоръ произносітъ какъ (а). Напрімѣръ, въ семъ словѣ ХОРОШО, понеже оба первыі оны неударяемыі; то оні произносятся такъ, какъ бутто напісаны чрезъ (а) сімъ образомъ: ХАРАШО. Ономъ токмо третій (о) произносітся въ семъ словѣ, для того что тотъ Онъ сілою ударяется.

Свóйство сея буквы, врассужденіі московскаго произношенія, есть безъ всякаго ізъятія; а прімѣчено оно прежде всѣхъ ізъ нашіхъ отъ такóва человѣка, бывшаго нѣкогда прі Академіі, который нынѣ і не въ такіе проніцаетъ мѣлочі, такъ что мы велікую імѣемъ прічіну, хваліться столькожъ ізрядствомъ его разума, сколько похваляемъ чесныя его поступкі, учтівое обхожденіе, і добронравіе. І поістіннѣ, сіе коль ні коротінькое прáвіло, однако всему язы-ку равное: *) надобно токмо знать, которыі Оны ударяемыі, і которыі неударяемыі. Краткость сія, а толь важная, есть бесценная по моему мнѣнію.

*) *Παυρὰ μέν, ἀλλὰ μάλα λιγέως. Ιλιαδ. γ.*

Чуж. Я не могу довольно нарадоваться, что ваше разсужденіе согласно съ моімъ мнѣніемъ: ібо і мнѣ кажется, что довольно токмо для васъ одноя буквы (о).

Рос. Равнымъ образомъ, г. м., і ізъ сіхъ трехъ фігуръ, а именно, (и), (оу), (у), какъ одногласныхъ, одна токмо довольна въ нашъ Алфавітъ, а обѣ другіе лішніе, і не надобныіе, (*по* II *основ.*)

Но что старая сія ортографія ставітъ (оу), ілі (у) въ началѣ сло́ва, а (и) въ срединѣ і въ концѣ; то сіе дѣлаетъ она для ізлішества сіхъ фігуръ, а основанія ні малаго не імѣетъ. Ізвольте праведно разсудіть, не всель равно будетъ, когда (у) въ срединѣ ілі въ концѣ поставітся, а (и) въ началѣ? Буквы сіі совершенно между собою одногласныіе, да і знаменованію сло́ва нѣтъ отъ сего нікако́ва повреждения.

Ізъ сего явно, что въ нашемъ Алфавітѣ должно быть одной токмо ізъ сіхъ фігурѣ. І хотя для старыя ортографіі равно, ту ілі другую оставіть; однако для гражданскія безразборно не надобно въ ізбраніі поступать: должно смотрѣть, которая буква походітъ, ілі можетъ походіть, на какую нібудь ізъ латінскіхъ, для того что весь гражданскіі Алфавітъ выдуманъ вновь для сего токмо подобія, (*по* XI *основ.*)

Но понеже буква (у), есть совершенно іпсілонъ латінскіі, то слѣдуетъ, что сеі фігурѣ должно быть употребляемоі въ гражданскоі печаті, какъ то уже́ она съ самаго нача́ла одна въ немъ і употребляется.

Чуж. Велікая вамъ, г. м., ѕашчіта въ доказательствахъ вашіхъ, какъ я віжу, подобіе сіе латінскімъ

буквамъ: вы за него съ нимі ухóдіте, какъ за нѣкоторый высокій і твердый ретраншементъ.

Рос. Подлінно, да і не знаю, пошчастітсяль вамъ когдá відѣть, выбітаго меня ізъ-за сего окопа.

Чуж. Что вы ізволіте говоріть? У васъ много такіхъ літеръ, которые ні мало не походятъ на латінскіе. Но что новая ваша печать кажется быть подобною латінской; то сіе дѣлается отъ того, что нѣкоторые подобные буквы латінскімъ, въ совокупленіі прі себѣ кажутъ і прочіе такіміжъ.

Рос. Я доношу вамъ прямо, что можетъ быть въ двухъ, ілі уже́ въ трехъ, не способно найдется оное подобіе; но во всѣхъ прочіхъ, почітай безъ всякаго натягіванія, находіться оно. Ізвольте рассудіть всѣ наші буквы точно греческіе; но фігура греческіхъ буквъ проізвела фігуру і латінскіхъ: [1]) то какъ мнѣ не лехко найті въ нашіхъ латінскую фігуру, въ которой онѣ почітай спріроды расположены?

Чуж. Мнѣ і ешче невѣроятно, коль вы ні справедліво, кажется, говоріте, что ваші буквы способно могутъ походіть на латінскіе. Смѣть лі вамъ доложіть, что здѣсь, по Езопіческой басенкѣ, какъ Родосъ, такъ здѣсь же можете вы і протанцовать. То-

---

[1] І. б. діжонскаго парламента президентъ, въ преученой своей діссертаціі, (которую Монфоконъ положілъ на самомъ концѣ своея греческія Палеографіі) вѣроятно доказываетъ, что древніі Пеласгі імѣлі у себя буквы прежде тѣхъ, которые къ німъ Кадмъ прінесъ ізъ Фінікіі, і что оные былі совершенно сходны съ древнімі аттіческімі, а сіі также съ древнімі латінскімі.

есть, я лучше желаю відѣть оное подобіе въ самой вещчі, нежелі просто тому вѣріть. Мнѣ мнітся, что сіи ваші напримѣръ буквы, именножъ, Б. Г. Д Ж. Л. П. Ф. Ц. Ч. Ш. Ѣ. Я., не токмо неспособно могутъ подобны быть латінскімъ, но і нікакъ не могутъ.

Рос. Вы ужé едва меня не лжівцомъ, по оной басенкѣ, прізнаваете. Однако я не отрекаюсь здѣсь предъ вамі проплясать, тоесть, показать вамъ дѣломъ оное подобіе, какóва не находíте вы въ предложенныхъ вамі буквахъ.

Тогораді, буква наша гражданская б, есть точное е латінское, сверьху въ нізъ обрашченное.

Напротівъ того, буква Г, есть латінское L. снізу въ верьхъ поднятое.

Буква Д, есть латінское D, но такъ, что полкружіе его сперва превращено въ тріугольнікъ, і нá-четверть круга съ правыя стороны въ нізъ опушчено. Лі: V латінское оборочено сверьху въ нізъ, а по концамъ проведено латінское I. поперегъ.

Буква Ж, есть латінское X, перечеркнутое съ верьху въ нізъ латінскімъ же I. Лі: къ К латінскому, прідано К другое, но обрашченное съ правыя стороны на лѣвую, і оба К, спінкамі вмѣстѣ сплочены.

Буква Л, есть латінское V, сверьху въ нізъ обороченное.

Буква П, состоітъ ізъ двухъ I латінскіхъ, связанныхъ по головкамъ.

Буква Ф, состоітъ ізъ двухъ же Р латінскіхъ, ізъ которыхъ одно оборочено съ правыя на лѣвую сторону, і потóмъ оба спінкамі сплочены.

Буква Ц, составляется ізъ двухъ же латінскіхъ I,

скованныхъ вnisy нѣкоторою жідовскою цепью, называемою цаде.

Буква Ч, есть строчное h латінское, сперва съ правыя стороны обращенное на лѣвую, а потомъ, cnisy къ верьху поднятое.

Буква Ш, состоитъ isъ трехъ латінскіхъ I, связанныхъ нанisy твердою жідовскою шіною, чтобъ онi не разбѣжались, і чтобъ та шіна вездѣ, гдѣ онi ні будутъ, гремѣла.

Буква Ѣ, состоитъ isъ строчнаго h латінскаго, у котораго наверьху поперегъ проведено I латінскоежъ.

Буква Я, есть R латінское прошісное, которое съ правыя на лѣвую оборочено сторону.

Не isвольте лі, г. м., ешче мнѣ предложіть какіхъ нашіхъ гражданскіхъ буквъ? Вѣрьте, я такъ разохотілся, что і во всѣхъ такімже образомъ, на ваше sло, находіть імѣю сіе подобіе.

Чуж. Нѣтъ, г. м.; полно съ меня і того: я отвѣдалъ шчастія, но не удачно. Вы нетокмо вѣроятно находіть умѣете такое подобіе, но ешче оное і развеселіть словцомъ і другімъ. Я думаю, что хотябъ новый вашъ Алфавітъ нé-былъ найденъ і понынѣ; однако вы бы на него безъ сомнѣнія моглі напасть, ежелібъ вамъ надлежало его isобрѣтать.

Рос. Много чéсті, г. м.; но прошу не погнѣваться, не меньше і лéсті. Новыі нашъ Алфавітъ не такімъ, поістіннѣ, человѣкомъ вымышленъ, каковъ я: самое сіе isобрѣтеніе показываетъ, что онъ былъ остроуменъ; а мнѣ хорошо нынѣ знать способъ, какъ построіть московскій каменный мостъ, когда уже́ онъ

построенъ, говоря обыкновеннымъ нашімъ сравненіемъ.

Чуж. Мнѣ кажется, что унічіженіе ваше, г. м., паче гордості: по вашемужъ прісловію. Какъ? Вамъ бы нікогда не пошчастілось вѕдумать новыя фігуры буквамъ, который вѕдумалъ і далъ новое колічество стіхамъ? Трудняе целой наукѣ основаніе положіть, нежелі что нібудь украсіть і нарядіть основанное.

Рос. Не досаділъ лі я вамъ чемъ, г. м., что вы яѕвіте меня такою насмѣшкою? Моя́, відіте, часть, что я способенъ токмо къ тому, что мѣлочь. Ѕнаю. что нынѣ ні въ какомъ почтеніі і самыі стіхі, не токмо что основаніе стіховъ, хотя прежде много дѣлало, да і въ нынѣшнія ешче времена нічто почітай больше целому народу не пріносітъ че́сті, какъ добрыіі Піітъ. Но моя лі віна, что люді нынѣ больше склонны къ польѕѣ, нежелі просто къ славѣ? [1]) Я

---

[1] Cura quid expediat prior est, quam quid sit honestum,
Et cum fortuna statque caditque fides.
Nec facile inuenies multis in millibus vnum,
Virtutem pretium qui putet esse sui:
Ipse decor recti, facti si praemia desint,
Non mouet, et gratis poenitet esse probum.

Тоесть:

Всякъ о полеѕномъ сперва, не о хвальномъ, печется прілѣжно,
І съ фортуной стоі́тъ вѣрность, і падаетъ съ ней.
Скоро найті одного іѕъ тысячъ отнюдъ не надежно,
Ктобъ добродѣтель себѣжъ платою мнілъ іѕъ людей;
Самая честь правоты, беѕъ награды, хоть красная нѣжно
Толькожъ не льстітъ, і жаль даромъ быть добрымъ прі сей.

Овід. кн. II. отъ Понт. Елег. 3.

ввелъ, г. м., новое количество въ наши стіхи, назвавъ его тоническимъ, длятого что оно въ одномъ удареніи голоса состоитъ; однако симъ изобрѣтеніемъ какъ не великимъ, не величаюсь, а какъ не безделнымъ, не стыжусь.

Чуж. Я думаю, что сія щчаслівая ваша нахотка больше васъ веселитъ, нежелі все богатство въ древнія времена Крésa Царя.

Рос. Въ Крésѣ, г. м., Крésово было веселье; есть і въ каждомъ изъ насъ свое, [1]) а во мнѣ мое. Я віжу, что вы на то пошлі, чтобъ надо мною смѣяться. Но я знаю чемъ вамъ отплатіть: я схвачу теперь (Ф) і (Θ), і такъ васъ імі размучу, что вамъ ешче чувствітельнѣе будетъ, нежелі отъ тітлъ і словотітлъ.

Чуж. Не можноль пощчадіть? Я очень боюсь сіхъ буквъ, а особліво (Θ). Мнѣ случалось відѣть і вашіхъ нѣкоторыхъ, коі прінуждены былі претерпѣвать превелікую насмѣшку за то, что оні не знали въ пісьмѣ мéста, гдѣ (θ) надобно ставіть. Но я человѣкъ чужой; то за незнаніе сіе можетъ быть ешче і въ бѣду попаду.

Рос. Подлінно, г. м., затвердѣлое мнѣніе [2]) сільняе въ людяхъ, нежелі сушчая правда. Я і самъ знаю, что смѣются у насъ надъ такімі, которыі (Ф) ставятъ вмѣсто (θ); а смѣху сему прічіною старая і мудрая сія наша ортографія, которая между сімі

---

[1] Trahit sua quemque voluptas.

Virg. Ecl. 2.

[2] Plus est quod opinio adiicit, quam quod natura imperauit.

Senec. consol ad. Mart. cap. 7.

обѣімі буквамі разлічіе положіла, однако состоитъ оно токмо что въ начертаніи, а не въ голосѣ. Произношенію нашему все равно, хотя слово сіе Θекла, будетъ написано Феклою чресъ (Ф), а не чресъ (θ).

І понеже (ѳ) і (θ) между собою одногласные буквы, (стр. 26) і (стр. 39); то одна которая нібудь изъ ніхъ есть лішняя у насъ, і слѣдовательно, одной которой нібудь не должно быть употребляемой въ нашей ортографіи, по II основанію.

Рассудімъ же теперь, которой изъ ніхъ прілічнѣе въ нашей ортографіи остаться, і изъ оныя быть выключеной. Ежелі въ ніхъ іскать онаго подобія, по XI основанію; то обѣ изъ ніхъ съ трудомъ могутъ походіть на какую нібудь літеру изъ латінскаго Алфавіта. Слѣдовательно, равно быть хотя тоіі, хотя другоіі, а сіе какъ въ новоіі, такъ і въ староіі у насъ Азбукѣ.

Посему надлежітъ прібѣгнуть къ чему нібудь другому, которое бы могло твердо опредѣліть, что лучше сеіі именно, нежелі другоіі остаться въ Азбукѣ. Сіе что нібудь другое, не можетъ нічто іное сыскаться, какъ токмо літеры (Ф) одінакое во всѣхъ славенскіхъ языкахъ произношеніе, а буквы (θ) разлічное: ібо сію букву наші малороссіане произглашаютъ какъ (ft) латінскіе, а не какъ (f) просто по нашему; а (Ф) і у ніхъ также выговарівается, какь і у насъ.

І какъ сіе неспорімое; то слѣдуетъ, что слова написанныя у насъ чресъ (θ), напрімѣръ, *Марѳа, Θекла, Матѳеій*, малороссіане выговарівають, *Марѳта, Фтекла, Матѳтеій*: но чістому россійскому выговору не-

отмѣнно надобно, чтобъ онымъ словамъ всеконечно быть произносимымъ, *Марѳа, Фекла, Матѳей.* А понеже малороссіане букву (Ф) произносятъ неотмѣнно такъ, какъ мы; то, всѣ слова пишемыя у насъ чресъ (ѳ), буде напишутся чресъ (Ф), малороссіане, і всѣ славенскіі народы, употребляющчіі Кірілловскіе буквы, імѣютъ іхъ произносіть такъ, какъ чістый великороссійскій требуетъ выговоръ. Такое одінакое произношеніе весьма нужно, для єдінства нашего съ німі въ языкѣ, такъ что сіе мнѣ кажется всеконечно довольною прічіною, чтобъ намъ вездѣ пісать (Ф), а (ѳ) отрѣшіть вовся.

Къ сему отрѣшенію буквы (ѳ) вонъ ізъ Азбукі, превелікімъ есть поводомъ і власть Кірілла Філософа, который, предая славянамъ буквы въ то время, когда у грековъ іздавна уже была буква (ѳ), не взялъ ея, какъ почітай всѣ прочіе, отъ грековъ, но положілъ токмо одінъ (Ф), [1]) вѣроятно для того, что онъ не слышалъ у славянъ такова звона во всѣхъ словахъ, какой Грекі употребляютъ на произношеніе (ѳ), і потому рассуділъ ея намъ ненадобною.

Чуж. Подлінно, лехче пріводіть одного языка людей къ одінакому произношенію, наружнымі знакамі, которыі у всѣхъ одні, нежелі какімі наставленіямі. Но ежелі надобно быть такому *согласію въ произношеніи*, между вамі і малороссіанамі, врассужденіі (ѳ); то должно, чтобъ сіежъ самое было і врассужденіі буквъ (і) (ы) (Ѣ): ібо оні говорятъ *пріідьте*, а вы,

---

[1] Смотрі грыдорованный лісточікъ положенный въ заглавіі, і прімѣчаніе на стр. 17.

пріідіте; вы *человѣкъ* выговариваете, а они, *человікъ*; вы *желаніе*, а они *желаные*, и прочія премногія слова.

Рос. Вы далѣе распространяете *согласіе произношенія*, нежели какъ я его разумѣю. Вы думаете такъ, что буттобъ я хотѣлъ, чтобъ малороссійское произношеніе точно было такое въ своемъ способѣ, какое наше обычее. Сему никакъ статься невозможно: ібо сіе зависитъ отъ нѣкотораго природнаго особливаго движенія, пребывающчаго въ языкѣ и въ устахъ, такъ что сіе въ самомъ голосѣ произношенія нѣкоторую дѣлаетъ разность, которую и не острый слухъ чувствовать можетъ. Пускай, г. м., малороссійское произношеніе будетъ всегда такое, какое было понынѣ; пускай оно не инако разнится отъ великороссійскаго, какъ во Французскомъ языкѣ гасконское отъ господствующаго французскаго.

Я простираю мое *согласіе произношенія* до наружныхъ токмо знаковъ, тоесть, до буквъ особливості, а не до природы произношенія обычаго. Посему, когда мы произносімъ *человѣкъ*, а малороссіане, *человікъ*; то они перемѣняютъ въ послѣднемъ складѣ букву (ѣ), на (і), которую ежели письменно очамъ представятъ въ томъ послѣднемъ складѣ; то і мы также оный послѣдній слогъ произноситъ імѣемъ чрезъ (і), а не чрезъ (ѣ): ібо такъ они произносятъ букву (і), какъ і мы. Въ словѣ *желаніе*, буде мнѣ вмѣсто (і) напишется (ы); то і я буду малороссіаніномъ, і выговорю, *желаные*. Здѣсь сіе токмо можно сказать вобщче, что малороссіане справедливѣе иногда изображаютъ очамъ ортографическіі знакі, нежели іхъ голосомъ произносятъ въ совокупленіі, а не порознь.

Но врассужденіі буквы (ѳ); гдѣ она ні положітся въ складахъ, всегда у ніхъ проіsносітся *фта, фте, фті, фто, фту*; а у насъ, *фа, фе, фі, фо, фу*: то-есть, нашъ *Тімофей*, у ніхъ есть *Тімофтеемъ*, такъ что і самую букву (ѳ), мы назыиаемъ *фіта*, а оні *фтіта*. Когдажъ не будемъ мы пісать въ Тімофеѣ (ѳ); то нашъ *Тімофей*, і у ніхъ будетъ *Тімофеемъ*; а чрезъ сіе, весь отнімется споръ у послѣдующіхъ вѣковъ врассужденіі імені і выговора, какой нынѣ употребляется у насъ і у ніхъ на букву (ѳ). Сімъ точно образомъ я разумѣю *согласіе* мое *проіsношенія*.

Чуж. Ісрядно: і мнѣбъ теперь долженствовало казаться важнымъ сіе ваше *согласіе проіsношенія* въ буквѣ (ѳ), для єдінства вашего въ языкѣ съ малороссіанамі, ежелібъ только было въ сеіі буквѣ сілы, что вы ея проіsнóсіте какъ (Ф), а оні какъ (Фт), і потому надобно, чтобъ і оні ея также проіsносілі, подражая господствующему великороссійскому проіsношенію, какъ і вы, чего оні однако не могутъ учініть, ежелі будутъ відѣть въ вашіхъ словахъ букву (ѳ); а тогораді, должно отставіть букву (ѳ), а употреблять токмо (Ф).

Но не только въ буквѣ (ѳ) таінства. Ібо 1), і древніі рімляне, а імъ послѣдуя і мы всѣ прочіі европейцы, на ізображеніе греческія (*θ*), сдѣлалі своі (th); а чтобъ ізобразіть греческоежъ (*φ*), то составілі оні (ph), хотя і імѣлі собственную своѳ букву (f). Слѣдовательно, і у васъ дѣльно понынѣ ізображается греческая буква (*θ*), чрезъ (ѳ), а (*φ*) чрезъ (Ф).

2), а сіе самое важное, і не преодолѣемое, іменножъ, буде вы отставіте букву (ѳ), употребляя ток-

мо (Ф); то во многіхъ греческіхъ словахъ, употребляемыхъ у васъ, пропадетъ знаменованіе, ілі перемѣнітся въ другое: ібо когда сіе слово напрімѣръ *Θеодоръ*, которое значітъ *Божій даръ*, напішется чресъ (Ф) такъ, *Феодоръ*, то будетъ значіть *змѣевъ даръ*. Куда какая велікая і ужасная разность! Нѣтъ, г. м.; ілі обѣ сіі буквы надлежітъ постарому оставіть въ Алфавітѣ, ілі, когда уже́ лішніхъ, по разуму, не надобно, отставіть лучше (Ф), а (Θ) не отрѣшать.

І поістіннѣ, я думаю, что вамъ буква (Ф), для того лучше нравітся, что она скосыреватѣе буквы (Θ): ібо пускай лучше пропадаетъ *согласіе произношенія*, нежелі толікое буквы (*Θ*) таінство, тоесть, точное знаменованіе словъ.

Рос. Сіе сопротівленіе, которое вы теперь предложілі, я уже́ давно отъ многіхъ і нашіхъ слышу. Впрочемъ я не віжу, чего ради оно толь сільнымъ кажется. Я разсуждаю, что ні мало не слѣдуетъ, чтобъ намъ подобіться древнімъ рімлянамъ употребленіемъ буквы (Θ), для того точно, что рімляне імѣютъ (th), на ізображеніе греческія буквы (*Θ*). Россійская ортографія не імѣетъ ні малыя нужды быть подобна всякой чужой, которыя способъ употребленія не дѣйствітеленъ въ собственной нашей, по Х основанію. Тогораді, пускай рімляне ізображаютъ греческую (*Θ*) своімі (th). Рімляне такъ сдѣлалі; но воля іхъ. Мы также дѣльно (Θ) употребляемъ? Не весьма такъ; да і говорю, что подлінно не дѣльно то дѣлаемъ, потому что звонъ (Θ) точный есть у насъ въ (Ф), і для того лібо (Θ) лібо (Ф) у насъ лішній. Вы ізволілі уже́

слышать, что прілічнѣе быть (θ) лішною. Слѣдовательно, одному (Ф) надлежітъ у насъ остаться.

Съ другоій стороны, мы не імѣемъ тоя прічіны, для которыя рімляне ввелі своі (th) на ізображеніе греческія (θ). Древніі рімляне, особліво̀ж въ Ціцероновы времена, но такъ своі (th) тогда проізносілі, какъ всѣ мы нынѣ. Оні іхъ проізносілі какъ (tf). Сіе я утверждаю не собою, і не съ вѣтра. Свідѣтельствуетъ о семъ Ераѕмъ Ротеродамъ, въ разговорѣ своемъ о прямомъ проізношеніі латінскаго і греческаго ясыка: подтверждаютъ і жівыі аглічане, которыі, научівшісь отъ саміхъ рімлянъ прямому выговору буквъ, і будучі отдѣлены отъ всѣхъ прочіхъ европейцовъ моремъ, долѣе моглі сохраніть у себя оный прямыій древніій выговоръ рімскіхъ літеръ; чего раді і понынѣ ешче выговарівают̀ъ (th) какъ (tf).

Можетъ быть, что вы удівляетесь, по какой бы прічінѣ древнімъ рімлянамъ употреблять іногда духовыій свой знакъ, тоесть (h) (которыій состоітъ ізъ обоіхъ греческіхъ знаковъ духовыхъ же, і полагался прежде вверьху надъ гласнымі̀жъ по греческі, по свідѣтельству Атенееву въ 9 книгѣ) за еоліческую дігамму (f).

Я прічіны сему не знаю, развѣ токмо для того, что въ семъ рімскомъ знакѣ (h), таілось [1]) нѣкоторымъ образомъ по пріродѣ проізглашенія рімскаго, какъ еоліческая дігамма (f), такъ і греческое (χ). Но знаю совершенно, что древні рімляне употреблялі

---

[1] Бекманъ въ доказател. что (h) есть буква, а не просто знакъ духа.

своѥ (h), ѕа еоліческую дігамму (f) іногда. Доказываѥтъ сіѥ ѕнаменітый грамматістъ Теренціи Скавръ въ кнігѣ объ ортографіи, говоря, что древніи пісалі HABA, вмѣсто FABA (бобъ): но напротівъ того, і древнѣйшіяжъ слова́ чрезъ (f), какъ fordeum, fariolus, fircus, пото́мъ пріняли ѕа начальный ѕнакъ (h), і началі быть пішемы hordeum (ячмень), hariolus (провѣщчатель), hircus (коселъ). Намекаѥтъ і Квінтіліанъ въ кн. 1 въ гл. 4, что тамъ нынѣ пішутъ рімляне (h), гдѣ прежде пісывалі (f), а гдѣ нынѣ пішется (f), тамъ встаріну ставілась (h), напрімѣръ, foedum, нынѣ hoedum (коѕла́): а ѕа нынѣшнеѥ foedus (союзъ), древніи рімляне пісалі hoedus. Свідѣтельствуетъ і універсальный Тревультінскій Дікціонарій подъ літерою (H), предлагая, что древніи проіѕносілі forreum, ѕа horreum (жітніца). Гішпанская ортографія ешче понынѣ, по́слѣ древнія рімскія, сіежъ подтверждаѥтъ пішучі, harina ѕа farina (мука́), heruor ѕа feruor (кіпѣніе); honda ѕа funda (прашча). Відіте г. м., что у древніхъ рімлянъ (f) і (h) однімъ голосомъ іногда былі проіѕносімы, і одінъ ѕнакъ ѕа другоіи вѕаімно былъ употребляѥмъ.

Чегораді, нѣтъ прічіны удівляться, что рімляне своі (th) проіѕносілі какъ (tf), ізображая греческую (θ). І понеже оні інако выговарівалі (th), а інако (f) просто; то основательную імѣлі прічіну ѕдѣлать два разныі ѕнака, на́-два разлічныі го́лоса. Но мы, какъ свою́ (ѳ), такъ і (Ф) одінаково проіѕносімъ; то какая намъ прічіна імѣть на одінъ голосъ два ѕнака? Начто намъ безъ нужды умножать вешчі?

Ізъ сего, уповаю, что імѣѥтъ вамъ быть ясно, еже-

лі пріпомніть ізволіте то, что я вамъ імѣлъ честь уже́ донесть (стр. 40), о малороссійскомъ проізношеніі буквы, (о) какъ (ѳт), что оно нѣсколько не ісправное, і что былобъ праведное, ежелібъ оні ея проізносілі какъ (тѳ), послѣдуя древнему рімскому проізношенію.

Но что вы ізволілі говоріть о рімскомъ (ph), которымъ ізображаютъ оні греческое (φ), хотя і імѣютъ сей голосъ въ (f); то кажется вамъ твердымъ поводомъ къ тому, чтобъ і намъ послѣдовать грекамъ, равно какъ рімляне слѣдовалі і слѣдуютъ.

Подлінно, мы нынѣшнімъ грекамъ слѣдуемъ нашімъ (ѳ), проізнося его такъ, какъ грекі свое (φ), ілі какъ латіны свое (f). Но ѵзолъ въ томъ, чегобъ раді рімляне ѕдѣлалі свое (ph), імѣя сей голосъ въ (f). Мнѣ сей ѵзолъ не кажется Гордіевымъ, такъ что можно его і безъ Александрова развязать меча. Надобно ѕнать, такъ лі нынѣ грекі свое (φ) проізносятъ, какъ въ самую отдаленную старіну, і потому, сей лі точно голосъ древніі рімляне ізобразілі чрезъ (ph), который оні імѣлі въ (f), ілі какой другой? І хотяжъ я не могу точно доказать, какъ старінныі грекі проізносілі свое (φ); однако віжу по рімлянамъ чрезъ то, что оні свое (ph) не ѕа (f) просто проізносілі, но ѕа (pf), а по сему догадываюсь, что і грекі въ древнія времена выговарівалі свое (φ), какъ бы (πφ).

Будежъ бы сіе не такъ полагать; то бы подлінно нічемъ не можно оправдіть древніхъ рімлянъ, что оні ввелі (ph) ѕа (f) просто. Можете лі сказать, что оні сіе учінілі для греческія ортографіі, тоесть, чтобъ греческія слова́, употребляемыя на іхъ языкѣ,

ізображать такою літерою, которая бы точно значіла токмо греческое (φ), а латінскіе рѣчі своімъ (f)? Но сіе употребленіе было бы очень ізлішное: ібо і буква (f) есть не латінская, но еоліческая, тоесть, греческаяжъ, і звонъ въ (f) прежде ешче тотже, что і въ (ph) пóслѣ, і знаменованіе не пропадаетъ въ греческіхъ словахъ напісанныхъ по латінѣ чресъ (f), вмѣсто (ph).

Тогоради, всеконечно древніі рімляне іноі голосъ ізобразілі своімъ (ph), нежелі какоі імѣлі въ (f), ізображая греческое (φ); а сеі іноі голосъ не можетъ быть другоі, какъ токмо (pf), тоесть, тотъ самыі, которыі былъ безъ сомнѣнія у древніхъ грековъ въ (φ).

Поішчемъ же на сіе въ древніхъ подтвержденія. Вамъ ужé ізвѣсно, что сеі латінскіі духовыі знакъ, тоесть, (h), проізносíмъ былъ іногда у древніхъ рімлянъ за (f), тоесть за еоліческую дігамму, і что прі буквѣ (t) стоя́ для ізображенія греческія (θ), былъ онъ за (f). Тогоради, когда сеі же самыі знакъ ставітся у рімлянъ і пóслѣ (p), то не за что іное, какъ токмо за (f); ібо какъ въ греческоі (θ) проізношеніе огушченное, но разное способомъ огушченія отъ (φ), такъ і въ латінскомъ огушченіі (h) за (f) прі (t) есть такое, а прі (p) другое, такъ что (t) съ (h) ізображаетъ греческую (θ), а (p) съ (h) ізъявляетъ (φ).

Сіе я доказываю вопервыхъ Квінтіліаномъ, ізъ первыя его кнігі наставленіі объ ораторіі, главы четвертыя, гдѣ онъ предлагаетъ, что Ціцеронъ осмѣялъ свідѣтеля грека, которыі въ імені Фунданія рімляніна, первыя літеры не умѣлъ выговорíть. Но

первая літера въ семъ імені есть (F), которую греку надлежало такъ проіsнесть, какъ мы выговаріваемъ нашъ (Ф). А понеже Ціцеронъ насмѣялся греку; то відно, что грекъ сея літеры не умѣлъ выговоріть по рімскі, тоесть, какъ нашъ (Ф). Какъ же грекъ ея выговорілъ? Поістіннѣ греческімъ (φ), какъ нѣсколько сходствуюшчею буквою ізъ греческаго Алфавіта съ (F) латінскімъ, тоесть, назвавъ его Φουνδάνιος Пфунданіемъ по греческі, вмѣсто Fundanius, Фунданіемъ по латінскі. Не разбівается врассужденіі сего съ Квінтіліаномъ і грамматістъ Прісціанъ. Сей въ первоі книгѣ объ ортографіі ізъявляетъ разность латінскаго (ph) съ (f), говоря что (f) *проіsносітся не толь сжатыми губа́ми, какъ* (ph). І подлінно, ежелі (f) выговорітся какъ нашъ (Ф); то не столько сжімаются губы, сколько (ph) какъ (пф). Сія Прісціанова разность твердо показываетъ намъ погрѣшеніе онаго свідѣтеля грека, надъ которымъ насмѣялся Ціцеронъ; а сего мнѣнія держітся і Маттіи Геснеръ, профессоръ Елоквенціі въ Геттінгѣ, въ прімѣчаніі своемъ на помянутое Квінтіліаново мѣсто о Фунданіі.

Ізвѣсныій Єразмъ Ротеродамъ за сіежъ стоітъ мнѣніе. Онъ расказываетъ въ разговорѣ своемъ, о прямомъ проіsношеніі латінскаго і греческаго язика, такую історію. Нѣкто, говорітъ, ізъ хорошіхъ рімскіхъ гражданъ, которыій чішче говорілъ по латінѣ, нежелі самыі простыі тамъ люді, спрашівалъ нѣкогда у простака послучаю, гдѣ бы жілъ Амфіонъ. [Прошу прімѣчать, что сіе імя есть греческое, въ которомъ всеконечно надлежітъ быть греческому (φ), а латінскому, за сіе греческое (φ), (ph)]. Простакъ

ему отвѣтствовалъ, что нікако́ва Амфіона не знаетъ, і потому і двора его. Гражданінъ опечалілся, і говоритъ паки, что ему сказано, бутто сей домъ (указывая оный перстомъ) есть Амфіоновъ. Но простолюдінъ, слыша сіе, рассмѣялся, і подхватілъ: не правда, господінъ; тутъ живетъ не Амфіонъ, да Амніонъ.

Ітакъ, сей разговоръ гражданіна рімскаго съ мужікомъ объявляетъ намъ первое, что учтівѣйшіі рімляне лучше говорілі, нежелі кресьяне, какъ то і вездѣ водится. Второе, что ученнѣйшіі рімляне греческія імена выговарівалі по греческі, ілі сколько возможно бліже къ греческому выговору. Третіе, что обычее рімское проізношеніе, прежде Ціцероновыхъ временъ,[1]) было безъогушченія согласныхъ буквъ. Четвертое, что когда началі рімляне огушчать согласное (p); то не інако его надлежало імъ проізносіть, какъ токмо (pf), а не просто (f). Слѣдовательно, латінское (ph) за (φ), употреблялось у рімлянъ въ проізношеніі какъ (pf).

Чуж. Не спо́рю, что учтівѣйшіі рімляне лучше

---

[1] Самъ Ціцеронъ объявляетъ въ Ораторѣ своемъ, что і онъ долго не огушчалъ согласныхъ буквъ въ чужіхъ іменахъ, проізнося іхъ по обычему выговору. Однако пото́мъ употребленіе сіе отдалъ народу, а знаніе въ томъ для себя оставілъ. Но слѣдуютъ і точныя Ціцероновы слова́. Quin ego ipse, quum scirem ita maiores loquutos esse, vt nusquam nisi in vocali adspiratione vterentur, loquebar sic, vt pulcros et Cetegos, triumpos et Cartaginem dicerem, idque sero, conuitio aurium, quum mihi extorta veritas esset, vsum loquendi populo concessi, scientiam mihi reseruaui.

говорілі, нежелі простыі люді; не спо́рю, что ученыі рімляне греческія імена выговарівалі, ілі старалісь выговарівать по греческі; не спо́рю, что і согласныѣ буквы началі огушчать съ Цицероновыхъ временъ въ Рімѣ: но ешче сомнѣваюсь, чтобъ рімляне огушченное (р) sa (φ) выговарівалі какъ (pf) а не какъ (f) просто. Ібо когда гражданінъ спрашівалъ у мужіка, то можетъ быть онъ назвалъ того человѣка, Амфіономъ, а не Ампфіономъ; но Амфіонъ также не будетъ мужіцкімъ Ампіономъ.

Рос. Ежелібъ рімскіі оныі гражданінъ назвалъ его Амфіономъ; тобъ онъ греческое імя выговорілъ не греческімъ проізношеніемъ, тоесть, не токмо не огушченнымъ (р), которому всеконечно надлежітъ быть въ греческомъ імені sa (φ), но і весьма разною буквою отъ (р), тоесть (f), а (р) огушченное, тоесть (ph), было уже́ тогда у рімлянъ въ употребленіі sa (φ). Слѣдовательно, гражданінъ оныі былъ бы нѣкакіі человѣкъ незнаюшчіі. Но Ерasмъ его вводітъ шляхетнымъ і смысляшчімъ; і потому невозможно ему было не знать, что (f) есть не (φ) греческое, но Еоліческая дігамма, а (φ) греческое стало уже́ быть (ph). Будежъ бы (f) такъ проізносімо было, какъ (ph), тоесть, какъ (φ); то какая бы была прічіна смѣяться Цицерону надъ онымъ свідѣтелемъ грекомъ, выговаріваюшчемъ Фунданія также Фунданіемъ? Буде вы скажете, что оныі грекъ выговарівалъ латінскаго Фунданія Пунданіемъ; то бы сей грекъ такъ не зналъ і своея Азбукі, длятого что бы онъ вмѣсто (φ) выговорілъ свое (π), какъ онъ не іскусенъ былъ въ латінской. Но греку, въ Рімѣ, стоя́шчему въ судѣ

прі важнѣйшіхъ судьяхъ, і ешче свідѣтельствующчему противъ Цицерона, противъ Цицерона, говорю я, свідѣтельство свое подающчему словесно, не чаю всеконечно і всячески, чтобъ можно было быть безграматному: ібо і Цицеронъ нічемъ другімъ, тоесть, ні глупостію, ні грубостію, ні подлостію, ні незнаніемъ, не осмѣялъ его, но токмо страннымъ і дікімъ рімскому слуху выговоромъ, ставя себѣ, какъ превелікій і хітрый Ораторъ, [1]) і то въ прібытокъ, что

[1] Чітая сего Рімскаго Оратора не токмо слова, которыя нарочно краснорѣчіво сочінены, но і всѣ его філософскіе, дідактіческіе, і епістоларные книгі, невозможно не імѣть такова объ его краснорѣчіі мнѣнія, что богъ нарочно восхотѣлъ і благоволілъ поставіть въ Цицеронѣ мѣру человѣческаго краснорѣчія, тоесть, что до сея токмо высоты, какова въ Цицеронѣ, угодно ему стало проізвесть оное, такъ что, которое бы могло быть выше Цицеронова, тобы уже было выше человѣческаго. Справедліво поістіннѣ і достойно Квінтіліанъ слѣдующчую ему похвалу пріпісалъ, говоря:

Nec vero quod in quoque optimum fuit, studio consequutus est tantum; sed plurimas, vel potius omnes ex se ipso virtutes extulit immortalis ingenii beatissima vbertas. Non enim pluuias, vt ait Pindarus, aquas colligit; sed viuo gurgite exundat: dono quodam Providentiae genitus, in quo totas vires suas eloquentia experiretur. Nam quis docere diligentius, mouere vehementius potest? Cui tanta vmquam incunditas adfuit? Vt ipsa illa quae extorquet, impetrare eum credas; et cum transversim vi sua iudicem ferat, tamen ille non rapi videatur, sed sequi. Iam in omnibus, quae dicit, tanta auctoritas inest, vt dissentire pudeat; nec aduocati studium, sed testis, aut iudicis adferat fidem. Cum interim haec omnia, quae vix singula

искуснаго человѣка, тоесть, грека, могъ поймать въ чемъ нибудь.

---

quisquam intentissima cura consequi posset, fluunt illaborata: et illa, qua nihil pulcrius auditu est, oratio, prae se fert tamen felicissimam facilitatem. Quare non immerito ab hominibus aetatis suae REGNARE IN IVDICIIS dictus est: apud posteros vero id consequutus, vt Cicero iam non hominis, sed Eloquentiae nomen habeatur. Hunc igitur spectemus; hoc propositum nobis sit exemplum. ILLE SE PROFECISSE SCIAT, CVI CICERO VALDE PLACEBIT.

Тоесть:

Онъ (Цицеронъ) неусыпнымъ своимъ тщаніемъ, не токмо то себѣ одному пріобрѣлъ, что въ каждомъ (ораторѣ) порознь самое лучшее было; но его бессмертнаго остроумія благополучнѣйшее изобиліе произвело само собою премногіе, или лучше, всѣ доброты краснословія. По истинѣ, не каплі онъ дождевыхъ водъ, какъ говоритъ Пиндаръ, собираетъ; но чистымъ и самороднымъ проистекаетъ источникомъ: въ даръ нѣкоторый отъ божественнаго Провидѣнія рожденный словеснікъ, въ которомъ бы Краснорѣчію испытать всѣ свои сіли. Ибо кто изъяснить дѣло обстоятельнѣе и справедливѣе, а сердца возбудить сильняе и дѣйствительняе можетъ? Въ комъ толіко когда находілась слатчайшая слова пріятность? Такъ что, самое то, что онъ насильствомъ отъемлетъ, кажется, что склонностію и прозбою получаетъ: і хотя онъ сілою своею на всѣ стороны превращаетъ судію; однако сей мнитъ, что не принужденіемъ похищается отъ него, но самъ за нимъ слѣдуетъ добровольно. Ктомужъ во всемъ что онъ ні предлагаетъ, толь превелікая обрѣтается важность, что весьма стыдно і sasorno не быть съ нимъ согласну: а въ дѣйствіі і представленіі его, не токмо повѣреннаго защитника зрится радѣніе, но і

Съ другой стороны: самому бы мужіку не-было прічіны рассмѣяться, что гражданінъ выговорілъ Амфіона Амфіономъ: ібо і ему бы надлежало его вы-

---

свідѣтельская вѣрность, і судейская должность і правота. Однако все сіе, ізъ чего і одно токмо которое нібудь, едва кто самымъ прілѣжнымъ трудомъ достать себѣ возможетъ, быстрою у него течетъ рѣкою пріродно, і безъ всякаго себя прінужденія: да і всѣ произнесенные имъ оные славные рѣчі, которые какъ сочінены нарочно для услажденія, такъ і нічтожъ не можетъ сладоснѣе быть іхъ слуху, вездѣ проявляютъ въ себѣ нѣкоторую несравненно щчаслівую способность. Чегораді, по крайнему достоінству вѣка его люді говорілі, что онъ ЦАРСТВОВАЛЪ ВЪ СУДѢ: но у послѣдующчіхъ родовъ толікую себѣ заслужілъ славу, что імя сіе ЦІЦЕРОНЪ, не за человѣческое уже імя просто, но за самое краснорѣчіе почітаемо быть стало. І такъ, на сего едінаго взіраті, і ему токмо во всемъ подражать должно: онъ едінъ совершенный намъ есть образецъ въ сочіненіі. Словомъ, ДА ВѢРІТЪ ТОТЪ ОХОТНІКЪ ВСЕКОНЕЧНО, ЧТО УЖЕ ОНЪ ПОЛУЧІЛЪ СЕБѢ ЖЕЛАЕМЫЙ УСПѢХЪ ВЪ КРАСНОРѢЧІІ, ЕЖЕЛІ КОМУ ЦІЦЕРОНЪ ПОЛЮБІЛСЯ БЕЗМѢРНО.

Квінтіл. наставл. орат. кн. 10. гл. І.

Поістіннѣ, можно отважіться сказать, что Гомеровъ ізъ Іліады, книгі І., стіхъ 443 самымъ дѣломъ далеко лучше прілічествуетъ Ціцерону, нежелі оному Ахіллессову вымышленному Гофмейстеру Фенікcу: ібо Ціцеронъ дѣйствітельно такімъ былъ, какімъ вводітъ Гомеръ онаго Фенікса баснословно.

Μύθων τε ῥητῆρ' ἔμεναι, πρηκτῆρά τε ἔργων,

Товсть:

І на слова рѣзецъ,
І на дѣла прошлецъ.

говарівать также Амфіономъ, а не Ампіономъ. Чего ради? Для того, что обшчему бы у древніхъ рімлянъ надлежало посему быть такому выговору, чтобъ греческое (φ), полатінѣ выговарівать какъ (f) ежелібъ сіе (f) у рімлянъ точно такъ проіsносілось, какъ (ph) sa (φ): сіежъ толь наіпаче, что греческіхъ словъ іздревле уже́ много было въ латінскомъ ѧзыкѣ, і буква (f) далеко древнѣйшая у латінъ, нежелі (ph), такъ что і кресьянамъ, і средняго состоянія людямъ, і высокімъ особамъ не інакобы употреблять можно было (f) въ греческіхъ словахъ, какъ токмо sa (φ). І потому, і оный бы мужікъ Ампіона своего долженъ былъ выговарівать, по обшчему і єдінственному обыкновенію, Амфіономъ. Но понеже вся древность латінскаго ѧзыка доказываетъ, что всѣ рімляне, прежде Ціцероновыхъ временъ, какъ вмѣсто (φ) греческаго употреблялі (p) свое неогушченное, такъ і вмѣсто (θ), (t) не огушченноежъ, тоесть, не прібавлівая къ німъ знака огушченія (h), проіsносімаго какъ (f), о чемъ уже́ я вамъ доносілъ. Сія есть прічіна, что простакъ оный отъ Єразма пріведеный сказалъ, что тутъ жіветъ Ампіонъ, по древнѣйшему употребленію, а не Амфіонъ, какъ уже́ ученнѣйшіі выговарівать сталі.

Чуж. Скажітежъ мнѣ, прошу, чего ради нынѣ всѣ выговарівають латінскімъ ѧзыкомъ (th) какъ одно (t), а (ph) какъ (f): ібо і мнѣ уже́ кажется вѣроятно, что (th) надлежітъ выговарівать какъ (tf), а (ph), какъ (pf).

Рос. Прічіны сему нікакія не віжу іныя, какъ токмо одну легость въ выговорѣ, къ которой во всѣхъ ѧзыкахъ особліво нѣжный женскій полъ склоненъ. Можно сіе і нашімъ ѧзыкомъ доказать, ежелібъ о семъ

дѣло у меня было. Итакъ, легость оная прівела рімлянъ напослѣдокъ, а можетъ быть предводітельствомъ Госпожъ, что оні сімъ нынѣшнімъ образомъ выговарівать сталі обѣ оные двойные буквы: ібо подлінно лехче выговоріть ta, te, ti, to, tu, нежелі tfa, tfe, tfi, tfo, tfu; также і fa, fe, fi, fo, fu, нежелі pfa, pfe, pfi, pfo, pfu. Но что і легость прівела іхъ выговарівать sa tfa, одно ta, а sa pfa одно fa, хотя і казалось бы, что ібъ sa tfa надлежало выговарівать fa жъ, ібъ sa pfa, ра: то сія самая непрáвільность доказываетъ, что сіе сдѣлалось не нарочно, но нечувствітельно утверділось во всемъ тогда народѣ, і до насъ нынѣ дошло, такъ что подлінно нікто другой сего не зачіналъ, кромѣ нѣжнаго выговора, который ні на какую прáвільность не смотрітъ.

Чуж. Кажется мнѣ, г. м., что вы первую моѭ статью очістілі. [1]) Но вся у меня надежда на вторый пунктъ, тоесть, что точное знаменованіе словъ пропадаетъ, ілі перемѣнітся въ другое непрілічное, ежелі (ѳ) не употреблять, гдѣ надлежітъ, а ставіть вездѣ (ф) одінъ. Подлінно, когда вы сіѭ моѭ твердость passoріте; тобуду васъ почітать за Віргілієва въ єклогахъ Аполліна. [2])

Рос. Не много, г. м., къ разрушенію до подошвы сея крѣпості надобно сілъ. Нѣсколько чтенія і пріроднаго рассужденія, также небольшое іскуство въ греческомъ і въ нашемъ языкѣ, въ кускі разметать

---

[1] Сей родъ ізображенія употребляется у пріказныхъ людей.

[2] Et eris mihi magnus Apollo. Ecl. 3.

могутъ всю вашу сію оборону, равно какъ порохомъ подорвавши.

Чуж. Не надѣюсь, чтобъ вашъ порохъ могъ быть къ сему толь сіленъ: однако посмотрімъ.

Рос. Ежелібы раскаты ваші былі тверже; тобы мнѣ съ моімъ порошішкомъ не надлежало і соваться.

Чуж. Что вы мнѣ смѣшкамі токмо плáтіте? Я не требую сея непрямыя монеты: вы должны мнѣ чістымъ отсыпаться ѕолотомъ. Помніте лі вы, что Ѳедоръ, напісанный Федоромъ, будетъ не Божіи, но ѕміевъ даръ?

Рос. Ѕолота мнѣ взять нѣгдѣ. Я вамъ такую оточту монету, какую імѣю, тоесть, ѕа пісаннаго Ѳедора, пісаннымъ же ѕаплачу Федоромъ чресъ (Ф): чістаго ѕолота іщіте гдѣ ізволіте: а я чемъ богатъ, тѣмъ вамъ буду і радъ, [1]) по прісловію.

Чуж. Да всемъ сáмомъ г. м., і сіла дѣла: благоволітежъ сопротівленіе мое ілі отразіть, ілі прізнать вашу неправду: ібо невозможно, сколько мнѣ відно, нікакóва найті убѣжішча, чтобъ было прáвільно пісать Ѳедора чресъ Ф, а не чресъ (ѳ).

Рос. Куда ѕнать сія бомба сільна, на пораженіе всякаго недоброхота (ѳ)! Отъ того времені, какъ Федоровской тріязычной букварь вышелъ насвѣтъ, всѣ

---

[1] Nos alicam, mulsum poterit tibi mittere diues:
Si tibi noluerit mittere diues, eme.

Тоесть:

Брашкі посылакмъ мы, меду дастъ богатый:
Будежъ онъ не дастъ, купіть самъ будь тароватый.
Марціал. Кѳен. 6.

гремятъ только что ею. Нѣтъ у нихъ ні Феопомпа, ні Феопемта, ні Феодота, ні Феодула; одінъ токмо Феодоръ подъ рукамі; Феодоромъ вездѣ і отъ всѣхъ себя ѕашчішчаютъ: сіежъ для того подлінно, что оный трі-ѧзычный букварь Федоромъ собранъ і ізданъ.

Чуж. Ешче смѣшкі і уверткі! Мнѣ, г. м., не такое надобно доказательство. Ежелі только у васъ; то і дѣ-ла нѣтъ. Не *сілятся лі*, [1]) посему, *гóры родіть. а родіτся смѣшныій мышонокъ?*

Рос. Ізвольте слушать, г. м., ізвольте: я всяческі потшчусь, чтобъ мнѣ, і нікому ізъ пресіраюшчіхъ (ѳ), больше не слыхать отъ васъ толь ѧзвітельнаго нареканія. [2]) Вы ізволіте говоріть, что буде (ѳ) выключітся ізъ Алфавіта; то во многіхъ словахъ, пішемыхъ съ греческаго чресъ (ѳ), пропадетъ точное ѕначеноване, ілі оное въ іное далекое перемѣнітся. Но я доношу, что на нашемъ ѧзыкѣ ні того, ні другаго не ѕдѣлается.

Ібо, когда слово какое состоітъ ізъ всѣхъ должныхъ себѣ складовъ, а каждыій складъ ізъ всѣхъ надлежашчіхъ ѕвоновъ, і способовъ ѕвона буквамі ізображаемыхъ, то невозможно статься, чтобъ оное слово не такъ выговаріваемо было, какъ надобно, на ізъявленіе вешчі тѣмъ словомъ, въ какомъ нібудь ѧзыкѣ, ознаčаемыя. Сіе неспорімое есть, что каждая буква есть наружныій ѕнакъ ѕвона, ілі его способа, онажъ

---

[1] Parturiunt montes nascetur ridiculus mus. Horat. art. poët.

[2] Efficiam posthac ne quem quam voce lacessas. Virg. Ecl. 3.

нераздѣльная часть склада, і содержітъ сама въ себѣ ту довольную прічіну, по какой полагается въ томъ наіпаче, нежелі въ другомъ мѣстѣ склада, по 1-му основанію.

Но пріведенное отъ васъ слово Ѳеодоръ, когда напішется чресъ (ф) Феодоромъ; то оно на нашемъ ѧзыкѣ ізъ всѣхъ должныхъ себѣ складовъ состоять імѣетъ, также ізъ всѣхъ ѕвоновъ, і способовъ ѕвона буквамі ізображаемыхъ: ібо каждый ізъ насъ такъ его всегда выговорітъ напісанное чресъ (ф), какъ оно выговарівается чресъ (ѳ).

Слѣдовательно, не можетъ оно у насъ нікакъ точнаго своего ѕначенованія лішіться, ілі перемѣніться въ другое дікое. Сверьхъ сего, праведно есть, что целое токмо слово, которое ознаічаетъ помышляемую вешчь; а складъ ізъявляетъ дѣйствующій ѕвонъ въ выговорѣ человѣческомъ, букважъ, ѕвонъ просто человѣческій, ілі того ѕвона способъ, (стр. 13). Но у насъ дѣло ідетъ объ одной токмо буквѣ, которая тотже самый ѕначітъ способъ ѕвона, что і (ѳ); посему (ѳ) есть лішняя, какъ ужé я вамъ доносілъ: а слѣдовательно (ф), напісанный вмѣсто (ѳ), не перемѣнітъ, ні істребітъ ѕначенованія въ словѣ Феодоръ.

Угодно лі вамъ ѕнать, что у насъ ѕначітъ сіе слово Феодоръ? Феодоръ у насъ, только что Феодоръ, то-есть, нѣкоторый человѣкъ мужескаго пóла такъ іменуюшчійся. Равнымъ образомъ і всѣ прочія греческія словá, на нашемъ ѧзыкѣ употребляемыя, і понынѣ пішемыя въ складахъ чресъ (ѳ), лібо человѣческія просто імена, тѣмі ѕвонамі проіѕносімыя, лібо названія просто другіхъ вешчей, которыя всѣ не потеря-

ютъ своего знаменованія, ежелі ізъ всѣхъ должныхъ себѣ складовъ, і буквъ состоять імѣютъ, хотя і напішутся чресъ (Ф).

Впрочемъ не спо́рю, ібо праведно, что слово Феодоръ на греческомъ языкѣ, напісанное чресъ (*θ*), значітъ *Божій даръ*; но весьма ложно, что оножъ значітъ *зміевъ даръ*, напісанное чресъ (*Ф*), для того что по-греческі змій не *Φέος*, но *ὄφις*. Съ другой стороны, пускай такія імена у грековъ знаменательны: намъ что до ніхъ? Совемъ лі мы *Евграфа благопісцемъ*, *Евдокію благоволеніемъ*, *Анастасію воскресеніемъ*, *Василія Царскімъ*, *Нікіту побѣдітелемъ* і прочіхъ? У насъ такъ Феодо́ра Феодорою, какъ Феодоръ Феодоромъ.

Не противлюсь і въ семъ, что етімологія, ілі проізведеніе словъ, есть нѣчто не малое для ученыхъ людей. Ітакъ, кто ізъ ученыхъ знаетъ что то ілі другое слово, есть греческое, ілі другаго како́ва языка; тотъ вѣдаетъ і ортографію его, тоесть, ізъ какіхъ оно состоітъ буквъ, і потому, знаетъ і знаменованіе его: будежъ не знаетъ; то станетъ доісківаться.

Пускай же ученыі люді проізведенія словъ доісківаются. Но ортографія не для одніхъ токмо ученыхъ, да і для всѣхъ безъ ізъятія, которыя вся сіла въ томъ состоітъ, чтобъ знать, которую букву въ которомъ складѣ, і гдѣ въ немъ, а складъ, въ которомъ мѣстѣ всего сло́ва поставіть.

Пустая, г.м., мудрость, поістіннѣ пустая, а дѣйствітельная трудность, ежелі въ которой Азбукѣ больше буквъ, нежелі сколько надобно. Начто безъ пользы мучіться, і терять время, для того токмо, чтобъ знать, гдѣ должно пісать (ѳ), і гдѣ (ф)? Не всѣ у насъ учі-

лісь греческому, ілі латінскому, ілі какому другому языку, безъ ѕнанія которыхъ невозможно ѕнать разлічія въ сіхъ буквахъ; а однако ортографію нашу, не токмо ученымъ людямъ, но і всѣмъ тѣмъ, которыі у насъ пісать умѣютъ, всеконечно ѕнать должно: ібо какъ бы оні пісалі, ежелі бы не ѕналі которыій складъ, і которое мѣсто склада, которыя буквы требуетъ, для напісанія цѣлаго слова? Но такое ѕнаніе, ешче несравненно лехчайшее будетъ, когда, каждая буква свой токмо ѕвонъ, ілі его способъ, означа́ть імѣетъ: сіе вамъ само собою вразумітельно. Будежъ одінъ і тотже ѕвонъ, ілі способъ его, означа́ется двумя ілі тремя ѕнакамі; то какъ не быть сомнѣнію, і слѣдовательно затрудненію въ пісателѣ, а особліво въ непрікоснувшемся къ такімъ наукамъ, которые рассуждаютъ о сілѣ і свóйствѣ буквъ, какую ізъ оныхъ употребіть должно въ складъ?

Сверьхъ всего сего, ежелі грѣшно въ греческіхъ у насъ словахъ, пішемыхъ нашімі буквамі, употреблять, по обшчему всѣхъ проіѕношенію, букву (Ф), вмѣсто (ѳ); тобъ велікій же і непростімый былъ грѣхъ, пісать і букву (т) вмѣсто тояжъ (ѳ). Сіі, напрімѣръ, греческія слова́, θεολογία, θέμα μαθηματικὴ, которыя надлежало у насъ пісать, смотря на греческую ортографію, такъ: ѳеологіа, ѳема, маѳіматіка. Однако, нынѣ едва, і едва лі ешче, кто можетъ найтісь, который бы іхъ не чресъ (т) выговарівалъ сімъ образомъ: Теологіа, Тема, Математіка: і потому, не токмо въ семъ нікако́ва грѣха не находятъ, но ешче сіе самое і за красоту почітаютъ. Напротівъ того, ніктожъ не проіѕнесетъ у насъ сіхъ греческіхъ словъ

Θεράποντα, *Θεοδόσιον*, Терапонтомъ, Теодосіемъ; но всѣ выговарівають Ферапонтомъ, Феодосіемъ.

Итакъ, г. м., въ сихъ і подобныхъ греческихъ на нашемъ языкѣ словахъ, не произведеніе ихъ, ілі знаменованіе наблюдается, но смотрітся токмо, какъ оні у насъ выговаріваются, дабы по звону ихъ намъ правільно написать, въ чемъ вся ортографическая исправность і состоітъ токмо въ одномъ, по твердому і не преодолѣемому Квінтіліанову, книгі I, главы 7, основанію, тоесть: *Такъ пісать надлежітъ, какъ звонъ требуетъ: ібо должность пісменъ въ томъ, чтобъ имъ храніть голосы, і какъ закладъ отдавать ихъ чітателямъ.* [1]) А на семъ одномъ і я утвердівшісь, произвожду мою ортографію, положівъ за первое себѣ основаніе, сіе самое Квінтіліаново опредѣленіе, і составівъ его другімі словамі. Тогораді, не надлежітъ прібѣгать, врассужденіі ортографіі, къ знаменованію словъ: сімъ наібольше да пользуются ученыі; а правопісаніе давно уже́ отдано, какъ токмо наблюдающчее должныі звоны складовъ, обшчему всѣхъ употребленію.

Чуж. Прошчаі же ты пісанный Θеодоръ чресъ (ѳ)! Я думалъ, что въ (ѳ) твоей стоящчей въ самомъ начальномъ складѣ, есть нѣкоторая твердая сіла, анъ только что мнімое таінство, чтобъ не сказать пустое. Напрасно понынѣ многіі на тебя надѣются. Подлінно, хотябъ і впрямь вывелъ я на сраженіе сільняе і

---

[1]) Sic scribendum quidque iudico, quomodo sonat: hic enim vsus est literarum, vt custodiant voces et velut depositum reddant legentibus.

Quinctil. Lib. I. cap. 7.

врачнѣе тебя Феопомпа; однако і съ сімъ богатыремъ прінужденъ бы я былъ тылъ показать. Но ты прі Феопомпѣ Федюша.

Рос. Казалось бы, г. м., что я васъ толь несмачною матерією въ скуку прівелъ; но вы отчасу веселяе становітесь.

Чуж. Прошу, не прінять сего въ досаду: я надѣюсь, что сімъ вамъ самімъ нѣкоторую услугу показываю.

Рос. Какую, г. м.? Не думаете лі і меня тѣмъ развеселіть, для того что я толь угрюмую матерію предлагаю? Но сія ваша услуга дѣлаетъ мнѣ таіно больше обіды, нежелі польвы і чести явнымъ вашімъ слушаніемъ.

Чуж. Позвольте правду себѣ донесть, для того что вы самі сперва началі праведное говоріть, а именно, что я васъ слушаю толь терпѣлівно, то подлінно нѣсколько вамъ чести самымъ слушаніемъ дѣлаю: но чтобъ чемъ васъ обідѣть, то і на мысль мнѣ нікогда прітті не можетъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что слушая у васъ сію матерію, которая по своей прірождѣ не весьма веселая, лучше быть Демокрітомъ, нежелі Гераклітомъ.

Рос. Извольте смѣяться въ такомъ разумѣ, извольте по Демокрітову: веселый і ясный разумъ способнѣе внімаетъ предлагаемое, нежелі пасмурный. Полно і тѣхъ Гераклітовъ, которыі вправду плачутъ, чітая смѣшныя скаскі. Но я пакі за тужъ пѣсню, по которой рѣкѣ плыву, то есть, за буквы.

Я уже вамъ донесъ, что буква (Ѣ), съ (Е) нікакія разности не імѣетъ въ голосѣ, хотя хітрая древняя

школа і разлічіла іхъ токмо положеніемъ въ склады (стр. 40). Однако, положеніе буквъ въ склады не измѣняетъ своѝства въ ніхъ. Слѣдовательно обѣ онѣ одінъ голосъ означаютъ; і потому одна изъ ніхъ лішняя, по II основанію. Подлінно, старому Алфавіту равно, хотя букву (Ѣ) отставіть, а употреблять (Є), ілі хотя пісать (Ѣ), а отрѣшіть (Є); развѣ токмо для сего лучшебы оставіть въ тоѝ Азбукѣ (Є), что сію точно Кіріллъ Філософъ въ своеѝ положілъ.

Но гражданской новой печаті надобно ешче сего смотрѣть, которая изъ ніхъ больше походітъ на латінскую, ту і употреблять, по XI основанію. І какъ буква (Е) есть точно латінская Фігура; то слѣдуетъ, что въ гражданскомъ Алфавітѣ надобно отдать мѣсто буквѣ (Е), а (Ѣ) изъ онаго выключіть какъ для смѣшенныхъ согласнымі буквамі складовъ, такъ і для назыв аемыхъ чістымі.

Ясно вамъ, г. м., что сіе доказательство, многажды отъ меня повторенное для ізлішніхъ і одногласныхъ буквъ, дѣйствітельнобъ могло быть, къ выключенію буквы (Ѣ) изъ Азбукі. Но коль разумъ ні основательно опредѣляетъ; однако нѣтъ *правіла*, какъ говорятъ по латінѣ *без изъятія*. [1]) Превелікіѝ і основательныѝ страхъ не допускаетъ, вывесть изъ Азбукі буквы (Ѣ). Онъ такую нужду въ семъ представляетъ, что нікакъ невозможно его не послушать. Отъ презрѣнія его, воспослѣдуетъ превелікая гібель чістому нашему выговору, въ премногіхъ тысячахъ рѣчеѝ. Словомъ, изъ двухъ вредовъ, изъ которыхъ одному коему нібудь

---

1 Nulla regulla sine exceptione.

надобно быть необходімо, лучше выбрать тотъ, который не столько вреденъ.

І поістіннѣ, противно разуму, чтобъ на одінъ звонъ двумъ быть знакамъ, по ІІ основанію. Но ешче противѣе імѣетъ быть нѣжному слуху, ежелі чістота выговора пропадетъ. Ібо такъ мы прівыклі відѣть букву (Ѣ) въ смѣшенныхъ складахъ согласнымі, что ежелі въ ніхъ ставіть (е) вмѣсто ея; то всеконечно всѣ оную выговарівать станутъ какъ (е). Напрімѣръ, слова *тебѣ, побѣда, къ славѣ, вѣрная, пѣснь, дѣйство, крѣпко*, ежелі напісать по разуму, *тебе победа, къ славе, верная, песнь, действо, крепко*; то не отмѣнно всѣ мы будемъ проізносіть такъ: *тебе, победа, къ славе, верная, песнь, действо, крепко.*

Ахъ! г. м.; коль ні клонятся многіі къ сему проізношенію, не научівшісь хорошенько смала раздѣлять звоны: но оно толь есть порочное, что невозможно ізобразіть сколько, развѣ токмо, что оно пребезмѣрно порочное. Тогораді, для іскорененія сего порока, сколько возможно надобно оставіть по прежнему въ Алфавітѣ, не токмо старомъ, но і въ новомъ букву (Ѣ). Однако съ такімъ уговоромъ, чтобъ еи всеконечно быть токмо строчной, і полагаться въ складахъ согласнымі только растворенныхъ; а въ чістыхъ нікогда, хотябъ то было і въ косвенныхъ надежахъ, какъ то понынѣ употребляется въ обѣіхъ печатяхъ: а о семъ я вамъ не упомянулъ тогда съ забвенія, когда расказывалъ ортографію буквъ (Ѣ) і (Є) (стр. 40). Но въ семъ прошу прошченія.

Чуж. Ага! г. м., прігнала нужа къ поганой лужѣ, какъ говорітся. Вотъ сколько твердо второе ваше ос-

нованіе! Небольшое ізъятіе почітай его втрѣскі раскідываетъ.

Рос. Не правда, г. м.: оно во всей своей целості пребываетъ. Я не говорю, что буква (е), написанная какъ въ чістыхъ, такъ і въ растворенныхъ согласными складахъ, не тотже голосъ значітъ, что (Ѣ); і потому, не говорю, чтобъ сія вторая буква не была лішняя, і чтобъ одноя (е) не́-было довольно на изображеніе звона, каковъ изображаютъ латінскіе (ie). Я доношу вамъ только, что необходімая нужда, которая імѣетъ сохраніть чістый нашъ выговоръ въ премногіхъ словахъ, невольную подаетъ прічіну къ оставленію въ Азбукѣ буквы (Ѣ). Но по нуждѣ і закону не бываетъ ні перемѣны? Ежелібъ такіхъ ізъятій нѣсколько было; тобъ оныя уже́ не ізъятіями былі, но пра́вілами. А то відіте, что одно только, да і то такое, которое можетъ въ са́мой вешчі і не быть, будебъ полезнѣйшее нѣчто не вводіло его, хотя сіе полезнѣйшее сдѣлалось токмо по случаю, а не такъ, чтобъ оно всеконечно необходімое было.

Ізвольте токмо положіть, что современемъ всѣ наші выговарівать станутъ букву (е) чістую, і согласными растворенную, какъ (ie) латінскіе; то въ такомъ случае буква (Ѣ) сама собою і ісчезаетъ: а пропадаетъ она для того, что второе мое основаніе твердо і не поколебімо стоі́тъ. Но нынѣ оставляется она не потому, чтобъ мое основаніе было не твердое, і не обшчее, но для того, что гібель учініться въ премногіхъ словахъ чістому выговору, ежелі она выключіться по разуму.

Чтожъ можетъ быть важнѣе і нужняе чістаго вы-

говора въ языкѣ? Что сладоснѣе і пріятнѣе слуху? Но въ нынѣшнее время вся сія важность і пріятность істребится, буде не пріложится радѣніе къ сохраненію оныхъ: а постараться о семъ нѣтъ другаго способа, какъ токмо, чтобъ оставіть букву (Ѣ). Слѣдовательно, пускай она остается, і остается съ тѣмъ, какъ я уже́ напомянулъ, чтобъ ей полагаемой быть только въ смѣшенныхъ складахъ согласнымі буквамі, і быть токможъ строчной.

Чуж. Но какъ бы вы сіе ні толковалі; однако, такое буквы (Ѣ) употребленіе не токмо разсоряетъ II основаніе ваше, но прітомъ ешче і VI. Ібо, когда позволяется быть какой буквѣ строчной, ей же само́й надобно быть і прописной по тому основанію. А у васъ (Ѣ) токмо что строчный остается.

Рос. Ешче больше утѣсніть меня імѣете вашімі сопротівленіямі, ежелі прібавіте, что сіе употребленіе нѣсколько уничтожаетъ і самое главное мое основаніе, а іменно, первое. Однако мнѣ кажется, что я непоколебімъ отъ васъ пребуду. Я не оставляю буквы (Ѣ) во́вся въ Алфавітѣ, для того что есть уже́ сей звонъ въ буквѣ (е), которая совершенно подобна латінской для гражданскія печаті; но токмо на время, пока наші прівыкнутъ букву (е) произносіть точнымъ ея голосомъ, какъ въ чістыхъ такъ і смѣшенныхъ складахъ. А понеже теперь есть ешче страхъ, чтобъ какъ чістаго нашего выговора не повредіть. Тогораді, нужда, і таешче крайняя, велітъ, чтобъ еяоставіть, подлінно въ нѣкоторое малое предосужденіе моімъ основаніямъ. Однако, какъ одна ласточка не дѣлаетъ, по

латінскому і греческому пріслοвію, весны; [1]) такъ одна буква оставленная почітай не ѕа букву, но ѕа нѣкоторый родъ намѣсніцы буквѣ (ѥ), і въ нѣкоторыхъ токмо случаяхъ, не ѕдѣлаетъ превелікаго і обшчаго опроверженія моімъ основаніямъ.

Не надѣюсь, чтобъ вы моглі сказать, что моі основанія неосновательны. Ітакъ, когда оні тверды самі въ себѣ; то не можетъ іхъ нічто прівесть въ колебаніе, хотя і кажется, что оставленная буква (Ѣ) нѣсколько іхъ повреждаетъ; однако повреждені сіе не проісходітъ отъ того, что употребленіе буквы (Ѣ) есть тверже моіхъ основаній, но проізводітъ оное временная уступка нуждѣ. Сколько бы тучі не ѕакрывалі солнце; оно всегда само собою свѣтло, хотя свѣтъ его отъ нашіхъ глазъ і отнімается на время. Что дѣлать, г. м.,? [2]) Нѣтъ нічего въ свѣтѣ толь ізряднаго, чтобъ малаго въ себѣ не імѣло недостатка. Впрочемъ, сіе самое ізъясненіе моѥ о буквѣ (Ѣ), долженствуетъ служіть всѣмъ ѕа нѣкоторое особлівое правіло, которое не включается въ обшчее распространеніе основаній; а правіломъ сімъ долженствуетъ оно почітаться на время.

Чуж. Будь же по вашему, когда вамъ такъ угодно; да і желаю, чтобъ і всѣмъ сіе ваше ізъясненіе довольнымъ показалось: а я букву (Ѣ) такімъ образомъ употреблять буду, какімъ вы хотіте, для сохраненія чістаго выговора въ вашемъ ѧзыкѣ. Прітомъ, прошу

---

[1] *Οὐ ποιεῖ ἔαρ μια χελιδών.*
Vna hirundo non facit ver.

[2] Commoditas omnie sua fert in commoda se cum.

не погнѣваться на моі сопротівленія: мнѣ подумалось, что ежелібъ я іхъ вамъ не предложілъ; тобъ другой кто нібудь не оставілъ того, чтобъ на васъ съ німі когда нібудь не напасть съумысла.

Рос. Пускай г. м., нападаетъ кто хочетъ: у меня всѣмъ одінъ сей отвѣтъ, для того что не імѣю лучшаго. Но я окончу рассматрівать одногласныя буквы, рассужденіемъ о буквахъ (ꙇ) і (ѧ) церковнаго Алфавіта.

Вы ужé ізволілі слышать (стр. 41.), что первая ізъ сіхъ въ началѣ самаго перваго склада, а вторая въ середніхъ і послѣдніхъ обыкновенно полагается въ старой нашей ортографіі. Но ортографіі сея ізвѣсна ужé вамъ ясно хітрость: она всегда разлічаетъ одногласныя буквы мѣстомъ, когда у ніхъ нѣтъ разлічія въ голосѣ. Но хітрость сія только что хітрость; а польsы отнюдъ нікакія не імѣетъ. Какой ізъ того вредъ можетъ проіsойті, когда поставітся буква (ѧ) въ самомъ началѣ склада, а (ꙇ) въ середніхъ і послѣдніхъ? То і другое употребленіе есть проіsвольное, для того что обѣ сіі буквы одінъ і тотже голосъ оsначаютъ. Посему, одна которая нібудь ізъ ніхъ есть лішняя, і слѣдовательно, однажъ которая нібудь не долженствуетъ быть въ старомъ Алфавітѣ по II основанію.

Впрочемъ, хотя обѣ сіі буквы совершенно одногласныя; однако нѣкоторыя особы сомнѣваются о томъ, думая, что Кіріллъ філософъ положілъ сію (ѧ) лібо не sa (ꙇ), но sa какуюдругую греческуюдвугласную Сіе іхъ сомнѣніе напрасное: ібо нѣтъ ні едініыя двугласныя у грековъ, котораябъ імѣла въ сложеніі своемъ спре-

дѣ букву (і), но во всѣхъ находітся она положена съ правыя рукі. Подлінно, і въ сей нашей, буква (і) не положена спреді, но въ средінѣ буквы (А), однакожъ не пóслѣ (А); что самое довольно показываетъ, что она сложена ізъ (і) і (а) также какъ і (ꙗ); і слѣдовательно, тотже самый голосъ ознаачаетъ: сіежъ толь наіпаче, что нѣтъ у насъ нѣдіныя двугласныя, которая бъ імѣла букву (і) погрескі отъ правыя рукі; і не можно положіть, чтобъ она была введена на означеніе звона (аій), для того что і всѣмъ бы прочімъ гласнымъ надлежало імѣть собственныежъ фігуры на означеніе звоновъ (еій) (іій) (оій) (уій), однакожъ сего нѣтъ, і не бывало, а за іный ужé голосъ положіть сея буквы (ѧ), какъ токмо за (аі) полтарагласный, то есть, за (аій), отнюдъ невозможно; да і древніі наші не проізносілі нікогда буквы (ѧ) інако, какъ токмо (ꙗ).

Можно развѣ такъ сказать о сіхъ буквахъ, что (ꙗ) вымышлена самімъ Кірілломъ, а (ѧ) введена пóслѣ его за тотже самый голосъ; равно какъ Кіріллъ положілъ въ свой Алфавітъ токмо (Ѳ), а по немъ ужé нашлі і другую еій подобную, а іменно (Ѣ), і сдѣлалі ізлішествомъ сімъ одногласныхъ буквъ знатное смятеніе въ ортографіі.

І какъ ізъ обѣіхъ сіхъ буквъ нікоторая способно не походітъ на какую нібудь ізъ латінскіхъ; то въ гражданскіі Алфавітъ взята съ самаго начала скоропісная, которая есть точный (R) латінскіі, ежелі его оборотіть съ правыя рукі къ лѣвой. Она одна въ немъ і по нынѣ благополучно обрѣтается, і начертаніемъ своімъ нікого не пріводітъ въ сомнѣніе о своемъ голосѣ; да і звоны наші въ складахъ, а склады въ це-

лыхъ словахъ, не претерпѣваютъ отъ того ні малаго недостатка.

Чуж. Я радуюсь, что вы кончілі рассужденіе объ однагласныхъ буквахъ; также і о томъ, что я выразумѣлъ, чего ради не надобно быть въ вашемъ Алфавитѣ лішнімъ буквамъ. Помніться мнѣ, что теперь надлежітъ на судъ къ вамъ стать свяѕнымъ.

Рос. Такъ, г. м.; объ ніхъ буду рассуждать, а вопервыхъ что касается до (ѹ).

Какъ сія буква, і гдѣ полагается въ складахъ, по правіламъ сея старыя нашея ортографіі; о томъ ужѐ вамъ ізвѣсно, (стр. 42). І понеже она вопервыхъ у насъ есть точный тотъ предлогъ, что у грековъ ἀπὸ, а у латінъ a ілі ab, і требуетъ всегда родітельнаго падежа; то ізвольте рассудіть, какой ізъ того імѣетъ проіѕойті вредъ, ежелі напішется напрімѣръ *отъ дѣла*, вмѣсто ѹ *дѣла?* Ні ѕвонъ въ самомъ предлогѣ, ні сіла въ словѣ, положенномъ въ родітельномъ падежѣ, нічего ні мало не теряютъ, такъ что почітаіі ізлішно, опровергать сіе не играя.

І потому, сверьхъ того, что всѣмъ свяѕнымъ буквамъ, сколько іхъ ні есть, не надлежітъ быть въ нашей ортографіі, по сілѣ III основанія, ешче сія стараго Алфавіта нашего свяѕная буква, какъ ізъ свяѕныхъ есть не правільная, для того что сплетена неізъ обѣіхъ согласныхъ, да ізъ гласныя і согласныя, ізъ буквъ какъ буквъ, есть не прямаяжъ буква, но целыій слогъ, [1]) такъ і ізъ слоговъ какъ слоговъ, есть, не все-

[1] Самыі ѕашчітнікі сея буквы прінуждены говоріть, сколько ні положілі правілъ на нея ортографіческіхъ, а ізъ ніхъ

конечный слогъ, но целая часть сло́ва, потому что предлогъ родительнаго падежа. Какъ же ѣй можно пра́вильно числіться между буквамі нашего Алфавіта? Сія есть причіна, что ізъ гражданскаго Алфавіта выключена во́вся сего предлога фігура, да і весьма основательно.

Впрочемъ, я не могу довольно надівіться, чего ради ея Кіріллъ Філософъ положілъ въ свою́ азбуку въ числѣ буквъ. Можетъ быть, послѣдуя грекамъ, у которыхъ уже́ былі тогда за долго прежде связные буквы. [1])

Но въ рассужденіі того, что сіяжъ буква полагается, по силѣ старыя ортографіі, въ сложныхъ глаголахъ, і глагольныхъ іменахъ сначала, то тѣмже самымъ опровергается, что уже́ я вамъ донесъ прежде: ібо сложный глаголъ, і глагольное імя, хотя і напішутся чрезъ (от) просто, какъ уже́ і пішутся въ новой нынѣ, однако точныя своея сілы і знаменованія лішены быть отнюдъ не імѣютъ.

Можетъ быть кто і скажетъ, что старая ортографія сіе дѣлаетъ для того, чтобъ сложныя слова́, самымъ первымъ взглядомъ, распознавать отъ простыхъ. Но, г. м.; кто не знаетъ, что сложное слово. і которое простое; тому сколько ні ізволь разлічать сіе буквамі, онъ все потомужъ не знаетъ, а знающій,

---

особліво Федоръ Полікарповъ, въ возобновленной отъ себя, по́слѣ мелетія Смотріцкаго, грамматікѣ, на 6 лістѣ на оборотѣ, что «Ѱ нѣсть пісмя, ніже́ двогласное, по слогъ, «тѣмже буквамъ за два́ сочіслімо есть.

[1] Смотрі грыдор. ліс. полож. въ заглавіі; і прімѣч. на стр. 17·

і безъ сего мнімаго способа тотчасъ відітъ простыя і сложныя слова, і другъ отъ друга разлічать іхъ умѣетъ.

Пріступімъ же теперь къ (щ). Сія также ізъ свящныхъ: і потому, равнымъ же образомъ III мое основаніе не допускаетъ ея въ нашъ Алфавітъ, но равнымъ же образомъ і она у Кірілла въ Алфавітъ внесена, какъ і первая; а сіе меня въ велікое потомужъ пріводітъ удівленіе, для того что я не віжу тому твердыя прічіны. [1])

Но какъ то ні есть; однако сія літера не токмо въ старомъ, но і въ новомъ тіпѣ понынѣ обрѣтается, і служітъ въ обоіхъ ѕа (шч), хотя отъ Кірілла она і положена ѕа (шт). Чтожъ она у Кірілла ѕа (шт); то не токмо самое свящаніе ея фігуры показываетъ, но і всѣхъ іллірическіхъ славянъ проіношеніе, коімъ она дана Кірілломъ: ібо всѣ оні тѣ слова проіносятъ чрезъ (шт), коі мы выговаріваемъ чрезъ (шч). Напрімѣръ, мы говорімъ *прічащеніе*, а оні *прічаштеніе*, мы *благовѣщеніе*, а оні *благовѣштеніе*, равнымъ образомъ і всѣ прочія, такъ что я не знаю, отъ кого мы сперва научілісь проіносіть ея ѕа (шч), развѣ токмо отъ малороссіанъ.

І какъ сему перемѣніться ужé какъ у насъ, такъ і у всѣхъ прочіхъ славянъ, невозможно; тогораді я расматріваю сію букву ѕа (шч) а не ѕа (шт), і говорю, по силѣ III основанія, что не надлежітъ еіі быть у насъ въ Алфавітѣ, длятого что (шч) пóрознь, всю ея должность отправляютъ ісправно, і толь, что і все смятеніе і разность, какова́ между намі, і прочімі сла-

[1] Смотрі грыдор. ліст. въ загл. і прімѣч. на стр. 17.

вянамі находітся въ выговорѣ ея, совершенно ѕаглаждаютъ, і могутъ быть прічіною, что гдѣ у славянъ выговоръ требуетъ, послучаю, (шч), тутъ і мы можемъ употреблять іхъ же, а употребляя (щ), ѕаставімъ славянъ выговарівать въ нашей печаті (шт). Тогораді, не токмо раѕумъ, но і выговора ісправность, і прімѣръ прочіхъ свяѕныхъ ілі двойныхъ требуютъ, чтобъ буквѣ (щ) не быть въ нашемъ Алфавітѣ; а особліво въ гражданскомъ: а что она оставлена, во время выключенія другіхъ свяѕныхъ, то, какъ вамъ ясно, учінено не дѣльно.

Будежъ кто скажетъ, что для того буква (щ) оставлена въ новомъ Алфавітѣ, что глаѕá наші іѕдавна прівыклі ея відѣть въ словахъ. Но глаѕá наші также прівыклі было відѣть въ словахъ букву (ѿ), также (ѕ̆), і (Ѱ), о которыхъ тотчасъ імѣетъ слѣдовать мое рассужденіе; однакожъ онѣ выключены іѕъ Алфавіта. Чтожъ могло удержать букву (щ)? Она также свяѕная, какъ (ѕ̆) і (Ѱ)? Также выговарівается въ ней раѕдѣльно (шч), какъ въ ѕ̆ (кс) а въ Ѱ (пс)? Поістіннѣ, не віжу, какую бы кто могъ сыскать прічіну сему, что (щ) равнымъ же обраѕомъ невыключена.

Съ другой стороны́, утверждаюшчіі, что сія буква (щ) свяѕана іѕъ (сч), а не іѕъ (шч), не доѕналісь, что не токмо буква (с); но і (ѕ) (ж) предъ (ч), превращчаются всегда, по пріродѣ і сво́йству нашего проіѕношенія, въ (ш), [1]) о чемъ я буду вамъ доносіть по́слѣ, какъ время прідетъ: і потому, невоѕможно нікакъ, чтобъ (щ) состояла у насъ іѕъ (сч), вмѣсто (шч).

---

[1] Прімѣч. на стр. 28.

Сверьхъ сего, довольно, кажется, вамъ уже́ ізъяснілъ я, [1]) что сіи особы, хотя впрочемъ і весьма іскусные, врассужденіі сего всеконечно не імѣютъ быть правы, ежелі всегда будутъ утверждать свазаніе буквы (щ) ізъ (сч).

Чтожъ касается до буквъ (ѵ) і (ѱ); онѣ понеже также свазные і двоійные: то, по сілѣ тогожъ III моего основанія, долженствуютъ быть выключены ізъ Алфавіта; что уже́ нынѣ і здѣлано въ гражданской печаті, а здѣлано сіе весьма дѣльно. І подлінно, нѣтъ нікакія твердыя прічіны, которая бы пріводіла къ тому, чтобъ імъ быть у насъ въ чіслѣ буквъ. Слова́ требующія въ свои склады (ѯ) ілі (ѱ), хотя і напісаны будутъ за первую чрезъ (кс), а за другую чрезъ (пс); однако не пропадаетъ въ ніхъ отъ того ні знаменованіе, ні сіла, ні выговоръ. Чегораді, въ нашей старінной ортографіі всеконечно онѣ обѣ пустые, а введены токмо что смотря на образецъ греческія ортографіі.

Но сказать по правдѣ, онѣ і у саміхъ грековъ лішніе: ібо совершенно імъ можно обойтісь і безъ ніхъ, пішучі вмѣсто первыя ($\varkappa\sigma$), а вмѣсто вторыя ($\pi\sigma$), какъ то прежде і было до Паламеда врассужденіі (ξ), а до Сімоніда врассужденіі (ψ). О семъ са́момъ старінномъ греческомъ употребленіі нѣтъ ні сомнѣнія ні спо́ра. Однако сіе нѣсколько удівітельно, что на баудолеціанскіхъ камняхъ находітся, по утвержденію Бернарда Монфокона въ са́момъ началѣ его Палеографіі греческія, вмѣсто ξ ($\chi\sigma$), а вмѣсто ψ

[1]) Прімѣч. на стр. 28.

(φσ), въ сіхъ слѣдуюшчіхъ словахъ, *αμφιαναχσ* sa *αμφιαναξ*, і *οφσιαδησ* sa *οψιαδησ*. Но сіе можетъ быть sдѣлалось отъ неіскусства ваялшчіковъ, тоесть тѣхъ, которыі вырѣsывалі слова́ на камняхъ, какъ то сіе многажды мнѣ случалось відѣть і у насъ саміхъ.

Но впрочемъ, выключеніе сіе іsъ Алфавіта всѣхъ обшче свяsныхъ буквъ, сверьхъ оныхъ прічінъ, покаsанныхъ въ III моемъ основаніі, а іменно, что онѣ не прямые буквы, і потому не прінадлежатъ къ ортографіі, но къ стеганографіі, также і что нѣтъ въ ніхъ ні малыя нужды, есть ешче прічіною къ немалой польsѣ врассужденіі выговора, длятого что когда sнакі ставятся въ складъ раsдѣльно, то всякій sнакъ точно выговарівается тѣмъ sвономъ, ілі тѣмъ способомъ sвона, который онъ по обшчему опредѣленію оsначаетъ, і потому не дѣлается ні малаго поврежденія выговору, также ні сомнѣнія о точномъ sнаковъ тѣхъ проіsглашеніі. Напротівъ же того, когда въ ортографіі двойные ілі свяsные находятся буквы; то современемъ могутъ пода́ть сомнѣніе такое, что sa какой бы онѣ точно sнакъ опредѣлены былі отъ предковъ, і потому, пода́ть же і прічіну, къ совершенному потерянію выговора. Докаsываетъ сіе наша (щ), і латінскія (x) і (z): докаsываютъ і греческія (ξ) і (ψ).

Я уже́ вамъ доносілъ, что наша (щ) отъ Кірілла свяsана sa (шт), однако мы ея выговаріваемъ, въ протівность славенскому выговору, sa (шч): тоесть, что мы, і малороссіане ілі не моглі sнать сперва, ілі sнавші поsабылі, чреsъ долгое прошествіе временъ, что (щ) есть (шт), а не (шч). Отъ чего і sдѣлалось

у малороссіанъ слово ШЧО, вмѣсто ЧТО, ілі ШТО, которое у насъ справедліво одно только, чему однако дівлюсь, осталось. Равнымъ образомъ, древніі рімляне хотя і проіsносілі свої (x), sa (ξ) греческое; однако гішпанцы нынѣ, по свідѣтельству Тревултінскаго дікціонарія, выговарівають его sa наше (к), а португальцы sa (ш). Оніжъ древніі рімляне, хотя і ввелі сперва свое (z) sa (ζ) греческую; толькожъ самі іногда мѣнялі его на два (ss). А нынѣшніі Італіанцы і нѣмцы проіsносятъ его sa наші (ц). Можетъ быть, что і греческія (ξ) (ψ), подлінно сперва выдуманы і положены sa (χσ) (φσ), какъ сіе відѣлъ на камняхъ оныій помянутыій Монфоконъ, хотя потóмъ, і сталі оні sначіть уніхъ (κσ) (πσ) по нынѣшнему, такъ что Eоляне нікогда не пісалі (ξ), что доkасываютъ словá κσένος, ἱέρακς, вмѣсто ξένος, ἱέραξ.

Ісъ всего сего, ясно вамъ, г. м., что свяsные буквы велікое могутъ прінесть поврежденіе современемъ чістотѣ выговора; но что часто онѣ, по своей пріродѣ, сомнітельнымі бывалі і находятся sнакамі, о томъ нѣтъ і сомнѣнія. На чтожъ намъ такіі непостоянныі sнакі блюсті въ своемъ алфавітѣ, і употреблять въ ортографіі? [1]) Всеконечно надлежітъ повіноваться разуму въ отрѣшеніі іхъ всѣхъ, а послѣдовать мудрому Кіріллу, врассужденіі (ϒ) і (Ψ), длятого что онъ іхъ не положілъ въ свой первенствующчіій славенскій Алфавітъ, хотя ужé тогда і былі у грековъ (ξ) і (ψ).

Чтожъ впрочемъ нѣкоторыхъ я слышалъ, со-

[1]) Смотрі грыдоров. ліст. въ sаглав. положен. і прімѣч. на стр. 17.

противляющіхся выключенію изъ Алфавіта сея буквы (ѯ), а сіяющіхся доказать нужду въ ней намъ тѣмъ, что вмѣсто греческаго (ξ) і древніи рімляне ввели въ свой Алфавітъ (x), і что также въ самомъ первомъ гражданскомъ нашемъ Алфавитѣ, вылітомъ въ голландіи, буква (ѯ) была, отъ всегожъ сего заключающіхъ, что не дѣльно не смотрѣть на толь важныі прімѣры, і не должно потому выключать изъ азбукі літеры сея (ѯ).

Подлінно, г. м.; нѣкоторымъ есть прімѣромъ оное первоначаліе гражданскаго нашего Алфавіта. Однако оно не касается до свойства сея буквы какъ связныя, і значащія (кс), но токмо смотрѣло і само на образецъ латінскаго Алфавіта просто, въ которомъ находітся (x). Ібо ежелібъ оно взірало на свойство буквъ, тобъ не опредѣліло выключіть тогда і (Ψ): буква сія также есть связная і двойная, і значітъ равно (пс), какъ та (кс). Но понеже въ рімскомъ Алфавитѣ нѣтъ знака вмѣсто греческаго (ψ), а вмѣсто (ξ) есть (x). Тогораді і оставлена тогда буква (ѵ). Слѣдовательно, сей образецъ есть также съ образца.

Посмотрімъ же, рімскій образецъ основателенъ лі не токмо для насъ, но і для саміхъ іхъ. Рімляне не інако могутъ означать греческое (ξ) чрезъ (cs), вмѣсто (x), какъ всегда означаютъ греческоежъ (ψ) чрезъ (рс) токмо, не імѣя, нікакова на сіе двойнаго знака і связаннаго. Поістіннѣ, ежелібъ Паламедъ не вымыслілъ на троянской войнѣ буквы (ξ); тобъ і у древніхъ рімлянъ не могло быть буквы (x), равно какъ нѣтъ вмѣсто (ψ) длятого что сія вымышлена отъ Сімоніда много лѣтъ спустя послѣ Паламеда. А

по всему сему і рімскій образецъ есть равнымъ же образомъ съ чужаго обрасца, который імъ также не нуженъ і понынѣ врассужденіі свóйства буквы (х), какъ і намъ врассужденіі буквы (ѯ).

Что рімлянамъ нѣтъ нужды въ буквѣ (х), то Квінтіліанъ, въ кн. 1 въ гл. 4 наставленій объ ораторіі, свідѣтельствуетъ говоря: Et nostrarum vltima (х), qua tamen carere potuimus. Тоесть, *Ізъ нашіхъ послѣдняя есть* (х): *однако мы моглі і безъ нея пробыть.* Но что і намъ она также не нужна; то Федоръ Полікарповъ, въ возобновленной отъ себя грамматікѣ славенской на лістѣ 257, утверждаетъ сімі словамі: *отъ тѣхже грековъ і къ намъ славяномъ преідоша* (тоесть ѯ і Ѱ), *і употребляются раді орфографіі въ греческіхъ токмо реченіяхъ, могушчімъ намъ і безъ сіхъ вышереченнымі* (кс і пс) *пісмены довольствоватіся.*

Вразумітельно ужé вамъ, г. м., что букву (ξ) какъ самъ Паламедъ безъ нужды для грековъ вымыслілъ, такъ рімляне не основательно грекамъ послѣдовалі своíмъ (х), а на послѣдокъ, равнымъ образомъ напрасно і у насъ была оставлена (ѯ) прежде, смотря на рімскій просто образецъ, а не на свóйство буквы, по которому она нынѣ выключена ізъ гражданскаго Алфавіта, такъ какъ (Ѱ): ібо наша ортографія долженствуетъ рассуждать о сілѣ буквъ, тоесть, безъ которыхъ намъ обойтісь невозможно, і которыхъ не імѣть вредно для выговора; а смотрѣть на чужій образецъ, ежелі въ немъ нѣтъ німалыя пользы, нікакія не імѣетъ прічіны, по сілѣ Х моего основанія.

Чуж. Позвольте доложіть себѣ, г. м., что мнѣ теперь въ умъ впало. Можетъ быть, что въ древнія

времена у рімлянъ также былъ особливый знакъ на ізображеніе греческаго (ψ) какъ понынѣ есть (х), которое у ніхъ за греческое (ξ), но до насъ оный отъ обіды случаевъ не дошолъ. Кто можетъ подлінно знать? Есть сему і прімѣръ, а именно, буква Клавдія рімскаго Цесаря, которую было онъ вымыслілъ, обратівши (F) сверьху въ нізъ, і потóмъ съ правыя рукí превратівши на лѣвую, не токмо до нынѣшніхъ нашіхъ временъ не дожіла, но ешче тогдажъ почітай одною съ Клавдіемъ смертію скончалась.

Рос. Нѣтъ г. м.; сіе мнѣніе ваше не весьма твердое, хотя вы і подтверждаете его праведнымъ прімѣромъ. Пісателей объ ортографіі латінской какъ древніхъ, такъ і новыхъ, тьма, чтобъ такъ сказать: однако не надѣюсь, чтобъ кому случілось въ ніхъ відѣть і чітать о пропадшемъ какомъ латінскомъ знакѣ вмѣсто греческаго (ψ). Ежелі бы такой у ніхъ знакъ былъ когда, а потóмъ пропалъ; то какъ бы кто нібудь ізъ сіхъ пісателей не упомянулъ объ немъ? Моглі лібъ о томъ не знать всѣ оні, по крайней мѣрѣ бліжайшіі къ древности? Какъ бы не напісалъ чего нібудь, врассужденіі сего, Квінтіліанъ въ Наставленіяхъ своіхъ объ Ораторіі, который нарочно пісалъ въ нѣкоторой главѣ о сей матеріі? А пісалъ толь обстоятельно о всемъ, что едваль онъ остался отъ Цицерона. Кто чітывалъ Квінтіліана; тотъ знаетъ, что я объ ісправности его правду вамъ доношу. [1]) Одна-

[1]) Засвідѣтельствованія, і похвалы Квінтіліану во многіхъ ізъ древніхъ відімы; іменножъ у Аппея-Сенеки въ предісловіі книгі 10 контроверсій, также і въ кн. 4, у

ко ні въ комъ ізъ всѣхъ сіхъ ні слóва, ні тѣні о такой буквѣ.

Чтожъ вы подобнымъ прімѣромъ Клавдіевы літеры подтверждаете; то находітся тутъ велікая разность: ібо о Клавдіевой буквѣ воспомінаютъ пісателі, а іменно Тацітъ і Светоній; ізъ новыхъ Юстъ-Ліпсій, і прочіі. Говорятъ оні, что такую літеру ввелъ было Клавдій-Цесарь; но по смерті его рімляне увідѣлі, что въ ней імъ нѣтъ нужды: того ради ея і оставілі. Не інако і мы, когда увідѣлі, что въ буквахъ (Ꙋ) (ѯ) (ѱ) нѣтъ намъ ні польsы, ні нужды; sa-

---

Юнія-Ювенала въ 6 і 7 сатірахъ. У Плінія въ кн. 11 Еніст. 14. У негожъ въ кн. 6 еніст. 6. У Целія-Лактанція въ кн. 1 гл. 21: у негожъ въ кн. 5 гл. 7: і въ кн. 6 гл. 23. У Авзонія въ благодареніі; у негожъ въ стіхахъ о Вікторѣ-Мінервіі; і также въ Мосéллѣ. У блаженнаго Іеронима въ Хронікѣ: у негожъ къ Пресідію; въ вопросахъ еврейскіхъ; противъ Вігіланція; къ Паммахію о кончінѣ Павліны; къ немужъ о преізрядномъ родѣ перевода; въ вопросахъ къ Дамаску; напослѣдокъ въ предісловіі на Авдія. У Сідонія Апполінаріса въ кн. 5 еніст. 10. У негожъ въ Панегірікѣ къ Антемію; і въ стіхахъ къ Феліксу. У Кассіодора о реторікѣ. У Ісідора Гіспаленскаго въ кн. 11 Етімологіі о реторікѣжъ. У Еразма въ Ціцероніанѣ, і ешче у многіхъ. Но Валеріі-Марціалъ, Епіграмматістъ рімскій, слѣдующчую ему похвалу пріпісалъ,

Quinctiliane vagae moderator summe inuentae;
Gloria romanae, Quinctiliane, togae.

Товсть:

Квінтіліанъ! молодымъ въ обученіі крайній наставнікъ,
Слава тыжъ суда рімскаго, Квінтіліанъ.

Марц. кн. 11 епігр. 90.

тѣмъ і выключілі іхъ ізъ Алфавіта, не смотря на то что въ самомъ первомъ гражданскомъ Алфавитѣ оставлена была буква (ѵ).

Но нынѣ уже́ мнѣ кажется что, понеже не хотімъ мы імѣть ні лішніхъ, ні двойныхъ, ізъ моея ортографіі по должності і я выключаю літеру (щ) какъ двойную, і намъ ненадобную. Пускай всѣмъ сімъ сестрамъ какъ говорітся, будетъ по серьгамъ, тоесть, когда уже́ тѣ отрѣшены, і отрѣшены пра́вільно; то сіежъ самое пра́віло, по которому тѣ отлучены отъ числа́ буквъ въ новой нашей печаті, требуетъ, чтобъ не чісліться между буквамі і буквѣ (щ). Одна она предъ прочімі трема нікако́ва преімушчества не імѣетъ. Ізвініте, прошу, что я начавъ псямі, скончалъ шчамі; а къ статі подлінно пріпомянулъ я шчі: ібо сіе слово двояко у насъ выговарівается, тоесть, отъ іныхъ шчі, а отъ іныхъ шті; сіежъ длятого, что мы уже́ давно не сталі знать, какъ надлежітъ прямо выговарівать букву (щ), тоесть, шча, ілі шта. Пускай же она больше въ сомнѣніе насъ не пріводітъ; і того ради, пускай выдетъ пожалуетъ, какъ по всему оглашенная, вонъ ізъ азбукі, особліво́жъ ізъ новыя, по прімѣру прочіхъ своіхъ сестръ.

Чуж. Ізвольте довольствоваться вы шчамі: съ меня полно і супа. Однако, рано ешче садіться за столъ. Тогораді, прошу ізъясніть мнѣ по порятку ваше мнѣніе объ оныхъ значкахъ, которыі вы назвалі страстямі, і ізмѣненіямі; а именно, о значкѣ отолшченія і отонченія.

Рос. Ізъясненіе объ ніхъ невеліко: довольно токмо сказать, что оні намъ оба надобны, і что мы безъ

ніхъ обоітісь не можемъ. Сіе только должно ѕнать, что оні не літеры, какъ літеры, по V основанію, но нѣкоторые стра́сті ілі іѕмѣненія согласныхъ буквъ.

Впрочемъ, беѕъ перваго отолшчаюшчаго ѕнака можно бы намъ всеконечно пробыть, какъ то і вы самі іѕволілі прімѣтіть, (стр. 44); ежелібъ онъ токмо на са́момъ концѣ простыхъ словъ былъ полагаемъ. Нікто подлінно сея, напрімѣръ, краткія греческія і латінскія рѣчі, *μισθὸς ἀρετῆς ἄινος*; merces virtutis laus est (*мѕда добродѣтелі похвала*), напісанныя нашімі літерамі беѕъ (ъ), *місѳо́с арети́с е́нос; ме́рцес вірту́тіс ла́ус ест*, інако чітать не будетъ, какъ буттобъ напісана она была веѕдѣ съ (ъ), *місѳо́съ арети́съ е́носъ; ме́рцесъ вірту́тісъ ла́усъ естъ*.

Но понеже (ъ) не только что на са́момъ концѣ словъ полагается, есть ешче у насъ много іхъ такіхъ, которыя спреді самаго сочіняются съ предлогамі, і слагаются іѕъ ніхъ, кончашчіхся на (ъ), а слѣдуюшчій складъ начінается какою нібудь двугласною, какъ напрімѣръ, *объявляю, подъемлю, воѕъярілся, съедаю, подъ югъ, предъ юѕнікамі*, і прочія многія: то ежелі ѕнакъ (ъ) оставіть, всѣ такія слова́ надобно намъ будетъ проіѕносіть сімъ обраѕомъ, *обявляю, подемлю, воѕярілся, седаю, подюгъ, предюѕнікамі*, тоесть, предлогі оныі сраѕятся съ двугласною; а сего проіѕношенія нічто не можетъ у насъ быть порочнѣе. Тогораді, для іѕбѣжанія отъ толікаго вреда въ подобныхъ случаяхъ, всеконечно надобно удержать, между ортографіческімі ѕнакамі, сей ѕнакъ (ъ), равно какъ і тотъ, который есть отонченія.

Съ другой стороны́, можетъ статься, что кто ні-

будь нелюбящчій (ъ) вымыслітъ вмѣсто его, въ оныхъ случаяхъ, нѣкоторый родъ французскія апострофі, ілі лучше поперечныя палочкі сімъ образомъ, ізвольте смотрѣть, *об-являю*, *с-едаю*, і прочія, і потому заключітъ, что ортографіі нашей не надобно знака (ъ).

Не спо́рю, сей способъ отправляетъ въ сіхъ случаяхъ всю должность (ъ), безъ всякаго недостатка. Но способъ сей былъ бы новый, і потому нікому невѣдомый; а слѣдовательно, надлежало бы всѣхъ вновь переучівать. Сверьхъ того, на что вымышлять новое то, которое уже́ есть, і прежде было, да і не дѣлаетъ нікако́ва вреда ні ортографіі, ні выговору, пріітомже, і всѣмъ вѣдомое?

Однако, есть нѣкоторые особы, весьма іскусные въ семъ дѣлѣ, которые вмѣсто (ъ) хотѣлібъ пісать надъ согласною, коея ізмѣняется способъ звона, точечку, ілі ерікъ; а когда надобно проізгласіть отонченное раствореніе звона, тоесть (ь), тобъ ні по́слѣ согласныя, какъ то понынѣ, ні надъ согласною не ставіть нічего: напрімѣръ, вмѣсто *уголь* пісать бы *угол'*, а вмѣсто *уголь*, ізображать бы *угол*: а сіе употребленіе называютъ оні не новымъ, но прежнімъ.

Знаю, что такіі еркі, ілі ерікі ставятъ у насъ надъ согласнымі не токмо въ скоропісі, но і въ печаті, а особліво въ кіевской і львовской; однако не за одінъ токмо (ъ), но і за (ь). А сіе впрочемъ употребленіе весьма есть неісправное: ібо на что то вымышлять вновь, что уже́ есть въ (ъ) і (ь)? Лішніхъ знаковъ і такъ въ старомъ нашемъ Алфавітѣ много

Чтожъ оныѣ нѣкоторыѣ особы совѣтуютъ, вмѣсто (ъ) строчнаго, писать надъ согласною ерікъ, а вмѣсто (ь) нічего не ставіть; то хотя ѕа (ъ) і можно ставіть по іхъ ерікъ: однако, что въ томъ нужды? Недостатокъ, что лі, къ тому насъ прінуждаетъ? Есть ужѐ у насъ (ъ); полно съ насъ і того, когда ужѐ онъ введенъ: ібо, говоря точняѣ, можно бы намъ і безъ него обойтісь: сія подлінно есть і прічіна, что премудрый Кіріллъ въ первый свой славенскій Алфавітъ онаго не ввелъ. [1])

Но чтобъ вмѣсто (ь) нічего надъ согласною не полагать; то сіѣ не токмо неісправно, но і противно свóйству буквъ. Ібо кто пішетъ *угол* ; тотъ не велітъ выговарівать *уголь*, но *уголъ*. Сіежъ для того, что всѣ наші согласныѣ, ежелі какімъ ѕнакомъ въ умяхченіѣ на концѣ пріведены не будутъ; то онѣ выговаріваются сушчественнымъ своíмъ способомъ ѕвона, равно какъ і во всѣхъ ѧзыкахъ, а особліво европейскіхъ. Сіѣ есть і основаніѣ, чего бы раді намъ не надобно было (ъ). Но понеже въ словѣ *уголь*, і во всѣхъ подобныхъ, каковы напрімѣръ *часть*, *братъ*, *шестъ*, самыѣ послѣдніѣ согласныѣ умяхчаваются, тоѣсть, пріродный іхъ способъ ізмѣняется въ нѣкоторый тончайшій; то, буде подлѣ ніхъ, ілі надъ німі, не полагать нікакóва отончаваюшчаго ѕнака, і будутъ іхъ всѣ выговарівать сушчественно, тоѣсть, безъ всякаго ізмѣненія въ способѣ, іменножъ: *частъ*, *братъ*, *шестъ*.

Посему, основательнѣѣ бы было, ежелібъ оні совѣтовалі не ставіть нічего надъ согласною вмѣсто (ъ),

[1] Смотрі грыдор. лісточ. і прімѣч. на стр. 17.

а вмѣсто (ь) оный бы ерікъ; который бы могъ служіть отончаваюшчімъ знáкомъ согласные буквы: ібо безъ отончаваюшчаго знака намъ отнюдъ пробыть невозможно. Нужду сію чувствуя совершенно Кіріллъ Філософъ Епіскопъ Моравскій, не сдѣлалъ того, чтобъ не ввесть въ первенствуюшчую свою славенскую азбуку (ь), а (ъ) для того не положілъ, что въ немъ нéбыло столько славенскому выговору нужды.[1])

Чуж. Подлінно, і мнѣ кажется, что сіи особы совѣтуютъ употреблять ерікъ противнымъ образомъ.

Рос. Какъ не такъ, г. м.? Однако намѣреніе іхъ доброе: ібо оні желаютъ справедліво, чтобъ наша азбука меньше была, хотя совѣтъ іхъ, врассужденіі ерíка, і не весьма ісправенъ.

Но что до (й): безъ сего намъ знака отнюдъ пробыть не можно, какъ то ужé я вамъ донесъ прежде (стр. 45). Сіе токмо надлежітъ вѣдать, что сей знакъ есть не буква, но сокрашченіе времені, употребляемое на проіsношеніе целаго звона, означаемаго буквою (і), по IV основанію.

І понеже въ прежней нашей печаті буквы (і) і (и) одінъ точно звонъ означаютъ; то древніі наші опредѣлілі, чтобъ, когда сокрашченный сіхъ буквъ надобенъ звонъ, быть сокрашчéнія знáкомъ буквѣ (и) съ кавыкою наверьху, сімъ образомъ: (й).

Подлінно, для гражданскія печаті лучше бы сокрашчать букву (і), для того что сея токмо фігуры буква въ латінскомъ Алфавітѣ находітся Однако, буде бы ставіть кавыку надъ буквою (і); то бы сіе

[1] Грыдор. ліст. і прімѣч. на стр. 17.

очамъ нашімъ весьма діко і странно было, і всѣхъ бы надлежало переучівать: въ чемъ состоітъ велікая трудность, а безъ всякія нужды. Тогораді, пускай старый знакъ, і всѣмъ вѣдомый, для сокрашченія буквы (і) остается і въ гражданской печаті.

Пісцы наші въ скоропісі своей, і за сей сократітельный знакъ употребляютъ, почті всѣ, оный же ерікъ, ілі ерокъ, который оні ставятъ безразборно то за (ъ), то іногда за (ь), какъ уже́ я вамъ імѣлъ честь донесть. Но сіе іхъ употребленіе імъ оставляется: мнѣ нѣтъ дѣла до скоропісі; а для печаті, какъ церьковныя, такъ і гражданскія, такое іхъ обыкновеніе со всѣмъ не годітся. Прічіна сему, что ні въ которомъ тіпѣ, і нікогда у насъ, ерікъ за іже сокрашченное употребляемъ не́-былъ.

Но ешче не все, что до сего сократітельнаго знака: тѣжъ самые особы, которые совѣтуютъ вмѣсто (ь) не класть наверьху еріка, а класть оный вмѣсто (ъ), хотѣлі бы, чтобъ сокрашчать звонъ буквы (і) точечкою на верьху, а надъ целымъ ея звономъ не ставіть нѣдіныя точечкі. Можно сказать, что сей іхъ вымыслъ довольно хорошъ, і толь наіпаче, что онъ выключаетъ во́вся фігуру буквы (и), какія нѣтъ въ латінскомъ Алфавітѣ, довольствуясь токмо одною літерою (і). Однако, въ семъ іхъ представленіі находятся двѣ неудобности, а обѣ важныя.

Первая, что нікто не будетъ знать, что (і) съ точечкою наверьху, есть іже краткое; і длятого надобно будетъ объявлять всѣмъ, что отнынѣ (і) съ точечкою, есть іже, которое понынѣ въ печатяхъ кавыкою наверьху сокрашчалось. Но дѣльное лі будетъ такое

объявленіе, когдабъ его і можно было ѕдѣлать? Какая въ семъ важность, і нужда? Чемъ, всякъ скажетъ, помѣшалъ обыкновенный сокрашченія ѕнакъ? Умножаетъ лі онъ буквы въ Алфавітѣ? І начінается лі съ него какое слово, понеже для сочінітелей Лексіконовъ надобно, чтобъ меньше было ѕнаковъ въ Алфавітномъ поряткѣ? Ізъ всего сего слѣдуетъ, что неѕнаемаго, не должно предпочітать ѕнаемому ѕнаку въ ортографіі, сіежъ для того, чтобъ нікого не переучівать.

Вторая, что понеже гражданской печаті всяческі надлежітъ быть подобной оному тіпу, по обрасцу котораго она вымышлена, тоесть, нынѣшнему латінскому: то і буквѣ (і) строчной всегда і вездѣ должно находіться въ ней съ точечкою наверьху, по XI основанію, для того что буква сія въ латінскомъ строчномъ тіпѣ всегда і вездѣ такова. Слѣдовательно, всегда бы і вездѣ въ строкахъ сія буква означа́ла у насъ въ гражданской печаті сокрашченный свой ѕвонъ, а цельнаго бы нігдѣ не́ было, въ которомъ нашему выговору также превелікая есть нужда: тоесть, былъ бы у насъ токмо *мой, твой, свой;* а *моі, твоі, своі,* і напісаться бы не моглі.

Впрочемъ, говоря по правдѣ, ні одна точечка надъ (і), какъ съ самаго нача́ла ѕдѣлано въ гражданскомъ Алфавітѣ, ні двѣ, какъ въ прежней давно, і въ гражданской отъ времені другія въ ней перемѣны, нічего не ѕначатъ: можно бы подлінно сеі буквѣ быть і просто безъ всего, какъ въ греческой печаті, развѣ токмо длятого надобно оставіть надъ нею одну точечку, какъ то я і оставляю одну, что точно сіе такъ въ латінской печаті; а сіе опредѣляетъ XI мое основаніе:

въ латінской же длятого. чтобъ сію букву отлічіть отъ самаго перваго цыфірнаго знака; і что сімъ образомъ точно она была въ самомъ первомъ гражданскомъ нашемъ тіпѣ, самодержцемъ і ІМПЕРАТОРОМЪ ПЕТРОМЪ ВЕЛІКІМЪ подтвержденная; а сей прімѣръ вѣчное долженствуетъ отъ насъ імѣть благоговѣніе, за честь толікаго МОНАРХА. Но что нынѣ, двѣ сіхъ точечекъ ставітся і въ гражданской печаті; то подлінно, какъ безъ нужды, такъ і не на тотъ, на который надобно, образецъ взірая.

Чуж. Нікогда бы я не могъ подумать, чтобъ вы на такую мѣлочь, ізвініте въ словѣ, моглі найті столько опроверженій, а утвержденій на ваше мнѣніе. Хотѣлъ бы я відѣть рассуждающчаговасъ оважнѣйшей матерії: я думаю, чтобы вы не оставілі тогда ні одного обшчаго, какъ называютъ, мѣста, которое бы нѣсколько могло вамъ быть полезно.

Рос. Смѣйтесь, г. м., когда вамъ такъ угодно. Что дѣлать, і чемъ перемѣніть, что я къ такімъ токмо мѣлочамъ, і то ешче нѣсколько, способенъ. Но не всѣмъ съ неба звѣзды хватать, какъ говорітъ пріслові наше, весьма бы я шчаслівымъ себя въ мыслі почіталъ, ежелібъ і мѣлочь сію могъ обстоятельно вытолковать.

Ібо какъ обоітісь безъ дальнаго ізъясненія апострофей, употребляемыхъ въ прежней печаті надъ каждою гласною і двугласною, і стоящіхъ въ самомъ началѣ слова, о которыхъ уже́ я вамъ предложілъ выше (стр. 48)?

Прівычка, г. м., столькожъ сільна, сколько прірода. Чітателі наші, старінныя печаті, відя, что внача-

лѣ словъ, начінаюшчіхся гласною какою, ілі двугласною, вездѣ стоітъ наверьху апостроѳь, тоесть, запятая рошкамі къ лѣвой рукѣ обрашченная, ввелі сіе по большой часті і въ скоропісь, такъ что нікоторый почті пісецъ не начнетъ гласныя ілі двугласныя въ началѣ слова, не ткнувъ надъ нею перомъ сего значка. Къ сему іныі ізъ ніхъ пісцы такъ прівыклі, что ставятъ оні такіі значкі не надъ начальною токмо гласною, ілі двугласною, но і надъ середнімі, ешче, і надъ послѣднімі іныі; а іныі і фігуру сея запятыя перемѣняютъ въ нѣкоторый родъ поперешныя палочкі, по концамъ съ крючкамі, противнымъ себѣ образомъ лежашчімі, думая, что надобно что нібудь ткнуть перомъ наверьху, а длячего, не зная.

Но не обінуясь сказать, і тѣ самі, которыі ввелі въ старую печать сеи значокъ, не весьма также рассуждалі сперва о важності, пользѣ, і дѣйствіі его въ ней: ібо тотчасъ бы імъ можно увідѣть, что онъ пустый, і нічего отнюдъ не значітъ. Вѣдаю, что оні смотрѣлі токмо на образецъ греческія ортографіі: но чегожъ бы раді не благоволіть імъ і того, чтобъ уподобіться греческой ортографіі у насъ і другімъ такімже значкомъ, но токмо рошкамі къ правоі рукѣ обрашеннымъ, которыі у грековъ называется *густою?* Ежелі оні выразумѣлі, что густыя у насъ не надобно; то какъ не можно бы імъ было догадаться, что равнымъ образомъ не надобно і тонкія?

Однако, сіе праведно, что оні введеніемъ въ нашу печать апострофі, захотѣлі подобіться греческой, тонкою называемоі. Бесспорно есть, і греческой ортофіі *густая* токмо нужна: ібо когда у ніхъ гласная

проіѕносіться такъ, какъ ѕвонъ гласныя есть существенный, напрімѣръ, какъ (α), тоесть нашъ (а); то вы понімаете, что і грекъ (α) своѭ можетъ проіѕнесть такъ, какъ надобно, хотя і не будетъ надъ нею нікакія тонкія. Но когда нужно есть греку выговарівать своѭ (α) огушченно, [1]) тоесть, ілі какъ (га), ілі какъ (ха), ілі какъ (фа), ілі ужѐ можетъ быть какъ (я); то врабумітельно вамъ, что въ семъ случае греку, алфу своѭ надобно чемъ нібудь отмѣніть, для ізъявленія густаго проіѕношенія. Ізъ сего слѣдуетъ, что і у грековъ тонкая безъ нужды ставіться, і что надлежало імъ довольствоваться одною токмо густою.

Впрочемъ, мнѣ до греческія ортографіі нѣтъ дѣла: я токмо доношу, что мы своею ортографіею ні малыя не імѣемъ нужды подобіться всякой чужой, которыя употребленіе въ нашей есть пустое, по X основанію. А понеже апострофъ старінныя нашея печаті есть точно пустый токмо ѕнакъ: ібо онъ ні отонченія ні огушченія нашімъ гласнымъ не прідаетъ; въ чемъ нікто ізъ нашіхъ не можетъ не согласіться. Слѣдовательно, апострофі не должно употреблять въ нашей ортографіі надъ гласнымі, по VII основанію.

Чтожъ ізъ новыя нашея печаті, апострофъ сія ешче съ самаго начала выключена; то не токмо сімъ правільнѣйшая въ ней калліграфія сдѣлана, но і основательно отрѣшена она вóвся, какъ то ужѐ вамъ ясно.

---

[1] Ізъ грековъ (оляне не употреблялі ѕначка огушченія, обшчаго прочімъ всѣмъ грекамъ; но вмѣсто его імѣлі сей, F еоліческою дігаммою называемый. чегораді і пісалі вмѣсто ὕδωρ (вода) Fυδῶρ; вмѣсто ἑσπέρα, Fεσπέρα; і прочіе огушчаемые буквы ізъ гласныхъ, ілі двугласныхъ.

Чуж. Я вамъ, г. м., іскренно прізнаваюсь, что нынѣ отъ васъ впервые слышу о греческой тонкой, врассужденіи греческія собственно ортографіи. Подлінно, і грекі самі напрасно употребляютъ тонкую своѭ; а у васъ она въ старой печаті не только что напрасная, но напрасная безъ всякаго ешче основанія.

Рос. Право ізволілі вы рѣшіть. Но послушать прошу і того, что я буду говоріть о трехъ нашіхъ сілахъ, которыхъ употребленіе, въ старой печаті, ізъяснілъ ужѐ я вамъ, (стр. 49, 50).

Мнѣ не столько удівітельно, что въ церковной ортографіи сіла сія употребляется надъ складамі двоякімъ образомъ, іменножъ, надъ начальнымі, і середнімі слогамі палочка оная проводітся отъ правыя къ лѣвой рукѣ, а надъ послѣднімі, отъ лѣвыя къ правой, такъ что первая сіла длятого называется острою, а вторая тяшкою: употребленіе сіе, і імена, точно греческія. Но весьма удівляюсь, что сегожъ самаго употребленія держітся, і тѣміжъ называютъ іменамі сіи сілы і понынѣ въ гражданской печаті: ібо хотя въ сей гражданской печаті і не надъ всякімъ словомъ ставітся сіла, какъ въ древней по образцу греческія; однако полагаются нынѣ і въ ней сілы тогда, когда два слóва ізъ тѣхже самыхъ состоятъ буквъ, а разнымъ удареніемъ, разную вешчь, ілі околічность вешчі означаютъ, напрімѣръ, *рукі* єдінственный родітельный, а *рýкі* множественный іменітельный.

Ізвольте, г. м., рассудіть безпрістрастно; находітель вы какую разность въ возвышаемомъ голосѣ на тѣхъ складахъ, которыі поставлены бываютъ съ начáла, і

въ срединѣ, съ удареніемъ го́лоса на послѣдніхъ слогахъ? Нѣтъ вездѣ ні малыя разности въ возвышеніі го́лоса. На чтожъ быть различію въ проведеніяхъ палочекъ, то съ лѣвыя къ правой, то съ правыя къ лѣвой сторонѣ? На что і называть первые *острою сілою*, а вторые *тяжкою*? Не остряе первымі возвышается голосъ, і не тяжелѣ другімі: обоімъ родомъ палочекъ, равно подъемлемъ мы оный ударяя на слогі. Слѣдовательно, нѣтъ у насъ ні острыя, ні тяшкія просодіі; но одна токмо, которая означаетъ возвышаемый однажды голосъ въ каждомъ словѣ, то на са́момъ начальномъ, то на середніхъ, то на послѣднемъ слогѣ, по VIII основанію: а посему, імя ея у насъ долженствуетъ быть только что *Сіла*.

Нѣтъ нужды, съ правыя лі стороны́ къ лѣвой, ілі съ лѣвыя къ правой, лучше і пра́вільнѣе ставіть сілу: съ обѣіхъ пра́вільно, і кто какъ ізволітъ. Я прівыкъ нынѣ ставіть съ правыя къ лѣвой; однако нікого ѕаѕірать не буду, ежелі кто поставітъ і съ лѣвыя къ правой. Однако прітомъ совѣтую, 1), не дѣлать такова различія въ поставленіі сілъ, чтобъ *острой* оной быть всеконечно надъ начальнымі і середнімі, а *тяшкой* надъ послѣднімі складамі: ставіть бы надъ всѣмі, гдѣ надобно будетъ, лібо всегда острую, лібо всегдажъ тяшкую: ібо съ котораго румба, позвольте сказать по морскому обыкновенію, ні проведется палочка, значіть будетъ только возвышаемый голосъ. 2), Буде кто на́чалъ уже́ ставіть сію сілу съ той, ілі съ другой стороны ; тотъ бы уже́ всегда продолжалъ одінакімъ вездѣ образомъ: прілі́чнѣе, кажется, въ семъ случае не разбіваться пісателю самому́ съ собою.

Чтожъ до облеченныя нашея, о которой я уже́ вамъ предлагалъ, (стр. 50): она і въ старой нашей печаті напрасно между сіламі счісляется: ібо она первое, не означаетъ возвышаемаго голоса надъ складомъ по своей пріродѣ, [1]) но по случаю *успѣченія* ілі *стісненія*; второе, не означаетъ также по пріродѣ своей возвышаемаго го́лоса надъ складомъ, но по случаюжъ разлічія между чіслами, падежамі, і родамі іменъ. Все сіе есть токмо ізлішное і суетное мудрованіе древніхъ нашіхъ грамматістовъ.

Вы ізволілі прімѣтіть, что въ церковной нашей печаті надъ каждымъ словомъ ставітся сіла, кромѣ односложныхъ; а відывалъ я і надъ односложнымі. Но въ нынѣшней гражданской ставітся она токмо надъ такімі словамі, какъ я уже́ вамъ упомянулъ недавно, которыя, состоя ізъ одніхъ точно літеръ, разнымъ положеніемъ сілы означаютъ разную вещчь, ілі вещчі тоя іную какую околічность: ібо съ самаго нача́ла нігдѣ не ставілась сіла въ новой гражданской печаті.

Рассуждая о семъ старыя нашея печаті употребленіі, нахожу, что она, врассужденіі сілъ употребляемыхъ надъ каждымъ словомъ, есть совершеннѣе не токмо первоначальныя гражданскія печаті, но і нынѣшнія, которая надъ нѣкоторымі токмо ізвѣснымі словамі, въ ізъясненіе содержанія пра́вільнымъ удареніемъ, ставітъ сілу. Подлінно, первоначальная гражданская печать ізрядно уподоблялась нынѣшней латінской, тѣмъ что нігдѣ сілъ нікогда не употребля-

[1] Quoniam eadem flexa ex acuta. Quinctil. I. 1. c. 5.

ла. Но уподобленіемъ сімъ крайнюю іногда темноту наносіла содержанію: ібо слово сіе напрімѣръ, *большаго*, іногда надобно выговоріть намъ, *бо́льшаго* рассудітельною степенію, а іногда *большаго*, положітельною; іногда должно проіsнесть *по́честь* імя, а іногда *почесть* глаголъ неопредѣленнаго наклоненія; іногда *sе́млі*, а іногда *землі:* сімъ образомъ *sа́пахъ*, і *sапа́хъ*; *пу́шка*, і *пушка́*; *крушка́* і *кру́шка;*; *дру́шка* і *друшка́;* да і не токмо что кончашчіяся на *шка*, но і бесчісленно премногія другія слова́. Сія есть прічіна, что, въ нынѣшней гражданской печаті, началі употреблять сілу надъ такімі двуsнаменательнымі словамі; а сімъ преіsрядную услугу sдѣлалі, заводчікі сего, токмо своімъ россіанамъ, понеже первоначальная дѣлала sатрудненіе не однімъ чужестраннымъ, но і намъ самімъ. Однако і нынѣшняя гражданская, для васъ чужестранныхъ, не весьма такъ способна ко чтенію, какъ вы думаете можетъ быть. Мы съ самаго младенчества нашего sнаемъ, что слово сіе напрімѣръ, *бумага*, не должно намъ выговарівать ні *бу́мага*, ні *бумагá*, но *бума́га* всегда: тогораді надъ німъ нікто ісъ насъ і не поставітъ въ нынѣшней гражданской печаті сілы Но вамъ сіе почему sнать? Сія самая есть прічіна, чегораді вы, г. м., не говоря о многіхъ, і выговарівaете худо наші слова́, не osначенныя сілою, чітая наші кнігі печатныe новымъ тіпомъ. Но ежелі вамъ случітся чітать церковную нашу печать; то не можете проіsнесть слова́ противъ сілы, хотябъ вы і хотѣлі: ібо каждое въ ней osначено сілою.

Ежелі бы у насъ такъ постоянно ударяемы былі склады, какъ напрімѣръ у Француsовъ, ілі у поля-

ковъ; то бы всеконечно і намъ не́-было нужды ставіть сілу надъ нашімі. Французъ, выговарівая свое слово, всегда і непремѣнно послѣдній въ немъ возвышаетъ: но хотя і кажется, что іногда оні возвышаютъ предпослѣдній, какъ напрімѣръ, Honéte, Hómme, ілі, nous sómmes, vous fútes, ils fússent; однако сіе бываетъ длятого, что въ сіхъ і подобныхъ словахъ послѣдняя гласная (е) есть нѣмая [1]), которая у ніхъ выговарівается, тоесть, сіі слова́ буттобъ у ніхъ написаны былі сімъ образомъ ізвольте смотрѣть, honét, hóm, sóm, fút, fús. Ізъ чего ясно вамъ, что оні послѣдній, а не предпослѣдній слогъ возвышаютъ і въ такіхъ словахъ, которыя нѣмое (е) въ послѣднемъ імѣютъ складѣ.

Полякъ также, всегда і непремѣнно предпослѣдній слогъ въ словахъ своіхъ сілою ударяетъ, кромѣ токмо односложныхъ словъ, въ которыхъ понеже нѣтъ ні двухъ,ні многіхъ складовъ: то ясно,что сей самый одінъ прінужденъ оні съ то́номъ выговоріть: ібо ніединаго сло́ва безъ просодіі выговоріть человѣку невозможно. [2]) Чегораді, і я сперва въновомъ моемъ способѣ заключілъ, а пото́мъ і въ россійскомъ моемъ же Парнассѣ потшчался доказать, что всѣ наші односложныя слова́ отъ пріроды своея долгія, [3]) по сілѣ тоніческаго ко-

[1] Emuet.

[2] Est autem in omni voce vtique acuta; sed numquam plus vna. Тоесть:
Въ каждомъ словѣ есть возвышеніе; однако въ каждомъ больше одного не бываетъ. Квінтіл. кн. I. гл. 5.

[3] Ea vero, quae sunt syllabae vnius, erunt acuta, aut flexa, ne sit aliqua vox sine acuta.

личества слоговъ. Чтожъ бываютъ оні іногда короткімі въ стіхѣ; то по вольности, понеже невозможно, безъ превелікія трудности, сочініть нашего стіха, (какъ греческімъ і латінскімъ способомъ, тоесть дактілі мѣшая съ хореямі вмѣсто спондеевъ, ілі іногда анапесты съ іамбамі: такъ і по нашему хореіческімъ і іамбіческімъ чісто) не почітая односложныхъ словъ обшчімі, тоесть, іногда долгімі, а іногда короткімі. Но мы должны іногда ударять послѣдній, іногда предпослѣдній, а іногда третій, четвертый, пятый, шестый, либо і седьмый отъ послѣдняго къ лѣвой рукѣ. Напрімѣръ на послѣднемъ: *перó*; на предпослѣднемъ: *пíшетъ*; на третіемъ отъ послѣдняго: *черніламі*; на четвертомъ: *благодáрственное*; на пятомъ: *касáющиеся*; на шестомъ: *владычествующаго*. Почемужъ бы намъ знать, г. м., когда надобно возвышать тотъ ілі другой слогъ, ежелібъ мы къ сему не прівыкліі съ самаго нашего младенчества наслышкою? Мы по сіе время прáвілъ на сіе нікакіхъ не імѣемъ. А сія токмо наслышка, і для васъ чужестранныхъ оставлена у насъ сретствіемъ, къ полученію вамъ прáвільнаго нашего ударенія.

Не спóрю, велікое схотство съ нашімъ языкомъ, врассужденіі сего, імѣетъ латінскій языкъ· ібо въ немъ не на одінъ, і тотже всегда слогъ ударяетъ сіла, но на разныі. Однако въ латінскомъ языкѣ та раз-

---

Тоесть:

Односложнымъ должно быть острымъ ілі облеченнымъ, (тоесть острымъ же, острый слогъ у насъ есть долгій слогъ) ібо ні єдіному слóву не можно быть безъ острыя.

Квінтіл. кн. I. гл. 5.

ность съ нашімъ, что въ немъ нікогда не переходітъ сіла третіяго склада отъ послѣдняго, і нікогдажъ она не бываетъ на самомъ послѣднемъ ; [1]) но всегда ударяетъ либо на вторый, либо на третій отъ правыя рукі складъ. [2]) Посему, въ латінскомъ языкѣ сіе токмо надобно вѣдать, когда должно на вторый, і когда на третій складъ сілою удариті.

Чтобъ сіе знать; то въ латінскомъ языкѣ служатъ токмо два коротінкія правіла. Первое : *ежелі слово есть двусложное; то всегда на первый слогъ отъ лѣвыя рукі сілою ударять должно, длятого что нікогда на послѣднемъ она не бываетъ.* [3]) Второе: *будежъ слово трісложное, ілі многосложное; то, ежелі вторый слогъ отъ правыя рукі долій, на него і сілою бить надобно, а ежелі онъ короткій, то третій слогъ отъ правыя рукі возвышать должно, хотябъ сей третій слогъ былъ долій, хотябъ і короткій.* [4])

---

[1] Est autem in omni voce vtique acuta; sed numquam plus vna, nec vltima vmquam.

[2] Namque in omni voce, acuta intra numerum trium sillabarum continetur, siue hae sint in verbo solae, siue vltimae; et in his, aut proxime extremae, aut ab ea tertia.

Квінтіл. кн. I гл. 5.

[3] Est autem in omni voce vtique acuta; sed numquam plus vna, nec vltima vmquam: adeoque in dissilabis prior.

[4] Trium porro, de quibus loquor, media longa, aut acuta, aut flexa erit; (quoniam eadem flexa ex acuta) eodem loco breuis, vtique grauem habebit sonum, ideoque positam ante se, id est ab vltima tertiam, acuet. Est autem in omni voce vtique acuta.

Квінтіл. кн. I. гл. 5.

Но у насъ, ударенiе не переходитъ можетъ быть шестаго, а не третiяго слога отъ правыя рукi; кто-мужъ, бываетъ оно i на самомъ послѣднемъ, такъ что нельзя у насъ къ сему пристать порассужденiю ни о двусложныхъ ни о многосложныхъ словахъ, какое дѣлается о латинскiхъ, да только привыкать надобно къ правильному ударенiю съ самаго младенчества наслышкою.

Кажется, что i наши ударенiя можно будетъ привесть подъ нѣкоторыя iзвѣсныя правiла: iбо не такое сiе есть дѣло, чтобъ оно сверьхъ человѣческiхъ силъ было. Тогораді, весьма желательно, чтобъ кто iзъ нашихъ благоволилъ сей трудъ воспрiять; i iзъясніть сiе надлежащiмъ образомъ: въ семъ какъ намъ самiмъ есть нужда, такъ i вамъ бы чужестраннымъ нiкакiя не-было трудности въ правильномъ ударенiи. Чтожъ до меня; я нынѣ не вiжу къ полученiю сего лучшаго способа, какъ токмо чрезъ наши стiхi, для-того что въ нiхъ тоническое колiчество. Однако i сей способъ не весьма надеженъ: iбо какъ въ хореическiхъ нашихъ, такъ i въ iамбическiхъ стiхахъ, вмѣсто хорея, iлi iамба, полагается пирріхiй часто по вольности, такъ что безъ сего нельзя въ нашихъ стiхахъ обойтiсь; а iногда вмѣсто тѣхже стопъ, кладется спондей, состоящiй iзъ двухъ односложныхъ словъ. Равнымъ образомъ, можетъ i въ дактiлическiхъ i анапестiческiхъ, по тойже вольности, употребляемъ быть трiбрахiй чашче, а не часто молоссъ, состоящiй iзъ трехъ односложныхъ словъ.

Есть i другое сретство, къ привеленiю нашихъ ударенiй подъ правiла, именножъ, полагать въ iменахъ

именительный падежъ обоего числа sa знаемое всѣмъ удареніе, также и въ глаголахъ изъявительнаго наклоненія, единственнаго числа первое лице sa знаемоежъ, длятого что почитаи всегда удареніебываетъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ на томъ слогѣ, на которомъ было какъ въ именительномъ падежѣ, такъ и въ первомъ лицѣ глаголовъ. Преisрядное бы сретство; но также недостаточное: ібо все тажъ остается трудность, что і прежде. Есть ешче полное право спрашівать: чего бы ради выговарівался именительный падежъ напрімѣръ *книга*, а не *книгá; дéрево*, а не *дерéво*, ні *дерево́:* также *слышу*, а не *слышý*; *чита́ю*, а не *чи́таю*, і *читаю́*? Ктомужъ, не знаю, можетъ лі быть всеобшчімъ і такое положеніе: ібо въ семъ глаголѣ *люблю́*, послѣдній слогъ ударяется; а въ *лю́бишь*, первый, что самое либо находітся і въ именахъ, і мѣстоименіяхъ, і прічастіяхъ, не говоря о томъ, что въ словахъ нескланяемыхъ частей, всѣжъ ударенія надобно полагать sa isвѣсныя. Впрочемъ, стіхі наші вамъ, а сіе положеніе, подаетъ намъ нѣсколько свѣта къ сысканію надежнѣйшіхъ правілъ на наші ударенія.

Isъ всего, что я о семъ ні говорілъ, слѣдуетъ, церьковная печать врассужденіі сего совершеннѣе: понеже она употребляетъ надъ каждымъ словомъ сілу. Съ другой стороны, я не токмо не порочу нынѣшнія гражданскія печаті, что она ставітъ сію сілу токмо надъ двузнаменательнымі словамі, но ешче і подтверждаю сіе употребленіе: съ насъ его довольно і предовольно: прочія неозначенныя сілою мы знаемъ, что оні не двузнаменательныя, а на которыіі въ ніхъ слогъ ударять сілою, давно также вѣдаемъ. Но чуже-

странныі всѣ, і вы, г. м., какъ ізволіте, такъ къ сему і прівыкайте.

Чуж. Впервыє ешче мнѣ удалось дождаться, что вы нѣчто нашлі достойное похвалы вашея въ ортографіі церковныя печаті. Но что вы малое імѣете попеченіе о насъ чужестранныхъ; то ізрядно дѣлаете. Ібо ежелі найдутся ізвѣсныя правіла на ваші ударенія; то мы всѣ хорошо научімся выговарівать ваші слова: но сімъ совершенствомъ потеряемъ право чужестранства, которое поістіннѣ мнѣ лучше правільнаго вашего выговора.

Рос. Что достойно, нельзя того не хваліть. Но хотя бы вы імѣлі потерять право, какъ вы называете, чужестранства; однако намъ надобно доісківаться правілъ на наші ударенія, і надѣюсь, что ктонібудь современемъ прімется за сіе.

Теперь, прошу послушать мнѣнія моего о тітлахъ, отъ которыхъ вы уже потѣлі (стр. 55), когда я вамъ объ ніхъ разсказывалъ (стр. 52). А мнѣніе мое объ ніхъ есть сіе, что складовъ подъ тітлами отнюдь і всеконечно въ нашей ортографіі употреблять не должно, по IX основанію. Чтожъ въ церковной печаті оныє тітлы, і словотітлы употребляются; то сіе дѣлается не токмо безъ всякія пользы, но і со тщетою, о которой ізъяснілъ я вамъ онымъ же IX-мъ основаніемъ.

Сіе ешче несноснѣе, что церковная ортографія содержітъ іхъ не просто за сократітельныі словъ знакі, но мнітъ прітомъ, что отъ ніхъ дѣлается нѣкоторое знатное почтеніе вещамъ означаемымъ словамі. Достойная вещь жалости, затвердѣлыя въ человѣ-

кахъ мнѣнія! І сіе толь наіпаче, что чашче, і почітай всегда, то за лучшее і праведное почітается, что ілі самое худое, ілі ложное!

Я не говорю о премногіхъ человѣческіхъ мнѣніяхъ, которыя іногда не токмо не імѣютъ простыя вѣроятности, но ні тѣні подобія правдѣ; а однако всѣмъ простаго народа обшествомъ подтвержденныя, пріемлются за основательные істінны. Я прілагаю сіе къ нашей токмо матерії; кто ізъ пісателей нашіхъ не думаетъ, что слово напісанное подъ тітлою, больше дѣлаетъ чѐсті ізображаемой вешчі, нежелі всѣмі состояшчее складамі? Такъ что почітай всякъ у насъ въ досаду себѣ пріметъ, чітая начальный і обыкновенный тітулъ въ пісьмѣ напримѣръ, напісанный всѣмі складамі такъ, *Государь мой:* а однако, сіе безъ всякаго есть сомнѣнія, что тітлы выдуманы сперва самаго отъ скоропісцовъ не для того, чтобъ почтіть означаемую вешчь словомъ, но чтобъ слово напісать скоряе сімъ назначеніемъ, тоесть, что ізображеніе оное съ тітлою напісанное такъ, *Гдрь мой,* есть токмо ізображеніе сокрашченное, которое (понеже не ізъ всѣхъ должныхъ себѣ состоітъ складовъ, і потому такъ представляется очамъ, что его должно выговоріть по болдырскі нѣкакъ) въ бо́льшую, кажется, долженствовало бы пріводіть досаду чітаюшчаго, нежелі пра́вільно безъ тітлъ ізображенное.

І понеже съ такімъ мнѣніемъ, древніі наші ортографшікі ввелі тітлы і словотітлы въ печать; то отъ ніхъ досталось оное по наслѣтству учітелямъ пісанія; сіі научілі своіхъ ученіковъ; а отъ пісцовъ разлілось

оно по всему обшчеству, і вкоренілось твердо. Но пускай съ тітлами пішутъ пісцы: мнѣ до ніхъ нѣтъ дѣла. А что въ старой печаті употребляются онѣ; то сіе только то проіsводітъ, что нікто ізъ чужестранныхъ не хочетъ учіться ея чітать, не шчітая того, что і намъ самімъ мудрость сія іногда мудрена бываетъ. Съ другой стороны, сіе праведножъ, что мы къ сему съ самаго младенчества прівыкаемъ; і потому мы тогда только тітлы мудренымі почітаемъ, когда въ Азбукѣ твердімъ *Ангелъ Ангельскій*. Однакожъ есть время, когда і намъ сіі тітлы кажутся медвѣдемъ.

Я почітай сержусь, когда слышу, что сіе неправедное мнѣніе нѣкоторыі, не ѕнаюшчіі сілы, ізъ нашіхъ ѕашчішчаютъ. Самі ізвольте рассудіть, г. м.; какоелішнее почтеніе ѕдѣлается, преудівітельному, і окружаюшчему всю махіну міра сінему своду, который мы назыіваемъ *небомъ*, ежелі онъ напішется подъ тітлою такъ, *нбо*? А какое емужъ учініться бесчестіе, когда оныій ізобразіться всѣмі должнымі складамі сімъ образомъ, *небо*? Подлінно надобно быть старіннымъ крівопісцомъ, а не правопісцомъ, чтобъ імѣть такое о семъ гнілое мнѣніе.

Чтожъ до новыя нашея гражданскія печаті; хотябъ она і не была по всему такая, чтобъ ей быть далеко лучше старыя, но токмобъ не імѣла сіхъ тітлъ і словотітлъ; однако і сімъ бы однімъ совершенствомъ, несравненно могла она превзойті ея. І понеже въ ней нѣтъ ізлішныя сея пустоты; то нашлісь нѣкоторые особы, которые догаткамі утвер-

ждаютъ, что первою і побуждающчею прічіною былі, къ ізобрѣтенію новаго нашего тіпа, особліво сіі тітлы і словотітлы, которые почітай на всякой строкѣ въ старой попадаются печаті. Догаткі іхъ слѣдующчее за основаніе пріемлютъ, а именно, что въ началѣ военныхъ дѣйствій, которыя восхотѣлъ проізводіть, для пользы, славы, і обороны своея Имперіі ПеТРЪ ВеЛІКІЙ, началі вступать въ его Государеву службу многіі ізъ васъ чужестранныхъ, а ізъ сіхъ хотя не всѣмъ, но бо́лшеи ча́сті ілі нужда настала, ілі іхъ собственная охота взяла учіться чітать і пісать по нашему: то бутто рассуждено запотребно, чтобъ імъ учініть бо́лшую способность во чтеніі нашіхъ кнігъ, длятого что старая печать велікую къ тому подавала трудность своімі частымі словотітламі і тітламі, выдумать новый відъ тіпа, въ которомъ бы отнюдъ не быть сімъ пустымъ затрудненіямъ.

Подлінно, гражданская наша печать выдумана около тѣхъ временъ. Однако, сіе не можетъ быть правдою, что она выдумана длятого, понеже въ старой находятся тітлы, чтобъ быть еіі безъ сіхъ тітлъ. Можно бы повелѣть печатать і старою печатью гражданскія дѣла́ безъ оныхъ тітлъ, і тѣмъ пода́ть лехкій способъ, научіться чітать по нашему, чужестраннымъ. Но мы і понынѣ відімъ многія тогдашніхъ военныхъ дѣйствій описанія, печатанныя старою печатью; однако въ ніхъ вездѣ, гдѣ надобно по мнѣнію тѣхъ временъ ортографшіковъ, употреблены тітлы, словотітлы, глагольтітлы, добротітлы, і онтітлы. Сіе показываетъ, что о чужестранныхъ

тогда не́-было дальнаго радѣнія, врассужденіі сего, которыхъ тогда много уже́ было въ службѣ.

Не праведнѣе пріводятъ нѣкоторыі і насільство тогдашняго государева непріятеля, въ главную прічіну новому тіпу. Ізвѣсно, что нѣкто Іванъ Тесінгъ, печаталъ въ Амстердамѣ нашімъ ѧзыкомъ і літерамі книгі. По смерті его, тіпографшікъ бывшій у него, ехалъ въ Россію со всѣмъ онымъ тіпографскімъ ѕаводомъ. Прібывші въ Гданскъ, лішілся всего онаго, длятого что непріятелі Государевы отнялі у него весь оный ѕаводъ. І понеже оні печаталі тѣмі літерамі многія возмутітельныя пісьма; то Государь, блаженныя памяті, повелѣлъ своімъ указомъ такімъ обманамъ не вѣріть, хотябъ і потпісано было, что оні печатаны въ Москвѣ. Впрочемъ, Тесінговы літеры хотя і весьма похожі былі на наші церковныѣ; однако былі такъ отмѣнны, что тотчасъ можно было іхъ ѵзнать, что онѣ не московскія работы: доказываетъ сіе кніга назыѵаемый Емблемматъ, также і другіе: доказываетъ і оная объ істінномъ хрістіанствѣ, которая, сказываютъ, печатана самымъ онымъ Тесінговымъ друкомъ, отнятымъ въ Гданскѣ, і купленымъ въ Галу: но осемъ я достовѣрно не ѕнаю. Ѕнаю только, что сія кніга, какъ лютеранская, у насъ ѕапрешчена. Слѣдовательно, невозможно съ основаніемъ ѕаключіть, что длятого выдуманъ новый тіпъ, чтобъ онъ, отмѣною своею отъ старыя нашея печаті, отнялъ у непріятеля способъ къ печатанію протівностеи, нашімъ ѧзыкомъ і літерамі.

Но слѣдующее больше ешче опровергаетъ сіе ѕаключеніе: ібо новый тіпъ въ 1708 годѣ былъ уже́

въ Москвѣ, длятого что самая первая книга печатана сімъ тіпомъ въ семъ годѣ, о чемъ по́слѣ. Но Тесінговъ друкъ отнятъ въ томже 1708 годѣ; то ясно, что новый нашъ тіпъ прежде былъ sдѣланъ въ Амстердамѣ, длятого что на дѣланіе его всеконечно надлежало употребіть съ годъ времені, (ібо самый первый ѕаводъ гражданскіхъ літеръ вылітъ въ Голландіі въ 1707 годѣ, а не въ Россіі; но о семъ въ своемъ мѣстѣ) нежелі отнятъ Тесінговъ въ Гданскѣ. Все сіе оный доказываетъ указъ, [1]) который во всю Россію

[1] Отъ Велікаго Государя Царя, і Велікаго Кнѧзя Петра Алексѣевіча, всея велікія і малыя, і бѣлыя россіі Самодержца, въ Сібірь въ Турінскъ Стольніку нашему і Воєводѣ Івану Фомічу Бібікову. Въ нынѣшнемъ 708 году, марта въ 6 день, въ Нашемъ Велікаго Государя Указѣ ізъ Розряду въ Сібірской пріказъ пісано: въ пісьмѣ нашего Царскаго Величества ізъ Чашнікова 24 февраля, которое получено на Москвѣ тогожъ мѣсяца 29 дня, напісано: что непріятель ізъ Гданска целой друкъ словъ славенскіхъ, которымі печаталъ въ Амстрадамѣ славенскіе книгі Тесінгъ, і по смерті ево тотъ мастеръ, не імѣя чемъ кормітца, ехалъ къ Намъ Велікому Государю і со онымъ друкомъ, которой нынѣ во Гданску отъ непріятеля взятъ, і тѣмі словамі множество всякіхъ возмутітельныхъ пісемъ напечатано во Гданску, которые хотетъ чрезъ шпіоновъ послать въ Наші Велікого Государя краі. Чегодля, надлежітъ вездѣ сіе объявлять всѣмъ, і накрѣпко заказать, дабы сего зѣло смотрілі вездѣ, і гдѣ такія пісьма явятца, чтобъ пріносілі, а паче і тѣхъ ловілі, которые оные пріносіть будутъ; і о томъ для вѣдома во всѣ Сібірскіе городы послать Наші Велікаго Государя грамоты, а въ грамотахъ напісать імянно, буде какіе пісьма гдѣ явятца напечатаные славенскімі, тоесть, рускімі словамі, і скла-

ізъ Розряду разосланъ тогда. Я відѣлъ і чіталъ самъ сей указъ, і нарочно его спісалъ ізъ архівы Профессорскаго собранія, который обрѣтается между сібірскімі дѣламі, дабы годомъ его можно было доказать, что, отнятіе Тесінгова друка, не могло быть ні первою ні главною прічіною къ ізобрѣтенію новаго нашего гражданскаго тіпа.

Слѣдовательно, одно токмо подобіе латінскімъ нынѣшнімъ літерамъ, было первѣйшімъ поводомъ къ сему ізобрѣтенію, какъ то я, г. м., сіе утверждаю

домъ славенскімъ къ возмущенію народа, ілі хотя подъ какімъ ні есть лесным образомъ пріводя къ томужъ, чтобъ і тѣмъ народъ прівесть въ возмущеніе: і такімъ проманомъ отнюдъ не вѣріть, і у себя не держать, хотя будетъ і то въ ніхъ напісано, бутто оні на Москвѣ печатаны. А гдѣ у кого такіе пісьма явятца; і такіхъ людей ловіть, і распрашівать, гдѣ кто такія пісьма взялъ: і на кого скажетъ, і тѣхъ людей сысківат со всякімъ крѣпкімъ прілѣжаніемъ, і прісылать къ Москвѣ. А за сыскъ такіхъ возмутітелей, кто іхъ сышчетъ, будетъ імъ Наша Велікаго Государя мілость. І о тѣхъ возмутітельныхъ пісьмахъ въ городѣхъ всякіхъ чіновъ людемъ сказать всѣмъ вслухъ, і прібіть лісты на градскіхъ воротахъ, і на торшкахъ, гдѣ прістойно. А поіманныхъ возмутітелей і пісьма прісылать къ Москвѣ въ Сібірской прікаъ. І какъ къ тебѣ ся наша Велікаго Государя грамота прідетъ; і тыбъ учінілъ по вышепісанному нашему Велікаго Государя указу о всемъ непремѣнно. Пісанъ на Москвѣ 1708 года, Марта въ 16 день.

На подлінномъ пішетъ тако:

Дьякъ Іванъ Чепелевъ.

Справілъ Андрей Фроловъ.

XI-мъ моімъ основаніемъ, которое уже́ вы ізволілі відѣть.

Чуж. Я на́чалъ было прівыкать къ похвалѣ отъ васъ старой ортографіи: но вы столько, ешче і больше похулілі въ ней употребленіе тітлъ, нежелі похвалілі ея за то, что она надъ каждымъ словомъ ставітъ сілы. Чего то дождутся отъ васъ чіслітельныя ея буквы, а особліво съ решоточкамі?

Рос. Буквы ея, означающчіе чи́сла, есть средняя вешчь, такъ что іхъ можно і похваліть, і нічего не говоря, оставіть старой ортографіі.

Подлінно, сіе въ ней употребленіе есть греческоежъ, которое введено отъ давніхъ лѣтъ, і всѣмъ намъ довольно вѣдомое. Праведно і сіе, что чіслітельныя сіі буквы, введенныя по обрасцу греческіхъ, лішілі насъ всѣхъ граматніковъ нашіхъ собственныхъ знаковъ чіслітельныхъ, которыі въ употребленіі осталісь і понынѣ у безграматныхъ токмо людей; а всѣ оныі знакі много походятъ на рімскіі. Я бы вамъ, г. м., показалъ іхъ фігуру, напісавъ на особлівой теперь бумашкѣ: но прізнаваюсь, что і самъ сілы іхъ не разумѣю. Довольно вамъ знать, что оні почітай всѣ подобны фігурѣ рімскіхъ чіселъ, а відѣть іхъ можете чашче на подошвахъ у новыхъ сапоговъ і башмаковъ, ежелі вы покупаете іхъ на рынкѣ, а не назаказъ дѣлать отдаете. Ітакъ, пускай чіслітельныі сіі знакі остаются въ старой токмо печаті.

Но гражданской всеконечно употреблять іхъ недолжно. Тітлы, поставленныя наверьху каждаго чісла́, также і решоточкі, означающчіе тысячі, повре-

ждаютъ калліграфію: сверьхъ того, гражданской печаті і нужды въ ніхъ нѣтъ, длятого что употребляетъ она нынѣ бесконечныі чіслом арапскіі знакі, всеи Европѣ, і намъ нынѣ общчіі, [1]) которыі обыкновенно называются цыфіремъ.

Ежелібъ кому захотѣлось утверждать нужду буквеннаго того чіслá пасхальнымі нашімі табліцамі, ілі дневнымі мѣсяцовъ чіслами въ святцахъ нашіхъ церьковныхъ; то такому можно въ отвѣтъ сіе слѣдушчее сказать, что тѣмі табліцамі, і онымі чіслами, едва, і едва лі ешче, доказывается нужда намъ въ буквенномъ чіслѣ. Ібо, какъ онымъ табліцамъ свойственнѣе і лучше составляемымъ быть цыфірнымі знакамі; (а сіе ізъяснено мною въ кнішкѣ названной пасхальнымъ крýгомъ, ілі церьковнымъ счісленіемъ, сочіненной 1747 года) такъ і чíсла дней давно ужé ізъявляются у насъ цыфіремъ въ календаряхъ, а ктомужъ і недѣльныі дні означаются въ ніхъ планетнымі фігурамі; да і не думаю, чтобъ онѣ кому былі нынѣ не знакомы, развѣ кресьянамъ: но сіі, какъ безграматныі, ні буквеннаго чіслá, ні цыфірнаго (кромѣ древняго рускаго, тоесть, палочекъ прямыхъ, і попереішныхъ, также хѣровъ, і хѣровъ въ кругахъ) всеконечно не знаютъ.

Наконецъ, подобіе гражданскія печаті латінской по XI основанію, не допускаетъ въ нея сего буквен-

---

[1] Не знаю, съ котораго времені нáчалъ вводіться цыфірь къ намъ. Но съ 1703 года не можно ему не быть въ употребленіі: ібо Аріѳметіка Леонтія Магніцкаго въ тотъ годъ іздана печатнымъ тісненіемъ.

наго чісла́, которому, ежелі надобно у насъ быть, то, ешче повторяю, пускай оно токмо будетъ въ церьковной.

Чуж. Теперь должно вамъ, г. м., ізъяснять объ інтерпункціахъ; і надѣюсь, что вы іхъ похуліть не можете, длятого что онѣ почітай однѣ і тѣжъ въ обѣіхъ вашіхъ печатяхъ.

Рос. Однако есть нѣкоторая разность у старыя нашея печаті съ новою, врассужденіі сего: а объ ней, въ чемъ она состоітъ, я уже́ вамъ доносілъ, (стран. 58). Сіе впрочемъ мнѣ удівітельно, что старая наша печать употребленіемъ двоеточія, больше уподобілась латінской печаті, нежелі греческой: ібо въ греческой, вмѣсто помянутаго препінанія, ставітся обыкновенно точечка вверьху подлѣ слова, въ разлічіе целой точкѣ, которая полагается нанізу подлѣ препінаемаго слова. Но все сіе не такое, чтобъ о томъ много надлежало говоріть: нѣтъ въ томъ ні ізлішества, ні убытка.

Чтожъ въ новой нашей печаті употребляются латінскія точно препінанія; то ізрядно, і согласно съ XI-мъ моімъ основаніемъ. Однако не худо і то, что въ старой сіі препінанія наібольше по греческому ставятся: обоімі сімі способамі равно получается то, длячего введены такія разделенія, какъ я уже́ упоміналъ (стран. 58).

Мнѣ ешче і кажется, что нѣсколько ісправнѣе старыя нашея печаті препінанія, длятого что іхъ меньше, а іменно, что нѣтъ въ ней полученнаго разде-

ленія, называемаго *семіколономъ і медіанотою*. Я думаю, что довольно только, на раздѣленіе членовъ періода, одного знака называемаго *колономъ*. Самыі знатныі пісателі непостоянно употребляютъ оба сіі препінанія, сколько ні говорятъ грамматісты і реторы, что тамъ надобно ставіть знакъ полученный, гдѣ *предідушчее такъ зависітъ отъ послѣдующаго, что никакъ разумъ содержанія въ предідушчемъ окончіться не можетъ; а знакъ члена тамъ, гдѣ ілі членъ есть долженствующій, ілі кончітся онъ такъ, что въ послѣдующемъ объявляется ліво прічіна, ліво указаніе, ліво какое воспослѣдованіе изъ предідушчаго, ілі въ сложныхъ періодахъ между протазісомъ і аподозісомъ.*

Для меня, все сіе токмо что слова, і слова ешче не весьма понятныя. Но знатно, что і славныі пісателі столькожъ сіе понімаютъ, сколько і я: ібо оні по пріказу господъ грамматістовъ і реторовъ не точно поступаютъ, но часто і не исполняютъ заповѣдей іхъ, ставя *точку съ запятою* вмѣсто *двоеточія*, і напротівъ того. Сіе проісходітъ отъ того, что всякъ, по склоненію разума въ содержаніі, опредѣляетъ себѣ лучше малыі і большіі знакъ препінанія междучленный. Однако, чрезъ сіе я не такъ разумѣю, чтобъ, по латінскому способу употребляемыя препінанія, тоесть, семіколонъ, і колонъ, былі ізлішны. Подлінно, есть разность у малаго і завісящаго члена отъ послѣдующаго, съ членомъ совершеннѣйшімъ, і почітай разумъ содержанія оканчивающімъ, тоесть, почітай целыя точкі въ препінаніе требующімъ. Я говорю токмо, что больша́я часть изъ реторовъ і

грамматістовъ не ясно разлічіе сіхъ двухъ знаковъ описываютъ. [1])

---

[1] Понеже въ препінаніяхъ строчныхъ превелікая есть важность: то я въ слѣдующемъ прімѣчаніи положу краткій способъ, какъ, гдѣ, когда, і коі ізъ ніхъ употреблять: а способъ сей выбранъ ізъ книшкі нѣкотораго не бесснатнаго писателя, длятого что сей мнѣ ясняе всѣхъ прочіхъ показался. Ітакъ:

Препінаніе есть словъ, членовъ, і целыя рѣчі разделеніе, опредѣленнымі знакамі ізображаемое, во чтеніі къ понятію содержанія, і къ отдохновенію служашчев, также і порядокъ сочіненія указываюшчев.

Разделеніе сіе, что до содержанія, есть не полное, і полное. Неполное есть двоякое: одно больше такое, і дѣлается запятою; а другое меньше такое, і означается точкою съ запятою. Полное также есть двоякое: меньше такое, дѣлается двоеточіемъ, а больше такое, ізображается точкою.

Должность запятыя наібольше состоітъ въ слѣдующемъ:

1) Мéньшія сочіненія, і краткіі члены періода разлічать, также і разныя его обстоятельства отдѣлять. Напрімѣръ:

Лучше научіться поздо, нежелі незнать, что, съ самаго нача́ла, вѣдать должно было.

2) Двоякое знаменованіе істреблять. Напрімѣръ.

Стараться о че́сті, мало должно о польсѣ.

а не:

Стараться о че́сті мало, должно о польсѣ.

3) Разныя імена, глаголы, і другіе скланяемые ча́сті, до одной надлежашчіе вешчі, разделять. Напрімѣръ:

Чудовішче страшное, безобразное, превелікое, которое глазъ лішено.

Посему, запятыя мѣсто есть:

Но впрочемъ, лішній лі есть знакъ препінанія полученный, ілі надобный; я о томъ не весьма соботусь. Я радуюсь токмо, что препінанія введены въ употребленіе. Оні превелікую подаютъ свѣтлость

---

1) Предъ возносітельнымъ, какъ: Пісьмо ваше, которое я вчера получілъ, мнѣ весьма пріятно.

2) Предъ нѣкоторымі надглаголіямі, а вопервыхъ Времені, какъ: Отецъ вашъ, когда прібудетъ, все оное намъ расскажетъ.

Уравненія, какъ: чемъ меньше кто учілся, тѣмъ больше онъ незнаюшчъ.

ілі:

Лучше умереть, нежелі грѣшіть предъ Богомъ.

Напряженія, какъ: не многіі разумѣютъ, коль прібыточна есть Єкономія.

Поправленія, какъ: Такъ онъ просілъ, ілі лучше, пріказывалъ.

3) Послѣ всѣхъ надглаголій напряженія, предъ частіцею что, какъ: ваше благодѣяніе толь веліко, что я не могу изобразіть.

4) Предъ многімі союзамі, а вопервыхъ предъ сопрягательнымі, какъ: нѣтъ того, чегобъ онъ і совѣтомъ правіть, і непорочностію зашчітіть, і добродѣтелію совершіть не возмогъ.

Предъ распрягательнымі, какъ: пііты ілі пользу прінесть желаютъ, ілі хотятъ токмо увеселіть.

Предъ договорнымі, какъ: возможете, ежелі захочете, і сіе учінітъ мнѣ пріятство.

ілі:

Нікто за бездѣліцу не ссорітся трезвый, еслі онъ вовся ума не лішенъ.

Предъ вінословнымі, какъ: і васъ я велѣлъ записать, длятого что вы также тамъ не-былі.

содержанію: а ежелібъ іхъ нébыло, тобъ невозможно было сыскívать подлíнный разумъ во всякомъ содержаніи, длятого что можнобъ толковать оное не только на-два противный разума, но на сколькобъ кто за-

---

5) Предъ, і послѣ взываній посредінѣ полагаемыхъ, какъ: ваше учтівство, мілостівый государь, столько ізвѣсно, сколько вы самі всѣмъ знаемы.

6) Въ членахъ бессоюзныхъ, і многосоюзныхъ, какъ: ужé вышелъ, отбылъ, выбѣгъ, выскочілъ, і: вы меня больше, нежелі всѣ прочіі і посѣщаете, і почітаете, і любіте.

Точка съ запятою, есть разділеніе целыя рѣчі, ешче не довершівшіяся сочіненіемъ, которая, будучі по содержанію полняе нѣсколько запятыя, а меньше тѣмже содержаніемъ двоеточія, імѣетъ тамъ везде мѣсто, гдѣ разумъ средіну нѣкоторую імѣетъ между запятою і двоеточіемъ. Особлівожъ ставітся:

1) Предъ надглаголіямі поправленія, также і предъ союзамі распрягательнымі, і противітельнымі, долгайшаго періода, напрімѣръ: толікую дозналъ я отъ васъ, мілостівѣйшій государь, къ себѣ пріязнь; а лучше сказать, толікую я получілъ отъ васъ себѣ мілость: колікія ілі вамъ самімъ невозможно ужé нікому показать; ілі превосходітъ она не токмо мое благодареніе, но выше ешче находітся і всякаго человѣческаго, сколько бы оно ні могло быть праведное.

2) Въ членахъ, которыі между собою противополагаются содержаніемъ, і которыі распрягаются; также і въ разлічныхъ чего нібудь на часті разділеніяхъ. Напрімѣръ: хотяшчаго судбіна влечетъ; не хотяшчаго ведетъ. І: добрая совѣсть надобна намъ для Бóга; добрая слава для людей.

Двоеточіе есть разділеніе целыя подлінно рѣчі; но съ

хотѣлъ. Изъ сего всякъ можетъ заключіть, что нѣтъ вреда въ ізлішніхъ препінаніяхъ; но худо было тогда, когда изъ ніхъ ні одного не употреблялі: а находітся ешче і понынѣ много такіхъ пісателей, ко-

---

послѣдующімъ содержаніемъ ѣяжъ соединенныя. Оно імѣетъ мѣсто:

1) Въ пріведеніі свідѣтельствъ, пріічінъ, пріімѣровъ, і чужіхъ словъ. Напріімѣръ: подтверждаетъ мое предложеніе, ізвѣсный въ добродѣтелі і въ наукахъ человѣкъ, говоря: то да то. Ктомужъ, во время предупрежденія, которымъ сопротівленіе какое отводімъ, какъ: но можетъ быть кто нібудь скажетъ мнѣ въ сопротівленіе, а іменно: то і то.

2) Въ сравненіяхъ, і во всѣхъ періодахъ сложныхъ предъ второю іхъ частію: развѣ токмо, когда краткій членъ требовать будетъ запятыя, напріімѣръ: какъ цвѣтъ скоро увядаетъ такъ і человѣческая слава. А въ долгайшіхъ: какъ прекрасный цвѣтъ, почітай во мгновеніе ока, невозвратно увядаетъ: такъ слава, ідолъ всѣхъ человѣковъ, въ самомъ трубою возглашеніі, улетаетъ отъ прославляемаго нечаянно.

3) Въ прехожденіяхъ, какъ: но о семъ довольно: теперь імѣю предлагать, і проч.

Точка, есть ілі большая, ілі малая. Малая, ілі лаконическая, весьма часто находітся въ такіхъ пісателяхъ, которымъ отрывная краткость нравітся. Малою она длятого называется, что въ періодѣ ея весьма мало находітся словъ; а потому і слѣдующій періодъ не начінается прописною літерою, но такоюжъ строчною, напріімѣръ: человѣкъ родівшісь преставляется, і самою жізнію умираетъ. но смертію жіть начінаетъ.

Большая полагается въ самомъ окончаніі періода, і всякаго содержанія совершенно полнаго; такъ что слѣ-

торыі не ставятъ іхъ въ своіхъ сочиненіяхъ, ілі нѣкоторыі хотя ставятъ, но і не вездѣ, і не тамъ, і не такія, какія введены, і знающімъ вѣдомы.

Послѣдняя іхъ ошибка не очень важна: ібо і у грековъ і у рімлянъ, въ отдаленной отъ насъ древности,

---

дующій періодъ неможно длятого не начать прописною буквою, напрімѣръ: Недостойна бы того была історія, чтобъ къ ней особлівое імѣть прілѣжаніе, і употреблять на ізученіе ея долгое время: ежелібъ она подавала бесплодное токмо знаніе о бывшіхъ дѣлахъ, і налагала бы темное ісканіе чіселъ і лѣтъ, въ которыя что случілось.

Къ сімъ препінаніямъ прінадлежатъ: вмѣстітельная, вопросітельная, і удівітельная.

Вмѣстітельная то включаетъ, что къ составленію періода собственно не прінадлежітъ; і потому постороннее содержаніе въ самую средіну слова впускаетъ, огранічівъ его съ обѣіхъ сторонъ полукружійцами, ілі скобками.

Вопросітельная, не токмо ставітся во время вопрошеній, но і тогда, когда вопрошающімъ пристрастіемъ нѣчто ізображается, напрімѣръ; я лі тебѣ, другъ мой, тысячу разъ о томъ не говорілъ?

Вопросітельная сія не ставітся ужé тогда на концѣ, когда вопрошенія сіла, которая въ самыхъ первыхъ періода словахъ находілась, въ долгайшемъ его теченіі совершенно ослабѣваетъ. Напрімѣръ: можнолі повѣріть, что вы, не імѣя самыхъ нужныхъ і необходімыхъ сретствій до путешествія надлежащічіхъ, да только одну охоту, чтобъ побывать въ чужіхъ земляхъ, і відѣть іхъ, объехалі знатную часть европы.

Удівітельная также показываетъ въ сочиненіі возбужденное пристрастіе: тогораді і употребляется во время удівленія, какъ: дівная і неслыханная вещчь! Во время

ставлівались оні іныя, нежелі какія нынѣ употребляются. Такъ самыі древніі рімляне, когда ешче оні всегда уставнымі буквамі пісалі, а пісалі такъ бліско ставя одно слово подлѣ другаго, что насілу оні разлічіться моглі между собою, і только тѣмъ, что по́слѣ каждаго сло́ва ставлівалі оні точку. Сіе і понынѣ обрасцомъ есть многімъ надпісямъ; также і похваламъ, пішемымъ то должайшімі, то кратчайшімі строкамі, кромѣ токмо что на концахъ сіхъ строкъ не ставятся точкі, длятого что древніі тутъ нікако́ва разділенія, тоесть, ні точкі, ні інаго чего не ставлівалі. Вырѣзываюшчіі надпісі на камняхъ, не токмо точкі по́слѣ каждаго сло́ва ставілі; но іногда запятые, іногда фігуру (*r*), іногда фігуру шпажнаго ефеса (*φ*), ілі греческое фі, а іногда греческое (*ψ*). Однако сіі фігуры рѣтко у ніхъ употреблялись; больше точкі по́слѣ каждаго сло́ва въ употребленіі былі.

Но пото́мъ древнее сіе обыкновеніе отъ грамматістовъ перемѣнено, такъ что точка начала́ быть зна́комъ совершенно окончівшагося разума въ періодѣ; двоеточіе, окончівшагосяжъ, но нѣсколько ешче завісяшчаго отъ послѣдующчаго; точка съ за-

---

восклі́цанія, какъ: о небо! Также по́слѣ желаній, какъ: да даруетъ Богъ получіть вамъ всякое шчастіе! по́слѣ Єпіфонемы, тоесть, тако́ва ізглашенія, которое дѣлается по́слѣ дівныя, ілі многотрудныя, ілі способныя, ілі радосныя случаямі повѣсті, какъ: толікій точно былъ трудъ завесть Санктпетербургъ! По́слѣ жаркіхъ утвержденій, какъ: не ізвольте сомнѣваться, все то правда, что ні слышіте! Напослѣдокъ, по́слѣ гарячіхъ споровъ какъ: нѣтъ, Государь мой! Вы неосновательно ізволіте говоріть!

пятою, такіи раздѣляетъ члены въ періодѣ, которыі содержаніемъ меньше двоеточія, а больше запятыя. Сіе препинаніе отъ Алда Мануція разумѣется такімъ, *что оно всѣхъ трудняе.* [1]) Запятая, самыі краткіі разумы между собою раздѣляетъ, і прочая.

Памятно вамъ, г. м., что мнѣ лучше нравятся препинанія церковныя нашея печаті, длятого что въ неи нѣтъ получленнаго препинанія, которое всѣхъ трудняе, по Мануціеву разумѣнію. Но нѣкто Якобъ Карповіи, въ размышленіи своемъ філософіко-крітіческомъ объ языкѣ, і его совершенствѣ, находітъ ешче недостаточнымі нынѣшнія латінскія препинанія, которыя мы употребляемъ въ гражданской нашеи печаті: онъ бы желалъ быть введену такому прітомъ, *которое означалобъ разумъ повелітельный*, то-есть, *разумъ заповѣді і указа.* [2]) Я прізнаваюсь, что въ

---

[1] Inter omnes notas, hanc esse omnium difficillimam intelligo.

[2] Ісчіслівші онъ всѣ нынѣшнія препинанія, слѣдующчев объ ніхъ говорітъ полатінскі: At non dum haec nobis recepta omni caussae sufficiunt. Deest enim signum locutionis imperatiuae. Et quamuis locutio imperatiua ab indicatiua aliis signis, vti apud Latinos diuersitate terminationis, apud Germanos adiectione vel amissione articuli, possit distingui, dantur tamen casus, vbi, aegre sufficientibus his notis, signo imperatiui omnino opus esset. Nescio, an referri huc debeat locus classicus Ioh. V. v. 39. *ἐρευνᾶτε τὰς γραφάς* (іспытайте пісанія), qui, sola verbi terminatione spectata, et de mero facto Iudaeorum, et tamquam praeceptum Christi potest intelligi. Et quamuis, locutionem imperatiuam esse, aliunde ostendi possit

семъ его желанiи не токмо малую, но i нiкакiя не вiжу польѕы. Самъ онъ, говоря полатiнскi, не спорiтъ, что, у *латiнъ*, *повелiтельный разумъ отъ iѕъявiтельнаго, разностiю окончанiй, а у нѣмцовъ прiложенiемъ, iлi отложенiемъ члена, совершенно разлiчается:* но въ нашемъ яѕыкѣ сiе разлiчiе дѣлается, iногда премѣненiемъ буквъ, какъ *бу́дiте* отъ *будете*; iногда преложенiемъ сiлы, какъ *любiте*, отъ *лю́бiте*; iногда также, какъ i въ латiнскомъ, самымъ составленiемъ сло́ва, какъ, *дѣлайте* отъ *дѣлаете*; а iногда равнымъ образомъ какъ у французовъ, (хотя ешче сiе у насъ не весьма утверждено, однако на́чало, кажется, уже́ утверждаться) положенiемъ лiчнаго мѣстоiменiя по́слѣ глагола, какъ *велiте вы*, отъ *вы велiте* iѕъявiтельно. Чтожъ до третiяго лiца́ въ обоiхъ чiслахъ сего наклоненiя; то давно уже́ у насъ разлiчаютъ повелiтельное наклоненiе отъ iѕъявiтельнаго, частiцы *да, пусть, пускай*, положiвъ мѣстоiменiе лiчное по́слѣжъ глагола, какъ, *да любятъ онi*, iлi *пуска́й любятъ онi*, отъ *онi любятъ* iѕъявiтельнаго.

Начтожъ посему латiнамъ, нѣмцамъ, i намъ ѕнакъ препiнанiя повелiтельный? Прiмѣры, которыi онъ

---

tamen minor obiiciendi species illis, qui excutiunt scripturam ex manibus Laicorum, suppeteret, si signum praecepti adiectum inueniretur. Pariter, Gal. III. v. 10: *τὸ παρατηρεῖσθε* (смотряете, наблюдаете) et v. 12: *τὸ γίνεσθε* (бу́дiте) secundum grammaticam et indicatiue et imperatiue capi potest; sed est v. 10. indicatiuus, v. 12. imperatiuus significatus sermonis contextui conformis, et hinc verus.

пріводітъ греческіі, также какъ і въ латінскомъ ѧзыкѣ, разлічаются окончаніямі. Вся нужда у него состоітъ въ томъ, что рімляне, которыі ѕапрешчаютъ чітать простолюдінамъ святое пісаніе, не толь сільно будутъ ѕашчішчать себя отъ такіхъ учітелей, которыі і простымъ людямъ не ѕаказываютъ чітать святыхъ кнігъ, ежелі ѕнакъ препінанія повелітельный імѣетъ показывать, что сіе ілі то содержаніе есть Хрістова, ілі апостольская ѕаповѣдь.

Воля господіна Карповія: по его премного намъ будетъ надобно препінаній. Будемъ мы імѣть нужду і въ такіхъ, которыябъ указывалі і всѣ другія наклоненія глаголовъ, такъ что о чемъ ні случітся споръ, а онъ будетъ противенъ мнѣнію Карповіеву, то должно вводіть новыі ѕнакъ препінанія, дабы оный доказывалъ, что Карповіево мнѣніе есть праведное. Ітакъ, нововводныя препінанія сегодня, да нововводныя і ѕавтра, імѣютъ быть сходны съ хрустальнымі небесамі въ Птоломеевомъ чертежѣ свѣта: ібо посему чертежу, сколько разъ ні усмотрітся новое какое движеніе во всеі обшче огромності міра; тотчасъ надобно одно хрустальное небо, чтобъ імъ вытолковать новое оное движеніе. Такіхъ хрустальныхъ небесъ імѣлі уже мы нѣсколько; а вѣроятно, чтобъ мы іхъ со временемъ і больше моглі імѣть, ежелі бы Копернікова сістема всѣ іхъ не переламала втрѣскі.

Чуж. Сія глаголеші, і намъ, по простому вашему прісловію, досаждаеші. Я, г. м., такъ о многіхъ ізъ своіхъ увѣренъ, что не можно імъ нічего ні выдумать, ні пісать того, чтобъ не-было дѣльное, хотябъ какъ оні самі ні хотѣлі нарочно. Могутъ лі, подлінно, такіі

люді пісать напрімѣръ полатынскі худо, которыі, ежелібъ вы, говоря сімъ ꙗзыкомъ, промолвілісь, тобъ оні, слыша барбарісмъ, попáдалі съ стуловъ? І какъ такімъ особамъ чего нібудь не знать, у которыхъ, со всѣхъ во всей Европѣ лучшіхъ і епітафіевъ, точныѳ находятся копіі, не токмо чтобъ у ніхъ нé-было важнѣйшіхъ другіхъ надпісеи, отъ которыхъ велікая помощь бываетъ Історіі? Словомъ, многіі у насъ, которыі тотчасъ скажутъ, сколько, побѣдітелі грекі гóрода Троі, зубовъ выбілі Гекубѣ, когда ея въ неістовство прішедшую камнямі забросалі.

Рос. Однако сіе праведно, г. м., что не всѣ у васъ толь кріво мудры. Ібо какъ во всякомъ народѣ находятся люді прямо ученыі; такъ въ каждомъ же есть і такіі, которыі, ні мало не знаꙗ Астрономіі, сочіняютъ календарі: і ежелі оні женятся; то между достопамятнымі вешчамі і годъ своего сочетанія ставятъ. Сказывалі мнѣ про нѣкотораго у насъ оратора, которому надлежало говоріть слово на погребеніі нѣкоего простаго сотніка, что онъ нáчалъ оное тѣмі самымі словамі, которымі возопілъ покоінын Архіепіскопъ Новогородскій Феофанъ, прі погребеніі Государя блаженныя і вѣчнодостоіныя памяті ПеТРА ВеЛІКАГО. Сей Архіепіскопъ, съ превелікімъ разсужденіемъ, своѭ, і всего обшчества горесть ізъявілъ, начіная: *что сіе! что мы відімъ! что дѣлаемъ!* ПеТРА ВеЛІКАГО *погребаемъ*. Но тотъ ораторъ, пóслѣ *что сіе! что мы відімъ! что дѣлаемъ!* съ крайнімъ безуміємъ толь жалосно і плачевно заключілъ: *ахъ! господіна Сотніка погребаемъ*. Съ ПеТРОМЪ ВеЛІКІМЪ вся Россія, такъ сказать, была погребаема.

Но господъ сотніковъ сколько ні умерло, россіи отъ того ні на-волосъ не сдѣлалось убытка. Итакъ, г. м., я разлічаю во всякомъ народѣ прямо ученыхъ, отъ такіхъ, которыі ілі нічего не знаютъ, ілі мало что, а думаютъ о себѣ много. Я умѣю того почітать, которыій описываетъ важное, і дѣльно, ілі полезное і слатко: а которыій въ своемъ сочіненіі шчітаетъ зубы у Гекубы, надъ тѣмъ смѣюсь.

Чуж. І я, г. м., также на-смѣхъ сказалъ о нѣкоторыхъ изъ своіхъ, которыі въ томъ наіпаче упражняются, чтобъ изъ всѣхъ, сколько попадется, Албовъ [1]) Студіозорумъ выбірать сентенціі, і располагать іхъ по Алфавіту: а чрезъ сіе і полагать себя въ чіслѣ такіхъ людей, которыі наукою і трудамі своімі знатную пріносятъ обшчеству пользу: ібо і оныій Карповіій думалъ, что онъ велікое совершенство прідастъ языкамъ, (понеже онъ размышленіе свое напісалъ о совершенствѣ языка вобшче) ежелі въ ортографіі будетъ знакъ препінанія, указываюшчій повелітельное наклоненіе. А кстаті ортографія: не подумываетель і вы, г. м., что вы хорошую услугу сдѣлаете вашімъ ученымъ людямъ сею своею ортографіею?

Рос. Нѣтъ, г. м., нѣтъ: я очень далекъ отъ сего высокомыслія. Я подлінно съ стыда пряталъ всѣ моі тетраткі, когда вы ко мнѣ изволілі пожаловать войті. І ежелібъ вы меня очень не прінуділі; тобъ подлінно

---

[1] Албы студіозорумъ называются нѣкоторые кнішкі, въ которые студенты, вмѣстѣ учівшіися, по окончаніі своіхъ ученій, ілі прі расставаніі, впісываютъ своі імена, і прітомъ нѣкоторую сільную, краткую, і хорошую рѣчь.

не сталъ я съ вамі разговарівать о сей, почітай, негодності.

Чуж. Но понеже мы много уже́ потерялі времені, разговарівая только что о буквахъ; то лучше намъ оное все на́все потерять, оканчівая сію матéрію: ібо і вамъ нѣкогда уже́ пріниматься за лучшее, і мнѣ нѣкуда больше ітті сегодня. Благоволітежъ, прошу, продолжать.

Рос. Быть такъ, г. м. Тогораді, ізвольте послушать моего мнѣнія о первообразныхъ, і проізводныхъ нашіхъ словахъ, о которыхъ я вамъ предложілъ, что пісателі, по сей старінной нашей ортографіі, всячески наблюдаютъ ставіть тѣжъ самые характерістическіе буквы въ проізводныхъ, которые находілісь въ первообразныхъ, (стр. 59), хотя іногда органъ нашего проізношенія і не требуетъ іхъ всеконечно. Напрімѣръ, понеже отъ *мерзость*, гдѣ характерістическая буква есть (s), ілі, по старінному, (з), проісходітъ *мерсскій;* то въ семъ проізводномъ, по сілѣ сея ортографіі, непремѣнно надобно наблюдать, чтобъ оная по іхъ (з) [а по моему (s)] не пропала, і не перемѣнілась бы въ сродную себѣ букву, а іменно, (с), которыя органъ нашего проізношенія требуетъ. Слѣдовательно, по сей ортографіі должно напісать: *мерзскій*, ілі *мерсскій*, вмѣсто *мерсскій*, какъ проізношеніе требуетъ.

Подлінно, сего самаго въ проізводныхъ наблюдать велітъ і французская ортографія, которая называется старою; да і пріводітъ она въ защітшченіе себя нѣкоторыя доказательства. Но не знаю, могутъ лі всѣ такія доказательства преодолѣть Квінтіліаново пра́ві-

ло Книгі I. главы 7: *такъ пісать надлежітъ, какъ звонъ требуетъ: ібо должность пісменъ въ томъ, чтобъ имъ храніть голосы, і какъ закладъ отдавать іхъ чітателямъ.* Товсть: *Каждая буква содержітъ сама въ себѣ ту прічіну, по какой надлежітъ ея полагать въ томъ наіпаче, нежелі въ другомъ мѣстѣ слога* (*основ I.*)

Слѣдовательно, понеже звонъ требуетъ буквы (с) *въ мерсскій*, должно і пісать оную въ семъ словѣ. Буквы, г. м., знакі звоновъ, ілі іхъ способовъ: мы проіsносімъ напрімѣръ (т) въ словѣ *упатка* отъ *упадокъ*, въ которомъ характерістическая есть (д); то (т) і надобно пісать, а не (д). Будежъ проіsносіть (т), а пісать (д); то одінъ знакъ за другой будетъ прінятъ безъ основательныя прічіны, ешче і со вредомъ чістотѣ проіsношенія.

Въ гражданской нашей печаті, многія ужé нынѣ словá пішутъ наблюдая органическое проіsношеніе; однако не меньше находітся і такіхъ словъ, въ которыхъ ортографія храніться по проіsведенію. Можетъ быть, что сімъ она дѣлаетъ нѣкоторое снісходітельство застарѣлому обыкновенію. Но пускай дѣлается такое снісходітельство, когда дѣлать оное угодно; токмо сіе праведно есть, что такое старінное обыкновеніе, есть не ісправное: і толь наіпаче, что древняя наша ортографія, не можетъ всегда наблюдать характерістическіхъ буквъ въ проіsводныхъ словахъ. Можетъ лі она напісать *возможность* отъ *возмогу*, не мѣняя (г) на (ж) *возможность*? Всякъ іsъ насъ скажетъ, что не можно такъ напісать. Чегожъ ради? Ібо звонъ требуетъ буквы (ж), а не (г). Чтожъ больше? такъ пісать надлежітъ, какъ звонъ требуетъ.

Но ежелібъ вы слѣдующчек мнѣ въ сопротівленік сказалі, что всего у насъ невозможно пісать по звону, для того что во многіхъ производныхъ не віденъ будетъ корень первобразныхъ; напрімѣръ, отъ *слъдую*, ежелі пісать по звону *слътствік*, а не по произведенію *слъдствік*; то *слътствік* імѣетъ происходіть отъ *слътую* не употребітельнаго глагола, а не отъ *слъдую* употребітельнаго. Съ другой стороны, во многіхъ же словахъ пропадетъ разлічіе, которое въ ніхъ дѣлается літерамі, такъ что, будучі составлены разнымі буквамі, ізрядно означаютъ разные вешчі: а по звону напісанныя, понеже ізъ одніхъ і тѣхже пісменъ состоять долженствуютъ, не токмо не будутъ означать разлічныхъ вешчей, но сімъ самымъ превелікое смѣшеніе въ языкѣ учінятъ. Напрімѣръ, слово *родъ* (*genus*), буде напішется по звону *ротъ*; то не будетъ імѣть разлічія съ словомъ *ротъ* (*os*, *bucca*), которому надлежітъ у насъ пішему быть чрезъ (т).

Весьма, г. м., я чувствую сілу сего сопротівленія. Однако, понеже сіе праведно, по Квінтіліанову прáвілу, *такъ пісать надлежітъ, какъ звонъ требуетъ*, і по моему, *каждая буква собою ізъявляетъ ту прічіну*, (*то есть, опредѣленный знакъ точно сего, а не того звона*) *по какой требуетъ ея сіе наіпаче, неželі другое мѣсто склада:* то, какое сопротівленіе мнѣбъ ні предлагаемо было, я всегда отвѣтствовать буду, что, *праведные* і *прáвільные пісать по звону*, не взірая ні на какія затрудненія. Что мнѣ нужды, что произведенія корень віденъ не будетъ? Старается лі о кореняхъ все обшчество пішушчіхъ, которымъ невозможно пісать безъ прáвілъ ортографіческіхъ; а основательнѣй-

шія і лехчайшія ортографическія правила на одномъ токмо звонѣ утверждаются. Вся польза проісходитъ отъ кореней ученымъ людямъ, которыі онымі іногда доказываютъ прямое знаменованіе слова, во время случающчіхся споровъ. Но ученый человѣкъ, прі такомъ случае, можетъ оное слово напісать однажды і по проізведенію, ежелі уже оно пішется по звону, і тѣмъ доказать прямую его сілу. Сверьхъ того, звонъ выговора нашего толь бліско отъ проізведенія отлучается, что почітай съ німъ непосретственно вмѣстѣ стоітъ. Всегда въ такіхъ случаяхъ вмѣсто б, выговарівается п; вмѣсто в, ф; вмѣсто д, т; вмѣсто ж, ш; вмѣсто з, с: но б, в, д, ж, з, съ п, ф, т, ш, с, кровное родство, такъ сказать, імѣютъ, длятого что каждая пара однімъ і тѣмже органомъ проізносітся, какъ б съ п, а такъ і прочіе пары. Тогораді, едваль можно сказать, что въ нашіхъ проізводныхъ трудно будетъ находіть корень ученому человѣку, ежелі пісать іхъ по звону.

Прізнаваюсь, вторая часть сопротівленія сільняе, і стоітъ твердо протівъ звона. Ібо іное есть *плодъ* (*fructus*), а іное *плотъ* (*ratis*). Но многоль найдется такіхъ словъ? Можно увѣріть, что шчітая іхъ въ лексіконѣ нарошно, нікто не обочтется; а сколькобъ кто і мыслію хотѣлъ іхъ прідумать, не надѣюсь чтобъ онъ вышелъ ізъ десятковъ. Однако, находятся такія слова. Тогораді, пускай оні пішутся, для разлічія, не по звону. Сіе не нарушітъ обшчаго правіла, которое твердітъ, по самому своему большому распространенію, чтобъ пісать по звону; а не нарушітся оно длятого, что не много такіхъ словъ, і потому, хотя і не могутъ оні включены

быть въ немъ, но не могутъ же ему і чувствітельнаго сдѣлать ущерба: нельзя сказать, чтобъ не целое было море, когда изъ него возмется боченокъ воды. Чтожъ дѣлать, когда і нашъ языкъ, какъ всѣ прочіі, нѣкоторыя имѣетъ изъятія врассужденіі ортографіі. Съ другой стороны, можно также і сіі слова, кажется, пісать по звону: ібо не одно токмо пішется какое слово, но всегда і прежде его, і послѣ находітся іхъ нѣсколько въ кругѣ содержанія. Такъ, не имѣетъ, кажется, быть никакова замѣшанія въ содержаніі, когда напішется слово *плодъ* по звону: *плотъ, который въ моемъ саду выросъ сего лѣта, я самъ оный і съѣлъ; а плотъ бревенъ, сплоченный на охтѣ, сплавленъ рѣкою до десятыя лишь.*

Відіте, г. м., что сільное оное сопротівленіе органіческой ортографіі, не такова есть состоянія, чтобъ оно отражено быть не могло. Но я думаю, что вся сіла всѣхъ сопротівленіій можетъ лучше въ слѣдующую нужду превратіться, і предлагать, что многія слова, напісанныя по звону, дікі будутъ сначала очамъ россійскімъ, прівыкшімъ оныя відѣть не по звону изображенныя. Такъ напрімѣръ какъ въ старой, такъ і въ новой печаті, сіі слова пішутъ, *обшчій*, а не *опшчій* по звону; *указъ* а не *укасъ; предпочітаю*, а не *претпочітаю; средство*, а не *сретство; сродство*, а не *сротство;* і прочія подобныя і многія. І понеже нужда сія утверждается на угожденіі, і снісходітельствѣ токмо: то і я не весьма толь грубъ, чтобъ всему обшчеству не хотѣлъ угождать; однако не такъ, чтобъ я сію ортографію почіталъ праведною: я ея отдаю на волю каждому пісателю, да і самъ себѣ подобныяжъ

прошу вольності [1]) для того что я і самъ многія ешче слова пішу не по звону, но по обыкновенію. Сіе токмо содержу во всемъ распространеніі, что *та ортографія совершенно правільная, которая одні только наблюдаетъ звоны.* Впрочемъ, много уже́ і такіхъ словъ, которыя въ новой печаті изображаются по звону: а отмала помалу, будетъ і то, надѣюсь, что і всѣ слова́ імѣютъ писаться также. Не давно ешче, какъ і пішемыя нынѣ по звону въ гражданской печаті слова́, на́чалі такъ пісаться: ежелі къ сімъ введеннымъ прідадутся ешче, а къ тѣмъ ешче прібавятся нѣкоторыя; то со временемъ і всѣ не будутъ дікі глазамъ нашімъ, какъ уже́ не дікі тѣ сталі, которыя нынѣ въ употребленіі. Правду сказать, ежелібъ у насъ нѣсколько госпожъ сдѣлалісь авторамі; (какъ то Франція хваліться Скудерію, Даціерою, дела Сюзою; і другімі, Голландія Марію Шурманною; древняя Греція своею Сапфою) тобъ скоряе правільнѣйшая сія ортографія ввелась, а не ісправная вывелась: ібо я примѣтілъ изъ нѣкоторыхъ дамскіхъ пісемъ, что онѣ больше наблюдаютъ звоны въ составленіі своіхъ словъ, хотя нѣкоторые изъ ніхъ іпроізводятъ за надлежашчіі предѣлы сіі звоны тѣмъ, что звоны ставятъ точнаго подлінно своего выговора, какімъ онѣ составляютъ нѣкоторыя слова́ но составленіе сіе бываетъ іногда неісправное, напрімѣръ, *міласлівая* вмѣсто *мілостівая*, і прочія.

Теперь намѣрілся я вамъ, г. м., предложіть о нѣкоторыхъ ортографіческіхъ обыкновеніяхъ, которыя токмо одінъ я употребляю, і такъ что не токмо не въ

[1] Hanc veniam petimusque damusque. Horat. art. poët.

указъ всѣмъ прочімъ інако сіе самое пішушчімъ, но ешче і предая въ полную волю каждаго пісателя. 1) Я пішу нынѣ всѣ тѣ склады двумя токмо согласными, которыі по проіsведенію состоятъ тремя предъ гласною, ілі двугласною: ібо тѣмъ образомъ мы іхъ точно всѣ выговаріваемъ. Напрімѣръ, *шчаслівый*, вмѣсто *шчастлівый; строій*, вмѣсто *строій*, да і слово сіе, будучі польское, проісходітъ отъ славенскаго *суровый*. 2) Въ сложныхъ, а не въ простыхъ словахъ, которыхъ сложеніе начінается предлогами, ілі надглаголіямі какімі, кончашчіміся на гласную, і самое слагаемое слово также съ тоя точно гласныя начінается, гласную букву у предлога, ілі у надглаголія отнімаю. Напрімѣръ, *вобшче*, вмѣсто *вообшче*, *собшченіе*, вмѣсто *сообшченіе*. *первобразный* вмѣсто *первобразный*: ібо сімъ образомъ слова безъ passѣванія выговаріваются лехче і пріятнѣе; а знаменованія, і всея своея сілы лішены не бываютъ. Но і кто у насъ нынѣ выговаріваетъ *пріідіте*, вмѣсто *пріідіте*? 3) Глаголы, кончашчііся на *ся*, а особліво отложітельныі, ежелі въ сіхъ глаголахъ послѣдняя буква предъ *ся* есть гласная, ілі двугласная, пішу на *сь*, напрімѣръ, *надѣюсь*, вмѣсто *надѣюся; боюсь*, вмѣсто *боюся:* сіе распространяю я токмо до дѣепрічастій, какъ *надѣясь, боясь*, а до прічастій німало не касаясь, какъ, *надѣюшчійся, болѣвшійся*. Прічіну сему моему употребленію не іную могу прівесть, какъ токмо пріятность выговора. Впрочемъ, всѣ такіі глаголы въ стіхахъ можно вполнѣ пісать, ежелі мѣра того требуетъ. 4) Предлогі сказательнаго падежа, *о, объ* такъ употребляю, что первыі ставлю предъ словамі начінающімися согласнымі бу-

квамі, а другой предъ такімі, которыя начінаются гласнымі. Напрімѣръ, *о небѣ, объ Ангелахъ; о ѕемлѣ, объ Егіптѣ.* Прічіна сему, убѣжаніе отъ непріятнаго ѕѣванія. Однако предъ словамі, *немъ, ней, ніхъ*, должно ставіть *объ*, длятого что въ сіхъ словахъ буква (н) находітся непріродная, но раді пріятнаго слуху ѕвона: сіі слова́ по пріродѣ долженствовалі быть, *емъ, ей, іхъ.* 5) Глаголы отріцательныі, і многіі другіі слова́, імѣюшчія предъ собою предлогі, ілі какіе другіе ча́сті сло́ва, і, по обшчему обыкновенію, отсылаюшчіі удареніе на тѣ предлогі, ілі другіе ча́сті сло́ва, такъ что буттобъ оні сложныя былі, будучі однако несложныя, пішу сімъ обраѕомъ, тоесть, ставлю сілу надъ отріцаюшчею, ілі другою какою частіцею, а между частіцамі, і самымъ словомъ, провожу горіѕонтально коротінькую палочку, въ іѕъявленіе того, что сіі слова́ несложныя, а выговаріваются какъ сложныя, съ однімъ удареніемъ. Напрімѣръ: *не́-былъ, на́-іѕбу, по́дъ-гору*, вмѣсто, *не былъ, на іѕбу, подъ гору.* 6) Понеже по сво́йству нашего яѕыка такъ іногда случается, что предъ однімъ іменемъ два предлога полагаются, іѕъ которыхъ первый коего падежа требуетъ, въ томъ оное імя і находітся: то, между двумя такімі предлогамі, ставлю я по горіѕонтальной же коротінькой палочкѣ, объявляя чреѕъ то, что оное слово есть несложное. Напрімѣръ: *іѕъ-ѕа рѣкі, іѕъ-подъ стѣны.* 7) Чтожъ до частіцъ, *бы, бъ; же, жъ; лі, ль*: то каѕалось бы мнѣ, что целые сіі частіцы лучше ставіть раѕдѣльно отъ іхъ предъідушчіхъ, а сокрашченные соедіненно. Напрімѣръ: *желалъ бы я; ябъ желалъ. Онъ же; оніжъ. Воѕмогутъ лі, воѕмогліль.* Прітомъ, каѕа-

лось бы, что сіiжъ частіцы не худо пісать цельные тогда, когда предідушчее іхъ кончітся согласною, кромѣ *дабы;* а сокрашченные, когда предідушчее окончевается гласною, какъ: *моімъ бы, моібъ; вашімъ же, вашіжъ; сказываютъ лі, сказываетсяль.* Однако, все сіе отдаю всѣмъ наволю 8) Слова́, состояшчія іsъ раsныхъ частей, а берутся оні въ содержаніі sа надглаголія, лучше, кажется, пісать соедіненно, длятого что такія слова́ оsначаютъ одну токмо ідею. Напрімѣръ: *ктомужъ, подвечеръ, поутру, врассужденіі, длятого, потому, посему* наносітельно; (*а не по тому secundum illud, і по сему secundum hoc*). Слѣдовательно, і *сдругой стороны́*, а не *съ другой стороны́*. Но і сіе какъ всякому отдаю наволю, такъ і самъ часто по сей же поступаю вольності. 9) Всякь іsъ пісателей вѣдаетъ, что нача́ло періодовъ, также і собственныя імена долженствуютъ, по сілѣ обшчаго обыкновенія, пішемы быть пропіснымі, тоесть больші́мі літерамі; іногда сіежъ дѣлается въ прілагательныхъ, мѣстоіменіяхъ, і іменахъ наріцательныхъ, когда sасвідѣтельствуется какой особѣ почтеніе. Но нѣкто Генрікъ-Лангій, который перевелъ Столліеву літеральную історію на латінскій яsыкъ, употребляетъ начальные буквы токмо съ самаго нача́ла главъ, ілі параграфовъ, ілі другіхъ какіхъ раsдѣловъ; а всѣ періоды, і собственныя імена, нікогда не начінаетъ начальнымі літерамі. Бесспорно есть, древніі такъ пісалі какъ Грекі, такъ і Рімляне: ібо оні не імѣлі малыхъ буквъ, і пісалі все больші́мі. Но я не віжу, чегобъ раді намъ послѣдовать въ семъ древнімъ, которыі пішемъ нынѣ то больші́мі, то малымі пісменамі: а сего

въ разности писменъ преимущества у древнихъ не-было. Ежели въ семъ должны мы слѣдовать древнимъ, то і въ томъ, чтобъ писать бліско одно слово подлѣ другова, і не оставлять небольшихъ пробѣловъ между нимі.

Впрочемъ, не случілось мнѣ понынѣ відѣть, ктобъ изъ писателей, кромѣ помянутаго Лангія, употреблялъ тотъ способъ ортографіі.

Чуж. Я велікую імѣю прічіну, вамъ, г. м, благодаріть, что вы толь много матерій, въ одну, расказываніемъ своімъ теперешнімъ, внеслі подробность, і сколько возможно сократілі: однако нічего не оставілі безъ изъясненія. Я мню, что на сію токмо одну подробность, надобнобъ употребіть было целые сутки, чтобъ ея расказать хорошенько.

Рос. І я благодарствую, что вы мнѣ изволіте благодаріть; только прітомъ желаю, чтобъ вы сегожъ самаго благоволілі быть ко мнѣ чувствія, слушая терпѣлівно все, что я ні буду предлагать теперь по порятку: ібо я опасаюсь, что, можетъ быть, вмѣсто чтобъ вамъ мнѣ за слѣдующчее благодаріть, не станетель вы меня браніть тіхонько.

Чуж. О чемъ бішъ слѣдуетъ теперь повѣсть ваша? Я подлінно позабылъ. Аа знаю: вспомнілъ. Объ окончаніяхъ прілагательныхъ іменъ, которыя целымі у васъ называются.

Рос. Такъ г. м., объ нихъ самыхъ; но ужѐ я за нихъ выдержалъ нѣкогда превелікое на себя нападеніе. Тогораді боюсь і теперь, чтобъ какъ і вы меня совсѣмъ не сбілі съ пóля.

Чуж. Слышалъ я манiемъ, что путно васъ трепалі нѣгдѣ сопротівленіямі, когда вы показалісь впервые

съ сими окончаніями прілагательныхъ именъ: однако слышалъ і то, что і вы отъ тѣхъ сопротівленій сільно боронілись, і такъ, что неізвѣсно, вамъ лі должно было запѣть *кукарѣку* въ знакъ побѣды, ілі вашимъ сопротівнікамъ досталось по правдѣ торжествовать надъ вами.

Рос. Я уступаю, г. м., кукарѣкою тѣмъ, которыі громкій імѣютъ голосъ. Для меня, кукарѣка значітъ только петушій крікъ.

Чуж. Тогораді, *і молчітъ Пастухъ, когда пьсню поетъ Орфей.* Знатно, что вы предъ сільнѣйшімі замолчалі, когда імъ отдалі торжество. [1])

Рос. Пускай г. м., і торжествуютъ, і лікуютъ: однако я твердо вѣрю, что торжество іхъ былобъ напрасное, длятого что оні меня нікогда не побѣждалі.

Чуж. Я подлінно ешче не могу знать, кто у васъ правъ. Я думаю, что всеконечно вы побѣждены, понеже вы імъ уступаете кукарѣкою. Когда выслушаю всѣ ваші доказательства; то нѣсколько могу рассудіть, вашуль мнѣ праведнѣе держать сторону, ілі къ німъ передаться. Тогораді, прошу вытолковать мнѣ, въ чемъ состоітъ сіла дѣла.

Рос. Ізрядно, г. м.; я васъ за посретственніка пріємлю, і противъ рѣшенія вашего всеконечно не буду споріть: а въ чемъ состоітъ сіла дѣла, теперь вамъ ізъясню. Ізвольте токмо слушать.

Въ церковной ортографіі, окончанія сіхъ прілагательныхъ именъ какъ употребляются; то вамъ уже́ я донесъ (стр. 60). Донесъ также і о томъ, что въ

[1] Silet Pastor dum carmen modulatur Orpheus.

гражданской печати, съ 1733 года, сіiжъ окончанія опредѣлены постоянныя, і прітомъ какъ оні опредѣлены, (стр. 61). А въ обшчемъ і самомъ простомъ обыкновеніі всегда оні былі, і понынѣ также безразборныя.

Итакъ, сіла дѣла въ томъ состоітъ, что, *понеже сіи окончанія безразборныя всегда у насъ былі; а съ 1733 года опредѣлены постоянныя: то, буде надобно быть постояннымъ і непремѣннымъ, надлежало іхъ утвердіть такъ, какъ я доказываю, а не такъ какъ оні расположены, і съ того времені въ гражданскую введены печать.*

Чуж. Выразумѣлъ я теперь. Вы стоіте токмо противъ сего постояннаго опредѣленія, і доказываете; что оно не весьма іспрaвное; і потому правільнымъ называете ваше только опредѣленіе. А впрочемъ, хотябъ імъ быть і безразборнымъ, какъ всегда оні былі; то для васъ нѣтъ бы нічего, ешче, можетъ быть, і лучше.

Рос. Нѣтъ, г. м.; безразборныхъ окончаній я не люблю, хотя іхъ і сношу по неволѣ: а не люблю іхъ для того, что оні не разлічаютъ родовъ въ іменахъ, чемъ іногда превелікую темноту наносятъ содержанію. І я іхъ толь наіпаче не люблю, что оні произошлі сперва отъ неісправнаго нѣкоторыхъ людей выговора, і отъ слѣпаго простонароднаго незнанія. Сверьхъ того оні ешче противны первоначальной древности нашего языка, въ которомъ хотя уже і многіе отъ того времені находятся перемѣны; однако всегда въ немъ одно і тожъ пребываетъ свойство: а къ пріродному свойству прінадлежатъ і окончанія, какъ всѣ прочія, такъ і прілагательныхъ іменъ. Я

ежелі праведно і ясно словамі возмогу вамъ доказать мое мнѣніе, какъ я самъ чувствую живо, кажется, что оно праведное: тобъ такімъ окончаніямъ і быть въ гражданской нашей печаті желалъ. Безразборныя окончанія пускай останутся токмо въ самыхъ простыхъ разговорахъ, ілі ешче въ такіхъ пісменныхъ сочіненіяхъ, которыя не касаются до ученыхъ дѣлъ.

Чуж. Сіе ваше преддверіе допустіло уже́ меня до порога: ізвольте, прошу, отворіть мнѣ і дверь, і впустіть меня къ окончаніямъ прілагательныхъ вашіхъ іменъ: ібо, какъ я уже́ вамъ доносілъ, (стр. 61), я не умѣю какъ къ німъ прімѣніться.

Рос. Я для васъ, г. м., створчетыя отворю воро́та, і введу васъ къ онымъ. Благоволіте быть готовъ: одно уже́ отворяю полотенцо. Здѣсь, оставляя аллегорію, говорю просто, что нашімъ окончаніямъ множественнаго чісла́ целыхъ, а не усѣченныхъ іменъ, какъ іменныхъ, такъ мѣстоіменныхъ, і прічасныхъ, мужескаго женскаго, і средняго рода, надлежітъ быть слѣдующімъ:

ІМЕН.

муж.	жен.	сред.
Святыі.	Святыѣ.	Святыя.
Істінныі.	Істінныѣ.	Істінныя.

МѢСТОІМ.

Оныі.	Оныѣ.	Оныя.
Которыі.	Которыѣ.	Которыя.

ПРІЧАС.

Угождающчіі.	Угождающчіѣ.	Угождающчія.
Угодівшіі.	Угодівшіѣ.	Угодівшія.

Слышіте, г. м., что выговоръ мой дѣлаетъ окончаніе мужескаго рода точно такимъ, какое употребляется въ церковномъ нашемъ языкѣ; окончаніежъ женскаго рода у меня есть то самое, которое съ 1733 года введено въ гражданскую печать для мужескаго. Но окончаніе средняго рода, есть точно тожъ, которое оставлено і тогда въ гражданской печаті для среднягожъ: однако, въ церковной печаті оно есть женскаго рода.

Чуж. Кажется мнѣ, что споръ вашъ касается больше всего до окончаній мужескаго рода; также нѣсколько токмо і до женскіхъ: а врассужденіі средняго рода окончаній, вы і тѣ, которыі ввелі окончанія сіі въ 1733 годѣ, совершенно согласны между собою.

Рос. Такъ, г. м.: вы прямо понялі. Да і начну я прямо рассуждать объ окончаніяхъ мужескіхъ.

Чуж. Чемъ же вы іхъ праведнымі доказываете? І чемъ введенныя въ 1733 годѣ неправымі дѣлаете?

Рос. О! г. м.; туча, чтобъ такъ сказать, доказательствъ.

1) Доказываетъ сіе славенскаго языка єдінство съ нашімъ.

2) Родное братство малороссійскаго і другіхъ всѣхъ рускіхъ въ літвѣ языковъ съ нашімъ же.

3) Кровное сродство іллірическіхъ языковъ, а іхъ ніхъ сербскаго і болгарскаго съ нашімъ же: также такоежъ сродство польскаго і чесскаго.

4) Множественнаго чіслá окончанія, всѣхъ нáвсе, существітельныхъ нашіхъ іменъ.

5) Едва не всѣхъ мѣстоименій множественныхъ, мужескаго рода, окончанія; і нѣкоторыя числительныя імена.

6) Самыя прілагательныя наші імена усѣченныя, множественнаго числа.

7) Ешче і самыя целыя наші прілагательныя імена мужескаго рода, но единственнаго числа.

8) Необходімость разлічія между простонароднымъ і подлымъ языкомъ съ такімъ, которому надлежітъ быть благороднѣе і чішче, для того что сей послѣдній долженствуетъ употребляемъ быть въ пісменныхъ і ученыхъ сочіненіяхъ.

9) Невозможность, премного многіхъ іменъ нашіхъ прілагательныхъ целыхъ, множественнаго числа, мужескаго рода, кончіть інако, какъ токмо на (і).

Чуж. Сіи девять мѣстъ служатъ у васъ, по мнѣнію вашему, къ тому, чтобъ вамъ імі доказать ваше мнѣніе. Но г. м., я хотя не велікій Логікъ; однако знаю, что тотъ доводъ, которыі доказываетъ какую правду, долженствуетъ быть самъ праведенъ. А праведенъ такой доводъ есть тогда, когда ілі онъ самъ доказанъ чрезъ другіі доводы, что онъ точно праведенъ, і прінімать его уже за правду должно, каковы въ математікѣ теоремы обшчімъ разумомъ доказанныя, въ філософіі тезесъ, а въ теологіі свящченное пісаніе, і въ юріспруденціі вашей уложеніе і указы, длятого что святое пісаніе потому есть праведное, что оно Божіе слово, а уложеніе потому, что оно імянное есть самодержцово повелѣніе і указъ: ілі также длятого какой доводъ есть праведенъ, что онъ во всякое время, на всякомъ мѣстѣ, і у всѣхъ въ свѣ-

тѣ человѣковъ, по общчему іхъ смыслу і разумѣнію, за істінный і неспорімый почітается, каковы всѣ такъ называемые аксіомы, із которыхъ сіи напрімѣръ: *невозможно быть і не быть въ одно точно время.* Ілі: *целое больше каждыя своея часті.* Ілі *двѣ вещі, будучі во всемъ сходны съ третіею какою, сходны ужѐ онѣ во всемъ всѣ трі между собою.* Но ваші оныя девять основаній, первое не із такіхъ, чтобъ оні по общчему смыслу всѣхъ человѣковъ былі праведнымі. Второе, і нікакою также прічіною не одобрены, чтобъ іхъ можно было за праведныя прінімать начала. Позвольте сказать, я і первое ваше основаніе могу почітать неосновательнымъ і спорнымъ: ібо не токмо славенскій языкъ не одінъ съ вашімъ, но почітай і не сходенъ. Можетъ статься, что кто нібудь і всѣ прочія ваші основанія назоветъ тѣмже іменемъ, которымъ я почіталъ ваше самое первое, назвавъ его неправеднымъ. ілі лучше сказать, ложнымъ.

Рос. Дѣльно ізволіте говоріть. Подлінно, свідѣтелі, коі свідѣтельствуютъ о какомъ дѣлѣ, что оно прямо такое, долженствуютъ быть самі добрыі і не подозрітельныі люді; інакожъ, свідѣтельство іхъ нікакія важності не будетъ імѣть въ вѣроятності. Также напрімѣръ, сколькобъ кто ні добрый былъ человѣкъ самъ собою, но незнаемый; то, буде онъ не імѣетъ о себѣ хорошія рекомендаціі, можно сперва сомнѣваться объ его добротѣ. І понеже сіи моі основанія мнѣ только знаемы, что оні добры, а вамъ нѐ-почему іхъ знать: тогораді, моея есть должності, іхъ одобріть, дабы моглі і вы іхъ прінімать, безъ всяка-

го сомнѣнія, за такія, которыя ізрядно доказываютъ, что нашимъ, прілагательныхъ цѣлыхъ именъ, множественнымъ окончаніямъ мужескаго рода, должно быть на (і), а не на (е).

Итакъ, начінаю я доказывать, что славенскій языкъ есть одінъ съ нашимъ. 1) Тотъ языкъ не можетъ быть не одінъ съ какимъ другімъ, который імѣетъ одну во всемъ распространеніі своемъ, пріроду съ тѣмъ другімъ: ібо єдінство пріроды въ какіхъ вещахъ, означаетъ, что тѣ вещі одно і тожъ імѣютъ существо, то єсть, что онѣ одно і тожъ между собою. А понеже, россійскій нашъ языкъ імѣетъ одну, во всемъ распространеніі своемъ, пріроду съ славенскімъ: ібо тѣжъ самыя въ немъ імена і глаголы; тѣжъ прочіе скланяемые, і нескланяемые часті; тѣжъ склоненія именъ і спряженія глаголовъ, выключая въ нашемъ, что прошедшія токмо времена інако ліцамі падаютъ, напрімѣръ мы былі вмѣсто быхомъ, однако сіе не мѣшаетъ, чтобъ і безграматный нашъ не разумѣлъ, что *быхомъ*, ілі *бысте*, ілі *бъша*, не тожъ значілі, что у насъ *мы былі*, *вы былі*, *оні былі*; і неможно сказать, чтобъ наші спряженія не тѣжъ былі что і славенскія, длятого что въ нашіхъ спряженіяхъ, равно какъ і склоненіяхъ, нѣтъ двойственнаго числа, потому что і славенскому оное число єсть непріродное, но съ греческаго отъ грамматістовъ выдуманное; а что до существа спряженій, то въ нашемъ какъ все прочее тожъ, такъ тѣжъ і наклоненія: прітомъ тѣжъ предлогі, і тѣхже падежей требуюшчіі; тѣжъ надглаголія і съ тѣміжъ падежамі по-

лагающічіяся; тѣжъ союзы; тожъ самое сочіненіе не токмо врассужденіи преложенія частей, но і что касается до всѣхъ правленій; тѣжъ прáвіла, і тѣжъ самыя ізъятія; словомъ, тотже самый духъ і одна тажъ душá въ нашемъ, которая і въ славенскомъ, такъ что рускій нашъ ясыкъ і называется славенороссійскій, тоесть, россіскій по народу, а славенскій по своей пріродѣ. Да сверьхъ того, всякъ і не ученый нашъ совершенно разумѣетъ славенскій ясыкъ въ церьковныхъ нашіхъ употребляемый книгахъ, чемубъ отнюдъ быть невозможно, ежелібъ славенскій ясыкъ нé былъ одінъ і тотже съ нашімъ. Вся разность, которая находітся у нашего съ славенскімъ, касается токмо, такъ сказать, до поверхности ясыка, а не до внутренности, тѣмъ что состоітъ она лібо въ нововводныхъ словахъ, воспріятыхъ отъ чужіхъ ясыковъ; лібо въ отмѣнныхъ весьма немногіхъ словахъ, какъ за славенское *аще*, у насъ *ежелі*; лібо въ простѣішемъ выговорѣ отъ народа введенномъ, какъ вмѣсто *глава, голова*, вмѣсто *пѣті, пѣть*, вмѣсто *млéко, молоко*. Но такая разность не мѣшаетъ німало, быть нашему ясыку однімъ і тѣмже съ славенскімъ: ібо ложно скажется, что Новогородскій ясыкъ есть не рускій, длятого что внемъ *лонí і дежа*, за наше *давно і квашня*. Мѣшалабъ она, ежелібъ была такая, какая у Латінскаго съ Французскімъ, італіанскімъ, і гішпанскімъ, длятого что сіі трі ясыка отмѣнілісь отъ латінскаго всею пріродою сочіненія, хотя і ясно відімо, что онѣ проізошлі отъ него, такъ что сімъ тремъ народамъ надобно учіться полатінскі, чтобъ его разумѣть; а мы всѣ разумѣемъ нашъ славенскій

і неучась. Слѣдовательно, нашъ языкъ есть одінъ і тотже съ славенскімъ.

І какъ въ семъ славенскомъ, окончанія прілагательныхъ целыхъ іменъ, множественнаго числа, мужескаго рода, дѣлаются на (и), то-есть на (і). Слѣдовательно, оныя окончанія долженствуютъ быть на (і), а не на (е), і на нашемъ.

2) Нікто не можетъ споріть, чтобъ малороссійскій языкъ, также і всѣ оныі языкі, которыі въ бѣлой Россіі, і въ другіхъ літовскіхъ нынѣ мѣстахъ, употребляемыі, не-былі нашему родныі братья, то-есть, чтобъ оні не-былі славенороссійскііжъ: ібо разность іхъ съ нашімъ состоітъ токмо почітай въ одномъ удареніі сілы, да въ нѣкоторомъ нѣжнѣйшемъ выговорѣ. Но во всѣхъ сіхъ языкахъ окончанія сіі, о которыхъ мы говорімъ, употребляются на (и) то-есть, на (і). Слѣдовательно, і на нашемъ языкѣ долженствуютъ оні быть на (і), а не на (е), длятого что нашъ языкъ всѣмъ імъ братъ родныі.

3) Равнымъ же образомъ есть беспорно, что сербскій, болгарскій, і всѣ прочіі ілірическіі языкі, какъ тѣ, которыі кірілловскіе буквы употребляютъ, такъ і тѣ, у коіхъ латінскіе літеры въ употребленіі, самое кровное сродство съ нашімъ імѣютъ, длятого что ізъ ніхъ іныі коренныі славенскіі, а іныі отъ славенскаго проіошлі, да толь не далеко отъ него удалілісь, что ученыі наші безъ труда разумѣютъ іхъ не учась онымъ. Апонеже во всѣхъ сіхъ языкахъ прілагательныя імена, множественнаго числа, мужескаго рода, кончатся либо на (и), то-есть, на (і), либо на латінскій (у), котораго нынѣ тотже самый звонъ, что і наше-

го (і). Слѣдовательно, окончаніямъ оныхъ именъ должно быть і въ нашемъ, какъ въ бліскомъ, і кровномъ сроднікѣ имъ, на тужъ букву, тоесть на (і), а не на (е).

4) Понеже нѣтъ почітай ніединаго у насъ существітельнаго імені, выключая съ два, ілі съ трі, которое во множественномъ чіслѣ, въ мужескомъ і женскомъ родѣ, (а многіі не знающіі і средній родъ кончатъ также) не кончілось бы ілі на (ы), тоесть, на густое (і), ілі просто на гласное (і): і понеже сіе показываетъ, что окончаніе мужескому роду, во всей пріродѣ нашего языка, свойственнѣе есть на (і); а въ славенскомъ языкѣ і въ прілагательныхъ именахъ множественныхъ мужескіхъ оныя окончанія на (і), какъ уже вамъ ізвѣсно: тогораді, не токмо по образцу славенскіхъ прілагательныхъ, наші прілагательныя імена долженствуютъ кончіться въ мужескомъ родѣ на (і) множественно, но і по пріроднѣйшему свойству всѣхъ нашіхъ славенскіхъ существітельныхъ именъ мужескаго рода, кончашчіхся ілі на (ы), ілі на (і).

5) Ізвѣсно есть, что въ нашемъ языкѣ мѣстоіменія *самі, оні, сіі, моі, твоі, своі, наші, ваші, коі, чьі*, тоесть, почітай всѣ наші мѣстоіменія, не могутъ во множественномъ чіслѣ, мужескаго рода, кончіться, какъ токмо на (і), не упоміная о томъ, что нѣкоторыя ізъ сіхъ мѣстоіменій і во всѣхъ трехъ родахъ кончатся токмо на (і) жъ. Но сіі мѣстоіменія превелікое імѣютъ сходство съ прілагательнымі именамі, длятого что чресъ трі рода двіжутся. Слѣдовательно, сходство сіе, именъ нашіхъ прілагательныхъ съ мѣстоіменіямі сімі, доказываетъ, что сімъ именамъ так-

же надлежитъ оканчеваемымъ быть на (і), какъ і сімъ мѣстоіменіямъ.

Сверьхъ того, сіи чіслительныя імена, *одні, двоі, троі, четверы, пятеры, десятеры, сотеры*, і прочіи ізъ сіхъ, понеже не могутъ інакожъ у насъ кончіться, какъ токмо ілі на (і), ілі на (ы), тоесть на густое (і); а імена сіи точнаго прілагательныхъ іменъ свойства: тогораді, прілагательнымъ нашімъ целымъ, і по сему свойству чіслительныхъ іменъ, должно кончіться на (і) во множественномъ чіслѣ, мужескаго рода.

6) Понеже во всѣхъ нашіхъ прілагательныхъ іменахъ множественнаго чіслá, всѣхъ родовъ (какъ іменныхъ, такъ і прічасныхъ, когда оні усѣкаются, тоесть, когда откладывается отъ ніхъ, ілі отнімается у ніхъ послѣдній чістый слогъ, напрімѣръ, вмѣсто *святыі, святыѣ, святыя*, полагается *свя́ты, свя́ты, свя́ты*) остается всегда і непремѣнно у насъ, по́слѣ усѣченія, іногда літера (і), а іногда (ы), тоесть, тажъ (і), но густѣйшая; а въ славенскомъ языкѣ ешче і нікогда въ мужескомъ родѣ не остается тамъ (ы), но всегда (і): то не ясноль вамъ, г. м., что окончаніе, въ прілагательныхъ нашіхъ множественнаго чіслá на (і), есть общчественнѣйшее всѣхъ прочіхъ? Сіе толь далеко распространяется, что не токмо въ одніхъ прілагательныхъ, но і во всѣхъ сущчествітельныхъ іменахъ, обоего рода, какъ я уже́ вамъ доносілъ, такімже образомъ окончанія падаютъ. Генеральность сія, чтобъ такъ сказать, окончаній на (і), требуетъ, чтобъ нашімъ прілагательнымъ іменамъ, мужескаго рода, множественнаго чіслá, не разбіваться съ своею

братьею, тоесть, чтобъ імъ также окончаваемымъ быть на (і , какъ то і должно, і доказывается.

7) Бесспорно есть, что наші прілагательныя імена целыя, мужескаго рода, єдінственнаго чісла́, кончатся въ іменітельномъ падежѣ на (й), которое называется краткімъ ; а предъ сімъ краткімъ (й) всегда отъ лѣвыя рукі́ бываетъ, по пріродѣ нашего славенороссійскаго языка, ілі літера (ы), ілі (і) : чтожъ іногда нынѣ ставятъ вмѣсто сіхъ двухъ буквъ, тоесть (ы) і (і), букву (о), предъ (й), какъ вмѣсто *велікій, велікой*, вмѣсто *добрый, доброй ;* то всякъ, прімѣнівшійся къ пріродѣ славеншізны , скажетъ , что сімъ нѣкоторыі подражаютъ , ізъ чісла́ которыхъ і себя я не выключаю , са́мому ніскому нашему выговору, ешче і въ протівность языку, длятого что на іменітельный мужескій употребляется дательный женскій; і потому, нѣжнѣйшій московскій выговоръ необходімо проізносітъ такіі (о), какъ (а), длятого что оні не ударяемыі, тоесть, вмѣсто *доброй, добрай*, вмѣсто *велікой, велікай*. Но какъ то ні есть ; однако сіе не ложно , что всея славеншізны прірода требуетъ предъ (й) въ сіхъ єдінственнаго чісла́ іменахъ ілі (ы), ілі (і).

Рассудімъ же г. м., чегобъ раді ставілось въ сіхъ іменахъ въ іменітельномъ падежѣ, мужескаго рода, єдінственнаго чісла́ , (й) краткое? Тогораді, г. м., чтобъ выговору нашему продолжаему быть на семъ окончаніі вполы противъ цельнаго ; а сіе длятого , чтобъ *сей іменітельный падежъ* єдінственнаго *чісла́, не смѣшать съ іменітельнымъ же падежемъ множественнаго чісла́, который, по свóйству славеншізны, кончіт-*

ся на (і) *целое*; тоесть, чтобъ не смѣшать *святый* съ *святыі*.

Ежелібъ кто сказалъ, что я неправую прівожу прічіну; тобъ слѣдовало, что мы напрасно ставімъ въ окончаніі іменітельнаго падежа, єдінственнаго чісла, (й) краткое: ібо, когдабъ сіе дѣлалось не для сего токмо разлічія, тобъ окончанію нашему сіхъ іменъ єдінственному, можно было пробыть і безъ онаго (й) краткаго, по прімѣру сербскаго і польскаго языка, а прітомъ і не впротівность собственному нашему выговору, какъ *святы* вмѣсто *святый*, *і божі*, вмѣсто *божій*.

Однако, справедлівѣйшій нашъ способъ выговора і пісанія, требуетъ всеконечно въ єдінственныхъ іменітельныхъ онаго (й) краткаго. Ітакъ, требуетъ онъ токмо длятого, чтобъ разлічіть єдінственное чісло отъ множественнаго. Я васъ, г. м., смѣло могу увѣріть, что нікто не можетъ сему дать другія прічіны, котораябъ моеі была ілі вѣрняе, ілі тверже, ілі, по крайней мѣрѣ, вѣроятнѣе.

Іпонеже (й) краткое ставітся въ єдінственномъ чіслѣ для разлічія съ множественнымъ: тогораді множественное чісло і должно кончіть на (і) целое, а не на (е), длятого что, не-былобъ нужды разлічать іменітельный єдінственный чрезъ половінное проіsношеніе, ежелібъ множественному должно было кончіться на (е).

8) Умѣющчій человѣкъ нѣсколько чужіхъ языковъ, знаетъ, что въ каждомъ языкѣ жівущчемъ есть два способа, какъ імъ говоріть. Первый употребляютъ люді знающчіі сілу въ своемъ языкѣ; а другоі

въ употребленіи у подлости і кресьянъ. Посему, первый способъ есть чіпче і исправнѣе, і длятого благороднѣе; но другій испорченный незнаніемъ подлыхъ людей, і длятого въ презрѣніи і осмѣяніи всегдашнемъ. Такъ у древніхъ рімлянъ вмѣсто чістыхъ opus est, si vultis, amati, aisne, подлость выговарівала opu'st sultis, amarier, ain'. Такъ нынѣ і у французовъ вмѣсто чістыхъ же chapeau, l'eau, étudié, cependant, самая чорная подлость выговарівает chapiau, l'iau, etugué, stapendant. Равнымъ образомъ і у насъ, чернь токмо, і незнаюшчіі люді, не умѣя выговарівать сіі іменъ прілагательныхъ окончанія на (і), внесліонныя безразборныя то на (е), то на (я). Кто изъ мужіковъ, на московской плошчаді, інако къ себѣ кушать просітъ, какъ *добрые молодцы, на вотъ горячіе*? Сіхъ людей і подобныхъ образецъ послужілъ къ тому, что въ нашъ языкъ внесены безразборныя окончанія, а потомъ і утверждены нѣсколько, такъ что уже і печатать началі; однако не въ церковной печаті.

І какъ латінскімъ языкомъ Ціцеронъ, і прочіі степенныі авторы, не пісалі по Плавтову sultis, вмѣсто si vultis; также какъ і французскімъ Вожеласъ і премногіі, не пісаліжъ нікогда chapiau, вмѣсто chapeau: такъ і намъ, поістіннѣ, не должножъ пісать сіхъ окончаній такімъ образомъ, какімъ оныя выговарівают отъ неіскусныхъ людей: ібо говоріть по образцу не знающчіхъ людей: то показывать і въ себѣ такоежъ незнаніе языка, ілі слѣпов слѣпымъ повіновеніе. Ктомужъ, самая отмѣна отъ ніскаго языка требуетъ, чтобъ знающчему чіпче, лучше, исправ-

нѣе і благороднѣе выговарівать свой яѕыкъ; слѣдовательно і пісать онымъ, і такъ, что і къ тому всему особліво прілѣжать, которое у общчества не весьма важнымъ въ яѕыкѣ почітается.

Какъ же намъ пісать сіі окончанія іменъ, длятого что, подлінно, іное начасъ говоріть, а іное надолго пісать, ешче і на нѣкоторую вѣчность печатать? Такъ г. м., какъ намъ чістый нашъ яѕыкъ велітъ, а іменно, славенскій, тоесть, на (і).

9) Кажется, что іѕлішнобъ было, толь многімі докаѕательствамі васъ о сей удостовѣрівать правдѣ, і къ тому прікланять, чтобъ вамъ прінять ѕа самыя пра́вільныя, множественныя мужескаго рода въ прілагательныхъ окончанія на (і), а не на (е): ежелібъ сія матерія, для бывшіхъ объ ней споровъ, дальняго не требовала іѕъясненія. На чтобъ, поістіннѣ, толь долго терпѣлівності вашей досаждать утруждая ея? Довольнобъ скаѕать, что такъ прімѣръ славенскаго яѕыка есть важенъ і достоінъ того, чтобъ ему въ семъ слѣдовать, что премного многіхъ нашіхъ іменъ і невоѕможно намъ кончіть, какъ токмо на (і), і всѣ мы не можемъ іхъ інако выговоріть, кромѣ токмо что окончавая на (і).

Іѕъ премногаго іхъ чісла́, теперь вамъ нѣсколько предложу для прімѣра. Невоѕможно намъ не на (і) выговарівать сіхъ: *божіі, дьячіі, сокольі. чернечьі, чіжовьі, бѣлужьі, охотнічьі, птічьі, рыбьі, стерляжьі, шчеглячьі, курячьі, вороньі.* А сіхъ довольно для обрасца: ібо іхъ, какъ я вамъ донесъ, премногое множество.

Чувствуете г. м., что множество іхъ не можетъ

названо быть изъятіемъ изъ общчаго правіла, но тѣмъ самымъ правіломъ, по которому должно писать і всѣ прочія імена, пішемыя нынѣ на (е): ібо сіхъ, мною предложенныхъ, невозможно намъ ні писать, ні выговарівать на (е); а которыя нынѣ пішутся на (е), тѣ всѣ можно намъ і выговарівать і писать на (і); і сіе не токмо не въ противность слуху, но і съ совершенною ешче ему пріятностію.

Съ другой стороны, ежелібъ сіи імена такъ почітать, что оні сего окончанія на (і) требуютъ, а прочія на (е); тобъ, понеже тѣхъ і другіхъ много, былібъ у насъ два класса іменъ безъ всякія нужды, для того что всѣ въ одінъ классъ вмѣшчены быть могутъ съ крайнею исправностію. Двухъ классовъ прірода нашего языка не требуетъ; можетъ быть надобны оні нѣкоторому пристрастію.

Можетель вы быть довольны, г. м., сімі моімі девятью проводнікамі, я не знаю: знаю только, что оні насъ велі къ окончанію мужескаго рода, прілагательныхъ іменъ множественнаго числа, по прямой дорогѣ. Подлінно, нѣкоторыі изъ ніхъ выведші насъ на дорогу, і показавші оныя окончанія, далеко съ намі не шлі. Другіі шлі едва не до ніхъ до самыхъ; однако, показавші іхъ подлінное прямо мѣсто, разсталісь съ намі. Третіі, і велі, і показывалі, і къ німъ самімъ прівелі. Но которыі изъ ніхъ того, другаго, і третіяго рода; вы самі лехко рассудіть і опредѣліть можете.

Чуж Что до меня, г. м.; я вашімі проводнікамі доволенъ: ібо подлінно хорошо оні насъ велі, такъ что я чуть не заснулъ на дорогѣ. І ежелібъ *стер-*

ляжьі і *курячьі* проводнікі меня не разбуділіі; тобъ подлінно мнѣ впрямь спать: я цыплятъ і стерлядей очень люблю, і думалъ, что уже́ онѣ поставлены на столъ.

Впрочемъ, сколько вы ні сіліліс доказывать; однако всѣ ваші доказательства Употребленіе, которое велікую власть імѣетъ надъ языкомъ, всеконечно преодолѣваетъ.

Рос. Какое, г. м., Употребленіе? Я вѣдаю, что всѣ знающчіі і незнающчіі нынѣ твердятъ Употребленіе; а въ чемъ оно состоітъ, і сколько власть его надъ языкомъ долженствуетъ почітаема быть законною, того нікто у насъ не опредѣляетъ. Ежелі твердіть одно только *употребленіе*; то і блінніково употребленіе долженствуетъ быть важно.

Должно, г. м., доіскаться, не надѣваетъ лі на себя лічіны *употребленіевы нъкоторое выродошное употребленіе;* і не называется ль оно сімъ высокімъ іменемъ, будучі само подлость і ніскость нѣкоторая достойная смѣха; ілі незнаніе слѣпое і темное. Я тѣмъ самымъ въ крайнее прішелъ подозрѣніе, что можетъ быть скітается въ языкѣ нѣкоторый самозванецъ, подъ іменемъ пречеснѣйшаго Употребленія, длятого что отъ всѣхъ і всегда упомінается сіе велікое імя, а о родѣ его нікто ні слова.

І какъ я въ семъ подозрѣніі пребывалъ, і нѣкогда прохажівался одінъ гуляя, і размышляя о сілѣ Употребленія; тогда увідѣлъ я человѣка, который шелъ на встрѣчу ко мнѣ, а самъ былъ пребогато наряженъ, і въ рукахъ імѣлъ пісменную нѣкакую тетрать, і печатную кнігу. Я, відя его по платью хорошаго

человѣка, і прітомъ думая по книгѣ і тетраті, что онъ ученый кто нібудь, хотя онъ мнѣ былъ і неsнаемъ, сшелъ съ дорбгі для почтенія: но онъ пакі ко мнѣ прямо шелъ. Тогда я остановілся; а какъ онъ подшелъ ко мнѣ, я тотчасъ прежде снявъ шляпу, поклонілся ему. Онъ равноежъ мнѣ учтівство ізволілъ sдѣлать: потóмъ спросілъ меня, кто я, і куда іду Я отвѣтствовалъ о себѣ, что служітель академіческій, отдосугу прохаживаюсь, і будучі одінъ, мыслямі себя sабавляю. Но ежелібъ ему нé-было протівно мое любопытство; тобъ я дерsнулъ спросіть і его, кто онъ, длятого что я не імѣю чéсті его sнать. Онъ ласково мнѣ отвѣтствовалъ, что мнѣ его коротко sнать, і часто відѣть нельsя, длятого что онъ почітай всегда, по должності своеій, прі дворѣ і съ прідворнымі; а когда ему есть время, то онъ больше дома пребываетъ, і сідітъ надъ книгамі. Впрочемъ, кромѣ церькві, ні на какіхъ публічныхъ мѣстахъ, какъ на плошчаді, на рынкахъ, въ пріказахъ, на гостіныхъ дворахъ, і на прочіхъ подобныхъ, нікогда отроду не бывалъ. Объ імені, і его чéсті, нѣтъ мнѣ sнать нужды: довольно съ меня вѣдать, что онъ охотнікъ до книгъ, і любітъ чістый ясыкъ. Теперь, съ негодованія ушелъ онъ въ сію рошчу, (ібо я і самъ тогда въ оной же прохажівался, что бліско Катерінъ-Гофа) длятого что споровалісь съ німъ прі дворѣ нѣкоторыі; а сіе больше ешче его раsдражіло, что і прі дворѣ нѣкоторыі не прінімаютъ двоякаго употребленія въ ясыкѣ, і ссылаются по большоій чáсті на непрямое, і іспорченное отъ простаковъ.

Обрадовался я, услышавъ сіе; і тотчасъ воспріялъ

надежду, что сей господинъ разрѣшитъ мое сомнѣніе, которое уже́ я давно имѣю объ употребленіи. Тогда пріялъ я смѣлость спросіть его, говоря: развѣ, милостивый государь, два употребленія находітся въ языкѣ? Онъ также хотя ласкаво наменя смотрѣлъ; однако въ нѣкоторомъ жарѣ говорілъ мнѣ: какъ не два? І можноль статься, чтобъ двумъ не быть? Съ умомъ лі общчімъ употребленіемъ называть, какое імѣютъ деревенскіі мужікі, хотя іхъ і больше нежелі какое цвѣтетъ у тѣхъ, которыі лучшую сілу знаютъ въ языкѣ? Ібо годітсяль перенімать рѣчі у сапожніка, ілі у ямшчіка? А однако всѣ сіі люді тѣмже говорятъ языкомъ, что і знаюшчіі; (тоесть, которыі ілі хорошее імѣютъ воспітаніе, ілі прі дворѣ обрашчаются, ілі отъ знатныхъ рождены, ілі въ наукахъ, і въ чтеніі книгъ съ успѣхомъ упражнялісь) но не толь ісправнымъ способомъ, пріроднымъ языку, коль іскусныі. Первыі говорятъ такъ, какъ оні для нужды могутъ; но другіі, какъ должно, і съ рассужденіемъ. І понеже употребленіе языка, есть не нѣчто слѣпое, но благорасумное, длятого что благорасумнымі утверждаемое, і отъ іскусныхъ воспріемлемое: тогораді і сілу оно толь велікую імѣетъ надъ языкомъ. Оно такъ есть благорассудное, что ежелі ему і случітся нѣчто перемѣніть въ языкѣ, ілі новое ввесть, не перемѣняетъ і не вводітъ просто і устремітельно; но прежде справлівается съ своімі уставамі, которыі нарочно для языка у него сдѣланы, не будетъ лі та перемѣна, ілі какое новое введеніе, протівно пріродѣ того языка, чье есть Употребленіе.

Здѣсь предпріялъ рѣчь я, і говорілъ: не знаетель

вы, мілостівый государь, гдѣбъ я могъ достать себѣ, для прочтенія, оныхъ уставовъ: ібо я іхъ нігдѣ понынѣ не відывалъ, но только чіталъ объ ніхъ вкратцѣ у рімляніна Горація, да у двухъ Французовъ, а іменно у Вожласа, і у Іезуіта Бюфіера. На сіе оный господінъ: не знаю можноль вамъ гдѣ іхъ, кромѣ что у меня, сыскать: я іхъ і самъ съ велікімъ трудомъ могъ себѣ получіть, і то по пріязні нѣкотораго пріятеля, который достаточную імѣетъ Бібліотеку, состоящчую ізъ рукопісныхъ книгъ, і тѣхъ ешче харатейныхъ. Онъ мнѣ пожаловалъ позволілъ спісать іхъ ізъ нѣкоторыя книгі, которая въ бібліотекѣ у него. Імені ея не знаю, длятого что перваго ліста отъ древності въ ней нѣтъ; а на-полѣ сіе напісанное я прочелъ: *человѣческій языкъ столько жівет, сколько самі люді.* Я не знаю, какъ вытолковать сіе: такъ лі разумѣть должно, что *толь давно человѣкі говорятъ, коль давно Адамъ созданъ*, ілі: *по прошествіі вѣка языкі перемѣняются хотя не въ существѣ, однако въ способѣ.* Но нѣтъ больші́я нужды о семъ домогаться. Я радовался только, что помянутыі уставы на неповрежденныхъ лістахъ въ тоіі книгѣ напісаны; і потому безъ труда могъ я всѣ оныі перепісать. Тогда я: сотворіте со мною, мілостівый государь, отеческую мілость, і заставьте за себя вѣчно моліться, пожалуйте собшчіте і мнѣ іхъ для спісанія: я самъ до сего велікій охотнікъ, толь наіпаче, что художество мое въ томъ состоітъ. Сею мілостію, не только вы чувствітельно меня одолжіть ізволіте; но і къ непрестанной вамъ услугѣ, і къ вѣчному благодаренію обяжете: а прі семъ, почітай до́-землі ему поклонілся. Онъ відя

толь охотное мое желаніе, сказалъ: не извольте, господинъ мой, кланяться: я васъ давно уже знаю, і радуюсь, что імѣю случай вамъ теперь услужіть. Можетъ быть, что сей случай между намі сведетъ знакомство, і станете жаловать ко мнѣ ходіть: ібо я слышалъ, что вы рѣтко нынѣ къ кому ходіте. Извольте, вотъ оні; только не утратьте: да і далъ онъ мнѣ оную тетрать, которая у него была въ рукахъ совокупно съ книгою. Я возблагодарівші ему такъ, какъ могъ съ радості, въ тотъ самый моментъ пріялся было іхъ чітать. Но онъ: дома извольте начітаться, теперь походімъ не много вмѣстѣ; я васъ не задержу: мнѣ і самому есть нужда скоро съ вамі расстаться. Стыдно мнѣ стало, правду сказать, что я было прі немъ неучтіво поступілъ, такъ что, думаю, і онъ внутренное мое замѣшательство на ліцѣ моемъ усмотрѣлъ: однако не облічілъ меня. А походівъ со мною не долго, і поговорівъ нѣсколько о сілѣ Употребленія, простілся со мною, і пошелъ въ свой путь, Въ сеи то, г. м., тетраті, увидѣлъ я то, что мнѣ было надобно, тоесть, въ чемъ состоітъ прямая і законная сіла Употребленія въ языкахъ.

Чуж. Благоволітежъ, прошу, і меня учаснікомъ сдѣлать; покажіте іхъ і мнѣ. А что вы кірілловскімъ, какъ у васъ говорятъ, выпросілі іхъ у онаго господіна поклономъ, то і я вамъ не полѣнюсь поклоніться также: развѣ только не умѣю выговоріть равнаго вамъ комплімента. Но вы не погнѣвайтесь, что я васъ такъ прошу, какъ больше нельзя.

Рос. Вы, г. м., нікогда не опускаете ні малаго случая, чтобъ меня не подсмѣять. Хотѣлъ бы я васъ ві-

дѣть, какъ бы вы не постарались ещче должайшімъ компліментомъ просіть того, которое вамъ очень бы надобно было. Знаете історійку, что, когда въ нѣкорый вечеръ самый знатный господінъ проігрался въ карты, а не імѣя денегъ заплатіть поутру выгравшему, послалъ слугу къ знатному купцу, просіть оныя суммы. Но понеже слуга не зналъ, какъ тітуловать того купца, сіежъ длятого, что сумма была очень велика, спрашівалъ своего господіна, какімъ бы тітуломъ надлежало велічать купца: то господінъ, гнѣваясь что слуга медлітъ, і нейдетъ тотчасъ куда посланъ, закрічалъ на него, і сказалъ: *Высокомошнымъ называй, толькобъ онъ денегъ далъ.*

Чуж. Я ещче тожъ говорю, длятого что лучше не умѣю, пожалуйте покажіте і мнѣ оныі уставы: мнѣ, право, очень желается іхъ відѣть.

Рос. Не здѣлаю того, чтобъ іхъ вамъ не прочесть: я ужѐ іхъ спісалъ. Ізвольте слушать.

I.

Мнѣ употребленію да будетъ всегда повіновеніе; сіежъ какъ въ мертвыхъ язы-кахъ, въ которыхъ я лучшаго вѣка въ пісателяхъ нахожусь, такъ і въ жівыхъ, гдѣ я всегда пріроду іхъ наблюдаю, і дѣлаю, что тѣ больше отъ всѣхъ похваляются, которыі лучше прочіхъ оную въ ніхъ знаютъ, і сілу ея разумѣютъ.

II.

Власть моя надъ всѣмі языкамі есть превелікая, і, такъ сказать, не імѣюшчая предѣловъ: ібо *я токмо могу говоріть, какъ хочу*, токмо сходно съ пріродою языка; *я въ томъ імѣю неспорімое право; я токмо і правіло,* [1]) *по которому должно поступать въ языкѣ.* Чегораді,

---

1 Vt siluae foliis pronos mutantur in annos,
Prima cadunt: ita verborum vetus interit aetas,
Et iuuenum ritu florent modo nata vigentque . . .
Ne dum sermonum stet honos et gratia viuax,
Multa renascentur, quae iam cecidere, cadentque,
Quae nunc sunt in honore, vocabula, SI VOLET VSUS,
QVEM PENES ARBITRIVM EST, ET IVS ET NORMA LOQVENDI.

Тоесть:

Какъ лістъ съ деревъ въ лѣсахъ погодно опадаетъ;
Такъ вѣкъ старінныхъ словъ въ языкѣ пропадаетъ:
Слова́жъ рожденны вновь прекрасно въ немъ цвѣтутъ,
І молодыхъ людей подобіемъ растутъ . . .
Не такъ то, чтобъ всегда рѣчамъ быть тѣмже въ глаткіхъ,
Ізъ падшіхъ много намъ покажется іхъ слаткіхъ;
А коімъ честь, падутъ, когда ВСЕОБШЧІЙ ГЛАСЪ
ВЕЛІТЪ БЫТЬ ПО СЕМУ: ОНЪ ВЪ СЕМЪ ЕДІНЪ УКАЗЪ.

Горац. въ наук. о поез.

меня надлежітъ предпочітать всеконечно всѣмъ пра́вiламъ, отъ грамматістовъ положеннымъ, которыя уже́ не согласны со мною употребленіемъ: ібо не отъ пра́вiлъ я употребленіе, но отъ меня пра́вiла въ жівушчіхъ языкахъ. Інако, тщетныябъ былі пра́вiла, длятого чтобъ оні то преднапісывалі, чего ілі ні у кого нѣтъ на́-словѣ, ілі мнѣ въ відімую протівность.

III.

Я употребленіе, есмь наібольше всеобшчее, інаібольше съ собою согласное, пока быть хочу въ томъ, ілі другомъ языкѣ, употребленіемъ. Інако, не́-былъ бы я употребленіемъ, но нѣкоторою несобразімою разностію.

IV.

Однако, не столько я всеобшчімъ, і съ собою согласнымъ, чтобъ во мнѣ самыхъ малыхъ, і почітай нечувствітельныхъ языку, не́-было разностей. Въ такомъ случае, то я правымъ почітаю, что съ разумомъ согласно, і імъ одобрено быть можетъ: ібо я не нѣчто безрассудное, но разумное. Інако, какъ бы

ни–вралі незнающчіі меня, всегдабъ на меня ссылаться моглі съ обідою і въ предосужденіе мнѣ.

V.

Ежелі между двѣмя, ілі многімі такімі неважнымі разностямі, ні одна разумомъ утверждена быть не можетъ; то я оную праведною называю, которая і отъ бо́льшія ча́сті людей, і отъ іскуснѣйшія воспріята. Бо́льшая часть людей не пахатнікі, но учтівыі граждане; а іскуснѣйшая, не неучі грубыі, но наукамі просвѣщенныі: обѣжъ, не двѣ разные, но одна і тажъ, что до важності. Ібо, лучше полагаться въ томъ на знающчіхъ і обходітельствомъ выцвѣченыхъ людей, нежелі на нестройную і безрассудную чернь.

VI.

Іпонеже мужіцкій і гражданскій языкъ нѣкоторыі также мною однімъ употребленіемъ неправо называютъ; то я объявляю, что то токмо употребленіе, которое у бо́льшія і іскуснѣйшія ча́сті лю-

дей, есть точно мною рожденное; а подлое, которое не токмо меня, но і імені моего не разумѣетъ, есть не употребленіе, но заблужденіе, которому родный отецъ есть незнаніе.

VII.

Сво́йство мое есть такое, что я насілу чресъ сто лѣтъ безъ знатныя перемѣны пробыть могу. Однако такъ я перемѣняюсь, что нікогда пріродѣ языка всеконечно противнымъ не бываю: ібо іначе, не нѣкоторыхъ перемѣна сдѣлалась мною въ языкѣ, но совершенное его істребленіе.

Сіи точно, г. м., уставы, которыі оный господінъ пожаловалъ далъ мнѣ спісать. Мнѣ оні нравятся, для того что кажутся такімі, которыі разуму не противны, такъ что не прінять іхъ за пра́вила, кажется противно общчему человѣческому смыслу.

Чуж. І мнѣ оні, г. м., такіміхъ кажутся, развѣ кто благоразумнѣйшій можетъ іхъ найті недостаточнымі. Подлінно, сколько сей господінъ употребленіе ні показывалъ свою власть надъ языкомъ: однако, відно что і самъ онъ повінуется іногда разуму для того токмо, что мілость его не хочетъ быть въ премногіхъ головахъ безъ всякаго рассужденія. Я не таюсь: я понынѣ подлінно думалъ, что власть упо-

требленіева надъ языкомъ есть нічемъ не ограніченная ; но теперь віжу , что і імъ самімъ разумъ владѣетъ.

Рос. Самое общчее согласіе, въ воспріятіи рѣчей, показываетъ, что согласіе сіе для того есть общчее, что то, которое воспріемлется, есть непротівно разуму по тому только , что оно не протівно пріродѣ того языка. Пускай выговорітъ кто у насъ : *я васъ кланялісь*, вмѣсто, *я вамъ кланялся*. Кто болдыремъ, ілі уже́ чужестраннымъ не назоветъ такова? А однако і прежнія слова тѣжъ самыі знакі, ізображающчіі тѣжъ самые ідеі, і послѣдніа также: но только что первыя протівны пріродѣ нашего языка , і потому протівны общчему нашему разуму, рассуждающчему объ нашемъ языкѣ. Знаю, что прірода языка ні въ разумѣ не была прежде языка : інако , во всѣхъ бы въ свѣтѣ языкахъ надлежало еи одноі быть, чего однако нѣтъ. Довольно съ меня, что она съ языкомъ вмѣстѣ, отъ общчаго согласія многіхъ людеи, роділась. А какъ скоро роділась ; то разумъ такую ея рассужденіемъ своімъ одобряетъ , какова она есть : протівную еи, за протівную себѣ пріемлетъ, длятого что онъ не прівыкъ знать сея другія въ томъ, ілі въ томъ языкѣ.

Чуж. О! г. м.; вы уже́ въ глубокую опускаетесь метафізіку. Прошу перестать, да только то мнѣ продолжать, что ешче осталось объ окончаніяхъ множественныхъ іменъ.

Рос. Хорошо, г. м.; всегда вашеи волѣ не буду протівенъ. Тогораді , пріложімъ оныя основанія къ спорнымъ нашімъ окончаніямъ.

Подлінно много такіхъ, которыі выговоромъ оканчаваютъ тѣ імена на (е); но больше і такіхъ, которыі тотже падежъ, тогожъ числа, і тогожъ рода, не токмо выговарівая, но і на пісьмѣ то на (я), то на (е) кончатъ. Пускай посмотрятся всѣ наші книгі, печатанные гражданскімъ тіпомъ прежде 1733 года. Пускай также справіться, кто ізволітъ, і съ сочіненіямі пріказныхъ людей понынѣ. Слѣдовательно, сів употребленіе ні наібольше всеобшчее, ні наібольше съ собою согласное; і потому протівъ III устава, которыі отъ употребленія положены.

Но, по IV уставу, ілі правілу: во время такіхъ разностеіі употребленія, надлежітъ прібѣгать къ разуму, і у него рѣшенія требовать. А понеже разумъ уже показалъ онымі моімі девятью проводнікамі, что сему окончанію не должно быть ні на (е), ні на (я), но на (і). Слѣдовательно, окончаніе на (і) должно предпочтіть обоімъ онымъ.

Повѣрьте мнѣ, г. м.; много того у насъ есть въ языкѣ, но въ языкѣ не знаюшчіхъ людеі, что съ чістою пріродою нашего языка не сходствуетъ. Такъ многіі не токмо говорятъ, что простітельнѣе, но і пішутъ: *просітца*, *молітца*, вмѣсто *просітся*, *молітся*; ее, вмѣсто ея; ево, вмѣсто его; *дворяна*, вмѣсто, *дворяне*; *прімѣчаніевъ*, *склоненіевъ*, вмѣсто *прімѣчаній*, *склоненій*; *рассужденіі*, *повелѣніі*, вмѣсто *рассужденія*, *повелѣнія*; *по торгомъ і рынкомъ*, *въ рядѣхъ і на площадѣхъ*, вмѣсто *по торгамъ і рынкамъ*, *въ рядахъ і на площадяхъ*; ежелі окончілъ, і емубъ перестать, вмѣсто ежелі окончілъ, то емубъ перестать; *хотя сіе і правда*, *то однако молчать надлежітъ*, вмѣсто

хотя сіе і правда, однако молчать надлежітъ. О прочемъ премногомъ худомъ употребленіі, ілі лучше, незнаніі, я вамъ не упомінаю. Но кто ізъ знающихъ силу въ языкѣ такъ будетъ писать? Впрочемъ мнѣ ні до кого нѣтъ дѣла: какъ ізволятъ: я токмо сіе знаю, [1]) что предложенныя оныя употребленія, і премногія другія, совершенно противны пріродѣ і чістотѣ нашего языка. І понеже не стараюшчіися нѣкоторыі объ языкѣ кончатъ іногда наші окончанія въ оныхъ прілагательныхъ на (е); то надобно также і любяшчімъ красоту языка? І не довольно ешче того, но опредѣліть оное і постояннымъ? развѣ все равно, что *говоріть на часъ, і ярлыкъ какой нібудь напісать;* то *і книгу сочініть. ілі какую рѣчь, і пустіть въ народъ, чтобъ ему отъ нея получіть себѣ какую пользу.*

Чуж. Въ дружескіхъ разговорахъ ошібка не столько ставітся въ строку; въ пісьмахъ больше подвержена осмѣянію: но погрѣшеніе, ілі незнаніе почітай уже́ непростітельно въ печаті. Всяческі стараться должно, чтобъ, какъ возможно, меньше было іхъ въ печатаніі, хотя всякому человѣку подлінно не́льзя сказать, что онъ нікогда ні въ чемъ погрѣшіть не можетъ: такова́, г. м., обшчая наша прірода.

Но ізъясніте мнѣ і сіе, чегораді вы кончіте въ сіхъ же прілагательныхъ іменахъ, множественнаго чісла́, женскій родъ на (е), а не на (я), какъ оный оканчивается не токмо всегда въ славенскомъ, но і въ вашіхъ печатныхъ книгахъ съ 1733 года.

[1] Vsum populo concedo, scientiam vsus mihi, post Ciceronem, reseruo.

Рос. Вопервыхъ, г. м., длятого, что хотя сіе женское окончаніе въ славенскомъ языкѣ всегда есть на (я); также, хотя, на сей образецъ смотря, і въ нашемъ оставлено оножъ постояннымъ съ 1733 года: однако всѣ прочіі изъ нашіхъ какъ пішутъ, такъ і говорятъ непостоянно сіе окончаніе. Іныі употребляютъ оное подлінно на (я), но іныі, въ толікомъ же чіслѣ, на (е). Недовольно ешче сего; которыі употребляютъ на (я), въ томже мѣстѣ і оніжъ на (е), а другіі на (я) толь же часто, коль часто на (е): такъ что общчее употребленіе сего окончанія есть безразборное. О семъ безразборномъ у насъ окончаніі нікто споріть не можетъ. Слѣдовательно, сіе употребленіе ні наібольше всеобшчее, ні наібольше также съ собою согласное, противъ III устава. А понеже, по IV уставу, на такія употребленія разности надлежітъ требовать опредѣленія у разума. Тогораді прібѣгнемъ къ нему, і потребуемъ у него сему рѣшенія, буде онъ какое імѣетъ: ібо, ежелі онъ не можетъ дать точнаго на сіе повелѣнія; то тогда должно въ семъ прістать къ онымъ, которыхъ і чісломъ больше изъ просвѣшченныхъ гражданъ, і которыі ученѣе, по силѣ V основанія.

Но разумъ не отказывается сіе разрѣшіть: ібо такъ онъ, кажется, твердо разсуждаетъ, что не можно въ томъ его не послушаться, і ему не повѣріть. Говоріть онъ:

Понеже разлічіе, между женскімъ родомъ і среднімъ, врассужденіі іхъ множественныхъ окончаній, не токмо есть полезно, но і нужно: ібо въ россійскомъ языкѣ всѣ роды, по самой большой часті,

окончаніями токмо распознаваются : і толь наіпаче, что различіе сіе, можетъ сдѣлаться ізъ тѣхже самыхъ окончаній, тоесть, нимало не въ противность пріродѣ Россійскаго языка. І понеже лучше быть, нежелі не быть сему различію, длятого что лучше есть распорядокъ, нежелі смѣшеніе. Тогораді, должно женскій родъ различіть отъ средняго.

Станемъ же, г. м., различать, длятого что самъ разумъ повелѣваетъ.

Въ славенскомъ языкѣ, хотя і оба сіи роды на (я) оканчиваются; однако они знатное между собою различіе імѣютъ: ібо женскій родъ імѣетъ (ы) предъ (я), напримѣръ, *добрыя жены*, а средній (а) предъ (я), какъ, *добрая дѣла*. Весьмабъ дѣльно і праведно было слѣдовать намъ славенскому языку, ежелібъ всеобщее наше въ семъ употребленіе, по III основанію, сілою і бо́льшія, і искуснѣйшія ча́сті людей, тоесть, всѣхъ насъ россіанъ безъ выключенія, по V і VI основанію, всеконечно не требовало въ обоіхъ сіхъ родахъ буквы (ы) предъ (я), на примѣръ, *добрыя жены*, і *добрыя дѣла*. Слѣдовательно, ежелі намъ женскій родъ кончіть на (я), какъ въ славенскомъ; то въ нашемъ онъ не различится съ среднімъ. Посему, постоянно опредѣленное окончаніе женскому роду съ 1733 года въ нашемъ языкѣ, не імѣетъ нікакія разности съ среднімъ, такъ что і женскій і средній можно пріпять за одінъ, когда прі іменахъ прілагательныхъ нѣтъ сущіествітельныхъ.

Но когда опредѣлится постоянное окончаніе женскому роду (е); (ібо мужескому окончанію отдать сея буквы намъ уже́ не должно, для представлен-

ныхъ выше многіхъ прічінъ) то женскій родъ не токмо въ іменітельномъ множественномъ разлічится съ среднімъ; но ешче і отъ единственнаго своего родітельнаго падежа отмѣнится: а сімъ окончаніемъ своімъ на (е), въ іменітельномъ множественномъ, падать онъ будетъ какъ не въ противность пріродѣ нашего языка, длятого что вмѣсто буквы (я) [1] неударяемыя, іногда ісрядно, і красно выговарівается у насъ (е), о чемъ по́слѣ, такъ столькожъ пріятно слуху, сколько і падая на (я).

Чуж. Но, г. м., разумъ утверждаетъ только сіе, что полезно, нужно і лучше быть, нежелі не быть разлічію между женскімъ родомъ і среднімъ, длятого что такое разлічіе можетъ сдѣлаться ні мало не въ противность пріродѣ россійскаго языка: а не опредѣляетъ, что женскій родъ должно отмѣніть отъ средняго точно буквою (е). Мнѣ кажется, также отдастся повіновеніе разуму, когда женскій родъ по старому останется на (я), а средній сдѣлается на (е). Не правдаль?

Рос. Правда, г. м., і не спо́рю: разумъ точнаго сего разлічія не показываетъ явно. Однако тайнымъ нѣкоторымъ образомъ всеконечно онъ совѣтуетъ женскій родъ кончіть на (е), а средній на (я), іменножъ чрезъ воспослѣдствованія. Ібо, ежелі средній родъ кончіть на (е), а женскій на (я); то 1) множественный іменітельный падежъ женскій не разлічіт-

---

[1] Въ сіхъ, прілагательныхъ іменъ, множественнаго чісла́, женскаго рода, окончаніяхъ на (я), буква сія всегда і непремѣнно есть неударяемая сілою.

ся отъ единственнаго родительнаго, хотя і находітся онъ въ такомъ состояніі, что отмѣніться можетъ, безъ повръжденія пріроды въ языкѣ. Слѣдовательно, есть замѣшательство: а умъ твердітъ лучше быть распредѣленію і распорятку. 2) Средній родъ всегда і непремѣнно оканчивается на (я) въ славенскомъ языкѣ. Слѣдовательно, должно ему оканчаваться і у насъ постоянно. Посему, понеже должно быть между сімі родамі разлічію, женскому осталось быть на (е). 3) Понеже всѣ сушчествітельныя імена, средняго рода, во множественномъ чіслѣ, іменітельный свой падежъ оканчаваютъ ілі на (а), ілі на (я): то лучше, для пріятності слуху, кончіть і прілагательныя среднія такъ, чтобъ, звономъ подобнымъ въ окончаніяхъ, согласны оні былі съ окончаніямі своіхъ сушчествітельныхъ: ібо пріятность сія слуху можетъ быть проізведена безъ повръжденія окончаніій. Чтожъ женскія сушчествітельныя, оканчаваясь на (і) ілі на (ы), а прілагательныя іхъ на (е), не могутъ проізвесть подобныя пріятності слуху: то я въ томъ не віноватъ, но такова прірода нашего языка. Ібо хотябъ женскіі і на (я) кончіть; то сіежъ самое есть врассужденіі подобнаго звона, то есть пріятності слуху, что і на (е): а съ другоій стороны, хотябъ і средній кончіть на (е), то і средній бы прілагательныхъ родъ не-былъ подобенъ звономъ своімъ сушчествітельнымъ. Ітакъ, дваждыбъ въ семъ случаѣ не дѣлалось угожденія слуху: но когда женскіі на (е) кончітся, а средній на (я); то однажды нѣтъ подобія звона между сушчествітельнымі і прілагательнымі. О сушчествітельныхъ і прілагательныхъ муже-

скаго рода, нѣтъ прічіны ужé і воспомінать: ібо іхъ прілагательнымъ должно быть на (і), то всегда между німі обрѣтается подобіе звона, тоесть, пріятность слуху.

Въ семъ токмо состоітъ, г. м., что мнѣ надлежало вамъ представіть о множественномъ окончаніі, цѣлыхъ нашіхъ прілагательныхъ іменъ. Я, коль ні малую сімъ рассужденіемъ пріношу услугу моему язы-ку; однако тѣмъ радуюсь, что я самъ себѣ польsу отъ того могу пріобрѣсть, буде хотя нѣкоторымъ подамъ случай ізъ нашіхъ, ілі не толь впредь быть неісправнымъ въ разліченіі родовъ окончаніямі прілагательныхъ іменъ, ілі возбужду іскуснѣйшіхъ къ расмотрѣнію сего ешче обстоятельнѣе.

Прізнаваюсь, что і [1]) *я довольно, і весьма пространно доказывалъ сію матéрію, і можетъ быть сімъ самымъ здѣлалъ ей великій вредъ по разумьнію нькоторыхъ особъ, которые думаютъ, что многія словá* [2]) *означаютъ слабость доказательствъ. Но я іхъ прошу, прінять сіе въ рассужденіе, что доказательство мое пространно есть для многіхъ прістрасныхъ сопротівленій, которыя должно отразіть заранѣе, а не для*

---

[1] J'ai donné assés d'étendue à cette preuve, et peut-étre que par-là je lui aurai fait tort dans l'esprit de quelques personnes, qui croient, que la quantité de paroles est une marque de la foiblesse des raisons: mais on les prie de considerer, quae ce raisonement-ci n'est long, que par les chicanes, qu'il faut prevenir, et non par la difficulté des choses, qu'il a besoin qu'on établisse.

Mr. de Fontenelle.

[2] Qui nimis probat, nihil probat.

трудности находящіяся въ самой вещи, кою надобно было изъяснивъ утвердить.

Чуж. Для бо́льшаголь изъясненія трудностей въ семъ дѣлѣ, ілі для отраженія сопротівленій, которыя могутъ быть впредь, ізволілі вы не пожалѣть Логікі і Реторікі, утверждая мнѣніе ваше, мнѣ нѣтъ до того нужды; я только прізнаваюсь, что доказательства ваші въ велікое прівелі меня колебаніе. Мнѣ уже́ кажется, что множественнымъ окончаніямъ целыхъ іменъ, такъ точно надлежітъ быть, какъ вы доказываете, ежелі імъ не лучше быть безразборнымъ.

Рос. Сказать правду, г. м.; на безразборныя окончанія, въ прілагательныхъ нашіхъ множественныхъ целыхъ, больше походу во всемъ простомъ народѣ, і во всѣхъ простыхъ і пріказныхъ сочіненіяхъ: опредѣленныя постоянно съ 1733 года, токмо что обрѣтающійся прі академіческіхъ мусахъ употребляютъ, і очень рѣтко кто изъ сторонніхъ. Імѣю я честь знать у насъ і тако́ва человѣка, который во всѣхъ трехъ родахъ оныя окончанія пішетъ токмо что на одно (е). Можетъ быть длятого, что понеже безразборныхъ окончаній токмо два, і именно (е) і (я); а сіе (я), когда оно неударяемое, каково всегда въ сіхъ окончаніяхъ, іногда безъ всякія противности слуху, мѣняется въ нашемъ выговорѣ на (е): то оный человѣкъ пріемлетъ (е) за (я), слѣдуя исправно выговору.

Но і сіе самое наблюденіе, г. м., то есть, что іногда неударяемое (я) мѣняется у насъ въ выговорѣ на (е), показываетъ непреодолѣемо, что въ опредѣленныхъ постоянно окончаніяхъ съ 1733 года, буква (е) отдана вѣчно мужескому роду, вмѣсто кореннаго на-

шего (і), противъ пріроды нашего выговора: ібо літера (і), нікогда у насъ не мѣняется на (е), но (е), на (і), какъ *чітаіть, скажіть*, вмѣсто *чітаетъ, скажетъ*. Но что я отдаю сію букву (е) женскому роду, вмѣсто кореннагожъ (я); то по точному своѝству нашего проіsношенія.

Впрочемъ, я сказалъ бы, что лучше быть въ нашіхъ оныхъ прілагательныхъ іменахъ двумъ бесраsборнымъ окончаніямъ, ежелібъ оні совершенно раsлічалі трі рода іменъ, въ чемъ превелікая есть нужда ісправному, красному і чістому яsыку, сверьхъ того, что сеи токмо пріводітъ пісателя въ храмъ славы і памяті, а о чемъ всемъ мало soботітся простонародный яsыкъ, нежелі онымъ постояннымъ, опредѣленнымъ съ 1733 года, длятого что оні, какъ женскіи родъ не раsлічаютъ съ среднімъ, такъ мужескіи родъ перемѣнілі на (е) вмѣсто (і) въ бесотвѣтную противность пріродѣ нашего выговора: буква не ударяемая (я), а не (і), мѣняется у насъ на (е) въ проіsношеніи.

Чуж. Сіе послѣднее я і чужестранный, да прімѣтілъ въ вашемъ выговорѣ, что вы *Ярмакъ* пішете чрезъ (я), а выговаріваете *Ермакомъ* чрезъ (е): такъ едрено, вмѣсто *ядрено;* такъ ечмень, вмѣсто *ячмень;* такъ еsыкъ, вмѣсто *яsыкъ*. Вы говоріте, что сіе дѣлается длятого, что во всѣхъ сіхъ словахъ буква (я) есть неударяемая. Подлінно такъ: ібо нікогда нікто у насъ не выговаріваетъ *есно, евно, ешчікъ, ерость, естребъ*, sa *я́сно, я́вно, я́шчікъ, я́рость, я́стребъ*, потому что въ сіхъ словахъ літера (я) удареніе на себѣ імѣетъ.

Рос. Посему і вамъ должно пріѕнать, что я по пріродѣ выговора нашего сдѣлалъ женскаго рода окончаніе множественное на (е), длятого что коренное (я) тутъ есть неударяемое. Однако правіло сіе не такъ есть общчее, чтобъ оно было безъ ізъятія: ібо іногда буква (я) і неударяемая, а выговарівается прямо, не перемѣняясь въ (е), какъ напримѣръ *добрая*, а не *добрае*; *явная*, а не *явнае*, і въ прочіхъ. Можно только сіе сказать, что правіло сіе по бо́льшой ча́сті есть обшчее. Сего точно раді я вездѣ вамъ і говорілъ, что буква (я) не ударяемая іногда, а не всегда мѣняется у насъ въ (е). Но полно о семъ: я і самъ уже́ скучілся. Ізвольте послушать рассужденія моего о главномъ, старінныя ортографіі, уставѣ, на которомъ почітай она вся утверждается; а я вамъ о содержаніі его уже́ доносілъ (стр. 63.)

Чуж. Ізрядно, г. м.: я подлінно імѣю намѣреніе дождаться конца всему вашему рассмотрѣнію; і толь наіпаче, что я васъ прівелъ къ тому, что вы столько для меня ізволілі потрудіться. Тогораді, сколькобъ вамъ самімъ ні могло быть скушно; однако, прошу, не толь отдаваться скукѣ, чтобъ, пресѣченіемъ нашіхъ о семъ разговоровъ, могъ я лішенъ быть совершенныя пользы, какую получаю я себѣ отъ вашіхъ рассужденій, і ешче бо́льшія надѣюсь, ежелі вся на́-все сія матерія окончена быть імѣетъ.

Рос. Я о томъ [1]) г. м., древніхъ нашіхъ грамматі-

[1] Опасно прочее блюдомо буді: во греческіхъ реченіяхъ ортографіі греческой, въ латінскіхъ латінствѣй хранімѣй быті: і во еврейскіхъ еврействѣй.

Грамм. Фед. Полікар. ліст. 9 на оборот.

стовъ, толь всеобшчемъ уставѣ, не могу нічего інаго сказать, какъ токмо что оно неосновательное, і не можетъ нікакімъ быть пра́віломъ нашей ортографіі.

Но прежде нежелі предложіть вамъ імѣю прічіны, коіхъ раді не́льзя ему отнюдъ быть не токмо всеобшчімъ ортографіческімъ, і безъ всякаго ізъятія пра́віломъ, но не́льзя і просто быть пра́віломъ, рассуділъ я запотребно, ізъясніть вамъ прямую его сілу, тоесть, содержанія его знаменованіе.

Ітакъ, когда оно говорітъ, что *всеконечно наблюдать должно въ греческіхъ словахъ греческую, въ латінскіхъ латінскую, і въ еврейскіхъ еврейскую ортографію*; то разумѣть должно, 1) что оно говорітъ о такіхъ греческіхъ, латінскіхъ, і еврейскіхъ, словахъ, которыя у насъ въ употребленіі. Напрімѣръ, ізъ греческіхъ *Александръ*, ізъ латінскіхъ *Кесарь*, ізъ еврейскіхъ *Міхаілъ*: тоесть, когда оні нашімі буквамі пішутся. 2) Что въ пісаніі нашімі літерамі, надлежітъ всеконечно наблюдать тѣжъ токмо самые буквы по чіслу, тоесть, сколько іхъ въ греческомъ какомъ словѣ, ілі латінскомъ, ілі еврейскомъ находітся; а не звоны, ізъ какіхъ состоятъ тѣ греческія, латінскія, і еврейскія слова́.

Сего точно раді Федоръ Полікарповъ, въ возобновленной своей славенской Грамматікѣ, [1]) по́слѣ Мелетія Смотріцкаго, і говорітъ, что слѣдуюшчія греческія і латінскія слова́, *διᾶιτα, φαρισᾶιος, ικων, βασίλειος, ὄικος, μελιβοιος*, aerumna, caesar, намъ нашімі буквамі надлежітъ пісать такъ: *діаіта*, вмѣсто

[1] Ліст. 7 на оборотѣ.

діéта, *фарісаїй*, вмѣсто *фарісей*, *еіконъ*, вмѣсто *ікона*, *васілеїй*, вмѣсто *васілїй*, *оікосъ*, вмѣсто *ікосъ*, *мелівоїй*, вмѣсто *мелівїй*, *аерумна*, вмѣсто *ерумна*, *каесарь*, вмѣсто *кесарь*. [1])

---

[1] Сіяжъ есть прічіна, тоесть, опасное наблюденіе греческіхъ точно буквъ а не ѕвоновъ въ нашей древней ортографіі, которое прівело къ ѕнатному ѕаблужденію нашіхъ мудрецовъ врассужденіі слóва АНГЕЛЪ. Понеже оно по греческі пішется такъ, ἄγγελος, а выговарівается, ангелосъ, длятого что по греческой ортографіі, когда (γ) пóслѣ (γ) въ словѣ находітся, тогда первая (γ) выговарівается какъ (н): то наші правопісцы хотя по греческі точно пісать, і подлінно пішутъ АГГЛЪ подъ тітлою съ двѣмяжъ гаммамі; а і беѕъ тітлы также, АГГЕЛЪ. Відя сіе граматнікі наші, і ѕдѣлалі тотчасъ раѕлічіе между обоімі сімі словамі, говоря, что АГГЛЪ подъ тітлою ѕначітъ АНГЕЛА; а беѕъ тітлы АГГЕЛЪ, ѕначітъ Демона, такъ что въ первомъ словѣ выговарівають первый (г) ѕа (н), а во второмъ ѕа (г) же. Но поѕвольте себѣ донесть, господá граматѣі; вы ошібаетесь, і ошібаетесь какъ ѕдѣсь немало, такъ і веѕдѣ много: Ангелъ хотя съ тітлою, хотя беѕъ тітлы, пішемый двумя (г), въ проіѕношеніі есть тотже Ангелъ, а не Аггелъ: но съ такою токмо раѕностію, что Божій Ангелъ, есть Ангелъ свѣта, а сатанінъ Ангелъ, есть Ангелъ Тьмы. Первый въ волѣ Божіей пребывшій, но другій отпадшій, і длятого въ вѣчный Тартаръ ніѕверженный. Іѕвольте повѣріть мнѣ, вы худо выговаріваете і сінклітъ сігклітомъ, і Панкратія Пагкратіемъ, і Лонгіна Логгіномъ: такъ сіи словá пішутся погреческі, а выговаріваются такъ, какъ я вамъ доношу. Погрѣшенію вашему прічіною есть старая наша ортографія,

Нѣтъ, г. м.; сколько ні пріказываютъ намъ сіи правопісцы наблюдать всеконечно, въ греческіхъ, латінскіхъ, і еврейскіхъ словахъ, греческіе точно, латінскіе, і еврейскіе буквы; однако мы всегда іхъ *фарісаія*, і *каесаря*, будемъ пісать *фарісеемъ* і *кесаремъ*, тоесть, какъ выговаріваемъ: *фарісаій* намъ дікъ, і смѣшонъ, прівыкшімъ проіносіть его, такъ какъ і самі проіносятъ грекі, *фарісеемъ*.

Но что за огромное і необъятное ізъ сего іхъ *опасна́го наблюденія* слѣдуетъ! Какъ? ежелі кто россіанінъ захочетъ прямо пороссійскі пісать; тому необходімо должно знать всѣ въ свѣтѣ язьікі, нашімі буквамі по случаю іногда ізображаемые? Надобно ему знать поіндійскі, попэрсіцкі, поарапскі, потурецкі, покітайскі, пояпонскі, поамеріканскі, помалабарскі, словомъ, надобно ему знать всея Европы, всея Азіі, всея Аѳрікі, і всея Амерікі всѣ на́-все язьікі, дабы *опасно наблюдать* нашімі буквамі іхъ літеры, безъ чего, нельзя ему нікакъ быть правопісцемъ россійскімъ. Кому́жъ тогда случіться, і случілось ізъ нашіхъ знать всѣ въ свѣтѣ язьікі? Достанетъ лі у кого на все сіе жізні, охоты, і памяті? Не достанетъ, да і думать не́льзя. Слѣдовательно, не́-было ешче у насъ, по іхъ, і понынѣ, да і впредь не будетъ, ктобъ когда ортографію нашу знал, ілі умѣлъ бы знать. Тогораді, ні тѣ самі, которьіі положілі всеобшчімъ пра́вілом оное *опасное блюденіе*, не зналіжъ нашея ортографіі: да і

которая наблюдаетъ опасно токмо буквы, а не звоны, то-есть, наблюдаетъ она только тѣнь, а до вешчі ей дѣла нѣтъ.

подлінно не знали, длятого что сдѣлали ея всю чужую, а не нашу. Вотъ, г. м., на чемъ вскрылось *опасное* іхъ *блюденіе*, ілі *наблюденіе*. Тоесть, что *бросіть надлежітъ ту тетрать, въ которой словъ не знать*, какъ мы іногда, ешче душістѣе, говорімъ.

Чуж. Не погнѣвайтесь, г. м.: вы на оное *опасное наблюденіе* церковную татьбу, какъ говорітся, взво́діте. Гдѣ оно говоритъ о знаніі всѣхъ въ свѣтѣ ясыковъ? Не точнымілъ і яснымі словамі ізображаетъ трі ясыка главнѣйшіі между ученымі? Но каждому ізъ ученыхъ сіі трі ясыка, да прітомъ четвертый пріродный свой, не токмо умѣть можно, но і дѣйствітельно много такіхъ, которыі умѣютъ; а сверьхъ тѣхъ і ешче два трі какіхъ іныхъ. Ізвѣсно вамъ, что понтіскій царь Мітрідатъ евпаторъ, который двадцаті двухъ народовъ, бывшіхъ у него подъ властію, ясыкамі умѣлъ говоріть, по свідѣтельству Геллієву. Съ другой стороны; ежелі не пісать по літерамъ чужіхъ словъ, употребляемыхъ на другомъ какомъ ясыкѣ: то въ такіхъ словахъ корень пропадетъ, такъ что і знать будетъ нельзя, отъ како́ва оні въ чужомъ ясыкѣ проісходятъ знаменованія.

Рос. Ізъ сего то самаго і слѣдуетъ, г. м., что нашему правопісцу должно знать всѣ въ свѣтѣ ясыкі. Ізвольте рассудіть; не всѣ стараются умѣть оныі трі мертвыі ясыка, о которыхъ точно говоритъ оное іхъ *опасное блюденіе*: много есть такіхъ, буде і не бо́льшая ешче іхъ часть, которыі предпочітаютъ жівыі. Кто напрімѣръ умѣетъ по-французскі; тому также должно *опасно наблюдать*, чтобъ слово какое французское, которое по случаю должно будетъ нашімі напісать

буквамі, точно імѣло на нашемъ французскую ортографію токмо, а не выговоръ. Итакъ, сіи французскія слова *beau discours*, надобно будетъ ему нашімі буквамі написать, *беау дискоурсъ*, какъ оно пішется, а не *бо дискýръ*, какъ выговарівается. Равнымъ образомъ, кто умѣетъ изъ нашіхъ покітайскі; тому тожъ опасно блюсті должно; тожъ, кто потурецкі і потатарскі: словомъ, тожъ самое надобно наблюдать, кто двадцать два языка, какъ оный Мітрідатъ; тожъ, ктобъ і всѣ въ свѣтѣ могъ знать языкі. Слѣдовательно, чтобъ быть нашімъ совершеннымъ правопісцомъ, необходімо должно умѣть всѣ въ свѣтѣ языкі: а знать два трі, то знать токмо что по нашему пісать два трі, і потому, ешче много у того осталось, чего онъ не умѣетъ пісать, тоесть опасно блюсті. Слѣдовательно, кому много осталось знать, что во всѣхъ ортографіяхъ должно опасно блюсті; тотъ всеконечно не совершенъ въ нашей ортографіі. Слѣдовательножъ, не зналі нашея ортографіі і тѣ, которыі повелѣваютъ намъ опасное въ томъ блюденіе, длятого что праведно есть, что оні і двадцаті двухъ языковъ, не токмо что всѣхъ, не умѣлі. Но я, г. м., могу сказать, безъ самохвальства, і о себѣ, что я не худо умѣю нашу ортографію, хотя і не знаю двадцаті двухъ языковъ: ібо хорошенько умѣть нашу ортографію, надобно токмо чісто выговарівать наші слова, которыя, помілості всеблагаго Бога, я право не очень не чісто выговарівaю.

Чтожъ вы ізволіте говоріть, что корень пропадетъ въ чужіхъ словахъ, на нашемъ языкѣ употребляемыхъ, і нашімі буквамі ізображаемыхъ; то я уже вамъ доносілъ, что ученымъ токмо однімъ

нужда нѣкоторая есть, знать корень чужіихъ словъ. Но ученыі могутъ того доіскаться, когда нужда позоветъ, буде какóва не знаютъ. Чужому слóву, прінятому въ языкъ, нéльзя утаіться· невозможно сказать, чтобъ *кафтанъ*, *бешметъ*, *кушакъ*, былі у насъ не татарскія імена, хотя і давно уже́ въ употребленіі. А понеже ортографія нужна всѣмъ безъ ізъятія, кто пісать умѣетъ: то всѣ сіе токмо долженствуютъ пішучі опасно наблюдать, чтобъ слово какое такъ точно знакамі очамъ представіть, какъ оно языкомъ і устамі выговарівается, хотя всѣ і не могутъ знать кореня, тоесть, точнаго его знаменованія въ какомъ чужомъ словѣ: ібо должно всѣмъ знать, что оно значітъ въ томъ языкѣ, въ который прінято. Вы не можете не знать, что коренныя знаменованія въ словахъ со временемъ перемѣняются въ другія. Такъ наше слово *заповѣдать*, на славенскомъ языкѣ значітъ *повелѣть*, а у насъ нынѣ, *заказать* і *запретіть*. Многобъ о семъ можно съ вамі поговоріть; но поістіннѣ не столько важна сія матерія, чтобъ объ ней много і надобно было говоріть: она токмо ліцомъ беретъ, такъ сказать, і показывается важною. Впрочемъ, въ ортографіі она мало что важності імѣетъ, і толь наіпаче, что добрая ортографія не касается до знаменованія целыхъ словъ: нужна ей токмо въ буквахъ і складахъ, тоесть въ звонахъ просто человѣческіхъ, въ звонахъ дѣйствующчіхъ въ человѣческомъ выговорѣ, і въ способахъ звона. Того ради, возвращаюсь пакі къ опасному оному наблюденію.

Я не могу надівіться, чегобъ ради намъ пріказывалі опасно блюсті греческую ортографію въ словахъ

іхъ, которыя у насъ употребляются: ібо, ежелі намъ должно сіе дѣлать длятого, что греческій языкъ старшінство, і то ешче правдаль, надъ нашімъ імѣетъ; то греческому потомужъ надлежало опасножъ блюсті у себя ортографію еврейскую, длятого что еврейскій языкъ подлінно его старѣе. Однако онъ нікогда почітай того не дѣлалъ: всегда токмо смотрѣлъ, чтобъ старшіхъ себя языковъ слова пісать такъ, какъ греческому слуху [1]) пріятно, а не какъ ортографія тѣхъ языковъ требовала. Кто Історію древніхъ народовъ прілѣжно чітаетъ; тотъ знаетъ, что я самую правду вамъ доношу; да і о васъ не сомнѣваюсь, чтобъ вы сего не знали. Ітакъ, г. м.; ежелібъ оныі наші опасныі наблюдальшчікі греческаго языка, такъ положілі главнѣйшій уставъ всея ортографіі, тоесть, что *какъ грекі въ греческіхъ, рімляне въ латінскіхъ, і евреі въ еврейскіхъ словахъ опасно наблюдаютъ свою ортографію: такъ і намъ славено-россіанамъ въ своіхъ россійскіхъ словахъ должно; а сіхъ языковъ въ рѣчахъ, у насъ употребляемыхъ, всеконечно надобно того смотрѣть, чтобъ всѣ іхъ звоны ізображать точно, а которыхъ не льзя, то, какъ возможно, бліже подходя къ звонамъ,* да і намъ бы оныій опасно блюсті на-крѣп-

[1] Не упоміная о многіхъ ветхаго завѣта іменахъ, которыя на греческомъ языкѣ такъ составлены, какъ лучше нѣжный греческій слухъ сносіть могъ: въ языческой Історіі почітай всѣ імена на греческомъ языкѣ положены по іхъ слуху. Такъ вмѣсто Асаръ-Гаддонъ-пула, у ніхъ Сарданапалъ; такъ у ніхже Артаксерксъ, вмѣсто Ерѕеръ-Шіра. Чегожъ бы ради і намъ своему не угождать слуху, я не віжу.

ко пріказывалі: тобъ я первый імъ нынѣ былъ послѣдователь.

Чуж. Преодолѣлілі, пріsнаваюсь; подлінно, лучшебъ быть такому главнѣйшему уставу: ібо каждый народъ больше о своей ортографіі долженъ стараться, нежелі о чужой.

Рос. Імѣете уже́ вы, г. м., всю древнюю нашу ортографію на луночкѣ. Isволілі відѣть, что она вся не наша, но греческая. Не sнаю, довольноль я вамъ ея ізъяснілъ; однако я всячески старался, чтобъ оная вамъ ясно́ і подробно была істолкована.

Впрочемъ, пріsнаваюсь, что я індѣ жестоковатое употреблялъ слѣдствіе: однако кленусь, что я оное проізводілъ не для опроверженія старыя, но для проізведенія новыя. Невозможно, поістіннѣ, проізвесть новую, не ісслѣдовавъ обстоятельно старыя. Ітакъ, слѣдована старая; но не длятого, чтобъ ея обвініть. Пускай она остается безъ вреда въ кнігахъ церковныя печаті; і толь наіпаче, что мы съ самаго нашего отрочества пріпуждены ей учіться.

Впрочемъ, не впервые нынѣ взвѣшівается весь старый Алфавітъ на вѣскахъ рассужденія; также не нынѣ впервые выключаются ізъ него ненадобные буквы: было время, когда въ ней употребляемъ былъ *юсъ*, а нынѣ буква сія токмо что мѣсто sанімаетъ, і sрітся только какъ пустый, ілі уже́ сомнітельнаго sвона sнакъ.

Но когда новый Алфавітъ первый введенъ; то не токмо старый пріпужденъ былъ потерять буквы з. и. ѕ. ѹ. ѡ. ѳ. ѱ. ѵ. также всѣ апострофі, всѣ верьхніе палочкі, но і всея своея фігуры лішілся.

Ізобразіть не можно, сколько новая форма буквъ прідала нашей печаті красоты і чістоты!

ЧАСТЬ III.

Чуж. Клятвенную сію оговорку, я уже́ раза съ трі отъ васъ слышу. Вѣрю всѣмъ сердцемъ, что вы разсматрівалі старую ортографію не длятого, чтобъ ея опровергнуть, но чтобъ утвердіть лучше новую вашу. Да гдѣжъ она?

Рос. Такъ вы, г. м., не відете ея?

Чуж. Подлінно, ні духу.

Рос. Діковінка! Но ізвольте, ежелі вамъ угодно; выключіть умомъ теперь всѣ оные лішніе буквы ізъ стараго Алфавіта, о которыхъ я разсуждалъ; то і будете імѣть точно тотъ Алфавітъ, который нашей прірод ной ортографіі нуженъ. Когдажъ будете імѣть сей Алфавітъ; то тотчасъ і станете знать всю нашу ортографію.

Чуж. Сказываютъ, г. м., про нѣкотораго польскаго шута, іменемъ Семіграла, ілі Севіграла не знаю, что онъ нѣкогда обѣшчался въ нѣкакой камерѣ показать, ілі высокую жівопісь, ілі богато і іскусно вытканыі обо́і: однако съ такімъ уговоромъ, что кто будетъ законнаго отца сынъ; тотъ імѣетъ все оное і відѣть. Всѣ відѣлі, і ізрываясь хвалілі; хотя въ камерѣ, кромѣ пустыхъ стѣнъ, і не́-было нічего, длятого что нікто не хотѣлъ быть засорнымъ сыномъ. Но я, поістіннѣ, законнаго отца сынъ; однако по сіе время не віжу ешче вашея ортографіі. Выключать умомъ лішніе буквы ізъ стараго вашего Алфавіта; то для

меня сіе, есть плыть по Москвѣ рѣкѣ мурчугамі, і день цельій плывъ, пристать другімъ бокомъ судна къ томужъ попелішчу, отъ котораго послѣ обѣда судно отваліло.

Рос. Не плывіте мурчугамі: я вамъ лучше совѣтую ездіть прямою дорогою. Ежелі вамъ скушно, ілі тягосно кажется, выключать умомъ лішніе буквы ізъ стараго нашего Алфавіта; то я імѣю способъ къ облехченію вашея лѣности. Способъ сей толь есть легокъ, что едва вы токмо взглянете на нѣкоторую бумашку, которая у меня давно ужѐ готова; то і узнаете моѭ ортографію. Но чтобъ больше васъ не мучіть; ізвольте ру́кі протягать, ізвольте брать, ізвольте смотрѣть, ізвольте веселіться, вотъ она.

гласные	согласные	двугласные	страсті ілі ізмѣненія.	сіла
Аа -	- -	- - Яя.		
	Бб.			
	Вв.			
	Гг.			
	Дд.			
Ее -	- -	- Еѣ.		
	Жж.			
	Ss.			

ГЛАСНЫЕ	СОГЛАСНЫЕ	ДВУГЛАСНЫЕ	СТРАСТІ ІЛІ ІЗМѢНЕНІЯ	СІЛА
Іі -	- -	- Ыы.		
	Кк.			
	Лл.			
	Мм.			
	Нн.			
Оо -	- -	-ЇѺїѳ.		
	Пп.			
	Рр.		й. ъ. ь.	
	Сс.			
	Тт.			
Уу -	- -	- Юю.		
	Фф.			
	Хх.			
	Цц.			
	Чч.			
	Шш.			

Відіте, г. м., что гласныхъ буквъ намъ [1]) токмо 5 надобно; согласныхъ 19, ілі можетъ быть 20, (о семъ послѣ), двугласныхъ также 5. Ізъ страстеи, ілі ізмѣненіи 3: одну для сокрашченія буквы (і); а двѣ для показанія отолшченія, і отонченія согласныхъ. Притомъ одна токмо сіла, раді разлічія словъ, которыя

[1] Не ізлішно быть кажется, предложіть въ семъ прімѣчаніі охотнікамъ, Історію гражданскаго нашего новаго тіпа. ПЕТРЪ ВЕЛКІЙ, оный вѣчныя славы, і бессмертныя памяті Государь, Імператоръ, і Самодержецъ Всероссійскій, когда по данному себѣ отъ Божія престола просвѣшченію, восхотѣлъ въ нынѣшнее сіяющее состояніе преобразіть свою Россію: то, между прочімі прехвальнымі новымі учрежденіямі і заведеніямі, не оставілъ і того, чтобъ ему не пріложіть старанія своего і о фігурѣ нашіхъ буквъ. Відя толь красную печать въ европейскіхъ книгахъ, потшчался і нашу также той сдѣлать подобную. Тогораді, повелѣлъ напісать образецъ азбукі нашея. По подтвержденіі онаго, указалъ послать въ Голландію, а іменно въ Амстердамъ, і тамъ точно по образцу выліть новую оную азбуку для гражданскія печаті. Выліта оная, і прівезена въ Москву. О годѣ, въ которомъ оный образецъ посланъ въ Голландію, мнѣ неізвѣсно: не могъ я сего нігдѣ доіскаться, і ні у кого доспросіться, сколько ні труділся. О семъ только увѣдомілся, что новая оная азбука прівезена въ Москву не прежде 1708 года. Сіе толь вѣроятнѣе кажется, что самая первая кніга, подъ тітуломъ, ПРІКЛАДЫ КАКО ПІСАТІ КОМПЛІМЕНТЫ, печатана въ Москвѣ сею печатію, въ 1708 годѣ. Увѣряютъ нѣкоторые особы, что прежде сея кнігі, печатаны новою гражданскою печатію нѣкакіе небольшіе вешчіцы; однако мнѣ сіхъ лісточковъ, ілі і целыхъ тетратокъ відѣть нігдѣ не случілось. Не можноб імъ не находіться въ Імператорской академіческой

имѣютъ двоякое знаменованіе, или тѣмiжъ будучi составлены буквами, требуютъ ударенія на другомъ слогѣ. Силу сію вольно проводiть, для ударенія на склады, хотя отъ правыя къ лѣвой рукѣ, хотя отъ лѣвыя къ правой, кто какъ лучше прiвыкнетъ.

Понiмаете, г. м., что въ моей ортографіи, нѣтъ нi-

Бiбліотекѣ, длятого что всѣ книги, по кончинѣ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, отданы изъ комнаты Его Государевы въ академическую бiбліотеку; а у него Государя нельзябъ iмъ не быть. Но какъ то нi есть съ лiсточками, или тетраткамi небольшiмi; токмо оныя прежде книги, iзъ книгъ, не печатано гражданскою печатiю.

Прекрасная была сія самая первая печать: кругла, мѣрна, чiста. Словомъ, совершенно уподоблена такой, какова во францусскiхъ i голландскiхъ типографiяхъ употребляется. Но уподобленiе сiе было нѣсколько i чрезмѣрно. Всякъ любопытный увидiтъ здѣсь iзъ прiложеннаго Алфавiта, какъ число буквъ перваго того Алфавiта, такъ i форму, а по ней i оное уподобленiе. а. б. в. г. ґ. е. ж. ѕ. i. к. л. м. н. о. п. р. с. т. у. ф. х. ц. ч. ш. щ. ъ. ы. ь. ѣ. ю. я. ѵ. ѳ. Ясно, что буквы ґ п. т. точно сдѣланы латiнскiе g. п. т. Сiе очамъ россiйскiмъ сперва было дiко, i дѣлало нѣкоторое затрудненiе въ чтенiи, особливожъ такiмъ, которыi i старую московскую съ превелiкою запiнкою чiтаютъ. Новый сей друкъ употребляемъ былъ, безъ всякiя перемѣны, до 1716 года; а съ 1716 года введена въ него буква (и) также i (ї), съ двѣмя точечками на верьху, i напечатаны сiмi буквами ераѕмовы разговоры въ Санктпетербургѣ. Однако пропорцiя въ буквахъ онаяжъ голландская сохранена. Въ 1718 годѣ, Федоръ Полiкарповъ издалъ, по указу, въ Москвѣ Варенiеву Генеральную Географiю, которую онъ перевелъ съ латiнскаго; а чтобъ отечество свое въ предiсловiи написать правiльно нашiмi буквами, тоесть, чтобъ сходно съ

чего ні лішняго, ні пустаго; также нѣтъ опасныхъ наблюденій, гдѣ поставіть (з) ілі (ѕ), (ф) ілі (ѳ), (і) ілі (и): каждый въ ней знакъ собственную свою должность отправляетъ, і всегда одну, такъ что, кто умѣетъ чітать, въ то самое время умѣетъ онъ і пісать по ортографіі. Смѣть лі сказать? Сія одна способ-

---

греческою ортографіею, ввелъ въ сію печать і (ѵ). Однако, также Голландская оная пропорція въ буквахъ і отъ него не повреждена. Пребывала сія печать въ семъ состояніі до 1733 года.

Въ семъ 1733 годѣ, когда должно было печатать прі Академіі Сен-ремієвы артіллерійскіе книгі, переведенные съ францусскаго, а оные прежніе гражданскіе буквы нѣсколько ужé былі сбіты: то запотребно рассуждено выліть вновь весь гражданскій Алфавітъ, чтобъ чішче помянутые книгі напечатать. Тогораді, вылітъ онъ вновь; но такъ, что і пропорція прежняя въ буквахъ новою сдѣлана. Пропорція сія уборіста на бумагѣ, чістажъ нѣсколько, но долговата, тоесть такая, какая нѣмецкімъ тіпографіямъ обыкновенна. Нѣтъ мнѣ нужды, которая ізъ сіхъ пропорцій лучше: іскусныі больше знаютъ. Сіе токмо желательно, чтобъ хорошую всегда у насъ бумагу употреблялі, какую употребляютъ въ самыхъ знатныхъ тіпографіяхъ: на тряпіцахъ пускай індѣ печатаютъ, гдѣ іздавна прівыклі; мы лучше должны подражать отъ всѣхъ похваляемому.

Въ 1735 годѣ, буквамъ гражданскаго нашего тіпа нé было хотя перемѣны; однако положено пісать вмѣсто (ѕ), всегда букву (з); буква (ѵ) отставлена; знакъ сокрашченія (й) введенъ въ несказанную ісправность выговору; буква (ѷ) выключенажъ; оборотная (э) введена і въ гражданскую, хотя форма сея буквы ешче съ поврежденія Кірілловскаго Алфавіта началась, а намъ стала быть вѣдома, какъ скоро Мелетіевская грамматіка выщла на свѣтъ. Напослѣдокъ надъ

ность, мнѣ больше всего въ ней нравітся; а можетъ быть, что і всякъ, любящій ісправность і легость, заблаго ея прінять ізволітъ. Прітомъ, я не хвалюсь тѣмъ, что число буквъ въ моей азбукѣ, почітай тожъ самое, выключая (ѵ) (щ), (ѳ), которое было въ са-

---

словамі двоякаго знаменованія опредѣлено ставіть сілу. О сей прямому чтенію услугѣ, я ужѐ не знаю какъ сказать: велика она, і выше всѣхъ моіхъ похвалъ.

І понеже пісалі прежде такъ, смотря на образецъ старыя ортографіі, что букву (ї) ставілі предъ гласнымі, еяжъ і во всѣхь чужіхъ словахъ, нашімі буквамі пішемыхъ, а букву (и), понеже была ужѐ введена і въ гражданскую печать, токмо предъ согласнымі: то, съ 1738 года, перемѣнілі і сіе, і сдѣлалі, что буква (ї) всегда предъ гласнымі нынѣ какъ въ своіхъ, такъ і въ чужіхъ словахъ ставітся; а буква (и) токмо также і въ своіхъ і въ чужіхъ предъ согласнымі. Сіе есть только что проізвольное: все равно, хотя буквѣ (и) быть всегда предъ гласнымі, а (ї) предъ согласнымі. Поводъ къ сему проізволенію, ізлішество одно буквъ; а основанія, кажется, нѣтъ німалаго. Въ семъ состояніі і понынѣ пребываетъ наша гражданская ортографія: і пребылабъ ешче она спокойно, ежелібъ я нынѣ ея нѣсколько не потревожілъ, врассужденні буквы (е) (э), ізъ которыхъ послѣдняя намъ ненадобна, а первой быть должно вмѣсто ѣя, і потому, для ізображенія густаго звона, должно ввесть (е), толь наіпаче, что пропісная ея фігура въ употребленіі, і всѣмъ вѣдома; также врассужденіі буквъ (и) (ї), ізъ которыхъ одну послѣднюю употреблять надлежітъ прірожденымъ ея звономъ, і ту ешче съ одною точечкою наверьху, а послѣднюю не должно употреблять за букву, но за сокращеніе буквы (і), і потому съ кавыкою наверьху (й); прітомъ і врассужденіі буквъ (з), (щ), (ѳ), ізъ которыхъ

момъ первомъ гражданскомъ Алфавитѣ, вылитомъ въ Голландіи.

Чуж. Я все сіе легко понимаю, г. м.; і ежелі не подосадуете, то скажу, что вы захотѣлі сдѣлать равную способность въ Ортографіи, какую вымыслілъ Коперникъ въ чертежѣ свѣта. Однажды поженный его

вмѣсто первыя должно намъ печатать (s), вмѣсто вторыя (шч), а вмѣсто третія всегда і вездѣ писать (ф).

Въ Типографіи Императорскія Академіі наукъ, слѣдующіі роды буквъ находятся. 1) Называется меньшой Канонъ; буквы самые заглавные. 2) Двойной Цицеро; буквы прописные, употребляемые вначалѣ раздѣловъ. 3) Новый Текстъ; буквы также прописные. 4) Парагонъ; буквы строчные, съ прописными, сдѣланные величіною своего корпуса на двойной цицеро; а Типографщікі наші рускіі больше называютъ сіі буквы коронаціонными, длятого что імі печатана кніга о Коронованіі ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛІЧЕСТВА 5) Парагонъ же, который употребленъ въ книгѣ прежняго ізданія въ основаніяхъ ортографіі, і въ правілахъ употребленія. 6) Терція: сія азбука есть строчная, і остатокъ ешче отъ оныя, которая была по голландской пропорціі. Типографщікі называютъ ея среднею 7) Міттель Антіква; азбука строчная, вновь вылітая по нѣмецкой пропорціі: сею вся сія кніга прежняго ізданія напечатана. У Типографщіковъ называется она Артіллерійскою, потому что переводные Сен-Ремієвы книгі объ артіллеріі ею печатаны. 8) Курсівъ; буквы скоропісные, употребляемые съ артіллерійскімі. 9) Цицеро-Антіква; сія азбука есть оная, которою вѣдомості наші печатаются, і длятого больше она называется вѣдомосною. Въ сей кнішкѣ прежняго ізданія всѣ прімѣчанія подъ чертою ею напечатаны. 10) Гробе-Цицеро-Антіква; азбука величіною съ вѣдомосную, но по толще. 11) Курсівъ; азбука скоропісная, употребляемая съ вѣдомосною. 12) Корпусъ-Антіква, азбука мѣлкая.

чертежъ, всѣ явленія планетъ, і состоянія неподвіжныхъ sвѣздъ, лехко і способно ізъясняетъ. Вы также, однажды положівші число буквъ въ алфавітѣ, всѣ книгі, і всѣ слова въ языкѣ ізображать съ превелікою способностію обѣшчаетесь.

Рос. Долголь вамъ, г. м., надомною труніть? Какое я імѣю сходство съ Коперніком? Его какъ вымыслъ,

---

13) Корпусъ же; сія азбука велічіною своего корпуса равна первой, а очкомъ нонпарелю. 14) Нонпарель; азбука очень мѣлкая, і чістая: ею печатается підворный календарь. Сверьхъ сіхъ, употребляются ешче буквы вначалѣ самыхъ первыхъ раздѣловъ, называемые большой канонъ. Сей обыкновенно вырѣзывается на мѣді, ілі на-деревѣ.

Въ Церьковной печаті также есть нѣсколько родовъ азбукъ. 1) называется Евангельская большая: сія сходство імѣетъ съ двойною Ціцеро. 2) Евангельская малая; азбука імѣюшчая сходство ізъ гражданскіхъ съ Парагономъ на двойную Ціцеро. 3) Пропісная: сія азбука можетъ сходствовать съ новымъ Текстомъ ізъ гражданскіхъ. 4) Арсеньевская; сія сходствуетъ съ Парагономъ. 5) Осіповская; азбука сходствуюшчая съ Артіллерійскою. 6) Воскресенская: сія можетъ нѣкоторое сходство імѣть также съ Артіллерійскою. 7) Бібліѣйная: азбука подобная нашей вѣдомосной. 8) Кутеінская, сія подобна корпусамъ і нонпарелю. Ктомужъ, есть і въ сей печаті заглавные буквы съ травочкамі вырѣзанные на-деревѣ.

Я не надѣюсь, чтобъ охотнікі за сіе прімѣчаніе не-былі мнѣ нѣсколько благодарны: но коімъ, какъ Історія о гражданскомъ нашемъ тіпѣ, повесть, объ его началѣ, перемѣнахъ, і прірашченіяхъ, такъ і ісчісленіе азбукъ нашіхъ обѣіхъ печатей не нужно; тѣ могуть не чітать сего прімѣчанія.

такъ і польsa наукамъ великa: но моѳ і все дѣло есть самоѳ ребячьѳ. Онъ по достоінству велікімъ человѣкомъ названъ быть можетъ: а я, по достоінствужъ, едва і малымъ. Какоѳ імѣетъ ортографія сравненіѳ съ астрономіею? Способна моя ортографія; но способностію сею равняться ей должно съ прежнімі нашімі ортографіямі, а не съ чертежемъ всего свѣта.

Чуж. Вы такъ сіѳ пріпялі въ досаду, что уже́ і съ жаромъ началі говоріть. Ітакъ, я прошу прошченія: я поістіннѣ не хотѣлъ вамъ досадіть, да только поіграть. Кто слышітъ? Насъ токмо двоѳ, і говорімъ, какъ говорятъ, между четырьмя глasамі.

Рос. Ахъ! г. м.; стѣны у насъ уші імѣютъ: тотчасъ вsведутъ, что я подлінно съ Коперніком равняюсь, чего мнѣ і во снѣ на умъ.... но довольно. Все тутъ, г. м., что я ні долженъ былъ предлагать вамъ объ ортографіі.

Чуж. Положіте гнѣвъ на мілость; я покорнѣйше прошу, одно мнѣ только іsъясніть: больше уже́ право скучать вамъ не буду. Ібо я примѣтілъ, что гласныѳ у васъ буквы точноѳ імѣютъ сходство съ двугласнымі. Сіѳ очень пра́вільнымі показываетъ ваші sвоны; а слѣдовательно, і весь алфавітъ. Подлінно, сіѳ сво́йство меня удівляетъ.

Рос. Сіѳ одно, чему вы требуете іsъясненія, есть такоѳ, что можетъ оно sавесть меня ешче далеко. Сво́йство сіѳ, котороѳ вы примѣтілі, не между однімі у насъ гласнымі і двугласнымі: такоежъ точно находіться і между согласнымі. І понеже мнѣ не возможно вамъ въ семъ отказаться; то я начну прежде толковать о гласныхъ і двугласныхъ.

Прірода проіsношенія нашего есть такая, что самый первый sвонъ, самое большое отверстіе устъ імѣетъ; вторый sвонъ степенію целою оное отверстіе умаляетъ; третій степеніюжъ предъ вторымъ; четвертый также степенію предъ трéтьимъ; такъ что пятый sвонъ меньше всѣхъ отверстія імѣетъ. Напрімѣръ: а. е. і. о. у. Не угодноль справіться съ sеркаломъ? Оно все сіе вамъ покажетъ. Sеркало не однѣмъ красотамъ надобно, чтобъ отъ него імъ научіться любеsнымъ і побѣждающімъ пріятностямъ: sеркало надобно Фіsікамъ і математікамъ; sеркало реторамъ, і нашей братье ортографшікамъ. Безъ sеркала нынѣ ні начасъ; такъ что і раскольшчікі не безъ sеркала расправліваютъ велікосановітую своѭ, но многопустую бороду: однѣ только наші, въ премногіхъ пѣсенкахъ, пастýшкі смотрятся бѣднінькіе въ воду. Відіте, что sнакъ (а) самымъ больши́мъ отверстіемъ устъ проіsносится; а sнакъ (у), почітай самымъ меньши́мъ. Посему громогласнѣйшая всѣхъ буквъ есть (а), а всѣхъ гласныхъ глушае есть (у), такъ какъ всѣхъ слабѣе (і).

Прісемъ, сіе наблюдать должно, что какъ (а) съ (е) какую пропорцію імѣютъ; такъ (о) съ (у) такуюжъ между собою, рассуждая по расстоянію сіхъ отъ (а). Сія есть прічіна, что на многіхъ яsыкахъ, (а) перемѣняется въ (е), і противно; а (о) въ (у), і противножъ.

І какъ нѣтъ во всѣхъ вешчахъ двухъ краевъ безъ средіны; то і между гласнымі сімі средіну сію sанімаетъ буква (і), которая, хотя больше склонна sвономъ къ (е), какъ непосредственно по немъ наступаюшчая, нежелі къ (о); однако такъ слабогласна, что

едва чувствітельна. Чтожъ она больше склонна къ (е); то показывалъ не токмо древній латінскій языкъ, *говоря leber* вмѣсто *liber*, но і нынѣшній французскій, проізнося, fin такъ, какъ бы напісано было слово сіе чрезъ (е), а не чрезъ (і). Сіежъ самое показываетъ і нашъ, длятого что і мы чашче выговаріваемъ вмѣсто (і), наше (е), какъ вмѣсто *Васілій*, *Васілей*, вмѣсто *чій*, *чей*, вмѣсто *бій*, *бей*, *повелѣній*, *повелѣней*, нежелі (о), какъ вмѣсто *кій*, *кой:* ібо сіе (о) больше за (ы) коренное проізносітся, какъ вмѣсто *чістый*, *чістой*. Впрочемъ, лучше сказать можно, что буква сія (і) какъ только среднее отверстіе звоновъ означаетъ, такъ і въ пропорціі звона среднеежъ імѣетъ сходство съ (е), і съ (о).

Но нашего россійскаго проізношенія прірода есть такая, что оно каждый звонъ свойственнымъ точно ему отверстіемъ проізносітъ: а. е. і. о. у. Однако сіе надобно знать, что московскій выговоръ всѣ неударяемыі (о) проізносітъ какъ (а). Сіе показываетъ, что московскій выговоръ, есть всѣхъ другіхъ нашіхъ провінціальныхъ громогласнѣе і выше. Въ семъ выговорѣ сіе слѣдуюшчее прімѣчанія достойно, что онъ ізъ послѣдняго края за первую пропорціональную къ (у), проізносітъ ізъ перваго края первую пропорціональнуюжъ къ (е). Таковъ есть московскій выговоръ. Но всего народа, а сей есть ніскій, і почітай могу сказать самый простый выговоръ, такое у насъ сво́йство імѣетъ, что едва не всѣ, ілі по са́мой большой ча́сті (е), ударяемыя проізносітъ четвертою двугласною (і́ò). Напрімѣръ, *везіо́тъ*, вмѣсто *везе́тъ*; *кладіо́тъ*, вмѣсто *кладе́тъ; віо́дро*, вмѣсто *ве́дро; спасіо́ный*, вмѣ-

сто *спасе́ный*. Такъ что есть пріча́на думать, что коренная пріро́да нашего выговора требуетъ во всѣ тѣ слова́, въ которыя мы нынѣ ставимъ (е) ударяемыя непроіsносімыя какъ (іо), двугласныя (е) ударяемыяжъ. Напримѣръ: *благоволѣніе*, *творѣніе*, *введѣніе*, вмѣсто *благоволе́ніе*, *твореніе*, *введе́ніе*.

Весьма удівітеленъ сей выговоръ; трудно доіскаться ему основанія: ібо гласная (е) нікакія не імѣетъ пропорціи съ двугласною (іо): а съ (я) і съ (е) довольную. Тогораді, кажется, что для сего ісправнѣе полагать (е) і (е) ударяемыя противнымъ образомъ, іменножъ *кладетъ* нынѣшнѣе sa *кладетъ* коренное. Тоесть, что гдѣ мы нынѣ імѣемъ (е) ударяемое, проіsносімое двугласною (іо), тамъ было (е); а гдѣ не sa (іо), тамъ оно само собою.

Чтожъ до двугласныхъ; въ ніхъ тожъ самое наблюдается, что і въ гласныхъ: также есть (я) къ (е), какъ (іо) къ (ю); также средіну опредѣляетъ двугласная (ы), которая больше клоніться къ (е), нежелі къ (іо): показываютъ сіе славенскія *быхомъ* і *бъхомъ*, *быша* і *бъша*. Показываетъ і малороссійская (ѣ), которая есть (е), выговарівае́мая наібольше sa (и), которое есть двоіи́ное (і), тоесть (ы), какъ вмѣсто *спѣвакъ*, *співакъ*, ілі *співакъ*. Показываетъ также і новогородское *въ старой русы*, sa *въ старой русѣ*; *на Тіхвіны*; sa *на Тіхвіни*; *въ ізбы*, sa *въ ізбѣ*. Посему, самая первая степень растворенія есть въ (я); а самая послѣдняя есть въ (ю). Однако, не весьма способно опредѣліть можно, на которой степені гласныхъ, первая двугласная начінается. Сіе токмо можно сказать ізвѣсно, что первая двугласная меньшее растворе́ніе імѣетъ, нежелі первая гласная; і по-

тому, самая послѣдняя ізъ двугласныхъ такое уже́, которое почітай не растворе́ніе, но затворе́ніе.

Общчій нашъ выговоръ таковъ, что мы чісто каждую двугласную, дая ей должное ея растворе́ніе устъ, выговаріваемъ. Однако, сіе прітомъ примѣчается, что простонародное проізношеніе, которое уже́ почітай становітся обшчее, вмѣсто (я) неударяемаго іногда проізноситъ (е). Прічіна сему ясная, длятого что (я) съ (е) есть пропорціонально. А что наше (ы) есть густое (і), тоесть двойное; то доказываетъ простаго выговора перемѣна, тѣмъ что іногда вмѣсто (ы) выговаріваемъ мы (о), какъ за *знатный, знатной:* ібо ясно уже́ вамъ, что (і) среднюю імѣетъ пропорцію къ (е) і къ (о); то не дівно, что і двойное (і), тоесть (ы), мѣняется на (о).

Сверьхъ взаімныя гласныхъ между собою, а двугласныхъ между собоюжъ пропорціі, гласные съ двугласнымі ешче імѣютъ оное сходство, которое вы прімѣтілі. Ібо что (а), (е) (і) (о) (у) есть въ гласныхъ; то (я) (е) (ы) (іѝ) (ю) есть въ двугласныхъ, такъ что (а) сотвѣтствуетъ (я), (е) (е), (і) (ы), (о) (іѝ), (у) (ю).

Подлінно, двугласные буквы не что іное, какъ гласные; но съ такою токмо разностію, что гласные свѣтляе і выше звономъ, а двугласные ніже і гушче. Посему, гласные ісрядно названы быть могутъ *отверстыми*, а двугласные *полуотверстыми*. Но что сіі послѣдніе называются двугласными, то у насъ не надлежітъ такъ думать, что бутто въ ніхъ і два го́лоса, ілі два звона, а слѣдовательно і два времені употребляется на іхъ проізношеніе протяженіемъ го́лоса. Ібо какъ одінъ свой голосъ въ нашіхъ гласныхъ; такъ

одінъ свой же і въ двугласныхъ нашіхъ: і одно время въ протяженіі гласныя; одножъ і въ протяженіі двугласныя.

Ежелібъ вы сказалі, что понеже двугласные буквы слагаются ізъ двухъ гласныхъ: то двугласные імѣютъ два го́лоса. Но я доношу: сіе правда, что наші двугласные буквы начертаніемъ слагаются ізъ двухъ гласныхъ, а именно, (я) ізъ (іа), (е) ізъ (іе), (ы) ізъ (іі), (ѭ) ізъ (іо), (ю) ізъ (іу) голосомъ: ібо інако сіхъ густыхъ ѕвоновъ очамъ представіть не́льзя. Однако я говорю не о ѕнакахъ, но о ѕвонахъ: ѕвонъ нашъ не сложный, но простый, такъ что простый ѕвонъ въ гласныхъ, простый і въ двугласныхъ: въ гласныхъ свѣтляе і выше; а въ двугласныхъ гушче і ніже. Чтожъ і въ ѕнакахъ онъ недвойный; то самое составленіе двугласныхъ буквъ показываетъ: ібо двѣ буквы вмѣстѣ палочкамі соединяются; на ізъявленіе одного токмо ѕвона; а сіе больше відімо въ церковныхъ буквахъ.

Не́-былобъ нікакія прічіны къ спо́ру; будебъ двугласные наші собственные себѣ простые фігуры імѣлі. Однако самое наше общее проізношеніе непреодолѣемо доказываетъ, что (я) наша інако проізноситсѧ, нежелі (іа) раздѣльно; а такъ і всѣ прочіе двугласные. Прітомъ, хотя надъ четвертою нашею двугласною въ гражданской печаті нынѣ і пішутъ, для ізъявленія слітнаго ея го́лоса, *облеченную*; однако ябъ сію облеченную перемѣнілъ на поперешную палочку сімъ образомъ: *всѣ*. Но въ способѣ семъ нѣтъ большія прічіны.

Можно впрочемъ сіе не безъ правды сказать, что двугласные наші, нѣкоторый есть родъ огушченія

гласныхъ нашіхъ, і толь наіпаче, что онѣ всѣ спреді імѣютъ букву (і) въ сложеніі своемъ, такъ какъ буква греческая Н, была токмо знакъ огушчаемыхъ греческіхъ гласныхъ, по Атенееву [1]) мнѣнію.

Чуж. Подлінно, не думалъ я столько сілы і сходствъ въ вашіхъ гласныхъ і двугласныхъ. Ежелі за все сіе пріняться пообстоятельнѣе; то бессомнѣнія целую книгу, ешче і філософскую, напісать можно. Не смо́тря на сей вашъ Алфавітъ, я віжу, что всѣхъ прочіхъ буквъ напісано у васъ по́-двѣ, по одной начальной, да по одной же строчной: однако прі второй ізъ двугласныхъ двѣ строчныхъ поставлено. Какая сему прічіна, прошу сказать.

Рос. Ізвольте пріпамятовать, а я ужé вамъ доносілъ (стр. 126), что буквы (Ѣ) намъ не надобнобъ было; но понеже есть опасность, что буде она выключітся, а вмѣсто ея імѣетъ употребляться съ согласнымі буква (е): то во многіхъ нашіхъ словахъ чістота проізношенія повредітся. Сія есть прічіна, что буква (Ѣ) строчная, для сложенія съ согласнымі оставлена. Но понеже вы ізволіте говоріть, что не думалі вы, по сіе время, столько сілы і сходствъ въ нашіхъ гласныхъ і двугласныхъ: тогораді доношу вамъ, что ешче мень-

[1] *Οἶμα δὲ διὰ τοῦ (η) ϛοιχεῖα τυπώσαθε τοὺς παλαιὰς τὴν δα ῆιαν. Διό περ καὶ Ρωμαῖοι πρὸ πάντων τῶν δασυνομένων ὀνομάτων τὸ (η) προγράφουσι.*

Товсть:

Древніі, какъ я мню, буквою (И) огушченіе означалі: чегораді і Рімляне предъ всѣмі огушчаемымі іменамі (Н) пісалі.

ше не моглі вы думать о нашіхъ согласныхъ, врассужденіи тѣхже сходствъ. Можно смѣло сказать, что свóйства согласныхъ нашіхъ буквъ ешче удівітельнѣе, такъ что, ежелі оныя хорошенько ізъяснены будутъ; то всему нашему чістому выговору, безъ всякія трудности, можно прáвіла положіть.

Чуж. Прошужъ покорно, ізъясніть мнѣ і сіе: пускаій мілость ваша ко мнѣ будетъ вполнѣ.

Рос. Да не будетель вы ешче къ кому нібудь меня прімѣнять? Не давно я у васъ былъ похожъ на Коперніка; а теперь можетъ быть подобенъ буду, по вашему ясвітельству, ілі Птоломею, ілі Тіхобрагу.

Чуж. Нѣтъ г. м.; больше не буду васъ равнять сімъ гаіідукамъ; развѣ только по случаю такімъ карламъ, которыі насілу на аршінъ выроспі.

Рос. Не хочу, сударь, я быть і карламъ равенъ: ібо я какъ не велікъ, такъ і не весьма малъ; средняго росту человѣкъ.

Чуж. Інъ оставайтесь, г. м., такъ каковъ вы; только прошу вытолковать мнѣ свóйство вашіхъ согласныхъ літеръ.

Рос. Быть такъ; нарекся груздемъ, лѣсть въ кузовъ, какъ говорятъ. Тогораді ізвольте слушать.

Слышалі вы, что сходство между гласнымі состоітъ въ разномъ отверстіи устъ; а между гласнымі і двугласнымі ножъ состоітъ въ высотѣ і ніскості, такъ что двугласныя, будучі ніже гласныхъ, гушче въ проізношеніі сіхъ гласныхъ. Ізволілі слышать і сіе, что какъ между гласнымі первый край сходняе съ собою, а вторый съ собою, і что средіна больше сходства імѣетъ съ послѣднею ізъ перваго края, не-

желі съ первою буквою іѕъ втораго: такъ сіежъ самое находітся і у двугласныхъ между собою, врассужденіі пріроднаго іхъ отверстія.

Подобнымъ образомъ, есть сходство і между всѣмі нашімі согласнымі: также у ніхъ есть первый край і другой: также между обоімі краямі есть і средіна, іѕъ которыя двѣ треті буквъ бо́льшее согласіе імѣютъ съ буквамі перваго края, а треть токмо іѕъ ніхъ лучше соглашается съ буквамі послѣдняго. Достойная вешчь прімѣчанія! Какъ у гласныхъ і двугласныхъ средіна больше сходствуетъ съ первымъ краемъ; такъ і у согласныхъ, съ сею токмо разностію, что тамъ одна буква, а ѕдѣсь іѕъ многіхъ двѣ треті.

Однако сходство между согласнымі не состоітъ въ отверстіі устъ: ібо онѣ всѣ не імѣютъ ѕвона, но пріводятъ токмо въ способъ ѕвоны, такъ что іной ѕвонъ бываетъ мяхче, а іной тверже, по пріродѣ согласныя буквы, съ какою онъ соедіняется. Состоітъ оно особлівѣйшімъ і первѣйшімъ образомъ въ томъ, что нѣкоторые іѕъ ніхъ сімъ органомъ проіѕносятся, а другіе другімъ: такъ нѣкоторые больше гу́бы двіжутъ, а на проіѕношеніе другіхъ, інструментомъ больше есть яѕыкъ, ілі ѕубы, ілі небо, ілі гортань. Посему, сходствуютъ онѣ между собою *едінорганствомъ* такъ скаѕать.

Въ гласныхъ і двугласныхъ разлічается *степенію отверстія устъ* сходство іхъ между собою; но въ согласныхъ сіе разлічіе дѣлается *мяхкостію і твердостію*, такъ что іные іѕъ согласныхъ *мяхкіе*, а іные *твердые*: но тѣ, которые средіну ѕанімаютъ, *ні мяхкіе ні твердые* вобшче, но токмо больше іхъ, которые съ

мяхкімі дружбу імѣютъ, а меньше, которые изъ ніхъ съ твердымі соединяются лучше. Все сіе понятнѣе быть імѣетъ отъ изображенія, которое у меня давно уже́ на сей бумашкѣ сдѣлано.

мяхкіе . . . . твердые	средніе
б . . . . . п	
в . . . . . ф	л . . . р
г . . . . . х	м . . . н
д . . . . . т	ц . . . ч
ж . . . . . ш	
з . . . . . с	
+ . . . . . к	

І какъ, г. м., изъ гласныхъ (а) къ двугласной (я) і прочіе; такъ изъ согласныхъ (б) къ (п) і прочіе: пріто́мъ, также почітай изъ среднихъ і (л) къ (р), і прочіежъ: чегораді всѣ онѣ і поставлены попарно на семъ лісточкѣ, который теперь у васъ въ рукахъ.

Мяхкімі называются для того, что органъ, которымъ онѣ произносятся, не столько употребляетъ сілъ на выговоръ іхъ; сколько на выговоръ твердыхъ: а сегораді онѣ сімъ именемъ і названы. Такъ напріме́ръ, сільняе гу́бы къ гу́бѣ пріжімаются произнося (*па*), нежелі (*ба*). Сімъ образомъ і прочіе, врассужденіі своіхъ інструментовъ.

Средніе длятого названы *среднімі*, что онѣ, по прі́родѣ своей, ні съ мяхкімі ні съ твердымі, что до *мяхкості і твердості*, срассужденія не імѣютъ; пріто́мъ, і каждая іхъ пара не для того разлічена, что буттобъ і она каждая однімъ і тѣмже орудіемъ про-

ізносіма была: (ібо буква (м) проізносітся губáмі, а (н) языкомъ; (л) съ (р) обѣ языкомъ; а (ц) зубамі, но (ч) небомъ) но что ізъ каждыя пáры, въ простомъ і поврежденномъ выговорѣ, одна за другую подмѣняется. Но о семъ пóслѣ.

Чуж. І мнѣ желается, чтобъ о семъ вы мнѣ ізволілі пóслѣ растолковать: ібо я нетерпѣлівно знать хочу, что у васъ значітъ въ мяхкіхъ положенный на концѣ крестікъ.

Рос. Нічего не знача, г. м., много значітъ: тоесть что въ нашемъ Алфавітѣ не достаетъ одноя буквы ізъ согласныхъ, а іменно такія, которой надобно быть подобной звономъ латінскому (g), когда оно предъ (a) (o) (u).

Чуж. Какъ такъ? Не ушто Кіріллъ могъ пропустіть сей звонъ? Но я думаю, что онъ не пропустілъ: ібо предая вамъ славянамъ точно греческіе буквы, ізобразілъ онъ у васъ сей способъ звона вашімъ (г), который сходствуетъ съ греческою (γ); а греческая гамма проізносітся такъ, какъ латінское (g) предъ (a) (o) (u). Посему, нѣтъ, кажется, у васъ буквы похожія на латінское (h).

Рос. Не вы одінъ такъ ізволіте думать: есть нѣкто весьма іскусный человѣкъ, который сіежъ содержітъ мнѣніе. Однако оно велікому подвержено сомнѣнію. Но сіе ізъяснять, далеко дѣло зайдетъ. Можетъ быть, впредь о семъ.

Впрочемъ, сіе безъ всякаго есть спóра, что всѣ мы россіане нашъ (г) проізносімъ какъ латінское (h): а мнѣ только і дѣла что до нашея азбукі. Слѣдователь-

но, нѣтъ у насъ ізъ согласныхъ такія, которыяб сходствовала съ латинскімъ (g) предъ (a) (o) (u).

Чуж. Не можноль ввесть ея?

Рос. Какъ не можно, г. м.? Но та бѣда, что фігуры ея нікто не будетъ знать, какой звонъ она значітъ; а буде бірючъ клікать по старінному, і выкрікивать, что сія ілі та новая фігура буквы, означаетъ у насъ такой звонъ, который подобенъ латінскому (g) предъ (a) (o) (u): то вопервыхъ сіе весьма трудно, ежелі учоныхъ переучівать; а съ другой стороны, толь сіе смѣшно покажется всѣмъ, что подлінно сумосброднымъ завотчіка называть въ глаза будутъ.

Нужда въ буквѣ необходімая; а трудность въ веденіі почітай непреодолѣмая; хотя впрочемъ въ нашемъ велікороссійскомъ проізношеніі давно, ілі ешче исстарі уже́ она употребляется: ібо нікто у насъ сего сло́ва *гусь*, і бесчісленно многіхъ другіхъ, не проізноситъ такъ, какъ оно напісано чрезъ (г), тоесть, какъ чрезъ (h) латінское по нѣмецкому і польскому латіны проізношенію, но какъ чрезъ (g) латінскоежъ такъ напрімѣръ, *gусь*: однако, всѣ такія слова́ пішемъ мы чрезъ (г) въ противность проізношенію. Можно сказать по францусскому прісловію, что *подліннікъ* сея буквы находітся у насъ *безъ копіи*.

Чуж. Однако, г. м.; насъ теперь двое: а я кленусь вамъ всѣмъ тѣмъ, чего у меня нѣтъ важнѣе, что не вынесу нікому: скажіте, какуюбъ вы хотѣлі дать фігуру сей буквѣ?

Рос. Ябъ ей далъ такую, которыябъ не весьма pas-

бівалась съ нашімъ (г), [1]) однакобъ імѣла съ німъ відімую разность. Словомъ, ябъ ей далъ сію слѣдуюшчую, ізвольте смотрѣть: (Г̀). Відіте, г. м., что фігура сія есть токмо ізъ парагона строчная, которой надлежалобъ і пропісной быть. Она немного отходітъ отъ (г); а однако чувствітельно отъ него отлічается длятого что верьхній ея кончікъ молоточкомъ ѕдѣланъ. Для сего самаго разлічія, любопытнѣйшіі тотчасъ бы сію букву ѕа другую отъ (г) почітать сталі; а і не весьма стараюшчііся о сіхъ по відімому мѣлочахъ, со временемъ тожъ бы прімѣтілі: наконецъ, всѣхъ бы насъ очамъ сперва діка показаться не могла. Впрочемъ, покорно прошу, держать сіе про себя, і вымысла моего нікому не собшчать.

Чуж. Что вы такъ тру́сіте? Тутъ, кажется, бояться нѣчего: сей вымыслъ нікому вреда і предосужденія не дѣлаетъ; а польѕа его відімая.

Рос. Не спо́рю, г. м.; но кто [2]) ожогся, какъ говорятъ, на молокѣ; тотъ і на́воду дуетъ. Памятно ешче мнѣ, сколько на меня нападеній было, длятого толь-

---

[1] Нѣкто ізъ іскусныхъ людей, котораго я къ себѣ благосклонность почітаю, вымышляетъ сей буквѣ двѣ фігуры, а іменно сію ꞁ і сію L: но мнѣ сіе не нравітся длятого, что онѣ обѣ странны, і дікі очамъ россійскімъ.

[2] Da veniam, quaeso, nimioque ignosce timori:
Tranquillas etiam naufragus horret aquas.
Qui semel est laesus fallaci piscis ab hamo,
Omnibus vnca cibis aera subesse putat.
Saepe canem visum longe fugit agna, lupumque
Credit, et ipsa suam nescia vitat opem.
Membra reformidant mollem quoque saucia tactum.
Vanaque sollicitis incitat vmbra metum.

ко, что я въ наші стіхі одні было хореі ввелъ. Подлінно въ семъ моя́ есть ошібка; і я въ ней прізнался прямо въ россійскомъ моемъ Парнассѣ, да і поправівся: ібо въ немъ яжъ самъ доказалъ, что существенное разлічіе у стіха съ прозою сто́пы, (чемъ Макентінова сістема до подошвы разсорена) которыхъ не одні хореі, но могутъ у насъ быть іамбы, дактілі, і анапесты господственно, а по вольності, спондей, состоящчій ізъ двухъ односложныхъ словъ, вмѣсто хорея і іамба; пірріхій, вмѣсто обѣіхъ же оныхъ стопъ; трібрахій, вмѣсто дактіля і анапеста, хотя сей трібрахій і по вольності, превесьма рѣтко долженствуетъ быть употребляемъ. Чтожъ до *сочетанія* стіховъ касается, о которомъ я какъ прежде всѣхъ упомянулъ, і его вытолковалъ, такъ і імя сіе наложілъ преждежъ всѣхъ, но не отбіваясь далеко отъ прежніхъ нашіхъ стіховъ, не постарался ввесть его въ обшчее употребленіе хотя уже́ самъ і на́чалъ употреблять, і далъ тому прімѣры: то не токмо я претерпѣлъ за него премногіе і жаркіе укорізны; но почітай уже́ і лішенъ, укаряющчіхъ мнѣніемъ, че́сті, пустыя подлінно, однако че́сті за ізобрѣ-

Тоѣсть:
Страхъ ізлішній сей, прошу ізвініть довольно:
Въ буйный штурмъ тонувшій тіхіхъ ужъ боітся водъ.
Рыба, кою уды лесть уязвітъ, і больно,
Мнітъ прі всякомъ кормѣ тотже быть обмана родъ.
Часто вдаль бѣжітъ овца волкомъ пса мечтая,
І лішаясь спроста по́мошчі его тогда.
Ранамъ какъ страшна рука всякая чужая:
Бѣдность такъ страдавшімъ і пустая тѣнь бѣда.
Овід. кн. II. отъ Понта. елег. 7.

теніе і положеніе самаго главнаго і первѣйшаго основанія нашіхъ стіховъ, которое есть, *тоническое количество*: не упоминая того, что почітай всѣ, буде не всѣ *техническія званія* въ стіхотвореніи нашемъ нынѣ употребляемыя, яжъ наіменовалъ. Все сіе г. м., сказано вамъ поістіннѣ безъ самохвальства; да і покорнѣйше прошу, такъ сіе прінять.

Чуж. Пускай такъ будетъ. Но какоежъ бы вы імя наложілі новой вашей буквѣ: ібо Кіріллъ почітай всѣмъ своімъ далъ імена знаменательныя.

Рос. Можнобъ ея назвать *голью*, длятого что сія камка такъ у насъ выговарівается; чегораді і поставлена теперь, на сей бумашкѣ, въ імені ея латінская буква (g), съ которою она сходствуетъ.

Чуж. Нѣтъ, г. м., лучшебъ ея назвать *газомъ*. Імя *голь* бѣдності есть проіменованіе.

Рос. Но кто ізъ нашея братьі і богатъ? Говорятъ веть по латінѣ, что *судейство даетъ честь, докторство богатство, а краснобайство нішчету*. Впрочемъ, я объ імені новой буквѣ не весьма зобочусь: пускай господінъ Употребленіе, буде заблаго рассудітъ ея прінять самъ наложітъ ей імя, і прозоветъ хотя *голью*, хотя *газомъ*, хотя *гаммою*, какъ ему угодно будетъ.

Чуж. Желалъ бы я, чтобъ вы теперь благоволілі вытолковать, какъ оныя буквы, которыя вы назвалі *среднімі*, друшка за друшку подмѣняются.

Рос. Хорошо, г. м. Ізвольтежъ знать, что все і самое іхъ главное свойство не состоітъ въ подмѣнѣ друшка за друшку; но въ томъ особліво, что онѣ какъ не ізъ числа мяхкіхъ, такъ і нетвердыхъ, тоесть, что ні мяхкіе, ні твердыя, да токмо первыя ізъ ніхъ 4

лучше соедіняются съ мяхкімі, а послѣдніе 2 съ твердымі: однакожъ могутъ і всѣ онѣ съ обѣімі оными не худо соедіняться. О соедіненіі буквъ буду говоріть пóслѣ.

Чтожъ касается до іхъ подмѣна; то онъ есть порочный, і проісшелъ частію отъ трудності въ выговорѣ, а частію отъ неѕнанія. Подмѣняются онѣ друшка ѕа друшку тогда, когда одна ѕа другую выговарівается. Напрімѣръ, часто у насъ выговаріваютъ (м) ѕа (н) какъ: *мікіфоръ*, *мікіта*, *міколай*, вмѣсто *нікіфоръ*, *нікіта*, *ніколай* Сей подмѣнъ больше бываетъ въ выговорѣ неѕнаюшчіхъ людей, который какъ не обшчій, такъ і не всегдашній, однако вѕаімность сія между (м) і (н) есть пріродная. Подобножъ подмѣняется (л) ѕа (р), какъ: *секлетарь* вмѣсто *секретарь*, *оларь*, вмѣсто *орарь*, *блатъ* вмѣсто *братъ*, *плаѕнікъ* вмѣсто *праѕнікъ*, *длажню*, вмѣсто *дражню*. Сему пороку хотя подверженыжъ нѣсколько простакі; однако больше картавыі люді, і младенцы. Онъ по греческі наѕывается *λαμβδακίσμος*. Равнымъ же обраѕомъ буква (ц) ѕа (ч) подмѣняется. Такъ напрімѣръ *цадно* ѕа *чадно*, *цасто* ѕа *часто*, *цепецъ* ѕа *чепецъ*, і прочія многія слова. [1]) Сей порокъ наібольше чувствітеленъ въ сáмой подлой

[1] Когда выговаріваемъ мы, ево вмѣсто его; ілі нѣкоторыі, мтіца, вмѣсто птіца: то хотя і подмѣняется тутъ (в) ѕа (г) однако сіі буквы не средніе, і подмѣнъ (в) ѕа (г) не во всѣхъ обшче словахъ бываетъ. Проісходітъ сіе отъ худова употребленія. Чтожъ (м) ѕа (п) нѣкоторыі проіѕносятъ въ словѣ птіца; то не дівно: ібо обѣ сіі буквы одного органа. Однако, і сему прічіна есть неѕнаніе нѣкоторыхъ. Впрочемъ і сей нѣкоторыхъ подмѣнъ неуніверсальный, і не всѣхъ словъ.

черні нѣкоторыхъ провінцій: отчего сіи люди і называются у насъ *цвякунами*.

Однако, хотя я говорю токмо о подмѣнахъ нашего выговора, которыі дѣлаются между сімі среднімі буквамі: толькожъ сіе подаетъ прічіну заключіть, что въ каждой парѣ сіхъ буквъ, каждая буква нѣкоторое пріродное сходство імѣетъ съ друшкою своею. Ібо і въ другіхъ языкахъ (м) за (н), (л) за (р), (ц) за (ч) іногда выговарівaются.

Напослѣдокъ, ясно уже вамъ, г. м., что какое сходство между гласнымі, і двугласнымі нашімі; такоежъ находітся і между согласнымі. Какъ въ оныхъ средіну занімаютъ сходственные между собою буквы; такъ і въ сіхъ сходственныежъ между собою. Ізвѣсно уже вамъ і сіе, что въ первомъ краѣ ізъ сіхъ согласныхъ нѣтъ ешче одноя буквы. Ежеліжъ должно ея ввесть; то (понеже ей надлежітъ быть въ числѣ мяхкіхъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ (к), а сей должно стоять послѣ всѣхъ твердыхъ) не худобъ, кажется, перемѣніть весь порядокъ нашего Алфавіта, і такъ оный расположіть, чтобъ самое его расположеніе показывало въ немъ всѣ объявленныя вамъ сходства.

Посему, должнобъ его расположіть такъ, чтобъ простыі звоны, тоесть гласные буквы, былі по порятку всѣ напереді; занімібъ слѣдовалі способы звоновъ, тоесть согласные, а ізъ сіхъ вопервыхъ мяхкіе; средінубъ, занімалі среднѣе; потомъ бы стоялі всѣ твердые по порятку; но въ замкѣбъ быть всѣмъ сложнымъ, ілі густымъ звонамъ, тоесть, двугласнымъ, сімъ образомъ, ізвольте смотрѣть, какъ я буду пісать, гдѣ уже і новыя, которуюбъ мы хотѣлі ввесть не оставлю буквы:

а.
е.
і.
о.
у.

б.
в.
г.
д.
ж.
ѕ.
ґ.

л.
р.
м.
н.
ц.
ч.

п.
ф.
х.
т.
ш.
с.
к.

я.
е.
ы.
ію.
ю.

Чуж. Позвольте сказать, что я думаю. Сей вашъ вымыслъ подлінно хорошъ, і не́льзя его со всѣмъ по хуліть; но уже́ ізлішно замысловать, а безъ нужды. Мнѣ кажется нѣтъ въ томъ пользы, что исправенъ будетъ порядокъ въ Алфавітѣ: но въ томъ крайняя есть нужда, чтобъ Алфавітъ былъ достаточенъ, какъ въ немъ ні расположены впрочемъ буквы. Тогораді, оставьте, г. м., сей кудреватый замыслъ, і не ворошіте расположенія въ вашей азбукѣ; да пріпадайте только къ ногамъ Употребленію, чтобъ оно благоволіло подтвердіть новую вашу Гамму.

Рос. І я, г. м., не для того вамъ сіе предложілъ, чтобъ сему порятку хотѣлъ быть нынѣ въ нашей азбукѣ. Но ежелібъ онъ былъ сімъ образомъ сперва расположенъ; тобъ подлінно исправность сія была въ немъ довольно правільная, длятого что расположеніе сіе основаніе свое імѣетъ, а не наудачу сдѣлано. Но не захохочетель вы, ежелі я вамъ ешче такой замыслъ открою, который поістіннѣ достоінъ смѣха? Впрочемъ, хотя і боюсь вашея насмѣшкі; однако не могу удержаться і молчать: пускай, какъ у Теренціева Парменона вытекало ложное, такъ вылетітъ изъ моіхъ устъ сіе смѣшное; а іменно: *ябъ всѣмъ нашімъ буквамъ новыя далъ імена.*

Чуж. Какія? Знаменательнѣйшіяль нынѣшніхъ?

Рос. Не знаю, лучшіяль оні будутъ старінныхъ нашіхъ; только знаю, чтобъ лехче іхъ было выговарівать ребятамъ начінаюшчімъ учіться. Оныябъ у меня былі всѣ односложныя.

Чуж. Я віжу, что оні будутъ такія, какія въ латінской азбукѣ.

Рос. Съ того обрасца; однако, въ латінской азбукѣ іногда гласная буква спреді полагаєтся въ односложномъ імені буквы: а у меня всѣмъ гласнымъ должно быть позаді согласныя. Ізвольте слушать, какъ я іхъ буду называть.

а — — а
е — — е
і — — і
о — — о
у — — u по італіанскому, нѣмецкому, і польскому.
б — — ba
в — — we
г — — hi по нѣмецкому, і польскому.
д — — do
ж — — jou по французскому выговору.
ѕ — — za по французскому, і польскому.
Г — — ga
л — — la
р — — re
м — — mi
н — — no
ц — — zu по італіанскому і нѣмецкому.
ч — — cza по польскому, а нѣмецкому tscha.
п — — pa
ф — — fe
х — — chi по нѣмецкому, польскому, і греческому
т — — to
ш — — chou по французскому.
с — — ѕa по польскому, а французскому ça.
к — — ka
я — — ia

е — — іе
ы — — у по польскому густо.
іѫ — — іо
ю — — іu

Чуж. Что ѕа тарабарская подлінно Грамата? Какъ можно удержаться отъ смѣха? Однако нѣльзяжъ і не пріѕнаться, что сей вашъ вымыслъ больше имѣетъ польѕы, нежелі первый о расположеніі літеръ въ азбукѣ. Сію польѕу я ещче далѣе распространяю, нежелі вы токмо до начінающіхъ учіться: я много въ семъ чувствую добра. Не говоря впрочемъ ні о чемъ, да і не мое дѣло, мнѣ понравілось, что тутъ і новой буквѣ імя само собою наложілось. Весьмабъ я желалъ, чтобъ ея прозвалі і всѣ, Га, ежелі ея захотятъ употреблять. Знаю пріпомъ, г. м.. что не первый вы сіе содержіте мнѣніе, чтобъ всѣмъ назіваться літерамъ въ алфавітѣ односложнымі іменамі: Іезуітъ Бюфіеръ во францусской своей Грамматікѣ также говоріпъ, что всѣмъ францусскаго алфавіта літерамъ, которые гласную букву спреді імѣютъ, какъ (f) между прочімі, лучше назіваемымъ быть такъ, чтобъ у ніхъ гласная буква въ імені была позаді, напрімѣръ (fe). Польѕа въ семъ подлінно не одна токмо легость въ выговорѣ для ребятъ: всѣхъ ещче простыхъ ѕвоновъ несказанно способнѣйшее імъ перенятіе.

Однако, г. м., і сей, коль ні полезный вымыслъ, многіі почтутъ непрістойнымъ: не одной, какъ говорятъ, матері дѣті. Есть, коі тотчасъ увідятъ въ семъ дѣльность. Но многоль будетъ такіхъ? Первый, другій, і ещче нѣсколько; а потомъ і обчестся надобно. Больше найдется, такіхъ, которыі, не понявъ сего

хорошенько, засмѣютъ васъ впрахъ: а не желающчіі вамъ добра, какіхъ невозможно каждому не имѣть, также і худое имѣющчіі о васъ мнѣніе, (длятого что не всякъ каждаго тонко знаетъ; больше славѣ доброй ілі худой о каждомъ вѣрятъ, которая въ семъ случав также ешче бываетъ по модѣ, какъ і платье) можетъ быть потшчатся і не просто смѣяться надъ вамі; но чтобъ смѣхомъ своімъ і чувствітельный вамъ здѣлать вредъ.

Оставьте г. м., і сіе; пускай буквы ваші старыя імена імѣютъ: вашей ортографіі нѣтъ въ семъ дальныя нужды. Інако, і хорошое она свое съ худымъ смѣшаетъ, і будетъ въ ней хотя *кадка меду, но лошка дехтю*. Благоволіте лучше ізъясніть мнѣ, какъ вы отъ свойства согласныхъ вашіхъ буквъ производіте правіла всему вашему выговору. Вы недавно о семъ говорілі, почті і обѣшчалісь.

Рос. Благодарствую, г. м., за ваше нравоученіе. Однако я нікогда не імѣлъ намѣренія нашімъ буквамъ перемѣніть імена: сего нынѣ нікакая ужé сіла учініть не можетъ; дѣлать было сіе съ самаго начáла. Я вамъ только доношу, что лучшебъ, ежелібъ імъ даны былі імена такія. Знаю, г. м., что много такіхъ, которыі і хорошему смѣются, ежелі оно не по іхъ вкусу, не меньше і такіхъ, коі і худому і доброму насмѣшкамі своімі не спускаютъ; сіежъ длятого, чтобъ показать, что оні во всемъ сілу знаютъ, і умѣютъ рассуждать. Третій родъ людей, а сіхъ всѣхъ больше, всегда [1])

[1] Faciunt nae intelligendo, vt nihil intelligant.
Terent. in Prol. Andr.

почітай худое выбіраютъ, а пренебрегаютъ хорошее. Ізъ сіхъ, кажется мнѣ, і я самъ, длятого что я за хорошія імена буквамъ, негодныя вамъ претставілъ. Но прошченія прошу: я вамъ за неправное сіе, очень полезнымъ заплачу, іменножъ, такъ вамъ проізведу чістый нашъ обшчій выговоръ, отъ своійства нашіхъ согласныхъ, что подлінно вамъ будетъ пріятно.

Чуж. Устойтежъ въ словѣ; то і прошчу і то ешче съ сімъ уговоромъ, буде такъ праведно проізведете, что нікто ізъ вашіхъ споріть въ томъ не отважітся.

Рос. Кажется мнѣ, что такъ прідетъ. Однако сего не знаю, весь лі я навсе выговоръ могу ізъясніть. Можетъ быть, что ешче нѣчто для другіхъ ортографшіковъ останется.

Чуж. Довольно съ меня, ежелі по большой часті оныій ізъясніте. А буде, по шчастію, такъ вамъ і удастся; то я подлінно пріпісывать вамъ первому буду въ семъ імя [1]) і честь ізобрѣтателя.

Рос. Я ні мало не стараюсь объ імені семъ: онобъ імѣло быть пустое. Мнѣ хочется, чтобъ хорошенько істолковать хотя і начало токмо къ тому: будутъ люді, которыі къ малому прібавятъ.

Чуж. Ізвольтежъ, прошу: я уже не терпѣлівно желаю.

Рос. Непремѣнно не преміну ісполніть по вашему желанію. Тогораді, внімать только прілѣжно, і я васъ прошу.

Прежде нежелі прістуілю къ неложнымъ, какъ мнітся, правіламъ на согласные буквы, должно мнѣ

---

[1] A potiori fit denominatio.

повторіть вамъ обстоятельнѣе, но вкратцѣ, о нѣкоторыхъ премѣнахъ гласныхъ і двугласныхъ въ выговорѣ нашемъ. І такъ, врассужденіі сіхъ надобно по́мніть 1) *что въ московскомъ выговорѣ всѣ (о) неударяемыі за (а) проіносятся.* Прімѣръ: *малако́* вмѣсто *молоко́.* Сіе наблюденіе есть безъ ізъятія, да і не я его сдѣлалъ, но нѣкто ізъ нашіхъ весьма довольнаго ученія человѣкъ, котораго я къ себѣ дружбу почітаю. 2) *что нѣкоторыі (а) неударяемыі, проіносятся въ простомъ выговорѣ за (е): а когда оні своею звона і безъ ударенія не лішаются; то можно думать отчасті, что коренный (а) въ тѣхъ словахъ* есть *ударяемый, ілі сеї (а),* есть *(о).* Прімѣръ: *чесы* за *часы, празнество* отъ *пра́зную; предлагаю, предложілъ, предлогъ.* Наблюденіе сіе подвержено ізъятіямъ. 3) *Что самыі простыі наши выговорѣ (е) ударяемыя, ілі лучше* (ѣ) *ударяемыя, побольшоі ча́сті, мѣняетъ на двугласную (іѣ): а когда і съ удареніемъ не мѣняетъ; то вѣроятно можно думать, что въ тѣхъ складахъ употребляемо было сперва у насъ ударяемое (е): когдажъ (е) славенское ударяемое і понынѣ, мѣняется въ нашемъ на (я) ударяемоежъ; то съ велі́кою вѣроятностію можно сказать, что іссгарі у насъ въ такіхъ словахъ (е) былі* (ѣ) *ударяемыя. Подтверждается сіе нѣкоторымі языкамі отъ славенскаго проісшедшімі.* Прімѣръ: *совіѣтъ* за *совѣтъ; ілі лучше* за *совѣтъ; вѣрно* за *вѣрно; меня́, тебя́, себя́* за *мене́ тебе́ себе́* вмѣсто *менѣ, тебѣ, себѣ.* 4) *что (і) коренныя і больше неударяемыя, часто въ нашемъ выговорѣ превращаются въ (е) гласныя.* Прімѣръ: *пѣвчей* за *пѣвчіі, начінанеі* за *начінаніі.* 5) *что (я) больше неударяемыя, перемѣняются въ нашемъ нынѣшнемъ выговорѣ часто на* (ѣ) *неударяемыяжъ.* Пріі-

мѣръ: *лѣдунка* sa *лядунка*, *кнѣіна* sa *княіня*, ілі *княгіня*. *б) что коренныя* (е) *неударяемыя мѣняются частожъ въ простонародномъ выговорѣ на* (*і*). Прімѣръ: *сказываітъ*, *повелѣваітъ*, *прікаsываітъ*, sa *сказываетъ*, *повелѣваетъ*, *прікаsываетъ*. 7) *что* (*ы*) *коренное нашего языка многажды превращается въ* (*о*). Прімѣръ: *оной*, *которой*, *іsвѣсной*, sa *оный*, *который*, *іsвѣсный*. 8) *Напослѣдокъ*, *надобно помніть*, *что нѣтъ ніедінаго у насъ сло́ва*, *которое начіналось бы съ* (*ы*): *также і что какъ* (*о*) *не мѣняется въ* (*у*) *і протівно такъ і* (*іо̀*) *въ* (*ю*) *і протівно*. Іsъ сіхъ наблюденій втораго, третіяго, четвертаго, пятаго, шестаго, седьмаго, і осмаго я могу наsваться первымъ прімѣчателемъ, длятого я ні у кого іsъ нашіхъ понынѣ о семъ не слыхалъ.

Впрочемъ, г. м., сіі наблюденія, кромѣ перваго не моего, не толь генеральны, чтобъ многімъ не подлежалі выключеніямъ, і прі томъ не столько і важны, чтобъ объ ніхъ многожъ стараться надлежало: по са́мой большой ча́сті такой выговоръ есть неісправный, і отъ праведнаго чістаго всеконечно удалівшійся. Однако, могутъ оні нѣкоторый пода́ть свѣтъ къ опредѣленію нашіхъ удареній, какъ мнѣ кажется.

Но не обінуясь доношу; я почітаю sa нѣчто іsрядное і полеsное выговоръ нашъ, составляемый согласнымі нашімі буквамі: можетъ быть по самолюбію, для того что поістіннѣ не sнаю, чтобъ кто прежде меня выдумалъ сіе, і проіsвелъ въ дѣло по воsможності. Будежъ кто былъ прежде меня; то совѣсно могу увѣріть, что нікто мнѣ о семъ нікогда не токмо трудовъ своіхъ не собшчалъ, но і не вспоміналъ, такъ что все предлагаемое посемъ вамъ отъ меня, проіsведено ток-

мо моімі одного давнышнымі ужé о томъ размышленіямі, а объемлетъ оно едвалъ не весь нашъ чістый, і справедлівый выговоръ.

Чуж. Что мнѣ нужды, г. м., кто у васъ прівелъ подъ правіла чістоту вашего выговора: мнѣ вы обязались только предложіть оныя правіла. Пускай Сідоръ, пускай Карпъ потшчался о семъ прежде всѣхъ: мнѣ кто ні попъ, тотъ батька.

Рос. Господі церковь, а въ ней попъ! Развѣ всегда і вездѣ правда ненавісна [1])? Я вамъ сушчую доношу правду.

Чуж. Не всегда і не вездѣ правды не любятъ; но всегда і вездѣ самохвальство бранятъ [2]).

Рос. За толікую мѣлочь ежелі я самъ себя не похвалю; то кому іному нужда меня похваліть? А я, подлінно, думалъ о семъ долго.

Чуж. Сколькобъ вы головы о семъ ні ламалі; однако совѣтую впредь ні хваліть себя, ні также хуліть: первое показываетъ тшчеславнымъ человѣка, а другое не умѣюшчімъ обходіться съ людьмі. Должно быть всѣмъ услужну, і такъ себя сдѣлать, чтобъ всѣмъ, ілі многімъ быть нужну: а награжденія за услугі вешчественнаго, ілі состоящаго токмо въ похвалѣ, терпѣлівно надлежітъ ожідать отъ другіхъ.

Рос. Велікую вы, г. м., правду изволіте говоріть: я отнюдь не преміну употреблять ея въ мою пользу. Но чтобъ я себя предъ вамі похвалілъ, въ томъ изві-

---

[1] Veritas odium parit.

Terent. Andr.

[2] Propria laus sordet.

ніть прошу мою неосторожность: істінно впредь таковъ не буду.

Чуж. Ispядно: довольно въ asбукѣ нравоученія. Тогораді, пріемемся пакі sa нея.

Рос. Не sнаю, г. м., могуль я вамъ теперь хорошенько iзъясніть обѣшчанное: толь мнѣ стыдно самому́ себя стало, что внутренняго моего смятенія не могу і отъ васъ утаіть.

Чуж. Бодрствуйте, г. м.: sнакъ добрый: істінное есть ваше раскаяніе; слѣдовательно, непремінуемое іспрaвленіе. Для ободренія выкушайте чарку воткі.

Рос. Кажется мнѣ, что сколько вы хорошъ былъ учітель въ нравоученіі; столько добрымъ хотіте быть докторомъ і въ лѣченіі болѣзней. Подлінно, у насъ въ радості вотка, въ печалі вотка, отъ многіхъ болѣзней вотка почітай́ вездѣ лѣкарствомъ: но я, г. м., воткі нікогда не пью.

Чуж. Інъ нічего не пів оправьтесь.

Рос. Лѣкарство сіе для меня всѣхъ лучше; да я ужъ нѣсколько і въ состояніе пріхожу, і готовъ іспольніть вамъ данное мое слово.

Чуж. Безъ всѣхъ хлопотъ і ладно.

Рос. Самыхъ главныхъ пра́вілъ, касающічіхся до чістаго нашего выговора только два, которыя не імѣютъ нікако́ва iзъятія; толь оні генеральны!

I.

Выговоръ россійскій соединяетъ мяхкіе буквы съ мяхкімі, а твердые съ твердымі.

Сія есть прічіна, что мы выговаріваемъ сіі слова́ напрімѣръ, *бесславіе, одбіваю, істекать, sъ болѣзнію, натъ хоромамі, опшіть, потсылаю, претпочелъ, -восхітілъ, ніскій, рассуждаю*, вмѣсто пішемыхъ смотря на корень, *безславіе, отбіваю, істекать, съ болѣsнію, надъ хоромамі, обшіть, подсылаю, предпочелъ, воsхітілъ, ніsкій, раsсуждаю.*

Прічемъ, сіе надлежітъ прімѣчать, что всегда коренная буква господствуетъ надъ другою, і дѣлаетъ ея того класса, котораго она сама, тоесть мяхкая, ілі твердая.

II.

Слова́, кончашчіяся на мяхкіе согласные, хотя чреsъ (ъ) отолшчаемыя ілі отончаваемыя, чреsъ (ь), россійскій выговоръ всѣ окончаваетъ на твердые буквы.

По сей прічінѣ, сіі пішемыя слова́, напрімѣръ, *бобъ, петровъ, порогъ, вредъ, мужъ, о́браsъ, рогъ*, мы выговаріваемъ, *бопъ, петрофъ, поро́хъ, вретъ, мушъ, о́брасъ, рокъ.*

Два сіі, толь небольшія пра́віла, объемлютъ весь нашъ чістый нынѣшній выговоръ. Слѣдуюшчія пра́віла, которыхъ будетъ съ пять шесть, касаюшчіхся также до нашего выговора, положатся sа нѣкоторыя воспослѣдованія іsъ сіхъ двухъ.

III.

Іsъ средніхъ буквъ, двѣ первые па́ры, а іменно (лр) (мн), лучше соедіняются съ

мяхкімі; а послѣдняя (цч), охотнѣе съ твердымі: хотя впрочемъ і съ тѣмі, і съ другімі безразборно і не противно выговору соединяться могутъ всѣ трі пáры.

ПРІМѢРЪ 1.

влагаю лучше, нежелі *флагаю;*
врагъ лучше, нежелі *фрагъ;*
обманъ лучше, нежелі *опманъ;*
іздавна лучше, нежелі *ісдафна.*

ПРІМѢРЪ 2.

офца лучше, нежелі *овца;*
что лучше, нежелі *чдо.*

ПРІМѢРЪ 3.

Непротівножъ і *флагъ*, і *прахъ*, і *хмель*,і *снесть;* также і *цвѣтъ*, і *чванъ.*

Прі семъ надлежітъ прімѣчать, что коренною, ілі характерістіческою буквою, всегда бываетъ въ словѣ средняя буква.

IV.

Буквы (д) ілі (т), предъ (ц) ілі (ч); (s) ілі (с), предъ (ж) ілі (ш), всегда слівают-ся съ (ц) ілі (ч), съ (ж) ілі (ш).

ПРІМѢРЪ.

Пішется *молодца*, говорітся *молоцца.*
Пішется *прітча*, говорітся *прічча.*
Пішется *пріѣзжій*, говорітся *пріѣжжій.*
Пішется *восшествіе*, говорітся *вошествіе.*

V.

Буквы (дѕ) ілі (дс), (тѕ) ілі (тс) предъ какоюбъ ні–былі согласною, ісчезаютъ, а вмѣсто себя оставляютъ букву (ц) въ складѣ.

ПРІМѢРЪ.

Пішется *персідскій*, *египетскій*.
Говорітся *персіцкій*, *египецкій*.
Равнымъ образомъ і вездѣ індѣ.

VI.

Буквы (ж) ілі (ѕ), ілі (с) предъ (ч), всегда превращаются въ (ш).

ПРІМѢРЪ.

Надобнобъ *возможчі*, говорімъ *возмошчі*.
безчінІЕ, *бешчінІЕ*.
счастІЕ, *шчастІЕ*.

Відіте, г. м., что которыі утверждаютъ, бутто буква славенская (щ) есть наші (сч), тѣ противъ нашего выговора утверждаютъ: буква (ч) толь не любітъ отлучаться отъ (ш), что въ простомъ выговорѣ почітаіі всегда, будучі предъ (н), сама ізмѣняется въ (ш) какъ: *нарошно*, *прошно*; ѕа *нарочно*, *прочно*, і прочая. Сія есть і прічіна, что (шча) імя буквы нашея, ѕдѣлалась у насъ ѕа славенскую, (шта), а по імені буквы і выговоръ.

VII.

Буква (к) предъ (к) і (г), ожесточается

въ (х) въ предлогахъ: а такъ чаю і індѣ, ежелі есть у насъ сего составленія слова.

ПРІМѢРЪ.

Говорітся *хъ кому*, *хъ королю*, хъ Ґраматамъ.
Пішется *къ кому*, *къ королю*, къ Ґраматамъ,

VIII.

Буквы (ж) (ч) (ш) велікое імѣютъ сопротівленіе соединяться съ двугласнымі, также і съ знáкомъ отонченія (ь).

ПРІМѢРЪ.

жалость, а не *жялость*.
часть, а не *чясть*.
шатеръ, а не *шятеръ*.
жестокъ, а не *жьстокъ*.
челюсті, а не *чьлюсті*.
шесть, а не *шьсть*.
вешчъ, говорітся а не *вешчь*.
чудо, а не *чюдо*.

Сія есть пріčина, что по буквахъ сіхъ слѣдующчее (е) ударяемое, которому было по большой чáсті надлежало премѣняться въ (іо), обращчается по большой же чáсті въ (о); какъ: *пріжогъ* вмѣсто *пріжéгъ начолъ* вмѣсто *начéлъ*, *ушолъ* вмѣсто *ушéлъ*. Прісемъ надлежітъ знать і сіе, что нѣтъ у насъ нашіхъ словъ, въ которыхъ бы буквы (г. х.) (Ґ. к.), соединялісь спреді съ двугласнымі. Sa сімъ, тѣмъ бітчеломъ, г. м.; устоялъ лі я вамъ въ словѣ?

Чуж. Нéльзя не сказать, чтобъ въ семъ много хорошаго і полезнаго нé-было. Ежелі сіі прáвіла по-

длінно весь чістый вашъ нынѣшній выговоръ объемлютъ; то надобно прізнаться, что онѣ не токмо несказанно нужны для насъ чужестранныхъ, но много і для вашіхъ. Однако, г. м; коль онѣ ні нужны, ні полезны, і ні обшчі, только всѣ противъ вашея ортографіі, а особліво противъ перваго вашего ортографіческаго устава. Ібо кто пішетъ напрімѣръ *предпочітаю, петровъ, указъ, восшествіе, прітча, еіпетскій, счастіе, къ которому, вешчь*, а выговарівaетъ *претпочітаю, петрофъ, укасъ, вошшествіе, прічча, еіпецкій, шчастіе, хъ которому, вешчъ:* тотъ органіческаго проіsношенія въ ортографіі не наблюдаетъ, но іsображаетъ по проізведенію свої слова.

Рос. Какъ скоро, г. м., предложілъ я вамъ самое первое правіло о чістомъ нашемъ выговорѣ; то і началъ дожідаться сего вашего сопротівленія. Но оно, г. м., повідімому только твердое: самымъ своімъ содержаніемъ ні мало не пріводітъ въ колебаніе моѭ ортографію. Когда вамъ говорілъ я сегодня, чрезъ все сіе время, что надобно пісать по проізведенію? Не всегдаль то только і твержу, что по звону іsображать слова должно; что такая токмо ортографія есть правільнѣе; что все прочее мудрованіе есть одна только школьная хітрость? Не вездѣль пріводілъ Квінтіліана, который говорітъ, *такъ пісать надлежітъ, по моему мнѣнію, какъ звонъ требуетъ: ібо должность буквъ въ томъ состоітъ, чтобъ чітателямъ отдавать слова, какъ закладъ?* Не сіель самое іsображаетъ і первое мое основаніе; *каждая буква, какъ буква, содержітъ сама въ себѣ ту прічіну, чего ради полагается в томъ наіпаче мѣстъ слога, нежелі въ другомъ?* Не такъ

точно по разуму, который есть во всемъ праведнѣйшій судія? Чтожъ больше? Дерзновенно скажу: кто когда можетъ меня выбіть изъ-за сего окопа, или лучше, пробіть хотябъ не большой проломъ въ мою крѣпость?

Но дѣйствітельно пішутъ інако, а говорятъ інако, вы предлагаете. Пішутъ; да не должно такъ пісать, я отвѣтствую. Ложныі былібъ всѣ знакі нашего гóлоса, ежелібъ імъ значіть, по человѣческому произволенію, обшче въ какомъ народѣ подтвержденному, тотъ точно голосъ, а вмѣсто іхъ, для изображенія тогожъ гóлоса, іныі употреблять. Надобнобъ для сего быть другому согласію, то есть, чтобъ напрімѣръ буквѣ (п) быть буквою (б), равнымъ образомъ і всѣмъ прочімъ наоборотъ, или інако. А понеже сіе другое согласіе есть ужé невозможное морально, какъ говорятъ Філософы, то есть, невозможное не по сущчеству своему, но по положенію обшчему, і твердому: то какое въ насъ справедлівое радѣніе о начінаюшчемъ учіться отрочествѣ? Не обманываемъ лі мы іхъ посему, посадівъ за азбуку, говоря, что (ба) есть (ба) а не (па), і не (та), а натвердівъ імъ сіе съ велікою трудностію, потóмъ учімъ выговарівать, *указъ* есть *укасъ* а не *указъ*? Что можетъ наібольше противно быть срѣлому разуму, а къ дѣтямъ любві, горячести, і попеченію объ ніхъ нашему? Взвѣстежъ важность прічінъ, для которыхъ мы такъ обманываемъ своіхъ дѣтей: то і усмóтріте, что или угождаемъ Грамматістамъ, которыі ізлішно мудруя началі такъ пісать; или подражаемъ греческому языку, а нашъ есть славено-россійскій; или утверждаемся на образцѣ латінскіхъ ортографій,

которые і самі съ греческагожъ образца, въ нашей безполезнаго; ілі напослѣдокъ слушаемся такъ называемыхъ Педантовъ, которыі катонскою важностію, і какъ толстымъ, такъ і тіхімъ голосомъ, ізмѣреннымъ ешче прітомъ по лінѣйкѣ ціркулемъ, і по компасу на румбъ поставленнымъ, опредѣляютъ, что *корень всѣхъ словъ всѣмъ есть очень нуженъ*. Но не нуженъ корень въ ортографіі, о! Вы господа́ преізящныі: нѣтъ ей дѣла до знаменованія словъ: она разсуждаетъ только о буквахъ і складахъ. Пускай доісківаются кореня въ словахъ тѣ, которыі далѣе мудрствуютъ ортографіі.

Чуж, Стойте, г. м.: я не Педантъ. Какъ хотіте вы і съ німі. Однако, слово *предпочітаю* напрімѣръ пішутъ такъ, а выговарівають *претпочітаю*, тоесть, (д) пішутъ, а выговарівають (т). Сіе праведно, і бесспорно: ібо і ортографія также *обыкновенію служітъ*, [1]) какъ любімыі вашъ говорітъ оныйже Квінтіліанъ.

Рос. Служітъ, г. м.. ортографія обыкновенію, да *часто она і перемѣняется*, [2]) тоесть, длятого перемѣняется, что обыкновеніе хочетъ, какъ въ премногіхъ разумныхъ головахъ і пісателяхъ, наібольше съ разумомъ быть согласно: інако весь бы способъ пісанія былъ слѣпо, на угадъ, і на отвагу. Ібо ежелі разумъ такъ рассуждаетъ, для общаго нашего согласія, что (съ) не значітъ (зъ), а въ словѣ напрімѣръ о́бразъ выговарівается (съ): то разумъ непреодолѣемое імѣ-

---

[1] Verum orthographia quoque consuetudini seruit. lib. I. cap. 7.

[2] Ideoque saepe mutata est. Id. ibid.

ѣтъ право требовать, чтобъ пісать *обрасъ* а не *образъ*. Чегожъ ради? Длятого, что не токмо должность буквъ состоітъ въ томъ, чтобъ звоны ізображать чітателямъ, і отдавать іхъ, какъ закладъ, но ешче *способъ пісанія і соєдіненъ съ выговоромъ*,[1]) какъ ізображаюшчійся пісаніемъ, по разумному рассужденію тогожъ Квінтіліана.

По моєму мнѣнію, нічего основательнаго не можно здѣсь сказать, какъ что надобно нѣкоторое только показывать въ семъ сніходітельство многімъ ізъ всего обшчества, которыі пішутъ по проізведенію, і длятого не толь быть ісправну въ органіческоій ортографіі: понеже есть і такіі, которыі думаютъ, что органіческія ортографіі непреодолѣмая правда, есть токмо нѣкоторое тшчеславное себя оказаніе, буттобъ і премудрыій способъ пісанія по кореню, не-былъ ізлішноежъ чванство глубокімъ знаніемъ, а бесполезнымъ въ ортографіі, проізведенія.

Но быть такъ: съ людьмі, надобно жіть по людскі. Должно поступать не всегда срого: іногда больше пріносітъ пользы угожденіе. Однако, і сему угожденію надлежітъ быть не льстівому: тоесть, не такому, чтобъ правду называть крівдою, а чорное бѣлымъ. Въ моемъ случае, угожденію сему должно состоять въ попушченіі, пісать нѣкоторыя слова по кореню, которыя ешче не пішутся по органу: ібо много уже іхъ, коі у насъ нынѣ пішутся по органу. Однако всегда твердіть, что способъ пісанія по проізведенію есть не толь ісправенъ, коль оныій, которыій по органу.

---

[1] Nam et scribendi ratio coniuncta cum loquendo est. Id. lib. I. cap. 4.

І понеже писаніе по произведенію весьма есть вредно чистотѣ выговора; а въ чистомъ выговорѣ колікая есть важность, знаютъ всѣ, кои часто въ превелікій стыдъ пріходятъ за странный свой выговоръ, такъ какъ і въ Аѳінахъ Теофрастъ закраснѣлся предъ жонкою, назвавшею его за не аттическій выговоръ иноземцомъ: тогораді, надлежітъ его прівесть подъ нѣкоторыя общчія, лехкія, і немногочісленныя правіла. Что самое я і учінілъ, какъ мнѣ кажется, ілі потщчался токмо поводъ къ тому подáть, і начáло положіть, буде не весь чістый нашъ выговоръ імі обнялъ. Прітомъ, яснымі словамі должно сказать, что правіла сіі служатъ по то время только, пока ешче не началі писать многія словá по органу. Ібо, г. м., я не отчаяваюсь, чтобъ въ нѣкоторое время не сталі всѣ у насъ писать, ешче і учоныі, ізъ которыхъ катоноватѣйшіі, позвольте учоное слово, наібольше хорохорятся противъ звоновъ. Нѣжный дамскій выговоръ, давно ужé у насъ звоны наблюдаетъ. А дамы кого себѣ не заставятъ, не прісілівая впрочемъ, послѣдовать? Ібо і господá учоныі веть не деревяныі. Съ другой стороны не весьма мудрыі наші писателі, наібольше пішутъ вездѣ по звонамъ: ібо самая прірода всеобщчаго произношенія, къ сей исправності іхъ пріводітъ. Органъ, г. м., органъ сіленъ токмо въ орографіі: произведеніе полезно, но не въ правописаніі.

Чуж. Бесспорно, г. м., что органическая ортографія есть простяе, і потому исправнѣе і совершеннѣе, нежелі въ которой наблюдается корень і произведеніе: Нéльзя не сказать, чтобъ она не была какъ пра-

ведная, такъ і хорошая: ібо она во всемъ подражаетъ натурѣ выговора. Однако. . . .

Рос. Сіе *однако* у васъ ѕначітъ обыкновеніе, которое когда утверждается на разумѣ, также прівыкшемъ рассуждать о натурѣ выговора такой точно, какая она отъ всеобщаго согласія сдѣлалась, і не токмо представляющемъ себѣ ея ідею чрезъ посредство слуха, но і чрезъ чувство очей: то не можетъ не быть праведное, і удовольствываюшчее правдою своею разумъ какъ слышашчій, такъ і відяшчій ізображенное ѕнакамі проіѕношеніе, согласное съ собственною его пріродою. Но ежелі оно полагаетъ свое основаніе на неосновательной ѕатвердѣлості, ілі на почтеніі, на преѕрѣніі, на упрямствѣ, на стояніі ѕа чью нібудь сторону, на ѕашчішченіі друговъ, на желаніі все на своемъ поставіть, і говоріть прітомъ, *такъ братъ Фома, а я противно* мудрствую: [1]) то такое обыкновеніе совершенное есть прістрастіе, а не подражаніе натурѣ выговора.

Чуж. Но вы самі, г. м., не противъ одного Фомы, но противъ бесчісленныхъ братовъ мудрствуете.

Рос. Однако я мудрствую не въ указъ тѣмъ бесчісленнымъ господáмъ; да ешче і попушчаю імъ такъ, какъ оні ізволятъ, і самъ съ німі согласно тоюжъ польѕуюсь вольностію. Я только всѣмъ доношу съ почтеніемъ, что ѕа органическую ортографію самъ стоітъ разумъ: а ежелі пісать по проізведенію; то надобно быть перемѣнѣ въ ѕнакахъ, тоесть, (ф), должно быть (в), і прочая. Я толь великое імѣю стараніе уго-

[1] Sic frater Thomas, ego vero contra.

діть всѣмъ, нікого не презірать, і ні съ кѣмъ не разбіваться, что, пока ешче вестісь будетъ ортографія старінная, длясего і правіла оныя вымыслілъ о чістомъ нашемъ выговорѣ, которыя не токмо соблюдаютъ наше пріродное проіsношеніе, но ешче подаютъ намъ средство і къ опредѣленію раздѣленія складовъ въ словахъ. Ізвѣсно вамъ, уповаю, что раздѣленіе складовъ въ словахъ, есть ізъ знатнѣйшіхъ і нужнѣйшіхъ ортографіческіхъ употребленій, которое пріпомъ і во всемъ нашемъ стіхотвореніі превесьма дѣйствітельно.

Чуж. Не ушто і сія безделушка імѣетъ, по вашему мнѣнію, нѣкоторыя основанія, по которымъ надлежітъ поступать?

Рос. І я также сперва думалъ, что прі разделеніі складовъ нашіхъ довольно знать, что ежелі, между двѣмя гласнымі ілі двугласнымі, будутъ двѣ согласныя; то первую согласную надлежітъ относіть къ первой гласной ілі двугласной, а другую къ послѣдующчей. Но не столько сіе просто, сколько мнѣ, не хотѣвшему о семъ рассуждать поглубже, сперва казалось.

Чуж. Прошужъ, г. м., і сіе мнѣ ізъясніть. Пускай голова моя будетъ ізобільно набіта сегодня всею ортографіческою філософіею.

Рос. Подлінно, г. м., хотя ребячья сія філософія; только не безъ мудростей, такъ что, говоря съ Квінтіліаномъ, [1]) *онь не токмо отроческій разумъ ізощрять*

[1] Quae non modo acuere ingenia puerilia, sed exercere altissimam quoque eruditionem ac scientiam possit
Lib. I. cap. 4.

могутъ, но і высочайшей наукъ упражненіе дать, находятся въ состояніи.

Чуж. Не говорілъ лі я вамъ, ешче сначала нашего разговора, что вы ортографіческімі размышленіямі напрасно стыдітесь.

Рос. О! Что до сего; мнѣ і теперь не токмо васъ, но і себя стыдно: а стыдно не для того, чтобъ ортографія недостойная была вешчь, но что я, і у насъ, объ ней рассуждаю. Желалъ бы я самъ пользоваться въ семъ трудамі кого нібудь другова, а не свої выдавать для другіхъ.

Чуж. Я сего не разумѣю: не загаткіль ізволіте говоріть?

Рос, Развѣ у васъ нѣтъ Сфінкса. чтобъ отгадать?

Чуж. Мнѣ кажется, вы желаете, чтобъ лучше смѣялісь всѣ надъ кѣмъ другімъ, а не надъ вамі.

Рос. Не то, г. м., не то: я разумѣю, что всякъ бы другой; а особліво такой, который бы обшче за способнаго во всемъ, ілі во многомъ, почітался не токмобъ обстоятельнѣе сіе проізвелъ; но прідалъ бы къ проізведенному нѣсколько ешче і важності. Бесспорно всегда і вездѣ, что одно слово, одінъ мігъ, одінъ головою ківъ такóва человѣка дѣлаютъ больше, нежелі цельі періоды подобнаго мнѣ.

Чуж. Ежелі періоды будутъ хорошіі; то і періодчікамъ хýда не будетъ.

Рос. Въ томъ то, г. м., і сіла дéла, что какъ я самъ не хватаю съ неба звѣздъ: такъ і всѣ моі періодішкі по землѣ только ползаютъ, такъ что въ густой травѣ іхъ не відно. А какъ покажутся, ежелі сільнымъ дожжомъ грязь съ себя когда смоютъ, і покажутся съ ортогра-

фіческімъ содержаніемъ: то не всякъ лі можетъ сказать, *что то за подлінникъ безъ копіи!*

Чуж. Не бойтесь, г. м.; не всякъ періоды ваші назоветъ *подлінникомъ безъ копіи:* іной і подліннікомъ іхъ не взвелічаетъ, да почтітъ только копіею, который увідітъ, съ чего вы іхъ іногда спісываете. Надѣйтесь впрочемъ, что какъ не всѣ ортографію вашу будутъ хваліть, такъ не всѣжъ і браніть. Полно о семъ: пора разд҃ѣлять склады.

Рос. Інъ когда такъ, то такъ; что будетъ, то будетъ: а мнѣ не разд҃ѣлівъ складовъ, не перестать. Тогоради і начінаю говоря, что *каждому складу предъ҃лъ есть гласная ілі двугласная. Сей предъ҃лъ іногда бываетъ съ нача́ла слога, іногда въ средінѣ, іногда на концѣ. Когда съ нача́ла, то всѣ послѣдующіе согласные къ нему прінадлежатъ: когда въ средінѣ, то предідущіе і послѣдующіе: когда на концѣ, то всѣжъ предідущіе.* Прімѣръ: *одръ, родъ, жило.* Ежелібъ весь нашъ языкъ состоялъ только изъ односложныхъ словъ; тобъ больше сіхъ наблюденій до сего і не касалось. Но понеже есть у насъ слова́ двусложныя і многосложныя: то слѣдуетъ, что въ словѣ находітся не одна гласная ілі двугласная, но двѣ, і трі, і больше, изъ которыхъ каждая есть предѣломъ своему слогу; і потому, согласнымъ, находящімся между онымі гласнымі ілі двугласнымі, надобно прінадлежать ілі къ предідущей изъ оныхъ гласныхъ, ілі къ послѣдующей, Въ семъ са́момъ [1]) і состоітъ вся сіла разд҃ѣленія складовъ.

[1] Est etiam in diuidendis verbis obseruatio, mediam literam consonantem priori, an sequenti syllabae adiungas, Quinctil. lib. I. cap. 7.

Чтобъ знать, къ предідушчей лі гласной, ілі послѣдуюшчей согласные прінадлежатъ; то должно слѣдуюшчее помніть, а іменно:

I.

Ежелі въ простыхъ, тоесть, несложныхъ словахъ, между двѣмя гласными, ілі двугласными, ілі между гласною і двугласною, найдется одна буква согласная; то оная прінадлежать долженствуетъ ко второй, тоесть къ послѣдуюшчей гласной, ілі двугласной: прічіна сему, натура нашего проізношенія. *Прімѣръ*: о-на, а не он-а.

II.

Буде также въ простыхъ словахъ, между двѣмя гласными, ілі двугласными, ілі между гласною і двугласною, найдутся двѣ буквы согласные; то равнымъ же образомъ обѣ прінадлежать долженствуютъ къ послѣдуюшчей: ібо что дѣйствітельно для одноя согласныя, то самое въ равномъ же употребленіі і для двухъ. *Прімѣръ*: ка-ждый, а не каж-дый.

Ізъ сего прáвіла выключать надобно.

1) Когда двѣ буквы согласные будутъ одінакіе обѣ, тоесть, ілі двоі (б), ілі два (д) і прочая, то одна ізъ сіхъ долженствуетъ прінадлежать къ предідушчей гласной, а другая къ послѣдуюшчей: прічіна сему легость выговора. *Прімѣръ*: Ав-ва, а не А-вва.
2) Когда двѣ буквы согласные будутъ разные, такъ что одна ізъ мяхкіхъ, а другая ізъ твердыхъ; то долженствуютъ между собою разлучаться къ предідушчей і къ послѣдуюшчей гласной: ібо россійскій выговоръ соединяетъ мяхкіе съ мяхкімі, а твердые съ твердымі. *Прімѣръ*: скоб-ка, а не ско-бка; губ-ка, а не гу-бка.
3) Ізъ средніхъ буквъ, хотя первые двѣ пáры, а іменно (лр) (мн) долженствуютъ лучше соединяться съ мяхкімі какъ спреді, такъ і послѣдуя мяхкой, а тре-

тія послѣдняя, тоесть, (цч) съ твердымі такімже образомъ: однако всѣ трі пáры могутъ съ мяхкімі і твердымі соединяться, і отъ ніхъ разлучаться къ предідушчей гласной, ілі къ послѣдуюшчей. Прічіна сему, третіе прáвіло на чістый нашъ выговоръ. *Прімѣръ*: вре-дно, і вре-дно; пе-рвый, і пер-вый. Междужъ собою, первыя пáры могутъ і соединяться і разлучаться; но послѣднія всегда долженствуютъ быть раздѣляемы къ предідушчей і послѣдуюшчей.

4) Буквы (д) ілі (т) предъ (ц) ілі (ч), а (s) ілі (с) предъ (ж) ілі (ш), прінадлежатъ къ предідушчей, по прічінѣ четвертаго прáвіла о чістомъ выговорѣ. *Прімѣръ*: молод-ца, а не моло-дца; пріт-ча, а не прі-тча; прівsжій, а не прів-sжій; вос-шествіе, а не во-сшествіе. Посему, буквы (ц) (ч) (ж) (ш) всегда прінадлежатъ къ послѣдуюшчей гласной спреді, кромѣ что самі между собою разлучаются: і то ешче такъ, что, (ж) і (ш) нікогда не отдѣляются отъ (ч).

5) Буквы (д) ілі (т) предъ (s) ілі (с), прінадлежатъ, по сілѣ пятаго прáвіла о чістомъ выговорѣ, къ послѣдуюшчей гласной. *Прімѣръ*: госпо-дскій, а не господскій. Посему буквы (s) і (с), прінадлежатъ спреді къ послѣдуюшчей гласной, тоесть, хотя і начінаютъ самі новый слогъ, однако прінадлежатъ къ предідущей гласной предъ (ж) ілі (ш), тоесть раздѣляются съ німі, по сілѣ четвертаго ізъятія, а начальною буквою не бываютъ въ новомъ слогѣ пóслѣ (д) і (т), посілѣ сего.

6) Когда ізъ буквъ (ж) (s) (с) (ц) (ш) прілучатся въ складѣ такімъ образомъ, что іхъ двѣ которыхъ нібудь вмѣстѣ непосредственно стоятъ; то одна прінадлежать долженствуетъ къ предідушчей, а другая къ послѣдуюшчей, по сілѣ перваго, втораго, четвертаго і пя-

таго ізъятія. *Прімѣръ*: мерс-скій, а не мер-сскій; сосцы, а не со-сцы.

7) Буквы (ж), (ѕ) (с) (ш) непосредственно находящіѣся предъ (ч) въ складѣ, всегда і непремѣнно пріпадлежатъ съ нимъ къ послѣдующей гласной, по пріічінѣ шестаго правіла о чістомъ выговорѣ. *Прімѣръ*: общчество, а не обш-чество. Равнымъ образомъ і прочіе.

III.

Пріі раздѣленіі складовъ надлежітъ почітать за главнѣйшее основаніе сіе, что ежелі которые согласные начінаютъ самый первый складъ въ словѣ, то тѣ і въ срединѣ начінаютъ же новый складъ, тоесть, не къ предідушчей, но къ послѣдующей пріпадлежатъ гласной. Пріічіна сему основаніе свое імѣетъ на пріродѣ выговора: ібо что выговоръ соединяетъ сначала, того не раздѣляетъ і въ срединѣ. *Прімѣръ*: по-слѣ, длятого что есть слово, въ которомъ сначала (с) съ (л) соединяются, а іменно: *слѣдъ*.

IV.

Когда будутъ трі, ілі четыре согласныхъ между двѣмя гласнымі; то всѣ долженствуютъ пріпадлежать къ послѣдующей гласной: ібо что праведно для одноя согласныя, то праведно і для многіхъ въ семъ употребленіі.

Однако, надлежітъ наблюдать всѣ оныя седмь ізъятіій, которыя вамъ, г. м., ізъяснены, какъ я предлагалъ о двухъ токмо согласныхъ, находящіхся между двѣмя гласнымі. Слѣдовательно, імѣетъ быть такое пріі семъ случае раздѣленіе, что іногда двѣ ізъ согласныхъ пріпадлежать будутъ къ предідушчей, а одна токмо къ послѣдующей і противнымъ образомъ; іногда по-двѣ на обѣ стороны разлучатся, а іногда трі останется пріі первой, а одна токмо соединітся съ послѣдующею, і также противнымъ образомъ.

Сіі пра́віла раѕдѣленія касаются токмо до простыхъ словъ: но въ сложныхъ слѣдуюшчее наблюдать должно.

V.

Сложныя слова́ должно сперва раѕдѣліть на тѣ ча́сті, іѕъ которыхъ оні слагаются; а слагаюшчіхъ частей склады надлежітъ дѣліть по предложеннымъ выше пра́віламъ, наблюдая прітомъ всѣ іѕъятія.

Прімѣръ обшчій:

На ѕа-шчі-ту смі-рен-ну ру-ку про-стрі съ вы-сотъ отъ враговъ пре-ѕрѣн-ну по-ве́-лі-ко-сті шче-дротъ і шчедротъ да-руй спо-собъ іѕ-ба-влюсь, і іѕ-бав-люсь, Воѕ-не-сі рогъ про-сла-влюсь і про-слав-люсь родъ чу-жіхъ какъ буйнъ водъ шумъ бы-стро съ во-племъ і воп-лемъ на-бѣга-етъ не-мошчь мо-ю ру-га-етъ, прі-е-млетъ, і ем-летъ въ баснь.

Чуж. Какая штука! нікогдабъ я не могъ подумать, чтобъ на раѕдѣленіе складовъ столько надобно было наблюденій!

Рос. Правда, г. м.; всякъ съ перваго вѕгляду скажетъ, что раѕдѣленіе складовъ само собою тотчасъ поѕнавается: но въ са́мой вешчі хітровато оно. Я что ні доносілъ вамъ о семъ раѕдѣленіі, то все утверждено на пра́вілахъ о чістомъ нашемъ выговорѣ, такъ что, ежелі тѣ пра́віла тверды, то і раѕдѣленіе сіе основательно.

Чуж. Прімѣтілъ я, что оно на тѣхъ пра́вілахъ основано. Но прітомъ я мню, что оныя пра́віла о чістомъ вашемъ выговорѣ, не токмо служатъ къ одному раѕдѣленію складовъ, но і къ раѕдѣленію на классы всѣхъ вашіхъ літеръ.

Рос. Не безъ правды і сіе, г. м.

Чуж. Посему, ешче у васъ много будетъ іменъ літерамъ, сверьхъ обыкновенныхъ названій.

Рос. Должно быть другімъ іменамъ; однако всѣ оні содержаться імѣютъ подъ обыкновеннымі, то-есть подъ ГЛАСНЫМІ, СОГЛАСНЫМІ, і ДВУГЛАСНЫМІ, такъ что сіе імъ раздѣленіе есть первое, і главнѣйшее.

Чуж. Знаю ужé я, что гласныхъ [1]) у васъ только 5, двугласныхъ столькожъ. Но согласныхъ 19. А ежелі прінято будетъ (Г) ; то согласныхъ быть імѣетъ 20 чісломъ.

Рос. Гласнымъ і двугласнымъ нѣтъ другіхъ раздѣленій. Но согласные должно дѣліть, рассуждая разныі іхъ способы звоновъ, которыі онѣ означаютъ, і органъ, коімъ онѣ произносятся.

Чуж. Какъ же все сіе?

Рос. Въ рассужденіі способовъ, согласные, по первому раздѣленію, могутъ названы быть СХОДСТВЕННЫМІ, і НЕСХОДСТВЕННЫМІ.

Сходственныхъ 14.

б. в. г. д. ж. з. Г. к. п. с. т. ф. х. ш.

---

[1] Гласные могутъ называемы быть, самогласнымі, простымі, свѣтлымі, отверстымі: но двугласные сложнымі, густымі і полуотверстымі. Въ двугласныхъ нашіхъ сіе особліво наблюдать должно, что онѣ хотя по начертанію і сложные; однако по звону простые, то-есть, одножъ только время употребляется на іхъ произношеніе, такъ что онѣ праведно гласныежъ, но густые.

Несходственныхъ 6.

л. м. н. р. ц. ч.

По второму раѕдѣленію онѣ мяхкіе, твердые, средніе, сліваемые, сліваюшчіе, подмѣняемые, ішчеѕаюшчіе, превращчаемые, превращчаюшчіе, ожесточаемые, ожесточаюшчіе, і сопротівляюшчіеся.

мяхкіхъ 7.	б. в. г. д. ж. ѕ. Ѓ.
твердыхъ 7.	п. ф. х. т. ш. с. к.
средніхъ 6.	л. м. н. р. ц. ч.
сліваемыхъ 4.	д. ѕ. с. т.
сліваюшчіхъ 4.	ж. ц. ч. ш.
подмѣняемыхъ 1.	ц.
ішчеѕаюшчіхъ 4.	д. ѕ. с. т.
превращчаемыхъ 3.	ж. ѕ. с.
превращчаюшчіхъ 1.	ч.
ожесточаемыхъ 2.	Ѓ. к.
ожесточаюшчіхъ 1.	х.
сопротівляюшчіхся 3.	ж. ч. ш.

Что до органа ілі орудія, коімъ согласные проіѕносятся; то, по третіему раѕдѣленію, надлежітъ іхъ наѕывать ѓубны́мі, зубны́мі, яѕыко́вымі, не́бнымі і гортаннымі.

Ѓубны́хъ 5.	б. в. м. п. ф.
ѕубныхъ 5.	д. ѕ. с. т. ц.
яѕыко́выхъ 3.	л. н. р.
не́бныхъ 3.	ж. ч. ш.
гортанныхъ 4.	г. Ѓ. к. х.

Слѣдовательно, г. м., старінныя раѕдѣленія нашімъ

буквамъ, описанныя въ грамматікахъ славенскіхъ, всѣ учінены не по своéйству нашіхъ буквъ, но по своéйству греческаго выговора, і стіхотворнаго іхъ употребленія Ібо подлінно нѣтъ у насъ ні *трігласныхъ*, ні *четверогласныхъ*, ні *прігпряжногласныхъ*, ні *свойственныхъ*, ні *несвойственныхъ*, ні *долгіхъ*, ні *краткіхъ*, ні *двувременныхъ*, ні *полгласныхъ*, ні *безгласныхъ*, ні *обоягчающіхъ*, ні *тáемыхъ*, ні *сугубыхъ*, ні *сугубствующіхъ*, ні *странныхъ*. Буквы наші всѣ подглаву почітай странныя, длятого что побольшой чáсті греческіе, отчасті еврейскіе, і отчасті коптіческіе [1]).

Чуж. Вы правду ізволіте говоріть, длятого что у грековъ въ стіхотворной мѣрѣ всегда іные буквы долгіе, какъ всѣ двугласные, а ізъ гласныхъ (η) ω), іные всегда краткіе, какъ (ε) (ο), а іные всегдажъ двувременные; ілі обшчіе, какъ (α) (ι) (υ); также і ізъ согласныхъ, іные по пріродѣ краткій слогъ обшчімъ дѣлаютъ, і длятогожъ тáемые, іные сугубые, потому что краткій слогъ дѣлаютъ долгімъ, і прочая: то грамматісты ваші і у васъ тожъ самое раздѣленіе положілі, буттобъ і въ вашемъ стіхотвореніі

[1]) Преполезная кніга (которую продолжаютъ сочінять нѣкоторое целов собранів ученыхъ людей на аглінскомъ языкѣ, подъ іменемъ *Універсал-ныя Історіі*, переведенныя недавно на французскій, і состоящія уже́ въ 8 велікіхъ томахъ въ полдесть) предлагаетъ намъ въ первомъ своемъ томѣ весь коптіческій Алфавітъ. Въ немъ точно находятся фігуры сіхъ нашіхъ буквъ (щ) (ч). Тогоради, почітай достовѣрно можно сказать, что премудрый Кірілъ взялъ іхъ ізъ сего наіпаче Алфавіта, предая славянамъ азбуку.

тожъ самое было, что і въ греческомъ, врассужденіи буквъ і складовъ.

Рос. Кто о семъ сомнѣвается, г. м.? І кому не ясно, что все сіе мудрованіе оныхъ грамматістовъ нашіхъ есть пустое, і намъ странное і не надобное: ібо ні по дѣйству, ні по страданію нашіхъ буквъ въ слогахъ, тоесть, ні по какой іхъ тамъ должності наложены імъ тѣ дікія імена. Чегораді, нужда настала разд'ѣліть іхъ такъ, какъ онѣ у насъ въ слогахъ дѣйствуютъ, ілі страждутъ, тоесть, какую онѣ должность отправляютъ, і называть іменамі сходнымі съ нею, і ея ізъявляющімі, прітомъ же і рускімі.

Но довольно і предовольно, г. м., о буквахъ і складахъ. Прошу не погнѣваться, что я васъ утруділъ толь многімі ребячьімі ігрушкамі: правду сказать, я уже́ і самъ усталъ.

Чуж. Не ізвольте ізвіняться мнѣ, г. м.: вы меня право попремногу одолжілі ізъясненіямі вашімі, не оставляя і самыхъ мѣлкіхъ подробностей. Вы онымі хорошій кругъ сдѣлалі, такъ что начавъ буквамі, імі і скончалі. Многімъ вы мнѣ, касающімся до ортографіи, наполнілі голову: чегораді, я не удівляюсь, что вы моглі устать, пріисківая то новыя доказательства на старыя употребленія, то подтверждая новое новымъ, то старое іное показывая недѣйствітельнымъ въ новомъ обыкновеніи. Я вамъ крайно благодарствую за все сіе

Но, г. м., ешче позвольте себя спросіть, ежелібъ вамъ дано было позволеніе, сію матéрію іздать въ народъ тісненіемъ; то въ какомъ бы вы іздать ея похотѣлі відѣ

Рос. Я точно такъ бы ея пустилъ въ свѣтъ, какъ я съ вами имѣлъ честь разговаривать, то есть, напечаталъ бы ея разговоромъ; такъ что і ізъ всѣхъ бы вашіхъ словъ ні одного не оставилъ.

Чуж. Пошчадіте, г. м.! Что вы вздумалі! Кстатіль і моі всѣ рѣчі печатать! Я столько надѣлалъ погрѣшеній противъ вашего ясыка, что больше нельзя: впухъ меня засмѣютъ. Развѣ вы не ізволіте объявіть мое імя, ілі всѣ моі погрѣшенія поправіть благоволіте.

Рос. Ошібочекъ вашіхъ поправлять не буду, а імя утаю: однако назову чужестраннымъ праведно. Мнѣ желается такъ все сіе пустіть въ печать, какъ дѣйствітельно мы говорілі, то есть, безъ всякіхъ украшеній, і вітіеватыхъ періодовъ: ібо прірода разговора [1]) сего не терпітъ. Но вы напрасно боітесь на-

---

[1] Нѣкто не неславный нынѣшній писатель, слѣдующія предаетъ правіла о стілѣ разговоровъ, говоря, что, какъ всякій стіль, въ которомъ много кудрей, есть непріятенъ; такъ особліво разговорный. Его не одні токмо краткіі украшаютъ періоды, но наібольше прірожное убранство, нелюбящее дальныя нѣгі. Разговоры съ велікою пріятностію начінаются нѣкоторымъ вымышленнымъ случаемъ, который чемъ способнѣе подаетъ пріступъ къ намѣренію, тѣмъ лучше і пристойнѣе. Но вжелі разговаріваюшчіхъ рѣчі долѣе надлежашчаго проізводятся въ немъ; то въ скуку пріводятъ онѣ чітающчаго: тогораді, часто по чередамъ должно імъ говоріть, длятого что сіе услаждаетъ; і слѣдовательно, частожъ надлежітъ возвращчаться къ дѣлу. Не рѣткожъ сомнѣніе нѣкоторое, ілі вопросъ, подаютъ пристойный случай къ разговору: но дѣйствітельнѣй-

смѣшекъ: вамъ, какъ чужестранному, всѣ будутъ снісходіть, ѕная, что чужому человѣку невоѕможно не погрѣшать, говоря не пріроднымъ яѕыкомъ. Все такое, і ешче другое премногое, гроѕітъ только мнѣ, какъ пріродно рускому. Всѣбъ вы карандаші переломалі, ежелібъ ѕахотѣлі счісліть недостаткі, которыі находіть будутъ въ моемъ сочіненіі.

Чуж. Не ушто вамъ не будетъ чувствітельно, какъ нѣкоторому Сто́іку, когда васъ будутъ шчіпать то съ той, то съ другой стороны́.

Рос. Сколько ні будетъ чувствітельно, но необходімо терпѣть должно, чтобъ ешче і яѕвіть не сталі вмѣсто шчіпковъ.

Чуж. Чемъ же оні васъ порочіть станутъ, не можноль ѕаранѣе угадать вамъ?

шій есть вопросъ длясего, буде онъ употребленъ кстаті, і іскусно. Чтожъ до свяѕанія въ раѕговорѣ; оное есть преіѕрядное, которое вешчі такъ между собою соедіняетъ, какъ подаетъ случай, смотря на послѣднія раѕговаріваюшчаго слова́. Сему роду стіля, раѕумные і острые рѣчі, прісловія, і полстішія, также не іѕдалека вѕятые Аллегоріі, Епіфонемы, і краткія ѕаключенія, несказанную подаютъ красоту, і дѣлаютъ въ немъ пріправу. Я не длятого объявляю сіі пра́віла, чтобъ почваніться самому́ моею въ ніхъ ісправностію: я подлінно не смотрѣлъ на ніхъ, чегораді многажды і не́-былъ согласенъ съ німі, хотя впрочемъ я іхъ пріѕнаваю самымі основательнымі. Пра́віломъ мнѣ было, моея пріроды устремітельство. Буде оно неісправное, какъ і не думаю, чтобъ ему во всемъ быть правому; то въ томъ моя віна, і себя не ѕашчішчаю. Однако, я другіхъ сімі остерегаю, а особліво учашчіхся, чтобъ оні не удалілісь отъ пра́вілъ.

Рос. Бутто нѣчемъ! Іной станетъ хуліть вымыслъ і способъ разговора; іной, стіль мой въ немъ; іной, порядокъ і расположеніе; іной, соединеніе і связаніе; іной, і самую нашу матерію. Тотъ будетъ находіть великія і частыя погрѣшенія противъ языка; сей найдетъ ихъ ешче больше во мнѣніяхъ; а третій обличать імѣетъ і незнаніемъ. Да тольколь того? Будутъ і такіи, которыі длятого только все поріцать імѣютъ, что я сіе сочінілъ, хотя прітомъ і не унічіжатъ себя точнымъ объявленіемъ, что імъ въ моемъ сочіненіі неугодно: впрочемъ, устремілісь бы оні і хваліть, ежелібъ не знали, что я, а не другоіі кто, съ вами разговарівалъ. Тогораді, нѣкоторыі говоріть будутъ, что не способенъ я былъ къ ізбранію словъ, длятого что вмѣсто *діалекта*, поставілъ *языкъ;* вмѣсто *іноземца*, *чужестраннаго*, вмѣсто *рускаго*, *россіанина*, а вмѣсто *пословіцы*, *прісловіе*. Іныі найдутся і благосклонныі, і не все подвергнутъ своеі крітікѣ: нѣчто імѣютъ доброхотно і похвалять. Но оніжъ съ часъ спустя то будутъ хуліть, что хвалілі, а хваліть, что хулілі. Другімъ непристойно покажется, что *прідворный богато наряженный*, а гулялъ у меня въ рошчѣ съ книгою і тетратью въ рукахъ, какъ переплетчікъ какой, ілі подьячеі; да къ томужъ ешче і безъ лакеевъ, і безъ новоманѣрныя клюшкі. Охотнікі до стіховъ часто будутъ повторять, *чегораді я сію пьесенку не стіхамі здѣлалъ;* і какъ вы г. м., вошлі пожаловалі ко мнѣ, то *не закрічалъ дѣтінъ, чтобъ онѣ подалъ вамъ стулъ, да только просілъ сѣсть ілі тутъ, ілі гдѣ вамъ угодно будетъ: а сімъ непростімое учінілъ погрѣшеніе противъ правілъ великаго Корнелія*, імен-

ножъ противъ трехъ единствъ, *мѣста, времени і дѣйствія.* Словомъ, какъ превеликое множество моихъ будетъ погрѣшеній; такъ бесчисленное і похуленіе, котораго мнѣ всего невозможно придумать.

Чуж. Посему, много будетъ і такихъ, которыі порочіть васъ станутъ за то, что вы въ сей своей героіческой поемѣ, прозою, какъ Телемакъ, сочиненной, не укрылі отъ дожжа Енея съ Дідоною въ пешчерѣ: ібо сіе преступленіе не противъ Корнелія і Раціна; но учінено противъ главнѣйшаго изъ рімскіхъ стіхотворцовъ Віргілія.

Рос. Однако, я не уповаю, чтобъ весьма многіі нашлісь такіі, которыібъ почлі сей нашъ общчіі разговоръ за комедію, трагедію, оду, епопею, пѣсенку, ілі за оперу і потомубъ хулілі меня за то, что мы разговаріваюччіі въ немъ не Арлекінъ, і не Брігелла наперснікъ его, ілі уже не пастушо́къ і пасту́шка: я больше думаю, что едваль і одінъ сышчется толь премудрый на меня крітікъ. Того ради, не сіхъ я боюсь наібольше; но нѣжно смысляшчіхъ сілу въ разговорѣ, которымъ не мы разговаріваюччіі не імѣемъ понравіться, но нехорошство нашіхъ разговоровъ: ібо оні будутъ говоріть, что разговору должно быть натуральну, а именно такому, какоі былъ, прі всѣхъ удівітельныхъ похожденіяхъ, между скітаюччімся рыцаремъ Донкішотомъ, і стремяннымъ его Саншею-Пансою. І потому непріятно імъ будетъ, что нѣтъ въ нашемъ разговорѣ ні єдіныя епістолії, сочиненныя прекраснымъ слогомъ, і къ отданію надлежашчія Дулцінеѣ дю-Тобозо.

Чуж. Вы уже́ меня перешчеголялі, отгадываніемъ

всѣхъ имѣющіхъ быть похулокъ на нашъ разговоръ. Но сумбуръ сей і шутку на-сторону. Я думаю, что, ежелі вы подлінно такъ іздать намѣрены, какъ мы разговарівалі, благоразумные і просвѣщенные особы могутъ справедліво негодовать на нашу плодовітость, длятого что, бессомнѣнія, можно было всѣмъ сімъ ізъясненіямъ быть весьма кратчайшімъ. Пріітомъ, могутъ негодовать также і на угадываніе сіе похулокъ на насъ, длятого что оно вѣтреное, і пустое.

Рос. Самая сущчая правда, г. м. Не такое въ насъ во всѣхъ совершенство, чтобъ благорассуднымъі просвѣщеннымъ особамъ, почітаемымъ какъ за свое достоінство, такъ непрезіраюшчімъ всеконечно і другіхъ, і пріітомъ твердо увѣреннымъ объ общчеи человѣческой слабості, чтобъ такімъ, говорю я, особамъ не найті чего къ поправленію въ чужіхъ сочіненіяхъ. Сіи, поістіннѣ, многіе найдутъ прямые погрѣшности въ нашемъ разговорѣ, которыхъ я предъ німі нікогда зашчішчать не буду; но ешче і крайно благодаріть імъ імѣю, ежелі оні мнѣ благоволятъ наставленіе подáть къ ісправленію моему впредь. Все іхъ рассужденіе, длятого что оно всегда въ ніхъ непріітворное, употреблю въ мою пользу: напомінаніе іхъ будетъ мнѣ ненарушімымъ правіломъ въ сочіненіяхъ, і потшчусь, обрашчать іхъ нѣжныій вкусъ въ сокъ і кровь во мнѣ, какъ говорітся.

Толікаго ученія, і толікія мудрості особы, не могутъ не увідѣть, что плодовітость наша въ разговорѣ длятого особліво была, что матерія его не токмо тошча і не сочнá, но ешче і вся школьною растворена

горестію, такъ что нималыя въ себѣ не имѣетъ пріятныя і слаткія пріправы, прілічныя гражданскімъ учтівымъ рассужденіямъ: чего ради, і надлежало намъ часто отступать отъ сілы дѣла, і вносіть посторонное, дабы нѣсколько развеселіть угрюмость содержанія; а сіе самое і возрастіло, больше надлежащаго, нашъ разговоръ.

Увідятъ оныї просвѣщенныі люді, что я, ізданіемъ въ свѣтъ точныхъ нашіхъ словъ, тщчался угодіть какъ тѣмъ, которымъ надобна будетъ одна сіла токмо вещчі; такъ і другімъ, коі любятъ чітать нѣчто забавное только, а не тонкостеи ісполненное: не раздражатся оні, что і іхъ саміхъ нѣжность какъ всегда къ лучшему клоняшчуюся, всепрілѣжно старалісь мы престерегать, соединяя, сколько возможно, съ полезнымъ веселое, і услугою сею почтеніе наше імъ свідѣтельствовать.

Чтожъ до угадыванія нашего о будушчіхъ похуленіяхъ меня; можетъ лі отъ проніцанія тѣхже просвѣшченныхъ особъ утаіться, что угадывалі мы не разума лішівшісь, но заблаговременно отвѣтствуя въ ігрѣ вертопрашнымъ і тшчеславнымъ охуждателямъ? Вѣдаютъ оні, что много і у насъ такіхъ мудрецовъ, которыі охуждаютъ, не зная прямо что оні охуждаютъ: такъ какъ многііжъ ізъ сіхъ похваляютъ іногда бывшую въ храмѣ проповѣдь, а спросівшему у ніхъ объ ученіі слова отвѣтствуютъ, *незнаю о чомъ говорено, только очень хорошо.* Сіхъ людеи какъ хула смѣшна, такъ і похвала недѣйствітельна. Что смѣха достоіно, то глумясь і самому прістоіньѣе отражать.

Съ другоі стороны, увідятъ іскусныі, что разго-

вору нашему театръ былъ моя хіжінка, что въ ней насъ было только двое; і потому, моглі мы, не безъ прілічності, на уединеніі такъ между собою разговарівать, какъ намъ обоімъ друзьямъ угодно было. Чего, і какъ не говорітся тогда, когда нѣтъ, по прісловію, лішніхъ бревенъ? І понеже мы нічего того между собою не говорілі, которое ілібъ стыдно было выговоріть, ілібъ вредно, ілібъ, напослѣдокъ, недолжно: тогоради, не сомнѣваюсь, чтобъ іскусныі люді не заключілі, когда будутъ чітать всѣ точныя наші слова, что нашъ разговоръ не далеко, по крайней мѣрѣ, отстаетъ отъ прілічности, положівъ обстоятельство нашего уединенія.

У сіхъ людей і на прямые моі неісправности такаяль будетъ крітіка, какая у первыхъ оныхъ? Обыкновенно она быть імѣетъ у добрыхъ твердая, мѣрная, учтівая, рассудітельная, полезная, ісполненная правоты, і преізобілующая наставленіемъ. Но у тѣхъ гнілая, ізлішная, вредная, тщеславная, злая, язвітельная, пристрасная, скрежешчушчая ненавістію, і пѣняшчаяся неістовствомъ. У сіхъ больше всегда уста отверсты на вопль: но у добродѣтельныхъ какъ благополучное чело преізбыточествуетъ однімъ праведнымъ і срѣлымъ рассужденіемъ разума; такъ і рассмотрѣніе іхъ всегда съ благосклонною бываетъ тіхостію.

Чуж. Опамятуйтесь, г. м.; ілі уже прібавьте къ вашему высокопаре́нію і Ціцероново сіе: [1]) *что такъ*

---

[1] Quid tam est commune, quam spiritus viuis? terra mortuis? mare fluctuantibus? litus eiectis? Ita viuunt, dum

есть обычее, какъ духъ жівымъ? Земля мертвымъ? Море погружаемымъ? Берегъ ізверженнымъ? Такъ (отцеубійцы зашітыи въ кожаный куль, і брошеныі жівыі въ воду) жівутъ, пока жіть сільны, что съ неба себѣ воздуху на дыханіе получать не могутъ: такъ умірають, что кости іхъ къ земли не прікасаются: такъ утопаютъ, что нікогда омочіться имъ не можно: такъ напослідокъ ізвергаются, что мертвыі оні ні прі камняхъ покойно не пребываютъ. Что вамъ вздумалось употребіть такія слова прі мнѣ одномъ? А особліво Крітіку *преізобілующую наставленіями*, і Крітіку *скрежешчущую ненавістію, і пьяшчуюся неістовствомъ:* также і *благополучное чело преізбыточествующее срѣлымъ рассужденіемъ*? Кто все сіе безъ негодованія стерпѣть можетъ въ разговорѣ, въ которомъ надобна только одна дружеская іскренность въ простотѣ? І понеже вы хотѣлібъ, іздать всѣ точныя наші слова: тогораді, я васъ прошу, не печатать сего, что вы мнѣ теперь толь великолѣпно ізволілі говоріть. Крітіка і *преізобілующая наставленіями, съ благосклонною тіхостію*, справедліво можетъ перемѣніться *въ преізбыточествующую опорочіваніемъ*, что вы толь высоко залетѣлі подъ небеса, і ешче съ устремітельнымъ жаромъ, который холодняе всякія зімы: она і меня, по правдѣжъ, пошчадіть не дол-

possunt, vt ducere animam de caelo non queant: ita moriuntur, vt eorum ossa terra non tangat: ita iactantur fluctibus, vt numquam abluantur: ita postremo eiiciuntur, vt ne ad saxa quidem mortui conquiescant.

Ціц. за Секст. Росц. Амер. чісл. 72.

жна, думая, что я вамъ сего не отговарівалъ. Но что уже́ оная дѣлать имѣетъ, которая, по вашему, *скрежещетъ, і плачется?* Нѣтъ, г. м., не извольте сего издавать: я, поистиннѣ не играя, не хочу съ вами терпѣть напрасно отъ обѣихъ оныхъ Критикъ.

Рос. Подумайте, г. м., і сами, имѣетель вы причину за сіе гнѣваться. Я подлинно знаю, что вы поучены реторикѣ: тогораді, толковано вамъ въ неи, что, по Аристотелевой ораторіи, во всякой орациі въ началѣ *учтивая трусость*, [1]) въ срединѣ *дѣло*, [2]) а въ окончаніи *возбужденіе страстей* [3]) первенствуютъ. Тогораді, чемъ інымъ возбуждаются въ заключеніи страсті, какъ не великолѣпными і высокопарными словами? Мыбъ испортілі всю нашу орацію, ежелібъ я прі окончаніи нашея матеріи, толь великолѣпно не возшесся, такъ что всѣбъ Критікі справедлівѣе моглі сказать, что наша орація не по формѣ: нѣтъ де въ ней высокія і сільныя подвіжности сердцамъ.

Я притомъ пріемлю смѣлость і попенять на васъ, длятого что вы меня подсмѣялі Цицероном непрілічно, а именно, взявъ слова, которыя онъ употребілъ въ орациі за Секста-Росція *въ утвержденіи* своемъ. Мы уже́ въ *заключеніе* вступілі нашея орациі: тогораді, хотябъ вамъ і посмѣяться надомною Цицероновою высокостію, однакобъ надлежало взять его слова также изъ заключенія какова, напримѣръ сіі послѣднія, изъ окончанія его за Аннія-Мілона [1]) *васъ прошу і*

---

[1]) ἦθος. [2]) Λόγος. [3]) Πάθος.

[1] Vos oro obtestorque, iudices, vt in sententiis ferendis, quod sentietis, id audeatis. Vestram virtutem, iusti-

молю, о! судіи, да смѣете вершіть сіе дѣло не обінуясь такъ, какъ вы самі въ себѣ разсуждать будете. Вашу непорочность, правосудіе, вѣрность, повѣрьте мнѣ, тотъ наібольше подтвердіть имѣетъ, кто назначеніемъ судей каждаго ізъ васъ предобраго і премудраго, і совершенно великодушнаго ізбрать потщался. Ежелібъ вы сімі толь прілічнымі словамі поігралі надомною; то какъ бы господамъ Крітікамъ не сказать, что куда де сеи іноземецъ разуменъ!

Чуж. Умілостівітесь, г. м.; какую мы орацію говорілі, ілі говоримъ? Разговаріваемъ мы і теперь, да только подружескі, і въ уединеніі просто: а особліво, я нігдѣ не возлеталъ.

Рос. Правда; разговоръ нашъ не орація: однако онъ шелъ нѣкоторымъ образомъ по всѣмъ частямъ орації. Было въ немъ, *мню я, что вы, о! судіи, удіваляетесь.*[1]) Было также, *Но чтобъ вамъ способнѣе понять.*[2]) Было і то, чему краткому быть должно, а іменно, *Трі вещі, по моему мнѣнію,*[3]) і прочія. Было, і гдѣ разуму надлежітъ себя показать, тоесть, *Что за человѣкъ! Молотчікъ лі поврежденныхъ нравовъ?*[4]) Было напослѣдокъ, что і пристрастія возбуждать должен-

---

tiam, fidem, mihi credite, is maxime probabit, qui, in iudicibus legendis, optimum, et sapientissimum, et fortissimum quemque legit.

Ціц. за Анн. Міл. гіс. 105.

[1] Credo ego vos, iudices, mirari.

[2] Atque vt facilius intelligere possitis. [3] Tres sunt res, quantum ego existimare possum. [4] Qui homo? adolescentulus corruptus?

ствуетъ, напрімѣръ: *Чего больше хочешь? Чегораді гонішь? Чегораді нападаешь?* [1])

Чуж. Я сего, право, понять не могу, чего раді вы говоріте isъ целыя Ціцероновы ораціі сіі слова́.

Рос. Какъ не можете понять? Сіе sначітъ, что нашъ разговоръ імѣлъ также *еksордіумъ* ілі нача́ло, которое я наsову прі печатаніі вступленіемъ. Імѣлъ онъ нѣкоторый родъ і *пропоsіціі*, ілі предложенія, когда я вамъ доносілъ, о расположеніі мате́ріі нашего разговора. Первая часть есть *наррація*, ілі повѣствованіе. Вторая нечто іное, какъ *конфірмація*, ілі самое докаsательство. Третію какъ інако можно наsвать, что не *конклуsіею*, тоесть sаключеніемъ? Въ семъ то я і воsнесся толь высоко; а вамъ сіе не нравітся напрасно.

Чуж. Іsвініте, г. м.; я отъ всего сего ру́кі мо́ю: какъ іsволіте. Однако смотрі́те, чтобъ sа весь вашъ сей вымыселъ, не больше вамъ претерпѣть отъ *благосклонныя тіхості*, нежелі отъ *пѣняшчагося прысканія*.

Рос. Ахъ sло! Въ такое вы меня прівелі состояніе, праведнымъ вашімъ сопротівленіемъ, что я уже́ больше не могу вамъ не открыть того, что і самъ также чувствую о высокопарныхъ моіхъ оныхъ іsображеніяхъ. Я, какъ скоро іхъ выговорілъ, тотчасъ увідѣлъ, что оні не кстаті употреблены. Какой же есть способъ, воsвратіть наsадъ, что однажды вылетѣло? Сколько я ні старался оправдіть себя предъ вамі: но оправданіе мое только къ тому послужіло, что, мо-

---

[1] Quid vis amplius? Quid insequeris? Quid oppugnas?

жетъ быть, я і во всю мою жізнь імѣю слыть у васъ школьною только мухою.

Чуж. Тоесть, г. м., хотѣлось вамъ вывернуться; да і самі увідѣлі, что нікакъ нѣльзя. Таково то все недѣльное! сколько оно ні укрываетъ себя відомъ благопрістойності; но наконецъ прінуждено бываетъ скідать съ себя лічіну. Ага! Я і не відалъ, какъ ночь подкралась. Такъ то мы немношко побесѣдовалі! Но прі благодареніі вамъ должномъ, за все ваше прі-ятство, і учтівство, я уже́ поднялся, і прімлю смѣлость, взять свой отъ васъ абшітъ.

Рос. Не такъ вдругъ торопітесь, г. м.; извольте ешче позабавіться у меня: время, кажется, не весьма позно.

Чуж. Нѣтъ, г. м.; часъ уже́ есть въ ісходѣ десятый: да і правда, изволіте на моіхъ часахъ відѣть. Какъ бы не попасть подъ караулъ.

Рос. Статошноѣль дѣло! відятъ кто ідетъ добрый человѣкъ.

Чуж. Не толь способно распознать можно, коль вы думаете: і у бездільніка хѣра на лбу не напісано.

Рос. Однакожъ . . .

Чуж. Однакожъ, мнѣ время какъ дать вамъ покой, такъ і самому́ во своясі убраться.

Рос. Когда такъ; то больше волі вашей не протівлюсь. Но прітомъ покорнѣйше прошу, і впредь меня не оставлять посѣщеніемъ вашімъ.

Чуж. Наскучу, можетъ быть, г. м, такъ что і не раді вы мнѣ будете. Прошужъ, і ко мнѣ когда пожаловать: я уже́ живу въ десятой лінѣе.

Рос. Ваше прісутствіе нікогда мнѣ протівно быть

не можетъ: а я не преміну исполніть мою должность, і отдамъ вамъ мой поклонъ, можетъ быть на нынѣшніхъ дняхъ.

Чуж. Тѣмъ вы меня чувствітельно обязать изволіте. Засімъ, г. м., оставайтесь съ Богомъ.

Рос. Благодарствую, г. м., что не изволілі погнушаться моею компаніею.

Чуж. Останьтесь же, г. м., прошу: далѣе не извольте ходіть: дальніі проводы, лішніе слезы, говорітся: я не сойду съ сего мѣста, пока вы не возвратітесь.

Рос. Ето моя должность, г. м.: позвольте мнѣ быть въ неіі исправну.

Чуж. Воля ваша. О! г. м., і ешче! Істінно вамъ трудно: извольте возвратіться лішнее уже для меня.

Рос. Для мілаго друга, семь верстъ не околіца, г. м.

Чуж. Попремногу одолжаете. Шчасліва добра ночь!

Рос. Покоіныя і вамъ желаю!

Чуж. Ешче вы не возвратілісь! Прошу, хотя уже тутъ стать: лучшебъ, право, безъ ізлішніхъ церемоніи. Но прошченія прошу, до свіданія.

Рос. Прошчайте, г. м., прошчайте! А какова не мѣра, не помінайте ліхомъ. Добрый путь, і въ добрый часъ!

АВТОРОВО ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Разговоръ сей былъ сочіненъ ешче въ 1747 годѣ, і ужѐ тісненіемъ тогда проізводіться начатъ. Пріложено было къ нему разсужденіе о всемъ Кірілловскомъ Алфавітѣ, сочіненное какъ отъ знатнаго, такъ і въ семъ дѣлѣ довольно іскуснаго человѣка. Оное собщено мнѣ отъ него въ прошедшемъ 1745 годѣ: а я было его ізъяснілъ все довольнымі і надлежащімі примѣчаніямі. Съ сімъ прібавленіемъ і хотѣлъ я тогда, получівъ позволеніе, іздать моіі Разговоръ. Когдажъ началі его печатать, то первые тетраткі моея кніжкі былі въ Типографіі; а все прочее, до самаго конца, находілось у меня: сіежъ длятого, чтобъ нѣчто ешче въ тоіі кніжкѣ поправіть, пока не доіідетъ дѣло і до всѣхъ по порятку тетратокъ.

Между тѣмъ, крайнее меня нещчастіе постігло: погорѣлъ я безъ остатку, такъ что не токмо сей разговоръ, но і всю прочую моѐ бібліотеку тотъ же огонь похітілъ. Всѣмъ вѣдомо злое сіе мнѣ пріключеніе, о которомъ печально мнѣ і нынѣ воспомінать: не могу я позабыть многіхъ бумажекъ безвозврату пропадшіхъ.

По прошествіі нѣкотораго времені отъ онаго злаго случая, началъ я пакі думать о семъ разговорѣ, толь наіпаче, что я обязанъ былъ даннымъ словомъ многімъ охотнікамъ; да і начальныхъ къ томужъ лістовъ

съ пять было уже́ напечатано. Не́льзя было інако его возвратіть изъ огня, какъ токмо новымъ сочіненіемъ. Итакъ, пріялся я паки за него, съ велікою подлінно скукою, но пріялся. Жаль мнѣ было, что не осталось у меня также отъ пожару ні того рассужденія, которое къ первому моему разговору пріложено было. Тогораді, просілъ я пісьмомъ онагожъ господіна, который то сочінілъ, чтобъ онъ пожаловалъ паки мнѣ пріслалъ, ежелі есть у него спісокъ. оное свое о буквахъ рассужденіе, объявляя ему і на что, то есть, что я намѣренъ пріложіть его къ моему сочіненію о сей же матеріі. Изволілъ онъ пріслать требуемое мною, къ велікому моему порадованію; да і былъ я все въ томъ намѣреніі, чтобъ то рассужденіе пріложіть къ моему, і также изъясніть примѣчаніями, какъ сіе і прі прежнемъ моемъ разговорѣ было сдѣлано.

Но сочіняя вновь сей разговоръ, умножілъ я его нечувствітельно весьма больше противъ перваго, такъ что і то, чему было надлежало быть въ примѣчаніяхъ моіхъ на рассужденіе того Автора, все нашлось какъ въ самомъ содержаніі, такъ і въ примѣчаніяхъ подъ чертою. Тогораді, ізлішнымъ уже́ мнѣ показалось Прібавленіе; да і кнішкабъ моя съ німъ превзошла мѣру своего рода. Сія есть прічіна, чегораді я оное отставілъ.

Я твердо надѣюсь, что і оный іскусный господінъ не прімет сего въ досаду себѣ. Изволітъ онъ самъ увідѣть, когда сію кнішку удостоітъ своего прочтенія, что всѣ его сомнѣнія разрѣшены, также і всѣ небольшія і неважныя со мною несогласія изъяснены, на еголь, больше сторону, ілі на мою, не пекусь; изъ-

яснены только такъ, какъ мнѣ основательнѣе казалось. Но сказать вобшче, почітай я во всемъ съ німъ согласенъ: несогласіе мое наібольше касается 1) до буквы (щ), которая у меня доказывается, что она составлена отъ Кірілла. вѣроятно что ізъ коптіческаго Алфавіта, но достовѣрно за шт), а по выговору нашему она (шч) есть, а не (сч): буква (ч) не токмо (с), но і (з) і (ж), стоящія предъ собою, превращаетъ въ (ш), і такъ сходствуетъ органомъ съ (ш), что сама часто мѣняется въ сію. Толь ей противно разлученіе съ буквою (ш)! 2) Касается оно і до всѣхъ нашіхъ двугласныхъ, которыхъ онъ не хотѣлъ бы въ нашемъ Алфавітѣ чісліть і почітать за особые буквы, но пісать каждую нашу двугласную раздѣльно, напрімѣръ, вмѣсто (я) (іа), такъ і прочіе. Тоесть, по его мнѣнію, нѣтъ у насъ двугласныхъ, да однѣ токмо гласные.

Я доношу, что какъ первое оныхъ людей мнѣніе, ізъясненное мною въ прімѣчаніі подъ чертою, стран. 85, 86, есть не весьма основательно, длятого что оно содержітъ, что нѣтъ у насъ гласныхъ, да только однѣ двугласные: такъ і сіе другое, хотя первому і діаметрально противное. Подлінно, нѣтъ у насъ двугласныхъ собственно такъ называемыхъ: ібо двугласные наші тѣжъ гласные, но гласные густые, і полуотверстые. Двугласнымі называются онѣ по начертанію, а не по выговору. Но какъ ізъ согласныхъ мяхкіе і твердые, особлівые імѣютъ фігуры; такъ і ізъ гласныхъ отверстые і полуотверстые долженствуютъ імѣть особлівыежъ: выговоръ сего требуетъ. Ортографія того господіна, что до двугласныхъ, былабъ не меньше дика очамъ нашімъ, сколько і странна вы-

говору: надлежалобъ, по его, слово сіе напримѣръ, ЯВЛЯЯСЯ, пісать слѣдующімъ образомъ: ІАВЛІАІАСІА; тоесть, былобъ въ семъ словѣ восемь временъ, ілі складовъ, а общчій і чістый нашъ выговоръ требуетъ іхъ токмо четыре. Но все сіе довольно іъяснено въ самомъ разговорѣ.

Кажется мнѣ, что я нічемъ не могу лучшімъ заключіть сію моію кнішку, какъ словамі остроумнаго рімскаго пісателя Квінтіліана. Оні основательны разумомъ, красны сочіненіемъ, тверды совѣтомъ; словомъ, оні какъ нарочно сочінены для сея моея кнішкі. Сколькобъ мнѣ ні стараться; но лучшебъ его ні выдумать, ні сдѣлать нікогда. Положены у него оныя въ 1 кнігѣ, въ самомъ концѣ 7 главы наставленій объ Ораторіі, і слѣдующчее гласятъ:

Quosdam fore, qui haec, quae diximus, parua nimium, et impedimenta quoque maius aliquid agendi, putent. Nec ipse ad extremam vsque anxietatem, et ineptas cauillationes descendendum, atque his ingenia concidi et comminui credo. Sed nihil ex grammatica nocuerit, nisi quod superuacuum est. An ideo minor est M. Tullius Orator, quod idem artis huius diligentissimus fuit, et in filio, vt in epistolis adparet, recte loquendi vsquequaque asper quoque exactor? Aut vim C. Caesaris fregerunt editi de ana-

logia libri? Aut ideo minus Messala nitidus, quia quosdam totos libellos non de verbis modo singulis sed etiam literis dedit? Non obstant hae disciplinae per illas euntibus, sed circa illas haerentibus.

Тоесть:

Безъ сомнѣнія найдутся такіе особы, которые почітать імѣютъ все, что мы ні предлагалі, за самую мѣлочь, і за препятствіе къ проізведенію лучшаго і полезнѣйшаго. Поістіннѣ, я і самъ рассуждаю; что какъ не надлежітъ съ крайнею соботою, і съ непрістойнымъ ухішчреніемъ, вступать въ тонкіе сіі подробности: такъ не должножъ і прітуплять імі разумы, раздробляя іхъ въ мѣлкіе часті. Но съ другой стороны, нѣтъ нічего во всей грамматікѣ, которое былобъ кому нібудь когда во вредъ, развѣ только то, что ізлішное. Рассудіте, моглоль не пошчастіться Ціцерону не быть толь велікімъ ораторомъ для сего, что онъ не токмо самъ къ сей наукѣ превелікое імѣлъ прілѣжаніе, но і сыну своему, какъ відно

ізъ его пісемъ, прі всякомъ случае і вездѣ суровый былъ наставнікъ, врассужденіі чістаго выговора? Сілу Цéсарева сочіненія, быліль въ состояніі істошчіть ізданные імъ объ аналогіі кнігі? Ілі прішелъ Мессала въ то, чтобъ ему быть не толь цвѣтну і красну, понеже напісалъ онъ многіе кнішкі не о словахъ токмо, о каждомъ порознь, но і о буквахъ? Повѣрьте мнѣ, не мѣшаютъ сіі наукі вверьхъ по ніхъ ідушчімъ, но медляшчімъ прі ніхъ сверьхъ потребы і польsы.

ТРИ РАЗСУЖДЕНІЯ

О

ТРЕХЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДРЕВНОСТЯХЪ РОССІЙСКИХЪ

Аименно

I. О ПЕРЬВЕНСТВѢ СЛОВЕНСКАГО ЯЗЫКА ПРЕДЪ ТЕВТОНИЧЕСКИМЪ

II. О ПЕРВОНАЧАЛІИ РОССОВЪ.

III. О ВАРЯГАХЪ РУССАХЪ. СЛАВЕНСКАГО ЗВАНІЯ, РОДА, И ЯЗЫКА.

сочиненныя

ВАСИЛЬЕМЪ ТРЕДІАКОВСКИМЪ.

РАЗСУЖДЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О

ПЕРВЕНСТВѢ СЛОВЕНСКАГО ЯЗЫКА ПРЕДЪ ТЕВТОНИЧЕСКИМЪ.

Двоякій родъ Славенскаго языка полагается въ Писателяхъ нашихъ. Первый *Словенскій* отъ *слова* или *словесности;* и сей, по моему мнѣнію, есть первенствующій, какъ произведшій многіе языки въ послѣдовательныхъ [1]) Іафетѳовыхъ племенахъ: но другій *Славенскій*, а сей уже отъ *славы*, который есть сынъ первородный Словенскаго языка, названный по славному военными дѣйствіями народу, употреблявшему оный.

---

[1]) Въ имени Іафетѳа полагаю я (т) предъ (ѳ) для того, что всѣ Западные выговариваютъ его чрезъ одно (т) іафетъ: но букву (ѳ) оставляю для Греческаго правописанія токмо, какъ-то и въ нашей библіи зрится. Симъ образомъ будетъ у меня и за Ѳовеля Тѳовель, выговариваемый Тобаломъ и Тубаломъ; также и вмѣсто Ѳоргамы Тѳоргама, пишемый у Западныхъ Тогарма. Не инако буду я ставить и слово Скиѳъ, именножъ Скитѳомъ, которое произносится Сцитомъ, гдѣ (ц) за (сце) латинское, есть (к) греческое. Сему моему писанію есть у насъ и примѣръ: ибо Гоѳовъ, выговариваемыхъ отъ Западныхъ Готами, многіе пишутъ Готѳами.

По смѣшеніи языковъ при столпотвореніи, и въ отхожденіе родовъ отъ онаго, Магогское и Гамеритское племя не подалеку, одно отъ другаго, отлучалось съ начала: требовало сего старшинство сыновъ Іафетѳовыхъ, для того что Гамеръ [1]) и Магогъ были, какъ извѣстно, два брата старшіе между собою въ разсужденіи всѣхъ прочихъ своихъ братовъ: младшимъ домовладычествамъ приличествовало удаляться въ окружности жребія въ разсѣяніе, а старшимъ оставаться еще близъ кентра, и садиться всѣмъ на мѣстѣ другъ отъ друга въ близости. Возможноль было, въ начинаніяхъ толь важныхъ и касающихся до всѣхъ вобще, не быть естественному порядку между большими, средними, и меньшими братами, когда естество по всюду наблюдаетъ преудивительный чинъ и въ самыхъ малыхъ своихъ дѣйствіяхъ? Итакъ, перьвымъ братамъ надлежало начинать необходимо послѣ всѣ предпріятія преселеній.

О семъ не токмо природный человѣческій удостовѣряетъ разумъ, но и пророческое писаніе сіежъ самое явственно внушаетъ. По Іезекіилю [2]), Гамерово мѣсто есть на сѣверъ отъ Іудеи; согласно тожъ и съ образомъ понятій, кои представляютъ, что сіе мѣсто есть на западъ, или на сѣверозападъ отъ Мидіи: ибо тотъ же Пророкъ описываетъ потомковъ Тѳоргамы (одного изъ сыновъ Гамеровыхъ, и по тому всеконечно жившихъ въ той же странѣ, въ коей и

---

[1] Гамеръ пишется Западными Гомеръ, а выговаривается какъ Гкомеръ.

[2] Гл. 48, ст. 6.

отецъ ихъ) отправлявшихъ купечество съ Тиромъ въ Сиріи, чегобъ имъ невозможно было дѣлать, естьлибъ они жили за Мидіею, чрезъ которуюбъ имъ, какъ то весьма вѣроятно, проходить не попускаемо было. Чтожъ до Магога, то нѣтъ ни малаго сомнительства, чтобъ его поселенію не быть въ сосѣдствѣ съ Мосоховымъ и Тѳовелевымъ: ибо Іезекіиль [1]) возвѣщаетъ, что Мосохъ [2]) и Тѳовель были подвластны Гогу земли Магоговы. Но извѣстно, что Мосоховы и Тѳовелевы мѣста были между Чернымъ и Каспій скимъ моремъ, такъ что Гамеръ и Гамеритяне жили между Чернымъ и Средиземнымъ морями, ближе къ Черному; а Магогъ и Магогляне между Каспійскимъ моремъ и Чернымъ же, ближе нѣсколько къ Каспійскому.

Такая сихъ первобытныхъ поколѣній близость по мѣсту между собою, и слѣдовательно удобность ко взаимному сообщенію, къ томужъ и самое близкое сродство, не могли не произвесть единаго и общаго между ними языка: самый опытъ человѣческаго сообщенія сіе непреодолѣмо доказываетъ; а Писатели, объ единствѣ общаго языка у сихъ началородныхъ Іафетѳовыхъ племенъ, и свидѣтельствуютъ единогласно, какъ-то мы объявимъ ниже, да и утверждаютъ, что сей общій языкъ былъ у нихъ Скитѳскій. Слѣдовательно, народъ Скитѳскій не токмо долженствуетъ быть самый древній, но и первенствую-

---

[1] Гл. 38, ст. 2.

[2] Мосохъ по Еврейски выговаривается Месехъ и Мѳшехъ.

щій изъ Іафетѳянъ; что само собою непосредственно заключается.

Не было никогда и ни отъ кого приводимо подъ сомнѣніе, что языки Словенскій и Тевтоническій суть единаго кореня, и того предревняго: но который прежде изъ нихъ отъ него произрасъ, о семъ по нынѣ еще Писатели препираются. Я предпріемлю въ семъ перьвомъ разсужденіи показать съ довольною вѣроятностію, что Словенскій языкъ первенствуетъ предъ Тевтоническимъ. Сіе всякому правосердному читателю въ послѣдованіи будетъ, мню, ясно и несомнительно.

Однако, здѣсь не сего еще къ изъясненію поспѣшать должно, по чему называю я Скитѳскій языкъ, однимъ и общимъ съ начала Іафетѳскимъ племенамъ, и тотъ самый Словенскимъ отъ *слова*: но надобно прежде оправдиться предъ мнѣніемъ покойнаго Профессора [1]) Байера, утверждающаго Скитѳскій народъ не весьма древнимъ, и токмо за тысячу лѣтъ предъ походомъ на нихъ Даріевымъ, сыномъ Гистасповымъ, общество ихъ полагающаго, то есть, за тысячу за пять сотъ за четырнадцать лѣтъ прежде Рождества Христова, въ послѣднія времена Ізраильтескія работы; также и не производящаго Скитѳовъ отъ Магога.

Пускай будетъ, кому угодно, мнѣніе сіе нѣсколько вѣроятнымъ; но едваль можетъ кто ему слѣдовать: причины тому довольно многія, и довольно

---

[1] Томъ I, о началѣ и перьвѣйшихъ Скитѳскихъ мѣстахъ.

твердыя. Нѣтъ почитай ни единаго важнаго Писателя, который бы не называлъ Скитѳовъ древнѣйшимъ [1]) народомъ, и не производилъ бы ихъ отъ Магога. Многіе также суть и изъ церковныхъ Отцевъ, и изъ новыхъ знаменитыхъ Авторовъ, кои на семъ точно мнѣніи утверждаются. Древность и важность Іосифа [2]) Іудеанина, превозмогли въ семъ обще у всѣхъ. Сіежъ содержитъ не токмо единъ, такъ называемый, Іосифъ Бенъ [3]) Горіонъ, но и почти всѣ Іудеи. Сему слѣдуетъ [4]) Іеронимъ, Ѳеодоритъ, Августинъ, Евстафій и Беда. На семъ утверждается Бошартъ [5]), Юній, Леклеркъ, [6]) Патриціи, и [7])Пезронъ. Сіе напослѣдокъ внушаетъ намъ и Шетгеній въ разсужденіяхъ своихъ, и Генселій [8]) точными словами утверждаетъ. Толико свидѣтельствъ, могутъ ли не превѣсить единаго мнѣнія Байерова? Сверьхъ всѣхъ, и самъ покойный Байеръ не таитъ, что ученые мужи въ извѣстіяхъ [9]) Тревултінскихъ, [10]) мнѣ-

---

[1] Древностей кн. I гл. 7.

[2] Томъ IV, Всемірныя Исторіи съ Аглинскія на Французскій переведенныя, кн. I гл. 12.

[3] Том. IV, Всемірныя Исторіи съ Аглинскія стран. 107, въ примѣчаніи подъ (а).

[4] На X главу бытія.

[5] Фалегъ кн. IV, глава 38

[6] На главу X бытія.

[7] Древностей Целтическихъ глава 3.

[8] Въ Синопсисѣ всеобщія Филологіи о языкахъ Европейскихъ глава 3, стран. 397.

[9] Томъ III Хронолог. Скитѳск. стран. 297.

[10] Мемоаръ де Треву memoires de Trevoux

ніе его о Скиѳахъ съ нареканіемъ опорочили. Слѣдовательно, сіи ученые мужи содержатъ противное мнѣніе Байерову, а мнѣнію сему не можно быть другому, кромѣ всеобщаго о глубокой древности Скиѳовъ.

Но не угодно покойному [1]) Байеру краснорѣчіе Трога Помпея, и изъ него Юстиново, описывающее пребезмѣрную старость Скиѳскаго народа: мнитъ онъ, что сіе они отъ себя, на оказаніе витійства своего, въ Исторіяхъ написали. Не знаю, не всякаголь Историка можно будетъ способно такъ опровергать, когда мнѣніе его найдется противно нашему? Трогъ Помпей, и списыватель съ него Юстинъ, давно ужѣ заслужили себѣ такое имя, что имъ обще всѣ вѣрятъ, и за степенныхъ Авторовъ ихъ приводятъ. Однако, покойный мужъ оный, не просто вѣрность Историковъ сихъ дѣлаетъ подозрительною, но утверждается на признаніи самихъ Скиѳовъ, у Геродота, въ книгѣ и главѣ четвертой, такъ о себѣ произносящихъ: «Скиѳскій народъ всѣхъ народовъ есть новѣйшій». Сіе подлинно ни что не безважное: ибо древнѣйшему быть, и быть новѣйшему, есть явное прекословіе.

Безспорно, въ семъ моглобъ состоять прямое противорѣчіе; но по счастію, противорѣчіе сіе токмо есть по видимому, а не въ самой вещи. Скиѳскій народъ есть всѣхъ древнѣйшій изъ Іафетовыхъ племенъ, то есть, всѣхъ древнѣйшій по своему роду; но онъ же есть и всѣхъ новѣйшій по времени, въ кото-

[1] Томъ I. о началѣ и перв. Скиѳск. мѣстахъ стран. 835, въ примѣчаніи.

рое познали его Греки. Извѣстно, что Грекамъ онъ тогда ужѣ сталъ быть лучше знаемъ, когда Скиѳы, пришедши отъ Волги, не токмо Циммерійскими землями завладѣли, но и на верьхнюю Азію учинили нападеніе. Было сіе за шесть сотъ за тритцать за девять лѣтъ до Христова Рожденія. Въ сіе точно время Греки ихъ подлиннѣе познали, какъ то и самъ покойный Байеръ [1]) утверждаетъ; а слыша тѣ, что Скиѳы, названные отъ единоязычныхъ безъ сомнѣнія Іафетѳянъ, сами себя именовали Скитами, (о знаменованіи сего слова послѣ) и прозвали ихъ, по толкованію своего [2]) языка, или Скиѳами, то есть, свирѣпыми [3]) отъ Скізесѳаі или Скитами, то есть Бичниками, или [4]) кожанниками отъ Скитосъ. Но Генселій [5]) праведно мнитъ, что Скиѳы именовались Скитами за долго прежде, нежели вѣдомы были Грекамъ.

И такъ, Скиѳская самая отдаленная древность, не могла отъ мнѣнія Байерова помладѣть ни мало. Скит-

---

[1] Томъ III Хронолог. Скиѳск. стран. 296 и 302.

[2] Равно какъ солдатство наше изъ Растъ-Тагъ нѣмецкаго слова, значащаго отдохновенія день, здѣлало по нашему роздыхъ, неупотребительное прежде слово, соглашающееся токмо звономъ съ Растъ-Тагъ: или какъ простолюдины читаделлу, Италіянское слово, называютъ по своему чудодѣломъ для сходствашъ въ звонѣ.

[3] Томъ IV Истор. всемірн. съ Аглинск. кн. I гл. 12, стран. 140 по Стефану Византійскому, Скиѳовъ другіе прозываютъ отъ гнѣвливости.

[4] Евстаѳій къ Діонисію.

[5] Синопс. всеобщ. Филологіи стран. 406.

ѳія, да присвою себѣ Целларіевы словà въ познаніи древняго міра, въ самыя еще перьвыя времена приобрѣла себѣ славу. Древнѣйшіе жители въ сей пространной землѣ, не токмо не были никогда покорены чужой державѣ, но сами, какъ въ Европѣ, такъ наипаче въ Азіи, владѣніе свое распространили сильно, и чрезъ нѣсколько времени сію часть свѣта подвластною себѣ имѣли. Сіе разумѣть должно о полуденнѣйшей ея части; ибо о полунощной, или нынѣшней [1]) Сибири, въ древніе вѣки не было извѣстно многимъ.

Удивительно, чего ради Байеръ повѣсть Геродотову слышанную симъ Историкомъ отъ Понтійскихъ Грековъ, совершеннаго своего, какъ онъ самъ говоритъ, презрѣнія [2]) не удостоялъ: ибо она вся, какъ баснь только сущая, такъ по басенному и утверждаетъ, но противъ его мнѣнія, древность Скиѳійскаго народа. Помянутый Грекъ, отецъ всѣхъ Историковъ

---

[1] Сибирскія Исторіи въ перьвомъ, и вѣроятно въ послѣднемъ Томѣ доводится, что имя Сибирь есть Татарское. Но я мню, что оно есть точно древнее Славенское, происходящее отъ сѣверъ, Сивирія или Сиверія. Буква (ѣ) въ слогѣ (сѣ) и понынѣ у простыхъ людей есть (си) сиверъ: можетъ быть, что буква (в) въ (веръ) измѣнена въ (б) послѣ Татарами, такъ равно какъ они тужъ букву (в) перемѣнили въ (б) выговаривая слово Волгаръ Болгаромъ. Весь восточный берегъ Волги населяемъ былъ въ древности Словянами; селенія сіи были и за Камою. И такъ знали они по близости и о Сибири, и знавши и прозвали ея Сивиріею или Сибирью, то есть Сѣверною.

[2] Томъ III хронолог. Скитеск. стран. 198.

по Цицерону, объявляетъ намъ, что когда Геркулесъ вступилъ въ Скитоію, не обитаемую еще, и отъ трудовъ своихъ тамъ заснулъ; тогда волы его или кони, разбредшись пропали. Пробудившись, началъ онъ ихъ тамъ искать по всюду. Въ то время свидѣлось съ нимъ чудовище, бывшее по поясъ женою, а отъ пояса змiею. Сія красавица обѣщала ему пропадшее у него сыскать, буде онъ ея возлюбитъ. Герой не отрекся отъ дѣла, да и пребывалъ съ нею, пока она зачала во утробѣ. На конецъ, родила она трехъ сыновъ Агатирса, Гелона, и Скитоа [1]). Послѣдній сей и младшій изъ всѣхъ, былъ первымъ царемъ Скитоійскимъ, и носилъ оставленную отъ отца своего золотую чашу, висящую съ ременнаго или кожанаго пояса, какъ-то и всѣ по немъ [2]) цари сіе самое дѣлали, въ знакъ Геркулесова отродія.

Въ прочемъ, коль ни мастита есть ветхость дней Скитоскихъ; однако нѣтъ въ Исторіи Священнаго Писанія ни имени Скитоовъ, ни званія Цельтовъ; обоихъ сихъ праотеческими именами называетъ Писаніе Гамеромъ и Магогомъ. Но все сословіе какъ древнихъ Историковъ, церковныхъ Отцевъ, такъ и знатныхъ новѣйшихъ Авторовъ, означаетъ ихъ тѣми именами, и другими именами. Скитоы называются у нихъ и Цельтоскитоами, и Сарматами, и Массагетами, и Исседонами, и Аримаспами, и прочими почитай неисчетно разными: а Целты Гомеритами, Ко-

[1] Стефан. Византійск. Скитоы отъ Скитоа, сына Иракліева, то есть Геркулесова.

[2] Геродотъ кн. III.

меріанами, Камаріанами, Хамаріанами, Циммеріанами, Цимбріанами, Цимбрами, Галатами, Галлами, Титанами, Саками и Цельтиберіанами. Въ разсужденіи сего, препзрядно, для того, что основательно, умствуетъ, говоря моимъ переводомъ, Роллень [1]), несравненный Историіографъ Французскій, что «Святое «Писаніе, которое не тщалось объ удовольствованіи «любопытства, но о возвращеніи благочестія, чрезъ «сіи небольшіе лучи свѣта оставляетъ насъ въ глу«бокой нощи; что до всего прочаго въ Исторіи, ко«торая можетъ взята быть изъ языческихъ Писа«телей.

Но почерпая и изъ сихъ, трудно, и токмо что возможно опредѣлить, были ль Скиѳы и Целты единъ народъ, или разные, хотя и способно доказать можно, что съ самаго начала, имѣли они единъ общій языкъ, названный Писателями Скиѳскимъ, а отъ меня Словенскимъ: ибо Целты и Скиѳы превесьма смѣшаны между собою въ Исторіяхъ древнихъ. Причина сему, что языческіе Писатели въ такомъ были затрудненіи, и толь въ великомъ отъ различія именъ ихъ, отъ прехожденія на разныя мѣста, и отъ военныхъ дѣйствій въ разныхъ Азійскихъ и Европскихъ краяхъ, а особливо отъ сходства и близости названій, коими они проименовали въ Азіи и въ Европѣ страны, городы, горы, и рѣки, когда зганяли другъ друга съ поля, и взаимно сами на ономъ поселялись; отъ сего всего, говорю я, толикую они имѣли трудность, что превесьма неудобно знать, го-

[1] Древнія Исторіи Том. II. стран. 268.

ворятъ-ли тѣ Авторы объ одномъ токмо народѣ, имѣвшемъ разныя имена, или о двухъ различныхъ, да токмо сродственныхъ? Естьли говорятъ о двухъ; то подлинно они ихъ страннымъ образомъ совокупно слили, присвояя имена, мѣста, и дѣянія одному, которыя въ прочемъ принадлежатъ до другаго: а сіе самое и ввергаетъ насъ въ густую темноту, когда о Скитѳахъ, и когда намѣреніе ихъ было предлагать о Целтахъ?

Однако, въ семъ токмо нѣтъ большаго мрака и сомнѣнія, что Геродотъ [1]), Птоломей [2]) и [3]) Юстинъ означили Скитѳовъ, возвратившихся [4]) въ Азію, нѣкоторыми извѣстными именами, и приписали имъ селенія и дѣла, кои, буде прилѣжнѣе изслѣдовать, принадлежатъ точно къ Целтамъ или къ Гамеритамъ, выгнаннымъ отъ Скитѳовъ изъ Европы [5]). Древній Географъ [6]), весьма исправный и достовѣрный, намъ объявляетъ, что первыи Греческіи Историки именовали Скитѳами и Цельтоскитѳами всѣхъ жителей въ сѣверныхъ странахъ, хотя и не безъизвѣстно, [7]) что знатная изъ сихъ жителей часть, были Целты, или Гамериты. Прибавляетъ онъ въ тойже самой книгѣ, что народъ, жившій по другую сторону Каспій-

---

[1] Кни: I и IV.

[2] Географ. Кн. VI. глав. 11 и 13.

[3] Кн. I. глав. 8.

[4] Бейер. изъ Геродот. том. II. о Циммеріан. стран. 423.

[5] Онъ же о Циммеріан. стран. 419.

[6] Страбон. Географ. Кн. II.

[7] Пезрон. древност. Цельтическ. глав. 3.

скаго моря, то есть, Скиѳы, именованъ былъ отъ тѣхъ же Греческихъ Историковъ, то Саками, то Массагетами, хотя перьвое изъ сихъ именъ единственно принадлежитъ до Целтовъ, для того что мы тѣхъ находимъ тамъ при Гамеритахъ [1]) у древнихъ Географовъ.

Но и въ разсужденіи сего преодолѣла всеобще вѣрность Іосифа Іудеанина производящаго Целтовъ отъ Гамера, какъ Скиѳовъ отъ брата его Магога; такъ что, всѣ вобще церковные Отцы, и нынѣшніе достовѣрные Писатели неразгласно сіе мнѣніе содержатъ. Довольная и намъ причина къ воспріятію Іосифова преданія на различеніе Скитоовъ отъ Целтовъ, и на приписаніе самыя глубокія древности Скиѳамъ. Полагаю, за тѣмъ и я Скиѳовъ народомъ, а Целтовъ, прозванныхъ такъ вѣроятно отъ единоязычныхъ, другимъ; однако не отчуждаю ихъ отъ взаимнаго сродничества, и перьвыхъ ихъ селеній взаимножъ не отдаляю. Состояніе, въ какомъ тогда была вселенная, не позволяло удаляться однимъ отъ другихъ. Но когда число ихъ умножилось, то нужно стало тогда уже́ разширяться далѣе. И есть причина помышлять, что имѣли они сообщеніе посредствомъ рѣкъ, коихъ по брегамъ ставили свои кибитки. Когдажъ далѣе зашли въ Европу, то кажется, что они шли станицами, и не мѣшались одни съ другими; ибо что болѣе приближались они къ сѣверу; то и видимъ мы Гамеритовъ шедшихъ на лѣво, и разсѣвающихся нечувствительно на западъ къ Поль-

[1] У Птолом. Страбон. и у другихъ.

шѣ, къ Венгріи, къ Германіи, къ Франціи, и къ Гишпаніи: а въ тожъ время Скитоы держались права на востокъ къ Россіи, къ Татаріи, даже до Китая, а можетъ быть и далѣе.

Симъ образомъ вся Европа, и большая часть Азіи, населены славными сими двумя народами. Цѣлая почитай Европа занята Целтами или Гамеритами, отъ самаго конца Гишпаніи, до Скитоіи въ Европѣ на востокъ; а часть Азійская, отъ сихъ мѣстъ до Хіны; такъ что оба сіи народы распространялись отъ десятаго градуса западныя долготы даже до осьмаго восточныя, на 162 градуса распростертіемъ; а по ширинѣ отъ сороковаго до Арктическаго круга, на 26 градусовъ съ половиною отъ Юга къ Сѣверу. Не знаю, которому изъ сихъ народовъ праведнѣе отдается первенство: Моисей [1]) приписываетъ большинство Гамеру Іафетоову сыну; но Іезекіиль [2]) главность присвояетъ Скитоійскому Князю, называя начальствовавшаго въ Скитоахъ именемъ [3]) Росъ. Къ томужъ, всѣ почитай языческіе [4]) Писатели предпочитаютъ [5]) Скитоовъ Целтамъ, и старшинство тѣмъ предъ сими подтверждаютъ.

---

[1] Бытія гл. 10 ст. 2.

[2] Іезекіиль гл. 38 ст. 2, 3 гл. 39 ст, 1.

[3] Росъ, прозносится по Еврейскому изглашенію Рошъ.

[4] Том. IV. Всемірн. Истор. съ Аглинск. стран. 108.

[5] Великое предразсужденіе о первенствѣ и верьховности Скитоовъ предъ Целтами есть и въ семъ, что взята тѣми правая рука въ шествіяхъ, и что шли они на востокъ, имѣя всегда предъ лицемъ солнце, и какъ будто къ нему приближаясь.

Какъ-то-ни-есть; толькожъ я утверждаю, что у Потóмковъ отъ сыновъ Іафетѳовыхъ, то есть у Скитѳовъ и Целтовъ, по смѣшаніи языковъ, первенствующій языкъ былъ [1]) единъ и общій, именножъ Скитѳскій, которому точно надлежало быть, Словенскому отъ слова, и который въ послѣдующія времена по различію мѣстъ, прехожденій, смѣтеній, и раздѣленій, отъ единаго своего кореня, многими сродственными и сходственными разрасся древесами, и столькими сихъ древесъ вѣтьвьми и отрасльми раскинулся, сколько слышится нынѣ языковъ во всѣхъ западныхъ и сѣверныхъ земляхъ, а отъ части и въ восточныхъ. Не по догаткамъ, и ниже на тщетныхъ доводахъ основавшись, сіе я предлагаю; но утвердившись на вѣрныхъ засвидѣтельствованіяхъ, и на истинныхъ произведеніяхъ реченій. Должно имѣть всегда въ памяти, что Скитѳія была страна самая пространная, частію Азіатическая, а частію Европейская.

Объ единомъ и общемъ Скитѳійскомъ языкѣ, свидѣтельствуетъ вопервыхъ Годофредъ [2]) Генселій говоря: «Древнѣйшій языкъ, всѣмъ Европейцамъ об«щій, называется Скитѳійскій. Свидѣтельствуетъ тожъ самое и Кирхмайеръ [3]) предлагая: «Общій гласъ «Скитѳійскій, Готѳамъ, Гуннамъ, Сарматамъ, Ала«намъ, Таврискамъ, Гепидамъ, Германцамъ, и всѣмъ

[1] Авторы Всемірныя Исторіи, съ Аглинскія, именно сказываютъ въ томѣ IV, на страницѣ 141, что Целтическій языкъ съ начала самаго не разнился съ Скитѳскимъ.

[2] Въ Синопсис. всеобщ. Филолог. стран. 404.

[3] Въ Парахлел. XII язык. Скитѳо-Целто Европейскихъ.

«прочимъ Целтамъ, есть сродственъ». Давно уже [1]) Ирашій доказалъ, пиша противъ Рудбекія, что «языкъ «Скитскій и Целтическій, есть не различенъ, но «единъ и тотъ же. А Скитскій народъ, по всей Европѣ разсѣявшійся, почитай на безчисленныя племена раздѣлился». «Но они однако подъ четырмя «именами всѣ содержатся: ибо или Целтами, или «Гуннами, или Сарматами, или напослѣдокъ Иллиріанами назывались. Подъ именемъ Целтовъ разумѣлись Германцы или Тевтоны, Галлы, Британцы, «Батавцы, Гишпанцы, и прочіи: но подъ Германскимъ паки именемъ Свевы, Готѳы, и многіи, у Тацита описанныи были. Въ Гуннахъ за едино слѣдовали Авары, Аланы, Тѳраки, Даки, и прочіи. Сарматамъ причислялись Моски, Слави, Чехи и Лехи «Иллиріанамъ присвояются Далматы, Кроаты, Расци, «Сербы, Сарабы, и прочіи.»

Не иное разумѣетъ и [2]) Стіернгелмій Шведъ, когда признаваетъ, что всѣ Европейскіи народы, въ древнія времена Скитѳами нарицались, говоря слѣдующее: «Сіе первое Ноевыхъ потомковъ племя, при «сихъ мѣстахъ (Арменіи) вообще Скитѳами нарицаемо было; въ чемъ всѣ согласны между собою Историки: и по тому имя сіе при Іафетѳовыхъ потомкахъ тамже, и оттуда на ближнія мѣста, а отсюду «въ самую Европу разширяющихся, постоянно, и на

[1] Въ разсужден. о Германическ. Начал. Латинск. языка, и у Генсел. во всеобщ. Филологіи.

[2] Въ Анти клувер. стран. 87 и у Генсел. во всеобщ. Филолог.

«многія времена осталось. Не инымъ званіемъ и сами «сначала Германцы, и всѣ обще сѣверныя Европы «обитатели различаемы были до тѣхъ поръ, какъ «Греки и Латины изъ Варваровъ (такъ они всѣхъ «прочихъ величали) себя выключили; а Варваровъ «сихъ по томъ на Скитоовъ и Целтовъ, и на смѣ- «шанныхъ Целтоскитоовъ раздѣлили. Основательно и [1]) Горній пишетъ, именно мнѣніе мое, какъ будто заблаговременно подтверждая: «Явно, что у Тора- «канъ, Скитоовъ, или Гетовъ, и у Амазонокъ, единъ «и тотъ же былъ языкъ; да и безъ сомнѣнія у всѣхъ «сперва самаго западныхъ Скитоовъ. По томъ уже «какъ новыи народы произошли, такъ и языки ме «жду собою различились.» Однако, прилагаю я, такъ они различились, что многія первобытныя слова, какъ увидимъ ниже, въ себѣ удержали.

Самъ Байеръ, Скитоской древности противоборникъ, не могъ, истинною преодолѣнныій внутренно, не признать древняго, общаго и первѣйшаго языка, когда увидѣлъ, что рѣки, по большой части, или Расъ, или Росъ, или Русъ называемы были. Правда; онъ говоритъ, что сходство сіе изъ древняго и общаго языка (не Скитоскаго, но) къ Скитоамъ проистекло: однако какоій бы онъ языкъ древнимъ, общимъ, и первымъ быть ни разумѣлъ, прежде всѣхъ къ Скитоамъ оно, и по его разумѣнію, притекло. Мы полагаемъ съ мудрыми [2]) писателями Всемірныя Исторіи, что оныій первобытныій языкъ, которыій въ

---

[1] Въ предислов. на бакгсгорнов. начал.

[2] Том. I. Истор. всемірн. съ Аглинск. 278.

писаніи [1]) называется, устнѣ единѣ, и гласъ единъ въ сей землѣ, «погибъ при столпотвореніи, или не «можно прямо сказать, гдѣ, и въ какомъ народѣ оный «сохранился». И такъ, слово наше есть не о первоначальномъ самомъ языкѣ, бывшемъ прежде смѣшенія, но по смѣшеніи о первомъ и главномъ у потомковъ отъ сыновъ Іафетовыхъ, который доказывается многими свидѣтельствами, что онъ былъ Скитескій. [2])

Вотъ же какъ и оный помянутый Байеръ [3]), самъ о томъ умствуетъ: «Кажется, что имя сіе Росъ и Ра, «и ему другія подобныя, изъ древняго человѣческаго «и общаго языка къ Скитоамъ, и къ другимъ народамъ проистекло, которымъ они (Скиѳы) рѣку называли. У Аравлянъ оно есть Рога: у Турковъ и Персидянъ Рудъ: у Россіанъ рѣка. Сіи наименованія «рѣкъ, и у Грековъ Ринъ, и можетъ быть Рейнъ, Роданъ (Ронъ во Франціи), Радуна (Висла) у Гданска, «потомъ Эріданъ или Рудонъ Птолемеевъ, и Маркіана «Иракліота (нынѣ Дуна или Двина при Ригѣ), и Русса въ Пруссіи, суть не что иное, какъ токмо остатки отъ первѣйшаго языка». Но какому быть пер-

[1] Бытія гл. XI. ст. 1.

[2] Такимъ мнимымъ языкомъ Хинскій, Іваномъ Вебомъ въ новомъ опытѣ Историческомъ представленный, также и самородства почитай Хинское, Исаакомъ Воссіемъ разглатенное, какъ авторы всемірныя Исторіи, съ Аглинскія, такъ особливо и Горній, прежде ихъ, въ разсужденіи объ истинной старости міра въ главѣ XII, опровергъ такъ съ основанія, что болѣе того желать, нѣтъ уже нужды.

[3] Томъ I. о начал. и перв. Скитеск. мѣст: стран. 396.

вѣйшему у Іафетовыхъ потомковъ иному, кромѣ Скитоскаго, [1]) по смѣшеніи языковъ? Ибо сіе основательно кажется, по сіе мѣсто показываемо было.

Напослѣдокъ, Авторы Всемірныя Исторіи, люди весьма ученыи и благоразсудительныи, какъ-то-видно по ихъ основаніямъ, и сочиненію, да и по составу всея Исторіи, не токмо начальнымъ быть Скитоскій языкъ предаютъ, но и утверждаютъ, что отъ него произошли языки, именно, Московитскій, Славенскій, Польскій, Датскій, Шведскій, Саксонскій, и другихъ многихъ народовъ. Повѣствуютъ они тамъ [2]) слѣдующими словами: «Обширное пространство земель ихъ «(Скитоскихъ), и частыи случаи приключавшіися «имъ (Скитоамъ) къ смѣшенію съ другими народами, «долженствовали естественно ввесть въ ихъ языкъ «разныи діалекты, кои могли преизрядно произвесть «языки Московитскій, Славенскій, Польскій, Датскій, «Шведскій, Саксонскій, и другихъ многихъ наро«довъ, между которыми ясно усматривается довольное сходство, подающее причину къ заключенію, «что всѣ сіи языки имѣютъ одно и тожъ начало.»

[1] Египтяне признавали по Псамметіхову опыту надъ двумя мальчиками, что самый первый народъ, и слѣдовательно языкъ, былъ Фригійскій. Но Скитоы, у автор. Всемірн. Істор. съ Аглинск. въ том. IV, на стран. 137, отразили оный по мальчикамъ доводъ говоря, что они слово БЕКЪ произносили подражая козамъ, коихъ, при нихъ доимыхъ, молокомъ питаемы были. По сему явно, что Скитоы первенство самимъ себѣ и своему приписывали языку; а сіе Юстинъ книги 1-я, въ главѣ первой и утверждаетъ.

[2] Том. IV. Всемірн. Істор. съ Аглинск. стран. 154.

Но начало сіе не Скитѳскій ли первенствующій языкъ? Ибо говорятъ тутъ помянутыя Авторы точно о Скитѳскомъ языкѣ. Съ другія стороны, нѣтъ ни стязанія ни сомнѣнія, чтобъ Московитскій, то есть нынѣшній нашъ Славено-россійскій и Польскій, не произошли отъ Скитѳскаго, по моему, какъ то покажу, Словенскаго отъ слова: но Авторы сіи утверждаютъ тожъ самое и о Датскомъ, и о Шведскомъ, и о Саксонскомъ; и о другихъ многихъ. Чтожъ изъ сего? Датскій, Шведскій, и Саксонскій, не Целтическіиль суть языки? Не называетъ ли Георгій [1]) Валлинъ Епископъ Готобургскій Швейцаровъ, употребляющихъ Тевтоническій или Саксонскій языкъ, плотію отъ плоти своея? Не согласноль и Кирхмайеръ [2]) именуетъ Германцовъ, Датчанъ, Исландянъ, Шведовъ, Норвежцовъ, Лапонцовъ, Агличанъ, Голландцовъ, Французовъ, и Гишпанцовъ Целтами? Чтожъ паки изъ сего? Изъ сего, говорю я, слѣдуетъ законно, что Целтическій языкъ происшелъ не преоборимо отъ Скитѳскаго, то есть, первенствовавшаго Словенскаго.

Означается первенство, или по крайней мѣрѣ, преглубокая древность Словенскаго языка Халдейскимъ мнѣніемъ о Космогоніи или свѣторожденіи, предложеннымъ во Всемірной Исторіи съ Аглинскія въ томѣ первомъ, на страницѣ двадцать четвертой введенія. Предлагается тамъ, что съ начала міръ былъ токмо ОМОРОКА. Но слово сіе точно есть Словен-

---

[1] Въ Акт. Королевск. Соціет. наук: Упсалск: на лѣто 1743 въ Эпистол. къ Соціет. въ обсерват. 2 на стран. 11.

[2] Въ разсужден. о вѣк. Тентоническ. язык. числ. 2.

ское, значащее *Морокъ* или *Мракъ* бывшій вкругъ повсюду. Сіежъ самое означается и мнѣніемъ мудрецовъ Персидскихъ, приведеннымъ тамже на страницѣ семдесятъ третіей въ примѣчаніи. По мнѣнію сему, имя перваго человѣка повѣствуется быть не Адамъ, но [1]) МИЖА; (мужъ); а первыя жены не Ева, но МИЖИНА; что точно есть по Словенски Мужана, какъ бы человѣчища, или мужу жена: буква (а) за (е), и на обратъ, употребляется часто по свойству Словенскаго языка.

И по истиннѣ, древнѣйшій сей языкъ Скитѳскій, называю я Словенскимъ отъ слова, не по любви къ природному нашему Славенороссійскому, къ которому подлинно горю пламеннымъ сердолюбіемъ, и который произшелъ съ прочими Словенскими отъ того Словенскаго первѣйшаго: я имѣю къ тому не токмо не презираемыя основанія, но и, какъ мнится, твердыя. Оныя суть внутреннія и собственныя Скитѳовъ и Целтовъ наименованія, и тѣ самыя древнія, прямо и не принужденно Славенскія знаменованія возглашающія. Знаю, что произведеніе именъ есть такой доводъ, которой опасно и благоразумно приводить должно: ибо оно сходственнымъ звономъ, въ самомъ чуждомъ языкѣ изобрѣтаемомъ, способно и прельстить и обольстить можетъ. Но ежели такое произведеніе законамъ своимъ правильно слѣдуетъ; то ед валь сего доказательства, въ семъ случаѣ, возможетъ

---

[1] Самое Тевтоническое слово МЕНШЪ, есть Словенскоежъ мужъ, по примѣру Славенопольскаго Вензелъ за Словенскій узолъ; Венсъ за усъ; Венгры за угры.

быть другое вѣроятнѣе. »Неложный знакъ есть дре-
»вности во всякомъ языкѣ; говоритъ Генселій [1]), ко-
»гда произведеніе-словъ не по чужимъ и новѣйшимъ,
»но по первѣйшимъ языкамъ, а особливо по собствен-
»нымъ коренямъ истолковать возможно.

Да соглашаютъ, когда угодно, нѣкоторыи изъ ученыхъ испытателей древности, Греческій языкъ съ Словенскимъ, по многимъ сходнымъ словамъ, также и по свойству склоняемыхъ именъ разными окончаніями, да и по преложенію частей изъ естественнаго порядка, во всякое произвольное сочиненія мѣсто: я вѣдаю токмо сіе, отъ свидѣтельства [2]) Страбонова, что Греки изъ Азіи перешли въ Европу. Да находятъ сходство по томужъ и у Латинскаго съ Словенскимъ: мнѣ только сіе извѣстно, что Латинскій-языкъ, есть растлѣнный, по большой части, Греческій; чему-свидѣтельствомъ суть оставшіися знаки древнѣйшаго Латинскаго діалекта; а надпись, такъ называемаго столпа ростратнаго, или носоваго, до нынѣ въ Римѣ сохраненнаго, въ нѣкоторыхъ знаменитыхъ Авторахъ находящаяся, есть довольнымъ и яснымъ тому доказательствомъ. Извѣстно и сіе, что нынѣшній Італіанскій, Французскій, и Гишпанскій языки, суть родныя дѣти Латинскому. Да изобрѣтается сродство наконецъ между Словенскимъ, и между Турецкимъ, Татарскимъ, Партѳянскимъ, и Мидскимъ · о семъ я не некусь помногу, вѣдая что Турецкій языкъ, самое крайнее сходство имѣетъ, съ пресловущимъ

[1] Въ Синопс. всеобщ. филолог. стран. 351.
[2] Кн. VIII, стран. 222.

восточнымъ языкомъ Арапскимъ, а сей съ Еврейскимъ.

Но что? Іоаннъ [1]) Гербіній находитъ нѣкоторое свойство и у Словенскаго съ симъ Еврейскимъ, предлагая слѣдующее: «Ктобъ изъ человѣковъ сему повѣрилъ «когда, что Россіане и Поляки въ природныхъ своихъ «языкахъ еврействуютъ, кои отъ языка того столь «отвращенны, что признаешь видѣвшимъ себя птицу «самую рѣдкую въ свѣтѣ, когда увидишь Поляка или «Россіанина Евреемъ? Чтожъ до меня, читая Еврейскую біблію съ прилѣжностію, усмотрѣлъ я съ пре«крайнимъ удивленіемъ, что языкъ Славенопольскій, «во многихъ словахъ непринужденно, и не чрезъ пре«ложеніе писменъ токмо, но и вещественно, (по фило«софски говорю) въ самыхъ коренныхъ буквахъ, и «образно или внутренно, что до единства разума и до «сродственнаго знаменованія, сходствуетъ съ Еврей«скимъ.»

Авторы Всемірныя Исторіи, съ Аглинскія, говоря [2]) о Целтическомъ языкѣ, заключаютъ, и еще признаваясь, что имъ не можно такъ не заключить, что Целтическій и Еврейскій языкъ, суть токмо два діалекта одного и тогожъ языка, отъ котораго кажутся имъ произшедшіи языки, Нѣмецкій, Латинскій, Греческій, еще и Арапскій. На конецъ, Пезронъ [3]), мудрый древностей изыскатель, доказываетъ множествомъ произведеній, и дѣяній историческихъ, зна-

[1] О пещерахъ Кіевскихъ. глава 15.

[2] Томъ IV. стран. 122.

[3] Древност. Целтическ. язык. гл. 13.

менитое и ясное сходство между Целтическимъ, Греческимъ, Латинскимъ, Арапскимъ, Персидскимъ, Нѣмецкимъ, и нѣкоторыми другими языками. Отъ сего справедливо заключить можно, что народы говорившіи сими языками, были или поколѣнія, или расселенцы отъ Гамерітовъ, коихъ они говорили языкомъ, пока не разлучились съ своими братами, и не смѣшались съ другими народами, а симъ и повредили свой древній языкъ новыми діалектами, храня впрочемъ знатную часть словъ первородныхъ. Но мы довольно, мнится, твердо показали многими свидѣтельствами, что Целтическій языкъ, бывъ одинъ и тотъ же съ Скитѳскимъ, самъ по томъ произшелъ отъ него, и слѣдовательно, по моему, отъ Словенскаго первѣйшаго: Болгары всеконечно говорили издревле Словенскимъ языкомъ; а Степенная наша, при лѣтѣ отъ міросданія 6475-мъ, отъ Рождестважъ 967-мъ, и утверждаетъ, что они Скитѳы, и что первое ихъ имя, Козары.

Всякому любопытному отверста есть дверь къ разсужденію, о сходствѣ сихъ языковъ такъ, какъ покажется вѣроятнѣе: мнѣ едино токмо первенство Скитѳскаго, и единство съ самаго начала Словенскаго съ Целтическимъ у сердца. Сіе и ближае къ предложенію моему, и полезнѣе всему Россійскому народу. И по истиннѣ, единъ былъ съ самого начала, у Іафетѳскихъ племенъ, Скитѳскій съ Целтическимъ языкомъ, то есть, единъ былъ издревле, но по смѣшеніи, Словенскій. Доказываютъ сіе самыя первыя имена Скитѳовъ и Целтовъ. Чтожъ знаменуетъ Скитѳъ? Скитѳъ есть СКИТЪ; и слѣдовательно, Скитѳы суть СКИТЫ отъ

СКИТАНІЯ, [1]) то есть отъ свободнаго прехожденія съ мѣста на мѣсто: а слова СКИТАНІЕ и СКИТАТЬСЯ, суть точныя Словенскія.

Позволено было Грекамъ производить сіе слово отъ своего языка, и прозвать ихъ или свирѣпыми, или [2]) бичниками, или кожанниками. Позволено и Тевтонцамъ тожъ самое дѣлать, и доводить. что имя

---

1 Рѣчь Скитовъ отъ скитанія, то есть отъ вольнаго всюду хожденія, подтверждается и со именнымъ словомъ скитанію, ЮРЪ, какъ древнимъ Словенскимъ, да и понынѣ у насъ въ употребленіи: ибо когда мы говоримъ напримѣръ, сей дворъ стоитъ на ЮРУ, то означаемъ, что тотъ дворъ ни чемъ не прикрытъ со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ дующихъ свободно. Но Функцій, въ четверочастномъ сокращеніи свѣта, въ главѣ 2, удостовѣряетъ, что Турки назывались прежде ЮРКИ, то есть вольноходцы. Слѣдовательно, Турки суть Скиты, и произошли отъ Магога, хотя съ другія стороны, разнаго отъ протчихъ главнѣйшихъ и малороднаго дому, разлучившагося въ первыя времена съ собратами, удалившагося къ Азіатическому востоку, вмѣсто сѣвера и запада Европейскаго.

2 Авторы Всемірныя Исторіи, съ Аглинскія, примѣняясь къ сему произведенію, придаютъ въ томѣ IV на страницѣ 165 въ примѣчаніи что, когда Скитѳы возвратились изъ Азіи въ домъ, какъ то Геродотъ и Юстинъ повѣствуютъ, и разбили взбунтовавшихъ рабовъ своихъ не оружіемъ, но плетьми, то будто новогородцы, коихъ мѣста суть къ Сармаціи здѣлали по томъ монету, въ память сего случая, на коей изображенъ человѣкъ на конѣ съ плетью въ рукѣ. Есть похожая на сіе старинная новогородская Копейка. О сей точно мечтаютъ, что она будто изображаетъ Марѳу посадницу прядущую.

Скитѳы, произошло отъ [1]) Шетенъ или Шютенъ, то есть, отъ стрѣлянія изъ лука. Позволено и Геродоту было, по слуху отъ Понтійскихъ Грековъ, назвать Скитѳовъ отъ перваго Скитѳійскаго Царя, именемъ Скитѳа. Но мы больше имѣемъ права толковать ихъ отъ скитанія, какъ отъ сущаго Словенскаго имени, для того что безъ всякаго слову сему принужденія, что всякъ искусный чувствуетъ. Какъ Греки дѣлаютъ наглость имени сему своимъ Скυзесѳаи, такъ и Тевтонцы онымъ своимъ же Шутенъ или Шиценъ. Но мы, какъ природной нашей рѣчи, не показываемъ ни малаго насилія. Чтожъ до Геродотова Скитѳа, хотя и очень древняго; то сей есть сущій нашъ Бова Королевичь, да простится мнѣ сравненіе, имѣющій впрочемъ больше вещественности, нежели Геродотовъ Скитѳъ: ибо Скитѳъ сей, по странному своему рожденію, есть токмо Греческая Баснь, именемъ только Скита инстинствующая.

Чтожъ суть и Целты? Ежели послушать [2]) Грековъ; то они суть всадники или конники, отъ [3]) Келетаи, или Келетои или Келтои. Но буде повѣрить [4]) Германцамъ; то Целтъ есть воинъ, или мужъ храбрый отъ [5]) Гелтъ. Изрядно только я толкую инако прося и себѣ въ равномъ семъ случаѣ благосклоннаго попущенія, и доношу, что Целтъ, есть по сло-

---

1 Томъ IV. Истор. Всемір. съ Аглинск. стран. 140.

2 Гомера и Пиндара.

3 Κελεταί, Κελετοί, Κελτοί.

4 Генсел. въ Синопсис. всеобщ. Филолог. стран. 407.

5 Helt.

венски Желтъ, а Целты слѣдственно, желты, то есть народъ свѣтлорусый. Не спорю, всякъ съ перваго слуха скажетъ, что я уже теперь присиливаю Целта, быть Словенскимъ Желтымъ. Но всякъ же, когда поволитъ далѣе меня послушать, уповаю, что со мною согласится. Целтъ пишется по Римски чрезъ Латинское (с); а сіе (с) Латинское, вмѣсто (к) Греческаго, предъ (е), древніи Римляне произносили не це, но че, какъ то и нынѣ еще Італіанцы дѣлаютъ сіе: ибо древніи Римляне уподоблялись своимъ произношеніемъ Греческому, а Греки слогъ (ке) выговариваютъ не прямо (ке), но между (ке) и (че). Съ другія стороны, буквы наши ж, ч, ш, суть одного органа; такъ что, одна за другую часто подмѣняется. И такъ, Греки въ словѣ Келти, вмѣсто Словенскаго (же), не имѣя сего звона, положили (ке), выговариваемое между (ке), и (че); а древніи Римляне, слѣдуя Гречевскому правописанію, начали то писать чрезъ (с), произносимое (че) предъ (е). Слѣдовательно, Келты, Челты, или Шелты, суть не что-иное, какъ-токмо, по единству органа, ЖЕЛТЫ

Истинну мою подтверждаетъ [1]) и Бошартъ, оный повсюду въ Европѣ мужъ славный за глубокое свое ученіе, да и по достоинству. Онъ производитъ слово Целта отъ Еврейскаго ХАЛАТЪ; а именемъ симъ называется по-Еврейски шафранъ, то есть цвѣтокъ желтый, для того что у Целтовъ, какъ-говоритъ онъ, желтыи волосы, по большой части, были. Чтожъ до нѣмецкаго Гелта, вмѣсто Целта; то совершенное развращеніе въ

[1] Фалег. Кн. III. глава 6.

произведеніи всякъ чувствовать ясно возможетъ: ибо Гелтъ, написанный Римскими буквами чрезъ (g), и произносимый также, есть точножъ по Словенски Джелтъ или Желтъ отъ цвѣта, а не воинъ отъ промысла; такъ что, Германцы со всѣмъ не право производятъ Целта отъ своего Гелта, пишемаго чрезъ (h), для того что Греческое письмя (k) въ Келтѣ, соотвѣтствуетъ Римскому или (c), или (g), а не (h), которое-есть-не-буква, но токмо знакъ огущаемаго духа; а рѣчь Келти, или Челти или Джелти, или Желти, начала быть пишема Греческими писменами у Грековъ, и Латинскими у Римлянъ, за премножество лѣтъ прежде, нежели у Германцовъ. Теперь достовѣрно заключаю, что Скитоы именовались Скитами отъ Скитанія, а Целты желтыми отъ свѣтлорусаго цвѣта волосъ, точно однимъ Словенскимъ языкомъ, хотя и были два разныи народа, токмо по братству сродныи.

Посмотримъ, какъ-и-еще самыи древніи Скітоы назывались. Гелонъ есть Челонъ, тоесть Челистый: ибо (ге), у древнихъ Римлянъ съ Греческаго произносилось какъ (же), и по тому одного Органа съ (че). Агатірсъ есть Окодыржъ, тоесть, Окодержъ отъ надсмотра или надзора. Отъ Таргітая, чрезъ преложеніе писменъ Дрогидая Скітоскаго вождя, какъ-дающаго станицамъ своимъ дороги, или какъ водящаго ихъ по дорогамъ родились три сына, именножъ, Ліпоксаісъ, Арпоксаісъ, и Колаксаісъ. Первый есть Лѣпоша отъ Лѣпоты: ибо Греки букву (кси) произносили иногда какъ (т), а иногда какъ два (сс), въ чемъ имъ и древніи Римляне слѣдовали; а о семъ из-

лишно есть приводить свидѣтельства: знаютъ довольно сіе знающіи. Вторый, Ярпеша отъ яраго или скораго пѣшеходства. Третій, Колаша отъ колесницы, кола или колеса имѣющія. Отъ Колаксаіса произошли Паралаты, тоесть, Перелеты или Бурелеты. Отъ Ліпоксаіса Авхаты, тоесть, Обхваты, длятого что какъ (а) часто мѣняется на (о), такъ у Грековъ и (в) за Римское (б). Отъ Арпоксаіса Катіары и Трасніи; а значатъ они: ходы яры, и Деразбіи, одни отъ стремительнаго шествія, а другіи отъ дранія и разбиванія на битвахъ. Гетьі, суть Четы, тоесть, станицы или общества. Тіссагеты, Дюжечеты, тоесть, сильныи люди. Мессагеты, Мѣсточеты; тоесть, общества преходящія по мѣстамъ. Упсуіаны, Обчеяны, тоесть, общники. Аргипеи, или Арджипеи, о-рчи-баи, тоесть о рѣчи баятели или сказатели-дѣльнаго и справедливаго. Ісседоны, ищедомы; или изъ-за-Тоны, тоесть, изъ-за-рѣки пришедшіи. Арімаспы, яры машбы отъ яраго маханія на бою. Грифы или Грипы, Крышы; тоесть, крѣпкіи и скупыи люди. Но довольно и сихъ для произведенія.

Въ прочемъ, Геродотъ [1]) объ нихъ объявляетъ, что-имъ-всѣмъ вобще имя было, сколоты. Чтожъ сіе, буде не по-Словенски ЖОЛОТЫ, или золоты, и по тому золотыи? Ибо, по произведенію отъ Еврейскаго кореня, значитъ слово сіе господствующаго, какъ-тоутверждаютъ ученыи [2]) мужи. Но господствующіи,

---

[1] Кн. IV. гл. 7.

[2] Генсел. въ Сінопсіс. Филолог. стран. 406. и Байеръ. том. III. въ хронолог. Скігот. стран. 296.

всеконечно человѣкъ свѣтлаго и великаго рода всегда бываетъ. По сему, и Скіѳы обще себя называли золотыми [1]) по превосходству, тоесть, великими господами. Да и есть причина помышлять, что золотая орда, кою-мы такъ называли, и которая прежде-сего жила на восточномъ берегѣ Волги, именовала можетъ быть сама себя точно Сколотами или золотою, по древнему Словенскому языку, оставшемуся у нея не въ семъ токмо словѣ, но и во многихъ, какъ-то-видно въ лексиконахъ отъ Персідскаго языка, и слѣдовательно, отъ Мидскаго и Партѳянскаго.

Чтожъ нѣкоторыхъ именъ произвесть не можно, съ довольною ясностію, отъ Словенскаго; то надлежитъ знать, что тѣ имена перешли черезъ толь многія уста, что всячески не могли они не повредиться. Ктомужъ, нѣкоторыя изъ нихъ явно суть Греческія, и слѣдственно переводъ съ Словенскаго по крайней мѣрѣ. Въ семъ числѣ суть Гіппофаги, Конеядцы; Анѳропофаги, человѣкоядцы; Гіппоподы, Коненоги; Гіппотоксоты, Конестрѣлки; Осны, Яичники; Номады, степныи жители; Гамаксобіи, въ телѣгахъ пребывающіи; Меланхлены, чернокавтанники, и прочіи.

Нѣтъ сомнѣнія, чтобъ Сарматы не были Скіѳы, и не по Словенскибъ говорили: Геродотъ [2]) свидѣтельствуетъ именно, что Сарматы не разнились[ь]ни

[1] Могло однако статься, что они всѣ на все себя называли Шолотами, или Жолотами, тоесть Золотыми, не по золоту, но по желтости своего цвѣта или по свѣтлорусости: ибо сіе достовѣрно, что и само золото названо отъ желтаго цвѣта; жолото, жолто, жалто, желто.

[2] Кн. IV.

мало съ Скіѳами въ своемъ языкѣ, законѣ, и въ обыкновеніяхъ, и что они произошли отъ Скіѳовъ, сочетававшихся съ Амазонками. Но что значитъ имя сіе; того еще не выведено понынѣ съ довольною вѣроятностію. Нѣкоторыи производятъ Сарматъ отъ Сармотоа, Симова въ шестомъ колѣнѣ внука. Но Сарматы были Скіѳы; и потому должно имъ произойти отъ Іафетѳскихъ племенъ. Греки называютъ [1]) ихъ Савроматами отъ [2]) ящеричныхъ глазъ. Но Греки какихъ именъ, для нѣжности своего слуха, не превращаютъ? У нихъ и Малхъ, есть Порфірій; и [3]) Істархъ, Персеполь; и Азаргаддонпулъ, [4]) произносимый безъ огустительныхъ буквъ Зардонпулъ, Сарданапалъ; и что-не-по-своему языку? Въ прочемъ, Шетгеній въ началахъ Россійскихъ мнитъ, что Сарматовъ имя есть сокращенное отъ Савроматтовъ не Греческихъ, но Целтіческихъ, вмѣсто Сброматтовъ (или Саблеметовъ), значащихъ Саблебійцевъ, отъ слова Сабръ (Сабля), и метать. Маттанъ убивать.

---

[1] Том. IV. Істор, Всемірн. съ Аглинск. стран. 141.

[2] Сінопс. или кратк. описан. стран. 10. IV-тое издан.

[3] Газофілак. язык. Персідск. стран. 283. По догадкѣ путешественника Шардени, Персеполю, древнимъ Персскимъ языкомъ, надлежало называться Фарсъ Абадъ или Парсъ-Абадъ. Ежели было такъ; то Греческое слово есть точный переводъ съ Персскаго: ибо Абадъ, съ древнѣйшаго Скіѳскаго обыдъ, на старинномъ Персидскомъ значитъ городъ. Нынѣ развалины его называются Тогелъ-Монаръ, или Челъ-Мінаръ, тоесть, сорокъ столповъ.

[4] Хрістоф. Целлар. Істор. Всеобщ. стран. 13 о дѣлахъ Ассірійск. изъ Хрістіан. Шотан. изъ част. II, бібліотек. Священ. Істор. страг. завѣт.

Обрѣтаются авторы, утвердившіися на [1]) Плініи предлагающемъ, что Сарматы словутъ Мидскими потомками, и купно на [2]) Юстінѣ свидѣтельствующемъ; что языкъ Партоянскій смѣшанъ былъ съ Скіѳскимъ и Мидскимъ, которыи положили, что Сарматы, похожіи много, по ихъ, на Партоянъ, произошли [3]) отъ Мидянъ, и что имя сіе повреждено съ [4]) Халдейскаго ШЕАРЪ-МАДАИ, тоесть, остатки отъ Мидянъ. Но мы ни чего не можемъ ни утвердить, ниже прямо разгласиться въ разсужденіи сего. Подлинно, имя Партоянъ значитъ на Скіѳскомъ или на Словенскомъ языкѣ [5]) Изгнанника; и для того мы думаемъ, что они, бывши выгнаны отъ своихъ земляковъ, вошли воруженною рукою въ Мидію, а Мидяне и прозвали ихъ Партами или Пертыми, тоесть, выпертымц или выгнанными.

Помышляется нѣкакъ и мнѣ, что имя Сарматъ не происходитъ ли отъ Словенскаго Царметъ; то есть, отъ человѣка умѣющаго превосходно метать изъ лука: слово Царь, употребляется у насъ иногда, сверьхъ вѣнценоснаго самодержца, знаменованіемъ великости и превосходства. Въ семъ точно разумѣ и говорится Царь-колоколъ, Царь-градъ, Царь-дѣвица, и Царь-бобы. Не знаю, не лучшель будетъ другая слѣдующая догадка. Геродотъ повѣствуетъ, что Сарматы произошли отъ Скиѳовъ и Амазонокъ. Но и другіи

[1] Кн. VI. гл. 7.

[2] Кн. XLI.

[3] Мела кн. III гл. 4 и индѣ.

[4] Бошарт: кн. III глав. 14.

[5] Незрон. древност. гл. 4.

авторы пишутъ, что Амазонки пребывали съ супружниками своими чрезъ одинъ только мѣсяцъ; такъ что, родившихся потомъ дщерей оставляли онѣ у себя, а сыновъ отдавали отцамъ, что и по Геродоту. Полагаю, что сіе было тогда, когда уже́ Скитѳовъ довольно переправилось за Волгу, называемую ими Расъ, и сокрощенно Ра; а Амазонки жили по Дону. Можетъ статься, что молоды и Скитѳченки, пребывая съ переправившимися своими отцами, а матерей не видя, спрашивали отцовъ, гдѣбъ ихъ матери были? Но отцы имъ и сказывали: ЗА-РА-МАТИ, тоесть, матери ихъ живутъ за Волгою; отъ чего-тѣ-дѣти-и прозваны Зараматами, или Скитѳами, имѣющими своихъ матерей за Волгою на западъ.

Превеликая оная степь, коя между Волгою и Яикомъ и за Яикомъ, далеко къ Востоку и къ Сѣверу, до самыя Камы простирающаяся, еще и за Каму, на коей безпорно пребывали Скитѳы, и которая понынѣ, у Абулгазі-Баядуръ-Хана, называется Кафджакъ, или Кипчакъ, что-есть-иное, какъ-суще по-Словенски Ковшакъ? Названа, да и весьма вѣроятно, по народу, носившему на кожаномъ поясѣ повѣшеный ковшъ. Видѣли уже мы Геродотову повѣсть о Скітѳскихъ царяхъ, носившихъ чашу, висящую съ ременнаго пояса. Подлинно, первый ихъ царь, именемъ Скитѳъ, есть баснословный; но ничто не опровергаетъ, чтобъ Скітѳскому обыкновенію, носить ковшъ, повѣшенный съ кожаныя опояски, не быть истинному.

Дивно, коль Греки Словенскія имена Амазонокъ, прехрабрыхъ Скитѳійскихъ женъ по Исторіи, иска-

зили правописью своею, знаменованіемъ, и окончаніями; такъ что, едва остался въ нихъ слѣдъ Словенскаго толка. Лебедь, славная царица Амазонская, или по Польски Ламбедь, проименована отъ Грековъ Ламбедо и Лампето; Морвежа, тоесть морская башня или столпъ, названа Марфесія; Гордара, тоесть гордая и осанистая, Ортара; Энтавопа, тоесть Тавопящая или громогласная, Антіопа; Губалота, или велерѣчивая, наречена Гіполита; Менелюба, тоесть, меня любящая, или мнѣ любезная, Меналіппа; Пентасила, тоесть, напятая или напреженная сила, Пентѳесілеа; Даластра или Деластра, тоесть жена въ дѣлахъ острая, или данная сестрою, Талестріа.

Но и сами онѣ всѣ вобще разглашены отъ Грековъ Амазонами, тоесть, безсосечными; а въ подтвержденіе сему знаменованію, сплетена и баснь, по Греческому тогдашнему нраву, что-будтобъ онѣ себѣ прижигали единъ сосецъ, дабы имъ способнѣе было изъ-лука стрѣлять, но другіи оставляли для воздоенія своихъ порожденій. Что за безчувственность не по естеству, и совокупно жалость природная, прекословящіе себѣ взаимно! Однако, какъ-небыли онѣ всѣ не женами, такъ не былижъ и безсосечными, да и не прижигали и не отрѣзывали себѣ отнюдъ сосца: сеи есть токмо Греческій вымыслъ, чтобъ имя Амазоны, согласить съ лишенною сосца. Были онѣ подлинно не Амазоны по-Гречески, но Омужоны по-Словенски, то есть, были онѣ жены мужественные, и Омужоными какъ-себя-сами, такъ и другіи равно ихъ называли. Итакъ, никто ужа, мнится, съ Дасіеромъ (переведшимъ Плу-

тарховыхъ знаменитыхъ мужей, тома I, страницы 75-тыя, въ примѣчаніи, подъ числомъ 155-тымъ) возглашать съ удивленіемъ не будетъ, [1]) какъ-бы могли быть Греческія имена у Скитѳовъ? ибо Греки, Скітѳскія природныя имена сами изволили превратить собою, и здѣлать Греческими.

Посмотримъ любопытствуя, и увидимъ, что прочія имена и Целтическихъ также народовъ, какъ и Скитѳскихъ, суть Словенскія. Гамеріты именуются безспорно отъ Гамера Іафетѳова сына. Комаріаны, Камаріаны, Хомаріаны, Цімміріаны, и Цимбріаны у [2]) Птолемея, у [3]) Страбона, у [4]) Діонисія Александріискаго, или лучше Харакскаго, у [5]) Мелы, у [6]) Плинія, и у многихъ другихъ, суть такія имена, кои ясно видѣть можно, что они первородныя отъ Гамерітовъ, но нѣсколько поврежденныя. Цімміріановъ какъ Бошартъ [7]) такъ и покойный Байеръ [8]) производитъ отъ Гамерітовъ. О Цімбріанахъ и Цімбрахъ есть сомнѣніе. Незронъ ихъ толкуетъ отъ [9]) Гамеражъ, какъ-то-Гомро, Кюмро, Кюмери: но Плутархъ [10]) въ Маріи повѣствуетъ, «Что Гер-

[1] Comment trouve-t-on des noms Grecs chés les Scythes?

[2] Кн. VI. гл. 11—13.

[3] Географ. Кн. II.

[4] Стих. 700.

[5] Кн. III.

[6] Кн. VI. гл. 16.

[7] Фалег. кн. III. гл. 10.

[8] Том. II. о Цімміріанах. стран. 420

[9] Древност Целтическ. гл. 3.

[10] Том. IV. стран. 108—109. перевод. Дасіеров.

«манцы называютъ розбойниковъ Цімбрами, что-сіи «Цімбры, хотя и имѣли многоразличныя имена, по «разности народовъ, однако все Цімбрическое воин- «ство разумѣемо было подъ общимъ именемъ Цел- «тоскітоовъ, и что-другіи писатели утверждаютъ «ихъ бывшихъ частію Цімміріановъ, вѣдомыхъ «древнимъ Грекамъ».

Какъ-то-ни-есть; только Цімбры [1]) народъ есть Целтоскитоскій, и слово Цімбры кажется быть Словенское. Въ немъ слогъ (ці), есть Греческій (кі), произносимый между (кі) и (чі); а у древнихъ Римлянъ и суще произносимъ былъ (чі), который-есть одного органа съ слогомъ (ші) и (жі). Нѣтъ у Грековъ писмени (б), вмѣсто коего имѣютъ они (в); такъ что, новѣйшіи Греки, хотя изгласитъ літеру (б), пишутъ ея по своему чрезъ (мп), напримѣръ Мпухарія, вмѣсто Бухарія. Слѣдовательно, и въ словѣ Кімпры вмѣсто по-Римскому Тімпры за Тібры, и по тому Шибры. Но Шибры довольно ясно произходятъ въ сокращеніи отъ Словенскаго Шибари, то есть, разители и Поражатели. Не безъ сходства назовемъ мы ихъ и Жимберы, то есть людьми жмущими сильно, и берущими у другихъ все не по праву, но нагло.

Какъ-первое мое знаменованіе, такъ и сіе другое согласно съ Плутарховыми разбивателями и съ Целтоскітоами. У меня и Циммеріи, коихъ-были-частію

---

[1]) Горопій Беканъ доказалъ превесьма твердо, въ Амазоническихъ своихъ писаніяхъ, что Цімбры, Скітоы, и Сарматы суть одного всеконечно рода.

Цімбры, по писателямъ упоминаемымъ отъ Плутарха, суть не отъ Греческія зимы и мрака или тумановъ, но происходятъ отъ жменіяжъ, то есть, отъ людей способныхъ къ храброму утѣсненію другихъ всякихъ, согласно съ онымижъ Плутарховыми писателями по его словамъ: Плутархъ въ семъ есть достовѣрнѣе Бошарта, и Байера, и Пезрона; однако не спорю симъ тремъ, и говорю, что-могли тѣ и другіи называть себя вобще Гамерітами по праотеческому имени. Мы токмо сіе утверждаемъ, что-у-Целтовъ-съ-Скітѳами былъ одинъ языкъ издревле [1]) Словенскій: а сіе и [2]) Клуверій подтверждаетъ, что-древній-Целтіческій родъ, кой, по описанію его, пребывалъ въ Іллиріи, въ Германіи, во Франціи, въ Гішпаніи, на Брітанскихъ островахъ, и на другихъ сѣвернѣйшихъ говорилъ однимъ и тѣмъ же языкомъ.

---

1 Болгары, безъ сомнѣнія, были Скитѳы по нашей степенной, и языкъ ихъ былъ издревле Словенскій, по Кромеру кн. I. стран. 12; а Цімбры Целты, какъ-отъ-Гамера. Но Цимбры и Готѳы, по томужъ Кромеру, суть сопломенны Болгарамъ; а Стриковскій въ началѣ своихъ книгъ, также и Бѣлскій въ дѣляхъ Казіміра I. на стран. 239, производятъ отъ Цимбровъ и Готѳовъ Литву, Прусовъ, Печенѣговъ, и Половцовъ; да и тотъ же Стриковскій говоритъ на стран. 201—202, что Половецкій языкъ былъ смѣшанъ съ Россійскимъ и Польскимъ, Славенскими безпрекословно языками. Слѣдовательно, Цімбры, Готѳы, Литва, Пруссы, Печенѣги и Половцы говорили издревле по-Словенски: ибо сей былъ; отъ самаго перваго начала, Болгарскій языкъ какъ-Скітѳскій.

2 Древност. Германск. кн. I. гл. 6.

Целты названы Галатами, то есть млечными, отъ Грековъ: доказываетъ сіе Греческое самое Реченіе. Галлами (пѣтухами, или Скопцами) проименованы они отъ Римлянъ, по свидѣтельству [1]) Іулія Цесаря. Пезронъ утверждаетъ, что-Целты сами себя назвали Тітинами. Но [2]) Авторы Всемірныя Исторіи, съ Аглинскія переведенныя, означаютъ Тітановъ словомъ Аборігіновъ, то есть первобытныхъ. И по правдѣ, имя Тітана есть Словенское, и значитъ Дидана, то есть, Дѣдуна или Дѣда, какъ самаго престарѣлаго мужа. Саки, суть отраслію Целтическою, по свидѣтельству [3]) Авторовъ Всемірныя Исторіи, которыхъ Страбонъ [4]) помѣщаетъ нѣсколько западнѣе въ Каппадокіи, по полуденному берегу чернаго моря. Тѣжъ авторы [5]) Всемірныя Исторіи, производятъ имя Саковъ отъ грабленія. По сему и будутъ они на Словенскомъ языкѣ или Сачи, или Сечи отъ сѣченія.

Осталось имя Целтіберіановъ. Всякъ видитъ, что-названіе-сіе-сложено изъ Целтовъ и Іберовъ. Выше истолковано, что-Целты суть желты, по-Словенски. Но кто-Іберы? и что-они значатъ? Іосифъ [6]) Іудеанинъ производитъ ихъ отъ Тѳовеля Мосохова брата, и говоритъ, что-они-послѣ названы Іберами: а мнѣнія сего держится и [7]) Зонаръ. Но вѣроятнѣе ка-

---

1 Комментар. о воин. Галліческ. кн. I. гл. 1. числ. 1.
2 Том. IV. стран. 112. въ примѣч. подъ *.
3 Том. IV. стран. 110. въ примѣчан. подъ *.
4 Кн. XI.
5 Том. IV. стран. 100. въ примѣчан. подъ *.
6 Древност. кн. I. гл. 7.
7 Том. I. стран. 23 издан. Рег.

жется по всѣмъ обстоятельствамъ, чтобъ Тѳовелянамъ быть не Іберамъ, но Іверянамъ, пребывающимъ между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, и называться въ древнія времена Тібаренами, [1]) кои впрочемъ были-двои, по свидѣтельству Бошартову въ книгѣ III Географіи священныя. Клуверій [2]) утверждаетъ, что-Іберы, толкуемы быть долженствуютъ отъ нѣмецкаго слова Іберъ, значащаго (ЗА): а на семъ утвердившись-авторы Історіи Всемірныя, съ Аглинскія, [3]) и полагаютъ, что-Іберы суть Целты, живущіи за [4]) Піренейскими горами.

Я оставляю прочія знаменованія, произведенныя учеными людьми отъ разныхъ языковъ, для того что они не умѣли по-Словенски, отъ котораго-надлежитъ производить сіе слово. Іберы сіи, тоесть Гішпанцы, не суть Тібары, и не Іверы, и ниже отъ того что-они-Целты-Запиренейскіи; но отъ Словенскія рѣчи УПЕРЫ, для того что они какъ-уперты, въ продолженіи шествій своихъ, со всѣхъ сторонъ морями: или они суть Опе́ры и Опи́ры отъ опертія, тоесть

---

1 Явствуетъ имя сіе и доднесь въ Кабарда, выговариваемое многими Табарда, и Тебарда, и Тыбарда. Мнится, что-чрезъ-Кабардиновъ должно разумѣть вторыхъ Бошартовыхъ Тібареновъ.

2 Кн. II. гл. 3.

3 Том. IV. стран. 106. въ примѣчаніи.

4 Піренейскіе горы не отъ Пірины Бебрійскаго Царя дочери, Геркулесомъ любленныя, и отъ звѣрей растерзанныя, по Пінтамъ, но отъ Словенскаго, Пирина, тоесть запертіе, наименованы первыми Целтами, шествующими далѣе на западъ. Итакъ онѣ Пиринскіе горы.

заключенія. И по истинѣ, не кругомъ ли они заперты? Съ востока, Піренейскими горами; съ Сѣвера, Кантабрическимъ Океаномъ; съ Запада Атлантическимъ; а съ Юга Средиземнымъ моремъ: такъ что, имъ точно, и ихъ онымъ мѣстамъ и прилично было славное оное Латинское, съ Греческаго, изглашеніе НЕ МОЖНО ДАЛѢЕ. Подтверждается сіе и словомъ Гіспаніи: ибо оно повреждено съ Словенскаго, и есть Выспанія, какъ-будто полуостровная. Рѣчь Высна [1]) на Славенопольскомъ языкѣ значитъ полуостровъ, кой съ трехъ сторонъ окруженъ водами, а съ четвертыя соединенъ съ твердою землею. Однако, значитъ сіе слово и цѣлый островъ. И такъ, вѣроятнѣе будетъ имя Гіспаніи отъ Выспы, а не отъ Сепана, или звѣрка Кролика Финикійскимъ языкомъ, по мнѣнію Целларіеву.

Что больше? Мы находимъ всѣ страны, Целтами съ начала населяемые, Словенскимъ языкомъ прозванные. Доведено, что Гіспанія есть Выспанія. Но Лусітанія, нынѣ Португаллія, будетъ Лишеданія, или Лишеденія по лишенію дня, какъ страна самая послѣдняя въ западѣ. Галлія, Целтія; тоесть Желтая: да и жили въ ней народы, называемыи Велокассы, отъ великихъ или многихъ косъ изъ волосовъ на головѣ; Трикассы, отъ трехъ косъ; Белловаки, отъ бѣлости лица. Гельвеціа, или правѣе Гелветіа, нынѣ Швейцарія, есть Голвѣтія или Головѣтія, отъ малаго земли сея плодоносія. Чтожъ до Брітаніи; то какъ она не

[1] Сокровищ. Полоно-Латіно-Греческ. отъ Іезуита Григор. Кнапія.

отъ-того, что-будто жители ея были названы Бриты отъ раскрашиванія своихъ лицъ, такъ и не отъ Брюта или Брита, Троянскаго Князя, прибывшаго въ Британію по раззореніи Трои: Авторы [1]) Всемірныя Исторіи, съ Аглинскія, съ сими знаменованіями сами не соглашаются. Мы говоримъ, что-Британія, есть или Броданія отъ большихъ бородъ, или Братанія отъ сего, что Британскіи-Целты суть одного рода съ Галліческими, какъ-то Целларіи мнитъ въ познаніи древняго міра: и по тому Брітанія названа отъ братства Британскихъ Целтовъ или Гамеритовъ съ Галліческими: можетъ быть, что она и Пристанія, названная такъ самыми первыми, преѣхавшими къ ней сътвердыя земли чрезъ море. Древнѣйшій языкъ и на сихъ островахъ былъ Словенскій: свидѣтельствуетъ Хладонія, тоесть страна хладная, нынѣшняя [2]) Шкотландія, кою-Римляне прозвали Каледоніею отъ незнанія языка: тожъ доказываетъ и море тамъ Каледонское, вмѣсто Хладонское, какъ-простирающееся къ сѣверу. Отъ Белгія Белга, какъ-бѣлка, есть точно бѣлый человѣкъ, по бѣлизнѣ обывателей

---

[1] Том. IV. стран. 114. 115. въ примѣчан.

[2] Сія издревлежъ прозвана и Скотіею не отъ нѣмецкихъ Скутовъ, или изъ-лука-стрѣльцовъ, но Шкодія отъ Шкоды или Невыгоды съ сѣвера. Чтожъ до Іберніи (Ирландіи), то прямо она есть Обернія: ибо со всѣхъ сторонъ окружена моремъ, какъ-будто обернута онымъ. Подтверждается сіе и другимъ ея именемъ, Ожижія (по древнему произношенію), или званная длятогожъ, что - она - вкругъ окружена водами, или для сего, что-въ-ней почитай непрестанно дождь и туманъ бываетъ.

сея страны. Батавія или какъ Бодавія отъ боденія, то есть отъ колющихъ оружіемъ жителей; или Водавія отъ воды, какъ-страна воднистая.

Германію Германцы производятъ отъ земли, населенныя военными людьми, Гверре и Манъ; да и говорятъ, что-такъ ея прозвали Римляне. Но намъ мнится, что-и-ей должно происходить, еще-и-ближае, отъ Словенскаго языка, какъ-бывшаго у всѣхъ Целтовъ и Скітѳовъ общаго. Итакъ, она есть или отъ Холмовъ Холманія, Халманія, и Алманія; для того что ни одна изъ Европейскихъ земель, по свидѣтельству [1]) Целларіеву, ни толь лѣсиста, ни толь гориста, коль Германія: или она есть Ярманія отъ ярма, означающаго жителей своихъ трудолюбными и неусыпными въ земледѣланіи: или наконецъ она Кормапія, по обилію корма и паствы. Римлянамъ будетъ ея назвать отъ Гверре и Мана, а произносить не Гверманія, но Джерманія или Жерманія; то въ семъ нѣтъ, мнится, ни пошлаго вида. По сему, надлежало имъ прозвать ея отъ своего прозябенія, выговариваемаго ими [2]) Джерменъ или Жерменъ, примѣняясь можетъ быть къ Словенскому Корманія, или и переводя сіе слово. Германскій языкъ, когда-различился, со временами, отъ Словенскаго; то и названъ оный отъ Славянъ Нѣмецкимъ по нѣмотѣ, а народъ нѣмцами. Симъ именемъ и Анна Комнина, приведенная у Байера въ разсужденіи о Варягахъ, называетъ ихъ

---

1 Въ познаніи древняго міра.

2 Germen.

Нѣмичами по нѣмостижъ, а не по Элзацкому народу Неметовъ, какъ-то-самъ Байеръ тамъ переводитъ слово Нѣмичовъ: ибо уже Нѣмцы не разумѣемы стали по языку Славянамъ.

Корманія, Словенская рѣчь, подтверждается и словомъ Саксоніи: ибо Саксонія есть какъ Сажонія, и значитъ сажоную отъ многихъ въ ней растущихъ насажденій. Излишно и упоминать о Поруссіи и о Помераніи: обѣ издревле Словенское имѣютъ имя; Порусь и Поморіе. Но и Голсаціи или Голстіни нынѣшнее проименованіе, также испорчено съ древняго Словенскаго: отъ Колцатыя здѣлана Голсація, а отъ Колостѣни Голстинія; обоежъ названіе изъявляетъ, что она есть круглый полуостровъ, и что-почитай со-всѣхъ сторонъ окружена или остѣнена водами. Данія происходитъ отъ дня, и есть какъ Денія: ибо день выговаривается у Словянъ и дань, какъ Песъ и Пасъ. Светія отъ свѣта, равно какъ свѣтлая; а сіе согласно и съ Даніею отъ дня, для того что Швеція и Датская земля, были въ старину почитаемы однимъ государствомъ. Норвегія не происходитъ отъ Тевтоническаго слова; но Тевтоническое нынѣшнее имя ея разгласилось отъ поврежденія здѣланнаго Словенскому древнему: понеже она есть Наверхія, или Наверхія, тоесть, страна лежащая на верьхъ къ сѣверу. Самая Скандинавія есть не Шонія отъ изрядства: изрядству ея, какъ-самаго холоднаго края, должно быть не весьма изрядному. Она есть Шкодынавѣя. тоесть, отъ вреда вѣющаго въ ней съ блискаго сѣвера.

Не безъ причины упомянемъ и объ Италіи. Было

ей имя Авзонія отъ Авзона вождя, сына Улиссова и Каліпсіна, по Фесту и по Стацію. Называли ея и Энотрія, или правѣе Инотрія, [1]) отъ плодоносія въ ней виноградаго, и потому віннаго. Гесперія, съ прибавленіемъ великая, на различеніе отъ Гіспаніи, или лучше отъ Луситаніи: слово сіе значитъ, вечерняя по Гречески. Именовалась она и Сатурнія: ибо, по баснословію, Сатурнъ въ ней скрылся, ушедъ отъ сына своего Юпітера. Но всеобщее имя ея, оставшееся въ употребленіи и до днесь, есть Італія. Сіе имя Варронъ, Колумелла, и Фестъ производятъ или отъ Царя Італа, или отъ Вола, называемаго по-Гречески Італосъ. Хотятъ, чтобъ ей быть и отъ Латінскаго Тельца, именуемаго Вітулусъ, и называться по тому Віталія. Какъ-кто изволитъ, такъ и да производитъ. Но я мню, что-Італія всеконечно отъ Словенскаго Удалія; тоесть, страна удаленная отъ сѣвера: или она есть Выдалія, какъ выдавшаяся косою въ

---

[1] По Кірхеру, въ Лаціи древнемъ и новомъ, Инотрія есть отъ Оенотра; а сей Оенотръ былъ праотецъ Ной, который, убѣгая отъ Хама, прибылъ въ Італію съ Іафетѳомъ и Гамеромъ, да и царствовалъ въ ней подъ именемъ Іануса: имя происходящее, по его, отъ Еврейскаго Іаінъ, или отъ Халдейскаго Іаіно, по знаменованію вино. Но сіе токмо есть остроумная Кірхерова догадка: ибо доказано другими учеными людьми основательнѣе, что-праотцы-не-преселялись изъ Азіи, и что-въ-ней скончались. Однако, сіе почитай достовѣрно, что-не-самъ Гамеръ, но потомки его зашли въ Італію съ Скитѳскимъ или Словенскимъ языкомъ; а сіи и суть такъ называемыи Аборігіны.

средиземное, и лежащая между верьхнимъ и нижнимъ морями. Предревніи жители въ ней, безъ всякаго почитай сомнѣнія, Словенскія имена имѣли. Первыи суть Сабины, тоесть Забины отъ забійства или отъ боя и битвы: Богъ ихъ Сабо, есть точно Забой, тоесть побитецъ, да и видно, что черзъ-сіе-имя разумѣли они Марса. Вторыи Гетруски, отъ хитрости хитрушки: ибо сіи люди въ наукахъ, по тогдашнему, упражнялись. Третіи Волски, отъ хищенія волчки: или отъ ольховыхъ деревъ Волши, для того что (sc) произносится, по древнѣйшему Римскому, за (ш) наше. Самый Латій, и по тому Латіны, не отъ Сатурнова у меня въ немъ утаенія, что-и-по-всемірной Исторіи, съ Аглинскія, тома четвертаго, страницы 112, есть принужденное произведеніе; но отъ Лада, тоесть согласныя области и людей, Ладій, Ладины: такъ что, Аборігіны, [1]) или начало не имѣющіи жители Італійскіи, всемѣрно было Словенскаго языка, кои по томъ, смѣшавшись съ Аркадянами, изъ Греческаго и Словенскаго, здѣлали оный древнѣйшій языкъ Латинскій. Отдѣленная отъ нея Сіцілія была называема Трінакрія, по тремъ ея мысамъ; Трікветра, по треугольному виду; а Сіканія, говорятъ, по наро-

[1] Аборігіны древнимъ Латинскимъ произношеніемъ суть Аборіджіны, тоесть, безначальныи люди: но сіе по Латінскому знаменованію Діонисій Галікарнасскій древностей Римскихъ въ кн. I. въ гл. 10 называетъ ихъ горными жителями, и производитъ отъ Греческія горы и рода. Однако, по моему, правѣе кажется они будутъ ОБОРИЧИНЫ, то есть, отъ Словенскія рѣчи, смѣшавшіяся съ Аркадійскою, и произведшія Латінскую.

ду, преселившемуся туда изъ Гіспаніи: Сіцілієюжъ, по Сікуламъ людямъ, прѣхавшимъ на сей островъ изъ Італіи. Пустъ такъ, буде доказана есть сія правда праведною. Однако, я не меньше вѣроятно думаю, что Сіцілія есть Сѣчелія, равно какъ отсѣченная отъ Італіи. Слѣдовательно, какъ народъ Сіканы будутъ Сѣканы, такъ и Сікулы и Сіколы назовутся отъ тогожъ сѣченія, тоесть, Люди жившіи издревле на отсѣченномъ островѣ отъ [1]) Італіи.

Геродотъ не знаетъ, отъ чего, и отъ кого Европа сіе себѣ получила имя. Если спросятся баснословцы; то она отъ Европы, дщери Финикійскаго Царя, увезенныя изъ Африки чрезъ море на островъ Критъ Юпитеромъ, превратившимся въ Вола. Да зрится о семъ Цицеронъ въ книгѣ первой объ естествѣ Боговъ, и Плініи въ книгѣ второйнадесять, и также Лактанцій въ книгѣ первой. Мнѣ мнится, что-имя Европы, происходитъ отъ Словенскаго Ярона, или Яроба, по обитателямъ убѣленнымъ какъ Ярина, то есть хлѣбъ яровый: и такъ, будетъ ея имя отъ людей бѣлокурыхъ. Знаменованіе мое подтверждаетъ Бошартъ, говоря, что Европа есть по людямъ, бѣлое лице имѣю-

---

1 Горы Алпійскіе, раздѣляющіе Італію отъ Галліи и Германіи, подлинно отъ высоты своея названы, какъ-то Сервій на X. кн. Энеіды примѣчаетъ, однако не Алпесъ, но Олбесъ, какъ-то ихъ именуетъ-Посідоній у Атенея въ кн. 6. гл. 4. По сему первоначальныи Целты, шедшіи съ Словенскимъ языкомъ, прозвали ихъ Олбы, тоесть Лбы въ округъ. Чтожъ до Сікановъ; то они, по Діодору Сіцілійскому кн. V. гл. 2., подлинно первобытныи Сіцілійскіи обитатели.

щимъ; но въ языкѣ не согласенъ онъ со мною; ибо толкуетъ отъ Финикійскаго Хураппа. Пускай разсуждаютъ искусныи, чье произведеніе есть ближе.

Объ Азіи тотъ же Геродотъ пишетъ, что она есть отъ-Асіи, супруги Япетовы или Промитѳеевы. Ісідоръ въ книгѣ четвертойнадесять говоритъ, что отъ нѣкоторыя жены она. Иныи, совокупно съ Евстаѳіемъ предаютъ, что отъ Азіи нѣкоего мужа: такъ Варронъ утверждаетъ въ Книгѣ четвертой о Латынскомъ языкѣ, и Плиній въ книгѣ пятой. По баснословцамъ, она есть или отъ Асіи, вторыя дочери Океановы и Тѳетіды, матери Промитѳеевы, или отъ Асія, сына Лідійскаго Манея. По Бошарту, она есть отъ Финикійскаго Асі, знаменующаго средину. Но по моему, она есть, по Словенскижъ, отъ осіявающаго или восходящаго солнца: и такъ, будетъ она Осія, тоесть часть свѣта восточная въ разсужденіи Европы и Африки. До сея послѣднія нѣтъ мнѣ дѣла [1]) ибо Скитѳы и Целты сначала жили въ Азіи, а по томъ перешли въ Европу.

Знатнѣйшія рѣки, при которыхъ-съ-первоначалія пребывали Целтоскитѳы, и до которыхъ распространялись въ Европѣ, имѣютъ имена Словенскіяжъ. Волга отъ Вологи, какъ-многовлажная. Донъ отъ Тона, тоесть отъ глубины и тишины: ибо и понынѣ тихія и воднистыя мѣста называются на низу затоны. Бористенъ отъ Бори стѣны, какъ-рѣка срывающая

---

[1] Но и сія, мню, прозвана отъ Гишпанскихъ Целтоскитѳовъ издревле по-Словенскижъ, ОПРИКА, тоесть опричная.

быстротою и низвергающая берега: или правѣе, отъ пертія мути со дна, Поръ-изъ-денъ; а сіе подверждается и нынѣшнимъ его именемъ Днепръ, поврежденнымъ отъ Днаперъ или Данаперъ, тоесть, прущій съ дна. Бугъ, прежде Гіпань отъ купанія, Купань; а именемъ симъ и понынѣ называется рѣка Кубань, текущая съ восточныя стороны въ Азовское море: или она была кипѣнь отъ Кипѣнія. Днестръ, тоесть днистый, прежде Тірасъ, отъ воина Росъ или Росскаго: ибо слово Тыръ, древнимъ Словенскимъ языкомъ есть воинъ; отъ чего-и-Богтыръ, нынѣ по нашему Богатырь; отъ сего и Тѳраки, поврежденныи Греками отъ Тыраки, тоесть, отъ храбрыхъ людей. Онижъ и Одріси по тому и Одриши, какъ-будто Одриги и Одраги, отъ мужественнаго отрочества по свойству Словенскаго языка: ибо храбрыи люди и младолѣтныи называются и до днесь по-сербски Юнацы или Юноши, или по нашему молодцы. Можетъ быть что они-и-Удричи отъ Ударовъ и пораженій.

Дунай, отъ Тонаи по глубинѣжъ и Тишинѣ; или отъ Донаи, какъ-отъ-Днай, для долгопростертаго дна его: сія самая рѣка именовалась и Істромъ, по-Словенски Истаръ, отъ старости по немъ обитателей Словенскаго языка. Сава отъ Сева или сѣва; а Драва отъ древа или травы. Двина при Ригѣ, у Птолемея и у Маркіана Ираклiота Рудонъ, отъ рудыя глуби, какъ-будто красная рѣка: или Дуiна, отъ раздувающихся волнъ во время вѣтровъ. Руса въ Прусіи нынѣ, отъ народа Руссовъ. Висла, прежде Радуна, отъ Радосныя; да и Висла, отъ Словенска Висела, какъ-

то-ея-нѣкоторыи писатели у Байера и называютъ, тоесть, веселая. Віадра, отъведра; онажъ и Одра, отъ утра, тоесть отъ ясностижъ. Наконецъ, Эльба, прежде Алаба, отъ Словенскагожъ Олоба, по утвержденію Мавроурбінову; знатно, что по-Лбу нареченная. Сіе древнее имя ея Словенское, сохранило и до днесь мѣстечко, стоящее въ самой близости отъ нея, именемъ своимъ Лобошицъ. Впали въ нея рѣки съ восточныя стороны и Течень и Камницъ; точными Словенскими званіями. Чтожъ Нева рѣка, на которой престольный-градъ сей Санктпетербургъ, главу свою великолѣпно возноситъ нынѣ, есть отъ новости, тоесть, Нова [1]) или Новая; то о семъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія. Но сія самая новость ея подаетъ твердую

---

[1] Полагаю вѣроятное начало ей за 1200 лѣтъ прежде Христа. Ибо древность предала, что-Атлантическое море раздѣлено было отъ Средиземнаго Істмомъ твердыя земли тоесть Перешейкомъ отъ Европы къ Африкѣ. Но съ другія стороны, хотя то и баснь, что Геркулесъ (бывшій не задолго предъ Троянскою войною) отдѣлилъ гору Калпу съ Гішпанскія стороны, отъ горы Абілы съ Африканскія, и чрезъ то здѣлалъ проливъ изъ западнаго моря въ Средиземное, называемый нынѣ Гібралтарскимъ: однако, могло сіе здѣлаться въ тѣ времена отъ тресенія земли. Симъ способомъ средиземнаго моря водамъ, какъвышшаго по склоненію положенія, должно было влиться въ воды западные, и потянуть сѣверовосточные соединенные съ собою: отъ чего сѣверовосточнымъ водамъ надлежало въ низъ катиться къ западнымъ; а сей скатъ коему должно было и отъ Ладожскаго быть озера, соединеннаго тогда съ моремъ, и возмогъ произвесть рѣку, названную по томъ Новою.

причину мнить, что-въ-древнѣйшія времена не-было сея, и что Озеро Ладожское, соединялось не посредственно съ моремъ.

Всѣ сіи произведенія именъ, не токмо не восхищеніе за предѣлы умѣренности, но и сомнительное, и единственное показаніе, или и самое Историческое доказательство (послѣ многихъ свидѣтельствъ о первенствѣ Скіѳскаго слова, въ началородныхъ Іафетѳскихъ племенахъ) что древнѣйшій всего запада и сѣвера Европѣйскаго языкъ былъ одинъ Словенскій, отецъ по прямой чертѣ Славенскому, Славенороссійскому, Польскому, Чешскому, Далматскому, Сербскому, Болгарскому, Хорватскому, Расціанскому, и многимъ прочимъ; а вотчимъ, или лучше отецъ же, но съ косвенныя стороны, всѣмъ [1]) Тивтоническимъ и Цімбріческимъ.

---

[1] Утверждающіи старшинство Нѣмецкаго языка предъ Славенскимъ, доказываютъ оное, что премножество кореней изобрѣтается въ Нѣмецкомъ языкѣ Славенскимъ рѣчамъ, и по тому онъ, по ихъ, старѣе Славенскаго. Но я въ семъ самомъ и не соглашаюсь, да и говорю на обратъ, что-всѣхъ почитай кореней Нѣмецкимъ древнимъ рѣчамъ, должно искать въ Словенскомъ языкѣ, и что Нѣмцы, отъ кореней Славенскихъ, произвели премногіе рѣчи у себя совсѣмъ другаго знаменованія, нежели надлежало по кореню. Да! будетъ въ примѣръ сіе едино: отъ СТѢНИ, кореннаго Славенскаго слова, происходитъ стѣна, тоесть то, что-застѣняетъ отъ чего. Но Нѣмецкое слово СТЕИНЪ, ясно произшедшее отъ СТѢНЬ Славенскаго, не значитъ уже стѣны, но вещество оныя, изъ котораго-по-большой-части бываютъ стѣны, а именно, сіе ихъ слово значитъ

Но да не возмнитъ-кто, что я безъ основанія различаю языкъ Словенскій отъ Славенскаго. Многіи и изъ нынѣшнихъ еще Славянъ, называютъ себя Словаками и Словинами. Іоаннъ Дубравій [1]), извѣсный писатель, мнитъ, «что сіе реченіе Словянинъ, про-«изходитъ отъ слова, и толь наипаче, что всѣ Сар-«матскіи народы, разсѣянныи по многимъ странамъ, »говорятъ однимъ и тѣмже языкомъ». Мартінъ [2]) Кромеръ, начальникъ сего увѣренія, утверждая сіе самое, приложилъ, «что сіи люди нареклись Словя-«нами; да назначатъ себя истинными, твердыми, и «постоянными въ содержаніи слова даннаго». Описатели Краковскія [3]) Академіи назвали себя также Словянами: «Вшакъ и мы естесмы Словянѣ». Преподобный Несторъ на многихъ мѣстахъ пишетъ такъ: «Словени и Словене» отъ слова, а не отъ славы. Равнымъ образомъ во всѣхъ нашихъ лѣтописяхъ, кромѣ Сіюпсіса, и наконецъ въ Степенной и въ Хронографѣ.

Сіе знаменованіе, есть остатокъ древнѣйшаго проименованія. Самый Иллірікъ, нѣдро Славенскихъ обиталищъ, названъ по семужъ знаменованію отъ слова: ибо Иллірікія, такъ именована въ Ніконовскомъ Несторѣ, есть не что-иное, какъ-токмо Льюрикія, или Льюричія, то есть страна, въ коей рѣчь или слово льется рѣкою.

уже КАМЕНЬ. По сему, не отъ СТЕЕНЪ Нѣмецкаго Славенская стѣна, но самое сіе Стеенъ, есть отъ Славенскаго СТОЯТЬ.

[1] у Мавроурбіна стран. 78.

[2] у Мавроурбіна стран. 78

[3] Въ предислов. при описан. Краковск. Академ.

Презнаменитое засвидѣтельствованіе Славенскому народу, въ древней его Словесности! Но не меньше преславное возъимѣлъ онъ по томъ преимущество и по славѣ дѣлъ своихъ, и по наименованіямъ отъ славы. Исполнены славы имена! Свѣтославъ, Святославъ, Владиславъ, Болеславъ, Брославъ, Вышеславъ, Мстиславъ. Всѣ сіи, и премногія другіи, славу токмо героевъ сего народа возглашаютъ. Бернардъ Юстініанъ [1]), писатель Венеціанскій, исповѣдуетъ, «что-Славяне пріобрѣли себѣ имя славы, славою оружія и военныхъ дѣйствій». Іеремія, называемый у Мавроурбіна Русиномъ, утверждаетъ въ описаніи знаменитымъ битвамъ, случившимся при Россійскихъ предѣлахъ въ лѣто [2]) 1118, сказуя, «что Славяне нарицаются отъ многихъ одержанныхъ славныхъ побѣдъ». Не инако и Матѳей Стриковскій [3]) подтверждая повѣствуетъ, «что Славяне Славянами, или славными, начали именоваться отъ дѣлъ своихъ славныхъ». Могли ль не храбрости добродѣтелію Славяне быть славны? По славнымъ своимъ дѣяніямъ, «Славяне [4]) и у Візантійскихъ писателей по премногу [5]) возвѣщаются». Да растетъ же слово и ихъ слава до скончанія вѣковъ, всѣмъ симъ въ украшеніе!

[1] Істор. Венеціанск. кн. III.

[2] Время сіе означаетъ военныя презнаменитыя дѣйствія великаго Князя Владиміра Мономаха.

[3] Стран. 101. 102. 103. 110.

[4] Прокоп. Готѳическ. кн. III. Гл. 3-40 и кн. IV. Гл. 25.

[5] Байер. Том. VIII. въ начал. Россійск. стран, 388.

КОНЕЦЪ ПЕРВОМУ РАЗСУЖДЕНІЮ.

РАЗСУЖДЕНІЕ ВТОРОЕ

О

ПЕРВОНАЧАЛІИ РОССОВЪ

Въ семъ второмъ Разсужденіи, намѣрился я произвесть начало Россовъ отъ самыя отдаленныя древности; да и показать достовѣрно, что народъ Руссъ, или Россъ, былъ издревле сей самый, который нынѣ собственно именуется Россійскимъ и говорилъ онъ сперва Словенскимъ языкомъ, а по томъ Славенскимъ, и Славенороссійскимъ понынѣ.

Возведена, мнится, вѣроятность на ближайшую степень къ верьховной, что самыя первыя шествія Целтическихъ народовъ изъ Азіи, въ вышній Европскій Сѣверъ, и въ глубокій Западъ, были съ единою и общею рѣчію Словенскою: [1]) свидѣтельствуютъ имена странамъ наложенныя, въ первомъ разсужденіи произведенныя мною. Но что болѣе поколѣнія

---

[1] Генселій всеобщія Філологіи на страницѣ 383, производитъ отъ Скіѳословенскаго слова ХОРДА, значащаго становище премногихъ жилыхъ кибитокъ, Словенороссійскій городъ, Славенскій градъ, Тевтоническій Гардъ, значащій городокъ; да еще и старинную Французскую рѣчь Гкортъ или Кортъ, значащую и королевскій домъ, и приказную палату.

отъ поколѣній начали различаться, удаляться, возвращаться вспять, и мѣшаться съ другими; то больше стало дѣлаться разности въ языкѣ: такъ что, наконецъ всемѣрно Целтіческій языкъ различился съ Словенскимъ. И не дивно, какъ основательно Сенека, пиша объ утѣшеніи къ Албіну, примѣчаетъ: «Ежед-«невно нѣчто въ семъ великомъ мірѣ премѣняется; «новыя градовъ основанія полагаются, новыя наро-«довъ имена, по изчезшимъ старымъ, возраждаются.»

Однакожъ, такъ оный съ симъ Словенскимъ различился, что не могъ не оставить въ себѣ многихъ первородныхъ слѣдовъ и реченій. Доказываетъ сіе Тевтоніческое [1]) ауге и оге, око; цвей и твей, два; дрітте, третій; Эзель, Оселъ; Эссігъ, Оцетъ; Гкансъ, Гусь; Гкастъ, гость; Леінъ, Ленъ; Маусъ, Мышь; Мееръ, Море; Вассеръ и Ваттеръ, Вода; Меетъ, Медъ; Мюллеръ, Млинарь, нынѣ Мѣльникъ; Муттеръ и Модеръ, Матерь; Пфейнігъ, Пѣнязь; Зонъ и Сунъ, Сынъ; Юнгкъ, юнъ; Кірхе, Церковь; Зааменъ, Сѣмя; Заалцъ, Соль; Сицъ, сидѣніе; Шілдъ, щитъ; Веінъ, Віно; Виттве, Вдова; Абрісъ, Образъ. Доказываетъ и Готландіческое [2]) Бредвидъ, значащее не далеко, то есть предъ самымъ видомъ. Довольно и сихъ для примѣра.

Нѣкто изъ достойнопочитаемыхъ моихъ пріятелей, Германіческаго мужъ народа, удостовѣряетъ, что нашелъ онъ премножество нѣмецкихъ словъ,

---

1 Кірхмайер. въ Параллел. XII. языковъ.

2 Георг. Валлін. въ Эпистол. къ Соціетет, стран. 17. въ примѣчан.

сходствующихъ совершенно съ нашими Россійскими. Но Россійскій языкъ, есть единъ изъ Словенскихъ, да еще и цѣльнѣйшій прочихъ, еслибъ его не портили; однако никогда и во вѣки не повредятъ: щитъ ему и утвержденіе безсмертный нашъ языкъ церковный. Итакъ, будетъ онъ вѣчно и достодолжно называться Славенороссійскимъ.

Славяне, есть названіе, по языку и славѣ дѣлъ воинственныхъ, всеобщее всѣмъ народамъ Славенскимъ. Признаваетъ сіе со мною Албертъ Кранцій [1]) о Вандалахъ: ибо каждый изъ нихъ народъ, имѣетъ особенное себѣ проименованіе. И по истиннѣ, именуются Славяне то [2]) Вандалы; то Далматы; то Сербы; то Болгары; то Расци; то Горваты; то Чехи; то Ляхи; то Моски и Россы. Я оставилъ почитай неисчетныя названія Славянъ: довольствуюсь токмо сими главнѣйшими. Нѣтъ мнѣ здѣсь потребности во всѣхъ прочихъ Славянахъ: до Москвъ и до Россовъ единственно имѣю дѣло.

Представлю я общаго ихъ праотца; произведу родоначаліе; и протолкую знаменованіе именъ. Имѣются Россійскія начала на Латинскомъ языкѣ Шетге-

---

[1] Кн. II. глава 3.

[2] Сіи называются инако у Историковъ и Веніди, а сокращенно Венди и Вінди: но обое сіе названіе одну силу значитъ, тоесть народъ недовольствующійся однимъ мѣстомъ, но всегда далѣе и далѣе разсѣвающійся. Вандалъ, есть человѣкъ удаляющійся вонъ съ занятаго прежде мѣста; а Венідъ идущій вонъ изъ прежнягожъ: ибо рѣчь ВОНЪ, по-Славенски говорится и ВАНЪ, и ВЫНЪ, и ВЕНЪ.

ніевы; чтутся и Байеровы на томъ же; обоихъ ученыхъ и непрезираемыхъ мужей. Съ сими, гдѣ повелитъ истинна, соглашусь безъ прекословія. Но гдѣ свѣтъ ихъ, ясностію своею блистать довольно не будетъ; тамъ отъ густоты мрака потщусь убѣгать, и прилѣжно поищу индѣ просвѣщенія. Во первыхъ начинаю предлагать о Россахъ.

Хрістіанъ [1]) Функцій повѣствуетъ, «что первый «основатель Россіи былъ Руссъ третій братъ Чеху и «Леху; а всѣ сіи три брата вышли изъ Далмаціи или «Славоніи, и шли съ воинствомъ около лѣта Христо«ва не 550-го, какъ то Горній говоритъ, но 500-го, «какъ утверждаетъ-Гвагнинъ, въ страны Сарматскіе. «Руссъ поселился около Мосховіи: отъ чего Руссы, «нарекшіися по имени основателя своего и Мосхами «называться стали». Преизрядноб по истиннѣ для насъ сіе было: всебъ дѣло симъ однимъ совершиться могло. На чтобъ доискиваться, откуду, отъ чего, и отъ кого Россы? Довольнобъ сказать, что отъ Русса, вышедшаго изъ Славоніи около 550-го лѣта отъ Христа, и сѣдшаго на земляхъ Московскихъ. Былъ бы здѣсь корень не токмо имени Россійскому, но и Славенскому языку: ибо и я премѣну Словенскому языку на Славенскій, и Словянъ на Славянъ, полагаю почитай въ самыя сіи времена, утвердившись на [2]) Прокопіи, называющемъ Славянъ Склавинами.

Но покойный Байеръ [3]) для самыхъ важныхъ

---

[1]) Въ четверочастномъ Сокращеніи Свѣта стран. 142.

[2]) Готѳическ. кн. III.

[3]) Том. VIII. начал. Россійск. стран. 433.

причинъ, коихъ впрочемъ не объявляетъ, повелѣваетъ царствовать тремъ симъ братамъ въ пустыхъ тѣняхъ, говоря: [1]) «Незнаю кто Вінценція Кадлубка «изъяснятель, однако не толь старъ, для того что «былъ не много попрежде Длугоша, и послѣ 1434 го- «да, человѣкъ пребезмѣрно простъ, первый сихъ «трехъ братовъ, Аннoновыхъ сыновъ, произвелъ. «Ибо, когда Кадлубко писалъ за двѣсти съ лишкомъ «лѣтъ прежде изъяснятеля; тогда не были еще рож- «дены ни Аннонъ отецъ, ни три родныи брата: мню, «что, какъ Іовішева Паллада, внезапу они воружен- «ныи выскочили изъ объяснителева мозга.» Сверьхъ того, Хрістофоръ [2]) Целларій увѣряетъ, что въ оное время не Славянинъ Руссъ поселился на Московскихъ мѣстахъ, и далъ имя, отъ своего и отъ мѣстъ, Россамъ и Мосхамъ, но «что Славяне изъ Россіи, и отъ «Ціммерійскаго Босфора вышедши, сѣли частію «между Дравою и Савою рѣками, а частію зашли въ «Польшу и въ Богемію, да и положили начало тремъ «Государствамъ, а именно, Славенскому, Польскому, и Чешскому.» Знатное разгласіе! У Функція Руссъ, неизвѣснаго Кадлубкина изъяснятеля въ Байерѣ произведеніе, выникъ изъ Славоніи, и поселился въ Россіи; а у Целларія, Славяне вышли изъ Россіи, и завели три помяненные державы. Но сей послѣдній писатель, есть знаменитѣе и важнѣе перваго. Лоранъ Тюркоа во Французской Імперіи, изъ Кранція, говоритъ, что Славяне въ царство Кесаря Маврікія, въ

[1]) Том. VIII. начал. Россійск. стран. 432.

[2]) Во всеобш. Істор. вѣк. VI. стран. 63.

шестомъ вѣкѣ, вошли въ Далматію, Иллірію, и въ ближніе области, назвавши ихъ Славонею: а пребывали они тогда въ Помераніи, въ Россіи, въ Польшѣ, въ Сілезіи, въ Моравіи, въ Богеміи, и въ Далматіи; словомъ, во всей поперегъ Нѣмецкой землѣ, отъ Балтіческаго моря до Средиземнаго.

Авторы [1]) Всемірныя Исторіи, съ Аглинскія, предлагаютъ изъ Гербелотовы Библіотеки восточныя, что Историки Персідскіи счисляютъ одиннатцать сыновъ, бывшихъ у Іафетоа, а именно, 1 Хінъ, 2 Секлабъ, 3 Маншуи, 4 Гомари, 5 Туркъ, 6 Халаи, 7 [2]) Хазаръ, 8 Руссъ, 9 Суссанъ, 10 Казъ, а 11 Тараіи. Абулгази Баядуръ Ханъ въ родословной Исторіи о Татарахъ, въ книгѣ второй (сія съ Французскаго переведена мною) признаваетъ ихъ только осмь, и именуетъ слѣдующимъ порядкомъ: 1 Туркъ, 2 Карсъ, 3 Саклапъ, 4 Руссъ, 5 Маминакъ, 6 Звинъ и Инъ, 7 Камари, 8 Тарикъ. Великуюбъ услугу могли намъ также показать и восточныи сіи писатели: есть какъ у первыхъ во второмъ мѣстѣ Секлабъ, а у другаго въ третіемъ Саклапъ, тоесть, Славенъ; такъ и Руссъ,

---

[1]) Том. I. стран. 214. въ примѣчан. подъ *)

[2]) Здѣсь сіе примѣчанія достойно, что у сихъ восточныхъ историковъ, у первыхъ Хозаръ, тоесть нижніи Болгарянинъ языка Славенскаго, соединяется съ Руссомъ тогожъ языка, а у другаго Саклапъ, тоесть самъ точный Словенъ, съ тѣмъ же Руссомъ. Впрочемъ, сонменное имя Словену отъ Словесности, былъ языкъ, а во множественномъ языки или язычи, тоесть, язычныи или словесныи люди. Изъ древнихъ, какъ-то Арріанъ, Овидій, и Тацитъ, симъ званіемъ и именовали ихъ.

у первыхъ подъ осмымъ числомъ, а у другаго подъ четвертымъ. Будебъ намъ утвердиться на сихъ; то не во мгновеніе либъ ока нашли мы корень и Славянамъ и Россіанамъ? Но святое писаніе, которое должно намъ воспріимать за первѣйшее и непоколебимое основаніе, святое [1]) писаніе, говорю я, оглавляя сыновъ Іафетовыхъ Моісеемъ, не именуетъ ни Славена, ни Росса.

Однако, тажъ богодухновенная книга проповѣдуетъ имя, но у Іезекіиля, [2]) Роса; соединяя его съ Мосохомъ; а сей Мосохъ есть седмый сынъ Іафетовъ. На семъ точно Пророкѣ основавшись, хотя и многіи изъ знаменитыхъ Писателей, производятъ отъ тѣхъ праотеческихъ [3]) именъ Россовъ и Мосховъ: но покойный Байеръ [4]) не соизволяя, чтобъ

---

[1]) бытія гл. X. ст. 2.

[2]) Отъ Мосоха также и Исаія производитъ народъ, вѣщая въ главѣ 66, въ стіхѣ 19: «И оставлю на ихъ знаменіе, и пошлю отъ нихъ пасенныхъ во языки въ Тѳарсісъ, и въ Фудъ, и въ Лудъ, и въ Мосохъ, и въ Тѳовель, и въ Елладу, и въ островы дальныя». Явно, что Пророкъ вездѣ полагаетъ собственное имя нарицательное: сіе точно такъ чтется въ седмидесятной бібліи. Къ томужъ, имя Тѳовель нигдѣ въ священномъ писаніи не видится безъ предшествующаго или послѣдующаго непосредственно Мосоха. Переводы, читающіи КЪ НАПРЯГАЮЩИМЪ ЛУКЪ вмѣсто Мосоха, симъ самымъ кажутся быть не толь исправны въ семъ мѣстѣ, коль седмидесятный, приводимы самими Апостолами и по ихъ древнѣйшими учителями и богодухновенными мужами

[3]) Гл. XXXVIII. ст. 2. и XXXIX. ст. 1.

[4]) Том. VIII. въ начал. Россійск. стран. 398.

начало Россовъ производилъ кто отъ сего Мосоха, Іафетѳова сына, говоритъ, «Что-сіе мнѣніе токмо «есть двусотолѣтное, и что оно взято отъ Поляковъ «писателемъ [1]) Сіонсіса Россійскаго.

Пускай же, по моему, будетъ оно двусотолѣтное токмо у Поляковъ; да что изъ сего по томъ? Поляки были первыи, кои сіе мнѣніе разгласили. А ежелижъ они разгласили праведно, утвердившись на глубокой писанія древности; то отметаемыль суть Поляки по сему, что они Поляки? Не токмо они отверженія, но и всякаго, по моемужъ, пріятія достойны за сіе мнѣніе, и толь наипаче, что Самуилъ [2]) Бошартъ, мужъ превеликаго разума и ученія, а сіе и по точнымъ Байеровымъ словамъ, Самуилъ Бошартъ, не бывъ изъ Француза Полякомъ, тожъ самое сильно, какъ обыкъ онъ, подтверждаетъ, еще и утверждается на немъ.

Байеръ [3]) нашъ, назвавъ погрѣшеніемъ и Бошартово мнѣніе, вотъ-чемъ его въ заблужденіи обличаетъ. «Вижу, что Іезекіилъ упоминаетъ Князя Росъ, «или рѣки Аракса, и Мосоха при Кавказѣ горѣ: чемъ же они принадлежатъ до сихъ нашихъ Россовъ? «Будтобъ въ Іезекіилево время, не иное было состо- «яніе странъ Кавказскихъ, нежели есть кое-нынѣ». Но чемъ же они, я говорю, и не принадлежатъ? Хотя и странно такъ вопрошать молчащаго въ сѣни смертнѣй, но всегда гласящаго написаннымъ книж-

---

[1]) Сіонсіс Россійск. стран. 12. изданіе IV тое.

[2]) Географ. Священ. кн: III. гл. 13.

[3]) Том. VIII. въ начал. Россійск. стран. 399.

ною тростію. У Бошарта дѣло идетъ объ именахъ Іафетовыхъ племенъ; а инородный нашъ Профессоръ, мудрый впрочемъ, предвергаетъ предъ него страны, премѣнившіяся въ состояніи своемъ. Да проститъ духъ покойнаго мужа: мнѣніе Бошартово какъ не-совсѣмъ твердо имъ изобличено въ погрѣшеніи; такъ оно и пребудетъ пребывая цѣло въ достовѣрности.

Время изъявить истинну, содержимую мною. Читавъ писателей не Польскихъ токмо, но и другихъ разныхъ странъ и языковъ, всѣхъ же и великихъ по славѣ, и посредственныхъ, равняющихся часто съ первостепенными, а увидѣвъ, что они согласно пишутъ о Мосохѣ съ нашимъ Сіинопсісомъ, объявляю вкратцѣ: Первое, что Росъ-Мосохъ есть Праотецъ какъ Россовъ, такъ и Мосховъ. Второе, что Росъ-Мосохъ есть едина особа; и слѣдовательно, Россы и Мосхи суть единъ народъ, но разныя поколенія. Третіе: что Росъ есть собственное, а не нарицательное, и не Прилагательное имя, и есть предъименіе Мосохово; такъ равно, какъ у Римлянъ Кней-Помпей, или у Иноземцовъ Готлібъ-Зігефридъ.

Что Росъ есть имя собственное; то сіе доказывается слѣдующими причинами. Первая: седмдесятъ Богомудрыхъ преводниковъ употребили слово Росъ точно, не преведши его по-Гречески. По симъ именемъ называемъ былъ [1]) и внукъ Веніаміновъ. Слѣдовательно, имя Росъ употребляемо было у Евреевъ

[1]) Быт. Гл. XLVI. ст. 21.

именемъ собственнымъ. Вторая: слово тамъ КНЯЗЬ полагается соединенно съ Росомъ. По сему, ежелибъ Росъ имя было нарицательное, по произведеніюжъ ГЛАВА; тобъ надлежало намъ переводить такъ: «Утверди лице твое на Гога, и на землю Магога, «Князя Главу»; какъ то блаженный Іеронімъ и дѣлаетъ. Но сіе не только есть тождесловіе, именножь Главу-Главу, для того что и Князь есть главажъ, или верьхъ, или начало по качеству достоинства; но не имѣетъ, мню, и довольно свѣтлаго разума: «Утверди «лице твое на землю Магога Князя главу Мосоха,» какому тутъ должно быть яснѣйшему разумѣнію, не способно вижу: ибо Князь съ главою есть въ сочиненіи сопряженномъ, а не раздѣленномъ.

Нобілій [1]) въ примѣчаніи своемъ на сію Іезекіилеву главу, объявляетъ, что-Аквіла перевелъ сіе слово, Архонда Кефалинъ Мосохъ, то есть Князя Главу Мосоха. Но Шедгеній, ссылаясь на Ѳеодоріта, говоритъ, что и Аквіла и Сіммахъ и Ѳеодотіонъ удержали въ своихъ переводахъ слово Росъ не преводя его въ достовѣрное показаніе, что Іудеи тѣхъ временъ признавали Росъ именемъ народа. И по сему, заключаю я, есть оное собственное какъ-единому человѣку, такъ и цѣлому народу, и мѣстамъ населеннымъ отъ народовъ, какъ то увидимъ ниже: ибо главныи надъ поколеніями, въ древнія времена, называли своими именами горы, рѣки, и урочища. Знаю, что по нашему можетъ изрядно быть переведено: «утверди

[1]) Въ Библ. LXX Греческ. называем. Ватикан. печатан. въ Парижѣ 1628.

«лице твое на землю Магога, Князя Главнаго Мосоха», прилагательнымъ именемъ. Но чего-седмдесятъ два Богомудрыхъ мужей, преводя на Греческій, не здѣлали; то намъ превращать всеконечно не достоитъ: сверьхъ того, свойство Еврейскаго языка отнюдъ сего не попущаетъ, по удостовѣренію искусныхъ.

Коль ни благовидно стоитъ Іеронімъ за нарицательное имя Главы, доводя: «Ни въ бытіяхъ, ни на «другомъ мѣстѣ писаній, ниже въ Іосифѣ находится «народъ сей Россовъ: и отъ сего явно есть что Росъ «у Іезекіиля не народъ значитъ, но Главу». Однако, съ крайнейшею твердостію отвѣтствуетъ ему на сіе, у Шедгенія, Бошартъ говоря: «По истиннѣ толикій «мужъ, когда сіе писалъ, не размыслилъ, что въ са«момъ же Іезекіилѣ многія имена МѢСТЪ находятся, «коихъ ни-гдѣжъ нѣтъ индѣ. Итакъ, хотя Росъ ни въ «Іосифѣ, ни въ другихъ мѣстахъ писанія не нахо«дится; однако, ничто не препятствуетъ, чтобъ ему «не быть именемъ собственнымъ народа и мѣста.» Дѣлаетъ онъ тамъ и преложеніе пророческимъ словамъ Парафрастическое: «утверди лице твое на Гога; «тоесть ободрись на пророчествованіе противъ царя «Скиѳійскаго. И на землю Магога; тоесть, на того «царя, который пребываетъ въ Скиѳіи, близъ Кавка«за. Князя Росъ-Мосохи, и Ѳовеля; тоесть, Князя «Арменіи Араксенскія, Мосхіческія, и Тібаренскія, «странъ сопредельныхъ, бывшихъ тогда Скиѳійскія области.»

Третія причина: сіе самое слово Росъ, при соединеніи своемъ, какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ, почитай всегда, по удостовѣре-

нію Шетгеніеву, требуетъ родительнаго падежа, значащаго лице и вещь, тоесть, то поколѣніе, или ту страну, гдѣ Князь владѣетъ. Но сему у Іезекіиля Князь Росъ, есть Князь Россовъ, Князь Мосховъ, и Князь Тѳовелянъ.

Четвертая: имя Росъ, соединяется съ Мосохомъ нераздѣльно, а съ Тѳовелемъ сопряженія союзомъ. Но страны, на коихъ сіи народы жили, и суть взаимно между собою сосѣдственные; такъ что сперва Араксенская, по томъ Мосхіческая непосредственно, въ достовѣрное показаніе, что Россы и Мосхи суть единъ народъ, но разныя домовладычества, а подалѣе къ Сѣверу и Тібаренская, или Іверіанская По сему, имя Росъ есть собственное и одному человѣку, и цѣлому народу, и странамъ отъ народа обитаемымъ, и странѣ томужъ и одному Князю подчиненной. Слѣдовательно, есть оно ни нарицательное, и ни Прилагательное.

Подлинно, сіе имя есть Собственное непреодолѣемо; однако, оно токмо Предъименіе Мосохово. Ибо, ежелибъ не было оно предъименіемъ; тобъ конечно Пророкъ, по природѣ Еврейскаго языка, соединяющаго повсюду, отъ большія части, разныя имена союзами сопряженія, такъ написалъ: Князя Росъ, и Мосоха, и Тѳовеля. Но понеже стоитъ въ Пророкѣ такъ: Князя Росъ-Мосоха, и Тѳовеля. Слѣдовательно, Росъ имя, есть токмо Предъименіе Мосохово, и толь наипаче, что Тѳовелево имя какъ совсѣмъ разное отъ Мосоха, соединено союзомъ Сопряженія.

Росъ-Мосохъ есть едино токмо и тожъ имя, равно-какъ Гогъ и Магогъ, одножъ наименованіе, а не два. Доказываю сіе. Моисей въ десятой бытейской главѣ, именуетъ Іафетѳова сына Магога, не именуя Гога. Но въ первомъ разсужденіи истолковано, что Магогъ есть праотецъ Скітѳійскихъ народовъ. И понеже Іезекіиль въ 38 и въ 39 главахъ, Гога разумѣетъ быть Обладателемъ Скітѳійскимъ, а Магога Скітѳійскою страною, обажъ сіи имена значатъ Скітѳовъ и Скітѳію; то слѣдуетъ законно, что Моисеевъ Магогъ, есть Іезекіилевъ Гогъ и Магогъ, тоесть слогъ Ма въ Магогѣ, есть предъименіе, или нарощеніе Гогово, по свойству Еврейскаго языка.

Мнѣніе мое, или правѣе истинну, подтверждаетъ мудрый Бошартъ [1]): ибо онъ говоритъ, что Магогова имя ясно соблюлось въ странѣ, называемой отъ Страбона и Стефана ГОГареною. Но въ семъ словѣ токмо есть ГОГЪ; а Бошартъ говоритъ о Магогѣ. Подтверждаютъ тожъ и Авторы [2]) Всемірныя Исторіи, съ Аглинскія, изъясняя свое повѣствованіе: «Имя «Гогъ, въ самой вещи есть тожъ, что и Магогъ: ибо «буква (М) въ немъ, есть не коренная». Равнымъ образомъ, Моисей именуетъ Іафетѳова сына Мосоха не именуя Роса. Но Іезекіиль называетъ Княземъ Росъ-Мосоха. А понеже Росъ-Мосохъ есть Князь поколѣній Скітѳійскихъ, по Іезекіилю, и стоитъ въ немъ имя Князь, а не Князи; да и Росъ-Мосохъ есть безъ союза сопрягательнаго: слѣдовательно, Росъ-

[1] Фалег. Кн. III. гл. 13.

[2] Том. I. Кн. I. гл. 2. стран. 304.

Мосохъ есть тожъ и одно имя, такъ что Росъ, есть предъименіе Мосохово.

Когда-уже стало сіе твердо, что Росъ-Мосохъ есть одно токмо имя, и когда Россамъ и Мосхамъ, какъ Скіѳійскимъ народамъ, должно было всеконечно произойти отъ Росъ-Мосоха (развѣ кто мнитъ быть Преадамітовъ [1]), и полагаетъ ложно, что каждый народъ съ первобытности своея, произшелъ тамъ, гдѣ онъ нынѣ обитаетъ): то Россы и Мосхи суть непреминуемо единъ и тотъ же народъ. Но хотя они по кореню, по сродству, по близкимъ взаимно и непосредственнымъ съ начала обиталищамъ, и по самому языку, единому, какъ доказано въ первомъ Разсужденіи, бывшему Скіѳійскому, то есть Словенскому отъ слова, суть и единъ народъ истинны истиннѣе, чтобъ такъ позволено было сказать, для вящшаго утвержденія правды: однако, не одни суть поколѣнія, а сіе столькожъ есть истинно, сколько и оное первое.

Не можно было не быть у нихъ разнымъ, между собою, домовладычествамъ: сіе подтверждается всеобщимъ опытомъ братовъ, отеческій домъ раздѣляющихъ и раздѣляющихся. Не можно было и не называться имъ общимъ нѣкоторымъ именемъ, для

[1] Марезій въ разысканіи III, въ § 53, Преадамітскіе плетни возразилъ толь твердо, что вчужѣ стыдно, а ужъ неужасно, слышать нѣкоторыхъ нынѣ дерзостно твердящихъ оные, чтобъ не преодолѣемую, и Адовыми вратами, истинну священнаго божественнаго Писанія, имъ привесть въ безсиліе.

разности отъ другихъ Гамерітскихъ обществъ, не въ отдаленіи жъ сидѣвшихъ, да и не имѣть каждому особливаго прозванія, на различеніе домовладычествъ. Въ шествіяхъ, надобно чтобъ близко одно домовладычество слѣдовало отъ другаго, при взаимной опасности отъ нападенія чужихъ; но надобножъ, чтобъ одно съ другимъ и не мѣшалось: домочадство и паства сего требовали. Итакъ, видно что Росъ-Мосохскія домовладычества, различили себя двумя особенными именами, раздѣливъ общее праотеческое имя на-двое; такъ что, одни шествовали, и садились на мѣста подъ именемъ Россовъ, а другіи подъ именемъ Мосховъ. Оба сіи имена какъ соблюла для насъ Исторія, такъ мы и дѣйствительно ихъ понынѣ имѣемъ, называясь Россіанами, а отъ всѣхъ почти чужестранныхъ прозываясь Мосховитами. Все сіе подтвердится въ слѣдующемъ гражданскими историками.

«Жили въ древнія времена между Каспійскимъ мо-«ремъ, и Эвксінскимъ понтомъ, по свидѣтельству Ав-«торовъ [1]) Всемірныя Исторіи, съ Аглинскія, два на-«рода: изъ сихъ единъ именовался, Россы, и пребы-«валъ онъ близъ рѣки Кіра«, (двѣ ихъ нынѣ, по ландкартѣ Государя Императора Петра Великаго, сѣверная, коя собственно Кіръ, называемая Кура, и полуденная Куражъ, издревле называемая Аракcъ), «какъ «то называетъ ея Іосифъ [2]) Бенъ Горіонъ, а другій, «именемъ Мосхи, селенія свои имѣлъ при хребтахъ «горъ, распростиравшихся, по Птолемею, на сѣвер-

[1] Том. I. Кн. I. гл. 2. стран. 304.

[2] Кн. I. стран. 5. издан. Бреітгауптово.

«ный востокъ Арменіи, и отдѣлявшихъ сію землю «отъ Колхіды, и Іверіи. Мнятъ, что отъ сихъ двухъ «народовъ, уединившихся, или загнанныхъ за [1])Кав- «казъ, производятъ свое начало Московіты».

Коль Авторы удостовѣренія сего суть достойны пріятія; толь помяненный Іосифъ не великимъ почитается въ Географическихъ описаніяхъ, и особливо, что его и имя есть подложное. Однако, понеже онъ въ семъ мѣстѣ сходствуетъ съ Іезекіилемъ, равно какъ и помянутыи Авторы; то по достоинству долженствуемъ ему, въ разсужденіи сего, безспорно повѣрить. Пророкъ соединяетъ Россовъ и Москов; Авторы Всемірныя Исторіи тожъ дѣлаютъ; а Горіонідъ и точно говоритъ, что Россы жили при рѣкѣ Кирѣ. Но есть въ близости отъ Кіра рѣки другая рѣка ниже, какъ то уже недавно дано знать, прозванная Греками Араксъ, которую, по истолкованію Шетгеніеву [2]) въ древнія времена именовали Аравляне Росъ, или съ членомъ Алросъ, или лучше произносили они ея Аррасъ; отъ чего и видно, что Греки поврежденно прозвали ея Араксомъ. Авторы Всемірныя Исторіи, сіюжъ самую рѣку называютъ [3]) Росъ, Расъ, и Арасъ; а симъ послѣднимъ званіемъ и нынѣшніи Турки ея именуютъ. И такъ, можно видѣть ясно, по име-

[1] Сіе имя есть горы, великія и славныя, стоящія близъ Албаніи и Іверіи, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ. Но съ какова языка повреждено сіе имя Греками, о томъ объявимъ ниже въ примѣчаніяхъ.

[2] Въ начал. Россійск. гл. I. стран. 4,

[3] Том. I. кн. I. гл. 2. стран. 304.

ни Россовъ, что Горіонидъ рѣку Росъ называетъ Кіромъ, или Кіръ съ Росомъ сливаетъ.

Однако, Кіръ рѣка есть разная отъ Аракса, и падаетъ въ Каспійское море выше сея рѣки; толькожъ соединяется съ нею, или не большою рѣкою, текущею поперегъ, или свой токъ въ нея вливая, какъ то видимо есть на Цеплаpіевой ландкартѣ [1]), и на Ролленевой. Въ Байеровой, при положеніи Скіѳійскихъ мѣстъ, Аракъ падаетъ въ Кіръ: а на ландкартѣ Государя Императора Петра Великаго, присланной въ Паріжскую Академію Наукъ, Аракъ [2]) не падаетъ въ Кіръ, но названъ особливо полуденною Кірою: ибо и Агаѳимеръ, пиша о Географіи, хотя упоминаетъ въ книгѣ второй, въ главѣ десятой имен-

---

[1] При познан. древн. мір. ландкарт. Боспор. Меотическ. А Роллен. при Древн. Істор. том. IV. стран. 84.

[2] Страбонъ въ кн. XI, и многіи другіи утверждаютъ, что Аракъ падаетъ въ Каспійское море близъ устья Кіра рѣки. Но Плініи въ кн. VI. гл. 9. Плутархъ въ Помпеѣ, и Аппіанъ въ Мітрідатѣ увѣряютъ, что Аракъ падаетъ въ Кіръ. Птолемей въ кн. V. гл. 13, раздѣляетъ Аракъ надва рукава, изъ которыхъ одинъ течетъ въ Кіръ, а другій въ море. Впрочемъ, всѣ нынѣшніе ландкарты представляютъ Аракъ падающимъ въ Кіръ. При всемъ томъ напоминается, что здѣсь слово объ Араксѣ рѣкѣ Мидской: ибо есть другая рѣка Аракъ въ Персідѣ, текущая съ сѣвера на полдень, при коей стоялъ древній Персеполь, какъ то видимо есть на ландкартѣ автор. Всемірн. Історіи съ Олеаріева изъясненія. Сіе зная, не будутъ уже темны Курціевы, въ кн. V, гл 4, и въ кн. VII, гл 3, мѣста, упоминающія объ Араксахъ противнаго другъ другу теченія.

но объ Араксѣ и Кирѣ, какъ о двухъ разныхъ рѣкахъ; однако, сей свой Араксъ отъ перваго онъ различаетъ, называя первый оный Роосъ. Слова его суть слѣдующія съ греческаго по нашему: «Іаксартъ »же, и Оксъ, и Римнъ, и Роосъ, и Киръ, и Араксъ въ «Каспійское текутъ море. Ктожъ не видитъ, по воз- «глашенію Байерову въ началахъ Скіѳійскихъ, что «онъ съ востока по Каспійскимъ берегамъ идетъ, а «къ сѣверу оканчиваетъ Волгою»?

И такъ, утвердившись на словахъ пророческихъ, на свидѣтельствѣ авторовъ Всемірныя Исторіи, на Іосифѣ сынѣ Горіоновомъ, и на сходственномъ имени рѣки, длятого что главныи надъ поколѣніями, какъ уже упомянуто, давали свои имена горамъ, рѣкамъ, и мѣстамъ, назначаемъ мы первое мѣсто Россамъ, по отдаленіи отъ Вавилонскаго столпа, потомкамъ Росъ-Мосоховымъ, при рѣкѣ Росѣ Мидской. А хотя Горіонидъ о Росѣ рѣкѣ и не упоминаетъ; но понеже его Киръ есть въ близости отъ рѣки Роса; то всеконечно Россы при обѣихъ рѣкахъ жилища свои имѣли. Во времена державы царей Персідскихъ, Роксаны (тоесть Россаны или Рошаны) пребывали еще при рѣкѣ Араксѣ: о семъ свидѣтельствуетъ [1]) Плутархъ. Сіи точно не другіи народъ отъ Россовъ, но самыи Россы, длятого что Греки ставили свое (у) иногда вмѣсто двухъ (сс), а иногда вмѣсто (ш), какъ уже я объявилъ, что однако доказываетъ и самое слово Россъ, произносимое по Еврейски Рошъ. Рок-

---

[1] О рѣках. стран. 48. том. II. географов. меньших. Гудсоновыхъ.

саны сіи находятся и у Страбона; а мѣсто, гдѣ онъ объ нихъ упоминаетъ; приведется ниже.

Слѣдуютъ времена одно за другимъ; смѣняются первыя послѣдующими. По первыхъ оныхъ, когда Россы или Россаны, обыватели при рѣкѣ Росѣ, или Мидскомъ Араксѣ умножились; то принуждены стали искать себѣ новыхъ обиталищъ. И такъ, пошли они къ Каспійскому морю на сѣверъ. Тамъ распространившись, именемъ первыя своея рѣки Росса или Аракса, о которой Байеръ утверждаетъ, что и понынѣ именуется Росъ, рѣку весьма большую сея проименовали. Сія другая точно есть нынѣшняя наша Волга. Въ преселѣніяхъ, весьма часто показываютъ намъ Исторіи сіе, что Народы, преходившіи съ мѣстъ въ другія, имена прежнихъ своихъ горъ, рѣкъ городовъ, и урочищъ, удерживали соблюдая: сіе точно и произвело въ географіи премножество подобоименій. Сказалъ я, что большая рѣка Арассъ или Росъ первыя, есть наша Волга; но то и теперь повторяю подтверждая: Агаѳимеръ, приведенный мною недавно, кой описываетъ рѣки, падающіе въ Каспійское море, въ томъ насъ твердо удостовѣряетъ. Мидскій Араксъ названъ у него Роосъ; а съ сѣвера падающая въ то море, и та послѣдняя по его кругу, есть Араксъ, которая также долженствуетъ быть и Арасъ и Росъ.

Профессоръ [1]) Байеръ непреодолѣмо доказалъ, что послѣдній сей [2]) Араксъ или Росъ, есть Волга.

---

[1] Том. I. о начал. Скиѳск. стран. 394.

[2] Должно наблюдать, что сей вторый Араксъ, есть

Выписываю я сюда точныя его слова, и переводъ съ Латинскаго, по нашему полагаю. Такъ онъ говоритъ: «Сказывали Геродоту, что Скiѳы за Араксомъ «при Исседонахъ и Массагетахъ жили: Массагеты, «по согнаніи Скiѳовъ, на дальнѣйшихъ Араксовыхъ «мѣстахъ сидѣли на востокъ отъ Каспійскаго моря, «гдѣ превеликою степью земля распростирается. О «томъ Араксѣ сказывали ему, что сія рѣка Істру «(Дунаю) въ величинѣ не уступаетъ, и что при устi- «ахъ многіи обтекаетъ островы, равныи Лесбу (Ме- «теліну). Ни что изъ сего съ Мидійскимъ Араксомъ «не сходствуетъ: ни Массагетское положеніе мѣста, «ни величина рѣки, ни толь многіи и толь большіи «островы. Все сіе принадлежитъ до Волги. На во- «стокѣ древніи Массагеты: длина рѣки превосходитъ «Істръ третіею долею: устій до осмидесяти и болѣе, «коими окружаются островы, (сіи окружающіе Во- «ложки называются [1]) Косами, а по островамъ си- «дятъ Учуги, или рыболовныи заводы) превеликіи. «Чтожъ говоритъ Геродотъ объ Араксѣ, что по-слу- «ху онъ есть и больше и меньше Істра; то сіе самое «подтверждаетъ, что онъ слышалъ о двухъ рѣкахъ,

---

вторый по паденію своему въ Каспійское море, но по имени третій: ибо Олеаріевъ Араксъ, текущій съ сѣвераж на полдень, падаетъ не въ Каспійское море, но въ заливъ Персідскій, какъ то на Ландкартѣ авторовъ Всемірныя Исторіи.

[1] По не малой вѣроятности мнится, что сіи Косы имѣютъ оставшееся имя отъ Косаровъ, сидѣвшихъ въ древнія времена при устіяхъ рѣки Волги. Сіи точно Косары были нижніи Болгары. О всѣхъ онихъ предложится ниже.

«изъ которыхъ первая, сія Волга больше Істра, а «другая, коя и понынѣ Русъ, (но на ландкартѣ Го-«сударя Імператора Петра Великаго названа она по-«луденною Курою) называется, меньше онаго. Да и «довольно мнѣ извѣстно, что въ древнія времена «Волга именовалась Араксомъ, или Русомъ, Росомъ, «и Расомъ»

Къ сему не преоборимому присовокупивъ Агаѳи-мероѵъ оный Араксъ, не возможно по самой правдѣ паки, но инако не возгласить, по тѣмъ же Скіѳій-скимъ началамъ съ Байеромъ: «Кто не видитъ, что «Араксъ оный есть Волга, развѣ кому кажется, что-«нѣтъ свѣта и въ полдень?» У Клавдія Птолемея Волга называется Ра. Имя сіе и до днесь сохранилось: ибо устіе Волги, текущее по восточной сторонѣ, именуютъ въ Астрахани всѣ, какъ то мнѣ родившемуся тамъ, вѣдомо, Ова-Ра, тоесть, иная или другая Ра, для того что въ Каспійское море обыкновеннѣе вѣѣжжаютъ западнымъ устіемъ. Простолюдины больше называютъ нынѣ Увара, и Уваринское устіе, какъ то и на Ландкартѣ Государя Імператора Петра Великаго. Надлежитъ вѣдать, что Птолемеево слово Ра, есть сокращеніе отъ Расъ, но по Греческому знаменованію: ибо оно отъ теченія, изъявляющаго сея рѣки великій токъ. Болгары, или правѣе Волгары (сихъ называютъ и Хвалиссами, а по нихъ, говорятъ, и Каспійское море называется Хвалимскимъ, или просто Хвалынскимъ: послѣднее сіе имя морю и до днесь въ употребленіи: «синее море Хвалынское «поется въ простыхъ пѣсняхъ) назвавшіися отъ Волги, назвали Волгу Волгою по Словенски также отъ

Вологи или Влаги, тоесть, прозвали они сію рѣку многоводностою.

Для множества Писателей новѣйшихъ, согласно признавающихъ Птолемееву рѣку Ра, быть всеконечно Волгою, нѣтъ ни малаго и для насъ сомнѣнія, чтобъ Ра не была Волга. Сея брега Россамъ или [1]) Россанамъ, вторымъ были пребывалищемъ, но всѣмъ совокупно. Настало время, нашлись и причины: часть нѣкоторая изъ нихъ отъ сея рѣки, по Шедгенію, къ заподу отправилась. Въ которое жъ точно время сіе здѣлалось; того, при молчаніи писателей, опредѣлить намъ не возможно.

Впрочемъ, во времена Страбона Географа, бывшаго при Августѣ и при Тиберіи Цесаряхъ, Россаны жили къ сѣверу между Дономъ и Днепромъ. Въ Мітрідатическую войну, бывшую у Римлянъ съ Мітрідатомъ Эвпаторомъ, почитай за сто лѣтъ до Хріста, на сихъ же точно мѣстахъ они пребывали; а Страбонъ и описываетъ военныя оныхъ дѣйствія, и называетъ полководца ихъ Тазіемъ: сего Мавроурбінъ [2]) именуетъ и Тасовазомъ. Былъ сей, съ своими Россанами въ пятидесяти тысячахъ, помощникомъ Помпею, противъ Мітрідатовыхъ полководцовъ, имѣвшихъ войска шестьдесятъ тысячъ. Описываетъ Страбонъ [3]) и воруженіе ихъ говоря: «Употребляютъ

[1] На Целларіевой ландкартѣ, при познаніи древняго міра, именуемой Боспоръ Меотическій, Сербы, народъ Словенскаго языка, положены своимъ мѣстомъ весьма не подалеку отъ западнаго устія Волги.

[2] Історіограф. о Словян. стран. 69.

[3] Кн. VII. стран. 470—471.

«они Шлемы изъ сырыхъ воловьихъ кожъ; имѣютъ «также нагрудники и щиты. На пораженіе суть у нихъ копья, луки, и мечи». Чтожъ до Тазія и Тасоваза; обое сіе имя есть Словенское древнее, но поврежденное Писателями незнающими языка. Тазій, есть Тасій или Тесій отъ тесанія; а Тасовазъ, есть Тесоважъ, тешущій важко тоесть тяжко: или есть Тесовачь, отъ тесаніяжъ и тесака, тоесть, посекатель непріятельскаго войска.

Въ послѣдующія времена, часть изъ Россанъ зашла въ Крымъ, а другая осталась внѣ Крыма, однакожъ не подалеку отъ него: такъ Шедгеній утверждаетъ. Сія другая съ Аланами въ единъ народъ совокупилась; да и назвались оба народа Роксоланами, или Россаланами. Былъ народъ Аланы: упоминаютъ объ немъ Историки. Целларій, въ познаніи древняго міра, показываетъ, что сперва они жили между Волгою и Дономъ, имѣя отъ Дона съ лѣвыя стороны [1])

---

[1] Астурканы и Сербы сіи, народы были Словенскаго языка. Первыи значатъ доброконныхъ, быстроконныхъ, и лехкоконныхъ воиновъ, или означаются по странѣ рѣзвыхъ коней, отъ АСТУРЪ, или АСТЫРЪ, или АСТОРЪ, за АСТЕРЪ, и ОСТЕРЪ, тоесть ОСТРЫЙ; и отъ КАНЪ, конь. По симъ вѣроятно Астурканамъ, или Остроконнымъ людямъ, названъ въ старину городъ Астрахань, завладенный Батыемъ за Татаръ въ 1236, а отнятый за Россіанъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1554 годѣ по счисленію Историка Андрея Лызлова, а не по прежнему будто его имени Тму-Таракань. Городъ сего имени былъ всеконечно гдѣ нибудь въ малой Россіи 1) для того, что Мстиславъ Владимеровичь былъ Княземъ Тмутараканскимъ

Астуркановъ, съ правыя отъ Волги Сербовъ, съ тыла Кавказскія ворота; сами жили въ срединѣ между ними. Потомъ жили они между Дономъ и Днепромъ, не подалеку отъ сѣвернаго берега Азовскаго моря. Аланы сіи говорили Словенскимъ языкомъ: доказательствомъ тому, самое ихъ имя. Аланы суть не что-иное по Словенски, какъ народъ, называемой [1]) Елани. Славяне во многихъ реченіяхъ выговариваютъ букву (а) за (е). Дань, вмѣсто день: Пасъ, [2]) вмѣсто Песъ: вась, вмѣсто весь; бялъ, вмѣсто бѣлъ; вяра, вмѣсто вѣра.

Елени простымъ нашимъ языкомъ суть Олени, поврежденныи явно отъ Алани. Самки Еленьи называются у насъ Лани, половиннымъ именемъ отъ Аланиц. Французы называютъ сихъ, Алень, въ явное засвидѣтельствованіе, что сіе имя имъ чужое, и что алени ихъ суть Славенскіи Алани и Елени, или Славенороссійскіи Олени. И такъ Алани, по произведе-

---

и Черниговскимъ, а 2) для сего, что Никонъ (бывшій по Стефанѣ игуменомъ Кіевопечерскимъ, также другомъ и вѣрнымъ помощникомъ Ѳеодосію) построилъ на островѣ Тмутараканѣ монастырь; но сіе и показываетъ, что Тмутараканъ находился гдѣ нибудь неподалеку отъ Чернигова, и можетъ быть между Днепромъ и Сочью рѣками. Чтожъ до Сербовъ; то они безспорно отъ оружія своего, имянножъ сабли, сходствующія съ серпами; проименованы СЕРПЫ.

[1] Весьма вѣроятно, что нынѣшніи Олончане суть потомки древнихъ Алановъ или Оленевъ.

[2] Сербы не добросовѣстныхъ людей бранятъ: Пасія вера, вмѣсто Песія вѣра.

нію имени Елени, означали себя скорыми или быстрыми ходаками, по свойству борзаго въ бѣжаніи Еленя. Извѣстно, что Сімеонъ Логоѳетъ въ Константінѣ багрянородномъ, въ главѣ 46, называетъ Россіанъ Дромітами, тоесть, скорошественниками. Не доказываетъ ли сіе имя Еленей [1]) резво скачущихъ? Чтожъ онъ ихъ производитъ отъ рода Франковъ (Экъ Генусъ Тоонъ фраггоонъ); то мню, что сіе въ рукописной книгѣ была описка, вшедшая въ печать, безъ размотрѣнія довольнаго, вмѣсто Ѳракоонъ, тоесть Тѳракіанъ.

Увѣдомляютъ Історіографы и о Роксаланахъ. Страбонъ [2]) ихъ при Днепрѣ помѣщаетъ утверждая, что въ тѣ времена изъ вѣдомыхъ Скітоовъ новѣйшими они были. Птолемей [3]) пишетъ, что они по всему сѣверному берегу Азовскаго моря, распространялись. Плініи [4]) съ Скітоами и Сарматами соединяетъ. Въ слѣдующіи вѣки, Амміанъ [5]) Марцелінъ, Іорнандъ [6]), и безъимянный [7]) Географъ Равенскіи, при Азовскомъ же морѣ ихъ поселяютъ. По всему

---

1 Кассіадоръ упоминая о Ріцімерѣ, побившемъ на-голову Алановъ въ Лігуріи 464 года, говоритъ, что Царь ихъ былъ именемъ БЕОРГОКЪ. Но имя сіе явно повреждено изъ БѢГОРОГЪ, значащій быстреца подобнаго Оленю, имѣющему рога.

2 Кн. II. стран. 175. кн. VII. стран. 471.

3 Кн. III. Гл. 5.

4 Істор. Естествен. Кн. IV. гл. 5.

5 Кн. XXII. гл. 8.

6 О дѣл. Гетіческ. стран. 94. издан. Ліндбр.

7 Кн. I. гл. 12. Кн. IV. гл. 4 46.

сему явствуетъ, что Роксаланы, отъ временъ Августа Цесаря, до седмсотаго лѣта отъ Христа, и можетъ быть далѣе, въ оныхъ странахъ пребывали.

По Нероновой смерти, въ лѣто по Христѣ седмдесятое, убивши они двѣ Римскіе Когорты, тоесть, два баталіійона, ворвались въ Мезію, или въ нынѣшнюю верхнюю и нижнюю Сербію: было ихъ до пяти тысячъ конницы, какъ то повѣствуетъ [1]) Тацітъ. Плавцій Сільванъ, бывшій съ Цесаремъ Клавдіемъ въ Брітаніи, Консулъ первое въ 800 лѣто отъ созданія Рима, а второе въ 829, миръ имѣлъ съ Роксаланами: свидѣтельствуетъ древняя [2]) надпись, въ честь ему положенная отъ Веспасіана Цесаря. Видно, что Роксаланы тогда были други и союзники Римлянамъ, коимъ они на Даковъ, безпрестанныхъ въ тѣ времена имъ непріятелей, помощниками были.

Спарціанъ [3]) свидѣтельствуетъ, что имъ годовая плата отъ Римлянъ давалась. Сіе Казавбонъ такъ разумѣетъ, что Римляне миръ отъ нихъ покупали себѣ ежегодными тѣми деньгами. Но Шетгеній толкуетъ, что они были вспомогателями Римлянамъ, и по тому воинское жалованіе, какъ обыкновенно тогда было, получали. Какъ то ни есть; только Россаны, или потомъ Россаланы, брали деньги съ Римлянъ,

Невсегдажъ Роксаланы толь счасливы были, чтобъ имъ непрестанно нѣкоторую съ Римлянъ збирать подать: были они и сами плѣнниками Римскими. Коле-

---

[1] Істор. кн. I. гл. 79.

[2] Грутер. надпис. CCCCLII.

[3] Въ Гадріан. гл. 6.

со есть весь міръ: кругомъ вертится; такъ что верьхъ на низу, а низъ на верьху бываетъ; и въ томъ только онъ постояненъ, что никогда не являетъ себя постояннымъ. Все въ немъ движется, и одно за другимъ слѣдуетъ. Въ семъ ли неусыпномъ безпокойствѣ, обрящетъ кто вожделенное себѣ успокоеніе? Да чаемъ же инаго благотишнаго, понеже всѣ того непрестанно желаемъ, пристанища, видя и претерпѣвая всегда во свѣтѣ токмо что наглые бури и свирѣпыя треволненія.

Чтемъ въ Вопіскѣ [1]), что въ торжествованіе Авреліаново шли напередъ, имѣя руки завязаны и связаны назадъ, Готѳы, Аланы, Роксоланы, Сарматы, Франки, Свевы, Вандалы, Германцы. Приведенный не давно Спарціанъ, въ томъ же самомъ мѣстѣ говоритъ, что смятенія, заведенныя отъ Сарматъ и Роксалановъ, утишены Цесаремъ Гадріаномъ. Онъ же Гадріанъ, съ Царемъ Роксаланскимъ, жаловавшимся на уменьшеніе платы, разсмотрѣвъ самъ дѣло, миръ поставилъ. Капітолинъ [2]) пишетъ, что противъ Марка Антоніа Філософа, всѣ народы отъ Іллирическихъ предѣловъ, до самыя Галліи, возстали; а между тѣми народами были Роксаланы, Вастарны, Аланы, и Певціны; но онъ ихъ съ превеликимъ трудомъ одолѣлъ. Въ Галіеновы времена, бывшія въ третіемъ стѣ лѣтъ по Христѣ, Мезіанѣ [3]) вдѣлали было Императоромъ Регилліана, находившагося тогда властелиномъ въ Іл-

---

[1] Въ Авреліан. гл. 33.

[2] Въ Марк. Антон. Філософ. гл. 32.

[3] Требелл. Полліон. въ XXX Тіран. гл. 10.

ліріи; но онъ Роксоланами, при согласіи всѣхъ воиновъ, и всѣхъ обывателей въ тѣхъ мѣстахъ, убоявшихся лютости Галліеновы, истребленъ отъ числа живущихъ.

Профессоръ нашъ Байеръ [1]), доказавъ Геродотовъ Араксъ быть Волгою, наконецъ говоритъ: «Сія рѣка, «понеже толь пространное теченіе имѣетъ, и многимъ народамъ подала мѣсто къ обитанію, не дивно, «что нѣкоторыхъ своимъ учинила знаменитыхъ именемъ. Какъ нынѣ Болгары, вышедшіи отъ Волги, «носятъ на себѣ имя произведенное отъ рѣки; такъ «Руссы, мню, отъ неяжъ названы Роксаланами, какъ-«будто Аланы при рѣкѣ Руссѣ. Птолемеевы Боруски, «равно какъ народъ при рѣкѣ Руссѣжъ.» Сей покойный Байеръ чрезъ слово Аланы повсюду разумѣетъ токмо всякій народъ, какъ то мы увидимъ ниже, не знавъ, что Алани по Словенски суть Елени, такъ называемый особливо народъ. Однако, Роксалановъ признаваетъ и онъ Россами. Да и Птолемей полагаетъ Борусковъ при вершинахъ рѣки Волги: видимъ мы сіе у него, и на Цепларіевыхъ [2]) ландкартахъ, Боруски сіи суть не что иное, какъ токмо народы, сидящіи по рѣкѣ Руссѣ, слѣдовательно, и сами они, какъ по себѣ, такъ и отъ нея, были Руссы. Птолемей сей былъ Египтянинъ изъ Пелузіи, и жилъ въ царство Марка Аврелія Антонина, во второмъ стѣ лѣтъ отъ Христа.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, Епископъ тогда Псковскій,

---

[1] Том. I. въ начал. Скиѳійск. стран. 398.

[2] При познан. древн. Мір. ландкарт. Сармац.

описывая блаженную, но намъ горестную во вѣки, кончину Государя Императора Петра Великаго, и присовокупляя къ оному сочиненію два изъ своихъ словъ, одно проповѣданное при самомъ погребеніи усопшаго Императора, а другое въ день Святыхъ Перьвоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, годъ спустя по успеніи Императоровомъ, назвалъ оное свое сочиненіе, печатанное на Латінскомъ языкѣ въ Ревелѣ, [1]) Лакріме Роксолане, тоесть, слезы Роксоланскіе. Но сіи у него Роксоланы, не точноль, и именно мы Россіане? Чьи онъ слезы называетъ Роксоланскими, буде не наши Россійскіе? Мы Россіане тогда плакали, мы рыдали, мы волосы на себѣ терзали, мы поражали себя въ грудь, мы и нынѣ воспоминаемъ ублаженнаго Императора, и вѣчную славу заслужившаго въ человѣческой памяти, со слезами. Но и ложноль сей Архіерей такъ насъ наименовалъ? Не писателиль древніи, приведенныи здѣсь симъ насъ именемъ согласно называли? Ктожъ не видитъ, что Россы, Руссы, Рассы, Россаны, Россаланы, мы непреодолѣемо Россіане, собственно такъ называемыи нынѣ, развѣ кто при полуденномъ солнцѣ не хочетъ созерцать дня и сіянія?

Представлено уже изъ Шетгенія, что одна часть Россанъ соединилась съ Аланами, и назвалась Россаланами, а другая зашла въ Крымъ, или въ Таврическій Херсонесъ, Сіе послѣднее должно утвердить писателями. Свидѣтельствуютъ о семъ подлинно Візантійскіи, но такъ, что прежде девятаго вѣка объ нихъ

[1] Lacrimae Roxolanae.

они не упоминаютъ. Сія есть и причина, что профессоръ Байеръ такъ начинаетъ свои Россійскія начала, въ осмомъ томѣ старыхъ академическихъ комментаріевъ: «Прежде Міхаила Кесаря, Ѳеофілова и Ѳеодо«рина сына, упоминаются по премногу Славенскіи «народы у Византійскихъ писателей, а о Россійскомъ «имени нѣтъ у нихъ отнюдъ припоминовенія.» Сіе «правда; но мы увидимъ, чего ради ученый мужъ такъ свое разсужденіе начинаетъ. Изъ упоминавшихъ о Россіанахъ, первый есть Іоаннъ Зонаръ, которой, описывая первый Россійскій походъ на Константінополь, называетъ [1]) Россіанъ Скитѳійскимъ народомъ, кои, по его, сперва при Таврѣ горѣ жили. Онъ же потомъ Россіанъ Скитѳами [2]) и Тавроскитѳами [3]) именуетъ.

Слѣдуетъ по немъ Іоаннъ Цецесъ, засвидѣтельствующій, что Тавры [4]) народъ, называется другимъ именемъ Росъ. Георгій Кедринъ, который всегда списывалъ съ Куропалата, Россіанъ Скитѳійскимъ [5]) народомъ именуетъ, жившимъ около сѣвернаго Тавра. Къ Скитѳамъ также причитаетъ ихъ безъ имянный [6]) изъ писателей послѣ Ѳеофана Візантійскаго. Чтожъ до Тавровъ; то они уже издревле были Скіт-

---

[1] Въ лѣтопис. кн. XVI. гл. 5.

[2] — — кн. XVII. гл. 2.

[3] — — кн. XVII. гл. 2.

[4] Въ Хіліад. XI, Істор. 393.

[5] Том. II. стран. 551.

[6] Продолжител. Константін. Багрянород. кн. V. гл. 33.

оы, имѣющіи сіе имя хотя и отъ горы [1]) Тавра [2]), однакожъ частію предъ нею, а частію въ Таврическомъ Херсонесѣ или въ Крымѣ, селеніе имѣвшіи. Имя Тавроскітѳовъ читается у [3]) Арріана; а Скітѳотавровъ [4]) у безъимяннаго. Все сіе ясно есть и достовѣрно.

Не пекусь, что у Византійскихъ отъ лѣта Хрістова 805, въ кое Ѳеофанъ оный умеръ, до кончины Романа Багрянороднаго, и до лѣта Хрістова 963, только что Скітѳійскіе степи находятся, по Байеровымъ словамъ въ Россійскихъ началахъ, да и тѣ еще бесплодные въ разсужденіи достопамятныхъ [5]) дѣлъ. Не останавливаюсь и на семъ егожъ и тамже, что все то, кое темнаго и предревняго есть начала, безъ всякаго дальнаго размышленія, Скітѳами называется, и причитается Скітѳамъ. Могутъ найтись читатели, коимъ сіе не во всемъ распространеніи, но съ нѣко-

---

[1] Высочайшая изъ горъ, наченшаяся въ Лікіи, и дошедшая до самаго восточнаго Океана, раздѣляя всю Азію на двѣ части. Сія, идучи къ востоку, хотя вездѣ Тавромъ именуется, однако отъ рѣки Окса уже Имаемъ. Распростираясь къ Сѣверу, зовется Антітавромъ; а между Каспійскимъ моремъ и Понтомъ, отъ востока къ западу, Кавказомъ.

[2] Сілак. Каріадійск. въ Періпл. или описан. стран 29. и безимян. Періпл. Понт. Эвксінск. том. I. стран. 6. Гудсон.

[3] Въ Періпл. Понт. Эвксінск. стран. 20.

[4] Безъимянн. Періпл. въ приведенномъ мѣстѣ.

[5] Лейбніцій, въ кн. названной имъ, Писатели объясняющіи касающееся до Брауншвейга, доказалъ твердо, что то не X-тый, и XI вѣкъ христіанскихъ историковъ, былъ самый варварскій, какъ то общее мнѣніе, но XIII, и XIV.

торымъ знатнымъ уменьшеніемъ и стисненіемъ, казаться будетъ. А какъ кто точняе въ то углубится; то либо и окажется одно только бывшее благоволеніе, къ такому намъ внушенію въ ученомъ мужѣ. Дивлюсь токмо, что онъ въ семъ и отъ Византійскихъ прочъ, для того что они тутъ не по немъ; но что прежде девятаго вѣка не упоминаютъ о Россіанахъ, въ томъ за нихъ крѣпко держится.

Подлинно, Візантійскіи въ первый разъ упоминаютъ о Россахъ тогда, когда сіи приплыли по Черному морю подъ Константінополь. Походъ сей былъ не въ десятое лѣто Михаила Гугниваго [1]), Кесаря Константінопольскаго, и въ лѣто отъ Христа 851, какъ то Шетгеній полагаетъ, но въ девятое лѣто державы Михаила и Ѳеодоры матери его, и въ лѣто Спасителево 852. Сіе свидѣтельствуетъ хронографъ Россійскій, при лѣтѣ міра 6360, а отъ воплощенія 852, предлагая: «Індікта 15, наченшу Михайлу царство-«вати, и нача прозыватися Руская земля». На семъ утверждается и безъимянный Історіографъ Россійскій, приведенный у [2]) Байера пишущаго: «въ цар-«ство Міхаилово, Індикта XV, первократно о Россій-«скомъ имени слухъ промчался».

И понеже сихъ временъ дважды случился XV Індиктъ, сперва въ лѣто Христово 852, а потомъ въ лѣто 867; то Байеръ и заключаетъ, что безъимянный Історіографъ разумѣетъ лѣто [3]) 867. А чегожъ ради

---

[1] Заики.

[2] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 388.

[3] Епископъ Илія Мінятій, въ изъяснен. о начал. и причин. Раскол. запад. Церкв. Съ восточн. полагаетъ 15 лѣтъ

не 852? Счисленіе лѣтъ, въ разсужденіи сего, не имѣетъ большія трудности. Достовѣрно есть, что Людовикъ IIій [1]) или Кроткій, сынъ Карла Великаго началъ царствовать [2]) на заподѣ съ 814, а царствовалъ 27 лѣтъ. Съ того времяни начало царству на Востокѣ Льва Арменина, царствовавшаго токмо 7 лѣтъ. Итакъ, окончилось лѣто Христово 821. По немъ насталъ Міхаилъ Гугнивый, который царствовалъ на востокѣ 10 лѣтъ, и потому окончалъ лѣто Христово 831. Сынъ его Θеофилъ державствовалъ 12 лѣтъ; и такъ лѣто Христово окончилось съ царствованіемъ его 843. Наслѣдовалъ престолъ сынъ его Міхаилъ Младолѣтный, при правленіи государства матери его Θеодоры. Но до XV Індікта, тоесть, до 852 года, осталось еще 9 лѣтъ. Слѣдовательно, въ сей годъ, а въ царство Міхайлово, услышили первократно Візантіняне о Россахъ. Лѣта 867 не Міхайлова почитай есть царствованія, но Василія Македона: ибо Міхаилъ царствовалъ съ матерію 12 лѣтъ, а одинъ собою 11 полныхъ; итого 866 лѣтъ Но 867-го (въ самомъ на-

---

царствованія Міхаилова съ матерію, а 9 неполныхъ собою. Но сіе счисленіе, не полагающее почитай двухъ лѣтъ несогласія у сына съ матерію въ самособное царствованіе Міхаилова. не мѣшаетъ: ибо и по Мінятію лѣто 867 есть начало царствованія Василія Македона, счисляя новолѣтіе съ Сентября. Калвізій счисляетъ 14 лѣтъ царствованія съ матерію, а 12 собою; такъ что, первый годъ царства Македонова, по его, есть 868: но сіе по римскому новолѣтію, и по нынѣшнему нашему.

[1] По Французски дебонеръ.

[2] Целлар. въ Сіноптическ. таблиц. вѣк. IX.

чалѣ по Греческому счисленію; ибо Сентября 24 дня, а по Римскому за 4 мѣсяца до 868-го) скончался, по которомъ и насталъ Василій [1]) Македонъ.

За всѣмъ симъ, часть Россанъ или Россовъ была и жила въ Таврическомъ Херсонесѣ, по свидѣтельству Візантійскихъ писателей. Довольно есть вѣроятно, что изъ Таврическаго Херсонеса Россіане пошли къ западу. Эбнъ-Алварди, писатель Аравитскій, приведенный у [2]) Гербелота, и изъ него у Шетгенія въ Россійскихъ началахъ, свидѣтельствуетъ, что Россами выгнаны Болгары, и что они Россы поселились между странами Румъ, и Кгозаръ, такъ что, были они между Болгаръ и Секалеба, тоесть, между Болгарами и Словянами. Косары были народъ Словенскаго языка; показываетъ сіе имя ихъ: ибо оно значитъ или людей косящихъ непріятелей своихъ, въ военныхъ пораженіяхъ, какъ косами, или людей, носящихъ оружіе свое, вдѣланное на подобіе косъ (Сабель). Я мню, что Косарь нашъ, домовое орудіе, всѣмъ извѣстное, названъ отъ того оружія подобнаго косамъ, и что нынѣшніи гусары суть не что иное, какъ токмо поврежденное имя отъ Косаровъ. Не токможъ гусары отъ Косаровъ, но и козаки отъ тогожъ кореня и знаменованія, косаки: ибо и у нихъ оружіе есть сабляжъ, подобная косѣ. Итакъ, не право мнятъ нѣкоторыя писатели, что козакъ на татарскомъ языкѣ значитъ грабителя; не право и Пясецкій произво-

---

[1]) Целлар всеобщ. Істор вѣк IX. и Калвіз въ хронолог. при царствован. Лудовік II.

[2]) Бібліотек. Восточн. стран. 722.

дитъ отъ Косы, тоесть отъ козья скаканія въ полѣ: но весьма справедливо разсуждаетъ Гербиній въ главѣ 7-й, о пещерахъ Кіевскихъ, что козакъ есть отъ косы, косакъ тоесть, человѣкъ военный, носящій оружіе подобное косѣ, или срубающій противниковъ такъ, какъ будтобъ онъ косилъ ихъ косою.

Свидѣтельствуетъ о Козарахъ [1]) Длугошъ говоря: Козары суть народъ Рутенскій. Ему слѣдуетъ, по обыкновенію своему, и Матѳей [2]) Меховскій Авторъ письма о комерціи, положеннаго въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1755 года въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, на страницѣ 217, говоритъ, что кои народы отъ Грековъ, назывались Козарами, или Хозарами, тѣ у рускихъ суть Хваліссы или Болгары, и что въ древнія времена раздѣляли ихъ на двое, на нижнихъ и на верьхнихъ.

Но что болѣе? весьма вѣдомы суть Хозары народъ Таврическій, въ Херсонесѣ пребывавшій, въ коемъ поселяютъ его и Візантійскіи, и другіи писатели едиными устами засвидѣтельствуя. Чтожъ принадлежитъ до Румъ; то Аравляне такъ называютъ страну ближнюю къ Візантіи. Ибо Римляне туда прибыли изъ Италіи, и Константінополь новымъ Римомъ назвали: отъ чего оная въ тѣ, и послѣдующія нынѣшнія времена, Романіею проименована, хотя и сіе безспорно, что и Азіатическіе [3]) области симъ же называются именемъ.

---

[1] Істор. Польск. кн II.

[2] Кн. II. гл. 3.

[3] Автор. примѣчан. на Родословн Істор. о Татар. Абулгазі. Баядуръ Ханову, моего перевода.

По утвержденіи сего такимъ образомъ, всякъ ясно уразумѣть можетъ, что Россіанѣ при Черномъ морѣ, называемомъ у Преподобнаго Нестора Рускимъ, между Дунаемъ, Днестромъ, Бугомъ, и Днепромъ селенія свои имѣли. Ибо по сіе мѣсто мы внушали, что шли они всегда на западъ. Впротчемъ, сіе удивительно, что Візантійскіи писатели, о знаменитоїй сей премѣнѣ, ни слова не сказали, хотя въ сіи времена Россіанѣ начали уже быть знатны, такъ что и на самый Константінополь нападать дерзали. Знатно, что Греки, по тогдашнему своему надменію, отъ высоты и роскоши родившемуся, не ставили еще за велико сихъ непріятелей.

Однако, Александръ [1]) Гвагнинъ, описатель Польши, недостатокъ сеіі нѣсколько награждаетъ повѣствуя: «Роксаланы или Руссы съ Волгарами, для по«добія и единства въ житѣйскихъ обыкновеніяхъ, «дружбу и союзъ здѣлали; а общими силами и вошли «въ Тавріческую страну, въ коеіі нынѣ живутъ Пе«рекопскіи Татары. Но коль долго они въ неіі пре«бывали, и въ какое время пришли, о томъ не извѣ«стно.» Сказываетъ потомъ, что они, переправившись «чрезъ Дунаій, прямо пошли во Тѳракію, и тамъ Кон«стантінопольскаго Кесаря съ воинствомъ кроволит«ною воіною разбили, также Нікифора и Михаила [2])

---

[1] Въ Хорограф. Полш. находящейся въ писателяхъ дѣяній Польскихъ Пісторіевыхъ Томъ I. стран 24 и въ республік. Польск. стран. 242—243.

[2] Дѣлалось сіе уже́ въ IX вѣкѣ. Однако Міхаилъ, зять Нікифоровъ, по прозванію Ранкавей, не убитъ отъ Бол-

«Кесарей, убили при Адріанополѣ. Потомъ, завла-«дѣвши обѣими Мезіами, назвали ихъ Волгаріею. «Нѣкоторыи изъ нихъ сѣли въ странѣ Россіискои, «кою Волгиніею назвали, понынѣ проименованіе сіе «имѣющую. Прочіи въ Подоліи, въ Літваніи, въ Под-«ляшіи, и въ Мазовіи окоренились. Всѣхъ сихъ мѣстъ «и въ нынѣшнія времена не премѣнили, кромѣ по-«селившихся въ Мезіи.

Все въ Гваґнинѣ съ истинною сходствуетъ. Зонаръ[1]) упоминаетъ о первомъ Болгаровъ нападеніи на Іллірію и на Тѳракію, бывшемъ во времена Анастасія Дікора или Разно-окаго, Кесаря, скончавшагося въ самомъ началѣ шестаго вѣка, лѣта 518. Кедринъ [2]) предаетъ, что они въ Мезію во времена Іустініана великаго, ворвались, въ шестомъ же вѣкѣ. Писатель [3]) смѣшенныя Історіи, полагаетъ пришествіе ихъ во Тѳракію, въ первоенадесять [4]) лѣто царствованія Константина Погоната, или Брадатаго, въ седмомъ вѣкѣ, за шесть лѣтъ до его кончины.

гаровъ, но токмо разбитъ ими на битвѣ, отъ чего онъ и уединился въ монастырь, оставивъ престолъ Лву Арменину.

[1] Кн. XVI. гл. 3.

[2] Стран. 371.

[3] Кн. XIX. стран. 600. издан. Канізіево.
Пагі въ Крітикѣ на лѣтопис. Барон. лѣта 678.

[4] Лызловъ Скітоіійскія Історіи въ части I. въ главѣ 2, повѣствуетъ изъ Стриковскаго страницы 98, что болгаровъ знатная часть, ревнуя въ воинскихъ дѣлахъ славѣ сопленныхъ своихъ, пошла отъ Волги, и пришла на рѣку Днестръ 430 года лѣта Хрістова, подъ предводительствомъ Князя своего Дербала, или Дервала.

Но понеже явствуетъ по всему предложенному выше, что въ сіи времена должно было Россамъ находиться еще въ Таврическихъ странахъ; то ясно, что не всѣ Россы соединились съ Болгарами, но нѣкоторая токмо изъ нихъ часть, называемая и понынѣ Расци, или правѣе Расси, и Раши. А что у Византійскихъ писателей нѣтъ, при сихъ приключеніяхъ, Россовъ; то видно, что Болгарское имя, какъ-единоязычное, и единаго [1]) знаменованія съ Россами, ихъ въ свое включило, для того что Болгаровъ было больше, а Россовъ токмо часть съ ними. Наконецъ, въ семъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія, что Россы преселились изъ Таврическаго Херсонеса въ Европу на западный берегъ Чернаго Моря, и оттуду, въ 852 лѣто Спасителево, ходили на Константинополь въ силахъ знаменитѣйшаго ополченія, отъ чего и прославившагося паче бывшихъ прежде походовъ, не толь сильныхъ; такъ что сей почтенъ, какъ совершенно впечатлѣвшійся въ высокомѣрную Византійскую память, за первократный. Доказывается сіе и слѣдующимъ, что Византияне Сѣверовосточнѣйшую Россію именуютъ [2]) дальнѣйшую (Тинъ Эксоо Россіанъ), на различеніе съ ближайшею къ нимъ, которая при Черномъ лежала морѣ.

По первомъ семъ славнѣйшемъ ихъ на Константи-

[1] Болгары, или правѣе Волгары суть отъ Волги; но отъ Россовъ сія самая Волга, именовавшаяся Ра, Расъ, Русъ, и Росъ. Впрочемъ, Раши и Волгары суть званія соименныя.

[2] Констант Багрянород о Правлен. Импер. восточн. гл. 9. издан. Бандуріево.

нополь нападеніи, вскорѣ упоминается объ ихъ обращеніи къ Вѣрѣ Христовой. Синопсисъ, книга прежде въ Кіевѣ напечатанная, по томъ и здѣсь при Академіи четырежды изданная, упоминаетъ [1]) о пятикратномъ крещеніи Россіянъ. Первое, утвердившись на Сінаксарѣ, читаемомъ въ церкви Ноября 30 дня, на Гвагнинѣ, и на Лѣтописаніи преподобнаго Нестора, отъ святаго Апостола Андрея Первозваннаго.

Второе, утвердившись на Кромерѣ книги III и на Бароніи подъ лѣтомъ 863, въ лѣто [2]) 863, въ царство Греческаго Царя Михаила, при Патріархѣ Фотіи, отъ учителей Вѣры Христовы Меѳодія [3]) и Кирілла. О семъ крещеніи упоминаетъ и Стредовскій [4]), писатель Моравскій. «Кириллъ и Меѳодій, говоритъ, тогда «въ Моравіи пребывая, послали въ ближніе страны «нѣкоторыхъ священниковъ, а именно Безрада въ «Панноніо, Вышнога въ Сармацію, Яндова въ Дакію, «Наврока въ Россію. Сей Наврокъ преизрядно отправилъ свою должность: ибо въ слѣдующій годъ, Кі-

[1] Сінопсісъ стран. 67. издан. Академическ. IV-тое.

[2] Въ разсмотрѣніи на Мавроурбинову повѣсть, въ лѣто 868: но сіе лѣто не Міхаилова царства, да Василія Македона.

[3] Въ прописи молитвослова Кіевопечерскаго Маія 11 дня, сіе о нихъ изъявляется: «Меѳодій, Епіскопъ Морав«скій, братъ святаго Кірілла, иже изобрѣте писмена Сла«венская (то есть Греческіяжъ, названныя Славенскими «именами» поживе (то есть преставися) въ лѣто 880, въ «царство Василія Македона.»

[4] Кн. II. гл. 8. стран. 231.

«рiллъ и Меѳодiй, побуждены бывши склонностiю «Россiанъ къ вѣрѣ Христовой, прибыли сами въ Рос- «сiю, и тамъ двухъ Князей Самовита и Богарина, съ «великимъ множествомъ народа, священною банею «отрожденiя во Христа омыли.» Мнѣ мнится, что Самовидъ и Богаринъ, былъ одинъ токмо человѣкъ. Самовидъ по имени, а по достоинству и чести бояринъ; или, какъ въ церковномъ нашемъ языкѣ боляринъ отъ большинства, равно какъ [1]) Гранъ-д-Эспáнь (Большiй Гишпанскiй) отъ великостижъ.

Третiе, утвердившись на Зонарѣ книги третiея, и на Кромерѣ книги третiеяжъ, въ лѣто 886, въ царство Кесаря Василiя Македона, при томъ же Патрiархѣ. При семъ случаѣ Михаилъ Митрополитъ (Мавроурбiнъ называетъ его Ѳеофiломъ Епiскопомъ) ввергъ Евангелiе въ огнь, и изъ огня изъялъ книгу невредиму. О семъ чудѣ упоминаютъ и Стредовскiй, и Антонiй Паги, сверьхъ [2]) Зонара; [3]) Кедрина, и [4]) Константина Багрянороднаго.

Четвертое, утвердившись на преподобномъ Несторѣ, на Зонарѣ, и на Бароніи, въ лѣто [5]) 955 въ кня-

1 Grand d' Espagne.

2 Кн. XVI. гл. 10.

3 Стран. 586

4 Въ Василiи Македонѣ гл. 96.
Присовокупи Греческое извѣстiе, изданное съ рукописнаго, Колбертiнскiя бiбliотеки, бандуріемъ, въ примѣчанiи на книгу Константiна Багрянороднаго о правленiи Iмперiи.

5 Въ разсмотрѣнiи на Мавроурбiнову повѣсть, 958 лѣта: а у лѣточислителя и лѣтописателя Саксона 959. Но по родословной росписи ежемѣсячныя книшки 953 лѣта.

женіе Великія Княгини Ольги, супруги Игоревы, а Бабки святаго Владиміра. О собственномъ ея крещеніи въ Константінополѣ, упоминаютъ и чужестранныя говоря [1]): «Елена, Царица Ругіанъ, прибывшая «въ Константінополь для воспріятія тамъ крещенія.» Ругъ, или Ругій народъ, упоминаетъ и у Сідонія Аполлінарія въ Панегірикѣ Авіту, въ 319 стіхѣ: «[2]) »боелюбный Ругъ, съ возслѣдующимъ Гелономъ;« а упоминается бывшимъ у Аттілы въ войскѣ.

Пятое и послѣднее, утвердившись на преподобномъ Несторѣ лѣтописателѣ Россійскомъ, при крещеніи святаго и равноапостольнаго Князя Владиміра, въ царство Греческихъ Царей Василія и Константіна, а въ Патріаршество Ніколая Хрісоверха, въ лѣто господне 988. Или, какъ другіи пишутъ, въ 996 [3]) лѣто. И о послѣднемъ семъ крещеніи свидѣтельствуетъ [4]) Спангемій предлагая: «При окончаніи де«сятаго вѣка, весь народъ приведенъ въ Вѣру Хрі«стову.»

Во времена, въ кои начало быть упоминаемо о крещеніи Россіанъ, пребывали они на разныхъ мѣстахъ. Первыи, жилища свои имѣли при Понтѣ, какъ то мы не давно предложили, и Аравітскімъ подтвердили писателемъ. Другіи, поселились въ полуденнѣйшихъ частяхъ Польши, близъ городовъ Премы-

[1] Продолжитель Регіновъ лѣточислитель и лѣтописатель Саксонъ, на лѣто 959.

[2] Драчливый Pugnax.

[3] Въ разсмотрѣніи на Мавроурбінову повѣсть 1000: а по Баронію 1008.

[4] Істор. церков. стран. 769—910.

шля и Львова. Сію Россію Моравскіи писатели, именножъ Стредовскій въ священной Моравіи, Полуденною называютъ. А географы, и ландкартъ издатели именуютъ Чермною или Красною. Есть и черная Россія: мѣста ея суть Волынь и Полѣсіе; а столичный ея городъ Острогъ, въ которомъ произведена самая первая Славенская [1]) біблія. Третіи, не подалеку отъ рѣки Днепра, на западный сѣверъ клонясь: Россія сія называется Бѣлая. Знатнѣйшій въ ней городъ Полоцкъ, а столица ея есть Смоленскъ. Четвертыи, на самомъ Днепрѣ, называемыи Малороссіанами. Престольный городъ въ малой Россіи есть Кіевъ. Пятая и послѣдняя Россія, весьма славная въ исторіяхъ, именуется Великою: писатели называютъ ея и Сѣверною.

Изъ древнѣйшихъ въ ней городовъ упоминается [2]) о Старградѣ; но гдѣ онъ стоялъ, понынѣ еще не опредѣлено. Профессоръ Байеръ [3]) мнилъ, что то старая Ладога, и толь наипаче, что между столичными городами, полагаемъ мы, какъ онъ писалъ, [4]) и

---

[1] Калвізій при лѣтѣ 1584-мъ объявляетъ, что въ сей годъ первократно вышла біблія на Славенскій языкъ переведенная, а написанная латінскими буквами, коея авторами именуетъ Георгія Далматіна, и Адама Бохорича. Однако, острожская прежде: ибо напечатанная 1581 года.

[2] Oldenburg.

[3] Том. X. Географ. Россійск. стран. 395.

[4] Въ родословной росписи, положенной въ самомъ началѣ первыя Генварскія ежемѣсячныя книжки, 1755 года, именно стоитъ на 2 страницѣ, что Рурікъ государствовалъ въ Ладогѣ.

старую Ладогу. Съ симъ мнѣніемъ я не неохотнобъ хотѣлъ согласиться. Первое для того, что упоминаемый Гелмолдомъ Олденбургъ (Старградъ) былъ въ Вандаліи. Второе, не далеко онъ былъ отъ моря, и еще, какъ Байеръ мнилъ, въ Кареліи. Премѣнено имя на Ладогу, можетъ быть для того, мнилъ бы я, что въ немъ здѣланы и утверждены договоры, какимъ способомъ великому Князю Руріку владѣть въ Россіи; а договоръ по Славенски называется и Ладъ, то есть согласіе. Сінопсісъ нашъ точными предлагаетъ словами, на страницѣ 23, что старѣйшій Рурікъ, столицу свою на островѣ Езера Ладожскаго заложилъ. Третіе, назывался онъ, безъ сомнѣнія, Старъ-градъ; отъ чего другій градъ, вновь построенный, въ который по томъ пренесенъ престолъ, и наименованъ Новъ-Градъ. Сего точно былъ мнѣнія и [1]) профессоръ Байеръ. Однако, все сіе не сходствуетъ съ хронографомъ Россійскимъ: ибо, по хронографу, Новъ-Градъ построенъ на единомъ токмо поприщѣ отъ мѣста, гдѣ стоялъ старый градъ, именемъ Словенскъ. Однако, сіе можно такъ согласить, что Старъ-градъ былъ разный отъ Словенска.

Въ сихъ временахъ можно только положить рожденіе Нову-Граду. Хронографъ Россійскій, преведенный у [2]) Байера повѣствуетъ, что разбѣгшіися отъ язвы, бывшія въ Новогородской области, по возвращеніи построили Новградъ надъ рѣкою Волховымъ, разстояніемъ на едино поприще отъ стараго града

---

[1] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 436.

[2] Том. VIII стран. 435—436.

Словенска. Возобновили также по прежнему и городъ Русу, и начальствующимъ поставили Гостомысла. Сінопсісъ [1]), изданный при Академіи въ четвертый разъ, тожъ самое не разгласно предлагаетъ: «Прочіи (Рос«сы) населишася надъ Волховымъ рѣкою, идеже соз«даша Новградъ великій, и Гостомысла, нѣкоего му«жа нарочита, отъ самихъ себѣ въ Князи избраша.»

Но по совѣту сего Гостомысла и призваны на престолъ великіи Князи Рурикъ съ братами; а прибыли они въ лѣто благодати 862. Слѣдовательно, Нову-Граду надлежало быть построену въ девятомъ [2]) стѣ лѣтъ по Христѣ. Прочіи престольныи грады были, Кіевъ, Владиміръ. и Москва. Владиміръ созданъ святымъ и равноапостольнымъ Княземъ Владиміромъ, изъ котораго по томъ пренесенъ всемѣрно престолъ великимъ Княземъ Іоанномъ Даніиловичемъ, по свидѣтельству Сінопсіса [3]). Но о Москвѣ предложимъ ниже: теперь о Кіевѣ.

Всѣ Россійскіи лѣтописатели согласно повѣствуютъ, что Кіевъ получилъ себѣ имя отъ Кія, создателя своего, старшаго брата Щекова и Хоревова. Сі-

---

[1] Стран. 22.

[2] Посему, Новогородскія лѣтописи лѣто міра 3099, а по потопѣ 837 созданію Новаграда, есть не право. И какъ обрѣтается у насъ написано, что святый Андрей Апостолъ былъ и въ Новѣ-Градѣ; то чрезъ Новъ-Градъ тогдашній должно разумѣть область Новогородскую; ибо въ Четьѣ мінеѣ именно пишетъ, что онъ былъ тогда въ вышнихъ, то есть, сѣверныхъ, градахъ Россійскихъ, гдѣ нынѣ Новъ-Градъ.

[3] Сінопс. стран. 14. издан. IV-тое.

нопсісъ [1]) говоритъ, что по прошествіи не малаго времени, отъ пророчества святаго Апостола Андрея Первозваннаго, пришли отъ дикихъ поль, съ Славяны три родныи брата, Кій, Щокъ или Щекъ, Коревъ или Хоревъ, а съ ними прибыла и сестра ихъ Либедь. (у Стредовскаго въ книгѣ второй, въ главѣ осмой, имена сихъ трехъ братовъ суть: Кигъ, Шигъ, и Коревъ). Старшій братъ Кій основалъ, и соградилъ градъ надъ рѣкою Днепромъ, нарекши его, отъ своего имени, Кіевъ.

Безъимянныі Історіографъ Россійскій, приведенный Байеромъ, утверждаетъ [2]): «Кій Полякъ былъ, «и сперьва на томъ мѣстѣ, гдѣ увозъ Борищевъ, [3]) «то есть переѣздъ чрезъ Днепръ, пребывалъ. По «томъ онъ, съ двумя братами и сестрою, построилъ «Кіевъ». Хронографъ Россійскій, приведенный имъ же [4]) Байеромъ: «Три брата, Кій, Щерекъ, и Хо«ривъ, создали градъ по имени старшаго своего бра«та, и назвали оный Кіевъ. Нѣкоторыи повѣствуютъ, «что Кій былъ перевозникъ, и питался отъ перевоза «чрезъ Днепръ, но ложно: Кій былъ Князь, которыі «когда ходилъ подъ Константінополь, отъ Кесаря «тамъ съ великою честію былъ принятъ. Въ возвра«щеніе оттуду, близъ Дуная состроилъ не большій «городокъ, коему и доднесь имя Кіевецъ; но жителя-

---

[1] Сінопс. стран. 18. издан. IV тое.

[2] Том. VIII. начал. Россійск. 433.

[3] Буква Щ, стоитъ въ семъ приводѣ за ШТ, по древнему Славенскому выговору.

[4] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 433.

«ми оттуду изгнанъ; а онъ съ братами и сестрою, «скончался въ Кіевѣ. По смерти Кіевой, потомки его «наслѣдниками ему были». И такъ, безъимянный Исторіографъ Россійскій, збитъ съ поля всеконечно вѣрнѣйшимъ и твердѣйшимъ хронографомъ Россійскимъ.

По Сіноисісу, пришли сіи три брата съ множествомъ Славянъ. Слѣдовательно, были они Славяне, да еще и Россійскіи Князи, по томужъ Сіноисісу: сіе доказываютъ подлинно и имена ихъ. Кій, есть жезлъ по Славянски; а слово сіе и донынѣ въ употребленіи у Малороссіянъ симъ знаменованіемъ. Щекъ, есть отъ щеки, то есть, отъ словесности и отъ пространства слова, для того что онъ въ хронографѣ Щерекъ названъ, то есть широкорѣчивый. Коревъ, Хоревъ и Хоривъ, есть отъ горы или отъ высоты, какъ-будто Горевъ, или Горивъ: ибо К. Х. и Г. суть одного органа буквы. Пришли они отъ дикихъ поль. Но дикія поля суть между Бугомъ и Днепромъ, гдѣ есть часть Очаковскаго поля, какъ-то и Байеръ [1]) утверждаетъ, и гдѣ въ древнія времена былъ городъ [2]) Олбія.

Сей городъ, по Целларіеву описанію [3]), стоялъ на рѣкѣ Бугѣ, и мнитъ онъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ построена крѣпость Очаковъ, или въ близости

---

[1]) Томъ. I. о положен. мѣст. Скитоійск. стран. 416.

[2]) Греческое имя, по произведенію своему значитъ на нашемъ языкѣ градъ блаженный, тоесть, счастливый или благополучный.

[3]) Въ познан. древн. мір. о Сармац.

отъ нея. Но по Байеровой Ландкартѣ (при началахъ и положеніи мѣстъ Скитоіійскихъ, Тома перваго) стоялъ онъ почитай при самомъ Днепровскомъ устіи за порогами. Городъ сей былъ наполненъ Греческими переведенцами. Итакъ, вѣроятнѣе по всему нежели по безъимянному Россійскому Исторіографу, приведенномъ Байеромъ, что Кій, Щекъ, и Хоревъ Россійскіи Князи по Сіноисису, изъ сего вышли города съ Славянами своими, не восхотѣвшими, мню, обращаться съ Греками; да и построили Кіевъ, нарекши его по имени старшаго своего брата: ибо хотя лѣтописцы Россійскіи и не объявляютъ, коего лѣта Кіевъ созданъ, по Сіноисису; однако [1]), Стриковскіи свидѣтельствуетъ, что въ четыреста тридесятое лѣто отъ Христа, а не въ четыреста первое, какъ то Байеръ [2]) говоритъ, приводя и переводя слова изъ Сіноисиса, да и воспріявъ числительную букву (л) за (а).

Авторъ книги сея приводитъ тамъ [3]) Радимчанъ, Вятчанъ, и Дулѣплянъ не для того, какъ Байеръ мнитъ, что будто онъ ставитъ маловажнымъ Стриковскаго, но для сего, что Россійскіи сіи Князи вышли не одни, но со многою силою, надъ которою были начальствующіи мужи Радимъ, Вятко и Дулѣ-

---

[1]) Лист. 396.

[2]) Том. VIII. Начал. Россиск. стран. 434 безъимяннаго Исторіографа Россіискаго Кіевъ построенъ 861 года; но не право: ибо начало Славянамъ съ V го вѣка, а Кій и жилъ въ тотъ.

[3]) Сіноисіс. стран. 20 издан. IV тое.

па. Сіе точно значитъ въ Сінопсисѣ: «Пріидоша съ «Славяны великими, и зѣло храбрыми народы». И такъ, Кіевъ сограженъ Россійскими Князями, а не Поляками: и Россійскими Князями вышедшими, можетъ быть, изъ Олбіи, стоявшія на тѣхъ дикихъ поляхъ, упомянутыхъ въ Сінопсисѣ; вышедшимижъ со многими Славяны, да и сограженъ онъ въ четыреста тридесятое лѣто отъ Христа по Стриковскому.

Но часто поминаемый Байеръ [1]) въ трепещущемъ подлинно сомнѣніи, толькожъ съ великою охотою, изъ Іорнанда внушаетъ намъ, что полно сей Кій, Россійскій по нашимъ воспріятымъ лѣтописцамъ Князь не Готѳіческій ли король Книва. Что за повсюдное Байерово тщаніе, приставшее отъ него, какъ прилипчивое нѣчто, къ нѣкоторымъ егожъ языка здѣсь Академікамъ, чтобъ намъ быть или Шведами, или Норвежцами, или Датчанами, или Германцами, или Готоамі, толькобъ не быть Россіанами, собственно такъ называемыми нынѣ? Великая разность у Кія съ Книвою! былъ Книва въ Мезіи, или въ верхней и нижней Сербіи, съ войскомъ: былъ и Кій при Дунаѣ. Чтожъ по томъ? Книва имѣлъ брань съ Императоромъ Декіемъ, бывшимъ въ третіемъ вѣкѣ, коего онъ и убилъ: ходилъ и Кій ополченный подъ Константинополь, по Россійскому Хронографу, но тамъ отъ [2]) Кесаря съ великою честію былъ принятъ. Что за сходство у Кія съ Книвою? Кій былъ въ пя-

---

1) Том. VIII. начал. Россійск. стран. 434.

2) Надобно сему быть Ѳеодосію юнѣйшему: ибо Калвізій изъ Ѳеодорита, при лѣтѣ 425 предлагаетъ, что

томъ вѣкѣ: а Книва въ третіемъ: съ двѣсти лѣтъ между обоими счислиться можетъ.

Слѣдовательно, мы сего Книву, Готоіческаго короля, осуждаемъ строить замки въ Гішпаніи по Французскому присловію, а не градъ Кіевъ, созданный Кіемъ Россіискимъ Княземъ, пришедшимъ отъ дикихъ поль со многою силою Славянъ, и съ тремя полководцами, такъ равно, какъ Байеръ повелѣлъ царствовать въ пустыхъ тѣняхъ Чеху, Леху, и Руссу, Анноновымъ дѣтямъ.

По смерти Кія, Щека, и Хорева, хотя и остались наслѣдники, по Сіноисісу; но имена ихъ невѣдомы. Родъ ихъ въ Стриковскомъ [1]) такъ изъявляется: «По «смерти тѣхъ трехъ братовъ, князей Россійскихъ, «сыны и наслѣдники ихъ по нихъ, чрезъ долгіи вѣ- «ки, всякъ на своемъ удѣлѣ, господствовали. Продол- «жалось сіе до Оскольда и Дира Князей отъ ихъ же «народа». Видимо намъ здѣсь начало; видимъ есть и конецъ. Когожъ въ средину поставить, не доумѣваемъ. Однако посмотримъ, чтобъ кому нибудь не съ вѣтра но отъ Кіева рода, и тутошному быть между Кіемъ и Оскольдомъ. Константинъ Багрянородный [2]) даетъ прозваніе Кіеву САМВАТЪ; а чтобъ сказать по обыкновенію нашему, то и будетъ по сему Кіевъ Самватотовичь, такъ какъ у насъ Донъ Ивановичь, и Русь Андреевна. По чемужъ Кіевъ есть

Скіѳы въ сей годъ были за Дунаемъ во Тѳракіи; но Кій, какъ Славянинъ, Скитѳскаго есть рода.

[1] Лист. 115.

[2] О правлен. Импер. стран. 59.

Самватъ? Не былъ ли въ немъ кто господиномъ сего имени? Поищемъ.

Упомянутый выше при Крещеніяхъ Россіанъ, изъ Стредовскаго писателя Моравскаго, двое изъ Князей Россійскихъ, крещеныхъ Меѳодіемъ и Кирилломъ въ Россіи, въ лѣто 864 отъ Христа, имена сихъ двухъ Князей суть: Самовитъ и Богаринъ. Но мы тамже не невѣроятное мнѣніе объявили, что оба сіи Князя были, можетъ быть, одинъ и тотъ же человѣкъ. Впрочемъ, пускай будутъ два. По сему, Самовитъ былъ Князь, а Богаринъ, какъ бояринъ, первенствующій его вельможа, а можетъ быть и отъ его крови.

Какъ то ни есть; только Кіевъ, по прозванію именуется Самватъ у Константина Багрянороднаго. Всеконечно, имя сіе испорчено въ Багрянородномъ писателѣ: оно есть точно Самовитъ. Сей Самовитъ есть Князь; крещенъ въ Россіи: Пессіна [1]) пишетъ, что въ лѣто 855, Радиславъ, Король Моравскій, съ Польскими и Россійскими Князями союзъ заключилъ; а Стредовскій [2]), что въ лѣто 864 Самовитъ и Богаринъ, Россійскіи Князи, посѣщали Радислава Моравскаго Короля. И такъ, нѣтъ въ лѣтахъ и въ странѣ несходства. Чтожъ препятствуетъ, быть сему Самовиту Кіевскимъ княземъ, наслѣдникомъ Кію, по многихъ неизвѣстныхъ наслѣдникахъ? Конечно Кіевъ есть Самовитовичь по сему Самовиту.

---

[1] Въ Марсѣ Моравском. Кн. II. гл. 5 стран. 146.

[2] Кн. II. гл. 8. стран. 230 - 231.

Однако, покойный [1]) Байеръ не позволяетъ, чтобъ сей Князь Государствовалъ въ Кіевѣ: въ Премышлѣ его посаждаетъ туманно на престолъ: «Кіевъ есть какъ старый, по его, градъ, такъ и лучше ему Бай«еру не знать, отъ кого онъ [2]) построенъ, нежели «быть обману». Не могъ ты обмануться въ семъ мудрыій успшій мужъ. Безъ всякаго есть сіе сомнѣнія, что Кіевъ созданъ Кіемъ; что созданъ онъ около лѣта Христова 430 го; что по его имени нареченъ онъ Кіевомъ; что по Кіѣ наслѣдники неизвѣстны по большой части; что Самовитъ есть весьма вѣроятный Князь Кіевскій; и что по Кіѣ и Самовитѣ, вѣдомыи Князи, отъ егожъ Кіева рода, суть Оскольдъ и Диръ. Чегожъ ради лучше тебѣ не знать, отъ кого онъ построенъ? Вижу, желалось тебѣ всею, сопряженною тогда съ тѣломъ твоимъ, душею, чтобъ Кіеву быть не Кіевымъ, но Книвинымъ. Однако, градъ сеій и по нынѣ есть, и отнынѣ пребудетъ Кіевъ.

Правда, видится при сѣни, а не при свѣтѣ, что у Стредовскаго престолъ Самовитовъ былъ въ Премышлѣ, а не въ Кіевѣ. Но сіе есть токмо тѣнь, а не сіяніе. Багрянородный Авторъ точно говоритъ, что Кіевъ по прозванію есть [3]) Самватъ. Отъ когожъ до-

[1]) Том. VIII. начал. Россійск. стран. 435.

[2]) Багрянородный не говоритъ, что Кіевъ для того Самватъ, понеже отъ построенъ отъ человѣка такъ именовавшагося; но что по прозванію Самватъ. По сему втуне Байеръ навлекаетъ созданіе Кіева и на Самвата, и въ томъ не хочетъ обмануться.

[3]) Нашлись нѣкоторыи, кои утверждаютъ, что сіе сло-

стовѣрнѣе назвать его можно такъ, какъ не отъ Самовита Самоватовымъ, или Самовитовымъ? Пускай съищетъ мнѣ кто инаго въ Исторіяхъ: но коль бы кто ни превращалъ [1]) дневною, по Горацію, и нощною ихъ рукою; толькожъ бы онъ всуе потерялъ [2]) трудъ свой и масло, какъ говорятъ Латіняне. Могъ тогда Кіевскій Князь Самовитъ, быть и Премышленскимъ Княземъ Россійскимъ совокупно: могъ и Стредовскій обмануться, хотя впрочемъ и не точно онъ наводитъ Премышль вмѣсто Кіева. У меня все сходствуетъ съ Багрянороднымъ. Страна, Россія; время, отъ 855 по 864 лѣто, достоинство, Князь; имя, Самовитъ; градъ, Кіевъ; который, у незнающаго Кесаря по славенски, поврежденно Самватъ по прозванію, то есть, Самовитовъ.

Имѣемъ ужѐ Россовъ или Россановъ, по праотцу Росъ-Мосоху назвавшихся, и жившихъ сперва при рѣкѣ Кирѣ (нынѣ Курѣ) и Арассѣ (нынѣ полуденной Курѣжъ) до временъ царей Персидскихъ. Имѣемъ

во въ Багрянородномъ повреждено изъ Самвратъ, то есть, Кіевъ градъ, имѣющій седмь вратъ, или седмеры врата. Но чемъ доказать, что Кіевъ, во времена багрянороднаго, имѣлъ седмъ вратъ? Другіи говорятъ, что Самватъ испорченъ изъ Самбратъ, тѣмъ что Кіевъ построенъ отъ Самобратій, или трехъ родныхъ братовъ. Но въ багрянороднаго времена, Греки Константінопольскіи не произносили отнюдъ буквы своея (β) за наши (б), но за (в) всеконечно.

[1]) Эпістол. о стихотворен. къ Пизонамъ ст. 269.

[2]) Плавт. въ Пенул. дѣйст. I. явлен. II. ст. 119 Цицер. къ Аттік. кн. II. Эпістол. 17.

тѣхъ же по томъ пребывавшихъ при рѣкѣ Волгѣ, и назвавшихъ ту отъ своего, и первыя своея рѣки, именемъ Аракъ, Арасъ, Расъ, Ра, Росъ, или Русъ; а при вершинахъ ея именовавшихъ самихъ себя Порусками [1]) или Пороскими, то есть пребывавшими по рѣкѣ Россѣ. Имѣемъ Россанъ обитавшихъ въ Мі-

[1] Сіи, безъ сомнѣнія, могли зайти въ древности и въ сѣвернѣйшія страны, и тамъ частію остаться, а частію оттуду возвращаться, и итти то въ западнѣйшіе, то въ южнѣйшіе, и то въ восточнейшіе, смотря на обстоятельства и на свои потребности; также съ другими иногда соединяться, иногдажъ отъ нихъ отлучаться по частямъ; да и паки по частямъ же къ своимъ присовокупляться въ разныя времена. Такія движеніи, разсѣвающихся по лицу Азіи и Европы первоначальныхъ Россовъ, не токмо весьма вѣроятны, но почитай и прямо достовѣрны, и какъ очевидны, хотя и неизвѣстны по большой части въ разсужденіи точныхъ временъ, въ кои то или то было, однако престарѣлы крайно. Очевидны, говорю я: ибо и состояніе тогдашнія вселенныя призывало къ шествіямъ, и необходимость къ симъ походамъ обитателей принуждала, и свойство и нравы Скіѳовъ съ Сарматами, въ коихъ Россы первобытнымъ суть коренемъ, къ частому ихъ премѣненію мѣстъ устремляли. Словомъ, достовѣрны кажутся быть прямо такія ихъ разсѣянія, по описаннымъ въ семъ Разсужденіи столько, сколько могло засвидѣтельствоваться вѣрностію писателей; такъ что, сія не многое извѣстное, есть твердымъ предъувѣреніемъ ко многому подобному неизвѣстному за скудость писаннаго преданія отъ людей, упражнявшихся всегда въ дѣйствіяхъ болѣе военныхъ, нежели когда прилѣжавшихъ къ соблюденію цѣльныя и подробныя памяти объ оныхъ написаннымъ повѣствованіемъ.

трідатскую войну между Дономъ и Днепромъ; по томъ часть изъ нихъ зашедшую въ Крымъ, а другую оставшуюся внѣ Крыма: сію другую соединившуюся съ народомъ, Словенскаго языка, Аланами, и по тому назвавшуюся Роксаланами, или правѣе Россаланами, пребывавшими отъ временъ Августа Цесаря, до седмсотаго лѣта отъ Христа, и далѣе, неподалеку отъ Азовскаго моря. Видѣли мы, что сіи Россаланы получали съ Римлянъ ежегодную денежную плату; видѣли ихъ идущихъ по преображенію счастія, и плѣнниками въ самомъ Римѣ, видѣли и Царя Роксаланскаго, жаловавшагося Цесарю Гадріану объ уменьшеніи Россаланамъ платы. Увѣрились мы, что изъ Тавріческаго-Херсонеса, Россіане пошли къ Западу, и поселились при Черномъ, а у преподобнаго Нестора при Русскомъ морѣ, между Дунаемъ, Днестромъ, Бугомъ, и Днепромъ рѣками. Удостовѣрены мы Гвагниномъ о Россаланахъ или Руссахъ, однако не о всѣхъ, но о части изъ нихъ, для единства языка и всѣхъ обыкновеній, содружившихся съ Болгарами, перебравшихся за Дунай, пошедшихъ во Тѳракію, и хотя бывшихъ весьма меньше числомъ Болгаровъ, и для того называемыхъ отъ Візантійскихъ писателей, по множайшему числу Болгаровъ, Болгарамижъ; однако именовавшихся особенно тогда и понынѣ Россами.

Чегожъ ради покойный Профессоръ [1]) инославный Байеръ, не хотѣлъ спѣшить, присвоить то Россамъ, что упоминается въ Історіяхъ о Славянахъ?

---

[1] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 389.

Подлинно, Славянъ имя есть всеобщее: но Болгары суть безспорно Славяне отъ славы, Словяне отъ слова, и Хвалиссы отъ хвалы, тоесть, отъ тояжъ славы; а съ ними часть Россовъ была соединенна, оставшаяся и доднесь въ Иллирическихъ странахъ, и называющаяся Рассами, и Рашами, и Рацами. Сихъ же самыхъ Болгаровъ было соединеніе и съ обывателями Новогородскихъ областей по нашему Хронографу. Но сіи обыватели всеконечно были Россы первое для того, что не подалеку были отъ Порусковъ; а второе для сего, что и городъ у себя имѣли, названный народнымъ своимъ именемъ, Руса. Онижъ были и Словяне по языку, да и городъ же ихъ первый назывался Словенскъ: отъ чего они по самой истинѣ Славенороссы прежде еще Руріковыхъ временъ. Какова ему еще не доставало Россійскаго имени? И какова онъ желалъ [1])? Я здѣсь не отрекаюсь удовольствовать желаніе его, хотя и не въ немъ самомъ, но въ преемникахъ его послѣдующихъ ему. Есть у Целларія [2]) въ Скітѳіи предъ Имаемъ, въ южной ея части народъ Нороссы, и тамже Нороссія горы; есть у негожъ въ самой Славоніи [3]) Русаны, и еще древніи тоя страны жители. Есть у Длугоша [4]) Рутены точно сіи, коихъ нынѣ собственно всѣ именуютъ Россіанами. Есть у лѣточислителя и лѣтописателя Саксона [5]) Царица Ругіанъ, которая безъ вся-

[1] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 389.

[2] Въ познан. древн. міра.

[3] Въ познаніижъ древн. міра.

[4] Кн. II.

[5] На лѣто 959.

каго сомнѣнія Россійская Олга, супруга Игорева бабка святаго Владиміра. во святомъ крещеніи Елена Былъ народъ называемый Ругіи, обитавшій не подалеку отъ рѣки Одры или Віадры [1]). Сей, пишемый Римскими писменами, Германцы произносятъ, Ругіи, но Італіанцы и Французы, по древнему Римскому, Руджіи и Рюжіи: сдѣдовательно, они суть и Рушіи, и по томужъ Руссіи. Итакъ, Царица Ругіанъ, есть Царица Руссіанъ.

Начала Россійскія отъ Байера, какъ то уже мы говорили, начаты онымъ образомъ для того, чтобъ Россійскому имени не прежде девятаго Вѣка, тоесть Руриковыхъ временъ, быть вѣдому. Но мы, споспѣшествуя желанію его, въ послѣдующихъ ему не посредственными стезями, представилибъ здѣсь на среду полунощныхъ Россіанъ, сосѣдей Шведамъ, (и Царябъ оныхъ Боа) вѣдомыхъ прежде еще рождества Хрістова: но понеже Історія сія нѣсколько исполнена есть темноты [2]) и баснеи, равно какъ Греческіе мітѳологическихъ или баснословныхъ временъ, того ради, преминувъ ея, предложимъ здѣсь изъ достовѣрныхъ писателей, ближайше къ намъ бывшихъ

---

[1] На Целларіевой ландкарт. при познан. древн. міра.

[2] Однако авторъ письма о коммерціи, положеннаго въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1755 года, въ мѣсяцѣ Апрѣлѣ, на страницѣ 320, объявляетъ точно изъ предъизвѣщенія. сочиненнаго искуснымъ мужемъ къ всеобщей Россійской исторіи, что Руссы, или по тогдашнему, Скитоы и Сарматы торговали на Сѣверъ чрезъ Балтическое море въ Данію, Швецію и Норвегію, прежде Рождества Христова.

въ Сѣверныхъ странахъ Россіанъ, однако за долго прежде девятаго Вѣка.

Во время Спасителева рожденія Гервитъ, тоесть, Горвидъ Россійскій Царь, Шведское Королевство покорилъ своей державѣ; а сего не таятъ и сами [1]) Шведы. Слѣдовательно, ни Россіане, ни цари ихъ не были Шведы.

Въ первомъ Вѣкѣ по Христѣ, упоминается у Саксона грамматика [2]) Транно Рутенскаго народа Державецъ. Сей съ Фротономъ Датскимъ королемъ имѣлъ битву. Слѣдовательно, Рутенскій или Россійскій народъ не былъ Датскимъ: да и царь ихъ Транно, или вѣроятнѣе Таранъ, не былъ же Датчанинъ.

Во второмъ Вѣкѣ Флоккъ [3]), или правѣе Влокъ, Россійскій Государь, билсяжъ съ Старкатеромъ, великимъ онымъ Гігантомъ.

Въ третьемъ Вѣкѣ Рото, а свойственнѣе Рудо или Рудъ, разбойникъ морскій Россійскаго рода, Данію [4]) и Швецію грабленіями своими пребезмѣрно раззорилъ.

Видимъ уже мы древнихъ Царей Россійскихъ, и Россіанъ Сѣверныхъ точно, о коихъ и изыскивать должно прилѣжнѣе, что они не были ни Датчане, ни Шведы. Но не были они равнымъ образомъ и Норвежцы: ибо Фридлеіфъ, Фротоновъ сынъ, въ Россію [5]) прибылъ, и съ Россійскимъ воинствомъ

---

[1] Эрік. упсальск въ Шведск. Історіи стран. 14.

[2] Кн. II. стран. 21.

[3] Саксон. кн. VI. стран. 104.

[4] Саксон. кн. VII. стран. 134.

[5] Эрік. Упсальск. стран. 11.

Галдану; Шведскому королю, помощь подалъ противъ Норвежцовъ, воевавшихъ на Голдана. Фридлеіфъ оный не былъ владѣльцемъ Россійскимъ, но токмо полководцемъ у нихъ.

Не были они, наконецъ, и Германцами, внѣ предѣловъ Германіи пребывавшими: ибо Царица Елена, была Царица Ругіанъ, тоесть, Руссіанъ или Россіанъ, собственно такъ называемыхъ нынѣ; а въ тѣ времена, по всей длинѣ Германіи отъ Балтическаго моря до [1]) Средиземнаго, по свидѣтельству Лорана [2]) Тюркоа, пребывали народы Словенскаго языка. Согласно съ симъ авторомъ разумѣетъ и Степенная наша книга, при лѣтѣ, отъ сотворенія міра по Греческому счисленію, 6475-мъ, а по Рождествѣ Христовѣ 967-мъ, хотя и не во всемъ Лорановомъ распространеніи.

Можнобъ представить о сѣверныхъ Россіанахъ, и послѣдующимъ вѣкамъ, изъ Кранція, изъ Іоанна Магна, изъ Локценія, и изъ Мессенія: но довольно и сихъ на показаніе, что Россійское имя было знаменито прежде девятаго Вѣка. Чтожъ хотя и не знали о нихъ, прежде сего времени, Візантійскіи писатели; въ томъ намъ нѣтъ нималаго ущерба: однако нельзяжъ имъ было не знать: ибо Кій ходилъ подъ Константинополь въ пятомъ Вѣкѣ, а отъ Кесаря принятъ тамъ былъ съ великою честію, по Россійскому хронографу. Итакъ, знали они Россіанъ, да токмо не

---

[1] Адріатическаго.

[2] Во Французск. Імпер. стран. 47, 48 изъ Кранц. Вандал. Кн. II.

писали объ нихъ прежде, не удостоевая, съ пренебреженія знатно, припоминовенія своего. Но мы, нелюбопытную лѣность превозносившихся Грековъ, въ разсужденіи сего, похвалить отнюдъ не можемъ.

Провозвѣщаю искренно; преизрядно покойный профессоръ [1]) Байеръ отразилъ Іакова Гоара, переведшаго съ Ѳеофана Византійскаго рѣчи, Русіа Хеландіа, Россійскими судами; и по тому заключившаго, что Россіане были вѣдомы въ Византіи во времена Кесаря Константина Гноеименитаго, въ лѣто 752 отъ Христа. Ибо Русіа Хеландіа, не значатъ Россійскихъ судовъ, но суда, въ Константинополѣ бывшія, краснымъ цвѣтомъ распещренныя. Сіи самыя Русіа Хеландіа, у Константина [2]) Багрянороднаго суть Аграріа Русіа; а у Льва премудраго Дромоніа

Но дѣльноль отраженъ Іхноферъ [3]) нашедшій на Антіохійскомъ соборѣ, бывшемъ въ лѣто 363, Антипатра Россійскаго Епископа, и съ прочими подписавшаго соборную Эпистолію, но безъ благословныя вины сомнѣваюсь Ибо хотя Сократъ [4]), писатель церковныя Исторіи, и именуетъ Антипатра онаго не Россійскимъ Епископомъ, но изъ Роса града Кілікійскаго, упоминаемаго отъ [5]) Малалы, [6]) Зонара и [7])

[1] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 389.

[2] О правлен. Імпер. стран. 139.

[3] Въ лѣтопис. Венгерск церковн. на лѣто 870. стран. 86. Сію рѣдкую книгу приводитъ и слѣдуетъ ей Бергій, пиша о состоян. церькви и закона Московитскаго.

[4] Кн. II. гл. 25.

[5] Въ Хронографіи стран. 253.

[6] Кн. XVI. гл. 25. стран. 201.

[7] Стран. 564.

Кедрина; однако въ нашемъ Хронографѣ именно сіи слова чтутся: «[1]) Андрей Апостолъ давно уже Рос«совъ крестилъ; а Епископъ Россійскій Антипатеръ «и былъ на первомъ помѣстномъ соборѣ Антіохій«скомъ, и ересь Павла Самосатскаго, своимъ подпи«саніемъ осудилъ».

Впрочемъ, изрядно, мнится, изъясненъ имъ Никифоръ [2]) Грегорасъ, писавшій о началахъ чиновъ при Константинопольскомъ дворѣ, и написавшій, «что «отъ Константина Великаго и мѣсто и достоинство «Стольничье получилъ при дворѣ Росіхъ»: ибо Росіхъ сей былъ Князь изъ онаго Килікійскаго города Роса, по его утвержденію.

Но изрядноль удалены отъ насъ Епископы Русійскіи, не знаю достовѣрно. Нѣкоторыи Писатели усмотрѣли, говоритъ Байеръ, что Епископъ Русійскій подписался на четвертомъ Константинопольскомъ соборѣ. Да и въ подписаніи собора на Фотія Патріарха видимъ, изъ древняго перевода Анастасіемъ Ар-

---

[1] Калвізій изъ Баронія, при лѣтѣ Христовомъ 519-мъ, предлагаетъ, что монахи Скітоскаго рода, начали утверждать въ Константінополѣ, именножъ сіе, «что единъ «отъ Троицы пострадалъ». И понеже они Скитоы; то весьма вѣроятно, что были потомки Россовъ, крещеныхъ еще Апостоломъ Андреемъ, и по тому имѣли и Епископовъ своихъ, но можетъ быть жившихъ въ Царѣградѣ, для того что имъ не возможно и опасно было обращаться между своими, какъ по самой большой части погана-ми, и ненавидящими Христіанъ.

[2] Стран. 146.

химандритомъ къ Адріану Папѣ Римскому [1]) лѣта Хрістова 870-го, «Іоанна Божіею милостію Архіепископа Руссійскаго». А въ дѣяніяхъ Фотіева собора, кои всѣ изданы изъ Ватиканскія Библіотеки Іоанномъ Гардвиномъ, но у Беверія въ отрывкахъ токмо, находится Τρυφοονъ Русіу, то есть, Трифонъ Руссійскій. Итакъ, былиль, сей Трифонъ; и оный Іоаннъ, Россійскій Архіереи, или города Русія, сего не вѣдаю всеконечно. Чтожъ до города Русія; то оный стоялъ во Тѳракіи при Эгейскомъ морѣ, прежде называемы Топиръ, какъ то утверждаетъ Анселмъ Бандурій въ Имперіи Восточной, во второмъ томѣ, на десятой страницѣ.

За всѣмъ симъ, покойный профессоръ Байеръ, не преклонитъ меня вѣрить своимъ словамъ находящимся въ началахъ его Россійскихъ, коими отрекается онъ защитникомъ быть тѣмъ писателямъ, которыи во времена Іулія Цесаря Рутеновъ Галлическихъ присвояютъ намъ Россіанамъ. Ибо вѣдаю, чего ради онъ отрекается, хотя и признаваетъ, что слово Рутены, есть чистое, и что Россіане изрядно называемы быть могутъ по латински Рутенами. Вѣдаю, говорю я: понеже имя Россіанъ будетъ старѣе девятаго Вѣка; а онъ сего точно, по составу своему, и не хотѣлъ попускать удобно.

Извѣстный Лукановъ стіхъ, въ коемъ [2]) «желтыи Рутены» поются, приписывается отъ него Аквітаническому народу. Однако, чемъ пошлымъ онеоправ-

---

[1] Гардвинов. соборов. том. V. стран. 924.

[2] Flaui Rutheni.

данъ буду, когда скажу, что съ Галліческимъ онымъ тогда народомъ, были совокупно тамъ и Рутены, то есть, Россіане? Горвидъ оный Россійскій Царь, покорившій своей державѣ все Шведское государство, по признанію самихъ Шведовъ, былъ точно во время Спасителева рожденія. Слѣдовательно, были Россіане и прежде, и могли зайти въ Галлію. Многими свидѣтельствами я доказалъ, мню, въ первомъ Разсужденіи, что Галліческіи Целты пришли сперва самаго въ Галлію съ Словенскимъ языкомъ. По сему, Рутены Аквітаніческіи были точно, во время Іулія Цесаря, Словенскаго языка. По всей длинѣ Германіи; отъ Тоpакіи до Рена, и далѣе, былъ въупотребленіи Словенскій языкъ во время Хрістова Рождества. Съ восемь сотъ лѣтъ еще тому, какъ во всей Місніи, по свидѣтельству Шетгеніеву въ началахъ Россійскихъ, смѣненъ Славенскій языкъ Нѣмецкимъ. Вѣроятно быть можетъ, что въ Заалпінскую Галлію вшелъ Латінскій языкъ, повредившій всеконечно Целтіческій, съ прихода туда [1]) Римлянъ. Самое слово Аквітанія, хотя и сложено съ начала какъ изъ Латінскія рѣчи, но по концу своему есть Словенское.

Авторы Всемірныя Історіи [2]) съ Аглинскія, утвердившись на [3]) Незронѣ, предлагаютъ, что окончанія именъ нѣкоторымъ странамъ на ТАНЪ, суть по Цел-

---

[1] Цесарево. Ipsorum lingua celtae, nostra Galli, по ихъ языку Целты, а по нашему Галлы, доказываетъ сіе довольно.

[2] Том. IV. кн I. гл. 12. стран. 116.

[3] Древност. кн. III. подъ словомъ ТАНЪ и индѣ.

тічески Станъ, значащій страну: но слово сіе возименованіи семъ, есть безспорно Славенское, и еще нынѣшнее. Что больше? Воспріятый у насъ Историографъ [1]), для того, что печатію произведенный, повелѣніемъ Императора, безсмертныя и вѣчнодостойныя памяти, ПЕТРА ВЕЛИКАГО, предлагаетъ именно, «что Россіане Словяне послали своихъ преселенцовъ (сіе разумѣть должно о первыхъ временахъ) «во Фландрію (то есть въ Белгическую Галлію); а люди тамъ ими основанныи, названы Рутенами». Сіи не суть ли именно, мы Россіане, собственно такъ называемыи нынѣ? Изъ Белгическія Галліи, не могли мы зайти и въ Аквітанію, названную по Словенски или Овитанія отъ поселившихся въ ней многихъ обитателей, или Окатанія отъ населеній ставшихъ въ ней въ округъ, или по семужъ послѣднему знаменованію, Охвытанія, то есть, страна захваченная со всѣхъ сторонъ, или какъ инакъ, токмо въ Словенскомъ разумѣ, и съ окончаніемъ хотя на Танія, хотя на Станія, для того что по Латински въ нынѣшнемъ знаменованіи, должно было ей быть Акванією, а не АКВІТАНІЕЮ.

Коль ни проницательно есть мудраго покойнаго мужа Историческое благоразуміе: однако онъ, къ великому моему удивленію, стремился всѣми силами не признать Россійскаго имени прежде девятаго Вѣка. Сея ради причины приводитъ онъ подъ сомнѣніе [2]): самое достовѣрное наше преданіе о Святомъ Андреѣ

1 Мавроурбін. стран 68.

2 Том. VIII. начал. Россійск. стран. 390.

Первозванномъ Апостолѣ, которое и преподобный Несторъ, и Гвагнинъ, и Хронографъ, и Синопсисъ, и житіе сего Апостола утверждаютъ, что онъ былъ въ Россійской землѣ, проповѣдалъ Россамъ Евангеліе Христово, крестилъ изъ Россіанъ нѣкоторыхъ, и поставилъ Крестъ на горахъ Кіевскихъ пророчески прирекши: «На сихъ [1]) горахъ возсіяетъ благодать «Божія, и будетъ градъ великъ, и воздвигнетъ Го«сподь Богъ въ немъ множество церквей». Сего бытія толь тверда есть истинна въ нашихъ Исторіяхъ, что, въ разсужденіи ея именно, и учрежденъ Кавалерскій Ордінъ Святаго Апостола Андрея, ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ, Самодержцемъ Всероссійскимъ. Сей точно Апостолъ, почитается Апостоломъ Россійскимъ, и по немъ всеконечно, отъ древняго преданія, называется между простыми людьми Россія Андреевною.

Превращеніе его сея истинны въ небытіе, можетъ ли быть не самое слабое? Древнѣйшіи отцы согласно утверждаютъ, что Святый Апостолъ Андрей, проповѣдалъ слово Спасительныя благодати Скіѳамъ. Первый Ипполитъ, Іринея Святаго ученикъ, предалъ, что Святый Андрей благовѣстилъ Скиѳамъ, и Ѳракіанамъ. Соглашается съ нимъ, почитай современный ему, Орігенъ у Евгенія. Сихъ не опровергаетъ и Байеръ; да и признаваетъ, «что [2]) важ«ность ихъ и власть великими у него почитаются,

[1] Синопсис. стран. 17. изданіе IV-тое.

[2] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 392.

«для того что они были къ оному Вѣку очень близ-«ки». Софроній присовокупляетъ къ Скіѳамъ Согдіановъ и Саковъ. Дороѳей соединяетъ весь брегъ моря, и Виѳінію, и Понтъ, и Ѳракію, и Скитѳію: изъ сево самыя почитай слова въ Минологіи Кесаря [1]) Василія находятся, по утвержденію егожъ Байерову. Никифоръ [2]) Каллистъ весь Сѣверъ, и Востокъ, и Понтъ Эвксинскій, и Каспійское море, и области сихъ морей, къ Сѣверу и Югу, и Ѳракію, Македонію, Ѳессалію, и Ахаію не исключилъ изъ того. Напослѣдокъ, святый Епифаній [3]) Епископъ Кипрскій сіежъ самое сказуетъ, присовокупляя Горсіновъ, Севастополь великій, Аксарт, Суліміну, и Ѳарсісъ.

Однако, покойный Байеръ хотя и не споритъ, что проповѣдь Святаго Апостола Андрея была Скіѳамъ, толькожъ вопрошаетъ говоря: «Да какимъ Скіѳамъ? «Имя Ѳракіи показываетъ ему, что Святый Андреій «былъ съ благовѣстіемъ у ближнихъ къ Ѳракіанамъ». О! духъ бодрый успѣшія плоти, сіе самое мы тебѣ и отвѣтствуемъ, что ты признаваешь: благовѣстилъ Святый Апостолъ Андрей Скіѳамъ, пребывавшимъ не подалеку отъ Ѳракіи, и смежно съ нею. Ибо [4]) «изъ Греческія земли пустившись, достигъ Херсона; «а увѣстився, что близъ есть устіе Днепра, по-«плылъ въ верьхъ по немъ, и приближился къ го-

---

1 Том. I. стран. 221.

2 Істор. церковн. Кн. II. гл. 39.

3 Въ сказан. о XII Апостол. при дѣян. и послан.

4 Синопсіе. стран. 17—8. издан. IV-тое.

«рамъ». Въ [1]) Минологіи житій Россійскомъ, изданномъ Димитріемъ Игуменомъ, потомъ Митрополітомъ [2]) Ростовскимъ, такъ чтется: «Обхождаше «Понтъ, Черное море, Скітѳію; и Херсониты: смо«трѣніемъ же Божіимъ дойде и рѣки Днепра въ Рос«сійской странѣ, и къ горамъ Кіевскимъ приставъ «рече» пророчествіе выше мною приведенное. Не отрицаетъ и Байеръ, что въ верьхъ по Днепру Скітѳы тогда были; «но кто его удостовѣритъ, говоритъ «онъ, что Святый Андрей дошелъ до тѣхъ мѣстъ»? Удостовѣряютъ, отвѣтствую, всѣ наши лѣтописатели, и приведенный мною не давно Сіноисісъ. Удостовѣряетъ и житіе сего Апостола, въ нашемъ ономъ Минологіи обрѣтающееся, въ коемъ такъ пишетъ: «проходя же и вышніи грады Россійскіи, идѣже ныне Новгородъ великій: бывши же въ Римѣ, и въ «Епірѣ, возвратися паки во Тѳракію, утверждая хри«стіаны».

Наконецъ, кажется ему, «что Святый Григорій «Назіанзинъ, Іеронімъ, и Понтій Павлінъ молчатъ о «Скітѳахъ, когда наибольше о теченіи Божіяго за«кона утверждаютъ». Да будетъ такъ. Но не молчали: Ипполітъ, Оригенъ, Софроній, Дороѳей, Никифоръ, и Святый Епіфаній. Обѣщался Байеръ показать что во время Тіберія Цесаря, другіи народы, а не Скітѳы, жили по Днепру: но понеже обѣщаніе едваль гдѣ онъ исполнилъ; то мы паки и паки утверждаемъ, что отъ временъ Цесаря Августа, до седм-

[1] Четьи-минея.

[2] Нынѣ Святителемъ и Чудотворцемъ.

сотаго лѣта, и далѣе жили въ тѣхъ странахъ Россаланы.

Покойный мужъ, порѣвался во всякій уголъ мѣстъ историческихъ, искавъ подтвержденія, чтобъ Россіанами быть Шведамъ, а не намъ, собственно такъ называемымъ нынѣ. Возмнилъ онъ, что и нашелъ сіе. Говоритъ смѣло, что Литванцы Россію [1]) Гудаи, а Россіанъ Гудасъ называютъ; тоесть, Россію Готіею или Готѳіею, а РоссіанъГотами или Готѳами. Сверьхъ того, Фінцы Шведовъ именуютъ Россаленъ. Нашедъ сіе, возгласилъ: [2]) «что здѣлаемъ за сіе Литванцамъ? «Что Фінландцамъ, и Эстландцамъ»?

Но ничего имъ худаго не должно дѣлать, да токмо благодарить, что они помнятъ насъ своихъ господъ, и господъ нѣкогда Шведамъ. Не Шведовъ они Россаленами называютъ, но насъ: ибо Горвидъ, приведенный выше, Россійскій Царь, бывшій во время Рождества Хрістова, всю Швецію покорилъ своей державѣ, по признанію самихъ Шведовъ. Фінцы, называя насъ всегда Россаленами, называли и тогда, когда мы имѣли покоренную Россійской державѣ всю Швецію, здѣлавшуюся по тому Россаленіею или Россаланіею; а по премѣнѣ паки временъ, осталось у нихъ имя сіе мѣстамъ, гдѣ обитаютъ нынѣ Шведы, и которыми Россіане при Горвидѣ владѣли: такъ что, отъ бывшія тогда Швеціи, одержимыя отъ Россаленовъ, Россаленіею, пріемлется ими и понынѣ тажъ Швеція за Россаленію по господству сея въ

---

1 Том. VIII начал. Россійск. стран. 410.

2 Том. IV. разсужден о Варяг. стран. 294.

той, и слѣдственно Шведы за Россаленовъ господствовавшихъ надъ Шведами; однако уже ложно. Сходственно почитай толкуетъ сіе и [1]) Шетгеній, и только что не одними со мною словами, которыми я отвѣтствую Байеру въ преемникахъ его.

Вотъ и еще преграда, изъ за которыя вопіютъ; «но какъ согласить? Фины Россіанъ называютъ Ви«неленъ, а не Россаленъ». Сіе коль ни кажется твердымъ убѣжищемъ борющимся противъ насъ, однако оно не весьма толь твердое чтобъ не могло разрушиться: ибо симъ именемъ Фины означаютъ Славянъ, соединившихся съ Славенороссіанами, когда сіи, съ Болгарами, возвратились въ опустошенныя Новогородскія мѣста язвою, и обновили Словенескъ и Русъ городы, по нашему Хронографу. Видно по смертоносному приключенію, что Болгаровъ или Винеленовъ было больше, а Россаленовъ или Россовъ меньше въ соединеніи. Весьма есть вѣроятно, и такъ, что инако быть, мню, не можно, именножъ, что съ сихъ временъ, буде нѣсколько не ранѣе, Славенороссы начали болѣе и общественнѣе именоваться [2]) Славянами единственно, именовавшись прежде больше соб-

---

[1] Россійск. начал. сѣчен. V. стран. 14.

[2] Великая также имовѣрность, что Новогородскихъ областей природныи Россы, начали именоваться Славянами подражая Померанскимъ Славянамъ, кои хотя и разныя собственныя имена имѣли, однако общимъ всѣ Славянами частожъ назывались; а сіе Россамъ также и единство языка, и было причиною къ проименованію себя Славинами: время сему V-тый вѣкъ.

ственнымъ именемъ Россами, или нѣкогда Славенороссами, а общимъ по языку и дѣламъ, Славянами нечасто.

Байеръ примѣчаетъ [1]), что Аленъ значитъ народъ. Но нѣкто изъ пріятелей моихъ отвѣчаетъ ему приписаніемъ своея руки на полѣ въ печатной книгѣ, что Аленъ есть токмо окончаніе по Финскому языку. Не знаю точно. Вѣдаю токмо, что носятся и у насъ Россалеи и Русалеи между простымъ народомъ; да и можно сказать, что сіе осталось отъ имени Россалановъ. Чтожъ до Гудай и Гудасъ Литовскихъ; то сіе въ Литванцахъ произошло отъ смѣшанія, мню, сѣверныхъ Россіанъ съ Готѳами: сіе смѣшаніе самъ Байеръ признаваетъ въ началахъ Россійскихъ на 407 страницѣ. Літванцы Россіанъ давно знали; а потомъ начало быть громко Готѳическое имя. Отъ сего, смѣшавшихся Россовъ въ тѣ времена съ Готѳами, и проименовали также Гудасъ: ибо достовѣрно, что ни Россы суть Готѳы, ни Готѳы Россы. Всеконечно, въ смѣшаніи томъ Готѳовъ было [2]) больше.

Напослѣдокъ, предпріялъ покойный мужъ воспѣть торжество, возмнивъ что доказалъ непреодолѣемо Россами быть Шведовъ, а не насъ Россіанъ. Нашелъ онъ мѣсто въ лѣтописяхъ Бертиніановыхъ [3]), достойное, по его, на златыхъ дщицахъ быть вы-

---

[1] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 410.

[2] Всякая составленная вещь отъ того именуется, чего въ ней или больше, или что лучше, важнѣе, и сильняе.

[3] У Дюшеня том. III. стран. 195.

ставлено ко всенародному чтенію. Мѣсто сіе есть на лѣто 839, за 23 года прежде пришествія Рурикова, при Θеофилѣ Михаиловомъ отцѣ, Кесарѣ Константинопольскомъ. Представляю и я его здѣсь цѣлое, выписавъ изъ Байеровыхъ [1]) началъ. Слѣдуетъ оно.

«Послалъ также Θеофилъ Кесарь съ ними (посла-«ми къ Лудовику Кроткому Императору) нѣкихъ му-«жей, именовавшихъ себя, тоесть народъ свой, Росъ. «Сихъ Царь, Хаканъ званіемъ отправилъ къ нему, «какъ утверждалъ, для заключенія съ нимъ дружбы «прося притомъ чрезъ письмо, чтобъ имъ, по благо-«сти Императорской, коль можно будетъ, позволено «было съ его помощію, возвратиться въ домы чрезъ «его Имперію: ибо путь, по коему къ нему въ Кон-«стантинополь прибыли, имѣли они по варварскимъ, «и по самымъ дикимъ народамъ; чего ради онъ и не «восхотѣлъ, чтобъ имъ потомужъ, да не впадутъ въ «злоключенія, возвращаться. Сихъ прибытія причи-«ну Императоръ прилѣжнѣе изыскивая, нашелъ, что «они народа Свеонскаго, и что потому суть они под-«зорщики паче государства его и нашего, а не про-«сители мира: чего ради, разсудилъ задержать ихъ «у себя до тѣхъ поръ, какъ истинно сыщется, съ «добрымъ ли они туда намѣреніемъ прибыли. О «семъ не преминулъ дать знать немедлѣнно и Кеса-«рю Θеофилу чрезъ помянутыхъ пословъ его, и чрезъ «письмо; да и о всемъ, что по любви къ нему пред-«пріялъ. И, буде они найдутся добрыя люди, даст-«ся имъ позволеніе, возвратиться въ отечество безъ

---

[1] Том. VIII. Россійск. начал. стран. 409.

«всякаго дѣйствія, еще и съ проводниками: но ежели «инако, то онъ ихъ отправитъ совокупно съ послан- «ными нашими къ его лицу, да самъ онъ опредѣлитъ, «чему съ такими быть должно». Но что съ ними здѣ- лалось, присовокупляетъ Байеръ; того въ лѣтопи- сяхъ Бертиніановыхъ не находится.

Чемъ есть протяжнѣе сіе доказательство, что Рос- сы суть Шведы, а не мы Россіане; тѣмъ кратчайше- му надлежитъ быть на него опроверженію по тому разуму, въ коемъ оно приводится, а не по историче- скому просто. Подлинно, и отъ краткости нашея Байерово торжество можетъ здѣлаться тщетнымъ. Ибо найденныи сіи Шведы Императоромъ Лудови- комъ, назвались ложно Россами: были они [1]) Под- зорщики. Ложно они и Государя своего назвали Хаканомъ: ибо у Готѳовъ Государь называемъ былъ Конгъ, [2]) отъ Словянскаго Коня́къ, Коня́гъ, Коня́шъ, Коня́сь, и Князь; а слово сіе значитъ верьховнаго господина, ѣздящаго всегда на конѣ въ отмѣну отъ прочихъ нижнихъ пешеходцовъ. Самъ Байеръ при-

---

[1] Будежъ они не были подзорщики; то были Шведы въ Россійской службѣ, какъ то сему довольно примѣровъ въ тѣ времена видимъ, и для того назывались послами народа Росъ.

[2] Слѣдственно и нѣмецкое слово *Конигъ* пишемое, а выговариваемое *Кенигъ* значитъ токмо Словенскаго Кня- зя, а не Короля: ибо ясно отъ коня, Конникъ. Но Фирстъ, употребляемое нынѣ за князя, означаетъ свер- стника только князю, или Конигу отъ Версты Словенскія рѣчи, тоесть отъ мужа подобнаго Коннику, ВЕРСТЪ.

знаваетъ въ началахъ своихъ Россійскихъ, что слово Хаканъ есть Турецкое, или Хазарское, значащее Царя Царей. И хотя Хазары, или правѣе Косары, и не Турки, но Хвалиссы или Болгары, какъ выше предложено; однако, слово Хаканъ есть не Свеонскоежъ: оно повреждено съ древняго Словенскаго, а значитъ не ЦарьЦарей, но военачальника надъ многою конницею: Е-КАНЪ (есть конь или конное войско); КЕ-КАНЪ (дающій коня или коней подъ войско: речь КЕ у малоросіанъ и доднесь значитъ ДАЙ); или ѢХАНЬ, или ЯХАНЬ отъ того, что онъ какъ самъ всегда ѣздитъ на конѣ, такъ и многую силу конницы подъ собою имѣетъ. Итакъ явно, что тѣ послы Свеоны, ежели не были отъ Свеоновъ подзорщики, находились въ службѣ у Россовъ, и объявили не собственное имя прославшаго ихъ инородца, но имя многомощія его, тоесть, что онъ глава премногихъ силъ конныхъ: чтожъ Хаканъ слово есть Словенское, и что державецъ сего имени былъ Славянинъ, то ясно изъ Зонора: ибо когда Хаканъ требовалъ у Кесаря Маврикія, чтобъ умножена ему была дань четвертою частію, а Маврикій не захотѣлъ того здѣлать; тогда Хаканъ и послалъ своихъ СЛОВЯНЪ разорять и опустошать Тѳракію, что однако несчастіемъ ему окончилось. Впрочемъ, нѣтъ во всей средней исторіи другаго Хакана, кромѣ бывшаго въ концѣ шестаго вѣка при Маврикіи, и въ началѣ седьмаго при Ираклiи: но Хаканъ, объявленный послами Свеонами Лудовику Кроткому, долженствовалъ быть въ девятомъ вѣкѣ, съ двѣсти лѣтъ послѣ бывшаго. Итакъ, Бертиніанова лѣтопись пре-

весьма сомнительна, буде не совсѣмъ вымышленная и ложная.

Видѣли ужѣ мы, что Россійскій народъ есть Скитѳскаго рода, и что Скитѳскій первенствующій языкъ былъ Словенскій. Слѣдовательно, Россіане говорили издревле Словенскимъ языкомъ. Достойно и праведно назвать ихъ и Славянами по славѣ дѣлъ воинскихъ, и по единству языка съ Славенскимъ; но такъ, что особенное ихъ имя есть, Россіане, а всеобщее, Славяне. Въ Россіанахъ есть какъ первородство Словенскаго языка, такъ и корень произшедшаго отъ него Славенскаго, на разныи Діалекты Славенскіи различившагося. Болгары, или правѣе Волгары, вышли отъ Волги, изъ первоначальныхъ Россійскихъ мѣстъ, имѣя съ Россіанами и языкъ единъ, и тѣжъ самыя обыкновенія, по Гвагнину. Изъ сихъ съ полуденными соединились они при Русскомъ морѣ, и вошли чрезъ Дунай въ Тѳракію, по томужъ Гвагнину; а съ сѣверными соединившись, по язвѣ бывшей въ новогородской области, построили совокупно Новгородъ, по нашему хронографу.

Лексиконъ [1]) Латинскій, называемыій Фабровъ, подъ словомъ Склави, такъ говоритъ о Славянахъ: «Производятъ ихъ отъ Сарматскаго рода, но и праведно, какъ то Клуверій разсуждаетъ въ древней «Германіи. Широко они разпространили свое имя, «но въ Сарматіи токмо, и въ самой Германіи; и прошли даже до Иллирика и Істріи, гдѣ и поселились: «а оттуду вышедши, Богеміею завладѣли. По сему,

[1] Реченникъ или словарь.

«Поляки, Богемцы, Далматы, и въ Нѣмецкой землѣ «Вендіи (Вандалы), одинъ языкъ употребляютъ, на- «зываемый Славенскимъ, различествующій токмо по «разности Діалектовъ. Прокопій называетъ ихъ «Склавинами; а Іорнандъ Склавіями». Сіи впрочемъ оба имянуютъ растлѣнно: ибо должно называть Славянами.

Но въ началѣ сего разсужденія отъ насъ предложено знаменитаго Целларія утвержденіе, «что Сла- «вяне изъ Россіи, и отъ Циммеріискаго Босфора вы- «шедши, сѣли частію между Дравою и Савою рѣка- «ми, а частію зашли въ Польшу и въ Богемію, да и «положили начало тремъ Государствамъ, а имянно, «Славенскому, Польскому, и Чешскому». Слѣдовательно, всеи Славоніи и Славенскому языку, корень есть Россія, и языкъ Славенороссіискій. Сіе Целларіево мѣсто, по истиннѣ достойнѣе и праведнѣе изобразить тисненіемъ или рѣзьбою на златыхъ дскахъ, для всеобщаго всѣмъ прочитанія, нежели оное, находящееся въ Бертініановыхъ лѣтописяхъ у Дюшеня, приведенное Байеромъ.

Разные наименованія Россіанамъ суть слѣдующія. По первородству, Скіѳы они и Сарматы. По праотцу, Россы: отъ сего, и Россаны, и Россаланы, и Ругіи, и Рушіи, и Рассы, и Руссіаны, и Русаны, и Рутены, и Рутсени, и Руцціи, и напослѣдокъ Россіане. По языку, сперва Словене; а по томъ, по славнымъ дѣламъ Славяне, обще со всѣми Славянами, а особливо съ Болгарами.

Въ средніи вѣки было имя Россіанамъ Греками. Сіе, мнится, отъ сего, что Россіане воспріяли крѣ-

щеніе отъ Грековъ, и слѣдовали во всемъ, какъ и нынѣ слѣдуютъ, чину Святыя Соборныя и Апостольскія Восточныя Церькви. Два писателя предлагаютъ сіе имя. Первый есть Гелмолдъ [1]) при описаніи [2]) Юліна, пребогатаго нѣкогда Померанскаго града; а говоритъ онъ такъ: «Есть по истиннѣ величайшій «изъ всѣхъ градовъ, кои суть въ Европѣ, обитаемый «Славянами, смѣшанными съ другими народами Гре«ческими и варварскими». Вторый есть Адамъ [3]) Бременскій, который еще ясняе пишетъ говоря: «Изъ того пристанища (Слязвігъ) корабли отходятъ «въ [4]) Славанію, и въ Сведію, и въ Земландъ (есть «Самбія Прусская область, а не Зееландія, кою разу«мѣетъ Хронографъ Саксонъ у Лейбніція), и даже до «Греціи». По сему, Гриціею здѣсь будетъ Россія, въ которую товары сихъ людей отпускаемы были. Въ древнѣйшія времена, какъ и нынѣ и всегда, Россіане съ Греками различались: ибо чрезъ Грековъ разумѣемы были Цареградцы, на коихъ нѣсколько кратъ ходили войною Россіане.

---

[1] Въ Хронік. Славенск. Кн. I. гл 2, а изъ него уже Адам. Бременск. въ церковн. Істор. кн. 2. гл. 12.

[2] Славенское имя Юліну было по инымъ Велинъ отъ великости, а по инымъ Волинъ отъ вольности. Сіе послѣднее имя и до днесь мѣстечку на томъ мѣстѣ стоящему: но городъ съ землею сравненъ отъ Датчанъ 1170 года, какъ Хітрей утверждаетъ.

[3] О положен. Даніи гл. 208. А изъ него Хронографъ Саксонъ на лѣто 952.

[4] Ясно; чрезъ Славанію здѣсь разумѣется не Новогородская область, но Славонія Померанская.

Станіславъ [1]) Сарніцкій, Польскихъ дѣлъ писатель, называетъ Россіанъ СПОРУСЪ, Греческимъ словомъ отъ СПОРУ, то есть сѣмени. Но кажется, что неосновательно, и что онъ худо выразумѣлъ слова Прокопіевы, обрѣтающіяся въ книгѣ III. Готѳическихъ, на 498 страницѣ, кои я сюда точныя вношу. «Нѣкогда имя у Славянъ и Антовъ одно было: ибо древность обоихъ СПОРУСЪ называла; по «сей, мню, причинѣ, что СПОРАДИНЪ, то есть разсѣянно и рѣдко ставятъ свои жилища на земляхъ «населяемыхъ; отъ чего дѣлается, что они великое «пространство мѣстъ занимаютъ. И подлинно, дальнѣйшаго при Істрѣ брега превеликую часть имѣютъ». Видно, что Прокопій говоритъ не объ одномъ Россійскомъ народѣ, но о всѣхъ Славянахъ. Однако, принадлежитъ сіе къ Россіанамъ: ибо и они суть точныи Славяне по всеобщему Славянъ имени. Я мню, что Прокопій производитъ сіе разсѣяніе, не отъ Россіанъ, но отъ своего Греческаго СПОРУ (сѣмени), радъ что нашлось имя Греческое, сходственное съ Славенскимъ: ибо, по моему, спори сіи точно по Славенски суть ЗБОРЫ, или Соборы; а словомъ симъ изображали Славяне разныя свои общества.

Нашелся одинъ, достойный впрочемъ, Писатель, а именно Луітпрандъ [2]), который Россіанъ Нордман-

---

[1] Лѣтопис. Польск. кн. IV. стран. 1017. издан. Липс. «нѣкоторыи Россіанъ, говоритъ Сарніцкій, СПОРУСЪ, то «есть разсѣянными не неприлично именуютъ».

[2] Луітпранд. Істор. кн. V. гл. 6.

нами, Тевтонскимъ именемъ, называетъ. Слова его суть слѣдующія: «Есть нѣкій народъ, въ части Сѣ-«вера обитающій, который Греки Руссами, по каче-«ству тѣла, называютъ; а мы, по мѣсту, именуемъ «Нордманнами: ибо Тевтоническимъ языкомъ Нордъ «есть сѣверъ, а Манъ мужъ называется. Посему Норд-«манновъ сѣверными людьми протолковать можемъ. «У сего народа Царь Ингеромъ именовался». Ясно, что Германцы, коимъ Россы не весьма вѣдомы знатно тогда были, отъ сѣвера насъ выводятъ; однакожъ, мы пришли отъ востока. Но вѣрно, что сіи Луітпрандовы Руссы, у Грековъ значили конечно красный цвѣтъ отъ Русіонъ, а не людей: Греки повсюду называютъ насъ Роосъ. Целларій, оный мужъ славный по ученію, совѣтуетъ, во всеобщей исторіи на X вѣкъ, и на страницѣ 115. въ примѣчаніи, съ осторожностію полагаться на сіе Луітпрандово мѣсто.

Гардарікіею Россію называютъ авторы, кои Готіческимъ языкомъ писали. Изъ сихъ знатнѣйшимъ приводится Снорро Стурлезонъ, и писатель житія Готорікова и Ролфова. Наименованіе сіе, мнится мнѣ, отъ сего произошло, что въ Россіи довольное число городовъ было; да и прозвана сія такъ отъ Словенскаго Градорекія, тоесть, страна многихъ градовъ, въ коихъ люди словесныи, или рѣчисты и обитаютъ. Равнымъ образомъ и Моглоградію, именованную такъ прежде по Славенски, отъ столичнаго въ ней Моглограда, прозвали Нидерландскіи Тевтонцы по своему Меккелбургіею, поселившись въ ней сами, по истребленіи въ 1162 годѣ, Славенскихъ народовъ Эруловъ, или правѣе Верровъ.

Датскіи и Шведскіе Писатели называютъ Россію Острогардъ, тоесть Востокъ. Гелмолдъ [1]) въ началѣ Славенскаго Хроника предлагаетъ: «Россія именует-«ся отъ Датчанъ Острогардъ; а сіе по такой причи-«нѣ, что лежитъ она (въ разсужденіи Даніи) на во-«стокъ, и всякимъ добромъ изобилуетъ». Утверждаютъ, что Готѳы называютъ Россію Австурландіею, тоесть, восточноюжъ землею.

Онъ же Гелмолдъ, теперь въ приведенномъ мѣстѣ предлагаетъ: «Сія (Россія) и Хунигардъ (Гунигардъ) «именуется, для того что въ ней первое пребываніе «Гуннамъ было. Престольный ея городъ есть Куе». Который городъ Гелмолдъ, съ послѣдователями своими, называетъ Хуниградъ; тотъ самый у Готическаго писателя, говорятъ, есть Кіенугардъ. Не могу опредѣлить прямо, Кіевъ ли, или Новградъ должно разумѣть. Хронографъ Россійскій, приведенный у Байера [2]), повѣствуетъ, что Угры бѣлыи, какъ скоро Славяне городы вновь, по язвѣ бывшей въ Новогородской области построили, напали на нихъ, и страну ихъ и городы разорили.

Сѣверныи писатели называютъ Россію и Голмгардъ. Говорятъ знающіи по Готически, что Голмъ значитъ островъ; но Гардъ, есть безъ сомнѣнія по Славенски градъ. Мнѣ мнится, что чрезъ Голмгардію

---

[1] У Гелмолда взялъ сіе во первыхъ неизвѣстный авторъ Хроника Славенскаго, отъ Линдеброгія изданнаго гл. 2, а потомъ Ботѳъ въ Хроникѣ Малеваный, у Лейбниція Том. III. стран. 281.

[2] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 235 — 236.

должно разумѣть Холмогорію. Но что за имя Ризаландіи, употребленное отъ нѣкоторыхъ, не знаю всеконечно. Казалось бы по звону слова что Россія; однако спорятъ и говорятъ, что Ризаландія значитъ землею Волотовъ или Великановъ. Не ональ будетъ Новая земля, найденная Бярмскими [1]) или Пермскими Россіанами, и въ древнія времена зовомая отъ нѣкоторыхъ, какъ Мавроурбинъ объявляетъ, Филоподіа?

Байеръ [2]) утверждаетъ, по удостовѣренію Генрика Бреннера, что Венгерцы называютъ Россіанъ Франціаи [3]) Непекъ, тоесть, Французскій родъ. Но я мню, что то погрѣшность выговора, вмѣсто Ѳраціаи Непекъ, Ѳракійскій родъ. А что онижъ Вен-

---

[1] Безъименный исторіографъ Россійскій, чрезъ Бярмянъ разумѣетъ остатки, между прочими, Азіатскихъ Сарматъ.

[2] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 414.

[3] Лоранъ Тюркоа, Імпер. Французск. въ кн. II. въ глав. 1, на страницѣ 51 говоритъ что нѣкоторыи Славяне были подъ властію у Гунновъ, и что въ лѣто 629, нѣкто купецъ Французскій именемъ Само, торгуя въ Славенской землѣ, получилъ себѣ великую славу и любленіе отъ Славянъ, такъ что они его здѣлали сперва своимъ полководцомъ, и подъ его предводительствомъ поставили битву съ Гуннами, одержали надъ ними побѣду, а симъ способомъ и получили себѣ вольность; но въ возблагодареніе Саму, избрали его себѣ въ Царя, который у нихъ и царствовалъ тритцать лѣтъ. Подлинно Новогородскіи Славяне, особенно Россіане, были разорены бѣлыми Уграми. Но Само, явно подложный: ибо имя его свидѣтельствуетъ, что онъ былъ Славянинъ же, а не Французъ.

герцы именуютъ насъ Орошокъ Непекъ, Оросскій народъ, да и Турки Уруссъ; то сіе безъ всякія погрѣшности, такъ какъ Руссетъ, Россія по Грузински.

При всѣхъ, исчисленныхъ оныхъ намъ именахъ, называютъ насъ еще, но чужестранныижъ, Московитами, а свойственнѣе былобъ назвать и праведнѣе Мосоховитами и Мосхами. Подлинно, даютъ намъ сіе имя иностранныи, и то, мнится, по престольному и богоспасаемому граду Москвѣ; но не право: Московитами, а истиннѣе Мосхами или Мосоховитами, можно именоваться намъ по праотцу нашему Мосоху, которыи есть и Росъ Мосохъ. Изъяснено, мню, довольно, что Росъ Мосохъ есть едина особа, и что Россы назвались по Росъ Мосоху: по сему, Мосоховиты или Мосхи будутъ по томужъ Росъ Мосоху. Слѣдовательно, Россы и Мосхи суть единъ народъ, но разныя домовладычества; такъ что, различили они себя двумя особенными именами изъ одного общаго, раздѣливши праотеческое имя на двое, какъ то мы выше уже говорили.

Да видятъ теперь, коль праведно покоіныи Баіеръ утверждаетъ, что имя Мосоховитовъ, коимъ насъ иностранныи прозываютъ, есть довольно смѣшная погрѣшность, и что симъ именемъ одолжена Европа по самой большой части, Полякамъ. Покойному Байеру изъ именъ, намъ приписываемыхъ отъ чужестранныхъ, ни Гардарики, ни Острогардъ, ни Австурландъ, ни Хунигардъ, ни Голмгардъ, ни Нордманнъ, отнюдъ не казались смѣшными; а Мосховиты, или Мосхи, приводили сего мужа къ надрыванію

живота съ смѣха. Чегожъ ради? Поляки [1]) сіе разславили: они сего изобрѣтатели: имъ одолжена Европа симъ именемъ. А ежелибъ Европа снабдѣна была симъ званіемъ, намъ даемымъ, отъ такова народа, кой бы различенъ былъ, по исповѣданію, съ Поляками; то не знаю, былоль бы сіе имя тогда смѣшною погрѣшностію. Я не защищаю Поляковъ; но нѣкотораго явнаго пристрастія рвеніе къ Полякамъ созерцаю.

Подлинно, сіе имя есть погрѣшность, буде оно дается намъ по граду Москвѣ; но истинны истиннѣе, да такъ скажу, когда называютъ насъ тѣмъ по праотцу нашему Росъ-Мосоху. Есть народъ Мосхи: докажемъ сіе изъ исторій. Сей народъ, есть всевѣрно тотъ же самый, что и Россы: доказывается сіе единствомъ языка, единствомъ дѣлъ, единствомъ житія, единствомъ всѣхъ обыкновеній; а въ средніи вѣки и единствомъ православія, воспріятаго отъ Константинопольскія церькви Христовы.

И такъ, отъ праотца Мосоха происходятъ Мосхи. Должно сіе, въ одинъ разъ за всѣ, положить самымъ достовѣрнымъ бытіемъ, (съ авторами всемирныя исторіи съ Аглинскія тома IV, страницы 104) что Праотцы не преселялись [2]) изъ Азіи, и въ ней скон-

---

[1] Сверьхъ того, что уже Россами не можно быть ни Шведамъ, ни Датчанамъ, ни Норвежцамъ.

[2] Преселеніе Ноево, вскорѣ по изшествіи изъ ковчега, какъ въ Хину, нѣкоторыми учеными людьми утверждаемое, такъ и пришествіе егожъ въ Італію, другими учеными предлагаемое, не достойны суть пріятія, по доказательствамъ самымъ твердымъ ученыхъ же мужей.

чались; да и потомки ихъ въ нейже сперва пребывали не подалеку поколеніе отъ поколѣнія. Но когда домовладычествъ ихъ родъ; домочадствомъ умножился, и не могли они совокупно на одномъ и томже пребывать мѣстѣ (за недостаткомъ паствы, или за тѣснотою, или за ссорами, или за другими какими причинами); то Моски и начали подаваться къ Сѣвернымъ частямъ Азіи и къ Европѣ; да и отошли во первыхъ въ страны Понтическіе: тамъ Халибамъ Тибаренамъ, и Каппадокіанамъ были сосѣди.

Первый упоминаетъ объ нихъ Геродотъ [1]) отецъ всѣхъ исторій. Повѣствуетъ онъ, сколько подати положено отъ Дарія Гистаспова сына, при возшествіи его на престолъ, на народы, говоря; «Мосхамъ, Тибаренамъ, Макронамъ, Мосиникамъ, и Мардамъ, де«вятюнадесять Сатрапію составляющимъ, повелѣно «платить триста талантовъ, тоесть, сто восемдесятъ «тысячъ рублей.» Представлено выше, что во времена державы Персидскихъ Царей, по свидѣтельству Плутархову, Россаны жили еще при рѣкѣ Арассѣ: но видимъ теперь и Мосховъ, при тѣхъ же владѣтеляхъ, не далеко отлучившихся отъ Россановъ.

На другомъ мѣстѣ [2]) тотъ же историкъ обънихъ упоминаетъ повѣствуя, что они были въ войскѣ у Ксеркса походъ на Грековъ предвосприемлющаго. Слова его, по переводу, суть слѣдующія: «Моски, де«ревянный на головахъ шлемъ носили, и имѣли щи«ты и ратовища короткія, но копейныя желѣзка на

---

1 Кн. III. гл. 94.

2 Кн. VII. гл. 77 — 78.

«ратовищахъ долгія. Въ такомъ же снарядѣ, въ ка-«комъ и Мосхи воинствовали Тибарены, и Макроны, «и Мосиники. Надъ Мосхами начальствовалъ Аріо-«мардъ, Даріевъ и Парміинъ сынъ; сія была дочь «Смердиса, сына Кирова. Надъ Макронами и Моси-«никами, Артіакъ Херасмовъ сынъ, который въ Гел-«леспонтическомъ городѣ Сестѣ былъ правителемъ.» Сіе Геродотово мѣсто тѣмъ важнѣе есть, что оно соединяетъ Мосховъ съ Тибаренами: ибо священное писаніе нигдѣжъ не разлучаетъ симъ народамъ Праотцевъ, а именно, Мосоха и Тѳовеля, отъ коего Тѳовеляне или Тибарены. О первомъ имени Роллень [1]) утверждаетъ, что оно значитъ Мосховитовъ, а о другомъ, что Тѳовель былъ ближній сосѣдъ, по мѣсту пребыванія, Мосоху.

По довольно многомъ уже прошествіи времени, упоминается о Мосхахъ, у Плиніи [2]), сочинителя естественныя исторіи, и у Мелы [3]) Помпонія Географа. Однако, они болѣе попеченія имѣли объ ихъ мѣстахъ, нежели объ нихъ самихъ. Плиній такъ предлагаетъ: «подолинамъ пребываютъ ближе къ Арме-«ніи Мосхени. И, Мосхическое пребывалище есть «при рѣкѣ Иберѣ, втекающей въ Киръ». А Мела: «при Амазонкахъ и Гиперборейцахъ, суть Киссанты, «Ахеи, Георги, Мосхи, Кораксы. И, тѣжъ самые го-«ры, индѣ Таврическими, Мосхическими, Амазони-

---

[1] Древн. истор. том. X. стран. 487. въ примѣчан. издан. Парижское въ осмушку.

[2] Истор. естествен. кн. VI. гл. 9 — 10.

[3] Кн. II. гл. 47. издан. Гронов. и кн. XIX. гл. 92.

«ческими, Каспическими, Кораксическими, и Кавказ-«скими называются: сіежъ отъ того, что какъ онѣ «противъ тѣхъ, или другихъ стоятъ народовъ, такъ «сими или иными и прозваны именами«. По сему явствуетъ, что Мосхи, хотя не всѣ, но покрайней мѣрѣ, большая изъ нихъ часть, по Рождествѣ Христовѣ, и въ первомъ вѣкѣ, пребывали еще между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ.

Сіе самое и Страбанъ [1]) разумѣетъ, который ихъ около Кавказажъ [2]) помѣщаетъ, и съ другими небольшими соединяетъ народами. Онъ притомъ увѣдомляетъ [3]), что Мосхическая земля на три части раздѣлена; а изъ нихъ на одной Колхи, на другой Іберы, а на третіей Армены тогда жили. Напослѣдокъ, Мосхическіе горы описываетъ; а описаніе его я здѣсь точными словами превожу. »За Евфратомъ [4]) «позади Антитавра къ Сѣверу, разпростирается пре-«великая гора, и различно пресѣченная: одна ея «часть Поіарринъ, другая Мосхическими горами, а

---

[1] Географ. кн. XI. стран. 754, 760. издан. Амелов.

[2] Бошартъ въ Фалегѣ кн. III. гл. 13. говоритъ что Греки имя сея горы здѣлали изъ Халдейскаго ГОГЪ ГАСАНЪ, значащаго Гогову крѣпость Но Авторы всемирныя исторіи, съ Аглинскія, въ томѣ I. на стран. 304, полагаютъ, что Греческій Кавказъ здѣлался худымъ ихъ произношеніемъ Персидскаго слова Кухъ Кафъ, знаменующаго гору Кафъ. Однако, я мню, что Кавкасъ Греками поврежденъ отъ предревнія Скитескія, то есть, Словенскіи рѣчи ГОГЪ КОШЪ, Гогово Кочевье или жилище.

[3] Кн. XI стран. 763.

[4] Кн. XI. стран. 792.

«иная инако называется.» Всякому ясно, что Страбонъ съ Плиніемъ и Мелою согласенъ.

Авторы [1]) Всемирныя исторіи съ Аглинскія, приписываютъ точными словами Мосхическіе горы имени Мосохову; и слѣдовательно, Мосховъ разумѣютъ быть Мосховитовъ. Въ повѣствованіи такъ они пишутъ: «потомки Магоговы распространились къ Сѣ-«веру Восточному въ обѣихъ Скитоіяхъ, гдѣ мы на-«ходимъ слѣды ихъ Основателя.» А въ примѣчаніи: «Магогъ, Мосохъ, и Тѳовель, коихъ соборы Пророкъ «соединяетъ, наложили свои имена различнымъ стра-«намъ, сопредѣльнымъ Гамеру. Магогъ Гогаренамъ, а «Мосохъ Москическимъ горамъ, стоящимъ между «Колхидою и Арменіею, да и упоминаемымъ отъ «Птолемея, Плинія, и Мелы».

Сидоній Аполлинарій, есть послѣдній изъ древнихъ Писателей, упоминающихъ о Мосхахъ. Сей Авторъ былъ въ пятомъ вѣкѣ отъ Христа. Онъ въ похвальной рѣчи Маіоріану, бывшему Императоромъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, по смерти Валентіана втораго, пишетъ, что, при прочихъ народахъ, въ воинствѣ его были и Мосхи. Соединяетъ онъ сихъ съ такими народами, кои тогда въ Европѣ селеніе свое имѣли, и пребывали въ Панноніи, въ Мезіи, въ Даніи, и близъ Эвксинскаго Понта, гдѣ нынѣ Крымъ. Изъ сего проистекаетъ, что Мосхи, между первымъ и пятымъ вѣкомъ, изъ Азіи въ Европу перешли, слѣдуя немедленно за собратами своими Россами, (которыхъ мы видѣли уже въ Европѣ во время рожденія Христова

[1] Том. IV. кн. I. гл 12. стран 107.

при Царѣ ихъ Горвидѣ) и при предѣлахъ Венгерскихъ, Польскихъ, и Крымскихъ сѣли. Вѣроятно, что часть ихъ осталась еще тогда въ Азіи, по примѣру Скиѳовъ и Сарматовъ единокровныхъ имъ, въ одно время и въ Европѣ и въ Азіи пребывавшихъ.

Но вотъ какъ и самъ Сидоній поетъ Латинскими стихами, переведенными отъ меня. «[1]) Все что мразная ось, во Ѳракійскомъ круговращеніи, подъ «Аркадійскою рождаетъ медвѣдицею (значитъ сіе «Сѣверныхъ обитателей); то всецѣлое трепещетъ въ «твоемъ воинствѣ. Бастернъ, Свевъ, Паннонііі, Невръ, «Хунъ, Гетъ, Дакъ, Аланъ, Беллонотоѣ, Ругъ, Бургундъ, Гвесъ, Алитъ, Бизалтъ, Остроготоѣ, Проскрустъ, Сарматъ, Мосхъ, за орлами знаменъ твоихъ «возслѣдствуетъ».

Піита Лукана стихъ 270, изъ третіея книги, [2]) «лютымъ близокъ есть Сарматъ Мосхамъ«, можетъ разумѣться какъ, объ Азіатическихъ, такъ и объ Европейскихъ Мосхахъ· ибо сей, остраго разума, и великаго духа піитъ, процвѣталъ при Императорѣ Неронѣ, въ первомъ вѣкѣ по Христовѣ Рождествѣ. Стихъ сей не токмо доказываетъ, вникнувшимъ, мѣста, гдѣ пребывали Мосхи, но что они суть и Скиѳскаго племени, и что тогожъ Словенскаго языка, и что, наконецъ, единагожъ языка и родства съ Россами, произшедшими отъ рода Скиѳскаго.

Въ послѣдующія времена, Мосхи сіи удалились къ Сѣверу, и тамъ не токмо рѣку, но и всю страну про-

---

[1] Стихотворен. V: ст. 478. и слѣдующ.

[2] . . . . Saeuis affinis sarmata Moschis.

именовали отъ своего имени, назвавши ту рѣку Московою или Москвою; равнымъ образомъ и страну Московіею, или Московскою. Но въ которое именно время сіе было; утвердить, за не имѣніемъ, или лучше незнаніемъ свидѣтельствъ, недерзаемъ. Вѣдаемъ токмо, что имя Москвитянъ, въ тѣхъ странахъ обитателей, извѣстно и знатно быть стало въ концѣ десятаго вѣка, или не много поранѣе. Впрочемъ, Генрикъ [1]) Бреннеръ, мужъ великаго ученія, удостовѣряетъ, что нынѣшніи Мосоховиты, народъ Славенскаго языка, пришли въ сію страну, почитаи въ [2]) седмомъ вѣкѣ по Христѣ Спасителѣ. Ссылается онъ на засвидѣтельствованіе самихъ Россіанъ, признавающихъ сіе въ своихъ родословіяхъ. Можетъ быть, что сіи засвидѣтельствованія и обрѣтаются, рукописныя или и печатныя: но мнѣ ихъ видать и читать не случилось; развѣ токмо чрезъ сіе разумѣть, въ безъименномъ Исторіографѣ Россійскомъ, Царя Мусоку, жившаго въ концѣ шестаго вѣка, по его сказанію.

Сіе Бреннерово удостовѣреніе, есть и не вероят-

---

[1] Въ примѣчан на Сословіе Князей Іверскихъ и Георгіанскихъ, послѣ Моисея Арменина. стран. 85.

[2] Надобно, мнится, Московскимъ мѣстамъ быть занятымъ Россіанами съ временъ Святаго Владимира буде не за нѣсколько вѣковъ прежде: ибо сей Князь шествіе имѣлъ въ страны сіи. Но что они заняты прежде заложенія Москвы града; то явно изъ прекрасныхъ селъ, бывшихъ по обѣ стороны Москвы рѣки, принадлѣжавшихъ боярину Стефану Ивановичу Кучку или Кучкѣ, во время пришествія туда Великаго Князя Георгія Мономахова сына.

но: ибо потомство Мосохово пребывало сперва въ Азіатическихъ и Понтическихъ странахъ; потомъ обитало въ Сармаціи Европейской, пришедшее туда около пятаго вѣка, какъ то уже дано вѣдать выше: напослѣдокъ, преселилось въ самую Мосоховію, названную ими по своему народному имени, и тутъ твердое поселеніе себѣ основало.

Достовѣрно есть, что престольный градъ Москва, увѣнчавающій самодержцевъ нашихъ, начатъ быть строимъ великимъ Княземъ [1]) Георгіемъ Владимировичемъ, сыномъ Мономаховымъ, около лѣта Христова 1149 го, или 1154 го, надъ рѣкою Москвою, отъ ея имени нареченный, по свидѣтельству [2]) Синописа нашего. Сперва онъ былъ деревянный, и не весьма знатенъ, даже до принесенія въ него велико Княжескаго престола, великимъ Княземъ Іоанномъ [3]) Даніиловичемъ, около лѣта Христова 1308 го. Итакъ,

---

[1] Безъимянный Исторіографъ Россійскій догадывается на страницѣ 58, что Москву построилъ Мусока Царь Россійскій, жившій въ самомъ концѣ VI-го вѣка: но мнѣ сей Мусока невѣроятенъ, какъ то увидимъ ниже.

[2] Стран. 12 — 14. издан. IV тое.

[3] Не малая часть Историковъ нашихъ утверждаетъ, что пренесеніе сіе началось еще Даніиломъ Александровичемъ, Отцемъ сего Іоанна Даніловича, около лѣта 1284-го: такъ что, отъ того понынѣ есть 473 года. Но мы, утвердившись на Синописѣ нашемъ, пренесеніе сіе полагаемъ при сынѣ всеконечное а отцу приписываемъ нѣкоторое начало его токмо, или лучше возобновленіе града новыми строеніями, по Георгіи Мономахѣ, и сынѣ его Андреѣ Боголюбскомъ.

отъ созданія Москвы по сей 1757 годъ исключительно, счисляется 607 лѣтъ; а отъ пренесенія престола изъ Владимира, 448 лѣтъ. Приведенный Синопсисъ утверждаетъ именно, что нареченъ, онъ, Москвою по имени Москвы рѣки. Выше мы утвердили, что пришедшіи Мосоховиты, въ сію страну, проименовали рѣку отъ своего имени: ибо сами они такъ именовались отъ Праотца своего Мосоха, по свидѣтельству тогожъ Синопсиса, и по моимъ доказательствамъ.

Но покойный Байеръ [1]) говоритъ въ Россійскихъ началахъ, что сія рѣка древнимъ именемъ называлась Смородина. Откуду онъ сіе взялъ? На чемъ утвердился? Кто его о семъ удостовѣрилъ? Не вижуль, что взялъ онъ сіе съ вѣтра? Утвердился на пескѣ? А удостовѣрился воснѣ? «Спитъ [2]) иногда и Гомеръ, «коль нивеликій Піитъ. Не мню, однакъ есть причина помышлять, что онъ основался на слѣдующихъ словахъ, изъ нѣкоторыя нашея площадныя пѣсни: «Князь Романъ жену терялъ, и въ рѣку металъ, во «туль рѣку во Смородину».

Еслибъ Байеръ зналъ причину сего имени; тобъ увидѣлъ, что имя Смородины Москвѣ рѣкѣ есть не древнее, но новое: ибо древнее Словенское имя сему плоду есть Чресмина; да и прозвана сія рѣка Смородиною отъ простаковъ, увидѣвшихъ, что она истекаетъ изъ подъ кустиковъ черныя, какъ увѣряютъ иногіи самовидцы, Смородины, не подалеку отъ Мо-

---

1 Том. VIII. стран. 400.

2 Горац. наук. о Стихотворен. ст. 359.... Quandoque bonus Dormitat Homerus.

жайска. По сему, хотя и попустить ему сіе имя (ибо и я слыхалъ отъ самыхъ простыхъ людей, что называется она и Смородина, а на письмѣ отъ искусныхъ и достовѣрныхъ мужей нигдѣ того не видалъ); однако, попустится оно ему такъ, что Москва рѣка, по имени, есть Смородина по прозвищу, данному ей послѣ отъ Простолюдиновъ Россомосквитянъ или Славенороссіанъ.

Желательнобъ было, для тогдашняго времени чтобъ ему знать нашъ языкъ: уразумѣлъ бы онъ, что деревцо сіе и ягода называется Смородиною по Славенороссійски съ Славенопольскаго [1]) Смродыня: другими Славенскими діалектами именуется она и Терпка, и Потерпка, и не знаю какъ еще инако и различно. Достовѣрно говорю: самое древнее имя сей рѣкѣ есть Мосокова, а по сокращенію прежде Москова, потомъ уже Москва, данное отъ потомковъ Мосоховыхъ на память прародителя ихъ Мосоха. Преизрядно, да и прилично къ сему, умствуетъ Меланхтонъ: «дивно, что [2]) имена рѣкъ суть вѣковѣчнѣйшія, нежели земель и горъ; а однако, рѣки быстро текутъ, иногдажъ и мѣсто токовъ своихъ перемѣняютъ: но горы стоятъ неподвижно».

Чтожъ бы не быть граду Москвѣ по рѣкѣ сего имени; надъ которою онъ созданъ; то Байеръ нашелъ тѣмижъ своими Россійскими [3]) началами, нѣкакій на сихъ мѣстахъ Монастырь Моской, а слово сіе и про-

---

[1] Сокровищ. Полоно-Латино-Греческ. Іезуит. Кнапія.

[2] Меланхт. въ Хроникѣ.

[3] Том. VIII стран. 400.

изводитъ отъ того монашескаго обиталища: такъ что, Моской есть, по его, монастырь мужескій. Отъ сего мужескаго [1]) монастыря получила себѣ имя Москва. Кто не видитъ, что сей мудрый мужъ не умѣлъ нимало по Славенороссійски? Слово мужескій, выговариваемъ мы въ дружескихъ разговорахъ, и скорымъ обращеніемъ языка, такъ, какъ будтобъ оно было Мусской, а однакожъ не Моской. Но кто такъ когда, и изъ самыя у насъ черни, называлъ или называетъ Москву? Чужестранныи величаютъ ея и Моской, и Москавъ, и Москоу, и Москау, и Моску. и еще нелѣпѣе; но чужестранныи величаютъ развращенно, по незнанію нашего языка: однако, никто и изъ чужестранныхъ не именуетъ сего града въ развращенномъ выговорѣ, Муской, Москавъ, Москау, Москоу, и Моску. Итакъ, утверждаю съ Сінопсісомъ, что Москва градъ нареченъ отъ рѣки Москвы, и также въ женскомъ родѣ какъ рѣка; а о Москомъ Байеровомъ монастырѣ мню, что онъ есть Поллада изскочившая изъ Юпітерова мозга.

Впрочемъ, послѣ уже Мусоки царя, вымышленнаго отъ безъимяннаго историографа Россійскаго, а упомянутаго недавно въ повѣствованіи и въ примѣ-

---

[1] Есть преданіе что гдѣ нынѣ дворецъ, тамъ стояла въ бору, на болотѣ, но на островкѣ, хижинка, а не монастырь въ коей жилъ пустынникъ именемъ Букалъ; такеле есть и такое, что въ горахъ, около Москвы не подалеку, былажъ хижинка, а не монастырь же, и что и въ сей жилъ пустынникъ именемъ Подонъ или Падонъ; но все сіе было въ лѣта Великаго Князя Даніила Александровича, а Москва наречена Москвою отъ Георгія Мономаха.

чаніи, промчалось у насъ отъ нѣкоторыхъ слѣдующее произведеніе Москвѣ, а именно, отъ Мостка, бывшаго будтобъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ такъ называемый въ Москвѣ кузнецкій мостъ. Мостокъ оный былъ тутъ, какъ доводятъ для вѣроятности, по сей причинѣ, что по тѣмъ нискимъ и болотнымъ мѣстамъ лежала большая дорога изъ Новаграда во Владимиръ, а путешествующіи и сказывали вопрашающимъ, что они ѣдутъ къ МОСТКАМЪ. Но произведеніе сіе что предложено, то тѣмъ и отражено самымъ. 1) Чего ради путешествующимъ почитать отвѣтомъ Мостокъ или Мостки за предѣлъ окончательный паче, нежели Владиміръ, куда они направляли путь свой? 2), Чегожъ ради и нравилось имъ лучше ѣхать по болотамъ, кривые и далѣе, нежели ближе, прямые, и безъ болотъ во Владиміръ, на примѣръ, на Дмитровскія, и потомъ на Троицы Сергіевскія мѣста? 3), Да по мосткамъ тѣмъ, не надлежалолибъ Москвѣ именоваться или Мостокъ (тоесть градъ) единственно въ мужескомъ родѣ, или уже въ женскомъ по томужъ мостку косо и криво Мостка, а не Москва? Нѣтъ въ семъ произведеніи ни пошлыя вѣроятности. Напротивъ того, Мостокъ сей ложный есть не что иное, какъ истинный Мосохъ, выговариваемый не право; равнымъ образомъ и оный Мусока. Отъ Мосохова имени сперва рѣка прозвана Мосокова, и Мосткова, а сокращеннѣе Москова; потомъ еще стисненнѣе МОСКВА: а отъ рѣки наконецъ и Градъ, и сей по прошествіи временъ царственный.

Производится покойнымъ Байеромъ [1]) и Псковъ

[1] Том. X. Географ. Россійск. и блиск. стран. 417.

отъ Псовъ: такъ что, сей городъ, по его, есть Псовый. Не ясноль и по сему, что ученый мужъ не умѣлъ по нашему, пребывая у насъ долго? А однако умѣлъ едва не всѣ Азіатическихъ народовъ языки, не живавъ никогда ни на предѣлахъ Азійскихъ, не то что у всѣхъ тѣхъ народовъ, коихъ разумѣлъ письмена, и по письменамъ рѣчей силу. Ежели сіе имя есть древнее сему городу; то онъ названъ отъ Песковъ Исковъ сокращенно, которыи тамъ и находятся: а буде старое Славенское его имя есть Плесковъ (какъ то Байеръ утверждаетъ, и какъ пишутъ его всѣ по латински); то онъ есть или отъ плеска водъ рѣки великой, или Озера Псковскаго, отъ коего и не подалеку, или отъ блеска [1]) и сіянія, Блесковъ. Естлижъ, наконецъ, онъ Плисковъ, какъ то Зонаръ [2]) въ Василіи Болгароктонѣ именуетъ, и Кедринъ [3]) говоря. «Плискова градъ въ Болгаріи стоялъ»: то градъ сей будетъ Блисковъ, отъ близости къ томужъ Озеру, или также отъ блистанія. Какъ то ни есть; только онъ именуется обще у насъ Исковъ, а не Псовъ [4]), «какъ будто Псовый» по Байеровымъ словамъ: ибо многоученый мужъ, симъ произведеніемъ, показалъ и въ себѣ человѣческую слабость.

Шетгеній въ началахъ Москвъ, присвояетъ Москоситамъ и Масиниковъ и Мосиновъ. Но намъ всѣ

---

[1] О немъ упоминается въ степенной, въ житіи Святыя Благовѣрныя Великія Княгини Олги.

[2] Том. XI. стран. 224.

[3] Стран. 704.

[4] Том. X. Географ. Россійск. стран. 417.

его сему основанія не толь кажутся твердыми, коль суть непоколебимы во вѣки, положенныя имъ о Россахъ и Мосхахъ; которыми онъ и меня снабдилъ для сего разсужденія, при многихъ другихъ, не оскудно. Геродотъ, какъ то мы видѣли, именно раздѣляетъ Мосиниковъ отъ Мосховъ. Какъ же не утвердиться намъ совершенно на Геродотѣ, отцѣ и главѣ языческихъ историковъ? И такъ, можемъ мы развѣ Мосиниковъ и Мосиновъ такъ признавать, что они были племя нѣкоторое побочное, свойственное Мосхамъ, а либо и съ женскія какія стороны. Однако, сіе мы допущаемъ токмо съ почтенія къ Шетгенію, а не на исторической утвердившись истиннѣ, которая, съ другія стороны, и утаилась либо отъ меня, въ разсужденіи сего, всеконечно.

Вотъ же и еще Мосоховы потомки, представляемыи предъ насъ, намъ въ сродствѣ, Іосифомъ [1]) Іудеаниномъ, онымъ знаменитымъ и древнимъ писателемъ, котораго основанія превозмогли обще у всѣхъ, въ разсужденіи Скитѳовъ отъ Магога, а Целтовъ отъ Гамера. Моехи его хотя и отъ Мосохажъ; однако они потомъ называемы были, по его Каппадокіанами. Предлагаю я здѣсь самыя его слова: «Месхини отъ Месха прародителя своего нарицаются. Ибо Каппадокіанъ проименованіе есть новое; «древнягожъ еще слѣдъ остался; есть у нихъ городъ; «именемъ и понынѣ Масака, показующій довольно «хотящему разумѣть, что сіе имя старое было На«роду». Іосифъ былъ въ первомъ вѣкѣ по Христѣ

[1] Древност. Іудейск. кн. VII.

пребывалъ въ Римѣ; а писалъ свою Исторію во времена Веспасіановы.

Сіе достойно примѣчанія, что у Москвовъ городъ называемъ былъ Масака; такъ, какъ у ихъ Собратовъ Россовъ, городъ же именовался Роксонака, то есть Россонака. Правда, называется сей городъ у Николая Дамаскина, въ выпискахъ изъ Константина Багрянороднаго, первенствующимъ Саковъ; но Народъ сей былъ сосѣдъ Сарматамъ, и слѣдовательно Россамъ: могли Саки употреблены быть за Сарматовъ, и толь наипаче, что у Стефана Византійскаго, именуется онъ просто Роксонакейскимъ градомъ, то есть градомъ Роксонакейскаго Народа, а не Сакскимъ, и ни Сарматскимъ, и ниже Тѳракійскимъ.

Чтожъ до города Масаки; то полагаютъ его Географы [1]) въ Каппадокіи при горѣ Аргеѣ. Инако былъ онъ проименованъ [2]) Евсевіею: а послѣ въ честь Тиберія Цесаря, а не [3]) Іулія, отъ Аріобарзана Царя, или отъ преемника его [4]) Архелая, Кесаріею [5]) названъ, хотя и есть авторъ [6]), кой сіе Ти-

[1] Страбон. кн. XIV. стран. 979. Плин. истор. Естествен. кн. II. гл. 108. Солин. гл. 45 издан. Салмаз. съ него списалъ Мартіан. Капол.ла кн. VI. стран. 222. Моисей Арменин. о началахъ и Царяхъ Арменск. и Партѳянск. стран. 15—16.

[2] Страбон. кн. XII. стран. 811. Стефан. въ Кесарія.

[3] Констант. Багрянородн. о Тѳемахъ. кн. II.

[4] Евтроп. кн. VII. гл. 6.

[5] Стефан. въ Масака. Амміан. кн. XX. гл. 9. Птолем. том. III. о градахъ Іорнандъ о преемничествѣ царствъ стран. 41 46. издан. Линдеб.

[6] Моисей Арменин. о началах. и проч. стран 16.

грану приписываетъ. Сія Кесарія потомъ великое получала себѣ имя, для того что въ ней процвѣталъ оный во Святыхъ Великій Василій Архіепископъ. Страбонъ, въ приведенномъ вторично мѣстѣ, причисляетъ ея къ Киликіи. Надобно знать, что сія Киликія, есть различна отъ оныя другія, коея главнѣйшій городъ былъ Тарсъ: была она токмо область Каппадокійская, какъ то Страбонъ самъ же изъяснилъ.

И такъ, хотя Іосифъ есть и единъ, повѣствующій и засвидѣтельствующій сіе о потомкахъ Мосоховыхъ; однако, по достовѣрности сего писателя, быть всячески могло, что они сперьва въ Каппадокію преселились, а потомъ уже въ Сѣверные страны отправились.

Толикихъ мужей свидѣтельства, толь древнихъ, толь важныхъ, и толь достовѣрныхъ, отразитъ ли во вѣки одинъ покойный Байеръ повѣствованіемъ своимъ, при изчисленіи разныхъ мнѣній о первоначальныхъ Россахъ и Мосхахъ, въ началахъ Россійскихъ, на 398 страницѣ говоря? «еще другіи Геродотовыхъ, Ксенофонтовыхъ, Страбоновыхъ, Мосиниковъ и Мосховъ, и отца Месеха изъ святѣйшихъ бытій Моисеевыхъ припамятываютъ, да изобрящутъ, Россійскія начала». Правда, припамятываютъ; но основательно, доказательно, и согласно съ святѣйшими Моисеевыми бытіями, и съ провѣщаніями богодуховеннаго Іезекіиля Пророка А такое отраженіе покойнаго мужа едваль не лучше въ честь памяти его, вѣчному предать забвенію, нежели когда припоминать оное.

Заключаю теперь, что какъ Россы, такъ и Мосхи, произошли отъ Росъ-Мосоха; что Россы и Мосхи говорили издревле Словенскимъ, а нынѣ говорятъ Славенороссійскимъ языкомъ. О семъ въ Синопсисѣ нашемъ [1]) такъ чтется: «Отъ Мосоха Праотца Сла«венороссійскаго по наслѣдію его, не токмо Москва «народъ великій, но и вся Русь или Россія вышере«ченная произыде, аще въ нѣкихъ странахъ мало «что въ словесѣхъ и премѣнися, обаче единымъ Сла«венскимъ языкомъ глаголютъ». Да и ктожъ можетъ сомнѣваться въ семъ и спорить? Мавроурбинъ такъ предлагаетъ: «Славяне [2]) Россійстіи суть, нынѣ отъ «иноземцовъ обще зовомы Москвитяне . . . Древніи «называли ихъ Роксоланами». Целларій [3]), славный оный и многомудрый мужъ, слѣдующимъ образомъ тожъ самое подтверждаетъ: «Самое нынѣ имя свидѣ«тельствуетъ, что Руссы и Москвы суть единъ и тотъ «же народъ». Авторы Фаброва Латінскаго [4]) Лексикона, подъ словомъ Мосхусъ, научаютъ всѣхъ возвѣщая: «Мосхи, Скитоійскій есть народъ, при [5]) Гир-

---

[1] Стран. 13. издан. IV-тое.

[2] Історіограф. стран. 68.

[3] Всеобщ. истор. вѣк. X. стран. 115. въ примѣчан.

[4] Реченника или Словоря

[5] Гирканское или Каспійское море, по Персидски называется Кулсумъ, по Грузински Сова, по Армянски Сооѳъ, а по нашему Хвалынское. Долгота сего моря не распростирается съ Востока на Заподъ по Птолемееву, но съ Сѣвера къ Полудню по самой исправной Картѣ Государя Императора ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Впала въ него Волга, какъ нѣкоторое само не большое море, и около двухъ

«канскомъ (по инымъ Чирканскомъ, но мнится Гор-«канскомъ или Курганскомъ) морѣ. Сіи нынѣ име-«нуются Москвитами». Наконецъ, хотя и не можно совершенно основаться на Аравитскихъ писателяхъ, у Гербелота въ библіотекѣ восточной, на страницѣ 722 такъ предлагающихъ, «Русъ имя осьмаго сына «Іафетѳова, отъ коего Руссія, называемая (сіе по-«слѣднее говоритъ Гербелотъ объ Европейцахъ) ны-

---

сотъ другихъ рѣкъ, а однако вода въ немъ ни прибываетъ ни убываетъ. Нѣкоторыи мнятъ, что есть подземное общеніе между симъ моремъ и Чернымъ: но Авриль, нынѣшніи путешественникъ, увѣряетъ, что общенію такому у Каспійскаго должно быть съ заливомъ Персидскимъ, для того что противъ самыя Гиляни находятся двѣ большія пучины, поглащающія въ себя все въ нѣкоторомъ разстояніи; и потому надобно быть на днѣ котловинѣ, а изъ нея трубѣ къ заливу, ибо жители видятъ ежегодно, при концѣ Осени, великое множество ивныхъ листовъ плавающихъ по заливу а дерева сего нѣтъ нигдѣ тамъ въ близи, но напротивъ того, цѣлыя лѣса по морскимъ Гилянскимъ берегамъ. Впрочемъ, сію равность воды въ Каспійскомъ морѣ Философы истолковали двояко: 1) что вода морская течетъ подъ землею по жиламъ до рѣчныхъ источниковъ, а такъ процѣживаясь по порамъ земнымъ, лишается горести соляныя. 2) что солнце подымаетъ изъ моря парами столько воды, сколько потребно, чтобъ ни прибывать ей и ни убывать; первому толкованію почитай нѣтъ нынѣ послѣдователей. Какъ бы то можно было морской водѣ, коя ниже и устій рѣчныхъ, восходить до вершинъ, находящихся по большой части на горахъ? Но второе Галлей вычетами своими доказываетъ вѣроятно.

«нѣ Московія нами»: однако, что Росъ-Мосохъ есть одна особа, какъ доказано, а писатели тѣ упоминаютъ токмо Руса, предъименіе Мосохово, и что Россія, по Гербелоту называетсяжъ и Московіею, привожу, въ подтвержденіе единства у Россіи съ Мосоховіею, и сихъ писателей изъ Гербелота.

Но сколькобъ ни было твердостей и засвидѣтельствованій; однако, покойный Байеръ, живущій въ преемникахъ своихъ, не престаетъ сопротивляться, и вѣчно по Латінски порочитъ утверждающихъ, что Россіане суть и Московиты. Мы представляемъ точныя его слова: «Вопервыхъ [1]), Руссовъ Московита-«ми назвавшіи, вметнули въ повѣсти Мосха, Сидон-«скаго Философа. Бакха на отдаленныхъ горахъ „[2]) «видѣлъ я научающаго, повѣрьте мнѣ предбудущіи «роды: „видѣлъ и Нимфъ учащихся, и уши „козло-«ножныхъ Сатировъ, выспрь стоящія остротою „Не «другой поистиннѣ Богъ, такую мысль могъ кому «нибудь вложить, чтобъ ему такъ шататься. Чтожъ «я возму уже сказать объ ономъ Аннія Витербскаго «БЕРОЗѢ, потому что и сей приводится, которому «угодно было, отъ Сатурна Вавилонскаго Царя вы-«весть Мосха и Магога чтобъ имъ вождями быть пре-«селенцовъ! Равно, какъ бы скаредство сіе не до-«вольно еще отражено было.

Что слышимъ? Погребеннаго Байера острожелчіемъ дышущаго! И за двусотолѣтное, по его, мнѣніе

---

[1] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 398.

[2] Двѣ черты означаютъ конецъ стиха: ибо приводитъ Байеръ сіи слова въ стихахъ.

объ имени Московитовъ, даемомъ Россіанамъ, но за предревнее по самобожественной книгѣ, и всеправедное по первѣйшимъ, древнѣйшимъ, и знаменитѣйшимъ историкамъ, погружающаго Поляковъ въ піанство! Что то за квасъ, киснувшій въ сердцѣ на Поляковъ? И что за отвращеніе отъ нихъ? Или сіи суть твердыя и искреннія отъ инороднаго противъ инославныхъ доказательства? Однако, на возраженіе именующимъ Россіанъ Москвитами, у достопамятнаго мужа только тогда было изобличенія.

Вѣдаемъ, что истинный Берозъ былъ родомъ Халдеанинъ, жившій въ царство Антіоха Сотира, или сына его Антіоха Теея, а не въ Моисеево время, какъ то нѣкоторыи отваживаются говорить: объявляетъ онъ самъ о себѣ, въ первой книгѣ Вавилонскія своея исторіи, что онъ родился въ младолѣтство Александра Великаго. Плиній [1]) сказываетъ, что его исторія содержитъ бытія 480-ти лѣтъ. Осталось намъ только отъ сея нѣсколько отрывковъ, приводимыхъ Іосифомъ противъ Аппіона и Александромъ Полигисторомъ. Іосифъ утверждаетъ, что онъ согласенъ съ Моисеемъ въ разсужденіи потопа, паденія Адамля, и Ноева ковчега, и что упоминаетъ о Потомкахъ сего Праотца. Приводятъ его: Плиній, Татіанъ, Климентъ Александріискій, Тертулліанъ, Витрувій и Евсевій, а послѣдній сей и надежно.

Но Берозъ, изданный Анніемъ Витербскимъ, есть безъ всякаго сомнѣнія, для того что всѣ ученые люди въ томъ согласны, сочиненіе подложное. Изъ

[1] Істор. Естествен. кн. VI. гл. 55.

сеголь Береза приводитъ нашъ Сінописецъ Мосоха, и взявъ его у Стриковскаго, не знаю прямо: однако видно, что изъ сего: Мосохъ сего Береза тѣнь есть токмо Мосоха священныя книги, по утвержденію мужей, испытавшихъ глубину древнихъ исторій. Ложный сей Березъ говоритъ, «что Мосохъ въ лѣто 44-тое «Сатурна Вавилонскаго царя, а по потопѣ въ лѣто «176-тое (въ Сінописцѣ 131) жительствовалъ: при «томъ пишетъ, что оный Сатурнъ отпустилъ отъ се«бя съ преселенцами четырехъ Князей, Ассирія, Ми«да, Мосоха и Магога. Изъ сихъ трое остались въ «Азіи, а Мосохъ пребывалъ и основалъ свои цар«ства, какъ въ Азіи, такъ совокупно и въ Европѣ». Чтожъ до меня; то всѣ читатели могли видѣть, что я не отъ сего Березова Мосоха, произвелъ Россомосквитянъ, но отъ Мосоха, преданнаго въ священной книгѣ Моисеемъ Боговидцемъ.

Обѣщалъ я, въ началѣ сего втораго разсужденія, протолковать, по произведенію, знаменованіе имени Россійскаго. Сіе теперь по возможности, исполню, и тѣмъ сему разсужденію положу окончаніе.

По Сінописцу: производятся нѣкоторыми Россы отъ города Роси, не подалеку отъ Новгорода стоящаго. Сіе довольно даетъ знать, что имя Россъ, есть древнее: и мню, что Россы, [1]) жившіи при вершинахъ рѣки Росы или Волги; сей городъ строили,

[1] Какъ Россы прозвали рѣку Волгу Росомъ; такъ и отъ нея, прозванныи по томъ Волгою, Волгары: вѣроятно, что сіижъ наименовали и Волховъ рѣку отъ Волги, повредивши нѣсколько имя Волги.

да и прозвали отъ своего имени. Сей городокъ и до днесь именуется Старая Руса.

Другіи утверждаютъ, по томужъ Сінопсису, что Россы прозваны отъ рѣки Росы. Подлинно, Волга именовалась издревле Аррасомъ, Расомъ, Росомъ, Русомъ, и Ра, какъ то видѣли уже мы. Но видѣли, что и Волгу именовали такъ Россы отъ своего по праотеческому имени, которую потомъ онижъ прозвали отъ многія и великія Вологи (Влаги) Волгою. Есть впрочемъ, при упомянутомъ небольшомъ городѣ, рѣка Поруса, впадшая въ Полистъ рѣку. Есть и Руза рѣчка, текущая въ Москву рѣку. Есть и Руса рѣка, нынѣ въ Пруссіи, изшедшая изъ Нѣмени. Есть и въ Шкотландіи не малая область называемая Россъ, и простирающаяся отъ одного моря до другаго. Все сіе доказываетъ токмо, что по симъ рѣкамъ и мѣстамъ живали въ старинныя времена Россы, давшіи онымъ свои имена: но по рѣкѣ Порусѣ, впадшей въ Полистъ, и понынѣ пребываютъ Россіане, равно какъ и по рѣчкѣ Рузѣ.

Именуютъ Россовъ и отъ русыхъ волосовъ, каковы у нихъ и подлинно по большой части. Главный есть Луитпрандъ выше приведенный. Однако, не отъ свѣтлорусаго сего цвѣта волосовъ, Россы именуются Россіанами: Луитпрандъ обманулся, слыша Грековъ называющихъ красный цвѣтъ Русіонъ; а по тому и вздумалъ, что то имя принадлежало у нихъ къ Россамъ: Россіанъ всегда именовали Греки Роосъ, не склоняемо [1]) въ прочихъ падежахъ. Имѣющіи сіе

[1]) Знакъ что сіе имя есть не Греческое, но Еврейское.

мнѣніе, обыкли и писать имя наше Руссами, и Руссіанами, а Россію Руссіею и Русіею. Именовались мы прежде сего и сами Русіанами въ печати и на письмѣ, а и понынѣ еще на словахъ; но не отъ Русіонъ Греческаго, да отъ Волги именованныя и Расъ, и Росъ, и Русъ: также отъ Ругіанъ, или Ружіанъ, или Рушіанъ, и Рутеновъ и Рутсеновъ и Русановъ: а напослѣдокъ отъ того, что буква (о) способно премѣняется въ (у), и наобратѣ.

Анселмъ Бандурій въ Имперіи Восточной, въ томѣ второмъ, на страницѣ 33, произвелъ мѣсто изъ Симеона Логоѳета, исправленное Байеромъ такъ: «Рос«сы, тѣжъ и Дромиты (скорошественники) называе«мыи, суть отъ нѣкоего громкаго крика, издаваема«го ими или по согласію, или по вдохновенію какому «свыше, противъ непріятеля, когда ихъ сей преодо«лѣваетъ на брани». Ясно, что сей громкій крикъ «есть РОЗЬ, увѣщевающій взаимно біющихся, но изнемогающихъ, разбѣгаться въ розь. По сему, надлежалобъ быть намъ Розіанами, а Россія Розіею. Взаимный сей кличъ можетъ быть дѣйствительно бывалъ на битвахъ: ибо по нынѣ у насъ разбойники, нападшіи нагло на кого, когда увидятъ себя преобораемыхъ, кричатъ взаимно: вода, вода; тоесть, должно намъ растекаться въ розь такъ, какъ водѣ, для того, что мы не въ силахъ.

Нѣкто изъ мужей Сербскаго народа, имѣвшій великій разумъ, самыи тихіи нравы, и много другихъ достохвальныхъ качествъ, производилъ Россіанъ въ частыхъ разговорахъ со мною, отъ РАЗА, тоесть ударенія и пораженія. Доводилъ онъ, что храбрыи

народъ Рашіанскій во время битвы, имѣетъ обыкновеніе возглашать, побуждая совоинствующихъ къ доблественному пораженію враговъ противоборющихся, Рази Рази, а по нашей просодіи Рази Рази Есть въ семъ много благовидности. Но онъ сіе, мнится, говорилъ какъ Сербинъ, выхваляя своихъ: ибо Расци суть въ Иллиріи, или лучше въ верхней и нижней Мезіи, одинъ народъ съ Сербами и Болгарами, именовавшимися отъ Волги, такъ какъ и Россы отъ неяжъ, проименованныя сими Расъ, или Росъ, отъ своего праотеческаго имени. Побуждаютъ такимъ же образомъ и нынѣшніи Французы товарищей своихъ воиновъ, къ мужественному разбитію и убіенію непріятелей, вопія: *тюй тюй*, тоесть, убивай убивай. Однако, по сему надлежалобъ намъ быть и называться Разіанами, а Россіи Разіею: ибо и Иллирическіи Расци, или правѣе Расси, единоплѣменныи съ нами, суть не Рази, коимъ бы должно было быть по тому Разами, но Расси, Раши, и Раци.

Мнѣніе, производящее имя Россіанъ отъ разсѣянія, есть всеобщее; такъ что, съ симъ разглашаться; есть необходимо подвергаться нареканіямъ въ самомнѣніи и упрямствѣ И какъ отбыть отъ порицаній? Сіе содержитъ Байеръ, сіе Мавроурбінъ, сіе нашъ Сіноп сісъ, сіе всѣ наши: ибо сіежъ самое и Греки, называя насъ, для того что всѣхъ вообще Славянъ, Спороновъ, тоесть Сѣмя.

Правда, разсѣяніе Россійскаго народа, есть истинна извѣстная и достовѣрная: бытію сему когдабъ я противился, тобъ конечно достоинъ былъ понесть безславное имя высокоумствующаго мудречика. Но

я сего бытія, какъ всеконечно праведнаго, не токмо не опровергаю, но и признаваю точно; а въ случаи и доказать могу ясно, особливожъ по лѣтамъ, счисляющимся отъ Рождества Спасителева. Я дерзаю токмо утверждать, что Россіане именуются Россіанами не отъ разсѣянія того, которое еще не больше намъ принадлежитъ особливо, коль и всѣмъ вообще Славянамъ. Ежелибъ мы были отъ разсѣянія; тобъ намъ именоваться надлежало Разсѣяне, а не Россіане.

Однако, нѣтъ во всемъ нашемъ языкѣ предлога РОС или РОЗ, съ которымъ бы мы возмогли быть Россіанами; есть подобный токмо сему предлогъ, но тотъ не РОС, да РАС и РАЗ: свидѣтельствуюсь самою первою, а притомъ самою и основательною у насъ грамматікою Мелетіевскою въ четверть; свидѣтельствуюсь и обѣими Ѳеодоровскими въ осьмушку, изданными по Мелетіевской съ нѣкоторыми премѣнами. Подлинно, чернь и самая подлость выговариваютъ: розбить вмѣсто разбить, розвесть вмѣсто развесть, розгонить вмѣсто разгонить, роздарить вмѣсто раздарить, розсѣять вмѣсто разсѣять, и прочая; но сіи Словесники отъ учтивѣйшихъ людей знающихъ въ языкѣ силу, всегда осмѣхаемы бываютъ.

И се, наконецъ, истинное знаменованіе, преславнаго и православнаго народа Россійскаго.

Во первыхъ, называемся мы Россами и Россіанами. Страна, обитаемая нами, есть Россія. Августѣйшая наша ІМПЕРАТРІЦА, есть Самодержица ВСЕРОССІЙСКАЯ, тоесть, пространныя своея Имперіи ВСЕРОССІЙСКІЯ, единоначальствующая Обла-

дательница. Мы произвели насъ Россовъ, тоесть, Россомосквитянъ, подданныхъ ЕЯ, отъ имени общаго нашего праотца РОСЪ МОСОХА: сіе самое въ семъ разсужденіи и доказали. Имя сіе Еврейскаго есть языка. Чтожъ оно знаменуетъ, по произведенію, на нашемъ?

Росъ по нашему значитъ, въ произведеніи[1]) ГЛАВУ, ГЛАВНАГО, и ГЛАВНОСТЬ: сіе подтверждаетъ и наша Библія, вновь перьваго и втораго изданія, истолковавшая сіе слово такъ на полѣ, при 38 главѣ Іезекіиля Пророка. Но Мосохъ знаменуетъ на нашемъ языкѣ ПРОДОЛЖЕНІЕ, ПРОВЛЕЧЕНІЕ, и РАСПРОСТЕРТІЕ. Доказываю Псалмомъ сто девятымъ надесять.

Псаломъ сей стихомъ пятымъ возглашаетъ: «Увы «мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися». Слово, *продолжися*, переведено съ Греческаго *Эмакринѳи*; да и въ Вулгатѣ: «Перегрінаціо Меа Пролонгата «эстъ»: пришельствіе или странствованіе мое продолжися. У Блаженнаго Іеронима: «Інколатусъ Меусъ Пролонгатусъ эстъ»; Обитаніе или жительство мое продолжися. Такъ и у Блаженнаго Августина. У иныхъ: «Пароикоонъ Пареилкуса»; пришельствуя продолжихъ: такъ въ Эксаплахъ Орігенскихъ Монфоконовыхъ. У другихъ: «Просилитеуса Энъ Макрусмоо»; пришельствовахъ въ долготѣ времени. Всѣ сіи разныя чтенія приведены Нобиліемъ, въ такъ называемой Ватиканской Седмидесятной: да и

---

1 Значитъ и ерьхъ горы, какъ то сіе видимо въ кн. II царствъ, въ главѣ 16. въ стіхѣ 1-мъ.

всѣ они предъявляютъ токмо что долготу и продолженіе.

Но въ Еврейской сіе самое стоитъ такъ, по чтенію искусныхъ: «яко пришлецъ есмь въ Мешехъ. «или въ Месехъ, тоесть, въ Мосохъ»; какъ то седмдесятъ два написали сіе имя, гдѣ оно собственное. И такъ, въ Еврейской стоитъ тамъ Мосохъ, гдѣ во всѣхъ переводахъ, и въ различествующихъ чтеніяхъ, обрѣтается знаменованіе продолженія.

Слѣдовательно, по самой истиннѣ (не смотря и не содрогаясь, что я перьвый есть изъ Россіанъ сего мнѣнія) заключаю: Россіанинъ, и онъ же Москвитянинъ, а потомужъ и Россія, и Россомосковія, знаменуютъ имени своего произведеніемъ отъ Еврейскаго, на нашемъ Славенороссійскомъ языкѣ: [1]) ГЛАВНОСТИ ПРОДОЛЖЕНІЕ, или [2]) ГЛАВНОСТЬ ПРОДОЛЖАЮЩУЮСЯ.

---

[1] Верховности. [2] Верховность.

КОНЕЦЪ ВТОРОМУ РАЗСУЖДЕНІЮ.

РАЗСУЖДЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О

ВАРЯГАХЪ РУССАХЪ.

Славенскаго Званія, Рода, и Языка.

Имя Варяговъ, коль часто у Россійскихъ лѣтописцевъ, по пришествіи Великихъ Князей, трехъ братовъ, отъ Варягъ въ Новогородскую область, начало быть воспоминаемо; толь оно подъ не малое приведено и сомнѣніе въ мысляхъ нашихъ: такъ что, понынѣ еще нѣтъ довольнаго удостовѣренія, изъ какова сіи Варяги были народа. Многіи, здѣсь и индѣ, изъ чужестранныхъ писателей, производятъ ихъ отъ племенъ намъ инородныхъ: а чрезъ то и врѣваютъ они насъ въ сомнительное безъизвѣстіе о названіи, родѣ и языкѣ Варяговъ.

И хотя нѣтъ ни одного, мню, въ истинныхъ Россіанахъ, собственно такъ называемыхъ нынѣ, который бы не всѣмъ желалъ сердцемъ, чтобъ презнаменитымъ Варягамъ Руссамъ, прибывшимъ къ намъ государствовать въ насъ, и бывшимъ достославными предками великоименитыхъ Самодержцевъ нашихъ, быть точно симижъ нынѣшними и всегдашними Россіанами, произойти издревле отъ сего конечно Россійскаго кореня, и говорить, съ самаго начала, симъ

однимъ нашимъ языкомъ Славенороссійскимъ: однако, утвержденія иностранныхъ, и еще не безславныхъ писателей оныхъ, не токмо дѣлаютъ наши желанія тщетными, но еще и всѣхъ намъ путей едва не пресекаютъ, чтобъ мощи сердцамъ нашимъ, хотя только того желать уже съ основаніемъ.

Одни изъ тѣхъ объявляютъ, что Варяги были предки [1]) Шведовъ, подъ именемъ Веринговъ и Варинговъ; а другіи пишутъ, что произошли они отъ [2]) Датчанъ. Сіи пространно доказываютъ, что Варяги наши прибыли къ намъ или изъ Скандинавіи [3]), или изъ Даніи, и что Россіане называютъ Варягами всѣхъ вообще Свѣевъ, Готландянъ, Норвежанъ, и Данянъ: а тѣ надежно и высокомѣрно велерѣчатъ, что они суть точныи [4]) Норвежцы. Нѣкоторыи производятъ

---

[1] Георгій Валлинъ, Епископъ Готобурскій, Королевскаго Упсальскаго Соціетета Таваришъ, въ Актахъ королевскаго Упсальскаго Соціетета наукъ на лѣто 1743, въ Эпистолѣ къ Соціетету, въ Обсерваціи 2 на стран. 11.

[2] Филиппъ Бріецій Аббавилей въ Параллелѣ Географіи старыя и новыя том. II. части I кн. 6. стран. 229. § 6. о Московіи.

[3] Покойный С. П. бургскія Академіи Наукъ Профессоръ Байеръ Комментарій Академическихъ первыхъ въ томѣ IV. въ диссертаціи о Варягахъ, на страницѣ 280.

[4] Рѣчь Профессора С. П. бургскія Академіи . . . сочиненная имъ 1749 года на слово публичному собранію, напечатанная, но въ дѣло не произведенная: ибо освидѣтельствованная всѣми членами Академическими нашлась, что какъ исполнена неправости въ разумѣ, такъ и ни къ чему годности въ слогѣ.

Варяговъ отъ Прусскаго слова Вареiисъ [1]), и по то му доводятъ заключая, что они Пруссы; а иныи называютъ ихъ Германскимъ [2]), какъ имъ по всему кажется, народомъ, жившимъ внѣ предѣловъ Германiи. Всѣжъ, наконецъ, хотя и признаваютъ, что сiи Варяги были Руссы; однако не отъ насъ Россовъ собственно такъ называемыхъ нынѣ, но или отъ Шведовъ, или отъ Датчанъ, или отъ Норвежцевъ, или отъ Скандинавцовъ, или отъ Пруссовъ, или прямо отъ Германцовъ.

Сiе коль есть ни превосходное, и твердое предразсужденiе, о достоинствѣ первоначальныхъ нашихъ Государей, для того что писатели какъ напрерывъ другъ предъ другомъ, присвояютъ ихъ къ разнымъ славнымъ и храбрымъ народамъ; однакожъ намъ нѣсколько предосудительное, какъ отъемлющее у насъ собственное наше и дражаiшее добро, и чрезъ то лишающее насъ природныя нашея славы.

Когдажъ инославныи Писатели изобрѣли за должное, по единому самолюбiю токмо, какъ мнится, повѣствовать о высокославныхъ Варягахъ, и водя своихъ читателей по степенямъ вѣроятности, потщились удостовѣрять ихъ, что будто сiи Варяги намъ чужеродныи, и отъ насъ разноязычныи; то мы не ободримсяль изобрѣсть за должнѣiшее, имѣявъ томъ

---

[1] Матвей Преторiи въ свѣтѣ Готическомъ кн. XI. гл. 2. 6.

[2] Слово Профессора С. П. бургскiя Академiи Наукъ... о началахъ и перемѣнахъ Россiйскихъ законовъ, говоренное въ публичномъ собранiи Сентября 6 дня, 1756.

пріискреннѣйшее участіе, чтобъ намъ, утверждающимся на самой, по скольку возможно, достовѣрности, описать нашихъ началобытныхъ Самодержцевъ какъ единоязычными, такъ и тождеродными съ нами?

Возможноль, говоря откровенно, и достолѣпноль пребыть своимъ бездѣйственнымъ, при чужихъ прерѣкающемъ усильствіи, да и не стремиться къ исторженію отъемлемаго у насъ не по праву? Высота свѣтлось, и превосходство, первенствовавшихъ верьховно у насъ Великихъ Князей къ тому насъ обязываютъ; а честь цвѣтущаго, всегда и нынѣ, Россійскаго народа, не умолкая возбуждаетъ. Должно, должно было давно уже́ намъ препоясаться силами, не токмо къ воспрепятствованію не весьма удостоющихся, въ разсужденіи сего, заключеній, но и къ утвержденію, и какъ будто ко вкореняемому насажденію свѣтозарныя истинны, и непоколебимыя правды. Непреоборимая Историковъ нашихъ вѣрность, толь твердѣйшая всѣмъ явится, что оную и чужеславныи дѣяній писатели, рачившіи объ неи или прилѣжнѣе, или праведнѣе, нежели перьвыи оныи, въ достопамятныхъ своихъ писаніяхъ утвердить не усомнились.

И такъ, усмотрѣвъ оную Историческую достовѣрность въ нашихъ и въ другихъ искреннѣйшихъ повѣствователяхъ, и также утвердившись на ней, и оградившись ею, дерзаю здѣсь предложить, и по мѣрѣ ума моего и силъ, всѣмъ повѣствованіемъ ясно показать, что именовавшіися Варяги, и тѣ Руссы, а слѣдовательно Великіе Князи, Самодержавствовавшіи

въ Россіи, и пришедшіи въ Новогородскую державу съ начала отъ Варягъ, имѣли названіе сіе Славенское, родъ ихъ былъ Славенскій, и вѣщали они языкомъ всеконечно Славенскимъ.

Въ разсмотрѣніи моемъ, одна по истиннѣ только мнѣ точнѣйшая истинна есть цѣлію, и предверженною вещію; она сама и подстрѣкающимъ мнѣжъ побужденіемъ; а слава и величество Всероссійскихъ Самодержцевъ, начало свое производящихъ отъ первоверьховныхъ нашихъ Государей, Варягами тогда именованныхъ, окончаніемъ, и единственнымъ намѣреніемъ.

Были Варяги Руссы. Отъ сихъ Варяговъ Великіи Князи, три брата, прибыли въ Новогородскія области державствовать, по прощенію Новогородскихъ обывателей, съ Гостомыслова совѣта; а прибыли они 862 лѣта Христова, по счисленію нашихъ и чужестранныхъ Лѣтописателей.

О семъ нѣтъ ни сомнѣнія, ни стязанія. Но словопрѣніе наше состоитъ въ томъ что рѣчь Варяговъ, съ Тевтонскихъ ли языковъ повреждена отъ насъ Славенороссовъ, или съ Славенскаго испорчена Тевтонцами она самими. Притомъ, Варяги Руссы, означаютъ ли Варяговъ Россіанъ, собственно такъ называемыхъ нынѣ; или чрезъ сихъ Руссовъ должно разумѣть нѣкоторыій народъ изъ Тевтоническихъ. А хотя рѣченіе Руссовъ и довольно, мнится, во второмъ разсужденіи доказано, что оно означаетъ насъ собственно Россіанъ; однако и въ семъ третіемъ, для совершеннѣйшаго тому подтвержденія, нѣсколько къ семужъ самому прикоснемся.

И такъ, разсмотримъ во перьвыхъ, отъ чего, и отъ кого производятъ чужестранный писатели слово сіе Варяговъ; да увидимъ по томъ, откуду оное намъ производить должно истиннѣе. Профессоръ Байеръ[1], понеже нашелся тогда при Академіи перьвый сего мнѣнія, «что Варяги Россійскихъ писателей были «изъ Скандинавіи и Даніи люди благородныи, другіи «на войнѣ, и служившіи изъ платы Россіанамъ, быв- «шіи Царямъ ихъ стражи, и хранители границъ, еще «и въ гражданскихъ чинахъ начальствующіи, и что «отъ Россіанъ называемы были Варягами вообще «Шведы, Готланды, Норвежцы, и Датчане»: то и нашелъ онъ въ Олаѣ Вереліи Іоанна Магна предлагающаго, «что Скандинавія отъ нѣкоторыхъ именует- «ся Вергіонъ, и что сіе значитъ Островъ волчій». По сему называлибъ мы Россіане Варяговъ Варягами худо и поврежденно: ибо надлежалобъ намъ называть ихъ Вергами, какъ то и желалось бы Байеру.

Не противлюсь покойному мужу въ преемникахъ его, что Датчане, Шведы, Норвежцы, и Скандинавцы были Варяги, и имѣли сіе имя праведно: сіе мы увидимъ послѣ. Но не отъ сихъ Варяговъ были Великіи наши Князи; а отъ какихъ, то ниже предложимъ. Однако, и сіи Датскіи, Шведскіи, Норвежскіи, и Скандинавскіи Варяги, были по точному названію Славенскому Варягами, и нимало не поврежденно отъ чужаго слова Вергіона, то есть, Норвегіи. Сіе также объявится въ своемъ мѣстѣ. Напротивъ

[1] Перв. Комментар. том. IV. разсужден. о Варяг. стран. 280.

того, рѣчь Вергіонъ и Вергія, означающая Норвегію, есть и сама испорченная отъ Славенскаго, Верхія, какъ то уже изъяснили мы въ перьвомъ разсужденіи.

Олай оный Верелій [1]) и еще говоритъ слѣдующее: «когда Московиты (Россо-москвитяне) называ«ютъ Балтическое море Варегскимъ, по свидѣтель«ству Герберстеиніеву; можетъ ли кто не повѣрить, «что и Швеція отъ нихъ Варегіею и Вергіею также «именуется»? Олай Рудбекій [2]) въ Атлантикѣ, и о Россійскихъ Варягахъ, и объ истинномъ знаменованіи слова также мнитъ какъ Верелій, да и говоритъ: «О семъ, когда дойдемъ до рода Великихъ Князей, «который должно производить отъ Свѣевъ; то, мно«гіе на свѣтъ издадимъ.

Соглашаюсь съ Вереліемъ и съ Герберстеініемъ, что Балтическое море называемъ мы Варяжскимъ, и что Швецію и Норвегію можемъ же праведно именовать Варягіею. Но Рудбекію прямо прекословлю, и говорю, что родъ Великихъ нашихъ Князей отъ Свѣевъ производить не должно: ибо сіе ложно будетъ. А откуда надлежитъ производить, о томъ въ семъ Разсужденіи объявить не примину.

Приводится Байеромъ и Арвидъ Моллеръ [3]) производящій Варяговъ отъ Эстландскаго слова Варасъ, значащаго вора и грабителя, а Варга Мери, разбой-

[1] Въ прибавлен. стран. 192.

[2] Част. I. стран. 518.

[3] Въ разсужден. о Варяг. стран. 2. въ Лунден. Норвежск. 173.

ническое, а не Варяжское море; приводится и Авраамъ Мілій [1]) ведущій отъ слова *Вручить*, убивать; приводится и Лейбніцій [2]) предлагающій, «Варги «разбойники въ [3]) Арвернѣ у Сідонія, также были «въ древнія времена и у Германцовъ, Нормандскіи «морскіи разбойники и у Руссовъ [4]) именуются Ва«регами»; приводится и Камбденъ, влекущій отъ Веріадъ, тоесть разбойникажъ; приводится наконецъ и законъ Саліческій [5]), толкующій отъ Варга, или изгнанника. Къ симъ Байеровымъ приводамъ, я присовокупляю и примѣчаніе Исторіи Олофа Далина Шведскаго писателя, напечатанныя въ Греифсвалдѣ 1756 года, на главу ея 10 на § 8, обрѣтающіеся на страницѣ 234, подъ Литерою (z), гдѣ утверждается, что мы Варягами называли Шведовъ, испортивши Шведское имя Звариги или Звериги, для того что, какъ Финцы, не умѣемъ будто способно выговорить двѣ согласные буквы совокупно, отъ чего и здѣлали Вариги, или Вериги.

Но Вурги, Варги, и Веріады толь далеки отъ слова Варягъ, коль небо отъ земли, по присловію: довольно сказать, и тѣмъ всесовершенно отразить, что всѣ сіи слова отнюдъ не знаменуютъ нашихъ Варя-

---

[1] Въ Археолог. Тевтонск. стран. 171.

[2] Въ Целтическ. стран. 145.

[3] Галлическая или Французская провинція, нынѣ Овернь.

[4] Здѣсь Лейбніцій Руссами явно разумѣетъ насъ, а не Шведовъ, какъ то Байеръ.

[5] Титл. 57. § 5.

говъ: а неспособность наша къ выговору двухъ согласныхъ буквъ совокупно, не токмо есть ничто, но и совсѣмъ пустое: ибо ни которой языкъ изъ Европейскихъ къ сему толь способенъ, коль Славенскій, не говоря уже, что самое имя Звериги, значащее звѣря, есть остатокъ отъ первобытнаго Словенскаго въ Шведскомъ языкѣ. Одно Эстландское слово Варасъ, походитъ нѣкакъ издалека на Славенороссійскую рѣчь вора: а отъ себя Байеръ, хотя нѣсколько и натягивалъ, что Варягъ нашъ не иное что значитъ, какъ токмо человѣка ворующаго, тоесть, Ворягу. Однако, позволено мнѣ истинною; натягиваемое претягивать, и натягивавшаго въ преемникахъ вопросить говоря: Ктобъ у насъ такъ называлъ или называетъ, или гдѣ написалъ, и пишетъ? Ибо всѣ наши, отъ тѣхъ временъ понынѣ, означаютъ сіе слово и выговоромъ и правописью чрезъ (а), Варяги и Варягъ, а не чрезъ (о) Воряги и Ворягъ. Сами Новогородцы, склонныи чрезмѣрно къ буквѣ (о) вмѣсто (а), нигдѣ и никогда не выговаривали Ворягами: всѣ Варягами означали.

Увидѣлъ тогда сей Инородныій, нынѣ покойный Профессоръ Байеръ, что произведеніе сіе уголовную имѣетъ неудобность, именножъ, что возвеличитъ онъ симъ произведеніемъ Великихъ нашихъ Князей, прибывшихъ къ намъ отъ Варягъ, чрезмѣрно съ лѣвыя стороны: того ради, да умягчитъ жестоту произведенія токмо а не промысла, метнулся къ примѣрамъ почерпаемымъ въ Исторіяхъ, да и произрекъ: «и да«бы кто въ семъ мѣстѣ [1]) не присвоилъ верьховнымъ

[1] Том. IV. разсужден. о Варяг. стран. 297.

«мужамъ бесчестнаго имени, то каждый народъ «имѣлъ собственное свое обыкновеніе. У древнихъ «Скандінавцовъ такъ было честно грабительствовать, «какъ у Грековъ при грабленіи и разбойничать. Гра«бленіе и разбой честныя имена были, и славы ис«полненныя». Грабительство и разбойство честныя имена были? И славы исполненныя? Не знаю! вѣдаю только, что у насъ грабители и разбойники, издревле самыми худыми людьми почитаемы, и злодѣями называемы были. Сіе и самъ покойный Байеръ засвидѣтельствовалъ, говоря: «не славно [1]) было «по Русскимъ обыкновеніямъ грабительствовать». [2])

Шведы называли Варяговъ Верінгами, отъ *Верія, защищать*, или лучше отъ *Варда. хранить. Сохранять*, какъ то Байеръ свидѣтельствуетъ. Іоаннъ Перінкскіолдъ точно ихъ назвалъ тѣлохранительными [3]) воинами. Греки именовали Варангами, пишемыми Вараггами; видно, что испорченнымъ словомъ отъ Варяговъ: ибо ежели первый (г) не выговорится за (н), то произношеніе Варагговъ совершенно сходствовать будетъ съ Варягами. Вѣдаемъ, что у Грековъ не безъ изъятія было правило, произносить первую гамму предъ слѣдующею или предъ (υ), за

---

1 Том. IV. разсужд. о Варяг. стран. 303.

2 Былобъ сіе противъ здраваго разума, когдабъ Варяги были по промыслу Ворягами, взять ихъ Россіанамъ на престолъ, то есть, на самый верьхъ человѣческія славы, почитая притомъ всеконечно, что воры и разбойники суть безчестныи люди.

3 Гвардія.

(н): свидѣтельствуетъ соловьиный крикъ у Аристофана въ комодіи, тіо тіггксъ, кой, буде выговорится тіо тіггксъ, не будетъ уже сходствовать съ соловьевымъ хлестомъ. Іаковъ Кретцеръ, производитъ Греческихъ Варанговъ отъ Франковъ, которыи по нашему суть фряги. Но по сему надлежалобъ намъ Россіанамъ произносить Вряги, а не Варяги. Славный [1]) Дикціонаріи Французскіи, сочиненный Рішлетомъ, предлагаетъ подъ словомъ ВАРЕХЪ, что имя сіе происходитъ отъ Аглинскаго *врак* или *фракъ*; а значитъ оно, по его толкованію, кораблекрушеніе, тоесть, разбитіе корабля. Все сіе хотя уже и ничего не имѣетъ въ себѣ бесчестнаго; однако, слово наше, Варяги, не означаетъ ни защитниковъ, ни охранителей, ни тѣлохранителей, ни фряговъ, ни остатковъ отъ разбитаго корабля, плавающихъ моремъ по вѣтру. Да чтожъ оно значитъ? Слѣдуетъ.

Изъяснено и доказано, мнится, въ первомъ Разсужденіи, что самыя первыя шествія изъ Азіи въ Европскій Востокъ, Сѣверъ, Западъ и Полдень, не токмо Сарматскихъ племенъ, но и Целтическихъ, были съ однимъ Словенскимъ языкомъ отъ слова. Шествовали роды сіи не всѣ одною лавою, но станицами и частями. Слѣдовательно, одни изъ нихъ приходили къ рѣкамъ, къ горамъ, и къ другимъ урочищамъ прежде, а иныи къ тѣмъ же послѣ. Пришедшіи послѣ, могли ль не означить прежде пришедшихъ туда, какимъ свойственнымъ и приличнымъ обстоятельству имен емъ? Или, сами пришедшіи прежде

[1] Словарь.

могліль не назвать себя также тѣмъ именемъ въ разсужденіи пришедшихъ послѣ? А могло легко статься, что еще и въ происходившій, между первыми и послѣдними, споръ, для того, что прежде пришедшіи, не уступали пришедшимъ послѣ мѣстъ, съ которыхъ послѣдніи згоняли первыхъ. Зганяемыи, право свое должны были приводить, и говорить, что они прежде заняли мѣста; и потому, владѣютъ ими, и обитаютъ на нихъ по силѣ первѣйшаго населенія, и чрезъ то законнаго себѣ усвоенія, какъ на не принадлежавшихъ прежде ихъ никому. Сіе такъ положивъ, что и по разуму должно такъ полагать, какоежъ будетъ оное Словенское имя? Есть оно точно сіе изъискиваемое, ВАРЯГИ, то есть, ПРЕДВАРИТЕЛИ. Варягъ, есть имя глагольное, происходящее отъ Славенскаго глагола [1]) ВАРЯЮ, значащаго ПРЕДВАРЯЮ. Но такіи предварители въ Востокъ, въ Сѣверъ, въ Западъ, и въ Югъ Европейскій были, и не могли не быть; а были не изъ однихъ Датчанъ, Шведовъ, Норвежцовъ и Скандинавцовъ, но изъ всѣхъ поколѣній какъ Целтическихъ, такъ и Сарматскихъ.

Того ради, Варяги у Россіанъ и суть не одни Датчане, Шведы, Норвежцы, и Скандінавцы, но и по всей Европѣ самыи первыи обитатели, тоесть, предварившіи другихъ слѣдовавшихъ тудажъ насельниковъ. Не на словѣ я, благополучно въ нашемъ Словенскомъ языкѣ изобрѣтенномъ, въ семъ основался;

[1] И бѣ ВАРЯЯ Іисусъ, тоесть ПРЕДВАРЯЯ: ибо по Латінски praecedebat; а по Французски alloit devant Марк. гл. 10. ст. 32.

но на преподобномъ Несторѣ, сіе разумѣніе утвердившемъ. А преподобный сей первенствующій историографъ Россійскій ни чемъ не хуже въ достовѣрности, ни Іоанна Магна, ни Олая Верелія, ни Герберстеина, ни Лейбніція, ни Олофа Далина, ни всѣхъ прочихъ. У сего, говорю, главнѣйшаго и достовѣрнѣйшаго нашего историка, Варягами именуются всѣ, безъ изъятія, Европскіи поселенцы. Вотъ его точные рѣчи, выписанныя изъ книги, подписанныя Никономъ Патріархомъ по листамъ своеручно, а хранимыя въ Императорской Академической библіотекѣ: «Афетово бо колѣно, и то ВАРЯЗИ: Свѣя, Мурманія «(знатно Норманія), Гтія (видно что Готія), Русь, «Агляне, Галічане (Галлы), Ляхове, Волоси, Римляне, «Нѣмцы, Корюлязи (мнится Курландцы), Венеді-«цы,[1]) Фрязи, и прочіи». Однихъ ли только Датчанъ, Шведовъ, Норвежцовъ, и Скандінавцовъ Варягами назвалъ Несторъ преподобный? Не всякъ ли видитъ ясно, что Варяги суть у него всея Европы первенствующіи обитатели, тоесть, предварители?

И такъ, Варяги Руссы, отъ которыхъ призваны великіи князи, въ Новогородскіи предѣлы державствовать, суть не что иное, какъ токмо предварители на тѣ мѣста, на коихъ они обитали. О мѣстахъ сихъ предложимъ приличнѣе на иномъ мѣстѣ въ семъ же разсужденіи нашемъ.

Сея ради причины, Георгій Валлинъ Епископъ Готобургскій содружества королевскаго Упсальска-

[1] Чрезъ Венедіковъ безъ сомнѣнія должно разумѣть Венедовъ или Вандаловъ, а не Венеціанъ.

го членъ, называетъ Варяговъ предками [1]) Шведамъ, однако испорченнымъ словомъ отъ Варяговъ Веринги именуя, и говоря: «знаемъ также и предковъ «нашихъ Веринговъ, чрезъ нѣсколько времени при «дворѣ служившихъ, особливожъ у Кесарей Констан«тинопольскихъ, какъ то обычаи есть, плоти отъ «плоти нашея, Швейцарамъ пребывать при дворахъ «Французскихъ Королей.» Были Шведскіи Веринги, и ихъ же у Олофа Далина Звариги или Звериги, подлинно Шведскіи предки въ томъ разумѣ въ коемъ Варяговъ преподобный Несторъ [2]) разумѣетъ. По сей же силѣ должно имъ быть и у Арвида, Варасами Эстландскими, и у Магна, Вергами Норвежскими, и у Милія, Вургами Нѣмецкими, и у Лейбніція, Варгами Арвернскими, и у Камбдена, Веріадами, а у Ришлета, Фраками Аглинскими, и у Кретцера, Франками Французскими, или по нашему Фрягами, и у Спелмана, Фаріанами Саксонскими. Всѣ сіи имена происходятъ отъ Славенскихъ Варяговъ, тоесть предварителей, но по незнанію писателей языка Словенскаго, привлечены они силою къ разнымъ, по разности языковъ знаменованіямъ, иным же и безчестнымъ. Греческіи на конецъ Варанги, пишемыи Варагги, суть точно наши Варяги: ибо Варяги изъ Россіи въ Грецію зашли, по свидѣтельству [3]) Байерову;

[1] Въ эпистол. къ содружеству въ наблюден. II. страница 11.

[2] По Несторову разумѣнію, Шведскіе предки суть предварившіи Шведы, мѣстомъ и временемъ, другихъ послѣдовавшихъ Шведовъ.

[3] Том. IV. въ разсужден. о Варяг. стран. 304.

а первое объ нихъ упоминовеніе у Кедрина, обрѣтается въ дѣлахъ Кесаря Михаила Пафлагона, по 1034 лѣтѣ Христовомъ. Все сіе хотя и косвенно, однако довольно подтверждаетъ мнѣніе мое, доказанное въ первомъ Разсужденіи, что первенствующій языкъ у Іафетскихъ племенъ былъ Словенскій отъ слова: рѣчь Варяги, есть непреодолѣемо Славенское званіе, знаменующее предварителей.

Толкъ предваренія, подтверждается и такъ называемымъ правомъ Варехъ. Что есть сіе право? «есть «оно, отвѣтствуютъ, опредѣляя [1]) парламентскіи адвокаты, право зависящее отъ властелина, по силѣ «котораго помѣщикъ, какъ на землѣ употребляетъ «въ свою пользу все валяющееся движимое; а чье не«вѣдомо, такъ присвояетъ себѣ и все плавающее по «морю, толькобъ то можно было достать концомъ «копья съ берега: ибо отдаленныя вещи принадле«жатъ королю, по праву кораблекрушенія, когда имъ «не вынщется господинъ.» Ясно, что надобно плывущее достать съ берега шестомъ, то есть предварить тѣмъ оное, и не пустить плыть далѣе. Итакъ, право Варехское, есть именно, и безъ всякаго присиливанія самое право Варягское, или обыкновеннѣе Варяжское по Славенски, произходящее отъ предваренія. Симъ образомъ должно разумѣть, и называемое нами море Варяжское: ибо отъ Восточныхъ его береговъ, къ Полуденнымъ къ Западу, до самыя рѣки Эльбы, обитали люди издревле всеконечно Сла-

[1]) Въ новомъ Дикціонаріи права гражданскаго и Каноническаго, стран. 883. издан. Парижск. 1717 года.

венскаго языка. Утверждаетъ сіе преподобный Несторъ, говоря: «по сему морю сѣдятъ Варязи».

Хотяжъ сіе и всеконечно есть достовѣрно, что Варяги суть предварители другихъ, въ Европейскомъ Востокѣ, Сѣверѣ, Западѣ, и Полудни, тоесть первѣйшіи туда, одни предъ другими слѣдовавшими по временамъ, пришельцы изъ Азіи; однако, особливѣйше называемы были у насъ, въ познѣйшія времена, Варягами или предварителями тѣ, кои обитали по брегамъ Балтическаго моря, и по рѣкамъ въ него впадающимъ, по послѣднему засвидѣтельствованію преподобнаго нашего Исторіографа: «по сему морю сѣдятъ Варязи». И понеже оныи Руссы, отъ которыхъ прибыли великіи Князи въ Россію, были [1]) Варяги; то надобно не обходимо, прибыть имъ въ Новогородскія области отъ береговъ сего моря, и отъ устіи рѣкъ (или и береговъ къ источникамъ ихъ ближайшихъ) впадающихъ въ него.

По брегамъ сего моря западнѣйшимъ нѣсколько, жительствуютъ Датчане и Шведы; а по восточнѣйшимъ и сѣвернѣйшимъ Чудь: ибо преподобный Не-

---

[1] Отъ того, что Шведы, Датчане, и Норвежцы суть Варяги, и что Балтическое море есть, по нашему, Варяжское море, не слѣдуетъ, чтобъ оно заключено было, по Слейдану для другихъ Варяговъ, но свободно оно, по Гроцію, и для всѣхъ подобныхъ, Руссы, которыи призваны на престолъ Новогородскія державы, были безспорно Варяги Слѣдовательно, и они жили также при Балтическомъ морѣ. А сіе море, начавшись съ Ботническаго залива, а окончавшись Зундомъ, имѣетъ Сѣверный и Южный бокъ довольнаго между собою разстоянія.

сторъ возвѣщаетъ, что «и Чудь присѣдятъ къ морю «Варяжскому». Но доказано во второмъ Разсужденіи мною, что Датчане и Шведы суть не Руссы; а Чудь такъ не онижъ, что истинныи Россіане называютъ ихъ себѣ чужими: чужъ, чушъ; и отъ слова чушъ, сходствующаго съ употребляемымъ на хрюкающія животныи, чухною. Слѣдовательно, должно искать сихъ Руссовъ, по брегамъ рѣкъ втекающихъ въ сіе море. Исчислимъ же знатнѣйшія рѣки, идя съ Востока по Югу къ Западу. Первая есть Двина при Ригѣ. Вторая Висла при Гданскѣ. Третія Одра при Франкфуртѣ. Четвертая, Эльба при Гамбургѣ; но сія впала въ Сѣверныи Океанъ, толькожъ не подалеку отъ такъ называемаго Зунда, соединяющаго сей Океанъ съ Балтическимъ моремъ. По всѣмъ симъ рѣкамъ и мѣстамъ полуденнѣйшимъ, отъ шестаго или пятаго вѣка Христова, до третіяго надесять, пребывали народы Славенскаго рода и языка, пока не завладѣли 1226 года, землями сими рыцари Тевтоническаго ордена, называемыи [1]) Крестоносцы.

Приведенъ уже мною, во второмъ разсужденіи Лоранъ Тюркоа [2]) предлагающій изъ Краніія, «что «Славяне въ шестомъ вѣкѣ, въ царство Кесаря Ма«врикія, вошли въ Далматію, въ Иллирію, и въ ближ«нія области, назвавши ихъ Славоніею: а пребывали «они тогда въ Помераніи, въ Россіи, въ Польшѣ, въ «Силезіи, въ Моравіи, и въ Богеміи; словомъ, во всей «нынѣшней поперегъ Нѣмецкой землѣ, отъ Балти-

---

[1] Круцігеры. Crucigeri.

[2] Въ Импер. Французск. гл. 26. стран. 47 — 48.

«скаго моря до Средиземнаго». Чрезъ Средиземное море, должно здѣсь разумѣть Адріатическое, которое есть заливъ изъ онаго Средиземнаго, собственно такъ называемаго. Приведенъ и Целларій [1]), засвидѣтельствующій, «что Славяне изъ Россіи, и отъ «Циммерійскаго Босфора вышедши во время Іустиніановы, сѣли частію между Дравою и Савою рѣками а частію зашли въ Польшу и въ Богемію, да и «положили основаніе тремъ государствамъ, Славенскому, Польскому, и Чешскому». Истинну сихъ двухъ чужестранныхъ писателей утверждаетъ всесовершенно и Степенная наша, при лѣтѣ отъ созданія 6475-мъ, а отъ воплощенія 967-мъ, повѣствуя: «Чудь (чухна) иже бяху сосѣдни Нову граду и «Пскову, Словени, иже бяху Нова града великаго и «Пскова область. Мери же Ростовская земля и Переяславская, иже по Клещину Езеру: Весь же, Бѣлоезерская земля. Къ симъ же Муромъ, Черемиса, «Мордва, Перьмь, Печера, Есмь ([2] Зѣмь), Литва, «Зимгола [3]) (Семгалія) Корсъ [4]) Корѣла, Нерова, Либи (Ливонцы), Козари отъ Скиѳъ, глаголеміи Болгары, иже по Дунаю, Угри бѣліи, Чахи, Ляхи, Лутичи, Мазовшане, Поморяне (Померане), Древляне, «Дреговичи, Полочане, Сѣвера, Кривичи Волынцы, «Двиняне, и иныи многи».

---

[1] Во Всеобщ. Істор. вѣк. VI. стран. 63.

[2] Самбія.

[3] Зимголяне въ чужестранныхъ Латынскихъ писателяхъ называются Леціи, отъ Словенскаго, мнится Ледіи по льдамъ. Сихъ точно мы нынѣ называемъ Латышами.

[4] Или вѣроятнѣе Куронія.

Представлено, что часть Россовъ соединилась съ Болгарами, и переправившись за Дунай съ ними, разоряла Тѳракію; а оставшись въ Иллиріи, всегда и понынѣ называлась и называется Рашами, или правѣе Рассами, по Нѣмецки Рацами. Предложено, что часть Болгаровъ, зашедшихъ къ Сѣверу, и сама соединилась съ Сѣверными Россами: да и построили они совокупно Новгородъ. Возвѣщено, что Россы посылали своихъ преселенцовъ и до Фландріи. Увѣдомлено, что Славяне разсѣвались къ Западу и Сѣверу, хотя и съ всеобщимъ своимъ именемъ Славянъ, однако Поколѣнія ихъ притомъ соблюдали и собственныя своижъ названія; каковы были въ Помераніи Судовиты, Поясáны, и Помѣшаны. Междужъ премногими изъ сихъ, обрѣтались тамъ Славяне и Руссы: свидѣтельствуетъ имя Поруссовъ, именовавшихся отъ того, что они жили по Руссахъ, народахъ Славенскихъ, на средиземнѣйшихъ мѣстахъ къ Полудню и къ Западу. Совокупно сказать: отъ шестаго онаго вѣка; еще и попрежде, до третіяго надесять, во всей такъ называемой Помераніи, пребывали токмо Славяне подъ различными и премногими собственными наименованіями, у Мавроурбина исчисленными. Доказываетъ и языкъ, бывшій тогда тамъ въ употребленіи, предложенный въ примѣръ во всеобщемъ описаніи Прусскія земли, въ третіей главѣ, напечатанномъ въ календарѣ на лѣто 1706 Христово, а засвидѣтельствованномъ Королевскимъ Прусскимъ содружествомъ наукъ. «Богѐйте, Богейте, «Покколесъ» тоесть, какъ тамъ переведено: бегите вы діаволы. Рѣчь Покколесъ, происходитъ отъ Пе-

кола или [1]) Пекла, тоесть Ада. «Ѣли пили душице, ну венъ венъ.» Ѣли, пили. Душеньки, ну вонъ, ну вонъ.

Но въ тѣ времена, обитали съ прочими Славенскими народами въ Помераніи, такъ называемыи и Ругіи, по Нѣмецкому латынскихъ буквъ произношенію, а по Римскому истинному Руджіи, и Ружіи; слѣдовательно, и Рушіи и Руссіи, и потому Руссы. Сіи точно суть Варяги, отъ которыхъ призваны великіи Князи государствовать въ Новогордскую державу, прибывшіи въ Полунощную Россію, 862 году, тоесть, во второи половинѣ девятаго вѣка, по Христовомъ Рождествѣ. Доказывается сіе.

1) Призванныи оныи великіи Князи на престолъ, были отъ Варяговъ Руссовъ по нашимъ лѣтописямъ. Но тѣ Руссы суть Ругіи Померанскіи, произносимыи праведно Рушіи, а всеобщимъ именемъ Славяне: онижъ и Варяги, какъ при Балтическомъ морѣ. Слѣдовательно, Ругіи Померанскіи, суть Варяги Руссы.

2) Призываемы они были изъ за моря, по нашимъ же лѣтописателямъ. Но Варяги Руссы и были подлинно, въ разсужденіи Новогородчанъ, за моремъ. Въ прочемъ, у насъ быть за моремъ, и ѣхать за море, не значитъ преѣзжать чрезъ море, но плыть токмо по морю, кудабъ то нибыло въ отдаленную страну. Ѣхать за море у насъ, есть и сухимъ путемъ

[1] Хотя рѣчь Покколесъ изрядно производится отъ Пекла но еще лучше, мнится, можно производить ея отъ Пахолка, тоесть малчика. Симъ образомъ Пахалокъ, или Пахолки сіи точно будутъ то, что у Латинъ genius, духъ.

ѣхать отъ моря въ другое государство: такъ ѣздимъ мы за море во Францію, въ Італію, и въ Нѣмецкую землю. По сему, могло статься, что Новогородцы, ѣхали просить Великихъ Князей судами по Варяжскому [1]) морю до Помераніи: могложъ статься, что ѣздили они и сухимъ путемъ туда; а однако, просили Великихъ Князей за моремъ къ себѣ, равнымъ

---

1 Часто поминаемое въ семъ Разсужденіи море Варяжское, по нашему безспорно отъ варягъ названное варяжскимъ, для того что по брегамъ сего моря сидѣли Варяги. По нѣмецки оно называется Остъ-Зее, или восточное море: ибо, въ разсужденіи нѣмцовъ, жившихъ весьма западнѣе, есть оно на Востокъ. Но отъ чего называется Балтіческимъ, о томъ не весьма извѣстно. Хрістіанъ функціи утверждаетъ, что авторы, назвавши сіе море первыи Балтіческимъ, суть: Адамъ Бременскій, Гелмолдъ, и Кранціи, и что назвали его симъ именемъ отъ фігуры въ немъ, представляющія округъ перевязи, называемыя по Латінски балтеусъ. У Волатеррана въ кн. 8. географіи, изъ Плінія кн. 4. гл. 13 и кн. 34. гл. 4, называется оно по острову своему, называемому балтія. Но я мню, что оно названо Славянами, сидѣвшими по немъ, Балтіческимъ отъ балда: ибо предревнимъ словенскимъ языкомъ, слово сіе балда значило разливъ фігуры овальныя, каково сіе море и подлинно есть. Слово сіе погибло нынѣ въ семъ знаменованіи. Однако, выше Астрахани есть такой разливъ изъ Волги, называемый балда; да и въ набалдашникѣ нѣкакъ оно соблюлось. Мела именуетъ море сіе Коданскимъ заливомъ. Сіе уже безъ сомнѣнія по Славенски отъ обыкновеннаго плаванія или хожденія по немъ Славянъ, то есть, назвали они его губою ходанскою. Отъ сего вѣроятно, что Гданскъ городъ, какъ стоящій блиско къ сему морю, есть Ходанскъ.

образомъ, и Велики Князи прибыли на престолъ изъ за моряжъ въ Новогородскую область.

3) Призванныи Великіи Князи были во всемъ единообразныи призвавшимъ, по свидѣтельству Мавроурбінову [1]): ибо какъ они были Славяне Руссы, такъ и Новогородскіи Славянежъ Россы: Руссы и Россы по собственному наименованію, а Словяне и Славяне по всеобщему. Да и по разуму, и по нравамъ, и по природному свойству не токмо Новогородскихъ Славенороссовъ, но и всѣхъ въ свѣтѣ народовъ, достовѣрнѣе, или паче не обходимо, чтобъ призваннымъ быть не инороднымъ отъ Славенороссовъ призвавшихъ: каждыи народъ охотнѣе подчиняется подобородному Государю, нежели иноплеменному. Примѣровъ исполнена древняя, средняя, и новая исторія.

4) Были они великаго рода: ибо царскаго сына чада; слѣдовательно, Великіи Князи. Бернардъ [2]) Латомъ, и Фрідерікъ Хемніцій свидѣтельствуютъ, что у Вітіслая (явно Видослава [3]), Вагрскаго Царя, были два сына, изъ которыхъ первыи именемъ Тразікъ (безъ всякаго сомнѣнія Дражикъ отъ драгости), а другіи Годелайбъ (непремѣнно Ходолѣпъ, отъ лѣпыя, или осанистыя походки, по примѣру Боголѣ-

[1] Въ историограф. стран. 81.

[2] Сихъ писателей и ихъ повѣствованія, не утаеваетъ и Байеръ въ разсужденіи своемъ о Варягахъ.

[3] Имя сіе хотя изрядно производится отъ вида; но не безосновательнѣе произведется оно и отъ Вита, то есть привета, Витославъ: глаголъ ВИТАЙ Славенскій, есть здравствуй, или добро пожаловать. Soyés le bien venu, по нашему.

па). У сего Ходолѣпа были три сына, первый Рурікъ; вторый Сенеусъ, или Сенаусъ, или Синавъ; третій Труворъ, или Триворъ, или Триборъ. Сіи суть три брата, Великіи Князи, прибывшіи въ Россію державствовать.

5) Дѣдъ ихъ былъ Вагрскій Царь. Но по свидѣтельству Герберстеініеву [1]) и обрѣтался городъ [2]) Вагрія (сеи или Вахрія отъ вихря, или Вагорія отъ горъ) въ Помераніи между Эльбою и Одрою рѣками, не подалеку отъ нынѣшнія Голстіни; а по Мавроурбину [3]), не подалеку отъ Любека. Изъ того прибыли Великіи оныи Князи въ Новогородскія области. Но съ другія стороны, хотя и вижу въ Сіноисісѣ нашемъ что Святый Великій Князь Владиміръ идетъ отъ кореня Августа Цесаря Римскаго, а по сему и Рурікъ, что впрочемъ не безславно для нашихъ Самодержцевъ, да и я отнюдъ не прекословлю сему утвержденію: однако признаваюсь, что никакою историческою достовѣрностію, по малому моему знанію доказать сего не могу. На противъ того, больше ощущаю вѣроятности, что симъ Августъ, чрезъ Іулія, произшелъ отъ древнія Словенскія крови, для того что отъ Троянъ: ибо довольно есть доказывающихъ основаній, что Троянамъ надлежало быть Словянамъ,

---

1 Дѣян. Московитск. стран. 3. и слѣдующ.

2 Въ Россійскомъ хронографѣ называются Вагричи и Вагуричи, Древлянскіи обыватели города Вагрича; видно, что построеннаго Варягами Руссами, и проименованнаго по отцѣ Вагріи Вагричъ. Но въ Сіноисісѣ онъ Варичъ, безъ (г) огустительныя буквы.

3 Історіограф. стран. 81.

или, по крайней мѣрѣ, говорить предревнимъ Словенскимъ языкомъ.

Итакъ, Великіи наши девятаго вѣка Князи, не были ни отъ Варяговъ Датчанъ ни отъ Варяговъ Шведовъ, ни отъ Варяговъ Норвежцовъ, и ниже отъ Варяговъ Скандінавцовъ, да и не отъ Германцовъ, внѣ Германіи пребывавшихъ; но отъ Варяговъ, и тѣхъ Руссовъ по собственному имени, а по всеобшему отъ Варяговъ Славянъ изъ Помераніи, населяемой тогда народами Славенскаго рода и языка.

Коль ни ясно есть мое доказательство, какъ основанное на нашихъ и чужеродныхъ писателей засвидѣтельствованіяхъ; но нѣкоторыи сопротивляются, и вопіютъ Байеровыми рѣчами, изъ осьмаго тома первыхъ Академическихъ комментаріевъ [1]: «Ругіи не «были Руссы; сего и доказать не можно: имя ихъ «слито съ именемъ Русскимъ отъ единогласнаго въ «обоихъ [2]) звона». Толико то Байеру, съ послѣдователями, милы были Варяги Норвежцы, Шведы и Датчане, чтобъ великимъ нашимъ первоначальнымъ Государямъ, быть отъ Скіолдунговъ, намъ чужихъ, дикихъ, и мало вѣдомыхъ, а не отъ царскаго рода Видославля, единоплеменнаго съ нами по народу, и единоязычнаго по слову! Однако Ругіи были Руссы, такъ какъ Боруссы суть Пруссы; а къ доказанію се-

1 Начал. Россійск. стран. 412.

2 По сему и возражаю, Борусы суть не Пруссы: имя Борусское слито съ Прусскимъ единогласіемъ токмо въ обоихъ звона. Но кто въ семъ мнѣ повѣритъ? Утверждаемое властію сіе моею, а оное Байеровою, безъ доказательства, никакія не имѣетъ важности.

го не токмо есть возможность, но и предовольная способность.

1) Слово Ругій, произносится такъ по Нѣмецкому обыкновенію буквъ Латінскихъ; а по прямому Римскому, есть оно Руджій, какъ то и нынѣ у Италіанцовъ, оножъ и Рюжій, выговариваемый и у нынѣшнихъ Французовъ: произношеніе сіе остатокъ есть отъ древняго Римскаго. Но кто воспротивится, развѣ всемѣрно безграмотный, что Ружій есть, по единству органа, Рушій, и по томужъ Руссій? Правда говорятъ смыслящіи; но въ семъ только единогласіе звона, для того что такъ признано Байеромъ. Посмотримъ, единогласіель тутъ только,

2) Боелюбный Ругъ у Сідонія Аполлінарія въ Панегірікѣ Авіту, не Ружъ ли, не Рушъ ли, и по тому не Русъ ли? Здѣсь хотя и есть же единогласіе звона, но сходствуетъ оно съ точнымъ именемъ народа, воинствовавшаго у [1]) Аттілы. Итакъ, Ругъ сей есть совершенный Русъ, собственно такъ называемый народъ.

3) У лѣточислителя и лѣтописателя Саксона, на

---

[1] Какъ Руги или Руссы собственно, вообще суть Славяне; такъ и Гунны, у коихъ Аттіла былъ царемъ собственножъ, а вообще тѣжъ Славяне: ибо они значатъ людей гоняющихъ отъ *гона* или *гоненія*, гонны. Равнымъ образомъ и Авары прозваны Греками изъ Хабары отъ Хабара, означающаго мужей склонныхъ къ военной корысти. Но Угры проименованы Угрями отъ другихъ Славянъ по стану ихъ тонкому и высокому: Маджарыжъ, или отъ могутства и мочи Мочары, или отъ долгихъ мечей Мечары.

лѣто 959, Елена, Царица Ругіанъ, прибывшая въ Константінополь для крещенія, не Царицаль есть Руссіанъ собственно такъ именуемыхъ и нынѣ? Единогласіель здѣсь токмо звона? Не истинноль она была Великая Княгиня Ольга Россійская?

4) У Іоанна [1]) Перінгскіолда «Одоацеръ родомъ «Ругій, а у иныхъ (по егожъ) Руссъ, или Славянинъ «отъ Славенскаго языка, кой въ то время употребля- «емъ былъ при брегахъ Балтіческаго моря,» по единогласіюль звона изъ Ругія названъ Руссомъ, или Славяниномъ? Что на сіе? Возможноль ужъ что нибудь изобрѣсть пошлое?

Какъ невозможно, говорятъ? Покоіный профессоръ Байеръ самъ сказалъ, а именно: «Перінгскіолдъ «все на все смѣшалъ». Сказалъ онъ, знаю; да не доказалъ. Однако, мы сіе смѣшаніе размѣшиваемъ такъ: Перінгскіолдъ смѣшалъ, но правду съ истинною. Пусть размѣшаетъ сіе кто инако; толькожъ мнится, что потеряетъ, какъ у Латінъ говорятъ, трудъ свой и купленое масло.

Нѣтъ и не будетъ ни малыя помощи отъ Кассіодорова Хроніка, и отъ Прокопіева начала Готѳамъ, гдѣ они предлагаютъ, «что Одоацеръ былъ Сціpскій и «Эрулскій, Скітѳійскихъ народовъ, вождь, а не Руг- «скій, какъ то у всѣхъ (по Целлаpію во всеобщей «исторіи на пятый вѣкъ) онъ именуется: ибо онъ «самъ противъ Руговъ воевалъ». Пускай онъ былъ Сціpскій и Эрулскій вождь, а не Ругскій. Но сіе опровергаетъ ли чемъ, чтобъ Ругянамъ не быть Рус-

[1] При житіи Ѳеодоріка царя, стран. 419.

самъ или Славянамъ отъ Славенскаго языка по Перінгскіолду? Да и Сціры и Эрулы были Славенскаго языка народы. Эрулы отъ Мавроурбіна именуются Верлами; «а имя Верлы, говоритъ онъ, значитъ на «Славенскомъ языкѣ людъ свирѣпый, жестокій и гордый». Славянину Мавроурбіну должно знать свой языкъ. Сціровъ называетъ отъ Венедами, или Вандалами Славянами, жительствовавшими, въ прошедшія давно времена, въ Дакіи. Верловъ производитъ сей Славянинъ отъ свирѣпости; но Сціровъ мы производимъ отъ пространности или широкости.

Какъ Сціры напишутся по Гречески? Не можно инако, какъ токмо чрезъ Сигму и Каппу, Скиры. Сигма и Каппа предъ гласными (е) и (і), какъ выговариваются по Латински у Италіанцовъ? Произносятся онѣ предъ тѣми буквами за нашу литеру (ш). Слѣдовательно, Скиры суть Ширы отъ широкости Славенскимъ знаменованіемъ. Самое имя Одоацеръ, есть искажено незнающими писателями Славенскаго языка. Одоацеръ, есть Одеа-Царь то есть, Одѣя, или Надѣя, или по нашему надежда. Безъ сомнѣнія, обыкновеніе называть государей надеждою, было всеобщее и древнее въ Словенскомъ языкѣ: Россійскій нашъ народъ, и при моей свѣжей памяти, называлъ благоговѣя Самодержца своего, надежда Государь. О! Коль прилично. Нѣтъ у насъ, по всевышнемъ, другія надежды въ благосостояніи нашемъ, кромѣ Самодержцевъ нашихъ.

Не утаеваю отъ искренности, предвоспріятыя мною къ писанію сего; въ Синописѣ нашемъ [1]) точными

[1] Стран. 23. издан. IV-тое.

изображено словами: «пріидоша по прошенію [1]) Рос-«совъ, Князіе Варяжстіи отъ НѢМЕЦЪ, три родніи «братія». Мню, что на семъ утвердился достойно почитаемый пріятель мой [2]), да и опредѣлилъ быть какъ Князя, произшедшаго отъ народа Русь, избраннаго къ правленію Новагорода такъ и Россовъ самихъ Германцами, говоря въ общемъ Академическомъ собраніи: «Чтожъ касается до Россовъ, которыи, какъ «кажется, были народъ Германскій жившій внѣ пре-«дѣловъ Германіи».

Почитаю мужа, и усердствую ему: «[3]) но истинну болѣе почитаю», и дщерію Святаго Святыхъ именую. Авторъ Синопсиса писалъ въ послѣднія времена Государя Царя и Великаго Князя, Алексія Михайловича, а въ началѣ царствованія сына его Государя Царя Ѳеодора Алексіевича. Но въ сіе время во всеи Помераніи жили уже Нѣмецкіи народы, произшедшіи [4]) отъ Рыцарей Тевтонскихъ, оныхъ званныхъ Крестоносцами; да и языкъ Нѣмецкій такъ загладилъ тогда тамъ Славенскую рѣчь, что ни слѣдовъ почитай, по Шетгеніевымъ словамъ, ей не осталось. На-

---

[1] Просившіи сіи Россы, были по сему Россами прежде Князей Варяжскихъ, пришедшихъ къ Россамъ.

[2] Слово о начал. и премѣн. Россійск. закон. стран. 13.

[3] Amicus Plato, amicus Aristoteles; sed veritatem maxime omnium debere esse amicam.

[4] Слово сіе не происходитъ отъ Нѣмецкаго Рейтеръ, но сіе Рейтеръ отъ рыцарь, которое есть древнее Словенское, нѣсколько поврежденное отъ РИСТАРЬ или РЫСТАРЬ, тоесть всадникъ или конникъ, ристающіи или рыщущіи на конѣ.

чало сему съ 1226 года по Христѣ, хотя по Шетгенію и приходитъ съ 950-го съ небольшимъ, когда они завладѣли Прусскими землями. Итакъ, отъ того по 1757 годъ исключительно 530, а отъ сочиненія Синопсиса 80 лѣтъ только. Но Князь оный, произшедшій отъ народа Русь, избранный къ правленію Новаграда, прибылъ въ Новогородскую державу 862 лѣта отъ Христа: по сему, прошло тому бытію по настоящій годъ, 895 лѣтъ, за 364 прежде, нежели еще въ Померанiи, господствовалъ общественнѣе Нѣмецкій языкъ предъ Славенскимъ. И того ради, должно разумѣть слова Синопсисовы не обходимо такъ: «пріидоша отъ Нѣмецъ, то есть изъ тѣхъ «мѣстъ, гдѣ нынѣ, когда я пишу, авторъ Синопсиса, «живутъ Нѣмцы, и гдѣ преждѣ пребывали ВАРЯГИ «РУССЫ, люди Славенскаго рода и языка«.

Сіе такъ изъяснивъ, могу на обратъ сказать, что всѣ тамъ сходственныи законы Нѣмецкіи съ Россійскими данными Великимъ Княземъ Ярославомъ первымъ, основаны на Россійскихъ, а не Россійскіи подражали Германскимъ. Россійскіи законы суть отцы, чтобъ такъ сказать, а Германскіи дѣти. Ругане или Русяне, имѣя царей, не были безъ уставовъ гражданскихъ. Симъ послѣдовали, безъ сомнѣнія, нашедшіи по томъ на тѣ мѣста Германцы.

Здѣсь долженствую прилично истолковать силу слова КОЛБИГА, обрѣтающагося въ одномъ изъ Ярославовыхъ законовъ, положенномъ въ словѣ [1]) о началѣ и премѣнахъ Россійскихъ законовъ. Въ тотъ

[1] Стран. 7

же самый день, въ кой читано было сіе слово въ Академіи, по окончаніи рѣчи и по выѣздѣ изъ Академіи, бывъ я съ прочими всѣми въ другомъ почитаемомъ мѣстѣ, спросилъ читавшаго слово свое члена, достойно почитаемаго пріятеля моего, что онъ разумѣетъ чрезъ слово КОЛБЯГЪ. На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ благосклонно по обыкновенію своему изъясняя то слово, «что можетъ быть должно разумѣть НОРВЯГА, тоесть НОРВЕЖЦА». Видно, что прельщенъ добронравный мужъ утверждающими послѣ Байера, великихъ нашихъ коренныхъ Князей быть отъ Норвежанъ. Услышавъ сей тогда его отвѣтъ, замолчалъ я, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣлаю.

Но вотъ точное знаменованіе сего слова. Колбягъ значитъ Гулбяга, тоесть гуляющаго человѣка, пришельца, и не имѣющаго права въ обществѣ новогородскія державы, Законъ гласитъ: «когда чей ниесть «рабъ уйдетъ къ Варягу или [1]) Колбягу, и прочая». Чрезъ Варяговъ, въ семъ законѣ, разумѣются Варяги Руссы, пришедшіи съ Великимъ Княземъ Рурикомъ, и отъ нихъ родъ свой ведшіи; а чрезъ Колбяга человѣкъ всякій иностранный, или инаго языка, или единоязычный да чужій, и неимѣвшій дома своего

[1] Хотя и вѣроятно разумѣть можно, чрезъ Варяга, въ семъ Ярославовомъ законѣ, пѣшаго воина, а чрезъ Колбяга коннаго, для того что по Малороссійски сѣдло называетси КУЛЬБАКА; однако всякъ, мню, чувствуетъ, что произведеніе сіе весьма отдаленное, а положенное мною въ повѣствованіи вдругъ прекланяетъ къ себѣ внутреннею своею истинною.

въ Новѣ городѣ, но токмо на время въ немъ пребывавшій.

Изъ Колбяга, принужденная неволею перемѣна въ Норвяга, какъ всякому ясно: а въ Гулбяга перемѣняя слово, не дѣлаетъ всякъ нималаго насилія рѣчи: буква (К) часто у насъ за (Г) выговаривается, а иногда, и пишется. Такъ слово КАРІЙ, есть вмѣсто ГАРІЙ, какъ нѣсколько огорѣлый, или цвѣта ГАРЯГО. Такъ и въ Посланіяхъ [1]) Павла Апостола: «ни единаго отъ «васъ крестихъ, точію Крісна и Гаія», но въ Латинскомъ стоитъ Каія, а имя сіе и есть Латинское. Гласнаяжъ (О) за (У), и на обратъ, такъ безразборно полагается, и произносится въ Славянскомъ языкѣ, что излишно будетъ привесть и одинъ токмо тому примѣръ: однако, свидѣтельствуетъ о семъ преславное имя Россъ и Руссъ.

Какъ Сѣверныи Россы, полуденныи Россаланы, Мезійскіи, тоесть Мужійскіи (ибо Мезія есть Мужія по Славенски) Болгары, такъ и Варяги Руссы Поморскіи, имѣли у себя издревле царей. Слово сіе изъявляетъ достоинство верьховнѣйшаго величествія, и есть равно Греческому Василевсъ, Латынскому Імператоръ въ нынѣшнемъ Августѣйшемъ знаменованіи, съ Монархическихъ временъ въ Римѣ, а не Греческому Анаксъ и Эссинъ, Латынскому Рексъ, Славянскому Краль, Караль, Кроль, и Король.

Доказываю, что слово Царь есть равно Греческому Василевсъ. Куропалатъ [2]) повѣствуетъ, что когда

---

[1] І. Коринѳ. гл. І. ст. 14.

[2] У Кедрина стран. 712.

Василія Багрянороднаго, Грекоримскаго Кесаря, ѣздившаго въ полкахъ на конѣ, во время войны съ Іоанномъ Болгарскимъ, познали подзорщики; то сіи устремительно въ войско свое прибѣжавши, кричали громко: «Безите, Царъ»; тоесть, бѣжите, самъ Царь въ воинствѣ своемъ присутствуетъ. Но Царь оный былъ Василій Багрянородный, Василевсъ Константинопольскій. Слѣдовательно, Славенское имя Царь, есть тогожъ самаго величества съ Василевсъ Греческимъ. Сверьхъ того, мы и по нынѣ Кесарство, или Василевствованіе Грекоримское, называемъ царствованіемъ, а Кесарей или Василевсовъ царями. Въ Синопсисѣ чтется: «егда убо пріидоша къ Владимиру «послы отъ царей Греческихъ Василія и Константи«на». Чтожъ до слова Императоръ, въ знаменованіи монархическихъ Римскихъ временъ; то всякому извѣстно, что оно единыя есть силы съ Василевсомъ. Такъ и у насъ во многихъ мѣстахъ церковныхъ книгъ обрѣтается: Царь Декій, Царь Деоклитіанъ Царь Траянъ, кои были Императорами въ Римѣ. Итакъ, по Философамъ, тоесть по разуму; [1]) «когда «двѣ вещи сходствуютъ съ одною третіею; то всѣ тѣ «три между собою суть сходны».

Покойный Байеръ [2]) производитъ имя Царя, отъ Персідскаго Чегаръ, значащаго престолъ. Изрядно толькожъ отдаленно. Знаменованія сему имени, должно искать въ природномъ Славенскомъ языкѣ. Да и есть оно ЗАРЬ, отъ зари, свѣта, сіянія, и блиста-

---

[1] Quae sunt ladem uni tercio, sunt eadem inter se.

[2] Том. VIII. начал. Россійск. стран. 417.

нія. Какъ греческій Василевсъ по словамъ толкуется твердынею или опорою народа, а Латінскій Императоръ [1]) повелителемъ; такъ славенскій Царь есть свѣтозарность. Но и какъ латінскій Рексъ, по словамъ же есть [2]) правитель, а греческій Анаксъ возводитель или возставитель, или попечитель. Эссипъ же утвердитель или установитель; такъ и Славенскій Краль, караль кроль, и король, токмо есть наказатель отъ каранія. Зарінея, бывшая Царицею у Тѳракіанъ или у Саковъ, упоминаемая Николаемъ Дамаскинымъ [3]) въ выпискахъ Константіна Багрянороднаго, не мню, чтобъ такъ именовалась собственнымъ именемъ: имя сіе кажется быть нарицательное, Царинея, то есть, Царица. Авторы употребляютъ иногда нарицательныя имена, по незнанію, за собственныя. Такъ у Квінта Курція [4]), братъ Скітѳійскаго Царя, собственнымъ именемъ названъ Картасісъ. Но Кардашъ по Турецки есть нарицательное имя, означающее по нашему точно брата.

За всемъ симъ, изъяснено, мню, довольно и порядочно, что Варяги Руссы суть Славенскаго званія и рода. Осталось токмо къ доказанію, что языкъ ихъ былъ, языкъ Славенскій. Сей есть послѣдній раздѣлъ моего предложенія, въ началѣ положеннаго. Но раздѣлъ сей такъ самъ собою проистекаетъ изъ прошедшихъ двухъ, въ семъ разсужденіи доказанныхъ,

---

[1] Отъ ἐιρεγο повелѣваю

[2] Отъ rego правлю.

[3] Стран. 437.

[4] Кн. VII. гл. 7.

что почитай не требуетъ онъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Однако, чтобъ обѣщанное исполнить нѣсколько совершеннѣе, доказываю теперь и сіе послѣднее.

Новогородскіи Славенороссы, говорили всегда, и въ то время, какъ они призвали Великихъ Князеи къ себѣ на престолъ, по совѣту Гостомыслову, Славенскимъ языкомъ: одно сіе имя Гостомысла доказываетъ непреоборимо, что оно сущее Славенское. Но по приведенному выше недавно Мавроурбіну, призванныи на престолъ Великіи Князи, были во всемъ единообразныи тому народу, къ которому прибыли они державствовать. По сему имѣли они и языкъ одинъ и тотъ же; то есть Славенскіи, который былъ въ употребленіи у Новогородцовъ. Перінгскіолдовъ оныи «Одоакаръ, родомъ Ругіи, а у иныхъ Руссъ «или Славянинъ, отъ славенскаго языка, коі въ то «время употребляемъ былъ при брегахъ Балтіческа«го моря» не всеконечноль доказываетъ, утверждаетъ, и какъ пригвождаетъ непремѣнную истинну, что Варяги Ругіи, то есть Руссы, отъ которыхъ призваны государи наши оныи на Россіискіи престолъ, говорили не инымъ, но токмо Славенскимъ языкомъ? Не довольноль сего? Что болѣе можетъ потребовано быть къ сему? По истиннѣ довольно и въ преизбытокъ. Синопсісъ нашъ точными словами предлагаетъ: «Варяги надъ моремъ Балтіискимъ, еже отъ многихъ «нарицается Варяжское, селенія своя имуще, языка «Словенска бяху.»

Да и не общій ли человѣческіи разумъ предъизъявляетъ сію истинну достовѣрною истинною? Еже-

либъ прибывшіи Великіи Князи на престолъ, были или Датскаго или Шведскаго, или Нѣмецкаго языка то какъ бы они могли повелѣвать подданнымъ, незнающимъ ихъ языка? И какъ бы подданныи возмогли повелѣнное, исполнять, когдабъ не разумѣли того слова, которымъ повелѣваетъ государь! Съ обѣихъ бы сторонъ была съ начала, хотябъ и переводчиковъ сюда ввесть, превеликая неудобность: медлѣніе, скука, и досада. Съ другія стороны, какъ господствующій языкъ Государя, вельможей его, воинства, придворныхъ, и его присныхъ и искреннихъ, еслибъ онъ былъ разныій отъ Славенскаго, не превозмогъ и не истребилъ Славенскаго, въ Новогородской державѣ употребляемаго? Едва вошли Сѣверныи народы въ Італію, какъ и началъ латінскій языкъ быть повреждаемъ. Франки, завладѣвши Галлами, тотчасъ Римскій у нихъ языкъ, вѣроятно въ употребленіи бывшій съ Римскихъ временъ, испортили, и произвели Французскій: тожъ здѣлали Аѳріканскіи Мавры [1]) въ Гіспаніи: подобнымъ же нѣсколько образомъ приключилось и въ Константінополѣ отъ Турокъ съ Греческимъ: тожъ нынѣ страждетъ и нашъ Славенороссійскій, принявшій въ себя слова чужеродныя западныя, отъ единаго токмо тѣснѣйшаго сообщенія съ западными народами. Однако, нашъ никогда во всеконечное поврежденіе упасть не возможетъ: твердо и во вѣки его содержитъ, хранитъ, и спасаетъ отъ проказы Славенскій книжный.

Но по прибытіи тогда Великихъ Князей въ Ново-

1 Мурины.

городскую область, здѣлалось все противное сказанному теперь. Славенскій Новогородскій языкъ, не токмо не палъ, да еще и не повредился ни мало отъ чужаго княжескаго, буде сей былъ иный языкъ. Что я говорю, не повредился? Преодолѣлъ онъ всеконечно внесенный языкъ Государемъ, естьли былъ у него разный отъ Новогородскаго; такъ что и имена были налагаемы отъ Великихъ Князей Чадамъ ихъ, раждающимся въ Россіи, Славенскія, и законы полагаемы Славенскимъ языкомъ. По сему, нѣтъ ни малаго сомнѣнія, и быть не повелѣваетъ разумъ отнюдь, чтобъ великокняжескій языкъ не былъ всеконечно подобный Славенскому, въ Новогородскихъ предѣлахъ тогда употребляемому.

Не имена чадъ ихъ токмо, родившихся въ Россіи, суть имена Славенскія; сами они Государи прибыли въ Россію съ такимижъ Славенскими именами. Рурікъ есть Ругрікъ, то есть, мужъ Ругскія (Русскія) рѣчи: Рурикомъ произносится, безъ гортаннаго огущенія буквою (г), для легости [1]) произношенія. Триворъ и Триборъ, есть стиратель воровъ, или трехъ поборающій. Сінавъ, есть Сынъ Навъ, то есть, сынъ новый: а буде онъ Сенеусъ или Сенаусъ; то значитъ Сановный усъ, или ценавса, тоесть ценовитаго отъ Цѣны. Пишется сіе имя индѣ и Синеусъ; слово само по себѣ ясное, отъ Синеты и уса, по примѣру бѣлоуса и черноуса. Прочъ же вы отъ насъ въ Байерѣ [2])

[1] Такъ Сапфа, Сафа; такъ и Георгій у насъ Юрій; и также Іоаннъ есть Іванъ: такъ наконецъ и городъ Вагричъ въ Хронографѣ, есть Варичъ въ Сінопсісѣ.

[2] Том. IV. разсужден. о Варяг. стран. 282—283.

Шведскіи Норвежскіи, и Датскіи Рорикъ, Рорекъ, Грорекуръ, Рорикръ, Ругерикъ, Рогерикъ; прочъ Тревуръ, Трубаръ, Тровуръ, Ивер-Труере; прочъ и ты Сніо: Великій Князь, прибывшій въ Россію, есть Ругрикъ, произносимый способнѣе, и по тому пишемый Рурикъ. Такимъ образомъ и оба его брата имѣли имена свои точно Славенскія.

Чтожъ [1]) Игорь? Игриваго знаменуетъ. А буде онъ, пишемый Иггоръ по Гречески, произносится Ингоръ; то значитъ мужа родившагося на иной горѣ, тоесть въ Сѣверной Россіи, а не въ Варяжской Руссіи. Не пріемлю я Байеровыхъ Ингвара, Ивара, Ингвера, и Ифуара: странны они намъ, или повреждены чужими писателями, не умѣвшими по Славенски. Синеуса не нашелъ Байеръ въ сѣверныхъ писателяхъ: тоесть, не нашелъ онъ поврежденнаго (а несходственнаго) сего имени ими. Въ семъ своемъ несчастіи самъ онъ признается въ разсужденіи о Варягахъ. Толико то Ценавсъ есть дорогъ, что чужимъ и примѣниться къ нему было трудно, не то что купить для себя!

Свѣтославъ, хотя есть Свѣтославъ, хотя и Свято-

---

[1] Во время договора съ Греками, бывшаго въ 945 годѣ, упоминается въ кровныхъ ему нѣкто Улебъ именемъ. Авторъ родословныя росписи, коя въ первой ежемѣсячной книжкѣ, утверждаетъ что то Хлѣбъ. Но Хлѣбъ есть Глѣбъ; а Улебъ точно долженствуетъ быть Улыбъ, тоесть улыбающійся, ибо какъ буква (у) никогда не измѣняется въ (г), такъ буква (е) часто въ (ы), на примѣръ вмѣсто камешки говорится камышки.

славъ; но безспорно оба сіи имена суть ясно Славенскія. Байеръ говоритъ, что онъ не Святославъ: идо-«лопоклонному, по его, народу, сколько было вѣдомо «имя святости, того не видно». Такъ онъ есть, говорю я, Свѣтославъ отъ свѣтлыя славы. Да и чегожъ бы ради не можно ему было быть и Святославомъ, хотя еще и язычнику? Святость происходитъ, по философскому умствованію, изъ сочетанія сихъ трехъ именъ, тоесть, благосердія, правдивости, и правды. Но не признавалиль, и не моглиль признавать и язычники добродѣтелями благосердія, правдивости, и правды?

Какъ бы то ни была сущая правда; толькожъ онъ и въ такомъ случаѣ, по Байеру, не Святославъ, но какъ Константінъ Багрянородный, Кедринъ, Зонаръ, и Іоаннъ Куропалатъ называютъ, Свендославъ; имя сложенное, по его, отъ Нормандскаго начала Свенъ, и отъ Славенскаго конца, слава. Что вамъ тутъ дѣлать, читатели? «Допущенный смотрѣть сію живопи-«сную картину, составленную толь нелѣпо, какъ то «писалъ Горацій къ Римлянамъ Пізонамъ [1]), може-«тель вы удержаться отъ смѣха»? Но по неволѣ онъ сіе дѣлаетъ: не хотѣлъ бы всѣмъ сердцемъ, чтобъ тутъ Славенская находилась слава: желалъ бы лучше, чтобъ имени сему быть всему чужеродному, а именно, Свеноттономъ, Свендеболдомъ, Свендебордомъ, Свинделдомъ, Свенделдомъ, красивѣежъ всѣхъ Свенебилдиномъ. Однако, Свѣтославъ или Святославъ, хотя и былъ бы Свендославомъ, но былъ бы и въ

[1] Эпістол. о стіхотворен. ст. 5.

семъ случаѣ Святославомъ: имя сіе былобъ сложено и тогда обѣими частями Славенскими токмо, безъ примѣса Свена Нормандскаго: ибо по Славенопольски святый есть Свѣнты; а съ Нормандскимъ Свеномъ надлежалобъ ему быть Свеносла̀вомъ, не Свендославомъ.

Мнитъ Байеръ, что и Владимиръ тоесть, мужъ владѣющій миромъ, есть имя поврежденное отъ Славянъ своимъ знаменованіемъ. Владимиру, какъ Датчанину, по его, или Шведу, должно было именоваться Валдемаромъ, или Валтмаромъ, да и значить, не, по Шотгеліеву, начальника лѣса, но, по Паузеніеву, полеваго коня. Сколькожъ тутъ и толкованія, сколько и приводовъ, что валъ въ тѣ времена не значилъ лѣса, но поле! Ни Всеволодъ у него, есть мужъ всѣмъ владѣющій; но Визаваллдуръ, не знаю что значащій: ибо Снорро Стурлоновъ сынъ такъ сіе имя написалъ. Написалъ? Но еще и страннымъ образомъ исказилъ, я утверждаю. Олегъ, есть не отъ облеженія, тоесть осажденія, и ни отъ древа можетъ быть Ольхи; но не вѣдаю отъ какова Скандинавскаго знаменованія, Алакъ. Да сей Алакъ, говорю я, и есть испорченный чужестранными людьми отъ Олегъ. Осколдъ и Диръ, Кіевскіи Князи, хотя Кіевыми потомками были, что способно доказать, хотя и Варягами Руссами, прибывшими съ Рурикомъ; только имена ихъ суть знаменованія Славенскаго точно.

Осколдъ, есть Осголдъ. Слово Голдъ [1]), по Славенопольски значитъ подчиненіе, и дани наложеніе.

---

[1] Сокровищ. Полоно-Латино-Греческ. Іезуита Кнапія.

По сему, Осголдъ есть мужъ, вкругъ совокупно подчиняющій, или вкругъ совокупно дань налагающій. Предлогъ (о) или (объ) значитъ вкругъ, а предлогъ (съ) или (со), знаменуетъ рѣчь, совокупно. Свойство сіе Славенскаго есть языка въ сложныхъ реченіяхъ. Такъ, омыть, значитъ кругомъ вымыть. Объидите людіе Сіонъ, знаменуетъ, идите людіе вкругъ Сіона. Такъ, сложить, есть совокупно складывать. И совмѣстить, есть совокупножъ въ одномъ пространствѣ умѣщать. Но вотъ и изъ обоихъ тѣхъ предлоговъ; непосредственныхъ между собою, сложенныя рѣчи: Осметъ, есть вкругъ совокупный бросъ. Основа, есть вкругъ же совокупная новина. Но у Байера Осколдъ, тоесть, Осголдъ, есть Оскаелъ, Аскелъ, Ашкеллъ, и Асгардъ: знаменованіе и правопись именъ сихъ Норвежскіель, не извѣстно.

Дирова имени онъ не знаетъ: стоитъ надъ нимъ и не доумѣвается; говорю его рѣчами. Однако, есть у Верелія, по его, въ Руническихъ женскихъ именахъ Дирва. Не ужель, вопрошаю, Кіевскій Князь Диръ, есть Руническими [1]) надписями жена? Нѣтъ, не женскаго рода, хотя нашлось и нарочитое тутъ сходство, отвѣчаетъ Байеръ: онъ долженствуетъ быть Діаръ и Дроттнаръ по Снорроновымъ словамъ, а слова сіи

---

[1] Слово РУНА, значитъ древнюю могильную сѣверныхъ людей надпись; и мнится, что происходитъ отъ предревнія Славенскія рѣчи РЫНА, тоесть рытое нѣчто или яма: а можетъ быть значитъ и бугоръ могильный отъ глагола взрынуться, тоесть подвыситься, букважъ (у) за (ы) по Готѳически и въ СУНЪ за СЫНЪ.

значатъ начальствующихъ людей; толькожъ, прибавляетъ, Діаръ есть точно Турецкое слово въ семъ знаменованіи. Вижу, что по Байеру лучше быть Диру Турчиномъ отъ Козаровъ, по его, когда уже онъ не Норвежецъ, а толькобъ не былъ Славянинъ. Но Диръ имя есть точно Славенское: оно есть Тыръ, значащій по Славенски воина. Отъ сего и понынѣ именуется у насъ многоможный воинъ, богатырь, равно какъ богато, или достаточно могущій воинъ. По сему, весьма вѣроятно есть, что Осколдъ былъ Князь Кіевскій, а Диръ его военачальникъ.

Рогволодъ Псковскій Князь, и дщерь его Рогнеда, называются въ томъ же Байеровомъ разсужденіи о Варягахъ, тотъ Рагнвалдъ, и Рагвалдъ, и Роегвалдъ, и Раугнвалдуръ; а сія Ротвитга, и Рагнгилда, и Рагнилта: оба дико, странно, и слуху нашему противно. Я утверждаю, что сіи имена суть Славенскія. Перваго имени отецъ, есть по знаменованію Рогомъ владѣющій, тоесть, высотою и твердостію: а другаго Княжна, есть дѣвица Рога недающая, тоесть, высоты и твердости неуступающая. Скажется: сіе свойство есть языка Еврейскаго, а не Славенскаго. Такъ у Евреевъ [1]) Рогъ спасенія моего; такъ [2]), и вознесется рогъ праведнаго. Но да припамятуется приведенный въ первомъ Разсужденіи Гербиній [3]), который нашелъ нѣкоторое согласіе у Словенскаго языка съ Еврейскимъ. Сія Рогнеда именуется въ Синоп-

---

[1] Псалом. 17. ст. 3.

[2] Псалом. 74. ст. 11.

[3] О пещерах. Кіевск. гл. 15.

сисѣ и Рохмида. Вѣроятно, что названа она такъ Княземъ Владимиромъ, послѣ какъ онъ взялъ ту, по неволѣ ея, себѣ въ жену такъ что, изъ неуступающія спервa высоты, стала: Рогъ-ми-да, тоесть, высоту мнѣ дарующая, или даровала.

Правда, у Игоря Великаго Князя были въ воинствѣ Варяги, когда Олегъ, именемъ его, ходилъ подъ Константинополь. Посланныи въ градъ послы отъ него, называются и въ нашихъ лѣтописяхъ сими слѣдующими именами. Карла, Інгелдъ, Фарлофа, Рулавъ, Лиду, Карнъ, Ріаръ, Труанъ, Руалдъ, Флелавъ, Фостъ. Читая сіи имена, ощущаютъ въ себѣ не малую радость послѣдователи Байеровы. Какъ сіи, имена, говорятъ; не Шведскія, не Норвежскія, не Скандинавскія, и не Датскія, или и не Нѣмецкія? въ вашихъ собственныхъ лѣтописяхъ симъ образомъ они написаны; а правопись сія всеконечно уже не Славенская по выговору изображенному именами.

Да торжествуютъ сіи, когда имъ такъ угодно: однако мы ихъ торжество не признаваемъ вещественнымъ, но токмо тѣнію торжества. Мы называемъ Варягами не однихъ Варяговъ Руссовъ, отъ которыхъ прибыли къ намъ государи наши: Варяги также суть и Датчане, и Шведы, и Норвежцы, и Скандинавцы. Но не отъ сихъ были Великіи наши Князи, какъ доказано. Не разглашаемся и въ семъ, что чужеродныи сіи Варяги служили у нашихъ Великихъ Князей, равно какъ и при Константинопольскомъ дворѣ. Того ради, хотя и попустится, что послы оныи были изъ чужеродныхъ Варяговъ; однако не возможетъ слѣдовать изъ того, чтобъ Великимъ нашимъ Кня-

зямъ быть или Датчанамъ, или Шведамъ, или Скандинавцамъ, и еще отъ Скіолдунговъ невѣдомо какихъ, а не отъ крови Царя Видослава Ругскаго, тоесть Русскаго.

Но не тщетноель будетъ сіе торжествованіе, когда мы выведемъ, что и тѣ всѣ посольскія имена, суть точно Славенскія, и что, по сему, всѣ оныи послы были Варяги Руссы, а по дѣламъ и языку Славяне. Карла, есть Гарло, тоесть Горло. Ингелдъ, есть Инкелтъ, значащій Иносума: ибо Келата, Калета, и Калита есть сума (и чрево) древнимъ Славенскимъ языкомъ; а въ семъ знаменованіи слово сіе и до днесь въ обѣтшаломъ употребленіи у Россіанъ. Имѣлъ сіе прозваніе себѣ и единъ изъ великихъ Князей Московскихъ. Фарлофа, есть Варлова, значащій Воровъ ловца. Рулавъ, есть Рылавъ, тоесть, человѣкъ великихъ устъ и устенъ. Лиду, есть Литуй или Людуй, тоесть милосердый и человѣколюбивый. Карнъ, или есть Карнатель, отъ глагола, едва употребительнаго нынѣ, Карнать, тоесть, ссѣкать, или Гарнъ, нынѣ Горнъ. Ріяръ, есть Рыяръ, тоесть Копатель. Труанъ, есть Трыянъ стирающій, отъ тренія и тертія. Руалдъ, есть Ругалдъ: ругатель, насмѣшникъ; или Рыгалдъ, тоесть рыгающій и рычащій. Флелавъ, есть Валелавъ: валяющій лавы, тоесть множество людей. Фостъ наконецъ, есть вошть, тоесть вождь.

Не спорю, что имена сіи въ собственныхъ нашихъ лѣтописяхъ чтутся онымъ страннымъ образомъ: вошли они въ наши лѣтописи изъ чужихъ книгъ. Извѣстно, что и самый первый нашъ лѣтописатель и Исторіографъ былъ въ одинатцатомъ вѣкѣ, почи-

тай съ двѣсти лѣтъ, безъ мала, послѣ сего бытія. Другіи лѣтописатели первому такъ послѣдовали, что каждый списывалъ съ предварившаго, и прибавлялъ приключенія древностей, казавшіяся ему опущенными въ первыхъ, а почерпаемыя имъ по большой части изъ чужихъ писателей, или слышанныя отъ чужестранныхъ же, или отъ своихъ, но не современныхъ. Дивноль по сему, что Славенскія имена, написанныя прежде развращенно [1]) чужестранными, вошли и въ наши нѣкоторыя лѣтописи развращенножъ.

Есть вещественнѣе сея трудность, къ разрѣшенію и въ сопротивленіе предлагаемая. Мы доказывали по сіе мѣсто, и мнимъ, доказали, что Россы; есть названіе собственное, одному изъ Славенскихъ, по всеобщему наименованію, народовъ; и что языкъ Росскій, какъ былъ издревле единъ и тотъ же съ Словенскимъ, а съ пятаго или еще и съ четвертаго вѣка съ Славенскимъ: да и правда сія есть самая истинная. Но Константинъ Багрянородный [2]), описывая путь и походъ, кой Россы Кіевскіи предвоспріимали на Константинополь обыкновенно, упоминаетъ совокупно и о порогахъ Днѣпровскихъ, и предлагаетъ различныя ихъ имена Россійскія и славенскія; а сіе и доказываетъ, какъ говорятъ, что Россійскій языкъ былъ тогда всеконечно разный отъ Славенскаго, и что

[1] Примѣръ сему древніи Греки, развращавшіи часто чужія слова, и привлекавшіи оныя къ сходству своего выговора.

[2] О правлен. Импер. гл. 9.

Россы суть или Датчане, или Шведы, или Норвежцы, или наконецъ Нѣмцы, а потому и Варяги Руссы. Трудность, которая буде не разрѣшится; то все наше основаніе, коль ни твердое, въ щебень сокрушиться можетъ. Константинъ Багрянородный былъ сынъ Льва премудраго; а царствовалъ въ десятомъ вѣкѣ. Оглавляетъ онъ именами пороги, начавъ съ перваго въ верьху, и идя въ низъ по рѣкѣ. Мы здѣсь слѣдуемъ Кесареву порядку.

Первый порогъ по Россійски и по Славенски называется у него: Эссупи. Сіе слово Кесарь самъ толкуетъ по Гречески, ми Кимасе, не спать. Итакъ, Анселмъ Бандурій Рагузинецъ, Славенскаго народа честь, мнитъ праведно, что должно читать въ Багрянородномъ, Нессупи, вмѣсто Эссупи. Говоритъ онъ что у Рагузянъ Несупи, значитъ не спать: толкованіе согласное съ толкованіемъ Багрянороднаго. Сіе самое слово по Чешски, не супей, по Польски нѣспи, по Сербски не спай, а по нашему не спи. Должно примѣчать, что порогъ сей называется однимъ именемъ и по Россійски, и по Славенски.

Вторый порогъ по Россійски есть Улворси, а по Славенски Островунипрахъ. Сіе послѣднее слово Багрянородный толкуетъ по гречески говоря: то нисіонъ ту Фрагму́, то есть островъ порога. Бандурій читаетъ: островыни прагъ, да и говоритъ, что по Рагузински значитъ, острыя выи (шеи) прагъ. Надлежитъ знать, что порогъ слово наше есть просторѣчное, а чистое Славенское прагъ. Сіе я изъяснялъ покойному Байеру въ 1732-мъ годѣ; за что онъ меня и называетъ (въ одномъ изъ своихъ сочиненій,

именуемомъ Географія Россійская и ближнихъ странъ, положенномъ въ девятомъ томѣ, первыхъ Академическихъ комментаріевъ, на страницѣ 394) другомъ Астраханцомъ, еще и весьма знающимъ по Славенски. Благодарю чистосердно духу успшаго ученаго мужа; однако признаваюсь самъ, что искусство мое въ Славенскомъ языкѣ, есть токмо нѣкоторое, и почитай меньше посредственнаго, такъ что я отнюдъ незнающъ ВЕСЬМА по Славенски. Но при томъ, я ему тогда толковалъ, островунипрахъ Багрянороднаго, не токмо островнымъ прагомъ по Кесареву, но и островыйнымъ по Бандуріеву; однакожъ, покойный мужъ предпочелъ толкованіе Кесарево, и утвердился, что сей порогъ, есть островный по Славенски.

Третій порогъ есть Геландрі́. Кесарь толкуетъ, говоря: Ихосъ Фрагму́, то есть, гласъ или шумъ порога. Нѣкто изъ Шетгеніевыхъ друговъ, удостовѣрилъ его, что у Богемцовъ слово сіе значитъ, крикъ ярящихся людей, или бѣшеныхъ. И сей также порогъ какъ по Россійски, такъ и по Славенски однимъ есть именемъ: ибо Кесарь при другихъ двоякое полагаетъ имя.

Четвертый порогъ, есть по Россійски Аіфаръ, а по Славенски Неясыть. Слово Неясыть есть Словенское, и значитъ Пелікана: ибо гдѣ у насъ переведено [1]): «уподобихся Неясыти пустыннѣй», тамъ погречески стоитъ, «Оомиоо́ѳинъ Пелека́ні Эримікóо».

Пятый порогъ, по Россійски Варуфоросъ, а по

---

[1] Псалом. 101. ст. 7.

Славенски, [1]) Вулні прахъ. Шетгеній удостовѣряетъ, что Вольны по Чешски значитъ свободнаго. Изъяснялъ я покойному Байеру, что Вулнѝпрахъ можетъ толковаться и вольнымъ порогомъ и волненнымъ.

Шестый порогъ, по Россійски Леанті, а по Славенски Веручи. Багрянородный толкуетъ: Врàсма Неру, то есть, кипѣніе теченія, или водоворотъ.

Седмый, на конецъ, порогъ именуется по Россійски Струвунъ, а по Славенски Напрези. Кесарь прибавляетъ, что сей есть Мікрóсъ Фрагмóсъ, тоесть, малый порогъ. Нѣтъ сомнѣнія, что слово напрези, есть повелительнаго наклоненія, напрязи, значащее по Славенороссійски напряги или натяни.

Итакъ, вторый, четвертый, пятый, шестый, и седмый порогъ, имѣютъ двойныя имена, Россійскія и Славенскія. Покойный Байеръ говоритъ [2]): «удивительно, что никто Россійскихъ рѣчей истолковать не можетъ: толико то оныя ничего Славенска«го изглашенія въ себѣ не содержатъ, и такъ, что «ни по самой малой части подобящагося знаменова«нія»! Слѣдовательно, по его, Россійскій языкъ есть «разный [3]) отъ Славенскаго, и Россіане суть иный

---

[1] Дивно, что въ семъ порогѣ Славенскому имени нѣтъ Кесарева по Гречески толкованія: сіе или отъ забвенія его здѣлалось, или Кописты пропустили сперва, а такъ потомъ и вошло въ печать.

[2] Том. IX. Географ. Россійск. и ближн. стран. страниц. 395.

[3] Андрей Лызловъ Історикъ Россійскій, Історіи Скіѳійскія въ части IV. въ главѣ 3, предлагаетъ какъ число

народъ отъ Славянъ: ибо Россіане у него суть Датчане, Шведы, Норвежцы, и Скандинавцы, всѣжъ люди благородныи, а мы Славяне только.

Но о! безсмертныій духъ, мертваго нынѣ тѣла Байерова: ты тогда не спрашивалъ у меня толкованія Россійскимъ рѣчамъ, да только однимъ Славенскимъ; а Діссертаціи твоея мнѣ не казалъ: отъ чего я и не зналъ, куда клонилось твое намѣреніе, вопросами о Славенскихъ именахъ порогамъ, нервократно тогда отъ меня услышаннымъ. Того ради, теперь я здѣсь, для другихъ уже, изъясню, что и Россійскія реченія при Славенскихъ именахъ, суть точножъ Славенскія, еще и единаго знаменованія.

Вторый порогъ по Россійски названъ Улворси. Итакъ, ежели онъ по Славенски Островный прагъ;

порогамъ Днѣпровскимъ, такъ и имена имъ нынѣшнія иныя, нежели кои у Багрянороднаго. I у него порогъ есть именемъ Кадакъ, по городу стоящему тамъ Кадаку. II. Сурскій, по рѣкѣ Сурѣ. III. Лиханый, по древнему названію. IV. Звонецъ, по великому шуму воды. V. Стрѣльчій, по метанію судна какъ стрѣлы изъ лука. VI. Княгининъ, по утопшей на немъ нѣкой Княгинѣ. VII. Ненасытецъ, отъ того что не можетъ насытиться ламаніемъ струговъ. VIII. Вороновъ заборъ. IX. Волнякъ. X. Будило, отъ того что на немъ спящій козакъ пробудился. XI. Таваляный отъ того, что противъ его по берегамъ растетъ Тавалга. XII. Лычный. XIII. Вольный. Но мнѣ до сихъ нынѣшнихъ именъ, безспорно Россійскихъ, нѣтъ дѣла: я только долженъ изъяснить Багрянороднаго Россійскія имена порогамъ, и утвердить, что они Славенскіяжъ; а по тому и заключить, что Россійскій языкъ одинъ и тотъ же съ Славенскимъ.

то Россійское слово, сирѣчь Славенскоежъ, разнящееся токмо діалектомъ, а не знаменованіемъ, будетъ или Пулъ-во-рци (полъ въ рѣцѣ) или Гулъ (отъ гулянія) во рци. Но ежели онъ островыйный прагъ; то будетъ или Кулъ (колъ) борзый, или Юлъ борзый, тоесть, вертящаяся кругомъ и бьющая вверьхъ вода быстро: юла извѣстное всѣмъ намъ орудійце, для игранія употребляемое, четверогранное, съ пяткою на низу, а въ верьху имѣющее спичку; извѣстна и обыкновенная рѣчь, онъ какъ юла вертится. Не знаю, кто при Шетгеніевыхъ началахъ Россійскихъ, обрѣтающихся нынѣ у меня, а данныхъ мнѣ пріятелемъ на время, приписалъ на полѣ по Россійски: «борзый, польское (тоесть слово), по русски быстрый». Но развѣ Польскій языкъ есть не Славенскій же? И развѣ и у насъ не говорится, иноходецъ бѣжитъ борзо? И изъ ловчихъ псовъ, развѣ не называютсяжъ иныи борзыми?

Третіему порогу и Россійское и Славенское имя есть Геландри. Константинъ Багрянородный истолковалъ, что то шумъ порога. По Чешски значитъ шумъ же и вопль бѣснующихся людей. Слѣдовательно, есть слово сіе Славенское, и по томужъ Россійское. Но чтобъ найти въ немъ знаменованіе; то должно его писать раздѣльно такъ: Ге́ла-на-дри; а сіе и значитъ по нашему, горла-на-дери такимъ образомъ отъ ге́ла: Герла, Гирла, Гарла, Горла. Гела Чешское; Герла Далматское; Гирла говорится и у насъ; Гарла Польское; наконецъ [1]) Горла, есть нынѣшнее наше слово.

[1] Рѣчь сія, на всѣхъ означенныхъ языкахъ, есть въ родительномъ падежѣ.

Четвертаго порога имя Неясыть, безъ всякаго сомнѣнія есть Пеликанъ. Но и Аифаръ Россійское, значитъ также птицу. Гайваръ по Долматски есть лѣсный вранъ, а по нашему просто воронъ. Слово Гай, въ малой Россіи и по нынѣ значитъ рощу. Вранъ нашъ, по Польски есть Гавронъ. Итакъ, Аифаръ есть Гайваръ Далматскій, значащій врана Словенскаго. Воронъ и Пеликанъ суть такія птицы, у которыхъ носъ весьма острый и твердый. Да и въ приведенномъ 101-мъ псалмѣ, вранъ съ Пеликаномъ соединяется: «уподобихся Неясыти пустыннѣй, быхъ яко «нощный вранъ на нырищи«. Слово нырище, въ Греческомъ чтется, Икопедонъ, а значитъ домъ пустый. Въ Латинскомъ [1]) Паріэтіне, рѣчь значащая развалины дому. Во Французскомъ [2]) Лійо соважъ, мѣсто [3]) дикое.

Удивительно, Французскіе въ семъ псалмѣ седмаго стіха рѣчи (пересмотрѣнныя и исправленныя съ содержанія Еврейскаго и Греческаго пасторами и профессорами Женевскими) Неясыть или Пеликана изображаютъ рыболовомъ (Корморанъ [4]) нашимъ; а нощнаго врана совою (Шуэтъ [5]). Рыболовъ описывается такъ: «есть рѣчная [6]) птица плосколапая, и

---

[1] Parietinae.

[2] Lieu sauvage.

[3] Пустырь же.

[4] Cormorant.

[5] Chouette.

[6] Дикціонар. Французск. Рішлет. подъ словомъ Корморанъ, cormorant.

«одна только изъ плосколапыхъ птицъ, коя садится, «или гнѣздится (се першъ [1]) : носъ у нея долгій и «шея, а питается рыбою».

Пятому порогу Славенское имя, по Багрянородному, Вулніпрахъ, всеконечно и безъ сомнѣнія вольный порогъ : ибо онъ превеликій разливъ дѣлаетъ по описанію. Въ семъ знаменованіи Варуфоросъ, поврежденное нѣсколько Кесаремъ Грекомъ слово Россійское, не ясноль есть, Варуво Росъ, тоесть, варово или поспѣшно росъ наводненіемъ своимъ? Изъ знающихъ силу въ языкѣ нашемъ, никто не можетъ, мню, толкованія моего не признать истиннымъ.

Веручи шестаго порога Славенское имя, а по Кесареву толкованію, значащее кипѣнія теченія, или водовороть, происходитъ не отъ *беру* простаго Русскаго слова, по Славенски емлю, какъ то Шетгеній думаетъ: но отъ глагола вырю, тоесть бью токомъ въ округъ съ пѣною, или врѣю (киплю). Итакъ, Веручи есть вырющій, тоесть, бьющій кругомъ съ пѣною порогъ, и врѣющій или кипящій, да и знаменующій преносно сердитаго. Но Леанти, присовокупленное Россійское слово, не сущель есть лиханъ ты, и лихана ти, тоесть, лихій ты, лютый и сердитый порогъ? И не сіежъ ли самое слово, можетъ истолковаться способно и ліянты, тоесть, разливающійся, и кругомъ воду обращающій, а наконецъ и леганты, лягающійся? Итакъ, Кесарево кипѣніе тока, и мое слово лихій, вкругъ воду вертящій, да и лягающійся, то есть, отбрасывающій судно, есть не что иное, какъ истинная водовороть.

[1] Se perche.

Малый седмый порогъ по Кесаревымъ словамъ, зовомый по Славенски Напрези, а по Россійски Струвунъ. Напрези есть ясное напрязи отъ глагола напрящи, просто натянуть. Достовѣрно, что напряженіе сіе принадлежитъ до натягиванія парусовъ. Но Струвунъ, не ясноль же есть срывунъ? Разумъ сего слова есть согласный съ напрязи: ибо малый сей есть порогъ; должно натянуть парусъ: тотчасъ сорветъ съ порога вѣтръ. Напослѣдокъ, сіе великаго примѣчанія достойно, что всѣ какъ прилагательныя, такъ и глагольныя изображенія Россійскія въ Багрянородномъ, каковы Ворси вмѣсто борзый, Росъ, а не росла и росло, Леанти вмѣсто Ліянтый, Струвунъ вмѣсто Срывунъ, всѣ, говорю я, соглашаются мужескимъ родомъ съ прагъ, или порогъ. Какъ сіе не доказываетъ, что реченія сіи суть Славенороссійскаго свойства?

Мню, что всякъ правосердный читатель соглашается со мною въ томъ, что какъ Славенскія имена порогамъ, такъ и Россійскія, Кесаремъ означенныя, суть точно Славенороссійскія, знаменующія одну и тужъ силу. Славенскій языкъ весьма плодовитый и пребогатый языкъ: одна рѣчь многими наклоненіями различается, а всѣми значитъ тожъ самое. Свидѣтель и доказатель сему, первый Порогъ Днѣпровскій. Онъ есть и Несупи, онъ и Несупей, онъ и Нѣспи, онъ и Неспай; а всѣ сіи значатъ токмо наши *не спи*. Доказываетъ и глаголъ бѣгите: онъ есть и безите, и бѣжите, и бѣгайте, и бѣга́йте, и богейте. Господь, есть и Господарь, и сударь, и господинъ,

и панъ, и супанъ. Человѣкъ, [1]) и Чловѣкъ, и Члекъ по Славенопольски, и Човекъ по Сербски. Сума, есть и Калита, и торба, и кошель, и мѣшокъ, и мѣшецъ, и мѣхъ, и куль и кулекъ, и мошна, и Вуръ [2]) по Польски. Вопль, есть и шумъ, и молва, и крикъ, и кличъ, и по Польски Галасъ. Рѣчь, и реченіе, и глаголъ, и слово. Россы, и Россаны, и Россаланы, и Россалеи, и Руссы, и Руссіане, и Россіане, и Рошаны, и Русяне, и Русаки, и Рассы, и Раши, и Рацы, и Рушіи, и Ружіи, и Ругіи, и Ругіане, и Ругяне, и Руги, и Рутсены, и Руцціи, и Руччіи, и Рутены. Но на что много примѣровъ? Всякъ искусный вѣдаетъ сіе довольно. Сіе токмо можно сказать, видя различіе Днѣпровскимъ порогамъ, названнымъ отъ Кесаря Россійскими и Славенскими, что Россійскія его имена суть простонародныя, а Славенскія учтивѣйшихъ людей реченія.

Узолъ, завязанный собственными нашими лѣтописцами, хотя по видимому не безъ трудности, однако развязать съ удобностію можно. Сей узолъ, въ опроверженной всѣми Академическими членами, а

---

[1] Нѣкоторый производитъ человѣка отъ чела и вѣка. Но вѣчноль его чело? Или чело его есть вѣкъ? А чегожъ ради не грудь, или что другое изъ членовъ? Развѣбъ можно его произвесть отъ чела и верьха, человерьхъ; но верьху противится реченіе вѣкъ. И такъ, человѣкъ по произведенію есть цѣлый вѣкъ отъ целовѣкъ: тоесть, человѣкъ такое животное, котораго жизнь продолжиться можетъ цѣлыя сто лѣтъ.

[2] Отъ сего слова называется у насъ Варворка, замыкающая мошны.

отъ главныхъ по тому и уничтоженной въ 1749 годѣ рѣчи (Байерова мнѣнія всѣми силами держащейся), хотя было уже и напечатанной, полагается вмѣсто Гордіева онаго, Александровымъ въ Квинтѣ Курціи [1]) мечемъ разсѣченнаго: то есть, полагается онъ тамъ самымъ первымъ и главнымъ основаніемъ. Подлинно, слова, по внѣшности своей, кажутся благопріятствовать содержавшему автору, что Россіане Новогородцы, не назывались прежде Руриковыхъ временъ Россами, что прозваны Россами отъ Варяговъ, и что именовались они сперва Славянами.

Полагаю я здѣсь точныя рѣчи лѣтописателей нашихъ. Въ Несторѣ, называемомъ мною Никоновскимъ, отъ подписанія по листамъ Никона Патріарха рукою, слѣдующее чтется: «отъ тѣхъ Варяговъ «находниковъ прозвашась Русь, и оттолѣ словетъ «Руская земля, иже суть Новогородстіи люди, и до «нынѣшняго дня, прежде бо нарицахуся Словене, а «нынѣ Русь, и отъ тѣхъ Варягъ прозвашась сице бо Варяги звахуся Русью». Въ степенной, въ житіи Святыя Великія Княгини Ольги, сіе слѣдующее стоитъ: «отъ Варягъ бо Русью прозвахомся». И степеннаяжъ книга при лѣтѣ 6475-мъ отъ сотворенія по Греческимъ Хронографамъ, а отъ Рождества при 967-мъ, приведенная мною въ семъ разсужденіи послѣ Лорана Тюркоа, и послѣ засвидѣтельствованія Целларіева, такъ по исчисленіи всѣхъ оныхъ именъ, заключаетъ, предлагая: «Сіи вси Русскія области. «Древлеже Словене именовахомся: егда же Рурикъ

[1] Кн. III. гл. 1.

«пріиде отъ Варягъ, и обладаше въ нихъ, и тогда «Русію начася прозывати великая Держава его».

По симъ засвидѣтельствованіямъ видимъ, что имя Славянъ есть старѣе имени Россіанъ, по крайней мѣрѣ Новогородскихъ. Но преминувъ Россовъ отъ Росъ Мосоха, преминувъ Россанъ, бывшихъ при державѣ Персидскихъ царей, преминувъ и Россоланъ, получавшихъ ежегодную плату съ Римлянъ, воспріемлю въ разсужденіе имя Россіанъ, собственно такъ называемыхъ нынѣ.

Вижу, что не возможно никакъ согласить засвидѣтельствованія сіи съ доказаннымъ во второмъ разсужденіи, безъ нѣкотораго обстоятельнаго истолкованія. Доказанное оное есть твердо по разуму; да и сопротивляющееся доказанному не слабо по томужъ разуму съ наружи. Есть впрочемъ философское правило на разумѣжъ основанное, которое гласитъ, что [1]) «не должно не признавать ясныхъ и несомнительныхъ вещей со всѣмъ, для того единаго, что въ «нихъ находится малая нѣкая мрачность». Сіе достовѣрно, что Рурикъ прибылъ въ Новогородскую область 862 лѣта отъ Христа. Слѣдовательно, Славянамъ надлежало проименоваться Россами съ сихъ временъ. Но представлено во второмъ разсужденіи, изъ Россійскаго Хронографа, что Кій ходилъ подъ Константинополь, а по времени въ пятомъ вѣкѣ. Кій сей былъ [2]) Россійскій Кіевскій Князь, построившій

[1] Non sunt neganda clara et indubia, propter paruam obscuritatem admixtam.

[2] Синопсис. стран. 18. издан. IV. тое.

Кіевъ градъ 430 лѣта отъ Христа. По сему, Россіане были вѣдомы Цареградцамъ (хотя и не упоминаемы отъ нихъ прежде девятаго вѣка) въ пятомъ вѣкѣ. Приведенный Целларій, въ томъ же второмъ разсужденіи, свидѣтельствуетъ, что Славяне изъ Россіи вышли въ шестомъ вѣкѣ, и положили начало Славенскому, Польскому, и Чешскому государствамъ. Слѣдовательно, имя Россія, и по тому Россіанъ, было вѣдомо въ шестомъ вѣкѣ, совокупно съ Славенскимъ и съ Славоніею. Знатнѣйшій, и по сему первый походъ Россіанъ подъ Константинополь, былъ въ 852 лѣто отъ Христа: слѣдовательно, за 10 лѣтъ прежде Рурика. Еще походъ подъ Константинополь, сихъ же самыхъ Россіанъ, собственно такъ называемыхъ нынѣ, Калвизій полагаетъ 860 лѣта Христова: по сему, имя Россіанъ, собственно такъ называемыхъ нынѣ, было за 2 года прежде прибытія Рурикова. Бертиніановыхъ лѣтописей народъ Росъ, есть 839 лѣта, за 23 года преждежъ Рурика. Славенороссій народъ, по нашему Синопсису, началъ писаніе имѣть и умѣть въ лѣто отъ Рождества Христова [1]) 790. И

---

[1] Всеконечно должно разумѣть чрезъ то сихъ лѣтъ писаніе, Славенскій такъ называемый глаголитическій Алфавитъ, неизвѣстнаго изобрѣтателя, и потому неправо приписанный блаженному Іерониму: ибо Кирілъ, давшій нынѣшнюю Славянамъ азбуку, былъ въ IX вѣкѣ; а азбука его состояла точно изъ столькихъ буквъ, и тѣмъ самымъ порядкомъ, сколько ихъ и какъ въ Глаголитическомъ. Да зрится о семъ разговоръ мой о правописаніи въ части I на страницѣ 18.

такъ, народъ Славенскій и Россійскій называемъ былъ симъ именемъ за 72 года предъ Рурикомъ. Въ Синопсисѣжъ ясно и точно изображено, что Князи Варяжскіи пришли въ Новогородскую область по прошенію Россовъ; слѣдовательно, сіи Россы назывались Россами прежде Рурикова пришествія. Второе крещеніе Россіанъ было 863 года отъ Христа: сіе именно изображено въ нашемъ же Синопсисѣ. Слѣдовательно, годъ токмо спустя по пришествіи Рюриковомъ. Но сіе безспорно, что Рюрикъ скончался не крещенъ и о крещеніи Новогородчанъ во время его не упоминается, а государствовалъ онъ до лѣта[1]) 880 го: слѣдовательно, 17 лѣтъ послѣ и втораго крещенія. По сему имени Россіанъ, и всеконечно Полуденныхъ да и не бывшихъ подвласныхъ Рурику, крестившихся годъ токмо спустя по прибытіи его, не возможно было не вѣдому быть, по крайней мѣрѣ за нѣсколько десятковъ лѣтъ, прежде Рурика. Какъ имъ креститься подъ именемъ Россовъ тотчасъ, при некрестящемся Государѣ Россѣ, и недумавшемъ о томъ, безъ его повелѣнія, еслибъ ему подданными были?

Скажется: Полуденныи Россіане назывались Россіанами прежде Рурика; а Сѣверныи съ его временъ начали называться Россами, бывши прежде по имени Славяне. Но, сверьхъ того, что Степенная, въ третьемъ приведенная мѣстѣ, не выключаетъ и Полуденныхъ, и Западныхъ Россіанъ, и что Варяжскіи

---

[1] Безъимян. историограф. Россійск. но въ ежемѣсячн. книжк. до 879.

Князи пришли въ Новогородскую державу по прошенію Сѣверныхъ Россовъ, Горвидъ оный царь именно Сѣверныхъ Россіанъ, завладѣвшій всѣмъ Шведскимъ Королевствомъ, по признанію самихъ Шведовъ, былъ во время Христова [1]) Рождества. Въ первомъ вѣкѣ Таранъ, былъ державецъ Сѣверныхъ же Россіанъ. Во второмъ вѣкѣ жилъ Влокъ Россійскій Сѣверный же Государь. Въ третьемъ вѣкѣ Рудъ или Рудый, морскій Балтическаго моря разбойникъ Россійскій, раззорялъ наѣздами своими и Данію и Швецію. Слѣдовательно, и за 862 и за 762, и за 662, и за 562 года, было имя Россіи Сѣверныя, и Сѣверныхъ Россіанъ прежде Рурика. Сверьхъ того, Болгары пришедшіи на Днѣстръ въ пятомъ вѣкѣ, по Стриковскому, соединились съ Россами по Гвагнину, разоряли совокупно Торакію, переправившись за Дунай при Анастасіи Дикорѣ, завладѣли Істріею, и напали на Мезію въ шестомъ вѣкѣ по Зонару, по Кедрину, по Ѳеодориту, а по писателю смѣшенныя Исторіи въ седмомъ; по сему, имя Россіанъ было вѣдомо, какъ Полуденныхъ такъ и Сѣверныхъ, за 400, за 300, и за 200 лѣтъ прежде Рурика.

Какъ же теперь разумѣть должно, что отъ тѣхъ Варяговъ находниковъ прозвашась Русь? Какъ изъяснять, что отъ Варягъ бо Русью прозвахомся? И какъ толковать, что, древле же Словене именовахомся, егда же Рурикъ пріиде отъ Варягъ, и обладаше въ нихъ, и тогда Русію начася прозывати великая

---

[1] Зри II разсужденіе.

Держава его? Симъ слѣдующимъ образомъ по моему понятію.

Имя Славянъ, есть имя всеобщее всѣмъ Славенскимъ народамъ: сего никто и никогда не возможетъ неправдою поставить Слѣдовательно, и Новогородскіи Россы, собственно, суть вообще Славяне. Чтожъ они прежде были Славяне, а потомъ уже стали Россы, по симъ нашимъ Лѣтописямъ; то сіе ПРЕЖДЕ, должно не обходимо такъ разумѣть. Соединились Россы съ Болгарами, или Рашами, отъ рѣкижъ Волги, именованныя Ра, и зашли въ Мезію: тамъ оставшись и по нынѣ имѣютъ имя Рассовъ, а отъ Германцовъ называются Рацами. Шествовали Славяне и въ Западъ, поселились въ Помераніи, при общемъ имени Славянъ, имѣли и собственныя; а между прочими были тамъ и Славяне Рушіи, тоесть Руссы, Варягами при томъ называемыи. Зашли и въ Сѣверъ подъ именемъ Славянъ вообще, но собственно подъ именемъ Болгаровъ или Рассовъ; да и соединились съ Сѣверными Славенороссами, единоязычными себѣ, и начали называться всѣ болѣе Славянами по языку, нежели Рассами или Россами по племени. По прошествіи временъ, Сѣверныи Россы претерпѣвали бѣдственныя приключенія: истребила ихъ моровая язва, изъ которыхъ часть токмо спаслась убѣжавшая въ разныя мѣста; тамъ разныя себѣ имена получила, какъ то нашъ Хронографъ пишетъ, приведенныи и переведенныи [1]) Байеромъ.

---

[1] Том. VIII. Начал. Россійск. стран. 435.

Тогда, соединились сіижъ Новогородскіи Россы паки съ Болгарами; и возвратились въ опустошенныя мѣста язвою, гдѣ умножившись, и утвердившись еще покореніемъ себѣ Сѣвернѣйшихъ тутошнихъ племенъ, а здѣлавши ихъ Данниками своими, называли оныхъ [1]) Чуждью, тоесть чужими людьми и по роду и по языку: для легостижъ выговора проименовали они ихъ чудью съ выключеніемъ буквы (ж), но съ выключеніемъ буквы (д), Чушью, отъ чего и Чухною. Все сіе было прежде Рурика. Но Болгары, или Раши по рѣкѣжъ Волгѣ, суть точныи по языку и по славѣ храбрости, Славяне. Соединенныи съ ними Россы, оставшіися въ малой дружинѣ отъ смертоносныя язвы, называться уже стали всеконечно и сами Славянами, хотя и были прежде по языкужъ и по славнымъ дѣламъ общимъ именемъ Славяне, а собственнымъ Россы; такъ что они и прежде того, и всегда были Славенороссы. Соединеніе Болгаровъ съ Новогородскими Россами, не Хронографъ нашъ токмо утверждаетъ, подтверждаетъ и Зонаръ [2]) и Кедринъ, говоря о Псковѣ: «Пліскова «градъ въ Болгаріи стоялъ». Итакъ, продолжали они именоваться Славянами, общимъ тѣмъ именемъ съ Болгарами, для того что рѣчь СЛАВЫ льстива казалась, и при нападеніи на нихъ бѣлыхъ Угровъ, и по созданіи Новаграда, до самаго Рурика, прибывшаго

[1] Прозвали они ихъ, особливожъ Финцовъ, и Маймистами, тоесть, жителями трудныхъ или голодныхъ мѣстъ: ибо глаголъ МАЯТЬСЯ, нынѣ и въ просторѣчіи едва употребительный значитъ трудъ или себѣ муку.

[2] Том. XI. стран. 224. Кедрин. стран. 704.

къ нимъ на престолъ отъ Варяговъ Руссовъ, выходцовъ около пятаго или шестаго вѣка изъ Россіи, и отъ Циммерійскаго Босфора, на полуденный берегъ Моря Варяжскаго, тогожъ съ Новогородцами Россами, и Болгарами Рассами, рода и языка, какъ то уже сіе доказано.

Прибывшій Государь, хотя и Славянинъ же по всеобщему имени, но Руссъ по собственному, именовался всегда Руссомъ, именовались также и прибывшіи съ нимъ Руссамижъ. Слѣдовательно и подданныи Новогородцы, или по повелѣнію государеву, или въ угожденіе ему, начали и себя звать Россами охотно, и толь наипаче, что сіе имя было ихъ собственное издревле. Симъ образомъ, изъ Славянъ по всеобщему имени, воспріятому на себя постояннѣе въ соединеніи съ Болгарами или Рассами, звавшимися по языку и по дѣламъ Славянами единственно, и прежде пришествія Рурикова, стали при Рурикѣ Россѣ уже возобновительно Россами. Имя сіе тогда казалось быть новымъ, для того что они, по соединеніи съ Славянами Болгарами, привыкли нѣсколько называться единственножъ Славянами. Сей есть разумъ, по моему понятію, оному слову, ПРЕЖДЕ, въ нашихъ лѣтописяхъ употребленному: тоесть, прежде не малыхъ лѣтъ предъ Рурікомъ, а не всегда и [1]) из-

[1] Употребленное въ Степенной слово, древле, значитъ что всѣ Россы издревле были Словяне по слову, а предъ не малымъ токмо числомъ лѣтъ прежде Рурика, назывались Славянами по славѣ, но съ его временъ паки Россами или Руссами именоваться стали по роду: ибо имя Славянъ знатно быть стало съ V-го вѣка, а не издревле

древле. Ежели сіе не такъ толковать; то приведеннымъ нашимъ лѣтописямъ надлежитъ быть всемѣрно не правымъ, въ разсужденіи сего токмо: ибо сіе не преодолимо никогда, что Славянъ имя есть всеобщее, что Россы суть издревле Россы по праотцу Росъ Мосоху, что Сѣверныи Россы были еще во время Спасителева Рождества Россами, и что Варяжскіи Князи прибыли на престолъ, по прошенію Россовъ. Итакъ называясь прежде прибытія Рурикова, по соединеніи съ Болгарами, Славянами чрезъ нѣкоторое не малое время, при Рурикѣ паки стали именоваться Россами, древнимъ именемъ собственно, казавшимся тогда новымъ,

Разрѣшены, мнится, всѣ трудности: развязаны узлы: преславныи народъ Россіискіи, собственно такъ называемыи, былъ издревле Россомъ, и симъ самымъ, которымъ есть нынѣ. Онъ и Словянинъ по обильному слову, и Славянинъ по великоіі славѣ. Первоверьховныи Великіи Князи, призванныи отъ Варяговъ Руссовъ, въ Новогородскія области на Россіискіи престолъ въ девятомъ вѣкѣ, были по всему подобныи призвавшимъ. Имѣли они и званіе Варяговъ Славенское отъ предваренія; были и рода Славенскаго по всеобщему названію, а Россіискаго по собственному, да и единаго и тогожъ съ Россами призвавшими ихъ; по кровижъ, произошли они отъ Царскаго племени Видослава. Говорили они, наконецъ, и языкомъ Славенскимъ. тѣмъ самымъ, которыи былъ въ употребленіи у Новогородскихъ Славенороссовъ, и которыи Діалектомъ, можетъ быть,

токмо разнствовалъ. Теперь предложимъ хвалы храбрости Россійской, и тѣми сему третіему разсужденію конецъ положимъ.

Кіевскимъ Россіанамъ, ходившимъ подъ Константінополь 864 лѣта отъ Христа, хотя и въ Руріковы времена, но не бывшимъ подъ его властію, Фотій Патріархъ Константінопольскій, въ окрестномъ своемъ посланіи, (и ктожъ Фотія писателя болѣе быть можетъ?) такую похвалу приписываетъ: «Россы, по-«коривши себѣ безчисленныи народы, и отъ того «по премногу вознесшіися, на Римское (Грекорим-«ское) царство руки воздвигли». Но о храбрости Сѣверныхъ, что свидѣтельства, читаемаго въ нашемъ Сіноисісѣ, преславнѣе обрящется? «По семъ ходилъ «Олегъ войною въ двухъ тысящахъ кораблей къ Ца-«рю граду, егоже Кесарь Греческій Левъ премудрый «не могій стерпѣти, умягчи дарами, и миръ купи. «Олегъ же пріемъ дары, и возложи дань на Греки, «дабы на вся двѣ тысящи кораблей, въ нихже бяше «по четыредесяти мужей, всякому человѣку по два-«надесяти гривенъ [1] сребра давали. Тоя ради вины, «и потомъ, своего времени, Греки дань даяху Рос-«сійскимъ Княземъ: въ Кіевѣ, въ Черниговѣ, въ Нов-«городѣ великій, въ Полоцкѣ, въ Ростовѣ, въ Лю-«бечѣ».

Твердо по всему, и есть непреоборимо: Варяги Руссы, а отъ нихъ прибывшіи царствовать Государи

---

[1] 96000 рубл.

наши въ Великую Россію, были званія Славенскаго, рода Славенскаго, и Славенскаго языка. Крѣпко и непреодолѣемо есть: всѣ Россы, а особливѣе Сѣверныи, не были ни Даняне, ни Свѣи, ни Норвежане, ни Скандинавляне, ни Германцы, внѣ предѣловъ Германіи пребывавшіи; но Россіане собственно такъ нарицаемыи нынѣ издревле.

КОНЕЦЪ.

СЛОВО

О

БОГАТОМЪ, РАЗЛИЧНОМЪ, ИСКУСНОМЪ
И НЕСХОТСТВЕННОМЪ

ВИТІЙСТВѢ

ГОВОРЕНО

ПОЧТ. БЛАГОРОД. УЧЕННѢЙ. ПРОФЕССОРАМЪ

ВЪ

ІМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ЧРЕЗЪ

ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО.

ПРОФЕССОРА ПУБЛІЧНАГО ОРДИНАРНАГО ЭЛОКВЕНЦІИ
РОССІЙСКІЯ И ЛАТІНСКІЯ.

Л. Г.

1745.

АВГУСТА 12 ДНЯ.

ПЕРЕВЕДЕНО ЧРЕЗЪ НЕГОЖЪ СЪ ЛАТІНСКАГО ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

СЛОВО

О

БОГАТОМЪ, РАЗЛИЧНОМЪ, ИСКУСНОМЪ
И ПЕСХОТСТВЕННОМЪ

ВИТІЙСТВѢ

ГОВОРЕНО

ОЧТ. БЛАГОРОД. УЧЕННѢЙ. ПРОФЕССОРАМЪ

ВЪ

МПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ЧРЕЗЪ

ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО.

Профессора публичнаго ординарнаго Элоквенціи
РОССІЙСКІЯ и ЛАТИНСКІЯ.

Л. Г.

1745.

Августа 12 дня.

Переведено чрезъ негожъ съ Латинскаго его сочиненія.

ЕГО ВЫСОКОГРАФСКОМУ СІЯТЕЛЬСТВУ

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

МІХАЙЛУ ЛАРІОНОВИЧУ

ВАРОНЦОВУ

ГРАФУ СВЯЩЕННЫЯ РИМСКІЯ ІМПЕРІИ

ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ

ВІЦЕ-КАНЦЛЕРУ

ТАЙНОМУ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ СОВѢТНИКУ

ПОРУТЧИКУ ЛЕЙБЪ—КОМПАНІИ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАММЕРЪ - ГЕРУ

И

МНОГИХЪ ОРДІНОВЪ КАВАЛЕРУ.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ РЕЙХСЪ-ГРАФЪ!

– Дерзновенное приношеніе, но происходящее отъ совершеннаго понтенія, начатковъ моего профессорства Вашему Графскому Сіятельству, не больше есть для покорнѣйшаго прошенія, о продолженіи высокія Вашея Милости, коль для того, чтобъ мнѣ начать хотя малое возблагодареніе за Благодѣянія, которыми Вамъ угодно взыскивать меня отъ того времени, какъ Вашему Графскому Сіятельству я удостоился быть знаемъ. Поистиннѣ, Сіятельнѣйшій Графъ, оныя Вашего Сіятельства Благодѣянія, происшетшія отъ Вашея ко мнѣ Щедроты, толь великія важности, а силы мои находятся толь скудны, что я никогда не возмогу изъявить Вамъ, сколько долженъ, пребывающаго во внутреннемъ чувствіи самаго истиннаго благодаренія, котораго я преисполненъ.

– Всѣ, которые имѣютъ, по щастію, блиской доступъ къ Вашей Особѣ, Сіятельнѣйшій Графъ, вѣдаютъ совершенно, что Ваше Сіятельство одолжены наружнымъ Блистаніемъ токмо своимъ вну-

треннимъ Достоинствамъ, которыя толь праведно заслужили Вамъ высочайшую Милость Августѣйшія во вселенной Самодержицы. Истинно впрочемъ есть, иногда знаменитыя отмѣны происходятъ отъ единой токмо милости. Однако, великое достоинство всегда и вездѣ больше претпочитаемо бываетъ. Сіи самыя Достоинства, которыми Ваше Сіятельство толь изобильно одарены сприроды, побуждаютъ меня къ неопходимому засвидѣтельствованію почтенія Сіятельной Вашей Особѣ, чрезъ сіе покорнѣйшее хотя и дерзновенное, приношеніе; а Милости, которыя Вы всегда мнѣ являете, подаютъ законную причину, къ принесенію въ жертву сего перваго моего Академическаго Слова, высокой Вашего Сіятельства Чести. Я притомъ и одолженъ, говоря по самой истинѣ, всѣмъ симъ Словомъ, Вашему Сіятельству, пріемляй въ славу признаніе, что почитай чрезъ Васъ я получилъ себѣ профессорство, котораго начало не что есть иное, какъ токмо вѣчное Достопамятствіе къ громкой Славѣ Вашего Имени: Достопамятствіе, которое всегда пребудетъ во всѣхъ изъ на-

шего Народа, имѣющихъ по мнѣ слѣдовать, и вступать въ сію должность.

Не возможно мнѣ позабыть Свидѣтельства, даннаго отъ Членовъ Святѣйшаго Правительствующаго Сінода на письмѣ, въ пользу малому моему искусству. Не меньше я памятую и Милость, учиненную со мною отъ Правительствующаго Сената, въ томъ, что, согласнымъ Его Опредѣленіемъ, удостоенъ я быть Профессоромъ, по силѣ Сінодальнаго Аттестата. Но ничто не могло глубже вкорениться въ мою память, какъ оной именной Указъ ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, нашея Августѣйшія и Всемилостивѣйшія Государыни ЕЛІСАВЕТЫ Нервыя, Самодержицы Всероссійскія: Указъ, которой воспослѣдовалъ отъ Ея благоволенія за Преимущество Претстательства, бывшаго къ Ней отъ многихъ наипервѣйшихъ и наизнатнѣйшихъ Особъ, которыхъ великодушной Благости я признаваю себя наиобязаннѣйшимъ непрестанно. Но понеже Заступленіе Вашего Сіятельства началось прежде оныхъ Особъ Одобренія; то справедливость требуетъ, дабы Вы первый и увѣрены отъ меня

были о сáмомъ чувствительномъ и вѣчномъ моемъ благодареніи.

Впрочемъ, да будетъ Вамъ угодно, Сіятельнѣйшій Графъ, милостивно воспріять сіи, публічно засвидѣтельствованные, знаки благодаренія, которымъ мое сердце преизобилуетъ, какъ весьма должнымъ Вашему Сіятельству, и всей Вашей высокой Фаміліи. Верьхъ бы моего щастія былъ, ежели бы Вы благоволили мнѣ повѣрить, что не возможно больше быть чувствительну, сколько я есмь, ко всѣмъ Вашимъ Милостямъ, которыя проникнули до самыя глубины души моея, и притомъ буде бы изволили быть увѣрены, что, какъ по должности, по благодарѣнію, по склонности, такъ напослѣдокъ и по искреннему усердію, я есмь и пребуду, пока жить имѣю, съ наиглубочайшимъ почтеніемъ,

Сіятельнѣйшій Рейхсъ-Графъ,

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій, послушнѣйшій

и преданнѣйшій слуга:

В. Тредіаковскій.

ГОСПОДА!

ПОЧТЕННѢЙШІЕ! БЛАГОРОДНѢЙШІЕ!

ПРОФЕССОРЫ!

УЧЕННѢЙШІЕ! СЛАВНѢЙШІЕ!

СОВЕРШЕННЫМЪ ВЪ НАУКАХЪ ИСКУССТВОМЪ ЦВѢТУЩІЕ!

БЛАГОДѢТЕЛИ И СОЧЛЕНЫ!

УСЛУГАМИ, РЕВНОСТІЮ, И ОТМѢНОЮ,

всегда мнѣ и по премногу достойнопочитаемые!

Что тогда вобще несравненному Герою, и предержавному Монарху ПЕТРУ, на землѣ первому и великому, на небѣ уже упокоенному и ублаженному, токмо наивожделѣннѣйшее было; то нынѣ въ Россіи, при благополучнѣйшей державѣ Дщери ПЕТРОВОЙ Августѣйшія ЕЛІСАВЕТЫ, первыя, благочестивыя, благополучныя, отчасти самымъ дѣломъ началося. Тоесть, когда оный прещедрый Основатель сея своея Академіи [1]), академическое Зданіе какъ пріуготовлять, такъ всѣми потребностями снабдѣвать; когда особливые уставы, по которымъ бы поступали Академіки, преднаписавъ положить; ко-

[1] 12 дня Генваря, 1744.

гда разумнѣйшихъ, искуснѣйшихъ, ученнѣйшихъ, и способнѣйшихъ Людей къ изобрѣтенію, и къ приведенію въ совершенство изящныхъ Наукъ, и высокихъ Знаній, также и къ наученію онымъ, совершенно Императорскимъ иждивеніемъ, по всей Европѣ изыскивать повелѣть изволилъ: то другаго бо́льшаго плода, толь отъ похвальнаго и толь отъ полезнаго учрежденія, пріобрѣсти онъ не желалъ, какъ токмо чтобъ потомъ, въ нѣкоторое время, изъ всеподданнѣйшія и домашнія своея юности, многихъ способныхъ къ отправленію Профессорскія должности имѣть, и чрезъ тобъ способнѣе и дѣйствительнѣе, какъ о бессмертной славѣ всего своего Народа, такъ особливо о знатномъ прибыткѣ отъ нихъ между тѣмъ учащихся, а больше объ истинной пользѣ всего Государства промыслъ учинить, и отъ того краѣнее увеселеніе самому себѣ получить, ему бы пощастилось.

Но, ахъ горе! не пощастилось, едва безъ слезъ выговорить можно, божественнѣйшему не пощастилось Мужу, какъ токмо симъ теплымъ желаніемъ, чрезъ всю жизнь, сердце свое, тоесть, неоцененное сокровище, всегда не довольно прославляемыя добродѣтели, тайно увеселять. Ибо, кому всѣ бессмертнымъ быть желали, того, ахъ! и нынѣ еще весьма печально воспомянуть, того нечаянныя и весьма мучительныя смерти *темный похитилъ день, и,* [1]) по Божіему предѣлу, *въ гробъ заключилъ трупоносный.*

Сего ради, въ напечальнѣйшее оное, въ человѣческой памяти. по всей Россіи время, которые бла-

1 Вирг. Энеід. кн. 6

городную имѣли склонность къ Наукамъ, толь острѣйшимъ прободаемы были сердоболіемъ, коль извѣстнѣйше имъ казалось, что хотя не всѣ Государевы учрежденія, начатія, и намѣренія не имѣютъ уже получить желаемаго успѣха, то, по краінеи мѣрѣ, оныя оставятся установленія, безъ которыхъ Науки и Знанія не токмо не процвѣтаютъ, и не возрастаютъ, но еще и совершенно истребляются, и какъ въ ничто обращаются: вредъ поистиннѣ, котораго едва больше другой, учреждаемому Государству, приключиться можетъ, всякъ благорассудный вѣдаетъ.

Однако, сколько истиннѣе сіи, любители всякаго наипохвальнѣйшаго добра, скорбію и печалію крушились по преставльшемся Императорѣ; столько больше надлежащаго, или лучше, наинеприличнѣйше о нещастіи всея Имперіи болѣзновали, и вотще состояніе академическихъ Музъ оплакивали. Ибо, Августѣйшая блаженно успшаго Цесаря Супруга ЕКАТЕРІНА, которая, будучи лицемъ прекраснѣйша, равножъ и ума дарованіемъ, и сердца добродѣтелію преславнѣйша, ужѣ притомъ и крайнимъ самаго Величества знаменіемъ, тоесть, Императорскою Короною наиблистательнѣйша, ибо торжественно сею возложенною на достойнѣйшую Ея Главу отъ БОГА и СУПРУГА, когда еще сей въ самой цвѣтущей бодрствовалъ жизни, и когда чрезъ оное предусмотрительное публічнаго Коронованія, посященіе Преемницею Престола какъ отъ него самого явно назначена, такъ и отъ всѣхъ чиновъ, какъ скоро отшелъ ПЕТРЪ, Самодержицею неотложно и всеподданнѣйше поздравлена была, Августѣйшая, повторяю, но, по преставленіи Су-

пруга, Вдовствующая тогда ЕКАТЕРІНА, не токмо ничего изъ учрежденій Его не оставила, но, слѣдуя совершенно по самымъ стопамъ ПЕТРОВЫМЪ, еще нѣкоторыя, токмо начавшіяся, совершила, иныя исправила, всѣ на верьхъ совершенства взвести, и намѣреніе воспріяла, и прилѣжно тщалась.

Наисильнѣйшимъ поистиннѣ, въ общей печали, къ общему также утѣшенію, побужденіемъ была бы Самодержица ЕКАТЕРІНА, ежели бы она сама равнымъ утѣшиться когда возмогла. Ибо, что въ человѣческомъ состояніи есть наилучшее, чего бы отъ сея изящнѣйшія, отъ сея милостивѣйшія, отъ сея добродѣтельнѣйшія Государыни, не надлежало впредь ожидать Россіи, ежели бы всесильному БОГУ жизнь Ея продолжить угодно было? Но скончалась, ахъ! скончалась ужѣ Імператріца ЕКАТЕРІНА, которая, сокрушенную и болѣзнующую Россію, жизнію своею въ надежду было лучшаго благополучія чрезъ наищасливѣйшее состояніе, въ которое она пришла при Ея Державѣ, восставила; но Онаяжъ, ненадѣемою и скорою своею смертію, сіюжъ, еще отъ первыя наиглубочайшія и наижесточайшія раны не совсѣмъ выздоровѣвшую, какъ бы другою нѣкоторою стрѣлою, толь смертоноснѣе, коль ускорительнѣе, пронзила, и только что не лишившуюся дыханія оставила.

Всякъ, помышляю, способно понять можетъ великость обѣихъ смертоносныхъ язвъ, изъ которыхъ толь блиско одна за другою слѣдовала. Но почто я не скоряе и не лучше о преизряднѣйшемъ дѣяніи Августѣйшія, къ вѣчной Ея похвалѣ, нежели какъ

воспоминаю о непреоборимой судьбѣ человѣка ЕКАТЕРІНЫ, къ возобновленію общія болѣзни, коликія о! дабы никогда страдать Россіи не случилось? Итакъ, толикая впрочемъ была, и то здѣлала, толь похвальнѣе, благоразумнѣйшая Императріца, коль что, съ крайнею ревностію, желалъ бы здѣлать самъ ПЕТРЪ великій, ежели бы Его жизнь къ тому допустила. Ибо, хотя по ПЕТРОВУ узаконенію, однако при ЕКАТЕРІНИНОМЪ благополучнѣйшемъ Правленіи, и что палаты на Академію назначены [1]), и оныяжъ всѣми потребными вещами обогащены, и преискусныхъ Профессоровъ наипервѣйше Россія увидѣла, и онижъ благополучно въ должность свою вступили [2]), и что, кратко, Академія Наукъ и Знаній родилась и возрасла, то нѣтъ ни одного, кто бы изъ насъ о семъ не вѣдалъ.

Сія самая есть Академія, которая, отъ того точно времени, здѣсь въ Санктпетербургѣ процвѣтаетъ, равняяся съ прочими учрежденіемъ, но всѣ превосходя Учредившими ея. Сія есть, повторяю, Академія, которой нынѣ не токмо Вы, ученнѣйшіе Господа, пріятные Гости, превеликимъ украшеніемъ въ Россіи пребываете, но которая ужѣ и изъ собственнаго своего Россійскаго Народа, что самымъ главнымъ дѣломъ почиталъ ПЕТРЪ первый, на тужъ степень, и въ честь, которыми Вы въ ней отмѣнны, меня произведеннаго видитъ: видитъ? но ужѣ и дол-

[1] 21 дня Декабря 1725.

[2] Къ 24 дню Ноября готовились, но начали 27 дня Декабря 1725.

жно признаваетъ Профессоромъ, какъ такова, котораго достойность и преимущество святѣйшаго Сінода, которой мнѣ какъ всегда былъ, такъ всегда и будетъ, благоговѣйно почитаемымъ, искуснымъ засвидѣтельствовали, котораго важность и превосходная власть правительствующаго Сената, которому отъ меня вѣчное, премногое и крайное благодареніе приносимо быть долженствуетъ, къ произведенію удостоили, которому, напослѣдокъ, верьховная Величества Воля въ Особѣ Августѣйшія ЕЛИСАВЕТЫ, которую мнѣ всѣмъ сердцемъ, службою, послушаніемъ, покореніемъ, преданностію, вѣрностію, самою жизнію, а всѣми сими и готовѣйшими, и поспѣшнѣйшими, и непорочнѣйшими, пока сей мой духъ во мнѣ пребудетъ, раболѣпно и всеподданнѣйше почитать должно, всемилостивѣйше указала и быть и называться.

Чего ради, въ семъ новомъ случаѣ, не о семъ больше надлежитъ разсуждать, что я, коль ни мало способный, учиненъ Профессоромъ, но оному ВСЕВЫШНЯГО уставу удивляться и благочесно покланяться, которымъ Онъ отъ вѣчности опредѣлилъ, что чего ПЕТРЪ вожжелаетъ, о чемъ ЕКАТЕРІНА его Супруга, въ дѣло произвесть тщаніе имѣть будетъ, томубъ отъ ЕЛИСАВЕТЫ, Дщери ихъ обоихъ, совершенно быть здѣлану; тоесть, дабы вѣдала Россія, что сколько ни есть пользы и славы при Академіи, или лучше, колика ни есть и ни будетъ сама Академія, тобъ все сіе всегда и неотходимо помышлять, что здѣлано, и дѣлаться имѣетъ токмо что отъ самого ПЕТРА, которой и въ блаженномъ пресыва-

ній живетъ бессмертенъ, и съ нами смертными жить будетъ чрезъ неисчетные круги вѣковъ, въ Сѣмени и Августѣйшемъ Потомствѣ.

Впрочемъ, чтобъ кому изъ Васъ не казалось дивно, что я въ сообщеніе имени, достоинства, чести, и совокупнаго съ Вами засѣданія, я особливо, повторяю, допущенъ нынѣ. Хотяжъ я и самъ искренно признаваюсь, что изъ всѣхъ нашихъ наименьше я способенъ къ понесенію сея должности; однако, какъ во всѣхъ почитай дѣлахъ, и во всѣхъ человѣческихъ вещахъ, обыкновенно наималѣйшее начало бываетъ, такъ, наименьшій и я разумомъ и искуствомъ, первый начинаю въ чинѣ Вашемъ быть, имя носить, и должность явно исполнять, но съ такимъ твердымъ упованіемъ, что, которое во мнѣ нынѣ наискуднѣйшее быть вѣдаю, то посемъ, въ прочихъ за мною слѣдующихъ, наизобильнѣйшее самымъ дѣломъ утвердится.

Ибо, извольте сравнить Войско ПЕТРОВО, и его Августѣйшія Дщери, которое нынѣ иностранные наивоеннѣйшіе Народы непобѣдимымъ единогласно и единодушно признаваютъ, съ онымъ потѣшнымъ Полкомъ воиновъ, которыхъ самъ же ПЕТРЪ первый сперва въ Москвѣ набирать и обучать началъ: снесите равнымъ образомъ морской Флотъ, которому уже довольно не могутъ надивиться самыя сильныя и искусныя въ мореплаваніи Государства, съ онымъ не большимъ Ботикомъ, которой подалъ случай ПЕТРУ къ построенію толь великолѣпнаго Флота, и которой токмо что одинъ и былъ у ПЕТРА во всей Россіи: сложите, прошу, и тогда увидите ясно,

коль отъ малаго, коль отъ ползающаго по землѣ нача́ла, толикія силы, го́ры, чудеса возрасли. Не упоминаю о началѣ древняго Римскаго какъ Царства, такъ наипаче Республіки ; не касаюся къ началамъ и Древности , а толь въ неи многимъ , что едва не бесчисленнымъ : сіи токмо два домашніе примѣра, толь довольно и такъ сильно доказали мое мнѣніе, что какъ о томъ ни мало не надлежитъ сомнѣваться.

Того ради, уповаю, а уповаю твердо, что сіе мое, толь зыблющееся, начинаніе, пото́мъ, какъ нарочно соединившись совокупно, и многіе, и достойные, и способные, и ученые, и искусные изъ Россіянъ Люди, превосходнымъ своимъ разумомъ, не инако какъ непоколебимою потпорою, отвсюду утвердятъ, и на немъ всѣ опершись , публичную должность въ обученіи , новаго въ изобрѣтеніи , и въ приведеніи къ совершенству , съ превеликою отъ всѣхъ похвалою, и съ обильнѣйшимъ плодомъ и славою всея Имперіи, наищасливѣйше исполнять имѣютъ. Сіе да подастъ ВСЕБЛАГІЙ и ВСЕСИЛЬНЫЙ , молю неистощеваемую Его Благость.

Но чтобъ оттуду нача́ло свое воспріяло, и до конца продолжилось все сіе Слово, откуду вся моя́ должность , тоесть , Професcора Элоквенціи, происходитъ; о Витійствѣ Вамъ, словеснѣйшіе и ученнѣйшіе Господа́, нынѣ я говорить намѣреніе воспріялъ: а сіе такимъ образомъ, что, которое вобще о немъ всемъ предложить за благопотребно покажется, то бы все вособливости каждаго Народа Краснорѣчію служить, и приложиться могло. Сіе, по мѣрѣ силъ моихъ,

исполнить тщася, увѣряю впрочемъ, что я не съ такимъ намѣреніемъ то предпріемлю, чтобъ Васъ совершенно искусныхъ научить, но чтобъ отъ Васъ притомъ научиться, прямо, или инако, самъ я объ Элоквенціи, что оное потомъ ни предложится, разсуждаю. Для сего токмо, чего и къ Вашей славѣ знаменитѣе, и къ моему наставленію желательнѣе, и къ достойности всея Элоквенціи, для ея отчасу бо́льшаго выхваленія, не можетъ быть великолѣпнѣе, Вашего вниманія, Вашея прилѣжности, Вашего благопріятства, Вашего доброжелательства, отъ Васъ всѣхъ, съ должнымъ Вамъ почтеніемъ, покорно требую.

И понеже кажется мнѣ, что я не весьма щасливъ быть имѣю, въ произведеніи къ прямому окончанію намѣреннаго отъ скудости въ словѣ; того ради, дабы не нанесть Вамъ нѣсколько скуки, о семъ наивозможнѣйше потщуся, также и нимало не раздражу безразсуднымъ многословіемъ терпѣливности Вашея: а потому, что я ни буду говорить, не токмо, по приличію, кратко, но притомъ еще и просто говорить, обѣщаюсь.

Часть I.

Наибогатѣйшая есть Элоквенція, въ разсужденіи вещей; наиразличнѣйшая, въ разсужденіи языковъ; наихитрѣйшая, въ разсужденіи словъ; наинесхотственнѣйшая наконецъ, въ разсужденіи особъ. Толь въ необъятномъ семъ пространствѣ матеріи, никому поистиннѣ, хотябъ мнѣ подобному, никогда недостатка въ словѣ не будетъ: и посему, не толь Витію искать должно, гдѣ ему взять что говорить, и чемъ утвердить предлагаемое, коль хранить надобно мѣрность въ приведеніи вещей, которыя добровольно сами себя приносятъ. Сія есть причина, что и я, нарочно, опустить то разсудилъ, и толь наипаче, что оно у всѣхъ есть бесспорное, тоесть, что Краснорѣчіе всегда долженствуетъ быть искусное, приличное, мѣрное, красное, порядочное, связное, обильное, расцвѣченное, сильное; оножъ иногда высокое и великолѣпное, иногда умѣренное и цвѣтное, иногда простое и дружеское, иногда витіеватое и тонкое; которое, сверьхъ того, все, ежели не будетъ истинное, тоесть, ежели не будетъ обучено отъ Премудрости, которая есть твердое божественныхъ, естественныхъ, и человѣческихъ вещей познаніе; или лучше, ежели Премудрость Краснорѣчія не раждаетъ, не содержитъ, и не управляетъ: то неопходимо должно, чтобъ оно было ложное, притворное, пустое, и ученаго безумія, равно какъ и безумнаго ученія источникъ и корень.

И понеже сіе такъ; то повторяю, что наибогатѣйшая есть Элоквенція, которая, основавшись на Пре-

мудрости, вещи мыслитъ, къ вещамъ прилѣжитъ, вещи изобрѣтаетъ, вещи располагаетъ, вещи, наконецъ, выговариваетъ. И поистиннѣ, кто обнятъ, или, по крайней мѣрѣ, исчислить когда можетъ, всѣ вещи до одной, о которыхъ бы Элоквенція словомъ, или писаніемъ, разсуждать не могла? Сколько ихъ ни есть на небѣ, на воздухѣ, на землѣ, между водами, и въ водахъ, тоесть, или звѣзды, свѣтила, огни; или планеты, кометы, вѣтры, дожди, громы, радуги; или каменья, жемчуги, трáвы, древá, плоды, птицы, скоты, человѣки; или моря, источники, рѣки, рыбы, киты, и прочія бесчисленныя въ семъ общемъ, прекрасномъ и удивительномъ мірѣ вещей находящіяся: сіи всѣ обще, и каждая особливо, Элоквенціи въ разсужденіе приходятъ. Всякое притомъ, такъ называемое, единственное и общественное; всякое отлученное и слученное; всякое слово и дѣло; всякое хотѣніе и дѣйствіе; всѣ добродѣтели и пороки; все, . . . но начто много исчислять почитай съ докукою? все, вкратцѣ, что чувствами понимается, и отъ чувствъ убѣгаетъ, и еще самъ БОГЪ ПРЕБЛАГІЙ ПРЕВЕЛИКІЙ, сверьхъ всѣхъ вещей въ свѣтѣ, обильнѣйшая и благочеснѣйшая есть матерія Элоквенціи.

Чтожъ касается до Знаній и изящнѣйшихъ Наукъ; что священная и святая Ѳеологія, оная божественныхъ вещей благочестивая испытательница, плѣняя разумъ въ послушаніе вѣры, учитъ и вѣритъ? Что Правосудія правота и власть Законовъ повелѣваютъ дѣлать, или не дѣлать Человѣческому роду? Что спасительная Медіцина приноситъ помощи къ прогнанію толь многихъ болѣзней нападающихъ на целое

здравіе, или сегожъ къ возвращенію, ежели оно повредилось, или и совсѣмъ погубилось? Что Математіка, или исчисляетъ, или сличаетъ, или размѣряетъ? Что Фізіка, испытуя причины вещей, и всякихъ тѣлъ силы, познаваетъ, и познанное чрезъ опыты поттверждаетъ? Что Механіка, чрезъ различныя согласія движеній, для преодолѣнія разныхъ тягостей, и для облехченія людей, переноситъ на вѣтры, на рѣки, на махіны, на прочія животныя? Что Астрономія наблюдаетъ на небѣ, и заключаетъ изъ разнаго стоянія, движенія какъ прямаго, кругомъ текущаго, такъ и косвеннаго тѣлъ тамъ висящихъ? Что Географія описываетъ на землѣ, означая границы ея? Что Гідрографія? Что Оптіка? Что Статіка? Что прочія всѣ Знанія, Науки, Художества или узаконяютъ, или въ дѣло производятъ, или еще обѣщаютъ, которое бы не дѣлалось чрезъ Элоквенцію или для важности величественнѣе, или для выхваленія знаменитѣе, или для присовѣтованія сильняе, или для предложенія ясняе, или для украшенія цвѣтняе, или для расширенія обильнѣе, или, наконецъ, для увеселенія сладоснѣе и пріятнѣе?

Въ толикомъ множествѣ Наукъ и Знаній, хотя неточно въ исчисленныхъ всѣхъ, сколько ни есть различныхъ видомъ, сколько бесчисленныхъ числомъ вещей ни содержится; однако онѣ всѣ, токмо что чрезъ Элоквенцію говорятъ. Но хотяжъ всѣ оныя вещи не могутъ безъ Элоквенціи имѣть гóлоса; однако, понеже всѣ сіи Знанія и Науки особливыми состоятъ классами, то какъ съ стороны, нѣкоторымъ образомъ, занимаютъ помощь у Элоквенціи: но впро-

чемъ такъ они ту у нея занимаютъ, что не могутъ не запимать.

Чего ради, посмотримъ теперь на оныя Ученія, которыя Элоквенція раждаетъ, питаетъ, украшаетъ, производитъ, и которымъ она и предводительница, и сама съ ними совокупно идетъ, и за ними слѣдуетъ, тоесть, которыя всѣ ничто иное, какъ сама Царица Элоквенція, на разныхъ, и разнымъ образомъ, престолахъ сидящая, и лучами величества своего повсюду сіяющая. Изъ сихъ наипервѣйшая есть Исторія, оное зеркало правды, память общая, древности достопамятствіе; которая не токмо бывшія дѣла́ порядкомъ предлагаетъ, но и совѣты, по какимъ оныя дѣлались, претставляетъ, и рѣчи говоритъ, и полки́ строитъ, и положеніе мѣстъ описываетъ, и нравы Народовъ рассматриваетъ. По ней вывожу на средину, такъ называемое Ученіе древностей, которое поистиннѣ не могло бы себѣ заслужить толикія достойности, и не приносило бы толь великія пользы, ежели бы, на достопамятныхъ вещахъ, медаляхъ, въ надписяхъ, въ разныхъ языкахъ, и въ другихъ вещахъ сысканная отъ него правда, или нѣкоторое руководство къ правдѣ, и съ историческою вѣрностію снесенная, отъ Элоквенціи не изъяснялась, и плодоносною не дѣлалась. Чтожъ о древнихъ Богословіи, или лучше, Баснословіи предложу? Тоесть, о той силѣ, которая всегда вещамъ подражаетъ, или такъ, какъ онѣ были, или какъ онѣ находятся, или какъ имъ быть должно? Ни одно поистиннѣ ученіе, которое бы бо́льшею ума силою, которое бы напряженнѣйшимъ духа устремленіемъ производилось,

какъ высокія оныя Поэзіи размышленія. Но что впрочемъ есть сія живопись словесная, какъ токмо сама Элоквенція, въ другую одежду наряженная, на другомъ мѣстѣ посаженная, другою честію возвеличенная, другимъ способомъ обогащенная? Итакъ, полуденнаго солнца ясняе, что вся вобще Філологія различныя имена, или отъ способа производящаго въ дѣло, или отъ вещей въ дѣйство производимыхъ, или отъ нѣкотораго рода въ изъясненіи словомъ, имѣющая, самою вещію есть токмо что Элоквенція.

Толь изобильно вещами, или лучше, неистощаемо есть Витійство, что куда зрѣніе мое ни обращу, вездѣ оное токмо царствующее вижу. Да претставятся въ мысль самыя человѣческія Общества, которыхъ человѣческому роду нѣтъ ничего полезнѣе, какой крѣпче другой союзъ найдется Обществъ, кромѣ тойже самой Элоквенціи? Ибо, Элоквенція Общества управляетъ, умножаетъ, утверждаетъ. Она доброжелательное сердце словомъ показываетъ, дружбу соединяетъ, ссоры разнимаетъ, суды отправляетъ, бра́ни успокоеваетъ и воздвигаетъ, миръ промышляетъ и сохраняетъ, радосные случаи больше обвеселяетъ, печальные утѣшеніемъ поткрѣпляетъ, збывшимся по желанію, привѣтствуетъ, страждущимъ напасть поспѣшествуетъ, неправедно гонимыя защищаетъ и избавляетъ, рушающуюся къ паденію надежду восставляетъ, безмѣрно вознесшуюся понижаетъ. Она ослабѣвающаго Народа побужденіе, но необузданнаго усмиреніе; ею человѣческая лесть къ пагубѣ, а непорочность къ безвредію ведется. Но, чтобъ вкратцѣ заключить, толь съ великою силою

Элоквенція господствуетъ въ человѣческомъ Обществѣ, что ея управленіемъ и мудростію, не токмо простыхъ людей спокойствіе, но и Величество Государей, еще и всего Государства спасеніе содержится, о чемъ почитай ежедневные опыты свидѣтельствуютъ.

Утвердилъ, сколько могъ, но могъ, сколько я былъ долженъ, что Элоквенція есть наибогатѣйшая по Знаніямъ, по Наукамъ, по всей Філологіи, по Обществу человѣческому, еще и по всѣмъ до одной вещамъ, какъ вещественнаго, такъ и мысленнаго Міровъ. И понеже изъ всѣхъ оныхъ вещей, иныя честныя и праведныя, иныя бесчестныя и неправедныя; иныя пріятныя, иныя докучныя; иныя способныя, иныя трудныя; иныя неопходимыя, иныя случайныя; иныя полезныя, иныя вредительныя; иныя справедливыя, иныя несправедливыя: того ради, о всѣхъ сихъ разсуждаетъ Элоквенція не однимъ и тѣмже образомъ. Имѣетъ она сію преславную себѣ похвалу, что коль различнѣе украшаетъ подручную себѣ матерію, толь больше услаждаетъ или слушающихъ или читающихъ. Того ради, которыя вещи честныя и праведныя, тѣ похвалами возноситъ; но бесчестныя и неправедныя хуленіемъ ругаетъ. Пріятными наслаждается, отъ докучныхъ отвращается; способныя употребляетъ, трудныя отвергаетъ; неопходимыми, или неопходимо пользуется, или отъ нихже неопходимо удаляется; случайныя или носитъ, или благоразумно ихъ предусматриваетъ; къ полезнымъ, сколько возможно, совѣтомъ привлекаетъ, отъ вредительныхъ наисильнѣйше отводитъ: спра-

ведливыя защищаетъ, и награжденій удостояетъ, но несправедливыя осуждаетъ, и къ конечной ка́зни приводитъ. О! преславнѣйшая достойность, и потому слава, премудраго Краснорѣчія, и краснорѣчивыя Премудрости! Того ради, какой толь грубый, толь свирѣпый, толь ва́рварскій, и толь дикій народъ найтися можетъ, которому бы, вкусившему всѣ слатчайшіе плоды Элоквенціи, не радосно всячески было въ ней съ крайнимъ прилѣжаніемъ упражняться, или которому бы, самымъ благополучнымъ себя почитать, для полученныхъ въ той успѣховъ, не по достоинству казалось?

[1]) Хотя бы, да будетъ мнѣ позволено послѣ Ціцерона, онаго Римскія Элоквенціи и отца, и по всему перваго, егожъ самого какъ слова́ такъ и мнѣніе сюда внести, хотя бы, говорю я, не сей толикой плодъ былъ показанъ, и хотя бы отъ сего Ученія увеселеніе токмо одно происходило; однако, какъ я думаю съ нимже Тулліемъ, сіе духа спокойствіе, и учтивѣйшимъ и благороднѣйшимъ бы почиталось. Ибо прочія Науки ни по одному времени, ни по одному возрасту, и ни по одному мѣсту полезны: сія едина юность питаетъ, старость увеселяетъ, благополучіе украшаетъ, нещастію прибѣжище и утѣшеніе подаетъ, веселитъ въ домѣ, не мѣшаетъ въ чужихъ странахъ, препровождаетъ ночи съ нами, путешествуетъ, поселянствуетъ. Сіе есть, что краснослo-

---

[1] Слов. объ Арх. Піит.

внѣйшій Маркъ Туллій Цицеронъ проповѣдалъ въ похвалу всѣмъ Наукамъ, которыя до благороднаго принадлежатъ разуму украшенія, а я приложилъ, которая есть начало и конецъ всего онаго благороднаго украшенія разуму, къ одной Элоквенціи.

Превеликая есть польза, которую мы отъ Витійства получаемъ; крайное увеселеніе, которымъ упражняющіеся въ немъ наслаждаются; бесчисленныя дѣла, которыя оно и предвоспріимать, и отправлять можетъ, въ семъ не токмо никто не поспоритъ, но ни сомнительною сего вещію никогда не поставитъ. Однакожъ, когда обратится слово къ упражняющемуся въ Элоквенціи, толь она трудна, и сверьхъ силъ одного человѣка быть кажется, что къ полученію ея, нѣтъ почитай никакія надежды. Не спо́рю, можетъ иной говорить о многихъ вещахъ; можетъ онъ искусно, прилично, красно и обильно; можетъ еще и великолѣпно, и цвѣтно, и дружески, и тонко по разному состоянію вещей; можетъ, что самое главное, также и премудро о нѣкоторыхъ: но чтобъ кто о всѣхъ до единой, которыя всего Витійства матеріею, могъ говорить пристойно, связно, искусно, еще и премудро, хотябъ и не въ одно время; на сіе отнюдъ не соглашаюсь. Ктожъ бы оной такой щасливецъ, или когда былъ, или нынѣ находится, или впредь быть имѣетъ, которой бы всѣхъ вещей ясное, порядочное, и совершенное познаніе или имѣлъ, или имѣетъ, или имѣть будетъ? Кто есть оной, говорю я, такой мудрецъ, которой всѣхъ божественныхъ, естественныхъ, и человѣческихъ вещей совокупно твердое

знаніе могъ себѣ получить когда? Многіе находятся, и были, не противлюсь, и крайніе Богословы, и крайніе Філософы, и крайніе Політіки, и крайніе Полководцы, и крайніе Медіки, и крайніе Витіи: но чтобъ кто находился теперь, и былъ когда одинъ и Θеологъ, и Філософъ, и Полі́тікъ, и Полководецъ, и Медікъ, и Витіи, и онъ же бы совокупно притомъ и крайній; сей есть Фінікъсъ во вѣки вѣчные ожидаемый. Надобно, чтобъ сей самый былъ, оный утѣшной и смѣшной всѣхъ четырехъ Факултетовъ [1]), какъ сіе весьма нечисто по Латінѣ говорятъ, Докторъ.

Тогожъ ли ради, кода истинное Витійство долженствуетъ получать себѣ наставленіе отъ Премудрости, когда Премудрость есть твердое всѣхъ вещей знаніе а понеже всѣхъ вещей твердымъ знаніемъ никому никогда изъ человѣковъ не дано величаться, то никто истинныя, но всякъ пустую, притворную, и ложную Элоквенцію имѣетъ, кого Витіемъ называютъ? Никакъ, нимало. Могутъ познавать твердо человѣки, что есть Божіе, что естественное, что человѣческое: ибо многіе находятся, которые твердо доказываютъ, иной Богословское, иной Філософіческое, иной нѣчто Математіческое, иной другое нѣкоторое Знаніе, На-

[1] Кого четырехъ факултетовъ, какъ бы четырехъ высокихъ искусствъ, (а именно Θеологіческаго, Філософическаго, Юрістіческаго, и Медіческаго) въ прошетшія времена, по ненадлежащей латінѣ, называли Докторомъ; чрезъ того означали, что онъ ничего незнающей человѣкъ, и совершенно глупой мудрецъ.

уку, должность, способъ, схотство, и премногое прочее, сіи твердо мудрыми находятся; сіи, слѣдовательно, истинно говорятъ, въ подвижность приводятъ, присовѣтываютъ, тоесть, прилично, искусно, красно, связно, обильно, порядочно говорятъ, ежели о томъ дѣлѣ говорить претпріемлютъ. Изъ сего явно есть, что никто изъ насъ не можетъ имѣть всемѣрно совершенныя Премудрости; но что нѣкоторая есть твердая нѣсколькихъ вещей въ человѣкахъ, то и Вами всѣми, Ученнѣйшіе Господа, наитвердѣйше доказывается, и потому, въ разсужденіи того нѣсколькаго, что есть истинное Витійство, смѣло утверждаю.

По сему основанію, никто и меня не можетъ праведно укорить, что я Элоквенціи Профессора имя и должность имѣю, а что всѣхъ дѣлъ Элоквенціи, которыя самъ я претставилъ, исправить притомъ не могу, искренно признаваюсь. Сіе весьма есть истинно, что къ исправленію всѣхъ ея дѣлъ, всячески я не способенъ; но къ отправленію нѣкоторыхъ, какъ все прилѣжаніе, все радѣніе, всѣ, наконецъ, силы, а особливо при Вашей помощи и наставленіи, приложить имѣю, такъ, равнымъ образомъ, не непохвально, безъ тщеславія, могу нѣчто исполнить. Никто одинъ всѣхъ дѣлъ Элоквенціи точно снести не можетъ: но можетъ каждой въ нѣкоторой ея части исправно обращаться, и потому, словеснаго Мужа имя отъ искусныхъ Людей заслужить себѣ навѣки. Чтожъ? понеже и самъ ПЕТРЪ великій, оный премудрый Основатель и Промыслитель сея Академіи, чрезъ тѣ Уставы, которые онъ къ ея управленію преднаписалъ, благо-

рассуднѣйше, какъ всегда, и вездѣ, и при всѣхъ дѣлахъ, не одному человѣку Ученіе, касающееся до благороднаго украшенія разуму, какъ пространное, трудное, и многое, но, на меньшоіі конецъ, тремъ Особамъ поручить повелѣлъ? Наиважнѣйшее, поистиннѣ, самовластіе сего Государя, и Государя наипроницательнѣйшаго, наиблагорассуднѣйшаго, наипремудрѣйшаго мысль моѳ не просто доказало, положило, но непоколебимо основало, утвердило.

ЧАСТЬ II.

Слѣдуетъ теперь оное второе, которое ни чрезъ тщательное доказательство, ни чрезъ сильное утвержденіе, но чрезъ одно токмо припоминовеніе за истиннѣйшее всякъ признаетъ. Ибо, кому извѣсно, что во всемъ Мірѣ многіе живутъ Народы, и что они между собою разнятся не токмо обыкновеніями, съ какими пребываютъ, не токмо уставами, какими себя управляютъ, но и языками, какими они говорятъ; тотъ праведно изъ того заключаетъ, что наиразличнѣйшая есть Элоквенція въ рассужденіи языковъ. Когда всеконечно разнится Еврейской языкъ отъ Греческаго, сей равнымъ же образомъ отъ Латінскаго; то всеконечно надобно, чтобъ сіи всѣ языки имѣли разную Элоквенцію въ рассужденіи одного языка съ другимъ, а сіе не по содержанію матеріи, которую они всѣ три одну къ доказанію воспріять могутъ, но по пословіямъ, по движенію выговора, и по произношенію гóлоса, къ изображенію чрезъ три языка единыя и тоякъ вещи, которое все не можетъ не быть разное на трехъ языкахъ, для того что они три языка наиразличнѣйшіе между собою. Положимъ же десять токмо языковъ во всей Вселенной. Чтожъ, какъ ихъ седмьдесятъ? Чтожъ, какъ сто? Чтожъ, какъ вдвое? Чтожъ, какъ весьма еще больше? Но пускай кладетъ и раскладываетъ на щоты, еще ктому и да счисляетъ всѣ ихъ до единаго тотъ, кому досужно: для меня надобно, чтобъ не былъ одинъ токмо языкъ. Но понеже не одинъ есть языкъ какъ изъ коренныхъ, такъ и отъ нихъ происшетшихъ, но мно-

гіе, которые человѣческой родъ употребляетъ на изъявленіе внутреннихъ своихъ мыслей. По сему, премногія находятся пословія, и движенія въ выговорѣ голосомъ, и онижъ всеконечно разныя, въ разсужденіи одного съ другимъ. Слѣдовательно, послѣ всего, наиразличнѣйшая есть Элоквенція на различнѣйшихъ языкахъ, и то какъ на коренныхъ, такъ и на тѣхъ всѣхъ, которые діалектами называются.

Отъ разности языковъ, которыхъ различные Народы, каждой между своими, на употребленіе согласились, сіе происходитъ весьма не неполезное, какъ мнѣ кажется, вопрошеніе, тоесть, къ какому больше каждой Народъ долженъ прилѣжать языку? Къ общему ли нѣкоторому, ежели онъ есть? Или о собственномъ и природномъ наивящшее радѣніе потребно ему имѣть, и оной всемѣрно претпочитать всѣмъ другимъ чужестраннымъ языкамъ? Но прежде нежели приступлю къ исслѣдованію сего вопроса, за благопотребно я разсудилъ объявить силу, въ какой пріемлю слово общаго языка. Того ради, общаго языка именемъ называю я не тотъ, ежели какой иногда употребляютъ разные и многіе между собою Народы, полученной отъ каждаго человѣка или чрезъ взаимное собщеніе, или чрезъ особливое изученіе; также и не тотъ, ежели какой есть между Учеными разныхъ Народовъ въ общемъ употребленіи: но такой особливо чрезъ общій языкъ разумѣю, которой бы принадлежалъ до всѣхъ наиразличнѣйшихъ Народовъ, не выключая ниединаго, по всей Вселенной разсѣянныхъ: а принадлежалъ бы къ нимъ такъ,

чтобъ оной былъ у нихъ генеральнымъ и въ Дѣлахъ, и въ Наукахъ, и во всѣхъ разговорахъ.

Что такой бутто бы не былъ прежде Вавілонскаго смѣшенія, пускай тотъ невѣрующій споритъ, которой истинному бытію противиться изволяетъ. Но я, съ моей стороны, утвердившись на самовластіи Божественнаго Писанія, которое отъ меня и вѣрнѣйшимъ Словомъ, и всякаго пріятія достойнѣйшимъ, благоговѣйно почитается, наисильнѣйшимъ образомъ, что былъ тогда, вѣрю. Однако, что нынѣ по всему ему подобный нигдѣ не обрѣтается, и что нигдѣ такой быть не имѣетъ до самаго преставленія Свѣта; то сіе толь истинное, и толь извѣсное, что всякъ и изъ простыхъ вѣдаетъ. Того ради, ни малаго не надлежитъ прилагать старанія о такомъ языкѣ, которой ни у како́ва не находится Народа, и никогда нигдѣ не найдется. Чтожъ до языковъ ученыхъ людей; о томъ послѣ упомянется. Остались токмо теперь разные языки, изъ которыхъ каждый есть чужой всѣмъ Народамъ, кромѣ одного только языка одному Народу, и изъ которыхъ также каждый есть одному Народу природной, кромѣ прочихъ всѣхъ Народовъ. Того ради, упражняющіися въ Витійствѣ долженъ всемѣрно разсуждать, о всѣхъ ли ему до одного языкахъ, о нѣкоторыхъ ли токмо чужихъ, надобно всеприлѣжное стараніе имѣть? Или, больше всѣхъ другихъ, природной бы любить, чистить, къ нему прилѣжать, о немъ всегда помышлять, и оной наичастѣйше употреблять?

Чтобъ съ самаго нача́ла мнѣніе мое объявить, опредѣляю, что о природномъ своемъ языкѣ, больше

нежели о всѣхъ прочихъ, каждому надлежитъ попеченіе имѣть: но чего ради я такъ опредѣляю, причины, которыя у меня наиважнѣйшими почитаются, здѣсь разсмотрѣть охотно потщусь. Изъ оныхъ самая первая есть: *наичастьйшее употребленіе, и почитай ежечасное.* Ибо куда бы кто, въ самомъ порядочномъ городѣ, ни пошелъ, вездѣ онъ природной своій языкъ услышать имѣетъ. Ежели въ большой колоколъ благовѣстятъ ему въ Церьковь, въ Церьквѣ природнымъ его языкомъ какъ молитвы проливаются, такъ Божіе проповѣдуется Слово. Буде, или для должности, или для любопытства, впустится верьховнаго Самодержца въ Палаты; въ Палатѣ всѣ (выключая иностранныхъ, гдѣ ихъ обыкновенно много бываетъ, или съ чужестранными разговаривающихъ) природнымъ языкомъ и взаимно себѣ поздравляютъ, и доброжеланіе свое объявляютъ, и другъ другу привѣтствуютъ, и прочее разговариваютъ какъ искренно, такъ и лицемѣрно, а сей онъ языкъ услышавъ, и самъ для чести не захочетъ другимъ говорить. Пускай претстанетъ въ Сенатѣ предъ Сенаторами; въ Сенатѣ также природнымъ языкомъ, и о нуждѣ своей претставитъ, и что они опредѣлятъ, тѣмже языкомъ написано будетъ. Пускаій войдетъ въ судейскую предъ Судью; предъ Судьею равнымъ образомъ, какъ дѣло свое оправданіемъ, или уликою очиститъ, ежели оно справедливое, такъ и обиненъ будетъ за оное, буде оно не справедливое, природнымъ языкомъ. Угодноль ему будетъ выти на площадь? На площади природнымъ языкомъ и самъ говорить имѣетъ, и отъ другихъ тѣмже разговоры поймѣтъ.

Пускай придетъ смотрѣть въ праздникъ комедію; и на театрѣ природнымъ языкомъ баснь претставляется. Пускай придетъ къ купцу; съ купцомъ природнымъ же языкомъ за товаръ его въ цѣнѣ торговаться будетъ. Что больше? Величавному солдату потакать станетъ, природнымъ языкомъ; работника наймет, природнымъ языкомъ; пріятелей поздравитъ, природнымъ языкомъ; на слугъ закричитъ, природнымъ языкомъ; дѣтямъ наставленіе преподастъ, природнымъ языкомъ; другую самого себя Половину или ласкаво примолвитъ, или гнѣвно съ нею говорить станетъ, природнымъ языкомъ.

И такъ, всѣмъ одного и тогожъ Общества должно неопходимо и Богу обѣты полагать, и Государю въ вѣрности присягать, и Сенаторовъ покорно просить, и Судей умилостивлять, и на площади разговаривать, и комедію слушать, и у купца покупать, и солдатамъ уступать, и работныхъ людей нанимать, и пріятелей поздравлять, и на слугъ кричать, и дѣтей обучать, и жену приговаривать, и пи́сьма писать, и хвалить, и хулить, и совѣтовать, и отводить, и обвинять, и оправлять, и чего не должно? Но все сіе токмо что природнымъ языкомъ.

Приступаю къ другому доказательству. Оное есть: *Способность и безопасность въ сочиненіи.* Которые чужими языками или говорятъ, или что нибудь пишутъ, воистинну тѣ прилѣжно наблюдать долженствуютъ, чтобъ все, что говорятъ и пишутъ, было и прямо, и по сво́йству того языка, и по употребительнѣйшимъ и лучшимъ пословіямъ, и по прочему премногому, а каждое по ниткѣ. Но здѣсь трудность; но

здѣсь трудъ. Ибо человѣкъ, которой не родился въ томъ Обществѣ, котораго онъ языкъ употребляетъ, едва можетъ когда не погрѣшить: а ежели есть нѣкоторые, какъ и есть подлинно, которые прямое употребленіе имѣютъ въ томъ языкѣ; но сіе самое коль не способно? Съ коликими запинками? Съ коликимъ сомнѣніемъ? Коль съ великимъ трудомъ они изображаютъ? То боятся, подлинноль сіе, или то изображеніе лучшаго употребленія? То сомнѣваются, отвѣтствуетъ ли глаголъ глаголу въ наклоненіи и во времени? То зоботливо рассматриваютъ, которой слогъ сего, или того реченія, такъ называемою силою, надобно возвысить, или ею не означить? То часто не знаютъ, которой слогъ должно протянуть, или кратко выговорить по тому природному произношенію? То по большой ча́сти наивожделѣннѣйше ожидаютъ самихъ словъ, которыя имъ надлежитъ искать за Геркулесовыми столбами [1]), и которыя упрямо не любятъ другія природы людей, и потому устремительнѣе воздушнаго вихря улетаютъ съ ихъ языка. Всегда такіе исполненны затрудненій, остановки, боязни, а иногда и стыда. Но что слѣдуетъ, то еще наитруднѣйшее а именно, едва кому нибудь, во всей его жизни, трехъ или четырехъ случится услышать говорящихъ чужимъ языкомъ, которые бы порочнаго не имѣли выговора въ произношеніи, въ рассужденіи того, како́ва тотъ языкъ требуетъ по своему сво́йству, и которые бы не портили слоговъ и реченій, чрезъ движеніе гортани, языка, и устъ,

[1] Сіе значитъ самую дальнюю страну.

привыкшее съ младенчества къ ихъ природному изглашенію.

Напротивъ того, въ природномъ языкѣ все само собою течетъ, и какъ бы на концѣ языка, или пера слова раждаются. Нѣтъ заботливаго попеченія о правотѣ изображеній, нѣтъ сомнѣнія въ разсужденіи словъ, нѣтъ остановки, нѣтъ боязни. Чисто ли частицы взаимно себѣ сотвѣтствуютъ, и надлежащее ли мѣсто въ рѣчи занимаютъ, безъ труда и тотъ кто пишетъ, и тотъ кто говоритъ, усматриваетъ. Но объ удареніи силою, нижѐ помышляетъ, кто употребляетъ природной языкъ, равно какъ и о прямомъ выговорѣ: все ему тотчасъ употребленіе и доказываетъ и утверждаетъ, также и до всего доброхотною природою и привычкою, отъ самыхъ младыхъ лѣтъ, провождаемъ и веденъ бываетъ.

Чтоже и тотъ самъ, кто природной языкъ употребляетъ, также выбираетъ краснѣйшія, учтивѣйшія и звончайшія слова; но сіе самое дѣлаетъ ни съ толикою заботою, съ коликими тожъ бываетъ въ чужихъ языкахъ, а всегда съ преизрядным успѣхомъ. Нѣтъ причины бояться природному Писателю, или Витію, такъ называемыхъ Барбарісма [1]), или Солецісма [2]): употребленіе, о которомъ ужѐ я упомянулъ однажды, и еще теперь чесно упоминаю, нечувствительно ему всѣ пороки, которыхъ должно опасаться, претставляетъ, и какъ бы на ухо шепчетъ. Поистиннѣ,

---

[1] Неприродное, или нечистое какóва языка слово.

[2] Природное и чистое какóва языка слово, но не въ той употребленное рѣчи, и не въ той силѣ.

чтобъ кратко сказать, и всю силу доказательства сего заключить, не въ Аѳинахъ кого нибудь рожденнаго и воспитаннаго, но Теофраста [1]) въ Лесбѣ родившагося, Аѳинейская оная женщина обличила въ погрѣшеніи Аттическія рѣчи, назвавши его въ смѣхъ иноземцомъ, которой впрочемъ думалъ о себѣ, что онъ совершенно то нарѣчіе зналъ, для весьма долгаго пребыванія въ томъ Цекропіевомъ городѣ.

Третіе доказаніе есть: *Послѣдняя причина или сила языковъ.* Всѣмъ извѣсно, что наружное слово, есть знакъ внутренняго понятія, которое всѣмъ людямъ, всѣмъ Народамъ, еще и всякому человѣку есть наіобщественнѣйшее; но наружные знаки, или наружное слово, инако, потому что каждой Народъ на особливыя согласился изображенія, для названія именемъ той, или другой вещи. По сему, наружные знаки, иные въ семъ Народѣ особливые, и ему только знаемые; другіе другаго Народа собственные, и отъ него токмо вѣдомые. Сіе тожъ, что и каждый Народъ имѣетъ особливо свой себѣ языкъ, и что столько разныхъ языковъ во всемъ Свѣтѣ, сколько въ немъ обитаетъ разныхъ Народовъ. Все сіе толь есть праведно, коль что наиправеднѣйшее быть можетъ, какъ и въ моемъ положеніи. Отъ сего ясно, что языкъ, которой одного Народа собственной, есть ему только весьма знаемой; всякой другой невѣдомой.

Но, ежели бы кто какимъ языкомъ сталъ гово-

---

[1] Цiц. въ Брут. числ. 172.
Квіптіл. кн. 8. гл. 1.
Плутарх. въ Перікл. стр. 156.

рить, которой бы совершенно былъ тому невѣдомъ, съ кѣмъ бы онъ говорилъ; въ такомъ случаѣ, не тожъ ли бы самое онъ дѣлалъ, какъ буттобъ ничего всеконечно не говорилъ? Того ради, послѣдняя причина, для которыя языки, состоитъ въ томъ, ЧТОБЪ ЯЗЫКЪ РАЗУМѢТЬ. Но тотъ безъ сомнѣнія, разумѣется, которой есть собственной одного Народа, одного Общества, одного Города. Потому, въ семъ Народѣ, въ семъ Обществѣ, въ семъ Городѣ надлежитъ употреблять его токмо всегда: сіе должность, сіе уставъ, сіе самая послѣдняя причина, или сила каждаго языка, повелѣваетъ. Слѣдовательно, къ природному языку, къ природному больше всѣхъ прочихъ, надлежитъ прилѣжаніе имѣть, чтобъ кому, по крайнему нещастію, неумѣющему природнаго языка, и принужденному показывать перстомъ въ ротъ для изъявленія своего голода, насмѣшники никчему годные зуба, съ превеликою его болѣзнію, не вырвали.

Примѣры, наконецъ, *прежде бывшихъ Народовъ, и которые нынѣ онымъ слѣдуютъ*, четвертый и послѣдній моего мнѣнія важный пунктъ. Понеже нѣтъ ничего въ смертной сей жизни, которое бы могло быть толь изрядное, толь честное, толь похвальное, толь неопходимое каждому Гражданину, а сіе и по Заповѣди ВСЕВЫШНЯГО, и по должности Гражданина и Человѣка, и по данной вѣрности, утвержденной клятвеннымъ обѣщаніемъ, Самодержцамъ, какъ чтобъ Отечество свое любить, къ нему во всю свою жизнь усердіе имѣть, пользу его наблюдать, всякое зло и отвращать и отгонять, отъ непріятелей оборонять, еще и кровь свою за спасеніе его

проливать, кратко, что бы ни было, которое бы или къ превеликому, или къ не большому, или къ посретственному прибытку Отечества служить могло, того отнюдъ не опускать, но самымъ дѣйствомъ производить, хотя и съ всеконечнымъ потеряніемъ своея жизни: того ради, наиблагорассуднѣйше жившіе прежде Народы дѣлали, которые всѣ ничего святяе Согражданъ своихъ пользы не почитая, сочиненія свои, или наставленію, или повѣствованію, или увеселенію служащія, природнымъ языкомъ и написали, и предали, и потомкамъ своимъ оставили.

Кто изъ древнихъ Грековъ, (не упоминая объ Индійскихъ Брахманахъ, о Египетскихъ жерцахъ, о Финікіанахъ, о Персахъ, и о другихъ премногихъ) или онъ Законодавецъ, или онъ Філософъ, или онъ Піитъ, или онъ Історікъ, или онъ Витій, издалъ что нибудь не по гречески? Кто изъ прежнихъ Римлянъ? Цицеронъ ли слова свои, Эпістолы, и другія Філософическія сочиненія? Лівій ли, Цесарь ли, Непотъ ли, Салустій ли, Курцій ли, Тацітъ ли, Юстінъ ли, Флоръ ли, прочіе ли другіе історіи свои? Маронъ ли, Назонъ ли, Флаккъ ли, Энній ли, Лукрецій ли, Теренцій ли, Плавтъ ли, Катуллъ ли, Тібуллъ ли, Проперцій ли, Персій ли, Ювеналъ ли, Клавдіанъ ли, другіе ли бесчисленные Піиты стіхи свои? Плініи ли оба нѣчто? оба ли Сенеки что нибудь? Никто, поистиннѣ, никто изъ нихъ: ибо всѣ Римляне что ни писали, то все по латінѣ писали. Но для чего? Чтобъ Отечества, и Согражданъ своихъ пользѣ дѣйствительнѣе услужить. А чегожъ ради не лучше по гречески, толь наипаче, что они всѣ въ греческомъ

языкѣ весьма искусны были? Чтобъ, сверьхъ пользы Отечеству, собственныя имъ важности честь сохранить, дятого что, по мнѣнію Римскаго Сатіріка Ювенала, [1]) стыдняе Латінамъ не знать по латінѣ. Всѣмъ ученымъ Людямъ совершенно вѣдомо [2]), что Тіберій Цесарь Римской и извиненія прежде просилъ у Сенаторовъ, что одно токмо чужестранное слово ему, предъ ними говоря, употребить надлежало. Пускай, все къ одному, посмотрится и помянутаго недавно Ювенала шестая Сатіра, какъ онъ въ ней, коль нѣжно толь праведно, хотя притомъ съ досадою, по обыкновенію Сатіріковъ, осмѣялъ Римскихъ Госпожъ все по Гречески тогда разговаривающихъ и дѣлающихъ.

Такъ премудро дѣлали древніе лучшіе Народы. Но не меньше благоразумно дѣлаютъ также и нынѣшніе Французы. Толь сіи далеко произвели наищасливѣйше природной свой языкъ, пишучи имъ все Божественное, все Гражданское, все до Наукъ касающееся, все Історическое, все Витійское, все Піитическое, все Крітическое, словомъ, всѣ какъ полезныя, красныя, такъ и увеселительныя Вещи, что не токмо пріятнѣйшимъ, слатчайшимъ, учтивѣйшимъ, и изобильнѣйшимъ всѣхъ прочихъ Европейскихъ учинили его, но еще и нужнымъ почитаи всея Европы Дворамъ, Судамъ, Міністрамъ, Посламъ, Полководцамъ, Воинамъ, Гражданамъ, ученымъ Людямъ, Купцамъ, ктомужъ и Художникамъ здѣлали, и такъ здѣ-

---

[1] Сатір. 6.

[2] Свет. въ Тіб. жит. гл. 71.

лали, что едва осталась надежда, чтобъ когда другой которой равную честь получить, и толикагожъ могъ быть пространства. Сего самаго нѣтъ ничего поистиннѣ къ пользѣ всякаго Общества способнѣе, къ славѣ всего Народа громчае, къ произведенію Наукъ и Знаній лучше, къ полученію вѣчныя отъ всѣхъ похвалы справедливѣе, славнѣе, и великолѣпнѣе.

Чтожъ? понеже и другіе премногіе учтивѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе въ Европѣ Народы, какъ проницательнѣйшіе Аглічане, благорассуднѣйшіе Голландцы, глубочайшіе Гішпанцы, острѣйшіе Італіянцы, витіеватѣйшіе Поляки, тщательнѣйшіе Шведы, важнѣйшіе Нѣмцы (выключая, изъ всѣхъ сихъ, нѣкоторыхъ угрюмыя школы учителей, которые не основательно думаютъ, что, хотя не все, то, по крайней мѣрѣ, наибо́льшая часть Ученія состоитъ токмо на Латінскомъ языкѣ) примѣру уже́ и славѣ Французовъ нынѣ подражаютъ, и съ благополучнымъ успѣхомъ желаемое получаютъ?

Чего ради, понеже все представленное выше за благопотребно разсудилось разумѣть въ рассужденіи нашего наиславнѣйшаго, наипонятнѣйшаго, и наихрабрѣйшаго Россійскаго Народа, дла́чего бы ему слѣдуя смотрѣть на толь многіе, и толико славные Народы, какъ древніе такъ и нынѣшніе, а всѣ премудрые, и къ полученію пользы, и къ прославленію своего имени, и къ произведенію всѣхъ Наукъ, и къ воспріятію похвалъ, я прежде всѣхъ искренно не совѣтовалъ? Да приложитъ токмо трудъ, увидитъ, увидитъ онъ вскорѣ, колико его языкъ, которой также

есть и мой, и обилія, и силъ, и красотъ, и пріятностей имѣетъ.

Чтожъ до меня особливо; сколько разъ я, по званію и по усердію, ни долженъ буду, а буду долженъ коль наичастѣйше, или лучше, никогда не долженъ не буду, или Добродѣтели, которыми Августѣйшая наша Самодержица ЕЛИСАВЕТА сіяетъ, какъ наіяснѣйшее Солнце предъ прочими мѣнышими свѣтилами, прославлять, или храбрымъ, милостивымъ, и премудрымъ ея Дѣламъ удивляться: то поистиннѣ прославлять имѣю Августѣйшую, раболѣпно почитать ЕЛИСАВЕТУ добродѣтельнѣйшую; и проповѣдуя удивляться великодушнѣйшей Дщери ПЕТРОВОЙ и ЕКАТЕРИНИНОЙ, наисильнѣйшей во Вселенной Императрицѣ, наивладычественнѣйшей Всероссійской Самодержицѣ, и при всемъ томъ, Всемилостивѣйшей всегда Государынѣ, токмо что природнымъ нашимъ языкомъ.

Что совершенно умѣетъ премудрая Императріца не токмо Нѣмецкой, но и Французской языкъ, то кто сего не вѣдаетъ? Но Величества Ея важность, превосходность, и пространство, не хочетъ другаго языка, кромѣ того, которымъ сія наикраснѣйшая наша Пулхерія, Богу благочестивѣйшая молится, Законъ христіаннѣйшая защищаетъ, Вѣру православнѣйшая исповѣдуетъ, Церковъ единую, святую, соборную, и апостольскую благоговѣйнѣйшая признаваетъ, Уставы благорассуднѣйшая полагаетъ, Славу своея Имперіи достойнѣйшая расширяетъ, въ Чины снисходительнѣйшая жалуетъ, за Заслуги щедролюбивѣйшая награждаетъ, Разговоры благосклоннѣй-

шая имѣетъ; ещежъ, совѣтуетъ, прощаетъ, хвалитъ наисправедливѣйшая.

О! дабы я толико имѣлъ способности къ похвалению, почтенію, и вездѣ и всегда къ наивящшему прославленію Августѣйшія ЕЛИСАВЕТЫ; колико бы ЕЛИСАВЕТЫ Августѣйшія верьховное Достоинство и преславную Добродѣтель возносить должно было! Ибо, ежели нимало не дерзать приносить похвалы Августѣйшей ЕЛИСАВЕТѢ, которая и по Имени и по Правленію Государства, Миръ есть БОЖІЙ, то сіе есть, не вѣдать Щедроты Ея; но ежелижъ нѣсколько дерзнуть, то сіе не разумѣть Великости Ея, есть неопходимо. Но хотя я силами разума и весьма къ тому не доволенъ; однако твердо надѣюсь, что сочинитъ слово самая моя горячая ревность, сердце искренное, усердіе кипящее, послушаніе должное, должность повелѣнная, вѣрность непорочная, что я все, до послѣдняго издыханія, Августѣйшей ЕЛИСАВЕТѢ, наивозможнѣйше и наипристойнѣйше, посвящаю, превручаю, благоговѣйнѣйше приношу въ жертву.

Но, можетъ кто нибудь подумать, что я толь чрезъ сильное радѣніе о природномъ языкѣ, совершенно опровергаю всякое приложеніе охоты и труда къ чужимъ языкамъ, отъ которыхъ толь великіе плоды получаются. Не весьма я, поистиннѣ, толь грубаго наставленія, да будетъ принято не въ самохвальство чтобъ я совершенно не разумѣлъ, что чужестранные языки не токмо наинужнѣйшій союзъ взаимнаго между Народами собщенія, превеликое украшеніе юношъ, увеселеніе мужей, честь престарѣлыхъ лю-

дей, наилучшее средство къ полученію просвѣщеннаго Познанія, но еще и знаменитѣйшій Даръ СВЯТАГО ДУХА, какъ научаетъ Священное Писаніе. Толико я, по сему, не только за неполезное не признаваю учиться чужимъ языкамъ; но еще къ тому наисильнѣйшимъ образомъ всѣхъ и возбуждаю: только притомъ первѣйшаго и тщательнѣйшаго старанія о природномъ языкѣ, нежели о всѣхъ другихъ, какъ желаю, такъ оное и совѣтую.

Того ради, да учатся хотящіе Еврейскому, Греческому, Французскому, Аглінскому, Італіянскому, Нѣмецкому: да употребляютъ ученые Люди довольно и предовольно вычищенной, по долговременной тьмѣ варварства (отъ Петрарховъ, отъ Хрізолоровъ, отъ Скалігеровъ, отъ Эразмовъ, отъ Валлісовъ, отъ Целларіевъ, отъ Лангіевъ, отъ Веіссіевъ, отъ Гінтеровъ, отъ Ворстіевъ, отъ Борріхіевъ, отъ Воссіевъ, отъ Періціоніевъ, отъ Шіоппіевъ, отъ Прашіевъ, отъ Шмідіевъ, отъ Гроссеровъ, отъ Санкціевъ, отъ Фокеротовъ, отъ Моргоффіевъ, и отъ премногихъ другихъ, какъ Французовъ, Аглічанъ, Італіянцовъ, Нідерландцовъ, Датчанъ, такъ особливо отъ Нѣмцовъ) также и Латінской языкъ къ общей Наукъ способности; только да не называютъ его благороднѣйшимъ всѣхъ прочихъ, а особливо каждой своего природнаго, сіе не знаю чемъ угрюмымъ дышетъ, и да не приписываютъ толь много чести Латінскому языку, дабы думать, что все навсе Ученіе токмо на немъ состоитъ. Сіе затвердѣлое мнѣніе ничемъ, меньше, какъ ложнѣйшимъ показываютъ или образцы, или упатки языковъ.

Всякъ тогда изъ Грековъ былъ совершенно увѣренъ, что токмо его одинъ языкъ есть и нача́ло, и основаніе, и верьхъ всѣхъ Наукъ и Знаній, и думалъ всячески быть невозможнымъ дѣломъ, чтобъ другой какой изъ ва́рварскихъ, которымъ ненависнымъ именемъ всѣ прочіе, не меньше они гордо, какъ и напрасно, называли, тѣмъ самымъ превосхотствомъ могъ когда величаться, и превосходить тѣмже самымъ преимуществомъ. Но Римской потомъ до того дошелъ, что не токмо Греческаго языка всячески не надобно уже́ стало въ Римѣ, но еще всѣ Науки и Художества своими собственными названіями оной предавалъ и писалъ, и пребывалъ въ силѣ отъ тѣхъ поръ, до нашихъ временъ, называяся общимъ, по крайней мѣрѣ, между Учеными. Однако, и сей, равнымъ образомъ, столькожъ непристойно величается симъ именемъ: обличаетъ его спесь Аглінской, показываетъ чванство его Італіянской, доноситъ на тщеславіе его Нѣмецкой, но сильняе всѣ доказываетъ его въ томъ гордость Французской.

Того ради, безъ всякаго сомнѣнія, уповаю, что и нашъ также, напослѣдокъ, сіе самое собою наикрѣпчайше поттвердить имѣетъ, ежели сперва многіе переводы съ другихъ языковъ и начнетъ и совершитъ, и симъ образомъ пословія своего сочиненія вычиститъ, а при всемъ томъ, многія и различныя вещи именами называя, богатое изобиліе словъ получитъ. И такъ, да переводятъ, которые цвѣтутъ изъ нашихъ искусствомъ языковъ, все что преизрядньйшее, все что полезньйшее, все что достойньйшее въ чужихъ языкахъ, на нашъ Россійской языкъ;

да обогащаютъ Россію выборнѣйшими Книгами; да утоляютъ жажду во многихъ, которую они имѣютъ къ чтенію, къ полученію наставленія, къ наслажденію разума и сéрдца, къ пріобрѣтенію не токмо бóльшаго въ разумѣ просвѣщенія, но, что вящшее есть, и твердѣйшаго исправленія въ добродѣтельное сердце; да будутъ, да будутъ благовременно и себѣ, и всему Отечеству, и Самодержицѣ, и православной Церькви, чрезъ такіе труды полезнѣйшими и нужнѣйшими людьми. Но однако да не вознерадятъ Ученые наши также и собственнымъ своимъ трудомъ что-нибудь между тѣмъ сочиненное, Обществу подавать: всегда удивляться чужому искусству, а собственныхъ силъ не отвѣдывать, и о собственномъ искусствѣ не стараться, знакъ есть незнанія и лѣности, или, по крайней мѣрѣ, ненадѣянія къ здѣланію равнаго, хотя бы ужъ и такóва, которое бы весьма мало не равнялось.

Но и вы, О! дражайшіе Россіане, здѣлаете либо еще и плодоноснѣйшее, и полезнѣйшее, и изящнѣйшее, и высочайшее; ежели о томъ всякими мѣрами, неусыпнымъ прилѣжаніемъ, всѣми, наконецъ, силами, денно и нощно (тотъ сіе, тотъ другое, тотъ иное, а всѣ совокупно что преизряднѣйшее, что наиполезнѣйшее, что наинужнѣйшее) потщаться благоволите.

ЧАСТЬ III.

Довольно ужѣ предложено о различнѣйшемъ Витійствѣ по различнымъ, въ числѣ и своёйствѣ, языкамъ, также о самóй притомъ разности ихъ, и объ особливомъ радѣніи и прилѣжаніи къ природному, которой есть собственной каждому Народу. Надобно исслѣдовать въ семъ третіемъ мѣстѣ, коль есть искусна и хитра Элоквенція въ рассужденіи словъ, понеже я въ самомъ началѣ сказалъ, что она есть наихитрѣйшая.

Сіе толь есть извѣснѣйшее, коль истиннѣйшее, что всякому искусству, какóва бы оно ни было рода и вида, матерь есть Нужда. Не столько бы крайнее было искусство въ человѣческомъ родѣ; ежели бы крайняго его не производила неопходимая нужда. И такъ, Обществами собранными, Городами созданными, Домами построенными, Войскомъ набраннымъ, Флотами въ море отпущенными, Уставами положенными, Правами опредѣленными, Сенатомъ вознесеннымъ, Судіями поставленными, Полями вспаханными, Купечествомъ учрежденнымъ, Науками изобрѣтенными, Художествами произведенными, Орудіями здѣланными, словомъ, всѣмъ, что хитрость человѣческая или для полученія добра, или для отвращенія зла, или для пріобрѣтенія выгоды, привела въ совершенство, всѣмъ, повторяю, симъ одолжены мы нуждѣ.

Не знаю, пребывая въ сомнѣніи, лучше ли должно называть нужду преизрядною, или премерскою? Ежели на нея посмотрѣть; понеже она страшна, за-

марана, скверна, хвора, суха, тонка, убога, бѣдна, ободрана, зоботлива, стонлива, печальна, оставленна, смущенна, морщиновата, блѣдна, стара, дурна, вся брошена, вся презрѣнна, вся попранна, вся обругана, вся всѣмъ ненависна; къ томужъ, понеже еще вся чудовище ужасное, безобразное, превеликое: то премерская есть нужда.

Но напротивъ того, буде рассудить, коль она умна, благоразумна, мудра, поворотлива, скора на поданіе помощи, крѣпка въ претерпѣніи голода и жажды, способна на утѣшеніе, терпѣлива на то, чего миновать не возможно, смышлена на изобрѣтеніе способовъ, искусна въ произведеніи оныхъ въ дѣло, сильна къ понесенію тяжестей, трудолюбна, прилѣжна, всегда побѣдительница того, что зло, многаго, буде не всего, добра изобрѣтательница; но что еще больше, коль она покорна, кротка, услужлива, стыдлива: если все сіе исправно, прямо, и на справедливыхъ рассужденія вѣскахъ взвѣсится, и освидѣтельствуется, то преизрядною назвать, еще и въ число добродѣтелей включить нужду, не стыдно. И поистиннѣ, какъ не все, что свѣтится, есть золото, по присловію; такъ не все то свинечнаго цвѣта, что по землѣ презрѣнное валяется. То все по правдѣ есть преизрядное, хотя оно сіяетъ, хотя во тьмѣ пребываетъ, которое много смыслитъ. Но много смыслитъ нужда. Слѣдуетъ, что преизрядная есть нужда.

Но впрочемъ, какъ ни будетъ принята нужда, и какою ни назовется она, тоесть, или премерскою, или преизрядною; однако, чтобъ возвратилось слово къ Витійству, сіе всю свою хитрость и искусство,

коль оно ни велико, отъ нужды себѣ вѣчно данное имѣетъ. Ибо нужда первая и послѣдняя есть причина, по чему Элоквенція наихитрѣйшая есть въ словахъ: но красота словъ, понеже есть и она, дѣлаетъ Элоквенцію токмо пріятною, а не твердою, такъ что украшеніе слова, хотя и много служитъ истинному Витійству, однако больше раболѣпствуетъ пустому и притворному.

Но сего ради не должножъ отвергать всякаго надлежащаго убранства истинному Краснорѣчію, понеже обще украшается онымъ и притворное; равнымъ образомъ, какъ не того ради не надобно благороднѣйшимъ Дѣвицамъ, пристойно и искусно употреблять румянцы, чтобъ былъ въ лицѣ сіяющій цвѣтъ, и лучшее въ немъ пригожство, что понеже и безмѣрно и не кстати мажутся онымъ подлыя женщины. Да будетъ, желаю, и красна, и учтива, и хороша, и чиста, и великолѣпна истинная Элоквенція; однако да будетъ такая чесно, прилично, не безъ мѣры, но въ мѣру, и да не инако себя ведетъ, какъ высокая Госпожа, которой повелѣно въ торжественные дни танцовать, а не такъ бы она рѣзво и кривляючись плясала, какъ деревенская баба. Къ чемужъ сіе идетъ? Дабы выразумѣть, что не красота и оказалость есть причиною искусства, которое употребляетъ въ словахъ Элоквенція; но вся тому причина, токмо одна нужда.

И какъ вещей, которыя Элоквенціи изображать должно, много, или и безъ числа, а словъ не столько, которыя какъ бы въ нѣкоторыхъ границахъ заключены, такъ что никакая Элоквенція всѣхъ вещей,

собственными ихъ именами назвать не можетъ. Чтожъ посему надобно дѣлать? Должно изобразить вещи словами; но словъ на изображеніе вещей иногда не достаетъ. Или ужѣ сего ради оставить должно Краснорѣчію имя Краснорѣчія, которое происходитъ отъ Рѣчи? Должность лежитъ выговаривать все, а выговаривать все собственными названіями: ибо ежели не собственныя употребитъ слова Витійство, то поистиннѣ выговоритъ не то, что оно хотѣло. Но на изображеніе всѣхъ вещей, словъ столько нѣтъ. Чтожъ потому, еще повторяю, что должно дѣлать? Ужѣ ли всеконечно покидать приходитъ имя Краснорѣчія, понеже повелительное убожество настоитъ, понуждаетъ, присниваетъ? Покидать бы поистиннѣ пришло, ежели бы не замысловатая нужда сильно возбудила Элоквенцію, прибѣгнуть къ искусству. Но что есть оное, толь ужѣ почитай надокучившее за искусство, извольте послушать.

Извѣсно ужѣ чрезъ предложенное выше, что собственныхъ словъ не достаетъ на изображеніе всѣхъ вещей. Того ради, когда Элоквенція не можетъ какія нибудь вещи означить собственнымъ ея именемъ, тотчасъ тогда ищетъ подобныя ей, которую бы она могла изъявить собственнымъ названіемъ, а нашедши, выговариваетъ ея называя собственнымъ именемъ, и такимъ образомъ чрезъ сіе подобіе послѣднія вещи съ первою, способно направляетъ, и приводитъ къ уразумѣнію первыя оныя. Хвалите, словесньйшіе Господа, искусство Витійства: достойно оно, чтобъ и Вашею похвалою возвеличено было: ибо толь наипаче кажется мнѣ, что оно хвалу себѣ

заслужило, что, понеже всякое индѣ подобіе по правдѣ храмымъ называется, у Элоквенціи не токмо прямо оно идетъ, но еще съ оказалостію идетъ, съ пріятностію движется. Хвали́те, ученнѣйшіе Господа́, и совокупно притомъ люби́те хитрость Краснорѣчія, которую чтобъ вамъ хвалить и любить, какъ уже однажды я Васъ просилъ, такъ паки теперь дружески прошу.

По сей причинѣ, когда Элоквенція изобразить желаетъ како́ва мужа, какой разумъ, какую чистоту, а сіе толь превосходно, чтобъ выше того быть не могло, съ важностію выговариваетъ: мужъ *божественный*, разумъ *божественный*, чистота *ангельская*: ибо нѣтъ ничего, которое бы Божества было совершеннѣе, и чистоты небесныхъ Духовъ превосходнѣе. Равнымъ же образомъ, Элоквенція когонибудь видитъ, и удивляется ему, что онъ или *разгарается* гнѣвомъ, или *горитъ* похотію, или *дышетъ* угроженіями, или *утопаетъ* въ піянствѣ; также дѣлаетъ она, что или *течетъ* слово, или *деревѣнѣетъ* сама, что времена *пасмурныя* становятся. Такимъ же способомъ Элоквенція *подымается* на пороки бездѣльниковъ, которые добродѣтели и въ *лицо* никогда не знали; но токмо они *язва общая*, и родились на *промотаніе* всего какъ своего, такъ и чужаго.

Не токмо Витійство искусно есть подобіемъ; искусно оно еще и схотствомъ, каково бываетъ между причиною и дѣйствіемъ, между вещію и вещественнымъ, между существомъ и сво́йствомъ, между предидущимъ и послѣдующимъ, между родомъ и видомъ, между цѣлымъ и частію, и напротивъ того,

Того ради и принимаетъ оно *Марса* за воїну, *Віргілія*, за писанія его, *руку* за письмо; Смерть называетъ *блѣдною*, Старость *печальною*, *сребро* также вмѣсто денегъ; *Римъ* принимаетъ за Римлянъ, *міръ* за людей, *рюмку* за віно; *віно* за рюмки, *скипетръ* за величество, *гонимую правду* за праведныхъ, *вѣкъ поврежденный* за нравы; *былъ здѣсь*, за вышелъ отсюду; *ружье* за фузѣю, *мужество* за силу; *шпагу* за всякое оружіе; *Піита* за Віргілія, *Ира* за убогаго, *городъ* за Москву; *Петра погребеннаго*, за тѣло Петрово, *егожъ вселенная, въ небѣ*, за его дѹшу; *свой уголъ*, за целой свой домъ, *ихъ тутъ тысячи* за премного, *сотью* за часто весьма, *Турка збитаго* за побѣжденныхъ Турковъ, и другія бесчисленныя.

Сіе искусство Краснорѣчія, у Реторовъ обыкновенно называется Тро́пами, изъ которыхъ наиглавнѣйшіе: МЕТАФОРА, МЕТОНІМІЯ, МЕТАЛЕ́ПСІСЪ, СІНЕ́КДОХА, и АНТОНОМАСІЯ. Нѣтъ причины, чтобъ я пространнѣе говорилъ объ АЛЛЕГОРІИ, которая токмо что непрерывная есть Метафора. Но объ ІРОНІИ и ГІПЕ́РБОЛѢ совершенно умолчать заблагопотребно разсуждаю, потому что ничего на смѣхъ, и ничего чрезъ лишекъ, какъ изъ того, что ужѣ я говорилъ, такъ и изъ оставшагося говорить, я положилъ, длятого что такъ положить долженствовалъ, Вамъ, благорассуднѣйшіе Господа, не представлять.

Изъ всего сего, каждому уже, думаю, ясно есть, что Элоквенція наихитрѣйшая есть въ словахъ; а притомъ, что все ея искусство не пріятности, ни оказалости, но одной токмо нуждѣ приписывать

должно: ибо пріятность и оказалость не до тропов, но до такъ называемыхъ *фигуръ какъ словъ*, такъ и *целыхъ речей*, по истинному праву принадлежать долженствуютъ.

Здѣсь бы надлежало окончить третію сію часть; но встрѣчается и на семъ мѣстѣ нѣкоторой трудноватой вопросъ, а именно: то ли Витійство, которое вобще толь есть искусно на слова отъ нужды въ особливости обильнымъ надлежитъ и называть и почитать, которое одну и тужъ вещь многими именами изображать можетъ, такъ что оно многимъ токмо вещамъ многія имена имѣетъ, но нѣкоторыя изъ всѣхъ ни однимъ только назвать не можетъ? Или, справедливѣе то обильнѣйшимъ есть, которое ни на одну вещь многихъ именъ не имѣетъ, но изъ всѣхъ до одной, каждой особливое имя налагаетъ?

Часто подлинно случалось мнѣ слыхать разсужденія о сей матеріи, когда еще я гостилъ живучи въ Парижѣ отъ самыхъ ученыхъ Людей, на обѣ стороны благоразумныя и сильныя. Однако мнѣніе исправнѣйшаго Аббата Гірарда, которой и презрядную Книгу [1]), нарочно о сей вещи, Французскимъ языкомъ сочинилъ, и въ народъ пустилъ, и мнѣ, равно какъ и всѣмъ нашимъ тамже тогда пребывающимъ, самой благосклонной былъ пріятель, я здѣсь за мое собственное пріемлю. И такъ, я полагаю съ нимъ, что Элоквенція, которая хотя ни на одну токмо вещь многихъ именъ не имѣетъ, но изъ всѣхъ до одной, каждой одно имя налагаетъ, есть обильнѣйшая.

[1] Justesse de la langue Françoise.

Ибо, какъ я не ставлю богатымъ баснословнаго онаго Фрігійскаго Царя Міда, которой хотя преужасное множество одного токмо золота имѣлъ, однако всѣхъ другихъ вещей, нужныхъ въ житіи человѣческомъ, былъ лишенъ, и почитай было съ голоду совершенно погибъ, ежели бы онъ чрезъ собственную и крайнюю своѭ напасть не позналъ, что прибыльняе лишиться золота и серебра, нежели съѣснаго добра: такъ не то Витійство обильнѣйшимъ почитаю, которое довольно есть къ названію многихъ вещей, каждую многими именами, а не къ названію всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, едва токмо не всѣхъ. Наибѣднѣйшій былъ, хотя и ухастый, Мідъ со всѣмъ своимъ золотомъ; равнымъ образомъ, весьма есть убога, даромъ что велерѣчива такая Элоквенція съ премногими именами нѣкоторымъ токмо вещамъ.

Признаемся по правдѣ; что бы мнѣ воистинну иное называлъ ктонибудь голодной, прося токмо хлѣба, хотя бы онъ всѣми языками тотъ называлъ, какъ только бы просилъ, хлѣба, хлѣба, да хлѣба? Неинако есть сіе и въ разсужденіи совокупно накладеныхъ Сіонімій, которыя одну токмо вещь, безъ приложенія къ ней другія важности, изображаютъ. Сей наиособливѣйшій есть даръ пустыя Элоквенціи, а не истинныя и твердыя. Прямое краснорѣчіе, употребляя Сіоніміи, не употребляетъ оныхъ какъ бы на размноженіи единыя вещи числомъ, но на различіе ея или достойностію, или важностію, или великостію, или другимъ какимъ наисильнѣйшимъ обстоятельствомъ, такъ что всегда нѣчто бо́льшее придается вещи.

Чего ради, ежели безъ всякаго послабленія точно положить; то нѣтъ ни одного всеконечно соименнаго слóва: но которыя, почитаются за соименныя, тѣ не основательно почитаются, для того что просто принимаются, и безъ всякаго разсужденія о различіи, каково находится у одного слóва съ другимъ, воспріятымъ совершенно въ той же силѣ съ первымъ, или съ премногими другими. Но выговорить, или умолчать, какъ я думаю? По сему простому набранію соименныхъ словъ, столько мнѣ безумна Элоквенція, сколько она есть искусна у меня въ словахъ отъ нужды.

Часть IV.

Пользуяся по сіе мѣсто доброхотнымъ Вашимъ вниманіемъ, Изящнѣйшіе Господа, твердо уповаю, что Вы также и послѣднее мое утвержденіе съ тѣмъ же доброхотствомъ, съ тѣмъ же благопріятствомъ выслушать въ молчаніи, и по правдѣ рассудить изволите. Отправилъ я трудное и важное; осталось хотя не лехкое, но кратко предлагаемое. Наипріятнѣйшее оно есть къ рассужденію, плодоноснѣйшее къ любопытству; но равнымъ образомъ толь наипростѣйшее къ предложенію, коль наиспособнѣйшее къ украшенію. Ибо претставлено отъ меня, что наинесхотственнѣйшая есть Элоквенція въ рассужденіи Особъ.

Опасаюсь, чтобъ не нашлись такіе люди, которые бы сіе лехкимъ, и не весьма достойнымъ важности Витійства почли, ещежъ, что больше боюсь, чтобъ ужѣ нестаточнымъ и невмѣснымъ понятію не назвали. По сему, можетъ быть долженствую имъ нѣсколько уступить добровольно, тоесть, что съ перваго взгляду, и безъ дальнѣйшаго о вещи размышленія, сіе можетъ такъ нѣкоторымъ показаться.

Ибо сколько ни есть различныхъ языковъ; однако всѣ употребляющіе ихъ, при различномъ выговорѣ, и весьма при многихъ разныхъ пословіяхъ, токмо что тужъ самую, и себѣ во всемъ подобную, Элоквенцію имѣютъ. Тѣмже образомъ всѣ они располагаютъ, тѣмже отражаютъ, тѣмже благосклонности ищутъ, тѣмже предлагаютъ, тѣмже расширяютъ, тѣмже уничтожаютъ, тѣмже въ сердце влагаютъ;

кратко, для тѣхъ же самыхъ причинъ изрядное хвалятъ, мерское хулятъ, полезное совѣтуютъ, вредительное отвергаютъ, справедливое оправляютъ, неправедное обвиняютъ. Тоесть, по тойже самой Краснорѣчія Наукѣ поступаютъ, которая увѣданными, и совершенно въ понятіе вложенными, и къ одному окончанію ведущими, и никогда необманывающими состоитъ вещами; сирѣчь: Элоквенція, какъ Элоквенція, всегда и вездѣ себѣ подобна, а никогда и нигдѣ не можетъ быть съ собою несхотственна. Съ сея воистинну стороны, таково есть Витійство.

Однако, да посмотрятъ, прошу, сіи съ другоій стороны на Элоквенцію; тотчасъ увидятъ, что она наинесхотственнѣйшая съ собою, и что хотя дѣйствуетъ тѣмже самымъ способомъ, въ разсужденіи сретствіи, которыми дѣйствуетъ, но весьма несхотственнымъ образомъ въ каждой Особѣ, въ которыхъ дѣйствуетъ тѣмиже сретствіями

Но и сіе ли толь бѣдныя есть нужды, что бы вещь толико ясная сама собою, колико истиннѣйшая по самой истиннѣ, неопходимо требовала изъясненія отъ примѣра? Однако должно ея изъяснить, дабы больше ни незбыточною, ни невмѣсною съ разумомъ отъ нѣкоторыхъ не почиталась. Тажъ самая Булава, но тажъ самая она тяжела была въ рукахъ у Омфалы, которая была Лідіиская Царица, а лехка въ рукахъ у Геркулеса, о которомъ баснословятъ, что онъ былъ чудовищъ Истребитель. Но, не тажъ ли токмо была Булава у обоихъ въ рукахъ? Длячегожъ она сему лехка, а той была тяжела? Длятого, что ту

булаву ру́ки обращали разныхъ Особъ, у которыхъ и силы неравныя и полъ былъ различенъ.

По сему, да приложится схотство сего примѣра къ Элоквенціи; да будетъ она въ разныхъ Особахъ: тоесть, да будетъ въ Демостенѣ, да будетъ въ Ізократѣ, да будетъ въ Эсхінѣ, да будетъ въ Гіперідѣ, да будетъ въ Коттѣ, да будетъ въ Крассѣ, да будетъ въ Гортенсіи, да будетъ въ Ціцеронѣ, да будетъ въ другихъ премногихъ. Чтожъ потомъ? Думать ли намъ, что всѣ они имѣли одинъ токмо характеръ Краснорѣчія? Или мы отъ потписаннаго имени въ заглавіи каждаго или Сло́ва, или Разсужденія како́ва познаваемъ токмо, которое есть Демостеново, которое Ізократово, которое Гортенсіево, которое са́мое Ціцероново?

Вашею, Вашею славою свидѣтельствуюся, и ея призываю, О! главныя всея достойнопочитаемыя Древности Витіи! Вашею также, О! и Вы преизящные Писатели, которые нашему вѣку и разумомъ и краснорѣчіемъ прино́сите славу, и которыхъ я всѣхъ съ почтеніемъ взываю! Не ужѣ ли Вы всѣ совершенно подобны, какъ тогда были, такъ и нынѣ находитесь, оному нѣкоторому бездѣльному маляру, которой намѣрившись написать Императорственную птицу, тоесть, Орла на картинѣ, отъ недостатка искусства намалевалъ скверную и точную Сову, а увидѣвъ кистію изображенную отъ себя сію нестроїную птичищу, потписалъ имя, ЭТО де ОРЕЛЪ. О! мой утѣшной другъ! Или у тебя нѣтъ никакія разности между великодушнѣйшимъ Орломъ, и чорныя природы Совою, наменьшой конецъ, въ разсужденіи на-

ружнаго вида? Почто лехкомысленно погрѣшаешь, что Смотрители лучше повѣрятъ потписанному отъ тебя имени, нежели собственнымъ своимъ очамъ, и за тѣмъ по имени Орла, а не по виду признавать имѣютъ?

Прочъ, прочъ отъ меня толь обидное мнѣніе о всѣхъ, какъ прошетшихъ давно вѣковъ, такъ и недавно прошетшихъ, и притомъ нынѣшнихъ лѣтъ Орлахъ въ родѣ краснорѣчія и сочиненія: ибо я ихъ узнаваю не по имени потписанному при ихъ Словахъ, но по внутренной способности, которая въ каждомъ есть особлива. Сію всякъ изъ нихъ не чрезъ, чтобъ употребить слова Туллиевы [1]), всякъ, повторяю, изъ нихъ не чрезъ науку, преданіе, чтеніе получилъ; но изъ самыя природы изъялъ, исчерпнулъ, изжалъ.

Сія есть причина, что мы одного Писателя называемъ Краснорѣчіе великолѣпнымъ, важнымъ, обильнымъ, краснымъ, въ числѣ мѣрнымъ, высокимъ; другаго Витійство неповрежденымъ, пріятнымъ, простымъ, вычищенымъ, природнымъ. Въ третіемъ читаемъ оное учтивымъ, высвѣтленымъ, чистымъ, цвѣтнымъ; въ четвертомъ избраннымъ, думанымъ, веселымъ, непритворнымъ. Сего есть Элоквенція способная, разливающаяся, текущая, млечными обильно струями катящаяся; но того краткая, скорая, выработаная, сильными рѣчами наполненая, устремительная. Сей перуны мечетъ и гремитъ; но другой не знаю что пріятное вѣщаетъ, и сладкое играетъ. Сего жестотою неглатка есть Элоквенція съ

[1] Слово объ Анн. Мілонѣ.

нѣкоторою властію; но того кротостію себя выхваляетъ и покорностію. Сего: . . . . . но я звѣзды всѣ исчисляющимъ, и также угадывающимъ

. . . . . коль въ класахъ зернышекъ спѣетъ,
Вѣтвей коль въ лѣсахъ, песку брегъ сколько имѣетъ,
И Палладино коль древо цвѣтуще олівъ, [1])

показался бы, ежелибъ всѣ сіи до одного, и симъ противные, характеры перебрать хотѣли исправно и точно: ибо

. . . . . прежде Понтъ въ Евиръ взнесется,
Хищна Сціла въ ярости уймется,
Прежде класъ по морю будетъ зрѣть,
Темна ночь отъ Солнца свѣтъ имѣть,
Прежде жизнь и смерть любовь съ собою,
Вѣтръ поставитъ съ моремъ, огнь съ водою, [2])

нежели я когда совершенный къ томъ успѣхъ получить возмогу.

Трудно, поистиннѣ, тотчасъ и впервые познать отъ простаго читанія, каждаго внутреннія характеръ слога, ежели Авторъ не весьма еще извѣстенъ; но когда совершенно узнается, и однажды, паки, и многократно различной его трудъ прочтенъ будетъ; тогда толь лехко узнавать способъ его собственнаго сочиненія, коль способно познавается отъ лінѣи Апеллъ, отъ пазнохтя Левъ, отъ поющія Ласточки лѣто.

Но пускай трудно сіе будетъ къ познанію: еще и самъ я на сіе охотно соглашаюсь. Чтожъ изъ сего?

---

[1] Овід. Метаморф. кн. 11.
Онъ же о Наук. кн. 1.

[2] Сенек. въ Тіест.

Что противъ меня? Что мнѣніе мое со всѣмъ его коренемъ исторгаетъ? Что хотя бы уже препятствовало, чтобъ не столькожъ истинно и твердо всегда пребывало, что Элоквенція есть наинесхотственнѣйшая съ собою въ разсужденіи разныхъ особъ, а не токмо чтобъ могло сіе ложнымъ быть доказано? Но сіе одно мое и было, которое никогда не можетъ быть подвержено никакому спору; сіежъ самое я, коль возможно кратко, предложилъ, доказалъ, утвердилъ.

Но можетъ быть кто спроситъ у меня: откуду бы происходило толикое несхотство Краснорѣчія въ каждой Особѣ? На сей вопросъ оное токмо Сократово отвѣтствую, тоесть, что только одно въ разсужденіи сего я знаю, сирѣчь, ничего не знаю. Знаю впрочемъ, что многіе нѣкоторую общую разность поставляютъ, и приписываютъ оную природѣ целаго Народа. Но ежели бы сіе праведно было; то бы Витіи одного Народа не разнилися между собою. Нѣкоторые доказываютъ сіе однимъ и тѣмже вѣкомъ. Но и сіе тѣмже я опровергаю, чемъ прежнее. Иные изъясняютъ сіе различіемъ поясовъ небесныхъ. Но положимъ двухъ токмо Витій, родившихся подъ однимъ поясомъ небеснымъ: изъ сихъ, поистиннѣ, оба различной слогъ между собою имѣть будутъ. Симъ образомъ и о прочихъ разумѣть, подъ однимъ поясомъ на свѣтъ вышетшихъ, должно; и потому, ежели положить токмо двадцать четыре Клімата числомъ, то сорокъ восемь найдется подъ ними наиразличнѣйшихъ Писателей. Есть и такіе, которые отдаютъ сіежъ множеству учителей Краснорѣчія. Но пускай будетъ напримѣръ сто числомъ учителей, изъ кото-

рыхъ у каждаго десять учениковъ научились; то изъ всѣхъ сихъ, безъ всякаго сомнѣнія, не каждые десять, но каждой одинъ имѣть будетъ съ каждымъ другимъ наиразличнѣйшій стіль: что почитай ежедневные опыты поттвердить могутъ. Сколькожъ велика будетъ разность между всѣми тысячью учениками, то лехко всякъ понимаетъ.

Напротивъ сего, нѣкоторые, а сіи и премногіе, и рассудительнѣйшіе, не признавая никакова общаго различія, производятъ особливое каждыя Особы Краснорѣчіе изъ различнаго воспитанія, изъ различныхъ лѣтъ, изъ разныхъ въ каждомъ природныхъ растворенiй какъ простыхъ, такъ и смѣшенныхъ, изъ различныхъ пристрастій, изъ различнаго расположенія мозгу, и изъ другихъ подобныхъ причинъ, которыя принадлежатъ до взаимнаго собщенія души съ тѣлесными орудіями.

Но сколько ни есть въ сихъ разныхъ толкованіяхъ правды, или неправды, понеже сіе не касается до моего дѣла; то лучше молчащій Витій, нежели продерзосный Фізіологъ, перестаю хотя изыскивать причины, однако не могу удержаться, чтобъ еще при окончаніи не донесть одного, а сіе послѣ премудрыхъ Мужей, то есть, что изъ словъ могутъ нѣсколько познаваться каждаго человѣка нравы и склонности, не инако какъ сегожъ самаго добираются по состоянію лица, и по сверканію глазъ, хотя чело, очи, и лице весьма часто лгутъ, по мнѣнію Цицеронову [1]).

[1] 1. къ Квінт. брат.

Выслушали Вы, Благороднѣйшіе, Почтеннѣйшіе, Славнѣйшіе Господа, всѣхъ родовъ преизобильными вещами обогащенную Элоквенцію, и токмо что не бесчисленными, которыя всѣ матеріею, около чего она обращается. Воспріяли въ слухи наиразличнѣйшую ея по всѣмъ разнымъ языкамъ. Рассудили важныя причины, для которыхъ претпочитать надлежитъ природной языкъ всѣмъ прочимъ чужестраннымъ. Исслѣдовали искусство въ словахъ Царицы Элоквенціи чрезъ подобіе, и чрезъ другія нѣкоторыя схотства. Увѣдомились, которую Элоквенцію обильнѣйшею почитать должно. Видѣли ея наинесхотственнѣйшую съ собою во всѣхъ, сколько до каждыя Особы.

Но мнѣ, съ моей стороны, едва, и едва ли еще, надежно дерзнуть себя льстить, чтобъ Вы же притомъ безъ негодованія могли пребыть, и за противное не изволили принять, что я наипаче, я о всемъ томъ рассуждать потщился, какъ такой (понеже такъ со мною природа учинила, что мнѣ и тупому разумомъ, и несловесному языкомъ, по рожденіи моемъ, быть случилось) которой не толь прилично, не толь связно, не толь ясно, не толь порядочно, не толь сильно, не толь красно, не толь пріятно, не толь твердо, коль достойность, великость и превосходность содержанія требовали, Элоквенцію изъяснилъ и возвеличилъ.

Точно такъ, Благорассуднѣйшіе Господа: однакожъ и я не такова бесстытства, или высокомѣрія, чтобъ я не больше думалъ, что сіе все вмѣсто нѣкотораго опыта Вамъ отъ меня предложено, нежели

бы, собственнымъ и самолюбнымъ мнѣніемъ преизлишно роскошествуя, тщеславно, лехкомысленно, и смѣха достойно помышлялъ, что все исправно, все изрядно, все благоразумно, отъ начала до самаго конца, претставлено.

Того ради, Васъ же самихъ наисильнѣйшимъ образомъ прошу, дабы Вы то, что не толь совершенно, и не толь пріятно и красно отъ меня выговорено, преизящнымъ своимъ рассужденіемъ исправили, и совершеннымъ бы искусствомъ украсили; Ваша вѣрность, которую Вы непорочную Россіи долженствуете, Ваша должность, которую Вы въ сей Академіи толь похвально исправляете, Ваша мудрость, для которыя изящныя по всей Европѣ прославляетеся, Ваша наконецъ слава, которую Вы вѣчною быть изъ глубины сердца желаете, не меньшежъ и мой недостатокъ, и всего Витійства преславнѣйшая честь, о семъ Васъ умоляютъ, отъ Васъ ожидаютъ, себѣ обѣщаютъ.

Толикая всѣхъ Васъ достойность, толикая хвала, толь склонная благость, не попускаютъ уже мнѣ теперь ни мало сомнѣваться, чтобъ Вы сего моего, какóвалибо, слóва за благо принять, и толь изряднымъ образомъ истолковать не изволили, коль поистиннѣ съ добрымъ намѣреніемъ я самъ начавъ, почитай здѣсь его окончаваю. Сіе самое есть, что я признавать имѣю за извѣснѣйшій знакъ Вашего благопріятства, и за дражайшій залогъ истиннаго мнѣ благодѣянія: и потому, Вамъ какъ всегда я благодарный, такъ и всегдажъ одолженный, се приношу благодареніе, и приносить никогда не престану. Не надле-

жало мнѣ сердецъ Вашихъ или восхищать, или поражать, или возвышать, или распалять, или просвѣщать, или удивлять, или увеселять, или услаждать: того ради и Витійство во мнѣ ни вихремъ не устремлялось, ни громомъ не воружалось, ни крылами не возлетало, ни огнемъ не пламенѣло, ни свѣтомъ не сіяло, ни великолѣпіемъ не украшалось, ни цвѣтками не рассыпáлось, ни росистымъ также медомъ не проистекало. Едино токмо желаніе во мнѣ было, чтобъ нѣкоторымъ не весьма грубымъ образомъ, засвидѣтельствовать я возмогъ должное Вамъ мое почтеніе, тоесть, надлежало мнѣ пріобрѣсти себѣ сердце Ваше: сего ради, хотя и скуднымъ словомъ, но не съ подлымъ однако усердіемъ, словесность мою въ лицѣ учтивыя и благопристоíныя должности, сколько мнѣ наивозможнѣйше было, претставить предъ Васъ рассудилъ я за потребно.

Напослѣдокъ, все что, дабы всю мысль вдругъ и совокупно объявить, все, ничего не выключая, что въ прочей моей должности до меня принадлежать будетъ; того въ должномъ исполненіи, отъ Вашего твердаго рассужденія, отъ Вашего вѣдомаго искусства, отъ Вашего глубокаго ученія, отъ Вашего зрѣлаго совѣта, отъ Вашея скорыя пóмощи, отъ Вашего преизряднаго наставленія, отъ Вашего прозрительнаго направленія, отъ Вашея единыя и воли, послушно зависѣть имѣю, КОНЕЦЪ.

ОБЪ ИСТИННѢ СРАЖЕНІЯ

У

ГОРАЦІЕВЪ СЪ КУРІАЦІАМИ,

БЫВШАГО ВЪ ПЕРВЫЯ РИМСКІЯ ВРЕМЕНА

ВЪ ІТАЛІИ.

Дѣла́ Римлянамъ содѣянныя, какъ-въ-са́мыя ихъ первыя времена при Царяхъ, такъ въ среднія при Ко́нсулахъ, а не меньше и въ послѣднія при Императорахъ, представляются въ Римской Исторіи толь велики и преславны, что-мно́гія изъ нихъ почитаются отъ нѣкоторыхъ или недостовѣрными, или баснословными, или, по крайней мѣрѣ, пренесенными въ Римскую Исторію изъ Греческія, и присво́енными тщеславно Римлянамъ; дабы ещё-болѣе прославить сей народъ познимъ потомкамъ. Нареканіе сіе особливѣе падаетъ на пе́рвѣйшія времена Римскія Монархіи. Говорятъ, что-нача́ло ея баснословное по большой ча́сти; а происшествіе ложное по столькужъ: премногія въ семъ приключенія украдены у чужихъ народовъ, и приписаны по́слѣ Римлянамъ.

Такимъ похи́щеннымъ бытіемъ у Грековъ, и пренесеннымъ въ Римскую лѣтопись, порицается оная не дивная токмо, но почитай и чудесная битва, бывшая при Туллѣ-Гостіліи, третіемъ Римскомъ Царѣ, въ 83 лѣто отъ созданія Рима, у трехъ Гораціевъ родны́хъ братовъ съ Римскія стороны за Римъ, съ тремя Куріаціами, роднымижъ братами, съ Албанскія и за Албу городъ, а у всѣхъ шести, двою́родныхъ между собою, отъ двухъ родныхъ сестръ рожденныхъ, хотя коль-сія-битва-ни-засвидѣтельствована есть Исторіками славнаго имени, и будущему роду предана́ за са́мую достовѣрную.

Главнѣйшее обличеніе на похищеніе сіе мнимое состоитъ въ томъ, что-сла́вный Греческій писатель предлагаетъ совершенно сходную битву съ Римскою, бывшую прежде между Греческими Аркадійскими народами. Повѣствуетъ онъ, что-когда-продолжалась-долговре́менная война, между Тегеатянами и Фенеатцами; то съ обѣихъ сторонъ рассужденó за лучшее, выслать отобоюду по́-три брата родныхъ, которымъ-бы-ссóру, взаимную обще, окончить побѣдою трехъ коихъ нибудь, на томъ единоборномъ сраженіи. Тегеатяне выбрали отъ себя Рексімаховыхъ дѣтей; а Фенеатцы, Дамостратовыхъ. Въ сраженіе сихъ шести воиновъ, «[1]) двое изъ Рексімахо«выхъ дѣтей убиты. Третій, именемъ Крітолай, хи«тростію своею обоихъ тѣхъ братовъ, соперниковъ «себѣ, побѣдилъ: ибо, побѣжавъ отъ нихъ нарочно, «а увидѣвъ, что-они-за-нимъ-по́рознь гнались, одно«го по другомъ онъ предалъ смерти». Когдажъ возвращающемуся побѣдоносцу поздравляли всѐ-на-все торжественною побѣдою, [2]) «а одна только сестра «его Демодіка не радовалась, длятого что братъ оный «потребилъ на той битвѣ жениха ея Демотіка: то не«годующій на сестру свою за то Крітолай, умертвилъ «съ гнѣва и ея тутже». Но въ судѣ за смертноубійство ма́терію защище́нъ и оправданъ; а отъ судеи и пущенъ невиннымъ свободно.

Такъ точно пишетъ Греческій Авторъ о приключеніи семъ въ Аркадійскомъ народѣ. Но должно ви-

---

1 Плутарх. въ Параллел.

2 Плутарх. тамже.

дѣть и вѣдать, какъ-повѣствуетъ-о-бытіи-своемъ-и-Ри́мская Исторія; дабы сходство исправнѣе можно было сличить Римскаго съ Греческимъ дѣяніемъ.

По́слѣ Нумы-Помпілія, миролюбиваго Римскаго Царя, насталъ въ Римѣ Царемъ Туллъ-Гостілій. Сей больше имѣлъ склонности подражать Ромулу, первому Царю и Создателю Рима, Государю храброму и любившему войну, нежели второму Царю Нумѣ, коему-былъ-прее́мникъ. Узаконенія, учрежденныя Нумою, удерживали мужество Гостіліево. И такъ, ожидалъ онъ благопріятнаго случая къ отверстію Янусова храма, и къ начатію войны. Алба городъ былъ первый, который-ему-подалъ-зако́нную причину, къ обращенію на оный устремительныя своея природы, нетерпѣливно порѣвавшіяся оказаться. Въ Албѣ правительствовалъ тогда Клуілій, какъ-то-называетъ его Тітъ-Лівій, длятого что другіи онаго именуютъ Целіемъ и Цеціемъ. Зависть, бывшую въ Клуіліи давно на Римъ, не могла погасить умѣренность тихонравнаго Нумы: трудно ему было всячески, сносить равнодушно, что-новое-Поселеніе-увеличивалось-отчасу́ болѣе, которое-отъ-завоеваній-Ро́муловыхъ, а отъ бывшія во всѣхъ любви къ Нумѣ, здѣлалось выше всѣхъ городовъ въ Італіи. Словомъ, Клуілій имѣлъ въ себѣ больше свирѣпости, нежели благоразумнаго смиреномудрія. Подалась причина къ войнѣ, обстоятельно описанной Тітомъ-Лівіемъ, Клуілію и Гостілію, Албѣ тоесть и Риму. Наконецъ, оба непріязненныя войска вышли въ поле, имѣющія начать войну, [1]) «подобную междоусобной брани, и почитай

[1] Тіт. Лів. Кн. 1. Гл. 23.

«между Родителями и Чадами, длятого что тотъ и «другой народъ отъ Трои происшелъ: городъ Лави«ній, построенный Энеемъ, былъ отцемъ городу Ал«бѣ, основанному Асканіемъ Энеевымъ сыномъ отъ «Креузы Троянскія, а отъ го́рода Албы происшелъ «Ромулъ, основатель Рима». Прежде оба они стали лагерями, и дѣйства не начинали. Пото́мъ, Албанскій Правѝтель намѣрился вступить въ бой съ Римлянами. Однако въ слѣдующую ночь смерть пресѣкла намѣреніе его: найденъ онъ въ своей ставкѣ, бывшей по срединѣ лагеря, и окруже́нной стражею, мертвъ поутру.

На мѣсто умершаго провозглашенъ отъ воинства, или Правѝтелемъ также Албанскимъ, или токмо для тоя войны главнымъ Военачальникомъ, Меціи-Фуффеціи, называемый иными Суффеціи. Сего, бѣдствія отъ войны привели въ устрашеніе: на́чалъ онъ отлагать съ-дня-на́-день вступленіе въ битву. Между тѣмъ Вейенты и Фіденаты согласились тайно съ ближними народами; а согласіе ихъ состояло въ томъ, чтобъ имъ, во время са́маго сраженія между Римлянами и Албанцами, напасть внезапу на побѣдителей и побѣжденныхъ, и принудить ихъ къ новой битвѣ. Не трудно было сей умыслъ произвесть въ дѣло: городъ Фідена отстоялъ отъ обоихъ тѣхъ лагерей ходомъ на́-два, или на́-три часа́. Умыслъ сей открытъ чрезъ письмо Фуффецію. Беспокойство привело его ещѐ въ бо́льшую медлѣнность. Старался уже́ онъ токмо, найти случай, чтобъ свидѣться съ Римскимъ Царемъ, и премѣнить войну въ искреннее примиреніе. Римляне отъ того не прочъ были: пріятели имъ, бывшіи

въ Фiденѣ, увѣдомили ихъ объ умыслѣ Главнаго своего на Римъ.

Между тѣмъ Фуффецiй вышелъ-изъ-за-своихъ-шáнецъ. Гостiлiй не отрекся итти встрѣчу своему непрiятелю, вышедшему прежде. Удивился онъ услышавъ, что-вмѣсто-сраженiя, Правитель Албанскiй требовалъ свиданiя. Мѣсто взаимнаго сношенiя было между обоими лагерями, при зрѣнiи того и другаго войска. Прiобщены туда съ обѣихъ сторонъ люди благоразумныи, и немогущiи помутить мирныхъ предложенiй. Долгiй былъ разговоръ у нихъ: каждый старался показать правоту на своей сторонѣ. По представленiяхъ и отвѣтахъ отъ обоихъ, наконецъ Туллъ предложилъ, чтобъ Фуффецiю биться съ нимъ единоборнымъ сраженiемъ, по примѣру многихъ народовъ; а чрезъ Побѣдителя и Побѣжденнаго Боги покажутъ, Римъ ли долженствуетъ быть Законодавцомъ Албѣ, или Алба удостоится повелѣвать Риму. Фуффецiй былъ человѣкъ не весьма храбрый; и можетъ статься, что-онъ-убоялся сразиться съ Тулломъ. Чего ради, предложилъ онъ благовидныи доводы, которымибъ-доказáть, что-лýчше выбрать въ обоихъ лагеряхъ пó-три Оружника, коимъбы-между-собою-сразúться, и окончить бы единственнымъ пóдвигомъ распрю, происшедшую обще между обоими Городами, а нежели попустить на отвагу жизнь Военачальническую. Предложенiе сiе принято, утверждено, и оба вскорѣ Главныи разлучились въ свои лагери обратно.

Какъ-скоро-разгласúлось въ обоихъ войскахъ намѣренiе и поставленiе, о соединенiи Албы съ Ри-

момъ; такъ тóтчасъ на обѣихъ сторонахъ закипѣло гарячее ревнованіе въ каждомъ, чтобъ ему быть выбрану на утвержденіе, кровію своею, славы природному Городу. Отмѣнныи благородіемъ искали себѣ предпочтенія, предъ знаменитыми своимъ мужествомъ и бесстрашіемъ на битвахъ По случаю, находились тогда въ обоихъ войскахъ пó-три брата родныхъ, лѣтами и силами равныхъ. Довольно извѣсно, что-то-были-Горáціи, и Куріаціи; а изъ Древностей Римскихъ, нѣтъ ни единыя, котораябъ-сея-была-благородíднѣе. Однако по признанію Лівіеву, «[1]) толь «въ ясномъ дѣлѣ, было сомнѣніе объ именахъ, такъ- «что не вѣдали достовѣрно, съ которыя стороны на- «ходились Горáціи, и съ которыя-Куріáціи: сáмыи «древніи Писатели предлагали объ нихъ безразборно «и смятно. Впрочемъ, какъ-тóтже Лівій пишетъ, бо- «лѣе находилось утверждающихъ, что-Горáціи были «Римляне, а Куріаціи Албанцы». Нѣкоторыи изъ ученыхъ людей удостовѣряютъ, что-Діонісій Галікарнасскій, есть-токмо-одúнъ изъ Історіковъ, который-рождéніе ихъ здѣлалъ чудеснымъ. Онъ объ немъ слѣдующимъ образомъ повѣствуетъ.

У Секвінія, знатнаго Албанскаго мужа, было, говоритъ, двѣ дочери. Одну изъ нихъ отдалъ сей въ супружество Куріацію Албанскому обывателю; а другую сочеталъ съ Гораціемъ, знаменитымъ Римскимъ гражданиномъ. Обѣ сіи госпожи очреватѣли въ одно время, и разрѣшились отъ бремени рожденіемъ въ одинъ день, каждая родивши трóйни мужескаго пó-

[1] Лів. кн. 1, гл. 24.

ла. Но какая будетъ невозможность думать, что-три-брата-роди́лись, въ обоихъ городахъ, разными роди́нами? Какъ-то-ни-е́сть; то́лько въ Албѣ были три Куріація, а въ Римѣ три Горація: всѣ шестеро рождены двѣмя родными сестрами. Тѣ и другіи были въ честь своей сторонѣ осанкою и храбростію, младостію и благородіемъ. Албанскій Военачальникъ взялся́ за трехъ своихъ Куріацiевъ, преклонилъ ихъ къ предпріятію, и сообщилъ объ успѣхѣ своемъ Римскому Царю, говоря ему притомъ, чтобъ уговорилъ онъ также къ тому и трехъ Горацiевъ съ своея стороны.

Сперва́ Горацiи отреклись Гостілію, биться съ сродниками своими. Говорили они, что, по ихъ склонности, усердіе ихъ къ Отечеству довольно вѣдомо; но что-у-нихъ-есть-еще-Роди́тель, и не могутъ они отдать своея жизни, безъ позволенія отъ давшаго имъ оную Престарѣлый Горацiи, отецъ ихъ, былъ исполненъ Римскія добродѣтели, свирѣпыя подлинно нѣсколько, но не потушившія въ немъ всея сердобольныя людскости. Много онъ имѣлъ причинъ бояться сего сраженія; а сверьхъ всего, одна изъ его дочерей была зговорена́ за одного изъ оныхъ Куріацiевъ. Однако, любовь къ своему Отечеству, премогла въ немъ всѣ отвращенія. Отдалъ онъ сіе предпріятіе на волю свои́мъ дѣтямъ. Но какъ-скоро-услышалъ отъ нихъ, что, по примѣру Куріацiевъ, предпочитаютъ они славную смерть, или толь прибыточную побѣду, бесчесной жизни; то возводя свои́ очи къ небу, и объемля своихъ дѣтей: СЧАСЛИВЫЙ Я

ОТЕЦЪ, возопилъ! Потóмъ, повелѣлъ имъ увѣдомить Царя о своемъ позволеніи.

Между тѣмъ, вѣдомость о сраженіи Гораціевъ съ Куріаціями разгласилась въ обоихъ лагеряхъ. Весь Римъ, и вся Алба, вышли изъ-за-своихъ оградъ, чтобъ имъ видѣть зрѣлище. Фуффеціи велъ Куріаціевъ, а Гораціевъ Царь Гостілій. Дорóга, по коей надлежало имъ итти, усыпана была цвѣтами; да и сами они имѣли на головахъ изъ цвѣтóвъ же вѣнцы: всѣ ихъ почитали добровольною жертвою, пожершеюся за спасеніе своего Отечества. По увѣщаніи отъ своихъ тѣмъ и другимъ, «[1]) что-отечественныя «бóги, что-сáмое Отечество и Родители, и что-всѣ «Граждане, какъ-оставшіися-въ-дóмѣ, такъ и въ войскѣ находящіися, взирають на ихъ оружіе, и на ихъ «мышцы,» распалившись ктомужъ и собственною своею горячестію, и наполнившись увѣщавающихъ словами, исходятъ они бодро на средину, бывшую между обоимъ войскомъ, каждый противъ своего Соперника: но, прежде нежели обагрить имъ кровію мѣсто, омочили они то своими слезами. Въ то время, какъ-думали-ихъ-видѣть-сразúвшихся, они отвергли свое оружіе, и обнялúсь другъ съ другомъ. Коль нúбыли себѣ взаимно Противники; однако привѣчали себя ласковымъ словомъ, и оказали знаки къ себѣ сáмаго чистосердечнаго дружелюбія. Объятія толь искреннія подали причину къ молвѣ въ обоихъ лагеряхъ. Не можно было удержаться отъ слезъ, видя ихъ умывающихся тѣми. Надобноль, говорили на

[1] Лів. кн. 1, гл 25.

обѣихъ сторонахъ, чтобъ Военачальникамъ нашимъ обязать сродниковъ, толь блискихъ, къ взаимному исторженію живота? Ежелижъ въ томъ необходимая нужда, дабы одному изъ двухъ Городовъ быть выше другаго; то не можноль пріобрѣсть сію славу инако, нежели такою кровію, коя-потечетъ-отъ-одноя Фамиліи? Но, взаимныя засвидѣтельствованія усердности, и объятія Героевъ, хотя могли привесть другихъ въ жалость; однако, не сильны были смяхчить въ нихъ самихъ крѣпость.

Данъ знакъ къ сраженію! Каждый изъ нихъ схватилъ паки свое оружіе, и выбралъ себѣ Противобо́рца. Старшій изъ Горацiевъ, сразился изъ Куріацiевъ съ старшимъ: такимъ порядкомъ и прочіи. Звукъ оружія на́чалъ уже́ быть слышимъ издали. Видимо стало изъ обоихъ лагерей и сверканіе мечей; однако не видно было явственно, на кого́-упадали пораженія. Сугубая тройня́, по подобію многолюдныхъ воинствъ, схватились мужественно. Тѣ и другіи не о собственномъ своемъ бѣдствіи, но о всенародной державѣ, или порабощеніи, помышляли; и притомъ о семъ, что-тако́е воспослѣдуетъ счастіе государству, какое-они́ содѣлать потщатся: позабыли совершенно себя, любезное токмо Отечество въ памяти имѣли.

Едва токмо они сшиблись, и сверкающее оружіе блеснуло; какъ-на-всѣхъ смотря́щихъ превеликій напалъ ужасъ! Каждая сторона надѣялась получить верьховность; и погубить оную боялась каждая. То усмотрѣвали всѣ Героевъ збивающихъ своего Соперника, то вспять отъ него уступающихъ. Плесканіе, и буйный шумъ происходилъ отъ обоихъ лагерей,

когда-одни-изъ-сражáющихся казались имѣть преимущество надъ другими. При битвѣ бесчувственность; въ зрителяхъ страхъ и надежда, радость и печаль, попремѣнно пребывали. Тамъ отчасу бóльшее стремительство и ревность; здѣсь, то восставленіе духа, то ослабѣніе членовъ: всюду едино бѣдствіе предъ очами, въ разномъ беспокойствіи сердецъ и трепетаніи тѣла.

И се ужé двое изъ Римлянъ, поранивши всѣхъ троихъ Албанцовъ, одинъ на другаго бездыханны пали! Сіе видя, Албанское войско вскрикиваетъ съ обрадованія; а Римскіи Легіоны «[1]) хотя ужé всея на«дежды лишились, однако не гореснаго попеченія въ «своемъ страхѣ, зря что-трóе Куріацієвъ остались «на одного изъ Горацієвъ».

Сталось такъ: оставшійся не имѣлъ на себѣ ни единыя раны; тáкъ-что, одинъ троихъ не превозмогалъ, а каждаго порознь преодолѣть былъ въ силахъ. Того ради, чтобъ ему тѣхъ отлучить другъ отъ дрýга, побѣжалъ умышленно, мня что-они-такъ за нимъ погонятся, какъ-которому-обессúленное язвами тѣло попуститъ. Бѣгущій претерпѣлъ наруганіе и укореніе отъ своихъ Римлянъ: снесъ онъ то насмѣяніе безъ смущенія. И ужé нѣсколько отъ мѣста сраженія отбѣжалъ, а обратившись видитъ, что-за-нимъ-непріятели-по-велúкимъ разстоя́ніямъ другъ отъ дрýга гонятся, и что-одинъ-не-далéко отъ него за нимъ бѣжитъ: на сего онъ сильнымъ стремленіемъ нападáетъ. Когдажъ-Албанцы-гласúли Куріаціямъ,

[1]) Лів кн. 1, гл. 25.

чтобъ они скорую по́мощь подали утѣсняемому; тогда уже́ Горацій, убивъ того непріятеля, на другаго устремляется. Римляне вопремъ, какой-отъ-внезапнаго благопріятства происходитъ, Герою своему помогаютъ; а онъ, безъ замедлѣнія, отсѣкъ прочъ другому тому руку, и вонзилъ свой мечъ въ его утробу. Симъ образомъ бой сталъ быть равный; но біющіися были между собою не въ равенствѣ надеждою и силами: одинъ, неуязвленный оружіемъ, и одержавшій сугубую побѣду, звѣроподобно на третію борьбу стремился; а другой, ослабѣвшій отъ ранъ, утрудившіися отъ бѣжанія, и едва себя влекущій, притомъ уже́ и вполъ побѣжденный паденіемъ двухъ своихъ братовъ, преоборающаго непріятеля достался къ рукамъ. Третія сія битва не была сраженіемъ, Римлянинъ ярясь и радуясь: «[1]) Двухъ, го«ворилъ, братовъ къ мертвымъ тѣнямъ я уже́ послалъ; «тебя теперь третіяго, чтобъ Римъ Албѣ былъ Пове«лителемъ, потреблю Римской славѣ въ жертву«! Сказавъ, поразилъ Куріація по шеѣ, и снесеніемъ головы умертвилъ; а крайно ободрившись побѣдою, обнажилъ всѣхъ Побѣжденныхъ. Можно представить себѣ мысленно восклицанія, кои-возглашены съ радости въ привѣтствіе Герою отъ Римлянъ, пріобрѣтшему имъ славу, толь долго бывшую на перевѣсѣ. Албанцы и Римляне погребли убитыхъ. Первыи почли себя какъ-порабощенными народомъ; а вторыи какъ-госпо́дствующимъ верьховно. Фуффецій на томже

[1] Лів. кн. 1, гл. 25.

мѣстѣ призналъ власть надъ собою своихъ Побѣдителей.

Слава младолѣтнаго Горація была преизлишно чрезвычайна! Едва можнобъ ему было памятовать, что-онъ-человѣкъ, ежелибъ всевышняя Судьба не уменьшила въ немъ радости приключеніемъ, которое-ея-помутило. Возвращался онъ въ Римъ, [1]) шествуя предъ всѣмъ войскомъ; а шествіе было его подобное торжествованію. Рамена его отягощены были Трофеемъ Корыстей съ трехъ убитыхъ Куріаціевъ. Приближался уже́ онъ къ воротамъ Капенскимъ, когда-встрѣтилась съ нимъ Сестра его Дѣвица, обрученная одному изъ Куріаціевъ. Сія познавши верьхнее жениха своего одѣяніе, кое-было-ея рукъ дѣло, на братнихъ раменахъ Корыстію несомое, растерзала свою одежду, растрепала волосы, и въ презѣльномъ рыданіи, любезнаго своего жениха, умерщвленнаго уже́, пріятнымъ себѣ именемъ, изъ глубины се́рдца воздыхая, жалосно пригласила, въ засвидѣтельствованіе послѣднимъ долгомъ своего къ нему любленія и гарячести. Разгнѣвался неукротимый Юноша на сестрино болѣзнованіе въ побѣдѣ своей, и при толикой радости общенародной! То́тчасъ обнаживъ мечъ, и понося́-еще словами, проболъ немилосердо остріемъ конца умиленную Дѣвицу. «[2]) По«ди отсюду, говорилъ, съ неблаговременною любовію «къ жениху, позабывшая умершихъ братовъ, позаа-

---

[1] Princeps Horatius, тотже.

[2] Тотже кн. 1, гл. 26.

«бывшая и живаго, да еще-позабывшая и все Отече-«ство. Такъ да погибаетъ всякая Римлянка, плачу-«щая о погибели Непріятеля Римскаго»!

Нестерпимо законопреступною продерзостію показалось сіе какъ-Сенату, такъ и всему Народу! Но свѣжая услуга защищала Юношу отъ наказанія, Однако, приведенъ на судъ предъ Царя. Осужденъ тамъ учрежденными Судіями на смертную казнь. Уже губный Приставъ приступилъ къ осужденному, и налагалъ на него петлю, когда-Горацій, по милостивому попущенію Тулла Царя, отозвался къ суду всего Народа. Сжалились всѣ на томъ судѣ, а особливо слыша отца Горація вопіющаго, что-онъ праведно судитъ убиту свою дочь; и что, ежелибъ сынъ того не здѣлалъ, онъ бы его самъ Отеческою наказалъ властію. Потомъ просилъ и молилъ съ слезами, чтобъ онъ не оставленъ былъ бесчаденъ, у коего-недавно прежде видимо было презрядное Домочадство. Напослѣдокъ, обнявъ сына своего, и на Корысти съ Куріацiевъ совлеченые, на томъ мѣстѣ въ Трофеѣ поставленные, указывая: «[1]) Сеголь, говорилъ, ко-«его-вы-не-давно видѣли идущаго въ торжествѣ при «вашемъ всѣхъ восклицаніи, подъ висильницею свя-«заннаго, и біеніемъ мучимаго, возможете видѣть? «Едва и Албанскія глаза на толь безобразное зрѣли-«ще взирать могутъ безъ омерзѣнія! Нужъ ты, губ-«ный Приставъ; вяжи руки, которые не-задолго «прежде имѣвши оружіе, пріобрѣли державу Рим-«скому Народу. Ступай; обвертывай голову тюри-

[1] Лів. кн. 1, гл. 26.

«комъ избавителю сего Града. На злополучной ви-«сильницѣ вѣшай: бей розгами хотя въ стѣнахъ, «толькожъ при непріятельскихъ Корыстяхъ; хотя за «стѣнами, только при Могилахъ Куріаціевыхъ. Ку-«дабъ вы, Римляне, отвесть могли на смерть сего «Юношу, гдѣбъ не внутрь ощущали, и не внѣ чув-«ствовали, что-достославныя-дѣла́ и заслуга, свобо-«ждаютъ и исторгаютъ его толь отъ поносныя «Ка́зни!»

Умилился Народъ какъ-на-отцовы-сле́зы, такъ видя и сыновнее равнодушіе во всякомъ бѣдствованіи. Простилъ его, болѣе дивясь мужеству и крѣпости онаго, нежели взирая на обстоятельство дѣла, и преступленіе.

Все сіе повѣствованіе выбралъ я по большой части изъ 1 книги Лівіевы, пріемля часто въ по́мощь 3 книгу Діонісія Галікарнасскаго о древностяхъ Римскихъ, и 2 книгу Римскія Исторіи на Французскомъ язы́кѣ, сочиненныя двумя учеными Іезуітами, а именно, Катру́емъ и Ру́льемъ. Но краткая Греческая по́вѣсть, вначалѣ предложенная, взята изъ Параллелъ Плутарховыхъ.

Всякъ уже́ теперь видитъ, что-не-мо́жно быть между собою подобнымъ болѣе двумъ каплямъ одноре́чныя воды́, коль Греческаго Автора сходно повѣствованіе о Тагеатянахъ и Фенеатцахъ, съ Римскою Исторіею о Гораціяхъ и Куріаціяхъ, кромѣ токмо, что-тамъ-ма́ть ходатайствуетъ за-сы́на, а здѣсь отецъ, однако въ обоихъ мѣстахъ Родители. Толикое сходство и даетъ видѣть ясно, какъ-то-оглаша́ть могутъ Противники, подлогъ первыхъ Писателей Римскихъ,

коимъ-полюби́лось обогатить свою́ Iсторiю Греческаго сiянiя великолѣпiемъ, похитивши оное у Грековъ, и присвоивши себѣ, не стыдясь, какъ-со́бственное.

Предложено́ выше, что-сiе́ точно есть главнѣйшимъ, и единственнымъ прерѣканiемъ достовѣрности первона́чальныя Римскiя Iсторiи.

Но ежели совершенное сходство Iсторiй между собою о разныхъ Народахъ, будетъ довольнымъ доказательствомъ на подлогъ которыя-ни-бу́дь изъ нихъ; то уже́ премногимъ приключенiямъ, всячески подобнымъ, здѣлавшимся въ одномъ и томже Народѣ, должно быть или всеконечно ложнымъ, или довольно сомнительнымъ. Не совершенноель есть подобiе между смертiю славнаго Римскаго Словесника Антонiя, и между кончиною несравненнаго Цiцерона, Римскагожъ Оратора? Разность и здѣсь только въ одномъ времени. Антонiй смерти преданъ отъ Цiнны въ Марiеву войну; а Цiцеронъ умерщвленъ отъ Трiумвiра Антонiя въ Августово возвышенiе. Антонiй и Цiцеронъ оба Консулы были, оба первостатейныи Вѣщатели, оба лишены жизни въ смутное время дома, оба жили крайними ревнителями къ пользѣ Отечества, обоимъ отсѣчены го́ловы отъ домашнихъ Непрiятелей, и обоихъ тѣ го́ловы привязаны были на Римской площади къ томужъ Канцелю, на которомъ-краснорѣчiе ихъ гремя и блистая торжествовало. Что́, говорю я, сихъ обоихъ трагiческихъ приключенiй есть подобнѣе? Но что́ въ Римской Iсторiи и достовѣрнѣе? Ка́къ назвать смерть Цiцеронову, тѣмъ образомъ приключившуюся, ложною, и списанною съ Антонiевы? Премного Iсторiковъ славныхъ,

чужихъ и своихъ, объ ней точно такъ утверждаютъ. Но какъ почéсть и Антоніеву смерть, сходную во всемъ съ Цицероновою, сомнительною? Самъ Цицеронъ воспоминаетъ объ ней съ жалостію и жалѣніемъ, не зная, что-ему́, въ свое время, тожъ сáмое несчастіе пострадать должно будетъ. «[1]) Сей Консулъ, «говоритъ онъ, толь многажды защищавшій Респу«бліку въ твердомъ сáмомъ постоянствѣ, и спасъ жи«вотъ премногимъ Гражданамъ, самъ былъ печаль«нымъ зрѣлищемъ всѣмъ, сохраненнымъ въ жизни «отъ него.» Итакъ, можно праведно сказать, что-Слу́чаи производитъ иногда такія приключенія, которыя, коль-себѣ-ни-быва́ютъ подобны, однако не доказываютъ ни мало своймъ сходствомъ, чтобъ имъ быть подозрительнымъ: могло точно такъ здѣлаться по́слѣ, между Гораціями и Куріаціями, въ Италіи, что-пре́жде, у Тагеатянъ съ Фенеатцами, въ Аркадіи было. Нѣтъ въ обоихъ дѣяніяхъ никакія невозможности.

Но хотя нѣтъ никакія, скажется, невозможности; однако, въ Италіи того дивнаго приключенія не́было, а здѣлалось оно точно въ Аркадіи. Слѣдовательно, въ Римскую Исторію взято кражею, чтобъ прославить Римлянъ тщеславно. Ибо Титъ Ливій, предавшій Потомству повѣсть о Гораціяхъ и Куріаціяхъ, взялъ многое въ свою́ Исторію изъ Андроника, изъ Невія, и изъ Эннія, древнихъ Римскихъ Стіхотворцовъ и Лѣтописцовъ. Но-ка́къ повѣрить Піитамъ, и тѣмъ-еще Римлянамъ же, писавшимъ о Римѣ? А хо-

[1] Цицеронъ Кн. 1. объ Оратор.

тя писалъ о томъ же и чужестранный, а именно, Діонисій Галикарнасскій; однако, онъ слѣдовалъ въ томъ Римскимъ Писателямъ, кои-въ-самыя первыя времена не имѣли достовѣрныхъ Извѣстій, да только старались, какъ-бы и чемъ, прославить свой Народъ; собственною баснію, или у чужихъ похищенными бытіемъ и себѣ присвоенными.

Бесспорно, Титъ Лівій пренесъ многое богатство въ свою Исторію изъ оныхъ Піитовъ. Діонисій Галикарнасскій, какъ-иноро́дный человѣкъ, но научившійся въ Римѣ Латинскому языку, чрезъ дватцать два года своего въ немъ пребыванія, слѣдовалъ прежнимъ Писателямъ Римскимъ, да и очистилъ отъ явныхъ баснословій Римскую Исторію: въ семъ сами противящіися не могутъ прекословить. Итакъ, помянутыи Піиты токмо подозрительны; и что самыи первыи Римскіи Писатели не имѣли достовѣрныхъ Извѣстій, а одно имъ тщеславіе было правиломъ въ лѣтописаніи.

Что-до-Пи́йтовъ первое; не можно имъ было ничего ложнаго писать Стіхами о дѣлахъ Римскихъ: предлагали они свои́ сочиненія Римлянамъ, въ самомъ Римѣ, вѣдающимъ всѣмъ, по непрерывному преданію, правду дѣлъ бывшихъ прежде Кто́, напримѣръ, отважится у насъ нынѣ написать Стіхами, что-татарскій сильный Ханъ Мамай не наступалъ, со множествомъ бесчи́сленнымъ войска, на Россію? Что-великі́й Князь Димитрій Іоанновичъ Московскій (прозываемый Донскимъ), не побѣждалъ онаго? Что-Преподо́бный Сергій не давалъ ему двухъ черноризныхъ богатырей, Пересвѣта и Ослеба? И что-Россійское

войско не ходило въ походъ противъ того Хана, а причло себѣ славное сіе дѣйствіе неправедно и тщеславно, коль бы впрочемъ ни описывать сіе вѣроятными окресностями? Всѣмъ тогда, и нынѣ, вѣдомо сіе не разгласно истинное бытіе; и не токмо Россіанамъ, но и чужестраннымъ сосѣднимъ народамъ, что-Мамаій-всеконечно-ходилъ на Россію войною, и что-побѣжденъ храбро и преславно на Куликовомъ полѣ. Не опишетъ ни одинъ, говорю я, изъ нашихъ Стіхотворцовъ инако, по грунту, сего спасительнаго Россіи событія: Историческіе записки не попускаютъ, и всеобщаго удостовѣренія не разнорѣчивая слава, развѣ только кто-будетъ-роскошствовать-украшеніями, и окресными вымыслами, подобными правдѣ, а грунту дѣла не вредящими. Второе, не можно также отднюдъ, безъ стыда, утверждать, что-въ-первыя Римскія времена достовѣрныхъ не-было Извѣстій. Римъ, по самомъ своемъ первоначаліи, имѣлъ всегда Лѣтописцовъ, кои, по порядку временъ, тщались предавать потомству бывшее все у Римлянъ, достойное памяти. «[1]) Нума учредилъ главнаго Первосвя-«щенника. Сему должно было, при прочемъ до бого-«служенія касающемся, и описывать-еще краткими «рѣчами случаи, происшедшіи въ начавшемъ возра-«стать Народѣ». Такъ-что отъ царствованія Нумина, Извѣстія о важнѣйшихъ происшествіяхъ въ Монархіи, безпрерывно продолжались отъ Первосвященника, по Первосвященникѣ, и дошли до временъ познія Республіки; а источникъ сей не могъ никогда пре-

[1] Вопискъ въ жит. Тацит. Импер.

сохнуть. Древность Языка, и безвкусное убранство Стіля въ тѣхъ первыхъ Лѣтописяхъ, не истребили собою истинны. Весьма по́слѣ, другіи Лѣтописцы предпріяли описать то Стіхами, что-нашли́ они уже́ расположено́ въ таблицахъ Первосвященническихъ: трудились надъ готовою матеріею; споручители имъ были въ правдѣ очевидныи Свидѣтели; а Писатели, коихъ-съ-книгъ они-спи́сывали, были Мужи достойнопочитаемыи какъ-по-своему-са́ну, такъ и по силѣ закона.

Я сіе предлагаю не по догаткамъ, и ниже́ обманывая самого себя позорно. Точные Ціцероновы рѣчи истинну сего непреоборимо докажутъ.' «[1]) Съ са́маго «нача́ла заведшагося Рима, говоритъ онъ, до временъ «Публія-Муція, всѣ Первосвященники записывали «происшедшее ежегодно. Пото́мъ переписывали они «тѣ записки на-бѣло́ на таблицы, и выставляли оные «въявь въ своихъ домахъ, чтобъ Народъ ихъ могъ «читать. Сіи таблицы и понынѣ-еще называются «БОЛЬШИМИ ЛѢТОПИСЯМИ.» Вотъ же припасы на Исторію, расположенныи, по порядку каждаго года, отъ са́маго нача́ла Римскія Монархіи. Вотъ и Лѣтописи, вѣдомые въ Римѣ при Ціцеронѣ, то есть, при самомъ окончаніи Республіки. Итакъ, не можно уже́, кажется, стоя́ть въ томъ, чтобъ какъ-дре́вніи Римскіи Лѣтописцы стіхотворною рѣчію, такъ и молодшіи ихъ Іcторіки, Катонъ-Ценсоръ, Цинцій, Фабій-Пікторъ, Валерій-Анцій, Ліцініи-Мацеръ, и оба Пізона, коихъ-часто́жъ Лівій приводитъ, не имѣли достовѣр-

[1] Ціцеронъ Кн. 2. объ Оратор.

ныхъ Извѣстій, съ коихъ-бы-имъ-спи́сывать, и удостовѣрять своими сочиненіями будущій родъ, объ истиннѣ дѣлъ преждебывшихъ.

Не меньше, мнится, неправдовать должно, буде утверждать, что самыи сіи Первосвященники, и были похитители Греческія Аркадіійскія Исторіи, и присвоители оныя Римскому Народу на бо́льшее его прославленіе; та́къ-что, больши́е оные ихъ Лѣтописи и находятся подозрительны.

Чемъ же доказать можно, что-пе́рвыи изъ Первосвященниковъ Римскихъ были похитители тоя Исторіи? Не догадкамиль по славолюбію человѣческому, а особливѣе, взирая на превеликую любовь Римлянъ къ своему Отечеству? Нѣтъ; посему, ни малыя вѣроятности, чтобъ-могла́-гдѣ быть истинная Исторія, по крайней мѣрѣ въ грунтѣ, о первыхъ временахъ. Ужасно, коль дале́ки и ненависны изъ сего воспослѣдованія! Но, по моему счастію, Первосвященникамъ древнихъ Римлянъ, коль бы къ славѣ своего Народа, и къ собственной своей, ни усердны и ни ревнительны были, не возможно всеконечно было лгать въ своихъ Лѣтописяхъ. Какъ же то? Выставляли они свои́ ежегодные Таблицы, по Ціцеронову свидѣтельству, на прочтеніе всему Римскому Народу. Слѣдовательно, прошедшія дѣла́ были свѣжія, и живыхъ Свидѣтелей премногое множество имъ находилось. Могъ либъ каждый Первосвященникъ не убояться, и по чину своему, и по важности, быть въ посмѣшище Народу, читающему его Лѣтопись, еслибъ въ ней что-находи́лось ложное? Должно всячески не знать человѣческаго Самолюбія, буде мнить, что-са́-

новныи Люди не брегутъ о своей че́сти, развѣ токмо кто-изъ-нихъ-не-весьма благоразумный.

Напроти́въ того, Греческая оная Аркадiйская Iсторiя долженствуетъ, мнится, вѣроятнѣе быть сама́ Списко́мъ съ Римскія, и потому подложная. Кто объ ней упоминаетъ? Кто объ оной пишетъ? Многіиль свидѣтельствуютъ? или кто-оди́нъ? Плутархъ, отвѣтствуютъ, въ своихъ Паралле́лахъ: но и одинъ сей Плутархъ, присовокупляютъ, сто́итъ тысячи другихъ Писателей по знанію и искуству своему. Подлинно, велико и знаменито Плутархово есть Имя во всеобществѣ ученыхъ Людей Однако, ни еди́нъ-еще рассудительный Крiтiкъ не приписалъ тѣхъ Паралле́лъ Сочиненію Плутархову. Трудъ сей достоинъ всякаго презрѣнія! Кто-вни́къ въ Плутарховъ Греческій языкъ, сильный и несказанно дѣльный, способный къ изображенію кратко своихъ изглашенiй, и къ изъявленію начертаніями мыслей всегда благородныхъ, и едва́ль-когда не высокихъ; тотъ видитъ, что Паралле́лы собраны са́мымъ плохимъ Грамматiкомъ; а исправность сего Писца, снося съ Плутарховою, есть толь недостаточна, что, упомянувъ въ той Аркадiйской Iсторiи о паденіи двухъ Рексiмаховыхъ сыновъ, и что-Крiтола́й, третiй его сынъ, убилъ двухъ Дамостратовыхъ, о третiемъ сего Дамострата сынѣ ничего уже́ онъ не упоминаетъ. Куда тотъ дѣлся, Авторъ токмо знаетъ; а однако, по́-три Воина съ обѣихъ сторонъ было выбрано на единоборное то сраженіе. Великое бесчестіе былобъ Плутарху, толь достославному Писателю, еслибъ онъ былъ Авторъ недостойныхъ тѣхъ Паралле́лъ.

Но ученый Свѣтъ можетъ не безъ основанія нѣкотораго увѣряться, что-Паралле́лы приложены подложно, подражая Сравненіямъ въ житіяхъ Славныхъ мужей, къ Плутарховымъ Сочиненіямъ. Аміотъ, Французскій давній Писатель, весьма славный и нынѣ въ семъ Народѣ, не смотря на старинный его Стіль, переводившій на свой языкъ всего Плутарха, удостовѣряетъ въ Предисловіи своемъ на переводъ Паралле́лъ, что ви́дѣлъ онъ въ древней Греческой рукописной Плутарховой Книгѣ, написанныя на́-полѣ слѣдующія слова́ по-гречески: «) Сія Книга Па-«ралле́лъ отнюдъ не Плутархомъ сочинена́, Авторомъ «преизрядным̀ъ и мудрым̀ъ, но нѣкакимъ площад-«нымъ Писцомъ, неискуснымъ какъ-въ-Поэзіи, такъ «и въ Грамматікѣ».

По всѣмъ симъ толь вѣроятнымъ доводамъ, заключаю безъ всякаго сомнѣнія, что-би́тва Горацієвъ съ Куріаціями есть праведная, и была подлинно въ Італіи; а Греческая Аркадійская, по видимому, едвалъ не подложная, и списана съ Римскія.

Сіе есть, что-мнѣ-надлежа́ло утвердить. Впрочемъ, необиновенно признаваюсь, что-дово́ды, коими-я-отража́лъ подозрѣніе о подлогѣ Римскія Исторіи въ разсужденіи Горацієвъ и Куріацієвъ, не мною первымъ изысканы: я ихъ взялъ почти всѣ въ богатомъ Предисловіи на всю Римскую Исторію, помянутыхъ выше Іезуітовъ, ученыхъ весьма Людей, но только

---

[1] Ce Livre ne fut jamais de Plutarque, auteur excéllent, et sçavant, mais de quelque ecrivain vulgaire et ignorant de l'Art de Poësie, et de Grammaire.

по моему расположилъ, и, по возможности, нѣкоторое имъ украшеніе, для слуха, и твердость, ради важности, придалъ. Несчасливъ, что-не-довóленъ собою къ изобрѣтенію; но не бесчастенъ нѣсколько, усмотрѣвать (да не поставится, прошу, въ Самохвальство) дѣльность произведеннаго: а благополученъ попремногу, что-пéрвый собщаю Россійскимъ Любителямъ Історическія достовѣрности, сáмую малую часточку Римскія Історіи, на показаніе, обрасчикомъ симъ, въ древнихъ Римлянахъ никогда довольно подражаемыя Добродѣтели, живыя Любви ихъ къ Однородцамъ, непритворнаго Презрѣнія къ собственной пользѣ, и вещественнаго Усердія къ Отечеству.

О
МОЗАИКѢ.

МОЗАИК Ф.

Мозаикъ (Mosaique) есть имя Французское, которое происходитъ отъ Латинскаго Музаикумъ (Musaicum) или правѣе и чище Музивумъ (Musiuum), а при обоихъ сихъ Латинскихъ названіяхъ, надлежитъ приразумѣвать Латинскую-жъ рѣчь Опусъ (Opus), значащую по нашему, дѣло: и такъ, Музаикумъ или Музивумъ опусъ, есть музаическое или музивное дѣло, и музаическая, и музивная работа. Прежнее и у насъ имя Мозаику было Мусія безъ сомнѣнія съ Латинскаго; а Латинское оное достовѣрно-жъ отъ Греческаго слова или евмусіи (*εὐμυσιας*), или отъ мусонъ (*μουσῶν*), по нашему отъ Музъ то есть отъ согласія, да не въ пѣніи, но въ сочетанномъ приборѣ маленькихъ жеребейковъ, складно и ладно между собою сопряженныхъ. И подлинно, Мозаикъ значитъ вобще всѣ тѣ работы, кои дѣлаются изъ небольшихъ приборныхъ, и сложенныхъ совокупно разноцвѣтныхъ штучекъ, какъ деревянныхъ и каменныхъ, такъ шитыхъ и живописныхъ. По сему, въ Мозаикъ включаются, не токмо настиланіе, насаживаніе, вынизываніе, наклееваніе, и врѣзываніе шариковъ и жеребеіиковъ разноцвѣтныхъ, по узорамъ, на полахъ, панеляхъ; потолокахъ, столахъ, ларчикахъ, и на премногомъ подобномъ, такъ же счетаніе камешковъ на изображеніе лица, всего человѣческаго стана, одеждъ его съ воскриліями, и другихъ бездушныхъ, одушевленныхъ, и прозябающихъ подобій вмѣсто живо-

писи; но еще и называемыя въ тканомъ чемъ земли, по коимъ швальнаго дѣла ремесленники вышиваютъ разными шолками, серебромъ и золотомъ, и такъже левкасныя доски, на которыхъ представляютъ живописцы разными-жъ красками, всякія цѣльныя распещренія, но какъ будто сложенныя изъ маленькихъ блесточекъ.

Впрочемъ, я здѣсь вамъ, пишу не о двухъ послѣднихъ Мозаикахъ; но о первыхъ двухъ, то есть, о приборѣ и составленіи жеребейковъ деревянныхъ оныхъ и каменныхъ, особливѣе-жъ сихъ каменныхъ; да и увѣдомляю услужно, что сперва самаго сей Мозаикъ употребляемъ былъ токмо на выстиланіе половъ въ великолѣпныхъ храмахъ и богатыхъ палатахъ. Можно думать, по оставшимся огромнымъ зданіямъ въ престарѣломъ Египтѣ, что сіе искусство началось тамъ, и что оттуду перешло въ Грецію. Съ другой стороны кажется что и въ Греціи, самой той древней, не было-жъ другаго употребленія Мозаику, кромѣ выстиланія половъ; ибо имя его Греческое показываетъ сіе, Псифоѳетита (ψηφοθετητὰ) то есть камешковъ положеніе. Сего ради Мозаикъ былъ тогда весьма еще простъ: состоялъ онъ только въ нѣсколькихъ мраморныхъ разноцвѣтныхъ камешкахъ, очетаваемыхъ узорнымъ расположеніемъ. Когда-жъ сей Мозаикъ дошелъ до совершенства, а художники, стройнымъ и разноцвѣтнымъ очертаніемъ изъ камешковъ, достигли до того, что возмогли уже представлять ими всякія украшенія, какъ то зелень листовъ древесныхъ, виноградныя кисти, яблоки, другіе различныя плоды, цвѣтки, лица человѣческія съ

возрастомъ, и прочее неисчетное; то и начали убирать ими въ тѣхъ же самыхъ зданіяхъ, въ коихъ полы выстилали, стѣны, панели и своды. И какъ натура не подавала, по ихъ ненасытному вожделѣнію, довольнаго изобилія въ цвѣтахъ изъ самороднаго мрамора, на изображеніе безчисленныхъ вещей: того ради, выдумали они рукотворные камешки, подобные мраморнымъ, и начали ихъ дѣлать изъ стекла и финифти; такъ что стекляный и финифтяный Мозаикъ ихъ, походилъ не безъ лѣпоты нѣкоторыя на живопись, изображающую роды вещей толь слично и сходственно съ естественными.

Весьма вѣроятно, что къ стекляннымъ и финифтянымъ камешкамъ на Мозаичную живопись, подала причину древняя, бывшая въ великомъ употребленіи по всей Италіи, во время Плинія натуралиста, а называемая Каветическою (жженою), отъ греческаго слова Кеинъ (καίειν) жечь. Сія живопись была вощаная, въ коей кисточка Зографская не имѣла почитай участія. Все сіе искусство состояло въ приуготовленныхъ вощаныхъ катышкахъ, и плоскихъ блесткахъ разноцвѣтныхъ, а потомъ въ накладываніи тѣхъ или на дерево, или на слоновую кость, способомъ прижиганія и притапливанія на огнѣ.

Стекло вамъ, по премногу вѣдомо: всѣ почитай наши питейные сосуды изъ него, и множество другихъ орудій и вещицъ. Но финифть есть родъ стекла-жъ, краскою напоеннаго. Главнѣйшая матерія ея, есть олово и свинецъ, по равнымъ частямъ смѣшанныя, а прежде въ пепелъ приведенныя на огнѣ; къ чему прибавляются особенно такіе металлическіе

цвѣты, какимъ въ финифтѣ быть желается. Финифтію называется еще и та живопись, которая производится изъ минеральныхъ красокъ, женыхъ на огнѣ. Фарфоровая, цѣнинная, и муравленая посуда, есть такъже родъ финифти. Употребленіе ея на глинѣ, есть весьма древнее: ибо во время Порсенны, Тосканскаго Царя, дѣлана была въ его областяхъ финифтяная посуда разныхъ видовъ.

Что-жъ паки до Мозаика у древнихъ стеклянаго и финифтянаго; то художники новыхъ вѣковъ, произвели сіе искусство еще далѣе. Презрѣвши стекло и финифть, какъ вещи подлыя и дешевыя для предивныхъ работъ помышляемыхъ ими, начали они примѣшивать къ самому лучшему мрамору дорогіе камни, какъ то Агатъ, Яшму, Сердоликъ, Томпасъ, Изумрудъ, еще и Лалъ, и червчатый Яхантъ.

Изъ сихъ трехъ родовъ Мозаика, именно-жъ стекляпаго съ финифтянымъ, приборныхъ тѣхъ камешковъ изъ разнобцвѣтнаго мрамора, и оныхъ камешковъ изъ дорогихъ камней, упомянутый теперь прежде двухъ другихъ, болѣе уже ни гдѣ не употребляется нынѣ для своея безважности; а который изъ дорогихъ камней, тотъ такъже очень рѣдко бываетъ въ дѣлѣ для дороговизны своея-жъ и многотрудности: дѣйствителенъ токмо третій изъ разноличныхъ мраморныхъ камешковъ. Есть и четвертый родъ Мозаика изъ Слудянаго камня: сей Мозаикъ есть плодъ нынѣшнихъ недавныхъ временъ; а отъ знающихъ въ томъ силу и похваляется не мало.

О времени Мозаика, въ кое онъ начался, и о мѣстѣ, гдѣ прежде всѣхъ начатъ, нѣтъ ничего точнаго

въ Писателяхъ. Можно токмо заключить, по многимъ имовѣрнымъ обстоятельствамъ, что полы стали выстилать Мозаикомъ прежде въ древнѣйшемъ Египтѣ; по томъ въ Греціи, а у Греціи переняла послѣ Италія. Но Мозаикъ, подражающій живописи, можетъ быть вымышленъ и приведенъ въ совершенство особливо въ Римѣ: ибо въ немъ, по самой большой части, видимы остатки древняго Мозаика, служащіе нынѣшнимъ художникамъ образцами. Напослѣдокъ, живопись производимая малеваніемъ, весьма превосходнѣе Мозаичныя живописи, по разсужденію славнаго въ ученомъ свѣтѣ Автора: ибо не возможно, говоритъ онъ, подражать совершенно камешками и стеклышками всѣмъ красотамъ и пріятностямъ, изображаемымъ отъ искусныя кисточки на картинѣ изъ масла или на стѣнѣ, такъ называемою Фрескою, изъ воды по сырой извести.

ѢЗДА
ВЪ ОСТРОВЪ ЛЮБВИ.

Переведена съ Французскаго

на рускои.

Чрезъ Студента Василья Тредіаковскаго.

и

приписана

его сіятельству

КНЯЗЮ

Александру Борисовичю

КУРАКИНУ.

ЗДА

ВЪСТОРЖЕНИЯ

Превведена съ Френскаго

НА РУСКОЙ.

Чрезъ Студента Василья Треплаковскаго.

и

ПРИПИСАНА

ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ

Александру Борисовичю

КУРАКИНУ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ БОРИСОВИЧЮ

КУРАКИНУ.

ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІИСКІЯ.

ДѢЙСТВИТЕЛНОМУ КАМЕРЪГЕРУ

И

КАВАЛЕРУ

ОРДЕНА СВЯТАГО АЛЕѲАНДРА,

И ПРОЧАЯ.

ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ БОРИСОВИЧУ

КУРАКИНУ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

Действительному Камергеру

и

КАВАЛЕРУ

Ордена Святаго Александра

Невскаго.

СІЯТЕЛНѢИШІЙ КНЯЗЬ.

За высокую ВАШЕГО СІЯТЕЛСТВА ко мнѣ милость, которую отечески въ чюжестранныхъ краяхъ изволили Вы мнѣ противу чаянія моего показать, и чрезъ нѣсколько лѣтъ на вашихъ денгахъ содержать, я воспріемлю смѣлость нынѣ приписать сію новопреведенную мною книжку ВАШЕМУ СІЯТЕЛСТВУ въ знакъ благодарнаго моего чювствія и сердца.

Я Совѣстно признаваюсь СІЯТЕЛНѢИШІЙ КНЯЗЬ, что сею ни мало немогу я уплатить благородной и княжеской ВАШЕГО СІЯТЕЛСТВА Щедрости: Ибо и всея моея жизни, которая мнѣ осталась, искреннѣишія и наивѣрнѣишія услуги всегда недостаточныхъ себя къ тому найдутъ. Но движеніе неусыпающее вѣчныя въ души моей благодарности не можетъ оную какъ токмо поручить ВАШЕМУ СІЯТЕЛСТВУ, которому я все что ни имѣю и ни умѣю, на всегда долженствую.

Правда, что немогъ я быть въ свѣтѣ безъ моего родителя; но не могъ я жіть въ томъ безъ вашихъ ко мнѣ щедротъ. Тому я благодаренъ за рожденіе; но ВАМЪ, СІЯТЕЛНѢЙШІЙ КНЯЗЬ, за самое почитаи воспитаніе не могу ни когда быть доволно.

Надлежало бы мнѣ удивляться не мало о сеи ВАШЕГО СІЯТЕЛСТВА непоятной щедрости, ежели бы мнѣ, какъ и великой части свѣта, прочія ВАШЕГО СІЯТЕЛСТВА верховныя добродѣтели извѣстны не были, которыя, хотябъ и не отъ Княжескаго и Князеи свѣтлыхъ племяни имѣли ВЫ произыти, на сеи же ВАСЪ высокои степень, на которомъ нынѣ ВАШЕ СІЯТЕЛСТВО въ чинѣ Кавалеровъ Святаго АЛЕКСАНДРА стоитъ, безъ сомнѣнія имѣли бы возвесть.

ВАША, СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ, острота природная; ВАШЕ умѣніе въ совершенность многихъ языковъ; ВАША обыклость многіхъ земель ко нравамъ, и отъ того прозорливость въ мысль каждыхъ надобная отечеству; ВАШЕ глубокое искусство отъ самыхъ младыхъ лѣтъ въ политическихъ дѣлахъ, и не знаю что іное, которое Вы имѣете, въ умѣ самомъ, въ рѣчахъ, въ разсужденіи, и въ поступкахъ Вашихъ вящше не-

жели благородное, извѣстно могли ожидать всегда чинъ Святаго Алеѯандра, и чрезъ тои повсюдную славу.

Желалъ бы я отъ сердца еще другія, но болшія дарованія ваши должною похвалою ублажить, ежели бы, СІЯТЕЛНѢИШІИ КНЯЗЬ, не имѣлъ я страха оныя чрезъ себя свѣтлыя неискуснымъ моимъ перомъ затмить паче, нежели уяснить; Такожде, съ другои стороны, и въ число вредныхъ ласкателеи попасть.

И тако, СІЯТЕЛНѢИШІИ КНЯЗЬ, отдая сіе въ попеченіе искуснѣишимъ, и тѣмъ, которые немогутъ быть въ подозрѣніи ласкателства, всенижаише здѣсь о единомъ токмо прошу ВАШЕ СІЯТЕЛСТВО, то есть, благосклонно принять сеи мои подносъ въ тожъ намѣреніе, съ которымъ я приношу оной ВАШЕМУ СІЯТЕЛСТВУ, такожде и свѣтлымъ при заглавіи именемъ вашімъ ублагорожденъ предъ всѣхъ попустить, а на конецъ мнѣ вѣрить, что я есмь съ наіглубочайшимъ почтеніемъ, и съ наисовершеннѣишею ревностію,

СІЯТЕЛНѢИШІИ КНЯЗЬ,
ВАШЕГО СІЯТЕЛСТВА

Всепокорнѣишіи всенижаишіи
и вседолжнѣишіи слуга:

В: Тредіаковскіи.

жели благородное, извѣстно могли ожидать
сегда чинъ Святаго Алеѯандра, и чрезъ
ои повсюдную славу.

Желалъ бы я отъ сердца еще другія, но
ольшія дарованія ваши должною похвалою
блажить, ежели бы, СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ
КНЯЗЬ, не имѣлъ я страха оныя чрезъ себя
вѣтлыя неискусными моими перомъ затмить
аче, нежели уяснить. Такожде, съ другой сто-
оны, и въ число вредныхъ ласкателей попасть.

И тако, СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ, отдая
сіе въ попеченіе искуснѣйшимъ, и тѣмъ, ко-
торыя немогутъ быть въ подозрѣніи ласка-
телства, всенижайше здѣсь о единомъ токмо
прошу ВАШЕ СІЯТЕЛСТВО, то есть, бла-
тосклонно принять сей мой подносъ въ тожъ
намѣреніе, съ которымъ я приношу оной
ВАШЕМУ СІЯТЕЛСТВУ, такожде и свѣт-
лымъ при заглавіи именемъ вашимъ ублагорож-
денъ предъ всѣхъ попустить, а на конецъ мнѣ
вѣрить, что я есмь съ наиглубочайшимъ почте-
ніемъ, и съ наисовершеннѣйшею ревностію,

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ,
ВАШЕГО СІЯТЕЛСТВА

Всепокорнѣйшій всенижайшій
и всеподданнѣйшій слуга:

В. Трѣдьяковскій.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Хотя нынѣ много искусныхъ щітаютъ предисловія при книгахъ за весма непотребнои придатокъ: Однако мнѣ, ДОБРОЖЕЛАТЕЛНЫЙ ЧИТАТЕЛЮ, ни по какой мѣрѣ обоитися было невозможно, чтобъ, дая новую Россіискому свѣту сію книжку, не донесть вамъ о томъ, что до оныя касается, и что вамъ вѣдать всячески надлежитъ.

Оная выдана на Французскомъ языкѣ въ Паріжѣ въ 1713 году, и учинила великую своему творцу славу, (которая всѣмъ охотникамъ и въ мою бытность была памятна) по тому что онъ весма разумно ея выдумалъ, и могу послѣ всѣхъ доброразсудныхъ сказать смѣло, что она еще Первая въ своемъ родѣ такова нашлась.

Будучи въ Паріжѣ я оную прочолъ съ великимъ удоволствованіемъ моего сердца уладившися весма какъ разумнымъ ея вымысломъ, стілемъ короткимъ, такъ и віршами очюнь сладкими и пріятными, а наипаче мудрымъ нравоученіемъ, которое она въ себѣ почти во всякои строкѣ замкнула такъ, что я въ тожъ самое время гарячее возъимѣлъ желаніе перевесть оную на нашъ языкъ. И хотя силы я тогда, безъ самохвалства вамъ доношу, столко и могъ имѣть дабы мнѣ потрудиться въ переводѣ семъ, но въ продолже-

ніи тамо Філософіи время мое къ тому меня недопустило. Однако, какъ говорится, ЧЕМУ БЫТЬ, ТОГО НЕМИНОВАТЬ: ибо способнои случаи самъ себя мнѣ подалъ къ переводу оныя таковымъ образомъ:

Когда я былъ въ Гамбургѣ послучаю чрезъ нѣсколкое время, гдѣ не имѣя никакова дѣла со скуки я пропадалъ. Между тѣмъ ЕГО СІЯТЕЛСТВО КНЯЗЬ АЛЕѲАНДРЪ БОРИСОВИЧЬ КУРАКИНЪ, которои отеческую и щедрую свою милость и по нынѣ мнѣ кажетъ, повелѣлъ мнѣ чрезъ одно свое писмо изъ Москвы перевесть какую нибудь книжку Французскую на нашъ языкъ, и то длятого, дабы всуе мое время нетратилось. Желая дабы чрезъ скорое мое послушаніе такъ великому и свѣтлому моему благотворителю показать, что сколь свято я имѣю его повелѣніе, также съ другоіи стороны дабы и скука моя не такъ была мнѣ чювствителна, думалъ я долго что какую бы то книжку Французскую начать переводить. Тогда впала мнѣ на разумъ сія, которую я тамъ не безъ трудности сыскалъ у однои дѣвицы очюнь охотницы до книгъ, и сталъ оную переводить съ такъ великимъ прилѣжаніемъ, что въ мѣсяцъ еще и менше я со всѣмъ ея окончалъ; а каково, то въ ваше доброе разсужденіе, и совѣстное отдаю безъпристрастіе.

Вотъ, ДОБРОЖЕЛАТЕЛНЫЙ ЧІТАТЕЛЮ, причина, которая меня побудила сію книжку Французскую учинить Рускою.

Въ протчемъ я еи не чиню ни какихъ похвалъ по обыкновенію купцовъ съ совѣстнои ревностію и худои свои таваръ похваляющихъ, ибо всякъ меня са-

мохваломъ можетъ за то назвать. А по чему бы? вѣть я оныя не творецъ? правда, да я лихъ оную переводилъ; а переводчикъ отъ творца только что именемъ рознится. Еще донесу вамъ болше, ежели творецъ замысловать былъ, то переводчіку замысловатѣе надлежітъ быть. (я не говорю о себѣ, но о добрыхъ переводчикахъ.) А буде кто тому невѣритъ, тому я способно могу доказать еще Математическимъ Методомъ, что я правду сказалъ. А у! я недумая по Філософски ужъ и ссорюсь низачто! НО ПОЛНО БРАНИТЦА, ПОРА ПОМИРИТЦА.

И тако вы сами прочетъ, ДОБРОЖЕЛАТЕЛНЫЙ ЧИТАТЕЛЮ, изволите узнать какову сія книга подаетъ утѣху, сладость, и ползу нравоучителную, и уповаю, буде не обманываюсь, что и другимъ ту имѣете хвалить.

На меня, прошу васъ покорно, неизволте погнѣваться, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенцизны) что я оную неславенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Рускимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собои говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскои, унасъ есть языкъ церковнои; а сія книга мирская. Другая: языкъ славенскои вънынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ, и многія его наши читая неразумѣютъ; А сія кніга есть СЛАДКІЯ ЛЮБВИ, тогоради всѣмъ должна быть вразумителна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенскои нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не толко

я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но зато у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскімъ особымъ РѢЧЕТОЧЦЕМЪ хотѣлъ себя показывать.

Ежели вамъ, ДОБРОЖЕЛАТЕЛНЫЙ ЧИТАТЕЛЮ, покажется что я еще здѣсь въ своиство нашего природнаго языка не умѣтилъ, то хотя могу толко похвалиться, что все мое хотѣніе имѣлъ, дабы то учинить; а колиже не учинилъ, то безсиліе меня къ тому недопустило, и сего, видится мнѣ, доволно есть къ моему оправданію.

Я много самъ въ себѣ молча славлюсь и длятого толко, что я могъ какъ нибудь оную перевесть: ибо она ХОТЯ НЕ ВЕЛИКА ДА МУДРА, и въ томъ могутъ мнѣ всѣ тѣ повѣрить, которыя чли ея на Французскомъ, а наипаче оныя, которыя для справки похотятъ ея отвѣдать перевесть. Къ тому жъ, въ чомъ со мною всякъ неможетъ не согласиться, перевода вирши Французскія на наши, великую я трудность имѣлъ: ибо надлежало непотерять весма разума Французскаго сладости и силы, а всегда имѣть рускую Риѳму. Можетъ статься, что вы небудете доволны разумомъ моихъ виршеи. Того ради, прошу, хотя оныхъ Риѳмы за благо принять, ибо они весма во всемъ прямыя рускія, въ чомъ я ссылаюсь на всѣхъ СПАССКАГО МОСТА стихотворцевъ, даромъ что они не много мнѣ могутъ ползы учинить чрезъ свое освидѣтелствованіе въ мѣрѣ стопъ, въ количествѣ слоговъ, въ пресѣченіи, и въ родѣ стіховъ, для того что они излагая свои РАЦЕИ на тѣ правила не смотрятъ, а чтобъ СКАЗАТЬ да НЕСОЛГАТЬ, мо-

жетъ быть и не знаютъ. Но, я уповаю, что знающія имѣютъ мнѣ въ томъ справедливость учинить.

Теперь, ДОБРОЖЕЛАТЕЛНЫЙ ЧІТАТЕЛЮ, сами изволте разсуждать чего мои трудъ достоинъ, и потому смотря ласкаво или съ презрѣніемъ его принять; а лучше бы было, воспріемлю смѣлость мое мнѣніе ВАМЪ предложить, ежелибъ желали Вы видѣть онои благопріятнымъ окомъ: ибо тѣмъ, безъ сумнѣнія, имѣете меня ободрить за другое полезнѣишее дѣло взяться, а учтивостію вашею всегда хвалиться

ѢЗДА ВЪ ОСТРОВЪ

ЛЮБВИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КЪ ЛІЦІДѢ.

Я за справедливое нахожу, любезныи мои ЛЩІДА, чтобъ вамъ извѣстіе учинить о мнѣ, и по отсутствованіи такожде чрезъ цѣлыи годъ дабы наконецъ васъ свободить отъ нетерпѣливнаго безпокоиства, въ которое васъ привело безъизвѣстіе о моемъ состояніи. Я во многихъ перебывалъ чюжестранныхъ краяхъ отъ того времяни, какъ я съ вами разлучился. Но не можно мнѣ васъ увѣрить въ состояніи, въ которомъ я нынѣ нахожусь, что будуль я доволно имѣть силы къ описанію вамъ моего пути. Сіе еще умножитъ настоящее мое нещастіе, ежели мнѣ надобно будетъ возновить въ памяти моеи то, которое уже прошло, и такъ же сіе не имѣетъ какъ возрастить мою болѣзнь, ежели мнѣ надлежитъ мыслить о оныхъ роскошахъ, отъ которыхъ мнѣ неосталось какъ горкое токмо воспоминовеніе. Однако я уповаю что сіе мнѣ имѣетъ быть къ великому моему утѣшенію, ежели я учиню вамъ наилучшему отъ моихъ друговъ вѣденіе о моихъ печалѣхъ, и о моихъ весе-

ліяхъ: ибо печалная жалоба не малую чинитъ пользу злочастнымъ. Тогоради яимѣю позабыть всю скорбь розсказывая вамъ мою Гісторію, и хотя на малое время, однако потщуся такожъ перестать частыя и глубокія испускать воздыханія.

Душа моя, спрячь всю мою скорбь хоть на время,
умальте, мои очи, слезныхъ потокъ бремя;
Перестань жаловаться на нещастье, мои гласъ;
позабудь, и ты сердце, кручину на малъ часъ.
Знаю что вы въ нещасти, и то чрезъ жестоту,
варварскои и несклоннои судбины въ долготу.
Будьте въ малои роскоши, хоть и всѣ постыли,
и помните что долго вы щастливы были.

Уже тому цѣлыи годъ, какъ вы сами вѣдаете, отнелѣжея сѣлъ въ карабль на Окіанѣ со многими лицами всякаго возраста и всякаго чина, изъ которыхъ многія были забіяки, и поѣхалъ въ одну землю, которая называется РОСКОШЬ.

Наше плаваніе тихое весма было чрезъ многія дни; но когда мы хотѣли пристать къ одному острову, гдѣ мы думали отдохнуть и повеселиться, тогда встала превеликая буря, и вѣтръ такъ силнои, что онъ насъ бросилъ съ великою наглостію къ другому берегу на противъ того, на которои мы хотѣли выйти. Насъ тамъ било чрезъ четыри или пять часовъ, но потомъ оная буря затихла, и Солнце появилось на Небѣ такъ красно, что оно таково никогда небывало; А мы нашлися близко одного острова, у котораго берега украшены были очюнь прекрасными садами. Мы возъимѣли тотчасъ любопытство, чтобъ намъ вѣдать, какъ онои островъ называется; а по

щастію нашолся одинъ человѣкъ въ нашемъ кораблѣ, которои бывалъ въ томъ островѣ, и онои намъ слѣдующее сказалъ:

Насъ близко теперь держитъ при себѣ Африка,
около мѣстъ прекрасныхъ моря Атлантіка.
А сеи островъ есть ЛЮБВИ, и такъ онъ зовется,
куды всякои человѣкъ въ свое время шлется.
Стары и молодыя Князья и подданны,
дабы видѣть сеи островъ, волили быть странны.
Здѣсь на земли со времямъ все что ужъ нибыло,
то въ сихъ мѣстахъ имѣло желаніе мило.
Разно сухои путь сюды ведетъ также водныи,
и отъ всѣхъ странъ въ сеи островъ есть входъ пресвободныи.
Стать, любовность, прикраса, пріязнь съ красотою.
имѣютъ всѣ пристани сія за собою.
И привлекая всяка чрезъ любовны средства,
нікто ихъ не убѣгнетъ вышедчи изъ дѣтства.

Когда онои человѣкъ намъ сказывалъ сіе, мы въ то время часъ отъ часу все ближе подъѣжжали къ оному острову. А когда онъ пересталъ говорить, тогда уже мы близко его такъ были, что мы могли все видѣть въ немъ безъ всякои трудности.

Въ семъ мѣстѣ море не лихо,
какъ бы самои малои потокъ.
А пресладкіи Зефіръ тихо,
дыша отъ воды не высокъ
Чинитъ шумъ пріятнои весма
во играніи съ волнами.
И можно сказать что сама,
тамъ покоится съ вещами
Натура, дая всѣмъ покои.
премногія красятъ цвѣты

Чрезъ себя прекрасныи брегъ тои.
и хотя чрезъ многи лѣты,
Но всегда не увядаютъ ;
розы, тюлипы, жесмины
Благовонность испускаютъ,
ольеты, также и кринъ.
Прѣвда, что нѣтъ во всемъ свѣтѣ
сихъ цвѣтовъ лучше и краше ;
Но въ томъ мѣстѣ въ самомъ лѣтѣ.
не на нихъ зритъ око наше.

Правда, что по всему тому берегу видишъ премножество изрядныхъ діковінокъ, красоты, пріязни, прикрасы, и стати всѣ вмѣстѣ тамъ гуляютъ. Но одно сіе меня очюнь во удивленіе привело, когда я увидѣлъ, что престарѣлыя и нехорошія слѣдовали за тѣмижъ веселіями. Онои помянутои человѣкъ, которои намъ сказалъ имя тому острову, примѣтивъ во мнѣ мое удивленіе такъ мнѣ началъ говорить :

Купідъ чрезъ свои стрѣлы ранитъ человѣковъ,
и понежъ онъ есть всѣхъ цареи силнѣишіи.
Признанъ въ небѣ, на земли, въ мори, отъ всѣхъ вѣковъ.
подъ разнымъ видомъ тоиже свои старѣишіи
Даетъ законъ, и часто для отмщенья скора
надъ безпристрастнымъ ко всѣмъ женскимъ лицамъ
Употребляетъ своеи силои безъ разбора,
давъ его сердце не краснымъ дѣвицамъ.

Когда онъ мнѣ говорилъ сіе, тогда я началъ смотрѣть съ прилѣжаніемъ, какова не имѣлъ я никогда обычаино, на одну дѣвицу, которая гуляла по берегу того острова. Оная дѣвіца была посредѣ красотъ и статеи, у которыхъ она затмѣвала ясность чрезъ

блистаніе прекраснаго своего лица; и я вамъ признаваюсь, что она меня тотъчасъ въ восхищеніе привела.

Ибо она имѣла все что ЮНОСТЬ слична
имѣетъ, и разслабить чѣмъ сердце обычна.
Зракъ весма свѣжіи, краску, величество сладко,
а бѣлизну румянну, лице также гладко.
Розъ и лилѣи при грудѣ смѣшенье любимо,
нудило здаться очамъ ея не обходимо.

Между тѣмъ мы увидѣли съ десять или съдвенадцать малыхъ стружковъ, которыя отвалили отъ берегу. Оныя стружки всѣ были украшены благовонными цвѣтами: Снасти всѣ на нихъ имѣлись шолковыя разныхъ красокъ, и премножество маленкихъ Купідінчиковъ въ весла гребло. Зефіры, которыя около ихъ лѣтая вѣяли, и которыя своимъ сладкімъ благоуханіемъ вмѣстѣ съ онымъ происходящимъ отъ цвѣтовъ непрестанно въ нихъ дуя, наполняли воздухъ благовоніемъ всепріятнѣишимъ; И тако сему маленкому Флоту помогали плыть въ тишинѣ. Когда сеи Флотикъ приплылъ къ нашему караблю, тогда тотчасъ мы услышали концертъ удивительнои на многихъ інструментахъ, при которыхъ превесма хорошія голоса пѣли слѣдующія рѣчи:

Всѣ хотящія съ желаніемъ полнымъ
насладиться здѣсь въ животѣ радости,
Приставаите къ намъ съ сердцемъ вселюбовнымъ:
безъ ЛЮБВИ нѣту никакои сладости.

Въ тожъ самое время Зефіры лѣтая около насъ подавали намъ свои руки, и чрезъ свои сладкои усмѣхъ казались что они насъ просили, дабы намъ слѣдовать за ними. всѣ сія восхитительныя диковинки такъ ме-

ня обворожили, что я сталъ быть весь внѣ себя. Желаніе гарячее, которое я имѣлъ, дабы мнѣ увидѣтся съ оною покланяемою красотою, которую я видѣлъ, и которая меня въ восхищеніе привела, такъ же въ самои тотъ часъ незнаю что иное, которое уже засѣло въ моемъ сердцѣ, принудили меня намѣреніе воспріять чтобъ мнѣ побывать въ томъ островѣ. И тако я подалъ мои руки, а Зефіры тотъ часъ меня подхвативъ посадили въ одинъ изъ тѣхъ стружковъ, въ которои купідінчики меня приняли со многимъ засвидѣтелствованіемъ дружбы.

Многія изъ тѣхъ, которыя были со мною на кораблѣ, слѣдовали за мною, также и многія на томъ же кораблѣ несходя остались, и которыя смѣялись надъ нами. Я очюнь удивлялся ихъ жестотѣ, съ которою они намъ кричали въ слѣдъ въ смѣхѣ:

Ступаите, дружки, скоро, ищите веселья
что ЛЮБОВЬ вамъ вдохнула.
Вы намъ разскажете все по томъ отъ бездѣлья;
толкобъ смерть васъ несдула!

Между тѣмъ мы плыли съ музыкою играющеи и поющеи, а всякъ изъ насъ имѣлъ на головѣ вѣнцы изъ цвѣтовъ сплетенныя. И по краткомъ времяни пристали мы къ берегу того острова.

Пристающихъ къ земли той единъ Богъ любезныи.
и умамъ чювствителнымъ всегда онъ полезныи
РАЗУМЪ, что имать очи живы, прозорливы,
гласомъ громкимъ идущихъ и рѣчьми учтивы
Остановляетъ; стоя при самомъ томъ входѣ
запрещаетъ дорогу, кричитъ что есть годѣ:
НО ЧЮВСТВІЯ его зракъ незрятъ ослѣпленны.
и будучи единъ онъ съ недруги смертѣлны

Неможетъ биться. тако никто его гласа
не слушаетъ, и всякъ тамъ идетъ безъ опаса.

Такимже способомъ и я прошолъ онои РАЗУМЪ неслушая его рѣчеи и здравыхъ совѣтовъ, и потомъ побѣжалъ я свеликою нетерпѣливостію къ тому мѣсту, на которомъ я видѣлъ оную прекрасную дѣвицу, для которыя вознамѣрился я ѣхать въ островъ ЛЮБВИ; а тамъ отъ нѣкоторыхъ я увѣдомился, что еи имя АМІНТА. Но когда уже я былъ почти при неи, тогда нечаянно единъ человѣкъ, которои неотлучался отъ нея, весма устрашилъ меня единымъ токмо своимъ взглядомъ. Онои былъ высокаго возраста, и лица хорошаго, но очюнь казался постояненъ и важенъ Очи его весма были небыстры, взглядъ зѣло умильнои; а смотря на меня держалъ онъ свои перстъ указателнои на своихъ устахъ. Одна дѣвица всегда за нимъ слѣдовала, и которая ступала по евожъ самымъ стопамъ. Оная чинила равныя и подобныя ему тѣлодвиженія, также и поступь имѣла слово въ слово какъ и онъ озираяся непрестанно около себя. Единъ купідинчикъ, которои отъ того времяни присталъ ко мнѣ, чтобъ за мнои ему слѣдовать всюду въ моемъ пути, и дабы мнѣ розсказывать все что надобно, тогда говорилъ мнѣ тако :

Сеи, что ты видишъ такъ важна,
названъ отъ всѣхъ ПОЧТЕНІЕ,
Мать его есть ЛЮБОВЬ кажна,
отецъ, само ЛЮБЛЕНІЕ.
Много друговъ онъ имѣетъ
при дворѣ семъ аугустѣишемъ
А кто ему неумѣетъ
угождать, во тотъ во злѣишемъ

Нещастіи остается
при всѣхъ нашихъ дѣвахъ красныхъ.
Буде въ милости имѣться
его хочешъ, то словъ ясныхъ
Мало употреблять треба:
а лучше при немъ все молчать,
Глазы, хоть бы были съ неба,
такъ же ничего несмѣчать.
Сіяжъ, что видишъ, другая,
котора есть при немъ всегда,
ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ драгая.
любовникъ безъ неи никогда
Щастливымъ себя ненаидетъ.
а во своеи жаркои страсти
СЪ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬЮ заидетъ
куды хочетъ безъ напасти.

Будучи наученъ отъ такъ добраго и искуснаго наставника я учинилъ великои и учтивои поклонъ ПОЧТЕНІЮ и ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ, и просилъ ихъ, дабы они изволили казать ко мнѣ свою милость, которую они мнѣ посулили очюнь охотно. Потомъ я подступилъ ближе весь дрожжя къ онои прекраснои дѣвицѣ, которая меня усладила, прося ея дабы она изволила благосклонно принять мою услугу въ томъ, что я желаю имѣть честь ея подъ руку весть. На сіе хотя она мнѣ соизволила, но очюнь съ великою спесью, и поговоривши со мною чрезъ нѣсколькое время о томъ о другомъ, тотъ часъ меня покинула.

И понеже ночь уже наступала, того ради онои купідонъ мои проводникъ привелъ меня въ одно мѣстечко, гдѣ мы очюнь худо ночь препроводили. Оное мѣстечко называется БЕЗПОКОИНОСТЬ, имя-

немъ своея помѣщицы, къ которои мы непреминули итти на поклонъ. Я признаваюсь, что мнѣ очюнь трудно вамъ описать оную госпожю какова она собои: ибо она неможетъ быть долгое время на одномъ мѣстѣ. Въ одномъ мгновеніи ока видишъ ея стоящую, и тотъ часъ потомъ лежащую. Иногда она ступаетъ очюнь тихо, а иногда такъ скоро, что неможно никакъ за неи слѣдовать. Сказываютъ другія, что она никогда неспитъ, и то можетъ быть что правда, понеже она очюнь суха и блѣдна. Я ея нашолъ весма неубрану, волосы у нея всѣ распущены, а наипаче по челу безъ разбору лежатъ: по тому что она его третъ часто. А когда я еи поклоны мои чинилъ и рѣчь, она ничего того невидала, не примѣчала и неслушала.

Отъ сея госпожи вышедъ легъ я на постелю, на которои немогъ я спать: ибо тамъ оная прекрасная дѣвица, которая меня усладила, присутствуя всегда въ моеи мысли подала мнѣ причину учинить слѣдующее разсужденіе:

Что бы я нынѣ нивѣщалъ,
но словомъ вздохи мѣшаютъ;
Чую, что волность потерялъ;
мысли, гдѣ сердце, незнаютъ.
Не тыль, АМІНТА, то скрала?
я невидавъ твою младость,
Съ самого жизни начала
неимѣлъ такову слабость.

На завтрѣе я всталъ очюнь рано; а купідонъ, которои за мною всюду слѣдовалъ, привелъ меня въ другое мѣстечко, которое называется МАЛЫЯ ПРИСЛУГИ. Я великую разность нашолъ между симъ

мѣстечкомъ и БЕЗПОКОИНОСТІЮ; но по моему мнѣнію во всемъ томъ краю сего веселяе нѣтъ мѣста. Тутъ весь дворъ ЛЮБВИ часто въ красные дни препровождаетъ радостно свое время.

Туды на всякъ день любовники спѣшно
сходятся многи весма безпомѣшно,
Дабы посмотрѣть любви на причину,
тоесть на свою красную едину.
Съ утра до ночи тамо пребываютъ,
о любви однои токмо помышляютъ.
Всѣ тамо домы украшены цвѣты,
всѣ и жители богато одѣты.
Все тамъ смѣется, все въ радости зрится,
все тамъ нравится, всему умъ дивится.
Танцы и пѣсни; пиры и музыка
невпускаютъ скорбь до своего лика.
Всѣ суть изгнанны оттуду пороки,
и всякъ угрюмои чинитъ веселъ скоки.
Всякъ скупои сыплетъ сокровище волно.
всякъ молчаливыи говоритъ довольно.
Всякои безумнои бываетъ многоумнымъ,
сладкія музы поютъ гласомъ шумнымъ.
На конецъ всякой со тщаніемъ чинитъ,
что лучше дѣвамъ ко веселію мнитъ.

По правдѣ можно сказать, что тамъ другова ничего не видно, какъ толко что вездѣ любовныя потѣхи. Чистота, богатои уборъ, снизходителство, угожденіе, дѣвичьи игры, веселье, и разговоры сладкія никогда не отлучаются отъ сего мѣста, но и все съ пристоиностію удивителною тамъ чинится. Пришедъ туды ощутилъ я въ себѣ духъ веселои и смышленъ къ изобрѣтенію потѣхъ, чрезъ которыя бы мнѣ можно было угодить моеи АМИНТѢ.

Съ симъ намѣреніемъ нарядяся по щоголски и богато прибылъ я съ моимъ Купідіномъ къ неи въ такъ великомъ удоволствованіи сердца, что я никогда еще отъ моея жизни такова неимѣлъ. Но оттуду надлежало паки мнѣ возвратіться спать въ БЕЗПОКОИНОСТЬ: по тому что нѣтъ постоялыхъ домовъ въ МАЛЫХЪ ПРИСЛУГАХЪ. И тако нетерпѣливность, дабы мнѣ еще видѣть АМИНТУ, учинила, что я почти всю безъ сна пробылъ и въ ту ночь, въ которои я не заснулъ какъ на часъ мѣста, и въ семъ усыпленіи видѣлся мнѣ пріятнои и сладкои сонъ.

Видѣлось мнѣ, кабы тая
въ моихъ прекрасная дѣва
Умре рукахъ вся нагая,
не чиня ни мала зѣва.

* * *

Но смерть какъ гибель напрасну
видя, ту въ миръ возвратила
Въ тысячю разъ паче красну;
а за плачь меня журила.

* * *

Я видѣлъ что ясны очи
ея на меня глѣдѣли,
Хотя и въ темноту ночи
и ни мало не съ мертвѣли.

* * *

Ахъ! вскричалъ я велегласно,
схвативши ея рукою
Какъ бы то на яву власно:
васъ было, МИЛА, косою

* * *

Ссѣчь жестока смерть дерзнула!
Охъ! и мнѣ бы неминовать

Колибъ вѣчно вы уснула!
потомъ я сталъ ту обнимать.

* * *

Я узналъ какъ пробудился,
что то есть насмѣшка грѣзы.
Симъ паче я огорчился
многи проливая слезы.

* * *

На другои день я возвратился весма рано въ МАЛЫЯ ПРИСЛУГИ, и былъ я тамъ пріятъ отчасу лучше Аминтою, только что по ночамъ въ БЕЗПОКОИНОСТИ я мучился. Но по нѣсколкомъ времяни, когда я все учинилъ, что я могъ, ко угожденію АМИНТѢ, тогда въ одинъ изъ тѣхъ днеи переѣхала она въ другое мѣстечко, которое называютъ, ДОБРОИ ПРІЕМЪ. Симъ имянемъ помѣщикъ того мѣста называется. Сеи господинъ безмѣрно учтивъ и обходителенъ, которои допускаетъ до себя весма человѣколюбно, и принимаетъ всякаго пріятелски. Обыватели того мѣста также весма учтивы. АМИНТА слѣдуя примѣру другихъ тамъ меня надчаяніе мое благосклонно изволила принять, и чрезъ то мнѣ подала прічіну вѣріть, что еи не непріятно было меня видѣть.

Купидонъ мои примѣтивъ сіе привелъ меня ночевать въ НАДЕЖДУ городъ sѣло великои, краснои, словущеи и многолюднои: Потому что отъ всѣхъ сторонъ много туды пріѣзжаетъ народу. Превеликая часть того города создана на пескѣ и безъ основанія, чего ради часто онои въ прахъ развеливается. Другая его часть очюнь твердо основана, и почитаи

всегда во своеи цѣлости пребываетъ. Сеи городъ стоитъ при рѣкѣ, которая называется ПРЕТЕНЦІА, имѣетъ она свои истокъ въ горѣ тѣмъ же имянемъ называемои близко НАДЕЖДЫ. Оная рѣка хотя есть весма преизрядная, но иногда не безбѣдственно плавать по неи случается; отъ чего и домы, которыя по неи построены, часто со всѣмъ обваливаются. А когда они во своемъ состояніи обрѣтаются, то палаты наипрекраснѣишія немогутъ съ ними сравнены быть ради преузорочнаго ихъ вида. Оная рѣка очюнь славна тѣмъ, что многія знаменитыя лица въ неи потопли. На меня было искушеніе нашло, чтобъ мнѣ въ неи искупаться, и въ томъ мнѣ мои Купидонъ непротивился: Но когда я то лишъ хотѣлъ дѣиствомъ съ великимъ устремленіемъ исполнить, тогда нечаянно встрѣтілся со мною онои человѣкъ, которои называется ПОЧТЕНІЕ провождаемъ ПРЕДОСТОРОЖНОСТІЮ и тотъ часъ схвативши меня за плечо мнѣ говорилъ, что ни чемъ неможно инымъ такъ себя скоро погубить, какъ симъ моимъ предпріятіемъ, и что надлежитъ мнѣ доволну быть только НАДЕЖДОЮ, А въ ПРЕТЕНЦІЮ пускаться недовлѣетъ. Я ему возблагодаря за сеи совѣтъ отправился къ тои сторонѣ города, которою онъ удалился отъ рѣки. При сеи же сторонѣ и замокъ княгини НАДЕЖДЫ обрѣтается, которая слыветъ въ сторонѣ ЛЮБВИ за будущихъ прорицателную богиню, хотя и не всегда извѣстно можно еи вѣрить въ томъ, что она говоритъ.

Она всегда всѣмъ сулитъ, но часто всѣмъ слова
своего недержится; всегда призываетъ

Всѣхъ къ любви, и жить долго тому прорицаетъ,
у кого ужъ за плечми стоитъ смерть готова.

При входѣ самомъ ея палатъ встрѣчаются МЫСЛИ, которыя, весма подобны суть птицамъ, и лѣтаютъ тамъ всегда то очюнь низко, то по срединѣ воздуха какъ имъ захочется. Когда я ихъ увидѣлъ въ первыя, тогда они доволно были небыстры; потому что они лѣтали все равно. Оттуду я отшелъ, и пошолъ къ тому мѣсту, гдѣ мнѣ надлежало видѣть княгиню НАДЕЖДУ; которая есть весма прекрасная персона; лице она имѣетъ веселое, и всю Фізіономію свѣтлую и пріятную, а будучи съ неи никогда неможно скучиться: ибо она утѣшаетъ наипечалнѣишихъ, надымаетъ духъ гордымъ, и ласкаетъ привѣтливо всѣхъ тѣхъ, которыя желанія имѣютъ умѣренныя, а какъ я представленъ былъ ея лицу, тогда два человѣка вмѣстѣ со мноі предъ нея же вошли, изъ которыхъ одинъ такъ въ высокомъ мѣстѣ любилъ, что онъ не смѣлъ нічего оттуду ожідать добраго; А другои съ тѣмъ же намѣреніемъ надѣялся всего отъ своего благополучія. Я удивился весма ея хитрости, которою она утѣшала одного, и ободряла другова. Первому она слѣдующее говорила:

Почтеніе и время отъемлютъ помѣху,
а любви нѣтъ упрямои безъ чудна успѣху.

Потомъ оборотившися къ другому такову рѣчь имѣла:

Славно есть почесть имѣть
тому, ктобъ смоглъ понизить гордостну высоту;
А кто предпріемлетъ то, но всегда въ суету;
то въ томъ хвално умереть.

Что же надлежитъ до меня; когда еи донесъ я всю мою гісторію, въ чомъ она доволно меня нашла не чрезъ мѣру желающаго, тогда отвѣтствовала она мнѣ тако:

Ты можешь надѣяться съ прямымъ сердцемъ всего;
отъ мила друга будетъ здѣсь любимъ для того.

Хотя вѣдалъ я, что она лстила всему свѣту; однако сія ея рѣчи успокоили меня весма на ту ночь. Назавтрѣя Купідонъ хотѣлъ меня весть ВО ОБЪЯВЛЕНІЕ. Но какъ мы были уже на дорогѣ, гдѣ тотъ часъ встрѣтился съ нами тотъ же человѣкъ называемои ПОЧТЕНІЕ, которои почитаи съ сердца мнѣ представлялъ, что ненадлежитъ туда спѣшить такъ скоро, а Купідона моего онъ за то журилъ. Которои нестерпя тои его журбы слѣдующее щумно, и яростно завопилъ:

Что это? всели вздыхать съ мученіемъ вѣчнымъ?
всели страдать? всель любить съ жаромъ безконечнымъ?
На конецъ и умереть придетъ намъ можетъ быть,
А о любви ничего ненада объявить?
И незнать, когда смерть скосить насъ нахална,
будетъ ли о томъ мила, хоть мало печална?
Надаль, чтобъ быть щастливу, ждать слѣпа случая?
такъ что, когда свою жизнь на весь вѣкъ кончая,
Тогда хотя и любить тебя станетъ мила,
Но вѣть немысля что ужъ поздо залюбила?

ПОЧТЕНІЕ ему сказалъ, что то не по его станется; и что ежели я исполню дѣиствително его совѣтъ, то моя любовь вскорѣ познана будетъ; и что въ протчемъ я всегда имѣю наити АМИНТУ въ ОБЪЯВЛЕНІИ, инакожъ, можетъ быть, что она дня одного тамъ непроживетъ, послѣ чего я ея неувижу ни ко-

гда. Я немогъ нездаться на сія ПОЧТЕНІЕВЫ разсужденія, хоть мои КУПИДОНЪ противъ сего что ни говорилъ. Отъ туду съ ПОЧТЕНІЕМЪ и съ КУПИДОНОМЪ вмѣстѣ пошолъ я въ одну крѣпость, Въ которои ПОЧТЕНІЕ былъ Губернаторомъ, и онъ меня обнадежилъ, что я тамъ увижу АМИНТУ. Оная крѣпость очюнь укрѣплена валами неприступными; стѣны ея находятся такъ высоки, что окомъ неможно ихъ завидѣть конца, и такую толстоту имѣютъ, что ни чемъ невозможно ихъ пробить. ОЧЕСЛИВОСТЬ, МОЛЧАНІЕ, и ТАИНА стерегутъ тоя крѣпости вороты, которыя мнѣ показались менше самои малинкои калитки. ОЧЕСЛИВОСТЬ есть едина отъ женъ очюнь постоянна, но которая непритворяется быть таковои; Очи ея имѣютъ зракъ небыстрои, и можно съ всего лица ея видѣть, что она воздержательна. Платье на неи гораздо простое, и имѣетъ руки и шѣю весма закрыту. МОЛЧАНІЕ есть таковъ каковъ онъ малуется, которои всегда щуритъ глаза, и корчитъ все свое тѣло держа перстъ указателнои на устахъ своихъ. Сколькожъ надлежитъ до ТАИНЫ; оныя ни когда неможно видѣть; и тамо она стоитъ скрыта въ одномъ темномъ мѣстѣ, откуду она невыходитъ какъ когда надобно. И ежели она когда говоритъ, то очюнь тихимъ голосомъ; она имѣетъ уши весма много слышателны, и умѣетъ отгадывать все чрезъ самои малои знакъ. Мы вошли въ сію крѣпость слѣдуя за ПОЧТЕНІЕМЪ въ велікои тишинѣ и почитаи таикомъ, и тогда мы разсмотрили что:

Дворы тамъ весма суть уединенны
и въ тихости всѣ съ собои неотмѣнны.

Никогда тамо неувидишъ збору;
всякъ ходитъ въ ночи безкриклива здору,
Всякъ свои дѣла самъ единъ справляетъ,
а секретарямъ оны неввѣряетъ.
Встрѣчаться тамо часто невозможно.
Несвободну быть нада неотложно,
И всегда терпѣть безъ всякои докуки,
хоть какъ нибудутъ жестокія муки.
Всеи то крѣпости всѣ употребляютъ
языкомъ нѣмымъ, а о всемъ всѣ знаютъ:
Ибо хоть безъ словъ всегда онъ вѣщаетъ,
но что въ сердцѣ есть, все онъ открываетъ;
И по желанью что всяку творити
сказуетъ, скорбнуль радостнули быти.

Сія крѣпость называется МОЛЧАЛИВОСТЬ, именемъ ПОЧТЕНІЕВОИ дочери, которая въ томъ замкѣ намѣстничествуетъ. Сія ПОЧТЕНІЕВА дочь весма есть доброзрачна, но съ перваго приходу никому она ненравится. Всѣ тѣ, которыя съ нею обходятся, любятъ очюнь ея разговоры; глаза она имѣетъ быстрыя, ясныя, и живыя, которыя, когда имъ надобно, Ясно и вразумително говорятъ всѣмъ людемъ. Лице она носитъ очюнь смирное и воздержателное. Въ протчемъ явно всѣмъ видимо, что она имѣетъ много хитрости и искуства, которыми она употребляетъ когда хочетъ. По отданіи еи моего поклона я испоттиха допрошался того мѣста, Гдѣ пребывала моя АМИНТА: а когда я довѣдался, тогда Я занялъ постоялои домъ весма отдаленъ отъ ея жилища. Во свиданіи моемъ съ нею я имѣлъ къ неи рѣчи весма о иномъ всемъ какъ о моеи любви: я прожилъ очюнь долгое время въ сеи крѣпости, ведя

жизнь сѣло печалну, и не имѣя обходителства ни съ кѣмъ.

Проливать слезы толко мнѣ тамъ было дѣла.
часто ростатся съ тѣломъ вся душа хотѣла.
Но никакои АМИНТѢ неимѣлъ докуки,
хоть и жестоки меня порубляли скуки.
Стрепетомъ отъ АМИНТЫ для почетна взора,
иль отъ смерти, нещасью ждалъ я конца скора.
Толко за моеи милои слѣдовалъ повсюду,
говорилъ глазы, сердце что страждетъ внутрь уду.
Мои частыя вздохи и печаль постыла.
казали ей, что меня она побѣдила.

Мои КУПИДОНЪ часто въ сожаленіе о мнѣ приходилъ, и хотѣлъ меня весма покинуть. Но я его такъ улещивалъ, что онъ ни по какои мѣрѣ немогъ того учинить.

По нѣсколькомъ времяни я нашолъ себя еще наипаче бѣднѣишимъ: ибо АМИНТА, чрезъ все что я ничинилъ, узнавши мою любовь къ себѣ, немедленно ушла въ пещеру ЖЕСТОКОСТИ. Сія пещера есть превеликои камень дикои такъ не приходнои, что никакимъ способомъ невозможно на него взлѣсть. Входъ въ оную пещеру заповѣданъ всѣмъ любовникамъ, и караулимъ чрезъ наисвирѣпѣишихъ Тігровъ. Я хотѣлъ удержать АМИНТУ въ самую ту минуту, какъ она туды входила; но недопустила мнѣ того учинить одна превеликая бабища очюнь дурная, и взгляду свирѣпаго, у которыя оба глаза выпучились изолбу. Сія старая корзовка руки имѣетъ долгія и высохлыя, А ногти какъ Львиныя. Она обыкла всѣхъ ни во что ставить, и кто бы вы нибыли ни накого

несмотритъ, и все любитъ весь народъ мучить. Одинъ ея взглядъ приводитъ сердце въ крайнее отчаяніе.

ЖЕСТОКОСТЬ та зовется.
Такъ дурной нелзя видѣть никому никогда.
но младость и пригожство почти вездѣ всегда
около ея трется.

Я такъ жестоко испужался увидѣвъ оную, что я весь внѣ себя незнаю куды забѣжалъ по берегу одного превеликаго источника, которои выходитъ съ вершины самои помянутого того дикого камня.

Сему потоку быть стало
съ слезъ любовничьихъ начало,
Которыя чрезъ ихъ плачь смѣшенныи со стономъ
стремляютъ съ камня воду въ бѣлъ скипящимъ звономъ.
вода камень умягчаетъ,
шумъ всюду слышимъ бываетъ;
Древеса и всѣ цвѣты въ сожалѣни зрятся,
одна толко ЖЕСТОКОСТЬ ничемъ можетъ смяться.

Сеи источникъ окруженъ лѣсомъ пребезмѣрно дремучимъ и темнымъ; на всѣхъ коркахъ древесъ оныхъ вырѣзаны плачевныя гісторіи многихъ любовниковъ, и по всему тому лѣсу слышятся вездѣ крикъ, пени и укоры. Эхо неповторяетъ тамъ какъ слова печалныя и весма рыдательныя. Наконецъ, все дышетъ смертью въ семъ печалномъ мѣстѣ. Тамъ то и я отчаявшися выручить изъ рукъ ЖЕСТОКОСТИ мою АМИНТУ, въ горкомъ рыданіи вошлъ слѣдующее:

Увы, АМИНТА жестока!
Немогуль я при смерти васъ моеи смягчити?
сеи лѣсъ, и все неможетъ безъ жалости быти.
Ахъ, АМИНТА, жеще рока!

Сеи камень, ежели бы имѣлъ столко мочи,
восхотѣлъ бы утереть мои слезны очи.
Ахъ, АМИНТА! безъ порока
Можетель вы быть смерти моея виною?
пока щититься, увы! вамъ здѣ жестотою?
Ахъ, АМИНТА! нѣтли срока?

Сіе мое рыданіе повсюду слышимо было, тѣмъ наипаче, что частое Эхо разносіло его двократно иногда трикратно по всему лѣсу. Я тогда не имѣлъ себѣ ни малого покою, и непереставалъ на малъ часъ горкія изливать слезы. А прохаживался я часто около того дикого камня, гдѣ я иногда встрѣчался съ АМИНТОЮ; но она всегда была съ ЖЕСТОКОСТІЮ, которую я старался умягчить чрезъ всякородное униженіе, но всегда вотще. Въ одинъ изъ сихъ дней, когда я былъ въ болшемъ сокрушеніи нежели обычаино, КУПИДОНЪ мои привелъ меня на берегъ одного озера, которое называется ОЗЕРО ОТЧАЯНІЯ.

Въ семъ озерѣ бѣдныя любовники присны
престаютъ быть въ семъ свѣтѣ милымъ ненависны:
Отчаяваясь всегда отнихъ любимы быть,
и немогуще начасъ во свѣтѣ безъ нихъ жить;
Препроводивши многи свои дни въ печали
пріходятъ къ тому они; дабы жізнь скончали.
Тамо находятся всѣ птицы злопророчны,
тамъ плаваютъ лебеди весма дикимъ точны,
И чрезъ свои печалны пѣсни и негласны
плачютъ о любовникахъ, которы бесчасны.

По берегамъ сего озера многія ходятъ любовники печалныя, и невидалъ я изъ нихъ какъ очюнь малое число, которое бросается въ то озеро. На меня бы-

ло нашло искушеніе въ ономъ утопіться, но тотъ часъ я другое намѣреніе предвоспріялъ, то есть, еще однажды отвѣдать, прежде нежели потоплюсь, что немогули я умягчить АМИНТУ, и ЖЕСТОКОСТЬ. Всемъ намѣреніи пошолъ я корпѣть при въ самомъ входѣ онаго камня, весма разрѣшився оттуду никогда не отоити, пока АМИНТА изъ пещеры невыдетъ; и тамъ то я изливая великія источники слезъ учинилъ слышимы быть повсюду мои рыданія, и былъ всегда презираемъ отъ ЖЕСТОКОСТИ. На конецъ я думаю, что мои болѣзни могли бы меня до основанія изнурить, ежели бы КУШДОНЪ мои недалъ мнѣ вѣрнаго и добраго совѣта, которои избавилъ меня отъ смерти. Во единъ отъ сіхъ дней, внезапу увидѣлъ я преизрядную собои дѣвицу, которая мимо меня шла, и плакала на меня смотря, и казалося съ ея взглядовъ, что она оплакивала мое нещастіе.

Казалось мнѣ, что въ себѣ она говорила:
ахъ жаль мнѣ весма сего любовника мила!
Сеи гарячеи страсти любовь его вѣрна,
любима быти должна отъ сердца безмѣрна.

Я почювствовалъ такъ много себя быть обязана сеи дѣвицѣ, что я тотъ часъ сталъ спрашивать ея имени; А КУПИДОНЪ мои мнѣ сказалъ что то есть ЖАЛОСТЬ, которая появливается здѣсь часто, чтобъ возмощи услужить какому любовнику безчастному, и что ежелибъ я могъ учинить то, чтобъ еи стать за меня, тобы она принудила АМИНТУ заразъ выти изъ пещеры ЖЕСТОКОСТИ. Тогда я, дабы небезприбыленъ мнѣ былъ сеи совѣтъ, потщился вся-

чески умолить ЖАЛОСТЬ объявляя еи оплакуемое состояніе, въ которомъ я находился. Она въ такое пришла о мнѣ сожалѣніе, что ни мало непопротивилася подать мнѣ свою помощь, и недолго медлила дѣиствомъ исполнить мнѣ свое обѣщаніе: ибо долго ходя около оныя пещеры и камня дикого, на конецъ обозрила она АМИНТУ и розказала еи всю мою печалную гісторію, но въ такихъ рѣчахъ умилительныхъ, что безчеловѣчная АМИНТА немогла сама отъ слезъ удержаться. Сіе видя ЖАЛОСТЬ привела оную на то мѣсто гдѣ я былъ, и показала еи состояніе, въ которое я принужденъ былъ притти. АМИНТА немогла небыть чювствительна видя мое нещастіе, такъ что съ терпѣніемъ изволила выслушать любовныя укоризны и пени, которыя я еи чинилъ, и нашла она мою жалобу за законную. На конецъ вознамѣрілася и удоволствованіе мнѣ за то учинить. ЖЕСТОКОСТЬ обвѣстившися о всемъ томъ, что тогда между нами чинилось, и прибѣгши къ намъ хотѣла у насъ отнять ея: Но ЖАЛОСТЬ оттолкнувши оную жестоко отдала мнѣ мою любезную АМИНТУ, которая подымая меня отъ земли такъ мнѣ говорила:

Ахъ! такъ вѣрныи мои Тірсисъ! твоя страсть гаряча
правится мнѣ нынѣ.
Благодари ЖАЛОСТИ, перестань отъ плача,
будь во благостынѣ.
Сія ЖАЛОСТЬ чрезъ свои пресладкія рѣчи
вложила мнѣ въ душу,
Чтобъ утереть при глазѣхъ твоихъ слезны течи,
Ввесть въ радости сушу.
Горю о тебѣ сердцемъ, болю всеи утробои,
и чювствую сладость,

Что вижу любви твоеи знакъ ко мнѣ особои.
стреги твою младость.
Живи, мои драгои Тірсисъ, я повелѣваю,
и надежду сладку
Воспріими отъ нынѣ: ибо я начаю
безложна припадку,
Что въ нѣкоторо время Аминта ти дружна,
ради постоянства
Твоего чрезвычаина, явится услужна
даже до подданства.

Я немогу вамъ описать всю мою радость, какову я тогда имѣлъ, когда изъ сахарныхъ ея устъ произнесліся сія рѣчи: ибо я себя увидѣлъ въ единомъмгновеніи ока, что изъ всѣхъ безчастливѣишіи человѣковъ, сталъ я быть наищасливѣишимъ всѣхъ, и будучи весь внѣ себя слѣдующее я воскричалъ:

Радуися сердце! Аминта смягчилась,
такъ что предомнои самымъ прослезилась.
Невоспоминаи о твоемъ нещасти.
и безъ напасти

* * *

Начни твою жизнь отъ нынѣ любити:
ибо Аминта подъ крѣпою быти
Тои восхотѣла отъ сердца усердна
и благосердна.

* * *

Когда хотѣло ты соити до гроба,
къ обывателямъ подземнаго глоба;
Та бѣлои ручкои тебя подхватила,
и непустила.

* * *

Что она спасла, то отдать еи нада,
мое сердце, ахъ! душа моя рада:
Ибо надлежитъ сіе еи по праву,
и по уставу.

* * *

Вы изволите видѣть меня, что я теперь въ превеликомъ нахожусь щастіи; и по правдѣ, я въ томъ былъ болше нежели какъ самъ думалъ. Тогда я благословно началъ привѣтствовать всѣмъ нещастіямъ, которыя я претерпѣлъ, и въ едино мгновеніе ока я ихъ всѣхъ нозабылъ. Но ЖАЛОСТЬ не удоволившіся тѣмъ, что она вывела АМИНТУ изъ онаго премерзскаго жілища, привела еще оную даже до ИСКРЕННОСТИ, гдѣ она насъ покинула спѣша другимъ любовникамъ помощь подать. Я ея просилъ отходящую незабыть, что она мнѣ всегда надобна. Оная мнѣ посулила свою помощь въ нужномъ случаи и вручила насъ обѣихъ ИСКРЕННОСТИ своеи другинѣ, которои принадлежало оное мѣстечко, гдѣ она насъ оставила. Сіе мѣстечко по прямому сказать нечто другое, какъ прохладнои загороднои домъ; но по моему мнѣнію наивеселѣишіи всѣхъ въ тои земли. Сама ИСКРЕННОСТЬ есть дѣвица, которая имѣетъ лице нелуковное и свободное, на которомъ все можно видѣть что у нея въ глубинѣ ея сердца находится: также можно знать и всѣ ея мысли. Во правѣ своемъ всегда она бываетъ непремѣнна, и полная вольность всѣмъ дана въ ея замкѣ. При семъ то замкѣ всѣ находятся СХОДБИЩА, которыя нечто иное, какъ малыя частинки удаленныя отъ дорогъ, и въ которыя входъ есть потаенной, и гдѣ никакова помѣшателства ни кому нечинится. Тамъ то имѣется веселіе разговаривать межъ собою чрезъ весь день безъ всякои скуки, и безъ всякаго утружденія; тамъ то можно съ собою видѣться на всякъ часъ, и кажется, что мало еще видишся, Тамъ то услаждаются

всѣ таиными разговорами; Тамъ то легко сыскиваются всякія разныя способы, чтобъ чаще межъ собои свиданіе имѣть и разговаривать.

ЛЮБОВНЫЯ ПИСМА тамъ весма въ частомъ употребленіи имѣются, которыя, что вы сами изволите вѣдать, нечто другое, какъ легкія самыя и потаемныя скороходы, и которыя ни въ чомъ иномъ неупражняются, какъ чтобъ услужить любовникамъ, когда они ради приключившагося препятія немогутъ имѣть времяни съ собои видѣться. На конецъ, я тамъ препроводилъ очюнь щасливо мои дни, такъ что отъ всея моея жизни я въ такомъ хорошомъ времяни ненаходился: ибо я былъ непрестанно съ моею АМИНТОЮ, которая мнѣ объявляла всѣ свои мысли какъ бы они нибыли таиныя; взаимно и я всѣ еи открывалъ мои.

О коль мнѣ тамо сладка веселія было!
съ какимъ довольствомъ прошло мое время!
Все въ восхищени мое сердце себя зрило!
съ радости къ небу бралось мое тѣмя!
О ежели бы я тамъ взнуздалъ мою похоть!
все зрилъ Аминту! вездѣ радость многа!
И небыло ни о чомъ, Ахъ! мнѣ тамо охать:
всегда съ неи рѣчи, нигдѣ нѣтъ подлога.
Я былъ доволно любимъ, чтобъ мнѣ не крушиться;
надобноль было, увы! мыслить тамо,
Чтобъ при неи еще лучше тогда мнѣ наититься,
Когда веселье приплывало само?

Чего бы я тамо нимогъ пожелать, то есть знаковъ ли дружелюбныхъ, или нѣсколко чювствія гарячія любви, Все я то получалъ отъ нея чрезъ самую малую прозбу. Словомъ сказать, я препровождалъ мои

дни съ АМИНТОЮ въ превеликомъ веселіи и щастіи, ежели бы я всегда могъ тѣмъ быть доволенъ: Но КУПИДОНЪ, которого я имѣлъ при себѣ, всегда меня прінуждалъ чтобъ ея повесть въ его храмъ, за что всегда она на меня воогорченіе приходила, сколко разъ я еи ни предлагалъ чтобъ тамъ побывать.

Но наконецъ, по многихъ прозбахъ и докукахъ мы вышли съ нею оба въ мѣстѣ изъ ИСКРЕННОСТИ. И едва лишъ оное всепріятное мѣсто мы оставили, какъ едина жена, которая казалась, что она великую надъ всѣми власть имѣетъ, намъ попалась на дорогѣ, и силною рукою нагло у меня вырвала АМИНТУ. Я немогъ, хотя она и не учтиво со мною поступила, чтобъ къ неи съ великимъ моимъ почтеніемъ непребыть; и когда я всяко старался оную уговорить, тогда она неглядя на меня увела АМИНТУ въ другую сторону, а оная прекрасная дѣвушка ни чего немогла мнѣ иного учинить, толко что покидая меня слѣдующее изволила выговорить:

Неможно мнѣ противною быти нынѣ долѣ:
сама ДОЛЖНОСТЬ уводитъ меня не поволѣ.
Но однако на всегда ради меня здравствуи,
храни твою мнѣ вѣрность, сердце твое дарствуи.

Я оцепенѣлъ весь на сіе смотря, и толко памятывалъ я, что АМИНТА меня покидала. Въ протчемъ, въ первомъ устремленіи было у меня на умѣ, чтобъ за нею гнаться, и вырвать ея силою изрукъ ДОЛЖНОСТИ: НО ПОЧТЕНІЕ и ПРЕДЪОСТОРОЖНОСТЬ подбѣжали комнѣ въ тожъ самое время, и мнѣ въ томъ препятіе учинили. Сія ихъ встрѣча нечаянная сперва меня весма огорчила; Но понеже всегда ихъ

мнѣ совѣты были sѣло успѣшны, того ради и въ семъ случаи я ихъ неприминулъ послушаться. Тогда пошелъ я въ одну пустыню, которая показалась мнѣ, что она приличествуетъ печалному моему сердцу. Сіе мѣсто со всѣхъ сторонъ окружено многими горами, и куды ни птицы незалѣтываютъ, ни звѣри низабѣгиваютъ; однакожъ тамъ находится одинъ замокъ по средѣ великаго лѣса построенъ, въ которомъ живетъ безвыходно одна ОСОБА всегда въ горести пребывающая; и называется РАЗЛУКА.

Сіе РАЗЛУКУ неможно нигдѣ видѣть, всегда она имѣетъ очи заплаканыя слезами, и слѣдовательно весма она худа, суха, и безъобразна; никогда она неноситъ цвѣтнаго платья; всегда одѣта въ чорномъ. А при неи тамъ живетъ безъ отходно ЗАДУМЛИВОСТЬ, которая и сама такъ же очюнь суха, глаза ея ни на что невзіраютъ и смотрятъ на все, а ничего невидятъ. Ничего она непримѣчаетъ, и прилѣжанія ни къ чему неимѣетъ. Что бы она ни говорила, то все не къ стати, и не отвѣтствуетъ почти на все, очомъ у неи спрашиваютъ. Кажется, что она вся сама въ себѣ, и которая всегда бѣгаетъ отъ всѣхъ людеи. Паденіе водъ, пріятнои ихъ шумъ, и пѣсни птичьи, обыкновенное ея есть увеселеніе. Я великую дружбу учинилъ съ неи, и что она чинила, я все также по ея дѣлалъ. Я розмыкивалъ мою печаль по не объятнои тои пустынѣ, и розговаривалъ толко въ тэмъ уединеніи, смотря на оную, съ лѣсомъ, и водами, съ Эхомъ и съ источниками; и тако я претерпѣвалъ преѕѣлныя нужды: Ибо я чювствовалъ всегда въ себѣ великое желаніе, да бы видѣть АМИНТУ,

но ни по какои мѣрѣ не могъ желанія моего исполнить. А сіе еще меня паче всего огорчило. Понеже, тамъ время очюнь долго длится такъ что ни въ какомъ другомъ мѣстѣ того неслучается; всякая минута за часъ кажется, и всякои часъ за день, а день за цѣлои годъ. Много тамъ вездѣ попадается СКУКЪ, которыя суть пребезмѣрно великаго возраста жонки очюнь смрадны; Въ протчемъ нелзя ни по какои мѣрѣ обоитись, чтобъ ихъ невидать: Ибо тамъ ихъ превеликое множество находится. На конецъ нерадъ я тамъ своему животу былъ, потому что уже долѣе невозможно было мнѣ терпѣть такъ жестокаго мученія, и будучи уже почитаи при смерти, изложилъ я отъ себя слѣдующія ВИРШИ:

Нынѣ уже надлежитъ, увы! мнѣ умереть:
мои всѣ скорби целбы не могутъ здѣсь имѣть.
Все мое стараніе, чтобъ ихъ облегчити,
неможетъ какъ еще ихъ болше разтравити.
Въ скукѣ, которая всегда меня здѣсь обдержитъ,
могули я жить болше? ахъ! умереть надлежитъ.
Радости твои, сердце, пропали безвѣста:
Ибо АМИНТА ушла во вся съ сего мѣста.
Но къ чому вопить нынѣ не имѣя мочи?
отстать отъ всего лучше стративъ ея очи.
Безъ моеи милои, въ неи же вся мнѣ есть утѣха,
ахъ! душа моя рвется страстми безъ успѣха.
Не осталось отъ о моеи горячеи мнѣ страсти,
какъ раскаянье, скука, печаль, и напасти.
Во всѣхъ моихъ днехъ нужныхъ слабость безконечна,
шлетъ меня скоро къ смерти, что безчеловѣчна.
Долгая, можешли ты изъ сердца, РАЗЛУКА
вынять любви всеи память, есть ли ты сторука?

Ахъ! проклята, въ тебѣ ли мнѣ искать помоги:
Ты мнѣ чинишъ, ты, нынѣ смертелны налоги.
Ты отняла АМИНТУ, разговоровъ сладость,
ласковыя привѣты, и всю мою радость.
Но она въ моемъ сердце вся есть съ красотою,
къ умноженью печалеи въ мысли есть со мною.

Таковыя то я претерпѣлъ болѣзни, которыми мучитъ разлука! я неимѣлъ тогда никакова другаго утѣшенія какъ толко что отъ времяни до времяни получалъ я писма, которыя мнѣ вручать КУПИДОНЪ мои находилъ способъ.

Но въ сихъ мукахъ неможно бы мнѣ было долго прожить въ свѣтѣ, ежели бы на конецъ АМИНТА избавившися отъ ДОЛЖНОСТИ невызвала меня изъ тои пустыни. Тогда тотчасъ всѣ я позабылъ мои скорби и нужды прешедшія, и поспѣшалъ ея увидѣть со всею нетерпѣливностію приличною любовнику; но и для сего ненашолъ я себя щастливѣишимъ: Ибо я въ такомъ мѣстѣ оную сыскалъ, въ которомъ ни кто ни когда не могъ имѣть покою.

Тамъ всякъ другъ на друга злится,
нѣтъ почести отцу, брату,
Ни Князь, ниже Царь нечтится;
Всякъ хочетъ биться домату.
всякъ нежелаетъ какъ смерти.
Въ ярости, въ гнѣвѣ, въ подзорѣ,
самъ пропасть, иль друга стерти.
Тамъ нада быть, въ смутѣ, въ ссорѣ.

Сіе мѣсто называется СВОЯКИ. Въ которое я лишъ прибылъ, то тотчасъ увидѣвши около АМИНТЫ многихъ, которыя блѣднѣли съ лихости для моего прибытія, также и недопускали меня съ неи го-

воріть. А я почювствовалъ въ моемъ сердцѣ великую злобу таиную противъ всѣхъ тѣхъ людеи; и понеже казалося мнѣ, что АМИНТА чінила имъ пріятное весма лице, тогоради мои КУПИДОНЪ немедленно меня оттуду отвелъ въ палату РЕВНИВОСТИ, которая не въ далекомъ есть разстояніи отъ СВОЯКОВЪ.

Сія палата есть изъ всѣхъ тамъ мѣстъ нанеипріятнѣішая: Ибо РАЗЛУКА и ЖЕСТОКОСТЬ въ половіну немучатъ любовніковъ противъ РЕВНІВОСТИ. Ненасье всегдашнее, дожжи непрестанныя, и вѣтры силныя чинятъ тамошнее пребываніе наипреіскушнѣішее. Громъ всегда тамъ бываетъ великои, и грозы на всякъ день ужасныя. Воздухъ весма тамъ густои и очюнь темнои; тогоради всѣ вещи кажутся двоиными. Самая малая тучка въ превеликои страхъ приводитъ, и повсюду много тамъ находится преглубокихъ пропастеи, въ которыхъ часто, для непрестаннои темноты многія пропадаютъ любовники упадшія.

Во входѣ самомъ оныя палаты стоятъ ЯРОСТЬ, ПРИВИДѢНІЕ, и СМУЩЕНІЕ, которыя такимъ способомъ обморачиваютъ глаза, что все тамъ криво кажется. Оная ЯРОСТЬ есть въ непрестанномъ смятеніи, а незнаетъ для чего; говоритъ она очюнь скоро, и все что нипроизноситъ, то съ великимъ жаромъ. СМУЩЕНІЕ въ страхъ приходитъ отъ самои малои причины, которое въ горесть совершенную приводитъ самое НИЧТО. ПРИВИДѢНІЕ всегда себѣ само чинитъ нещастіе, понеже оно родилося отъ мечты суетныя для своего мученія.

Всѣ сія лицы дали мнѣ тамъ выпить одинъ напи-

токъ, которои заразъ меня учинилъ со всѣмъ и во всемъ инымъ человѣкомъ, ибо:

Я сталъ быть недовѣрчивъ, яръ, подозрителенъ;
а мои гнѣвъ мнѣ казался весь разсудителенъ.
Чтобъ быть мнѣ весма бѣднымъ, самъ учинилъ муку;
и всѣ мнѣ нечинили тамъ вещи какъ скуку.

Въ семъ оплакуемомъ состояніи пошолъ я видѣть самую РЕВНИВОСТЬ, которая очюнь дурна и весма безтѣлна слово въ слово какъ СМЕРТЬ, и вся въ змѣяхъ, которыя безъ устатку грызутъ у нея сердце. Взглядъ ея очюнь ядовитъ и смертоносенъ, и неможетъ она ни на что посмотрѣть безъ ЗАВИСТИ. Когда я былъ предъ неи, тогда она мнѣ кинула одну изъ своихъ змѣи, которая къ моеи ярости еще вящше прибавила жару. Я оттуду вышедчи бѣгалъ повсюду а не зная куды я бѣгу; А когда я видѣлъ АМИНТУ съ людми, тогда я къ неи приступить недерзалъ, и трепеталъ изъ всеи моеи души. Я подслушивалъ все чтобъ еи ни говорено было, и все что она на то отвѣтствовала; А всякое ея слово я толковалъ такимъ разумомъ, которои меня непрестанно могъ мучить. Когда кто на ухо говорилъ съ неи, тогда тотъ часъ я весь блѣднѣлъ, съ злобы такъ что бутто бы я былъ при самой смерти. всякои ея знакъ, всякое тѣло движеніе приписывалъ я въ ползу другимъ: А когда я немогъ ея видѣть, тогда я думалъ, что она въ рукахъ у одного СВОЯКА находилась; ежелиже она была когда одна только, то я вѣрилъ, что она ждала ково нибудь. На конецъ, въ моеи ярости я ея ревновалъ ко всему что я ни видѣлъ, а чего

смѣшняе неможетъ быть, также и къ вещамъ бездушнымъ.

Древа, цвѣты, крычалъ я весь въ ревнивомъ гнѣвѣ,
почто чаще не сомнои, съ вами слово дѣвѣ?
Вы всѣ о безпокоиствѣ днесь ея извѣстны;
ваши уединенья не бо суть еи тѣсны.
Колибъ, неблагодарна, вѣрность мнѣ хранила,
чащебъ со мнои, не съ вами себя находила.

Между тѣмъ АМИНТА смотря на мою слабость съ начала усмѣхивалася; а потомъ за то на меня очюнь розсердилась. И тогда то я спознался съ однои женщинои, которая хотѣла меня изцѣлить отъ ЛЮБВИ, и отъ моего РЕВНОВАНІЯ вкупѣ. Сія женщина называется. ДОСАДА.

Она есть мученія въ любви врагъ смертельнои.
и котора, когда кто слѣ съ неи поступаетъ,
При помощи своея ярости презѣлнои
тотъ часъ съ глазъ какъ молнія быстра пропадаетъ.

* * *

Случается иногда, симъ еи избавляти
любовника погибла почти всеконечно
Отъ тои гибели цѣлои, и противу стати
любви и злои ревности чрезъ весь животъ вѣчно.

* * *

Она моеи милои невѣрность мнѣ мнима
дала вину нелюбитъ въ моихъ ту обѣтахъ.
А досада казалась такъ весма любима,
что чрезъ девять днеи цѣлыхъ, я былъ у неи въ нѣтахъ.

* * *

Но печаль неотошла и скука намало,
а сердце стерпѣвало такъ велики казни,
Что съ любовью АМИНТЫ смерть лутче желало,
нежелибъ мнѣ лишиться ея въ сеи пріязни.

* *

И тако я взялся наипаче нежели прежде за мои ревнивыя подозрѣнія, такъ что АМИНТА сама весма утрудилась меня видѣть въ такомъ состояніи бѣдномъ. ЖАЛОСТЬ, которая мнѣ обѣщала въ нуждѣ свою помощь, здержалась своего слова: ибо она отдалила отъ АМИНТЫ всѣхъ тѣхъ, которыя меня въ горесть приводили, и на силу она могла меня свободить отъ такъ мерзскихъ пристрастій. Тогда АМИНТА отворила мнѣ мои глаза, и разстолковавши все подробну показала мнѣ потомъ ясно всѣ мои погрѣшенія; за которыя ни мало я неумедливъ палъ еи въ ноги, и прошалъ прощенія говоря еи слѣдующее.

Будь жестока, будь упорна,
будь спесива, незговорна;
Буде отъ нынѣ могу еще осердиться,
то мои гнѣвъ въ моемъ серцѣ имѣетъ храниться.
Ахъ, нѣтъ! хоть въ какои напасти,
глаза явятъ мои страсти.
Но вы неувидите мое сердце смѣло,
чтобъ оно противу васъ когда зашумѣло.
Я васъ имѣю умолять,
дабы ко мнѣ милость являть.
Буде отъ нынѣ могу еще осердиться,
то мои гнѣвъ въ моемъ серцѣ имѣетъ храниться.

АМИНТА однако непростила меня вскорѣ, также и на силу она могла имѣть меня на своихъ глазахъ, по тому что во мнѣ нашлись такъ многія пристрастія. Но я старался всячески ея благосклонну мнѣ показать донося еи сице:

Изволь вѣдать, что скорбь есть смертелная всяко
Когда кто любитъ вѣрно,

но жестоку безмѣрно,
и котора смѣется надъ нимъ всюду тако.
Можноль жить любовнику? чтобъ милу невидѣть?
Могуль я въ надеждѣ быть,
чтобъ васъ нынѣ умолить?
но ежели я како возмогъ васъ обидѣть,
За то я чрезъ мою скорбь доволно наказанъ.
Изволте умилиться,
со мною помириться:
ибо я къ тебѣ вѣчно чрезъ любовь привязанъ.

Слезы мои, которыя предъ нею я проливалъ, и не отступная прозба вмѣстѣ съ склонностію пріродною, которую она ко мнѣ имѣла, и которую она засвидѣтелствовала въ ИСКРЕННОСТИ, привели ея къ тому, что она меня паки въ милость свою приняла.

Наконецъ, по многихъ трудахъ, и нуждахъ, прибыли мы въ столичнои городъ тоя земли, которои называется именемъ всего того острова ЛЮБОВЬ. Въ семъ самомъ городѣ обыкновенно пребываетъ весь дворъ ЛЮБВИ, которои очюнь преизряднои: ибо при немъ много находится чюжестранныхъ народовъ всякаго чина. Много тамъ есть Цареи, Князеи, Бояръ, и подданныхъ. Но сіе мнѣ въ томъ дворѣ весма показалось новое, для того что всякъ тамъ живетъ въ совершеннои другъ отъ друга не подлежности, бутто бы однѣ не были лучшія господа какъ другія. Городъ онои необъятно великъ, и все тамъ въ превеликои находится сумеси. Достоиныя и почтенныя люди иногда находятся вмѣстѣ съ тѣми, которыя никакои чести неимѣютъ. Пригожія собои люди часто тамъ покидаютъ все для дурныхъ. Чрезъ сіе можно видѣть ясно, что богиня, которая въ сеи

странѣ пресѣдателствуетъ, есть слѣпа. По средѣ сего города созданъ преславнои храмъ, которои хотя sѣло есть великъ, но едва можетъ онъ вмѣстить всѣхъ тѣхъ, которыя въ немъ жертвы приносятъ на всякои часъ во дни. Мы также въ него вошли, чтобъ намъ тамъ нашу жертву принесть, въ которомъ ни что иное непріемлется вожремое, какъ толко самыя серца. АМИНТА еще имѣла нѣсколько трудности, чтобъ еи отдать тамо свое, но на конецъ желаніе, которое она имѣла, ея премогло чиня еи самое малое насилство И тако оба наши серца были принесены на жертву ЛЮБВИ: Но пламень, которымъ оныя горѣли, немогъ ихъ сжечь въ конецъ: Ибо по принесеніи жертвы мы нашли ихъ обѣихъ въ цѣлости, но токмо что горящихъ.

И чрезъ щастливу sѣло тамъ премѣну,
въ мѣсто чтобъ принять АМИНТѢ все свое,
Оная тогда, яко бы на смѣну
Тотъ часъ схватила съ стремленіемъ мое.
Тако безъ нагляства, безъ коварнои сѣти,
тогда я серцемъ сталъ ея владѣти.

Я по семъ видѣлъ себя во всемъ исполненіи моихъ желаніи, и не начаялъ что бы мнѣ можно было еще въ страданіи быть. Я пробылъ чрезъ нѣсколкое время въ семъ городѣ наслаждаяся всякаго веселія, которому можно наитися при томъ, которои прямо, нелицемѣрно, и совершенно есть любимъ, тоесть что.

Я былъ вся ея радость,
Непрестанно мя видѣть оная хотѣла;
Мои прохладъ, ея сладость,
Мою за отчаянье малу скорбь имѣла.

Но сего всего недоволно съ меня было: Понеже я за хотѣлъ весть ея въ замокъ ПРЯМЫЯ РОСКОШИ, которои нечто иное, какъ прохладнои загороднои домъ. Въ которомъ КУПИДОНЪ покоится съ своеи любезнои называемои ПСИШЕ.

Тогда я брался нечювствительно съ моеи АМИНТОИ къ тои сторонѣ, когда намъ попалась на дорогѣ одна наидокучливѣишая женщина, которая есть.

Роскоши всякои недругъ превеликои,
ненавистница любви хоть коликои,
Мучителница страстеи, и всеи ласки,
такъ что ссѣкла бы все тое на часки.
Много за нею слѣдуетъ народу,
которои ея любя всю науку
Обѣщаетъ намъ вѣчную всѣмъ муку
за саму нашу малую выгоду.

Сія многолюдная артѣль, которая за неи слѣдуетъ, находится въ превелікомъ при неи безпорядкѣ: ибо то все женщины хворыя, которыя едва могутъ за неи слѣдовать. Любовь, которая ихъ мучитъ, разливаетъ по всѣхъ ихъ лицамъ такову немощъ, что всѣхъ она чинитъ ихъ блѣдными. Всѣ онѣ имѣютъ взглядъ умирающеи, и можно ясно видѣть, что любовнои огонь всѣхъ ихъ снѣдаетъ. Однимъ словомъ, сія женщина была ЧЕСТЬ провождаема СТЫДОМЪ. Я немогу вамъ описать каковъ есть собои сеи послѣднѣи человѣкъ: Ибо онъ всегда имѣетъ въ закрытѣ свое лице, и некажется никому. Сія ЧЕСТЬ и СТЫДЪ вмѣстѣ остановівши тогда АМИНТУ предложили еи на словахъ премногія доказательства, которыя мнѣ показались быть очюнь смѣшны; но

АМИНТА ихъ нашла инаковы: ибо выслушавши ихъ весма она хотѣла дѣиствомъ исполнить оныхъ совѣтъ. Я очюнь удивился сему ея поступку, и немогъ я удержаться чтобъ вскорѣ съ великимъ плачемъ невозопить:

Плачьте днесь мои очи вашу участь злую,
плачте нынѣ, ахъ! плачте, безъ вопроса вскую:
АМИНТА нежелаетъ зрѣти на васъ больше,
и да бы со мною серце ея было долше.
Буде вы ея видя щасливыми были,
буде съ весельемъ себя въ ея очахъ зрили;
То плачьте, мои очи, въ горкои днесь печали:
невидѣть вамъ ДРАГИХЪ ДНЕИ, ибо всѣ пропали.

По семъ я съ великою прозбою умолилъ моего КУПІДОНА чтобъ ея удержать, которои такъ въ томъ потрудился, что на конецъ онъ пожеланію моему учинилъ. И тако тогда съ АМИНТОИ паки началъ я итти къ замку ПРЯМЫЯ РОСКОШИ. И такъ уже мы весма были отъ того недалеко, тогда мы встрѣтилися съ ПОЧТЕНІЕМЪ и съ ПРЕДОСТОРОЖНОСТІЮ. ПОЧТЕНІЕ мнѣ тамъ нетакъ казался угрюмъ какъ сперва, поступь онъ имѣлъ тогда щогольскую, и лице все веселое; такъ же и ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ не много тамъ величалась ПОЧТЕНІЕ, какъ я припамятовать могу, усмѣхиваяся слѣдующее намъ говорилъ:

Ступаите, любовники, другъ другомъ любимы,
насыщаитесь сладости неисповѣдимы:
Вамъ дана есть отвсюду свобода всецѣла,
Почтенію ПРИ ТАИНЫХЪ РОСКОШАХЪ нѣтъ дѣла.

И посемъ обнявшись со мною покинулъ насъ вскорѣ. Но едва онъ изъ глазъ нашихъ вышелъ, какъ я

увидѣлъ что одинъ человѣкъ прямо къ намъ шолъ весма статенъ собою и весь нагохонекъ, у которого толко по всему переду разпущены были свои волосы, а съ зади весь былъ голъ, и которои бѣжалъ очюнь рѣзко. Потомъ я много людеи при немъ увидѣлъ, изъ которыхъ иныя его пренебрегали, а другія небыстро гнались за нимъ; но однако можно было мнѣ примѣтить, что они всѣ печалились для того что его опустили. КУПИДОНЪ мои мнѣ сказалъ, лишъ только его увидѣлъ, что то есть СЛУЧАИ, и что онъ только одинъ имѣетъ власть впустить насъ въ замокъ ПРЯМЫЯ РОСКОШИ; такъ же что и ненадлежало мнѣ его опускать, понеже онъ рѣдко возвращается приходя сюды. Я нимало неумедлилъ дѣиствително исполнить его совѣтъ, и тако побѣжалъ я ему на встрѣчю изовсеи мочи, а прибѣжавъ тотчасъ остановилъ его, которои лучше всѣхъ уговорилъ АМИНТУ чтобъ воити взамокъ ПРЯМЫЯ РОСКОШИ. И тако мы туды вошли съ великимъ удоволствованіемъ серца: Ибо по правдѣ можно сказать, что оное мѣсто весма есть превеселое.

Вѣчная весна тамо хранитъ воздухъ чистыи,
небо кажетъ свѣтлѣише цвѣтъ очамъ свои истыи.
Цвѣты во всяко время тамъ неувядаютъ,
и на всякой часъ новы вездѣ процвѣтаютъ.
Всегда древа имѣютъ плоды свои спѣлы,
вѣтви всегда зелены, поля съ цвѣты дѣлы.
Въ отдаленіи многи пещеры чюдесны,
гдѣ ликуютъ радости, смѣхъ, игры нелесны.
Свѣтъ туды незаходитъ чрезъ вѣтви сплетены,
сія пещеры съ вѣку любви посвящены.

Сама натура онымъ лисья украсила,
сама всѣхъ птицъ поющихъ туды приманила.
Которы чрезъ сладко свое щебетанье,
поютъ въ пѣсняхъ о любви, о ея игранье.
И сімъ своімъ прімѣромъ даютъ всѣмъ законы.
чтобъ слово въ слово тамо чинить какъ и оны.
А по травѣ зеленои малыя потоки
льются съ шумомъ пріятнымъ чисты, неглубоки.
Нощь, и всѣ Элементы, тихость безъ помѣхи,
всѣмъ любящимся много придаютъ потѣхи.
Красны въ желани дѣвы любятся сердечномъ,
о рокѣ нѣтъ тамъ слова пребезчеловѣчномъ.
Тамо то любовники послѣ всѣхъ вздыханеи
вкушаютъ тѣ сладости, что выше желанеи.
Тамо все то что небо, воздухъ, земля, воды
произвели лучшее людеи для породы
Въ чювствителнои похоти весело играетъ,
и въ рукахъ любящаго съ любовью издыхаетъ.

Я смѣло вамъ могу признаться, что безмѣрно щастливымъ всякъ бываетъ въ семъ замкѣ. Что же касается до меня, когда я помышлялъ, что я находился на самомъ верху моихъ желаніи, тогда я немогъ довольно благодарить Фортунѣ. Но мое благополучіе превесма было велико чтобъ ему быть чрезъ долгое время. И тако я увидѣлъ скоро его конецъ, какъ вы имѣете изъ слѣдующаго выразумѣть. Предъ нѣсколькими днями разлученія моего съ сими дражаишимъ мѣстомъ гуляючи встрѣтился я съ однои дѣвкои, которая хотя чрезъ мѣрно дурна, однако весма спесиво чинится, и незнаетъ какъ себя уставить. Сія дѣвка ни въ чомъ доволствія своего ненаходитъ, и не имѣетъ нигдѣ собеннаго своего жилища; потому что она нетщится того возъимѣть. Самыя наидражаишія

и наизряднѣишія вещи еи прискучіваютъ и кажутся ни за что. Она называется ХОЛОДНОСТЬ, и имѣетъ велікую сілу во всемъ томъ островѣ, ибо всѣ тѣ, которыя хотятъ за нею слѣдовать, выходятъ безъ трудности и безъ печали изъ острова ЛЮБВИ: Ибо она ихъ всѣхъ приводітъ къ ОЗЕРУ ОМЕРЗѢЛОСТИ, прі которомъ много находітся струговъ для выѣзду. Я присмотрилъ нѣкоторыхъ, которыя за нею пошли, но я нашолъ оную такъ мерзску и безразумну, что я немогъ съ неи остановиться на самое малое время. И тако я по семъ возвратился паки въ замокъ ПРЯМЫЯ РОСКОШИ, гдѣ по нѣсколкомъ времяни отъ того случилася мнѣ великая напасть, которая меня крушитъ и по нынѣ, и мнѣ кажется что я еи неувижу никогда конца.

Посредѣ моихъ утѣхъ будучи увідѣлъ я въ одно утро пріходящаго къ намъ человѣка, которои безстыдно помѣшателство учинилъ намъ въ нашемъ наичювствителнѣишемъ веселіи. Сеи человѣкъ казался быть величественъ и независящъ ни отъ кого; лице онъ имѣлъ очюнь высоко, очи и чело человѣка самовласна, и которои не знаетъ что то есть быть подданнымъ, подчиненнымъ, и слушать должнымъ. Словомъ, то былъ РОКЪ, котораго уставы суть непремѣнны, и которои безъ всякаго замедленія вырвавъ изъ рукъ моихъ увелъ отъ меня АМИНТУ. Всѣ мои порывы немогли ему въ томъ никакова препятія учинить, и я незнаю куды онъ занесъ мою АМИНТУ: ибо отъ того времяни и по нынѣ немогъ я никакова о неи имѣть извѣстія. Я заразъ покинулъ замокъ ПРЯМЫЯ РОСКОШИ, которои мнѣ показался

очюнь невеселъ безъ АМИНТЫ. Оттуда вселился я въ сіе мѣсто, гдѣ я надѣюсь пробыть чрезъ все то время, чрезъ которое мнѣ попуститъ еще прожить моя скорбь. Я себя нахожу здѣсь на самомъ верху одной горы, которая называется ПУСТЫНЯ ВОСПОМЯНОВЕНІЯ. Уединеніе здѣсь находится весма изрядное, но толко что сіе меня въ печаль приводитъ, понеже сіе мѣсто есть такъ высоко, что можно видѣть съ него на весь островъ ЛЮБВИ, и тако всегда нещасливыя мѣста предъ глазами имѣются: ибо невозможно обоитися, чтобъ съ такъ высокаго мѣста невидѣть всѣ оныя, въ которыхъ я былъ, и чрезъ которыя прошолъ. Сіе самое весма меня чинитъ бѣднымъ, по тому что на которую бы сторону я ни повернулся, по всюду вижу тѣ вещи, которыя мнѣ показуютъ прешедшее мое благополучіе.

Се воспомяновенье прошедшія славы,
что мучитъ меня болно.
ежели бы неимѣлъ памяти я правы,
ябъ жилъ здѣсь своеволно.
Въ нещасти, что доконца меня здѣсь сматило,
Я мышлю, что вкусити
мнѣ многу сладость, время нато допустіло
чтобъ болше бѣднымъ быти.
Знаю чтобъ ко мнѣ мои рокъ нетакъ былъ злосливымъ
ежелибъ я иногда нетакъ былъ щастливымъ.
Прошедшее мое щасье
умножаетъ мнѣ муку.
О весма зло ненасье
(:будь сіе всѣмъ въ науку:)
Что на добро желанно, я сталъ быть гнѣвливымъ!

Уже тому нѣсколькое прошло время какъ я здѣсь мучусь; а наконецъ пришло мнѣ въ разумъ, любез-

ныи мои ЛЩІДА, что ваша ко мнѣ дружба могла бы быть весма недоволна моею къ вамъ, ежели бы я, пока смерть меня еще незастигла, недалъ вамъ никакова о себѣ извѣстія. Есть въ странѣ сеи одна особа благопріятная и услужливая, которая называется ПОВѢРЕННОСТЬ, она весма тщателно, и безъ утраты разсылаетъ по іностраннымъ землямъ писма. Я еи вручилъ сіе мое, и уповаю, что она вамъ имѣетъ его переслать вѣрно, исправно, и таино, о чемъ самомъ я ея всеприлѣжно просилъ. Здравствуи! и соизволь хотя мало поболѣзновать о мнѣ ради нещастія мнѣ приключившагося; можетъ быть, что въ нѣкое время и сами вы будете имѣть нужду въ семъ утѣшеніи, котораго я отъ васъ нынѣ требую.

КОНЕЦЪ ПЕРВОИ ЧАСТИ.

ѢЗДА ВЪ ОСТРОВЪ
ЛЮБВИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
КЪ ЛІЦІДѢ.

Мое злополучіе уже окончилось, любезныи мои ЛЩІДА, и ежели только что ЛЮБОВЬ долженствуетъ меня во гробъ сослать, то я уповаю, что я никогда неимѣю вкусить смерти. Отъ того самого времяни, какъ я къ вамъ послалъ первое мое писмо, мои нравъ весма во мнѣ перемѣнился; и хотя я весма могу хвалиться любовію въ первомъ моемъ похожденіи, однако я ея покидаю на всегда.

Я ужъ нынѣ нелюблю, какъ похвалбу красну;
она токмо заняла мою душу власну.
Я изъ памяти изгналъ
Всѣхъ моихъ нынѣ Філіс;
И якобы я не зналъ,
ни Аминтъ ниже Ірисъ.

Я насладился потѣхъ любовныхъ премного;
При любви серце было мое неубого.

А чтожъ она иногда
Въ мукахъ меня держала,
тѣмъ наиболшу мнѣ всегда
утѣху умножала.

* * *

То мнѣ поминать мило, и о томъ некаюсь:
но на всегда съ любовью нынѣ я прощаюсь:
Похвалбу токмо красну
Чрезъ всѣ мои обѣты,
За Богиню мнѣ власну
признаю во вся лѣты.

* * *

Можетъ быть, любезныи мои ЛЩІДА, что вы немало нынѣ удивляетеся, для того что я сіе вамъ объявляю надчаяніе ваше; но вы имѣете познать то, что мнѣ къ премѣнѣ сеи моего нрава подало прічіну увѣдомляяся чрезъ сіе писмо о моихъ вторыхъ похожденіяхъ, которыя поистиннѣ болше васъ имѣютъ увеселить, нежели какъ первыя. И хотя я нынѣ весма немышлю о любви, однако я вамъ признаваюсь, что очюнь мнѣ охотно желается сказать вамъ гісторію о моеи страсти прешедшеи. Я воспоминать о неи всегда люблю, а мое серце привѣтствуя себѣ въ таинѣ за мои побѣды находитъ себѣ въ томъ начатокъ похвалы для того что оно торжествовало надъ тремя серцами.

Три славныхъ красотъ ко мнѣ любовью горѣли,
въ любви за небезчастна всѣ меня имѣли.
Я зналъ побѣждать серца всѣмъ непобѣдимы,
всѣ желанія концемъ щасливымъ блажимы.
Ты, мое серце, нынѣ
любя хвалбу єдину
О прошлои въ благостынѣ
торжествуи любви выну.

Уже много тому времени прошло отъ нелѣжея мучился въ ПУСТЫНИ ВОСПОМЯНОВЕНІЯ, и началъ я вѣрить по причинѣ чрезвычаиныя печали, которая на меня нашла отъ нѣкоторыхъ дней, что конецъ моему нещастію приближался, и что смерть избавитъ меня отъ того вскорѣ; тогда въ одинъ изъ тѣхъ дней лежа подъ древомъ, помышляя о моеи напасти и будучи весь въ горкихъ слезахъ, увидѣлъ я едину жену, которая такъ скоро шла, что почти лѣтѣть такъ невозможно, и которая идучи говорила, и чинила превеликои шумъ. Я почювствовалъ на оную смотря превеликои страхъ на моемъ сердце а незная для чего. Потомъ я догадался что сія жена немогла быть какъ ВѢСТЬ. однако еще я незналъ откуду бы оное безпокоиство сердцу моему приключилось. Но чрезъ ея слова неузналъ я рыдателную того причину какъ весма. Ибо она бѣгучи мимо меня слѣдующее кричала громко:

АМИНТА любитъ много
любовника иного;
А постоянноп ТІРСІСЪ
для обману некрушись.

Я думалъ двократно или трикратно, что я того не выслушалъ какъ надлежитъ. Но вѣсть такъ много тожъ самое повторяла, что я ужъ по томъ немогъ нимало сомнѣваться о моемъ нещастіи.

Я вамъ сіе самимъ отдаю въ разсужденіе; что сколь я великіе приносилъ жалобы на сію ея вѣроломность. Тогда различныя приходили мнѣ на умъ мысли, чтобъ какъ отмстить онои неблагодарнои и ея любовнику: Но по прошествіи наглости моего

гнѣва, ударился я токмо отъ того въ великую печаль
крича съ плачемъ слѣдующее:
Для того что велику моглъ я любовь имѣть,
чтожъ ты недопустила съ миромъ мнѣ умереть?
Неблагодарна! моглабъ безъ вины безмѣрной
пождать еще ты два дни чтобъ небыть невѣрной,
И не отдать жестотѣ меня безприкладной
видѣть твою невѣрность прежде смерти хладной
Видя мя въ скорби, душу ростаться готову,
немоглалибъ потаить любовь твою нову?
И не достоинъ ли я чрезъ услуги задни,
чтобъ тебя видѣть въ любви ко мнѣ только съ два дни?

Я препроводилъ многія дни тако оплакивая мое нещастіе, и жалобу творя на ея невѣрность. Такъ же и нехотѣлъ я весма чтобъ мнѣ вящше довѣдаться о моеи напасти, бояся въ таковомъ извѣстіи наити наиболшую причину горести.

Находили также тогда на меня нѣкоторыя часы, въ которыхъ я думалъ, что можетъ быть ВѢСТЬ, какъ еи обычаино, солгала напрасно на АМИНТУ что она вѣрность свою ко мнѣ нарушила; и немогъ я того разумомъ понять чтобъ АМИНТА по такъ Святыхъ и превеликихъ присягахъ, которыя она мнѣ чинила, могла свое слово измѣнить, позабыть въ краткомъ самомъ времени всѣ мои услуги, и оныи благосклонно принять отъ другова. иногда извинялъ я въ себѣ самомъ ея неблагодарность многихъ ради причинъ, которыя, какъ мнѣ казалось, могли ея къ тому принудить. Но наконецъ всего, я недовѣдался о моеи горести какъ болше нежели я желалъ.

Я имѣлъ честь донесть вамъ въ первомъ моемъ писмѣ, что ПУСТЫНЯ ВОСПОМЯНОВЕНІЯ такъ

есть на высокомъ мѣстѣ, что оттуду видно на весь ОСТРОВЪ ЛЮБВИ. Оттуду въ одинъ день увидѣлъ я АМИНТУ въ замкѣ ПРЯМЫЯ РОСКОШИ съ однимъ человѣкомъ изъ тѣхъ которыхъ я видѣлъ въ СВОЯКАХЪ.

Тамъ сей любовникъ, моглъ ей которои угодить,
Щастію небо чиня все зависно,
въ жарѣ любовномъ цѣловалъ ю присно;
А не вѣрна ему все попускала чинить!

* * *

Вся кипящая похоть въ лице его зрилась;
Какъ уголь горящіи все оно краснѣло.
руки ея давилъ, щупалъ и все тѣло.
А не вѣрна о всемъ томъ весма веселилась!

* * *

Я хотѣлъ тамъ убиться, извѣсно вамъ буди:
вся она была тогда въ его воли,
чинилъ какъ хотѣлъ онъ съ неи се ли, толи,
А не вѣрна, какъ и мнѣ, открыла всѣ груди!

* * *

Сколко разъ я ни думаю о болѣзни, которую я возъимѣлъ тотъчасъ видя сіе бездѣлное ея измѣнничество, немогу весма я понять, что какъ оная болѣзнь въ самомъ томъ времяни смерти меня непредала. Ярость научила меня тамъ все то говорить, что она только одна умѣетъ, и будучи съ моею любовію, которая мнѣ показала къ горести моеи непоятнои, что другои побѣдилъ въ самое краткое время все то, чего я насилу могъ достать чрезъ великія и долгія труды. Тогоради немогъ я чрезъ долгое время самъ въ себя притти. Но едва лишъ толко учинилъ я ма-

лое разсужденіе о семъ случаи, какъ я нашолся въ состояніи быть при моемъ разумѣ, и въ тотъ же самои часъ одинъ человѣкъ явися на мои глаза вдохнулъ мнѣ такъ великую холодность, что я тотчасъ нечювствителенъ сталъ быть, къ онои АМИНТИНОИ невѣрности. Сеи человѣкъ, котороі имѣлъ взглядъ весма свирѣпои, и усмѣхи чинилъ съ великимъ презрѣніемъ смотря на меня изкосяся а чрезъ плечо мнѣ говорилъ слѣдующее.

Что это чинишь ты другъ мои?
По АМИНТИНОИ измѣнѣ
Ты еще крушишся о тои?
Весь въ слезахъ какъ море въ пѣнѣ?

* * *

О невѣрнои ты воздыхаешъ?
и что та неблагодарна
того желаетъ, ты чаешъ?
сладка тебѣ какъ сахарна!

* * *

По ея серцу чтобъ болѣть
по безвѣрі та непроситъ.
Но чтобъ въ забытіи имѣть
ея, пока жизнь тя носитъ.

Узнавъ по симъ рѣчамъ что то былъ ПРЕЗОРЪ тотъчасъ я побѣжалъ дабы его обнять. Но сеи человѣкъ видя что я еще въ сомнѣніи былъ, и что любовь еще была сомною, побѣжалъ тотчасъ въ другую сторону ни мало неоглядываяся на меня. Тогда такъ мнѣ горко стало потерявъ такого человѣка, котораго совѣты казалися мнѣ не должны быть пренебрегаемы, что я тотчасъ отпустілъ отъ себя оного малин-

каго КУПИДИНЧИКА, которои всегда при мнѣ былъ въ моихъ дорогахъ. Прощаяся съ нимъ немогъ я пробыть безъ превеликихъ слезъ: Ибо бывши онъ свидѣтелемъ при всѣхъ моихъ похожденіяхъ и дѣиствіяхъ, тогоради съ великою трудностію я могъ съ нимъ розстаться, и такъ я съ нимъ долго при прощеніи моемъ разговаривалъ, что чють было непозабылъ онаго ПРЕЗОРА. На конецъ, обнявъ его слѣдующее я ему говорилъ весь въ слезахъ:

Ну, прости, моя ЛЮБОВЬ, утѣха драгая!
Въ тебѣ была надежда мнѣ сладка.
Даромъ что ты мучила иногда мя злая,
Я тя любилъ, и всегда съ тобои мнѣ рѣчь гладка.

* * *

Ну, прости, моя ЛЮБОВЬ, утѣха драгая!
АМИНТА не есть въ согласіи съ нами:
Мнѣ во всемъ измѣнила весма мя ругая
всѣми своими худыми дѣлами.

* * *

И тако за невѣрность сію ея злобну
хощу чтобъ въ серце моемъ ея небыти.
Но тебя для всѣхъ утѣхъ попостелю гробну
я неимѣю никогда забыти.

Отпустивъ моего КУПИДОНА (или мою ЛЮБОВЬ) чрезъ долгое время искалъ я онаго ПРЕЗОРА; но на конецъ чрезъ все мое прилѣжаніе я его нашелъ. Тогда онои мнѣ присовѣтовалъ чтобъ поитить оттуду въ одинъ городъ, которои онъ мнѣ показалъ, куды я безъ всякаго замедленія и отправился въ тотъ же часъ. Въ то время началъ я чювствовать великую радость, каковои я еще неимѣлъ отнелѣже я при-

былъ въ островъ ЛЮБВИ; А упокоеніе тѣмъ наипаче казалось мнѣ сладко, что я его возъимѣлъ почитаи еще въ первыя. Когда я прибылъ въ тотъ городъ, тогда я увидѣлъ, съ великимъ удивленіемъ, что всѣ люди тамо пребывали праздны. городъ онои очюнь есть пустъ; и почти всѣ жители въ великомъ живутъ уединеніи.

Есть тамъ одна пристань, чрезъ которую выходятъ толко изъ острова ЛЮБВИ, но чтобъ чрезъ онуюжъ въ него прибыть, еще того никому ни когда неслучилось.

Сеи городъ называется БЕЗПРИСТРАСТНОСТЬ имянемъ однои княгини, которая, по правдѣ сказать, что весма есть краснаго лица, а наипаче длятого что много въ лицѣ своемъ имѣетъ крови; но взглядъ ея такъ дуренъ, и которая кажется такъ непотребна и дурковата, что несмѣясь нельзя на нея смотрѣть. Тотчасъ лишъ я вшолъ въ тотъ городъ, то воспомяновеніе моего безчестія, которое мнѣ АМИНТА навела, учинило мнѣ того города пребываніе весма пріятное, и немогъ я тамъ пробыть чтобъ тысячю разъ на всякои день неизглашать мнѣ слѣдующаго.

Невозможно быть доволнымъ,
когда красота едина
Подъ закономъ своевольнымъ
содержитъ серце безъ чина.

* * *

Чтобъ быть щасливу все цѣло,
чрезъ всеи жизни само время
Треба чтобъ серце имѣло
Всегда свободу безъ бремя.

Я себя нашолъ весма щастлива для того что я ростался съ моимъ КУПИДОНОМЪ, и удивлялся я очюнь часто всѣмъ моимъ дуростямъ, которыя принудилъ меня чинить сеи божокъ: Но хотя иногда и мыслилъ я о АМИНТѢ, однако всегда мнѣ казалося, что она стала быть дурна послѣ своеи измѣны. Мысли, которыя тогда на умѣ моемъ были, непоказывали мнѣ оную какъ такову, которая недостоина по всѣмъ мѣрамъ превеликія страсти, какову я имѣлъ къ неи, и какъ которая уже всего того не имѣла, за что ея могъ я любить. На конецъ, въ такомъ великомъ я себя находилъ покои, что онои началъ мнѣ быть докученъ, и сія краиняя измѣна изъ великія ЛЮБВИ въ чрезвычаиную ХОЛОДНОСТЬ такъ мнѣ стала быть несносна, что внезапная слабость схвативши меня бросила такъ въ великую кручину, что отъ самого моего младенства я таковои нікогда неімѣлъ. А сердце мое привыкшее всегда къ любви незнало куды дѣвать нѣсколко еще горячія моея страсти, которая мнѣ осталась по разлученіи съ АМИНТОИ, и немогло оно ни по какои мѣрѣ привыкнуть къ такъ лѣноснои жизни, какова была оная, которую я препровождалъ въ БЕЗПРИСТРАСТНОСТИ. Тогда я къ увеселенію моему изложивъ слѣдующую двостишную пѣсенку, пѣлъ оную на всякои день одинъ съ собои:

Безъ любви и безъ страсти,
всѣ дни суть непріятны:
Вздыхать нада, чтобъ сласти
любовны были знатны.
Чѣмъ день всякои провождать
ежели безъ любви жить?

Буде престать угождать,
то чтожъ надлежитъ чинить?

* * *

Охъ коль жизнь есть несносна,
кто страсти неимѣетъ!
А душа къ любви косна,
безъ потѣхъ вся старѣетъ.
Чѣмъ день всякои провождать,
ежели безъ любви жить?
Буде престать угождать,
то чтожъ надлежитъ чинить?

Въ протчемъ, я нехотѣлъ чтобъ велікою страстію мнѣ разгорѣться: Ибо я спозналъ всѣ трудности въ любви чтобъ мнѣ паки непривязатся къ неи. тогоради я токмо желалъ дабы мнѣ гдѣ только пріятную наити потѣху.

Въ семъ намѣреніи выходилъ я изъ города на всякои день смотрѣть, что непопадетсяли мнѣ какои случаи. Тогда въ нѣкоторои день встрѣтилася со мноі едина жена, къ которои доступъ былъ весма благопріятноі; Оная имѣла поступь смѣлую и веселую, и нѣчто иное которое правилося тотъчасъ лишъ бы ея увидѣть. Сія жена едва толко меня увидѣла, какъ она тотъчасъ ко мнѣ подошла прося меня благосклонно да бы ея посѣтить, и говорила мнѣ при томъ, что есть чѣмъ мнѣ у нея быть доволну.

Многія оную называли ЩОГОЛСТВОМЪ: Но прямое еи имя есть ЛЮБОВНОСТЬ, которая мнѣ потомъ показала цѣлои листъ бумаги, на которомъ слѣдующія вирши написаны были:

Видѣть всѣ женски лицы
безъ любви безъ пристрастно;

Спознать нову съ дѣвицы
учинять повсечастно;
Казать всѣмъ тожъ учтивство,
все искать свою радость.
Такову то любимство
даетъ въ жизни всѣмъ сладость!

Сеи способъ провождать мою жизнь весма мнѣ понравился. Того ради охотно я принявъ всѣ сія предложенія слѣдовалъ за ЛЮБОВНОСТІЮ до одного города, котораго имя носитъ. Сеи городъ очюнь великолѣпенъ, и весма пребогато построенъ; въ воротахъ города того стоитъ ЧИВОСТЬ, НРАВЪ УЧТИВОЙ, РАЗГОВОРЪ СЛАДКОЙ и УГОДНОСТЬ, которыя даютъ пропуски чтобъ во всѣ собранія имѣть входъ свободной, безъ чего очюнь тамо скушно препровождать надлежитъ свое время. Въ протчемъ, говоря по краинѣи мѣрѣ не весма довлѣетъ чтобъ отъ всѣхъ оныхъ четырехъ лицъ имѣть четыри пропуска. Доволно имѣть и два толко, а иногда и одинъ: Но что больше имѣется пропусковъ, то больше можно потѣхъ имѣть. Наинужнѣишія пропуски, которыя необходимо надлежитъ имѣть, и которыя всѣмъ тамо пріятны толко суть два, то есть УЧТИВОЙ НРАВЪ, и СЛАДКОЙ РАЗГОВОРЪ, но ЧИВОСТЬ и УГОДНОСТЬ не въ болшой тамъ чести находятся, и съ которыми обыкновенно многія въ обманъ себя даютъ. Къ томужъ, сіе мѣсто есть для великихъ потѣхъ построено, а прохладныхъ собраніи весма тамъ много и часто находится. Тамо на всякой день изобрѣтаются новыхъ игръ превеликія тысячи; музыка, пиры, танцы, комедіи, вечернія

пѣсни бываютъ тамъ повседневно. А понеже я былъ съ самои ЛЮБОВНОСТІЮ, тогоради я имѣлъ всѣ четыре пропуска, и отъ того времяни началъ я входить повсюду, и такъ я много тамъ учинилъ знакомости; что я знатенъ сталъ быть по всѣмъ собраніямъ въ городѣ. День я препровождалъ по пирушкамъ, а по ночамъ давалъ музыку подъ окнами, и тако неимѣлъ я времяни чтобъ мнѣ досугъ было скучиться. Но на конецъ, сія жизнь меня утрудила.

Вкусивъ сладость быть любимымъ,
Чтобъ потомъ нибыло, все немило бываетъ;
и ежели же сердце съ любови незгараетъ,
Всякъ прохладъ кажется мнимымъ.

Я уже началъ въ ЛЮБОВНОСТИ вскуку приходить, когда я былъ въ одномъ веселомъ мѣстѣ, гдѣ нашлися двѣ дѣвицы, разныя межъ собою красоты. Одна изъ нихъ называлася СИЛВІА, которая имѣла станъ удивителнои, и имѣла все то что чинитъ прекрасное лице; а сіе наипаче меня въ неи усладило, для того что она была весела, и въ молодомъ самомъ вѣкѣ, которои вдыхаетъ въ сердце всякую утѣху. Она имѣла такъ нѣчто всеприятное и любителное, что невозможно увидѣвъ ея нелюбить. Другои имя было ІРИСА, которая, по правдѣ сказать, что не имѣла такъ хорошаго стану; однако очюнь собои поставна была, а съ другои стороны въ походкѣ своеи имѣла она поступь простую, но весма во всемъ пріятную. Всякая черта лица ея была совершенно правилная, румянецъ игралъ на томъ весма живои и очюнь свѣтлои; глаза она имѣла черныя и превеликія, носъ какъ Орлинои, уста невеликія и сахар-

ныя. И казалося что всѣ стати, и прикрасы въ неи жилище свое имѣли: Ибо наипаче когда она смѣялася, тогда такъ видѣлося въ неи много красоты, что мнѣ оную невозможно описать.

Видя ту нѣчемъ щититься
Да бы хоть на малъ часъ быть предъ нею свободну.
И чтобъ во всемъ еи свершиться
Умъ и кросоту равно имѣла природну.

Оныя двѣ прекрасныя дѣвицы въ такъ великую меня радость пріѵели, что таковои по другимъ мѣстамъ нигдѣ я неимѣлъ; А ростался я съ ними имѣя чювство весма несходное съ тѣмъ, которое я обычаино имѣлъ, и хотя я весма былъ радъ что я чювствовалъ въ моемъ сердце еще нѣкакую склонность къ любви, однако нехотѣлъ я со всѣмъ на ту попуститься; А съ другои стороны казалося мнѣ весма странно чтобъ имѣть купно къ двумъ любовь, и немогъ я того понять что какъ бы то можно было двухъ въ одно время любить, и двумъ въ одно время служить. Когда сія мысль непрестанно съ ума у меня несходила, тогда я увидѣлъ едину предомною жену весма въ пребогатомъ одѣяніи. Оная наипаче то все на одеждѣ своеи имѣла, которое бы могло прикрасы придать ея пригожству, и весма была чисто убрана; такъ же и ни какова тѣлодвиженія нечинила, которое бы могло испортить оныя стать. Взглядъ она имѣла очюнь привѣтливои, пріемъ весма пріятельскои и благочеловѣчнои, и казалося что она желала отъ всѣхъ быть любима, и что въ томъ всю свою утѣху она имѣла.

За неи слѣдовало премногое множество пригожихъ молодцовъ, но оная мнѣ больше ласки казала нежели другимъ.

Вы изволите видѣть, любезныи мои ЛЩІДА, съ описанія моего что то есть ГЛАЗОЛЮБНОСТЬ, хотя и многія съ неучтивои ненависти называютъ оную ЧЕСТНЫМЪ БЛЯДОВСТВОМЪ, и ненадлежитъ вамъ о семъ удивляться, что она мнѣ паче всѣхъ ласковости чинила, понеже я былъ еще новопріѣзжеи въ томъ мѣстѣ. А когда лишъ оная меня увидѣла, тогда тотчасъ начала мнѣ говорить слѣдующимъ образомъ:

Перестань противляться сугубому жару:
двѣ дѣвы въ твоемъ сердце вмѣстятся безъ-свару,
Ибо ежель безъ любви нельзя быть щасливу,
то кто залюбитъ болше,
тотъ щасливъ есть надолше.
Люби СІЛВІЮ красну, ІРИСУ учтиву,
и еще мало двухъ; быть коли нада чиву.

* * *

Мочнои Богини любве сладость такъ есть многа,
что на сто олтаряхъ еи жертва есть у Бога.
Ахъ! коль есть сладко сердцу на то попуститься!
Одна любить нерада?
то другу искать нада,
Дабы непрестать когда въ похоти любиться,
и не позабыть того что въ любви чинится.

* * *

Непечался что будешъ столко любви имѣть:
ибо можно съ услугои къ тои и другои поспѣть.
Льзя удоволить одну, такъ же и другую;
Часовъ во дни довольно,
отъ тои съ другои быть вольно.

Удоволивъ первую, доволь и вторую.
а хотя и десятокъ, немного сказую!

Я велми возблагодарилъ ГЛАЗОЛЮБНОСТИ за сія ея добрыя совѣты, которыя я нашолъ такъ по моеи мысли, что я ни мало незамедля слѣдовалъ за нею до самого города, которои также какъ и она называется. Тамо я увидѣлъ на воротахъ слѣдующее надписаніе писменами золотыми:

Царица сердецъ видя что изъ ея царства
всякои день любовниковъ много изходило,
И послѣ первои любви долгаго коварства
сердце устало паки тамъ быть нелюбило.
Велѣла сеи градъ сдати,
любовниковъ изъяти
Отъ жестокихъ законовъ;
чтобъ въ немъ быти безстановъ.

* * *

И чтобъ они находя любовь здѣ способну,
безъ жестоты, безъ муки, безъ всякои страсти,
По своимъ мыслямъ ведя жизнь свою удобну,
побывавъ здѣ въѣзжали таки безнапасти.
Здѣ царствуетъ нетрудна
любовь пріятна чюдна.
Та велитъ всѣмъ любити
всегда въ радости быти.

* * *

Котора прогонила печалныя муки,
смятеніе, гнѣвъ, ревность, и жаркую ярость.
Безчеловѣчнымъ много нечинитъ докуки.
а кто любится принеи, тотъ саму пьетъ сладость.
Множество въ неи успѣху,
подаетъ всѣмъ потѣху,
Всѣ роскоши здѣсь многи,
всѣмъ свободны дороги.

Сія ласковая и пріятная надпись наиболшее придала мнѣ желаніе видѣть оной городъ, въ которомъ мнѣ попалось премножество прекрасныхъ женскихъ лицъ; оныя всѣ были убраны, яко бы нарошно для побѣжденія всѣхъ. На нихъ видѣлося все то, что нравится и въ любовь приводитъ, и употребляли оныя всею своею хитростію и искусствомъ чтобъ какъ привлещи мимо идущіхъ.

Словомъ, оныя жены изъ тѣхъ тамо были,
которы только любятъ, чтобъ всѣ ихъ любили.
И хоть имъ всегда даромъ то непроходило,
однакъ любятъ чтобъ много при оныхъ насъ было.

ГЛАЗОЛЮБНОСТЬ вшедъ въ онои городъ дала мнѣ въ проводники одного КУПІДОНА глазуна. А что бы вамъ прямо донесть кто то онои былъ, то надлежитъ мнѣ вамъ сказать, что КУПІДОНЫ глазуны вышли отъ прямыя породы КУПІДОНОВЪ самыхъ: Но будучи дѣтми КУПІДОНА и ГЛАЗОЛЮБНОСТИ имѣютъ оныя нѣчто отъ матери своеи. отъ отца имъ достался лукъ и стрѣла, но да бы показать, что они не отъ прямыя матери рождены, тогоради неимѣютъ оныя ни перевязки на глазахъ, ни свѣчи горящія въ рукахъ. Оныя неживутъ подъ законами какъ ГЛАЗОЛЮБНОСТИ которыя они весма исправно наблюдаютъ. Я лишъ едва сталъ быть вмѣстѣ съ онымъ КУПІДОНОМЪ, какъ онъ мнѣ тотчасъ всѣ свои розказалъ уставы и права, которыя гораздо нетяжки; и нужды никакои въ томъ нѣтъ, дабы вамъ ихъ подробну изъявить: по тому что вы дѣиствително имѣете ихъ познать чрезъ то что мнѣ еще осталося вамъ донесть. Я возъимѣлъ

намѣреніе въ тотъ же самои часъ исполнять самымъ дѣиствіемъ повсюду совѣты сего КУПИДОНА, и въ вечеръ тогожъ самого дни къ попадшеися навстрѣчю мнѣ СИЛВІѢ подошолъ я, и былъ чрезъ нѣсколькое время съ нею.

Я думалъ, что я весь былъ СІЛВІИНЪ въ то время,
и мнилось что толко та могла разъярити;
А не мнилъ, что ІРИСА плодоносно сѣмя
любви, въ сердце мнѣ больше возмогла вложити.

Но едва лишъ я покинулъ СІЛВІЮ, какъ я встрѣтился съ ІРИСОИ, при которои мнѣ тожъ случилось какъ и при первои то есть:

ІРІСА токмо своимъ едінымъ тамъ взглядомъ,
премѣнила мнѣ любовь къ СІЛВІѢ въ обѣтѣ;
И позабылъ я заразъ шедъ съ ІРИСОИ рядомъ
что была ли СИЛВІЯ когдалибо въ свѣтѣ.

Въ семъ состояніи серце мое находилось чрезъ многія дни, и тогда началъ я имѣть нѣкакову радость, для того что я любилъ, а нечювствовалъ никакова безпокоиства. Когда я былъ печаленъ, тогда я прямо шолъ къ ІРИСѢ, которая чрезъ сладость своихъ словъ, и чрезъ умилность свою природную увеселяла меня всепріятно въ томъ состояніи, въ которомъ я находился; а когда я имѣлъ къ веселію сердце склонно, тогда я тотчасъ бѣжалъ къСИЛВІѢ.

Чтобъ въ тои любви мнѣ было все благопріятно,
Я немогъ лучше мою доволствовать похоть;
мало я имѣлъ любви дабы мнѣ неохать,
но много, чтобъ веселье сердцу было внятно.

По долгомъ моемъ пребываніи въ ГЛАЗОЛЮБНОСТИ, онои КУПИДОНЪ, которои мнѣ тамъ былъ

данъ за вожатаго, восхотѣлъ меня весть во ОБЬЯВЛЕНІЕ. Сіе его предложеніе припомнило мнѣ что въ первомъ моемъ похожденіи ПОЧТЕНІЕ запретилъ мнѣ туда ходить. И тако съ противленіемъ доказывалъ я тогда непристоиность, которая въ томъ была, моему КУПИДОНУ глазуну. Онои услышавъ отъ меня мое доказательство тотъ часъ началъ смѣяться надрывая свои животъ, и говорилъ мнѣ что ПОЧТЕНІЕ запрещаетъ онымъ толко ходить во ОБЬЯВЛЕНІЕ, которыя еще прямого способа незнаютъ какъ любить, и смѣялся онъ также надъ всѣми тѣми, которыя проходя чрезъ МОЛЧАЛИВОСТЬ продолжали свою дорогу болше половіны цѣлои, къ сему онъ прибавилъ еще слѣдующее :

Къ почтенью, изя объявить любовь, безъ презора,
Буде хочешъ на серце держать твою таину,
то къ цѣлбѣ твоеи страсти нѣту средства скора.
Ахъ! ненадлежітъ молчю имѣть чрезвычаину.

* * *

Что ни говорятъ красны, но весма имъ мило
Видѣть предъ собою всегда въ страсти на колѣнахъ
любяща, чъебы серце онымъ знать чинило
что вздохи постоянны; и жаръ не въ премѣнахъ.

* * *

Они никогда за то нигдѣ негнѣвятся
Что ихъ находятъ красныхъ, что имъ объявляютъ
любовь къ нимъ, и что онѣ всѣмъ любимы зрятся;
на конецъ, что всѣ у нихъ любви же прошаютъ.

По сихъ его словахъ я неимѣлъ болше нікакова затрудненія за нимъ слѣдовать, а будучи съ нимъ на дорогѣ предложилъ онъ мнѣ совѣтъ слѣдующеи :

Предъявляя о любви, нечини ту трудну,
по во всемъ сладку, также весма многолюдну:
Ибо ежели любовь сказуется слою,
то невозможно имѣть любви ни съ какою

Мы прибыли чрезъ самое краткое время въ ОБЬЯВЛЕНІЕ, которое, есть весма малое мѣстечко: потому что чрезъ оное токмо лишь проходить надлежитъ, того ради оно и ненаселено. Входъ въ него нѣкакимъ способомъ есть бѣдственъ, для того что тамъ много глубокихъ пропастеи находится, въ которыя всѣ споткнувшіяся падаютъ безвороту. Чтожъ касается до самаго мѣстечка, въ ономъ на всякои день такъ густая мгла бываетъ, что насилу можно встрѣтівшіся съ кѣмъ разпознатся. Выходіть изъ него надлежитъ чрезъ двои вороты, изъ которыхъ однѣ называются ОТКАЗЪ, а другія СНОСНОСТЬ, первыя вороты со всѣмъ непріятны, и выводятъ на премногія худыя поля; но другія обычаіно неведутъ какъ впревеселыя мѣста. Я тогда имѣлъ со мною такъ искуснаго оного проводника, что входя въ объявленіе никакои я неимѣлъ трудности, а вшедъ въ него тотъчасъ я весма щасливо нашолъ ІРИСУ и СИЛВІЮ, и предложилъ имъ обѣимъ о моеи къ нимъ любви.

При СИЛВІИ краснои
Все мое сердце тогда горящи желаньми,
Чтобъ похоти сласнои
Моеи тамо угодить, кипѣло вздыханьми.
Что она причинои,
Когда я о семъ при неи чрезъ все клялся свято,
Была въ томъ единои,
Казалось что то въ самомъ сердце было взято.

Но ІРИСѢ другой
Когда я тамъ объявлялъ тужъ любовь самую
Будучи единъ стои;
Мнилось, что я предлагалъ истинну жъ прямую.

Когда я СИЛВІѢ говорилъ о моеи любви, тогда оная притворившися что якобы она мнѣ въ томъ невѣрила. Потомъ вышла чрезъ вороты СНОСНОСТИ. Но ІРИСА другимъ способомъ поступила и ушла отъ меня чрезъ вороты ОТКАЗУ. Я оставивъ оную, вышелъ и самъ чрезъ вороты СНОСНОСТИ, дабы достичь СИЛВІО, и чрезъ самое краткое время поискавъ, потомъ нашолъ я оную въ одномъ городкѣ весма веселомъ. Онои городокъ sѣло немноголоденъ, но самое оное малое число людеи пребываетъ межъ себя въ великомъ согласіи. И хотя они мало межъ собои говорятъ, однако всякъ, лишъ половина толко слова выговорится, о всемъ, что желается предложить, знаетъ,

Тамъ всѣ любовники стараются всяко,
чтобъ имѣть разговоры на единѣ како;
И всякои тамъ свои ясыкъ, но рѣчистъ имѣетъ,
которого нимало инъ неразумѣетъ.

По правдѣ можно сказать, что столько въ семъ городкѣ слышится разныхъ ясыковъ, сколько въ немъ находится лицъ. Оному городку имя есть СОЮЗНОСТЬ.

СОЮЗНОСТЬ, которая владѣетъ симъ мѣстомъ, боярыня весма преизбранная кажется тѣмъ, которыя ея знаютъ; но которыя знакомства никакова съ неи неимѣютъ, тѣ со всѣмъ за скушную ея почитаютъ. Оная премного разума имѣетъ и искусна весма

во всемъ. Много у неи находится способовъ, чтобъ какъ себя всѣмъ вразумителну показать, и во мгновеніи ока можетъ выразумѣть все что еи ни предлагается.

Тамо для своеи выгоды,
И дабы розговоры возъимѣть особны,
всякихъ средствіи тысящи наидутся способны.
Тамъ вездѣ на нихъ походы,
Хотя индѣ бываютъ ни къ чему негодны.

Въ самои тотъ же часъ, какъ я вошолъ въ СОЮЗНОСТЬ, увѣдомился я, что ІРІСА уединілась въ пещеру ЖЕСТОКОСТИ. Сія вѣсть весма меня оскорбила; Въ протчемъ я неимѣлъ охоты чинить тожъ, что я чинилъ въ первои моеи любви, ниже такъже хотѣлося мнѣ болше наводнять источникъ онои моими слезами: Но толко и въ силу всего я чинилъ, дабы непотерять какъ мнѣ ІРИСУ, которая поистиннѣ у сердца мнѣ была, что я часто ходилъ къ неи на посѣщеніе, и тамъ разговаривалъ съ нею; а ставя еи въ великую вину ея незговорность, слѣдующее еи говорилъ:

Вы сердитеся за то превесма доволно,
когда кто вамъ говоритъ что васъ любитъ больно!
Симъ красотѣ обиду чините вы вашеи.
Ежели что васъ любитъ,
тѣмъ васъ на гнѣвъ приводитъ:
То чтожъ можетъ напитися на сеи земли пашеи,
которое бы могло здѣсь вамъ по праву быть?

Но видя что въ своемъ намѣреніи весма твердо она стояла, того ради я ея тамъ покинулъ съ велікою горестію, отъ которыя утѣшился я въ СОЮЗНОСТИ, куды я въ тотъ же день возвратился.

Я ходя къ онои на всякои день всегда чинилъ тожъ. А съ начала самого оная жестота ІРИСИНА доволно мнѣ чинила потѣхи, такъ же и радъ я былъ видѣть ея незговорчиву для веселія обѣщаемаго отъ надежды, которою я себя льстилъ побѣдить въ нѣкоторое время ея жестоту.

О коль сладости сердце чювствуя имѣетъ,
Видѣть противность всегда красоты любовну,
что въ благороднои спеси чрезъ жестокость несловну,
Сладку огня въ немъ наглость зажещи умѣетъ!
О коль сердце для гнѣва сего веселится!
О коль сеи ея отказъ кажетъ ему слѣду
возъимѣть побѣду!
О коль торжество само сладко ему зрится
что много трудится!

Но я притворялся при неи быть весма печалнымъ для того что она въ жестотѣ своеи твердо стояла, и сказывалъ еи, что чрезъ всѣ часы дня и нощи, которыхъ я въ свѣтѣ сладчаишихъ неіимѣлъ, (ибо я ихъ провождалъ съ СИЛВІЕЮ:) въ великомъ я отчаяніи находился. Сеи родъ вести мою жизнь казался мнѣ весма пріятенъ. Когда я былъ въ СОЮЗНОСТИ, тогда я былъ весма веселъ, а когда я былъ при жестокои ІРИСѢ, тогда я казался весма быть печалнымъ. На конецъ, такъ я привыкъ лицемѣрствовать когда мнѣ хотѣлось, что плакатьли бы надлежало, то тотчасъ у меня появятся слезы какъ градъ. Такъ же умѣлъ я и скорбнымъ казаться когда благопріятное я находилъ.

По моеи воли я зналъ и стонать и плакать,
какъ то лутчему чинить весма надлежало.

Но въ любви притворяться довлѣетъ немало,
и знать гдѣ быть въ печали, и гдѣ нада такать.

Но на конецъ притворяяся чрезъ долгое время въ сокрушеніи быть при ІРИСѢ, воспріялъ я намѣреніе вывесть оную изъ сего премерзскаго жилища, и нетребуя никаковои помощи отъ ЖАЛОСТИ я учинилъ токмо то, что мнѣ присовѣтовалъ КУПІДОНЪ ГЛАЗУНЪ, но и вотъ его совѣтъ которои онъ мнѣ далъ:

Вмѣсто чтобъ тебѣ у неи милости просити.
показуи еи холодность, и крои твою муку:
Нѣтъ того чтобъ невозмоглъ женскъ полъ учинити,
дабы всегдашню имѣть съ любовникомъ слуку.

Сего ради когда паки напосѣщеніе Я къ неи пришолъ, притворивъ мои глаза въ лицемѣрство, такъ же и всѣ рѣчи, весело слѣдующее началъ еи говорить:

Ну, такъ уже я несталъ быть вашимъ отъ нынѣ:
ибо нада оставить васъ мнѣ на единѣ.
Днесь ваши очи чорны, и все лице красно,
нечинятъ мнѣ никакои муки за напрасно.
Правда, что вы безмѣрно находитесь слична,
и смягчить ваше сердце, похвальба есть зычна.
Но, ІРІСА; вы лихъ быть хотите жестокои,
а любовь снесть неможетъ такъ спеси высокои.
Я предъ тобои и слезы имѣлъ и унылость,
и все что бы васъ могло преложить на милость.
Вы зрѣли вздыхающа по вашеи красотѣ,
просяща на колѣнахъ въ сердечнои тѣснотѣ.
Но понеже ваше сердце такъ ожесточенно,
что ни отъ чего быти неможетъ смягченно.
Такъ прости ужъ, жестока, я васъ покидаю:
и мое сердце отъ васъ во вся отнимаю.

Вы ко мнѣ нехотите милости показать,
а я нехочю также отъ того пропадать.

Илишъ выговоривъ къ неи сію рѣчь, тотчасъ тамъ я оную одну отставилъ, и отъ того времяни неприхаживалъ къ неи. Тогда я присталъ къ моеи СІЛВІѢ паче нежели какъ мнѣ было обычаино, и непренебрегъ я ничего того, которое бы могло ІРИСѢ показать что я во вся оную позабылъ.

Но по нѣсколкомъ времяни сія незговорна,
чрезъ весма мнѣ щасливу тогда перемѣну,
Возлюбила лучше быть весма неупорна,
И болше застѣну
Нашла, быть невѣрной
Нежели съ любовникомъ въ ссорѣ жить чрезъ мѣрной.

И тако тотчасъ она преселилась въ СОЮЗНОСТЬ, гдѣ ни съ чемъ сперва, какъ съ пенми на меня напала. Я непреминулъ еи божбу чинить изовсеи мочи, что то я длятого учинилъ нарошно, дабы мнѣ видѣть, что печалноли бы еи было меня потерять.

Въ то время очюнь у меня дѣлъ умножилося: Ибо сіе весма трудно, чтобъ жить съ двѣмя персонами въ однои союзности! На всякіи день надлежало мнѣ было писать два писма, на всякои день имѣлъ я два назначенныхъ СХОДБІЩЪ, и надобно было имѣть много хитрости, чтобъ какъ утаіть отъ однои знакомость, которую я имѣлъ съ другои. Но со всѣмъ симъ онои недосугъ мнѣ весма былъ пріятенъ; и я бы прожилъ съ нимъ охотно чрезъ долгое время, ежели бы НЕНАВИСТЬ, которая неможетъ ненавидѣть никого въ СОЮЗНОСТИ, помѣшателства мнѣ въ томъ неучинила. Сія НЕНАВИСТЬ столко произносила

тамъ рѣчеи неосновательныхъ, что ІРИСА и СИЛВІЯ принуждены стали быть вытти оттуду, и ожідать въ одномъ удаленномъ мѣстѣ, пока оная перестанетъ болтать. Тогда я въ едино мгновеніе ока нашолся лишенъ всея моея утѣхи. И хотя бы мнѣ осталася одна которая нибудь изъ нихъ, тобы я съ нею могъ утѣшиться о отсутствіи другои. Но понеже обѣ онѣ выѣхали вонъ, того ради я незнаю какъ бы мнѣ было тогда и быть, ежели бы КУПІДОНЪ ГЛАЗУНЪ непривелъ меня въ иное мѣстечко очюнь веселое, котораго мѣсто положеніе есть удивительное. Земля которая есть въ околности его, всепріятно украшена потоками. КУПІДОНЪ ГЛАЗУНЪ приводя меня туды говорилъ мнѣ тако:

Это напрасно, что кто будучи въ разлукѣ
хочетъ пребыть на всегда въ мучителнои скукѣ.
На что быти въ печали,
чрезъ всѣ дни, чрезъ всѣ ночи,
когда тѣ дни настали,
Въ которыхъ изъ всеи мочи

* * *

Хотя бы кто все кричалъ, но то безъ успѣшно?
ТИРСИСЪ, имѣи отъ нынѣ сердце ти утѣшно;
Скорбь хотя какъ чрезъ мѣрна,
любовника все страстна.
Отъ сердца его вѣрна
Нездѣлать паче щастна.

* * *

Въ тожъ самое время, мы прибыли въ оное мѣстечко, которое называется ЗАБАВА. Всѣ тамо домы весма пріятны, вездѣ находятся воды въ верхъ бію-щія, и видятся повсюду непрестанно игры, и при-

красы: самая малая вещь въ неисповѣдимую приводитъ утѣху, и всѣ тамошнія жители придаютъ къ тому веселію много причины. ЗАБАВА, которая владѣетъ тѣмъ мѣстомъ, дѣвица еще очюнь молода, оную остановляетъ все чтобъ ей нипопалось, и которои чинитъ утѣху самая малая бездѣлушка, Я лишь прибылъ въ сіе мѣстечко, то я тщался тамъ чинить какъ и другія, то есть тѣшится всѣмъ чтобъ мнѣ нипопалось, дабы тѣмъ прогонить печаль, которую могла мнѣ дать РАЗЛУКА съ тѣмъ что я любилъ.

Разлучившися тогда съ милыми дружками,
дабы въ великой скукѣ не быть ночми днями,
Весма я забавлялся въ потѣхахъ различныхъ;
Я имѣлъ толь въ разлукѣ скорбеи неприличныхъ,
Что тысячу всѣхъ забавъ желалъ я имѣти
чтобъ чювствителну скуку тогда нетерпѣти.

Я могу вамъ признаться, что чрезъ все время, которое я пробылъ въ ЗАБАВѢ, неимѣлъ я нікакова безпокоиства, и ожидалъ я съ самою малою нетерпѣливостію возвращенія ІРИСИНА и СИЛВІИНА. Однако почитаи на всякои день я къ нимъ писалъ, и тожъ одно писмо для обѣихъ было. Я имъ писалъ въ писмахъ моихъ великія тысячи учтивостеи любовныхъ. Но и поправдѣ сущеи сказать, я бы желалъ лучше ихъ видѣть, нежелибъ быть такъ долго въ ЗАБАВѢ; но понеже надлежало ихъ ожидать, тогоради я имѣлъ терпѣніе весма охотно. Нѣкоторое время въ томъ прошло, что мы другъ къ другу писали безперемѣшки: Но потомъ такъ вдругъ случилось, что я неполучилъ ни одного писма отъ нихъ: Ибо увѣдомившися ІРИСА и СИЛВІЯ, что я пребывалъ въ ЗАБА-

ВѢ, заразъ ушли обѣ въ ЗАМОКЪ ДОСАДЫ. я имѣлъ честь объявить вамъ въ первомъ моемъ писмѣ о ДОСАДѢ, но я ничего вамъ непредъявилъ о ея замкѣ.

Сіе есть такое мѣсто, что въ которомъ надобно всегда ссорится. Сама ДОСАДА между всѣми тамо смуты великія чинитъ тысячю разъ на день, и принуждаетъ часто ласково говорить съ тѣми, которыя смертелно ненавидимы бываютъ. Но оныя ссоры недолго длятся: ибо любовь во всемъ чинитъ миръ, и соединяетъ паки тѣхъ, которыя непоссорились какъ по совѣту ДОСАДЫ.

Сіе тамо весма смѣшно и потѣшно есть видѣть, что тѣ которыя такъ межъ себя любятся что того болше быть нельзя, почти мерзкими словами съ собои бранятся, и всѣми богами кленутся что они нехотятъ другъ друга видѣть до смерти; Но чрезъ малое самое потомъ время другъ у друга прощенія просятъ, и соединяются въ паче тѣсную дружбу нежели прежде.

Вся любовничья досада
чрезъ долго время недлится:
Ибо какъ долго сердится
Когда мысль все любить рада?

Есть въ томъ замкѣ одинъ человѣкъ, которои при всѣхъ ссорахъ посредственникомъ бываетъ. Сеи то человѣкъ первенствуетъ въ примиреніи, и которои много подаетъ къ тому способовъ; однѣ его называютъ РАЗГОВОРОМЪ, другія ПЕРЕГОВОРОМЪ; но я увѣдомился вѣрно отъ нѣкоторыхъ что онъ называется ТОЛКЪ. Когда я прибылъ въ тотъ замокъ

ДОСАДЫ, тогда заразъ встрѣтілась со мною СИЛВІЯ, которая лишъ меня увидѣла, то тотъчасъ приставивши къ одному человѣку, которого я никогда незналъ начала ему чинить великія и многія ласкательства, и такъ поступала что яко бы она меня и незнала. Тогда немедленно подбѣжала ко мнѣ сама ДОСАДА и вдохнула мнѣ горячее желаніе къ отмщенію еи онаго поступка.

ІРИСА въ тожъ самое время увидѣвши меня тамъ наипаче меня утвердила въ томъ моемъ намѣреніи: Ибо она и сама такожъ слѣдовала примѣру СИЛВІИНУ. Я тогда нашолъ за благопотребное, чтобъ мнѣ поступить по совѣту моего КУПІДОНА ГЛАЗУНА, то есть чтобъ несмотрѣть на нихъ. Отходящему отъ нихъ встрѣтилася мнѣ на дорогѣ одна жена весма пригожа, и которая была почитаи въ такъ же великомъ сердце какъ и я. Оной имя есть МЕСТЬ, и понеже мы небыли тамъ вмѣстѣ одинъ и другая какъ для отмщенія; того ради наши розговоры не могли быть долго. Но гнѣвъ не такъ меня ослѣпилялъ какъ оную, и тогда я толко началъ за весма мнѣ пріятную имѣть МЕСТЬ, когда ІРИСА и СИЛВІА проходя мимо насъ видѣли меня при оной женѣ съ лицемъ весма веселымъ.

При самомъ вечерѣ тогожъ дня гуляя въ одномъ мѣстѣ встрѣтілся я тамъ съ ІРИСОЮ, которая была такъже одна, тогда въ первомъ моемъ опылѣ я еи говорилъ все то что гнѣвъ мнѣ вдохнулъ, такъ же и она съ своеи стороны тожъ чінила; но ТОЛКЪ подбѣжавши къ намъ спрашивалъ у насъ чего бы ради имъ такъ ссоріліся, при которомъ тотъ часъ мы узна-

ли, что наша ссора непроизошла, какъ отъ ложныхъ мнѣній, и что она основана была на ЛЮБВИ. Тогда я нимало немѣшкая палъ ей въ ноги, и прося прощенія обѣщался ей хранить мою вѣрность до самои смерти. Съ своеи стороны и она себя извиняла такъ любовно, что она меня тѣмъ весма усладила. Потомъ она мнѣ чинила много ласканіи, и непозабыла ничего того, чѣмъ бы она могла меня увѣрить, что все, которое она ничинила, непроисходило какъ по наученію ДОСАДЫ.

О коль сердцу есть пріятно,
видѣть за невѣрну мниму
Рѣчи намъ предлагать внятно!
къ оправданію любиму
Тысящи извиненіи
искать, и своеи рукою
Отстужныхъ сердца кипѣніи
утирать плачъ, а собою
Чрезъ великія милости
платить за горкія очамъ
слезы и заунылости
что были по днямъ, по ночамъ.

Я сіе мое примиреніе съ ІРИСОЮ такъ нашолъ быть сладко, что я въ тотъ же часъ побѣжалъ искать СИЛВІЮ, да бы съ неи тожъ самое учинить. Можетъ быть что онѣ непоступали со мноі чрезъ свои дѣиствія въ лучшеи усердности, какъ и я съ ними, такъ же можетъ быть что онѣ меня обманывали обѣ, какъ и я ихъ обманывалъ обѣихъ: Но въ протчемъ сіе мнѣ нечинило никакова безпокоиства:

Токмо бы намъ божились что любятъ насъ они,
что боятся оскорбить, и чинить намъ споны,

И что потомъ всѣ тщатся всяко утаити
свою невѣрность, любя съ другимъ въ любви жити.
въ протчемъ, буде улестить сладко намъ умѣютъ,
И обманывая насъ хитрость всю имѣютъ;
то для чего такъ долго съ сердца на нихъ дуться,
и кто бы нехотѣлъ такъ сладко обманутся?

Я нежелалъ видѣть что у оныхъ на сердце было, и доволился я токмо тѣмъ, что онѣ мнѣ показались быть ради, да бы чинить со мною примиренія.

И я нашолъ такъ сладко, будучи въ ДОСАДѢ
відѣть гнѣвъ въ молчаніи прилюбовномъ ладѣ,
Что дабы таковыжъ всегда чинить миры,
сотью на всякъ день съ ними имѣлъ я тамъ стыры.

Удоволившися весма сими малыми ссорами похоть, возъимѣлъ я такъ наглую, что я немогъ ни мало еи попротивиться чтобъ невесть ІРИСУ и СИЛВІЮ въ одну долину превесма веселую, хотя КУПИДОНЪ ГЛАЗУНЪ и несовѣтовалъ мнѣ того чинить. Горы, которыя кругомъ обошли сію долину, очюнь высоки; и много на нихъ почитаи повсюду великаго камня дикаго на подобіе пещеръ природно учинившагося, которые въ тои долинѣ и идутъ за пещеры уединенныя, таможъ находится одинъ очюнь изрядной замокъ, котораго почитаи видѣть нельзя, для того что онои окруженъ со всѣхъ сторонъ высокимъ лѣсомъ, которои его покрываетъ. Солнце незаходитъ туды съ своею свѣтлостію: Ибо его тамо ясность со всѣмъ не мила, хотя бы какъ мало она туды ни зашла. Тогоради тамо царствуетъ непрестанно нощь, которая неприноситъ въ то мѣсто обычаиныхъ своихъ страшиліщъ, и чѣмъ болше она бываетъ темна; тѣмъ наипаче она кажется красна.

Хотя сіе мѣсто весьма многолюдно, однако кажется что никово нѣтъ, понежевсѣ того мѣста обыватели любятъ весма уединеніе, и тако всенародныя и многолюдныя собранія оттуду всѣ выгнаны, а доволны бываютъ всѣ токмо быть по два вмѣстѣ, всѣ другія лишнія худо тамъ приняты живутъ. Словомъ, одно третіе лице хотя ненарошно, но весма туды не къ статѣ и не учтиво заходитъ. Сеи замокъ называется ЗАМОКЪ МИЛОСТЕИ, которыя суть лица очюнь уединенныя, однако онѣ кажутся, тѣмъ которыя ихъ весма принуждаютъ къ тому, но и то невсегда.

Сихъ милостеи есть много, которыя всѣ межъ собои родныя сестры одна другои краше, и когда ихъ кто сподобится видѣть, то онъ ихъ видитъ всегда по степенямъ, то есть послѣ хорошои, лучшую. Нельзя ни по какои мѣрѣ нежелать другую съ вящшеи утѣхои видѣть, видѣвъ первую съ великимъ удоволствованіемъ. Въ прочемъ почитаи всегда трудно ихъ всѣхъ видѣть, и часто некажется изъ нихъ какъ одна самая малая часть. Надобно имѣть много хитрости, щастія, и превеликія докуки, дабы какъ изнихъ получить видѣть одну токмо; А наипаче послѣдняя такъ незговорчива, что ежели кто ея желаетъ видѣть, то тотъ больше возъимѣетъ трудности съ однои съ неи, нежели со всѣми первыми. Но уже и она когда кому покажется, то тотъ часъ потомъ преведетъ оного въ замокъ ПРЯМЫЯ РОСКОШИ. Которои не подалеку разстоитъ отъ замка МИЛОСТЕИ.

Чтожъ до меня касается, я хотѣлъ видѣть оныхъ двухъ красныхъ дѣвушекъ обѣихъ вмѣстѣ: Но въ томъ я много нашолъ трудностеи, и еще больше, ко-

гда я увѣдомился что надлежитъ быть всегда съ однимъ лицемъ. Я въ раскаяніе пришолъ почитати тогдажъ, для того что я непослушалъ совѣту КУПИДОНА ГЛАЗУНА дабы неходить въ тотъ замокъ. Въ протчемъ я желалъ весма чтобъ какъ мои походъ туды вотще непрошолъ, и того для вознамѣрился я силъ своихъ беречь какъ бы мнѣ можно было, такъ же и казаться, что ни которую изъ нихъ я больше нелюблю по тѣхъ мѣстъ, пока мнѣ долѣе того невозможно будетъ чинить. И тако будучи одинъ на одинѣ съ ІРИСОЮ, препроводилъ я цѣлую ночь съ нею, и чтобъ отъ васъ, любезныи мои ЛЩИДА, ничего мнѣ неутаить, въ тои ночи вотъ что мнѣ случилося:

Мое сердце все было въ страсти,
съ моеи на единѣ былъ милои,
Свѣдомъ получить все не силои:
но со всѣмъ я симъ небылъ въ щасти.

* * *

Дабы то въ полнѣ получити,
Я принуждалъ, но вотще всегда,
Я токмо позналъ, что никогда
Такъ ту красну невидѣлъ быти.

* * *

На завтрѣ увидѣлъ я себя
Что я сто разъ паче былъ въ страсти.
Всегда въ скорби, всегда въ напасти,
А всегда оную же любя.

* * *

Будучи въ моемъ задорѣ искушеніе было на меня нашло, чтобъ для нея оставить СИЛВІЮ, и къ неи толко однои привязаться. Но потомъ очюнь я радъ

сталъ быть, что я того неучинилъ: Ибо покинувъ ІРИСУ подъ предлогомъ самымъ бездѣлнымъ я нашолъ СІЛВІЮ такъ красну, и такъ пригожю, что я весь на ту смотря розпался. Я былъ съ нею вмѣстѣ цѣлои день, но не лучше я себя съ онои нашелъ какъ и съ ІРИСОИ.

Въ бѣлости ея румяннои,
Такъ же въ очахъ ея ясныхъ
Не много хоти желаннои
Видѣлъ я и въ рѣчахъ красныхъ.

* * *

И едва было то несталось,
имѣя охоты болше,
А я нудя тую дольше,
что въ любви сладко казалось.

Въ протчемъ хотя безъ всего, но я себя такъ щаслива быть нашолъ при неи, что я болше и непомышлялъ о ІРИСѢ, и въ то самое время, когда она меня, какъ говоритъся, въ мѣстѣ застала съ СІЛВІЕИ.

Я занепотребное нахожу, чтобъ вамъ описать подробну всѣ укоризны и пени, которыя мнѣ были отъ тои и отъ другои. Тогда я обернулся къ моему КУПИДОНУ ГЛАЗУНУ. Которои мнѣ показался, что онъ мнѣ неможетъ уже никакимъ добрымъ совѣтомъ помощи. Сеи случаи въ такои великои меня стыдъ привелъ, что я ни мало немешкая побѣжалъ отъ нихъ обѣихъ, и бѣжалъ все грунью даже до одного мѣстечка которое мнѣ попалось, и въ которомъ меня покинулъ мои КУПИДОНЪ ГЛАЗУНЪ говоря что сіе мѣсто ему неугодно есть. Многія въ

томъ мѣстечкѣ домы до половины толко построены, а другія тремя или четырми розными образцами поставлены.

Иные называютъ сіе мѣстечко НЕЗНАМОСТЬ ЧТО ЧИНИТЬ: Но мнѣ другіе сказали, что прямое его имя есть. НЕРАЗРѢШИМОСТЬ: Ибо и помѣщица, которая симъ мѣстомъ владѣетъ, тѣмже именемъ именуется.

Сія госпожа есть очюнь смѣшна, и оная нікогда неодѣвается въ платье: потому что она неможетъ разрѣшится которои бы лучше вздѣть уборъ. И хотя она непрестанно кидается, но однако съ мѣста своего никогда несходитъ: Понеже она намѣряется итти въ толь многія мѣста, что, наконецъ, ни въ которомъ неможетъ побывать. Можно примѣтить скоро что въ ея глазахъ непрестанное есть смятеніе, и которыя очюнь мутны; такъ же можно видѣть, что она нѣкоторыя имѣетъ намѣренія въ своеи головѣ; но которыхъ число такъ есть велико, что она ни одного неможетъ въ дѣиство произвести. Я себя нашолъ въ великомъ затрудненіи въ семъ мѣстечкѣ: Ибо воспоминовеніе ІРИСЫ и СИЛВІИ раздѣляло мою мысль на двѣ части равныхъ. Я несомнѣвался чтобъ мнѣ невозможно было помириться съ однои, ежели бы одну изъ нихъ которую покинулъ: Но то что я видѣлъ въ ЗАМКѢ МИЛОСТЕИ, къ тому меня недопускало. Я уже тогда имѣлъ чювствіе къ тои и другои таково, каково я имѣлъ прежде къ АМИНТѢ. Всѣ мои мысли имѣли межъ собою великое побоище, и хотя я нехотѣлъ ихъ весма обѣихъ покинуть, однако больше я склонности имѣлъ, чтобъ ихъ поте-

рять обѣихъ вмѣстѣ, нежели выбравъ одну другои предпочтить, такъ что въ боязни, дабы непотерять ни ту ни другую я немогъ имѣть ни тои ни другои. Словомъ сказать, я былъ тогда въ превеликомъ безъизвѣстіи что чинить.

Когда любовь чье сердце двумъ краснымъ вручаетъ,
о коль тотъ во все время въ безчасти бываетъ!
У сердца любви вкупѣ къ обѣимъ есть много,
а къ однои каждои весма у него убого.

Я тогда незналъ какъ быть, и какъ жить; такъ же и немню я, чтобъ я могъ когда намѣреніе какое воспріять, ежели бы въ единъ изъ тѣхъ днеи одна женщина со мнои невстрѣтилась.

Сія жена весма была красного лица, станомъ и величавостію своею походила на богиню, и отъ всея ея персоны изходило сіяніе, которое ослѣпляло очи. Я толко лишъ оную увидѣлъ, то я такъ великое къ неи почтеніе на сердце моемъ почювствовалъ, что я немогъ никакимъ способомъ оного къ неи неимѣть. Тогда она повышая свои гласъ слѣдующее мнѣ говорила:

Выди ТИРСИСЪ отсюду, пора любовь кинуть:
доволно и долго здѣ въ любви могль ты гінуть.
Не въ семъ то островѣ, гдѣ мысль бываетъ унына,
находится честь, что всѣмъ добрымъ людямъ мила.
Нада любить было: Любовь учитъ жити,
той огнь безъ свѣта въ сердцѣ невозможетъ быти.
Но уже, ТИРСИСЪ, за мнои слѣдовать есть время,
и знаи что мое сличье не отъ смертна племя.

Сія слова будучи произнесены съ повелѣніемъ проникнули даже до самыя глубины сердца моего. Тогда я покраснѣлъ весь съ стыда тотъ часъ лишъ

увидѣлъ состояніе, въ которомъ я себя находилъ. И въ тожъ самое время такъ я влюбился въ СЛАВУ (ибо то она была) что воспріявъ намѣреніе слѣдовать за нею вышелъ я немедленно изъ НЕРАЗРѢШИМОСТИ. Съ начала самого, сердце мое имѣло нѣсколко трудности привыкнуть къ сеи премѣнѣ; и того ради надлежало слѣдующее ему говорить не по одинъ разъ:

Некажи болше моси днесь памяти слабкои
что невозможно въ свѣтѣ жить бззъ любви сладкои,
Некажи, мое сердце, надобно чтобъ СЛАВА,
болше тысячи ФИЛИСЪ возъимѣла права.
Ступаи, и непротився куды ведетъ тая:
сеи любви не можетъ быть лучше иная.
Ты выграшъ сеи премѣнои: СЛАВА паче красна,
нежель сто АМИНТЪ, ІРИСЪ, СИЛВІИ, и всѣмъ ясна.

Тако слѣдуя за СЛАВОЮ прибылъ я на берегъ острова ЛЮБВИ. Тамо паки я увидѣлъ гуляющихъ всѣхъ красотъ, всѣхъ сладостеи, всѣхъ прикрасъ, и всѣхъ статеи, которыя уже тогда меня немогли, хотя и много старалися прелстить. Тамо увидѣлся я паки и съ РАЗУМОМЪ, у которого я весма просилъ прощенія, для того что я непослушалъ его совѣта входя въ островъ ЛЮБВИ. онъ меня принялъ очюнь благопріятно, и видя что я имѣлъ намѣреніе выѣхать оттуду, на это далъ мнѣ и судно.

Я немогу вамъ сказать что я вышелъ не смотря съ охотои, такъ же и съ нѣкоторою болѣзнію на мѣста, въ которыхъ, хотя и много я имѣлъ нещастія, но однако болше сладкого и веселаго препроводилъ времяни, Но по прошествіи сего перваго моего устрем-

ленія неімѣлъ я о томъ нирадостного чювствія ниже печалного. И тако простился я съ ЛЮБОВІЮ на всегда.

Простите вы нынѣ всѣ, хароши! пригожи!
вашъ плѣнникъ я долго былъ, и навашемъ ложи.
Вы мною владѣли всѣ, но безъ всяка права;
вы вездѣ всему миру велика отрава!
Простите вы нынѣ всѣ; любить неимѣю:
зная что есть любовь, ту ненавидѣть смѣю.
Всѣ наши въ неи похоти во всемъ безконечны,
а въ сластѣхъ ея муки пребезчеловѣчны,
Хотя много радости та всѣмъ обѣщаетъ,
но чрезъ свои потѣхи всѣхъ она прелщаетъ.

Наше плаваніе отъ самого острова даже до сего мѣста, весма было благополучно; илишъ вышелъ я изъ судна моего на землю, то тотчасъ сталъ писать къ вамъ, любезныи мои ЛИЦИДА, сіе писмо, чрезъ которое дабы вамъ обьявить состояніе моего сердца, въ каковомъ оно нынѣ находится, то есть:

Я уже нынѣ нелюблю, какъ похвалбу красну:
она толко заняла мою душу власну.
Я изъ памяти изгналъ
всѣхъ моихъ нынѣ ФІЛІСЪ
и яко бы я незналъ
ни АМИНТЪ ниже ІРИСЪ

* * *

И хотя страсть прешедша чрезъ нѣчто любовно
услаждаетъ мнѣ память часто и способно;
Однакъ сіе есть толко
какъ Сонъ весма пріятныи,
Кого помнить не горько,
хоть обманъ его знатныи.

Въ протчемъ, любезныи мои ЛЩІДА, я нынѣ иного неимѣю достоинаго во извѣстіе вамъ учинить, токмо что въ близости слѣдовать буду и самъ за симъ моимъ. Итогоради уповаю, что вскорѣ возъимѣю радость съ вами увидѣтся и дружески объняться.

КОНЕЦЪ ВТОРОИ ЧАСТИ.

СТИХИ
НА РАЗНЫЯ СЛУЧАИ.

ИЗВѢСТІЕ ЧИТАТЕЛЮ.

По совѣту моихъ пріятелеи осмѣлился я здѣсь приложить нѣсколко стиховъ моеи работы Рускихъ, Французскихъ, и Латинскую Эпіграмму, хотя и невесма сеи книгѣ нѣкоторыя изъ нихъ находятся приличны. Но ежелибъ онымъ здѣсь небыть, то бы имъ надлежало въ вѣчномъ безъизвѣстіи пропасть, чего имъ друзья мои вѣдущія въ стихахъ силу непожелали.

Къ томужъ, понеже сія книга очюнь собои мала, тогоради за благо и мнѣ разсудилось сими оную понаполнить. Ежели ОХОТЛИВЫЙ ЧІТАТЕЛЮ, оныя вамъ покажутся, то обѣщаюсь и другими со временемъ васъ увеселять; а буде непонравятся, то я во вся замолчю, и больше вамъ скучить небуду.

ПѢСНЬ

Сочинена въ ГАМБУРГѢ къ торжественному празнованію КОРОНАЦІИ ЕЯ ВЕЛІЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ІМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ, бывшему тамо Августа 10-го (по новому стилю) 1730,

Да здравствуетъ днесь ІМПЕРАТРИКСЪ АННА
на престолѣ сѣдша УВѢНЧАННА,
Краснѣйше Солнца и звѣздъ сіяюща нынѣ!
Да здравствуетъ на многа лѣта,
Порфирою златои одѣта
въ ІМПЕРАТОРСКОМЪ ЧИНѢ.

* * *

Се благодать всѣмъ отъ небесъ лѣется:
что днесь вѣнцемъ АННА вязется.
Бѣгутъ къ намъ изъ всеи мочи Сатурновы вѣки!
Миръ, обиліе, щастье полно
всегда будетъ у насъ довольно;
Радуитесь человѣки.

* * *

Небо все нынѣ весело играетъ,
Солнце на немъ лучше катаетъ,
Земля при АННѢ вездѣ плодовита будетъ
Воздухъ всегда въ Россіи здравы
перемѣнятся злыя нравы,
и всякъ нужду избудетъ.

* * *

Рѣчныя въ брегахъ станутъ своихъ токи.
выбѣгутъ всѣ мерзки пороки.
ПРАВДА, БЛАГОЧЕСТІЕ АННУ окружаютъ.
ЛЮБОВЬ къ подданнымъ, СУДЪ и МИЛОСТЬ
изъ всѣхъ сердецъ гонятъ унылость;
Тѣмъ АННУ прославляютъ.

* * *

Прочь всѣ отсюду враждебныя ссоры:
АННА краснѣиша ауроры
Всѣхъ въ любовь себѣ сердца преклонила вѣчну!
Все почитаетъ должно АННУ
САМОДЕРЖИЦУ БОГОМЪ данну,
Вѣрность имать сердечну.

* * *

Торжествуите вси Россіисти народы:
у насъ идутъ златыя годы.
Воспріимемъ съ радости полныя стаканы.
восплещемъ громко и руками,
за скачемъ весело ногами
мы вѣрныя граждане.

* * *

Имѣемъ мы днесь радость учреждену,
повсюду славно разнесенну:
АННА надъ Россіею во царилась ВСЕЮ!
Тото есть прямая ЦАРИЦА!
Тото бодра ІМПЕРАТРИЦА!
признаютъ всѣ душею.

* * *

Да здравствуетъ намъ ІМПЕРАТРІЗЪ АННА
на престолъ сѣдша, УВѢНЧАННА,
Краснѣише Солнца и звѣздъ сіяюща нынѣ!
Да здравствуетъ на многа лѣта,
Порфирою златои одѣта,
въ ІМПЕРАТОРСКОМЪ чинѣ.

ЭЛЕГІА

О СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ахъ! знать Россія плачетъ въ многолюдствѣ гласно!
Гдѣжъ повседневныхъ торжествъ, радостеи громады!
Слышъ, не токмо едина; плачютъ ужъ и чады!
Се она то мещется, потомъ недвижима,
вопіетъ, слезитъ, стенетъ, въ печали всѣмъ зрима.
Что то за причина? (лишъ рекла то ВСЕЛЕННА)
летитъ, ахъ горесть! СЛАВА весма огорченна,
Вопіетъ тако всюду, но вопіетъ право;
Ахъ! позабылаль она сказывать не здраво?
О когда хоть бы и въ семъ была та невѣрна!
Но вопіетъ, вопіетъ въ печали безмѣрна:
ПЕТРЪ, ахъ! Але іевичь вящшіи человѣка,
ПЕТРЪ, глаголю, Россіискіи отбылъ съ сего вѣка.
Не внушила ВСЕЛЕННА сіе необычно:
Ибо вѣщала СЛАВА ужъ сипко, незычно
Паки СЛАВА: Россіискіи ІМПЕРАТОРЪ славныи,
всяку граду въ мудрости и въ храбрости явныи.
Того правда, того милость тако украсила,
что всю тебе ВСЕЛЕННУ весма удивила,
Кто когда воискуствѣ? кто лучшіи въ наукѣ?
Любовь ко отечеству далаль мѣсто скукѣ?
Что же бодрость? что промыслъ? православна вѣра?
Ахъ! неимамъ горести нынѣ я примѣра!

* * *

Паче грома и молни се МІРЪ устрашило,
и почитаи внѣ себя тои весь преложило.
Но по удивленіи въ незапноипричинѣ
Со стенаніемъ въ слезахъ ВСЕЛЕННАЯ нынѣ:
увы мои ПЕТРЕ! ПЕТРЕ верхъ царскія славы!

увы предрагоцѣнныи! о судебъ державы!
увы вселенныя ты едина доброта!
увы моя надежда! тяжка мнѣ сухота!
увы цвѣте и свѣте! увы мои единыи!
по что весма сиру мя оставилъ, любимыи?
Кто мя ВСЕЛЕННУ тако іныі царь прославитъ
кто толики походы во весь свѣтъ уставитъ?
всюду тебѣ немогла САМА надивиться?
но, уже ПЕТРЪ во мнѣ днесь, ПЕТРЪ живыи, незрится!
Ахъ увяде! ахъ уже и сеи помрачися!
Праведно, Россія днесь тако огорчися.

* * *

Себѣгутъ: ПАЛЛАДА, МАРСЪ, НЕПТУНЪ, ПОЛИТИКА
убоявшеся громка ВСЕЛЕННЫЯ крика.
Что тако (глаголютъ) мати ты затѣла?
Но ПАЛЛАДА прежде всѣхъ тутъ оцепенѣла
уразумѣвши яко ПЕТРА ужъ нестало;
ПЕТРА, но Россіиска: ахъ! рече, все пропало
падаетъ, обмираетъ, власы себѣ комитъ,
все на себѣ терзаетъ, руки себѣ ломитъ.
Зіяетъ, воздыхаетъ, мутится очима,
бездыханна, какъ мертва неслышитъ ушима,
всѣхъ чювствъ лишенна, мало здѣ въ себе приходитъ,
тихо, непостоянно, такъ гласомъ заводитъ:
Мое Солнце, и слава! моя ты ПАЛЛАДА!
куды нынѣ убѣгла? до коего града?
Я прочихъ мудрости всѣхъ мною наставляла;
а тебя я сама въ тои слышати желала;
О премудрыи ПЕТРЕ! тыль не живеши нынѣ?
кая безъ тебе мудрость уставится въ чинѣ?
плачь винословна плачи, плачь ФІЛОСОФІЯ,
плачьте со мною нынѣ науки драгія.
стени МЕХАНИКА, вся МАТЕМАТИКА,
возопіи прежалостно и ты ПОЛИТИКА.

Но тебѣ плакать будетъ въ своемъ свое время,
оставь мя нынѣ мое оплакать solъ бремя.
плачъ со мною искусство, но плачи чрезмѣрно:
оставилъ насъ ПЕТРЪ, что я узнала ея вѣрно.
Ахъ! покинулъ всѣхъ насъ ПЕТРЪ, мудростей хранитель,
своего государства новыи сотворитель.

* * *

МАРСЪ: не о Россiискомъ ли, мати, ПЕТРѢ слово,
нарицаемомъ МАРСѢ во всемъ свѣтѣ ново,
емуже въ храбрости я немогу сравниться,
развѣ только сѣнь его могу похвалиться?
Сказала ВСЕЛЕННА. МАРСЪ завопилъ жестоко;
палъ было, но всталъ заразъ; на небо взвелъ око:
О небесни! небесни! и вы зависть взяли,
что толико прехрабра у земныхъ отняли?
болшу же мнѣ нанесли нынѣ вы обиду
по противился бы вамъ безъ почтенна виду.
но, отдаите мнѣ ПЕТРА, ПЕТРА въ мощныхъ славна
въ храбрости, въ бодрости, и въ полѣ исправна.

* * *

Въ болшу пришедъ МАРСЪ ярость, кинувъ шлемъ и саблю;
дѣла, рече, храбра я одинъ неисправлю.
О ПЕТРЕ! ПЕТРЕ! ПЕТРЕ! воине силныи!
при градѣхъ, и во градѣхъ, и въ полѣ весь дивныи.
возвратись моя радость, МАРСОВА защита:
МАРСЪ, не МАРСЪ безъ тебе есмь, ахъ! но волокита.
Увы мои ПЕТРЕ! како возмогу стерпѣти
тебѣ несущу, въ слезахъ что бы не кипѣти?
вѣмъ что недолжно храбру; нобыти неможно,
егда вѣмъ яко уснулъ нынѣ ты неложно.
уснулъ сномъ, но по вѣкахъ возбнуться имущимъ.
уснулъ сномъ, но намъ многи печали несущимъ.

* * *

Въ протчемъ поиду скитаться лишившись Клеврета.
о плачу ПЕТРА всегда землею одѣта.

* * *

Починаетъ по томъ здѣсь ПОЛИТИКА стужна
рыдати неинако какъ жена безмужна;
даите, глаголетъ, плачу мому мѣсто други:
немогу бо забыти ПЕТРА мнѣ услуги.
кто инъ тако первѣе скрасилъ ПОЛИТИКУ!
кто мене въ конецъ достиглъ толь весма велику?
разсмотрилъ, въ велъ, премѣнилъ, укрѣпилъ онъ нравы,
много о томъ глаголютъ изданныя правы.
Но о и его правившъ БОЖЕ ты державныи!
почто мнѣ ПЕТРА отнялъ? тѣмъ подалъ плачь главныи.
Я толику на него надежду имѣла,
чтобъ воистинну въ первомъ мѣстѣ ужъ сидѣла
Предовсѣми; Но твоя то Божія сила:
хотя сія причина весма мнѣ не мила.

* * *

Се подъ НЕПТУНОМЪ моря страшно закипѣли,
сѣ купно съ вѣтры волны громко зарѣвели!
стонетъ ОКІАНЪ, что ужъ другаго нестало
Любителя. БАЛТІИСКО, что блиско то стало
нещастье при берегахъ. КАСПІИСКО же нынѣ
болше всѣхъ, что однажды плавалъ по немъ синѣ.

* * *

Всюду плачь, всюду туга презѣлна бываетъ:
Но у Бога велика радость процвѣтаетъ:
яко ПЕТРЪ пребываетъ веселъ нынѣ въ небѣ,
ибо по заслугамъ тамъ ему быти требѣ.

СТИХИ ПОХВАЛНЫЯ РОССІИ.

Начну на флеитѣ стихи печальны
зря на Россію чрезъ страны дальны:
Ибо всѣ днесь мнѣ ея доброты
мыслить умомъ есть много охоты.

* * *

РОССІЯ мати! свѣтъ мои безмѣрныи!
позволь то, чадо прошу твои вѣрныи.
ахъ какъ сидишъ ты на тронѣ красно!
небо Россіиску ты Солнце ясно!

* * *

Красятъ иныхъ всѣхъ златыя скиптры,
и драгоцѣнна порфира, митры;
Ты собои скипетръ твои украсила,
и лицемъ свѣтлымъ вѣнецъ почтила.

* * *

О благородствѣ твоемъ высокомъ
кто бы невѣдалъ въ свѣтѣ широкомъ?
Прямое сама вся благородство:
Божіе ты, еи! свѣтло изводство.

* * *

Въ тебѣ вся вѣра благочестивымъ,
къ тебѣ примѣ у нѣтъ нечестивымъ;
въ тебѣ небудетъ вѣры двоиныя,
къ тебѣ несмѣютъ приступить злыя.

* * *

Твои всѣ люди суть православны
и храбростію по всюду славны;
Чада достойны таковои мати,
вездѣ готовы за тебя стати.

* * *

Чѣмъ ты, Россіа, неизобилна?
гдѣ ты, Россіа не была силна?

Сокровище всѣхъ добръ ты едина,
всегда богата, славѣ причина.

* * *

Коль въ тебѣ звѣзды всѣ здравьемъ блещутъ!
и Россіане коль громко плещутъ:
Виватъ Россіа! виватъ драгая!
виватъ надежда! виватъ благая.

* * *

Скончу на флеитѣ стихи печальны
зря на Россію чрезъ страны дальны:
сто мнѣ языковъ надобнобъ было
прославить все то что въ тебѣ мило.

СТИХИ ЭПІТАЛАМИЧЕСКІЯ

НА БРАКЪ ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА КНЯЗЯ АЛЕѲАНДРА БОРІСОВИЧА КУРАКИНА, И КНЯГИНИ АЛЕѲАНДРЫ ІВАНОВНЫ.

Во единъ день, прошлаго въ городъ Гамбургъ лѣта
при самомъ ясномъ небѣ отъ солнечна свѣта
влетѣлъ вѣстникъ МЕРКУРІИ; но весь запыхался,
такъ что смотря на него и я изпужался,
мысля, чтобъ за причина его чрезвычаина
учинила уставша? бѣдаль непачаина
надъ кѣмъ стряслася чтоли? вижу что непросто:
Ибо таковъ онъ небылъ, говорятъ, лѣтъ со сто.
сталъ я нетерпѣливныи Меркура улещать,
то гладкимъ, то сердитымъ его словомъ прельщать:
Что, сударь, тебѣ сталось Министръ перва Бога!
или тебѣ некошна вся была дорога!
пожалуиста скажи мнѣ, благодаренъ буду,
и какъ Аполлона, такъ тебя незабуду.

Дышетъ Меркуріи. а я: эхъ, сударь, ужъ скучишъ!
что хорошева? по что долго меня мучишъ?
Веть я равно и тебѣ, какъ и Аполлону
служу, не болше чести имамъ твоеи ону.
такъ то, право, служи вамъ, а вы неглѣдите,
не смотря и на вѣрность въ смѣхъ все становите.
ну, сударь, веть таки мнѣ сказать случаи нада,
и не даромъ ты прибылъ до сего днесь града?
молчитъ МЕРКУРІИ; толко кажетъ мнѣ рукою
на одного малчика прекрасна собою,
которои недалеко веселъ стоялъ тамо,
маленкои саидакъ его украшалъ все рамо,
Калчанъ ему каленыхъ висѣлъ стрѣлъ за плечми,
быстрехонекъ казался, какъ бы рѣка течми.

* * *

Узналъ я заразъ что то Купидонъ воришка;
ибо умеия таки столко есть умишка.
Тогда хоть еще сердце мое трепетало,
но видѣвъ Купидона легче ему стало;
уже я сталъ ожидать все благополучно,
и молчаніе оно не такъ было скучно
Меркуріево; къ томужъ, что я строи великои
и здали увидѣлъ со сладкои музыкои;
На которои дивяся немогъ насмотрѣться,
Такъ хорошему нельзя въ Пруссіи имѣться.
ГУМЕНЪ на торжественной ѣхалъ колеснце,
Купидушки ту везли. прочія шли сице:
ЛЮБОВЬ, держа два сердца пламенемъ горящы,
цепочкои залотою связаны блещащы,
шла за Гуменомъ; близко потомъ Вѣрность міла,
съ неи Постоянство, Радость все въ ладоши била.
Корнукопіа вездѣ по дорогѣ цвѣты
бросала, которыми богато одѣты
подбирая межъ собои Дѣточки играли,
а все таки за строемъ онымъ Тѣ бѣжали.

мужеска всѣ казались пока Княжичами,
а женска, прекрасными видѣлись Княжнами.
По обѣимъ сторонамъ много Купідоновъ,
гдѣ воздухъ разбѣгался отъ ихъ крыльныхъ звоновъ
всѣхъ прохлаждая, изъ нихъ держалъ въ рукѣ всякои
Факелъ съ огнемъ яра воску, неинакои.
Всѣ восклицали вкупѣ согласно устами:
БРЯКНУЛИ КНЯЖЕСКИМИ на ЛЮБОВЬ РУКАМИ!
БРЯКНУЛИ, ГЕИ! Но болше еще и дивился,
какъ тамъ Аполлонъ съ скрипкои появился,
весь статнѣе [1]) Гіпніона, также и Батиста,
и всякъ бы его назвалъ тогда Божка иста,
которои смычкомъ весма такъ началъ красно,
такъ же приговаривать и языкомъ ясно:
(когда онъ пѣлъ и игралъ, музыка молчала,
но толко въ удивлени се своемъ внимала.)
БРЯКНУЛИ КНЯЖЕСКИМИ на ЛЮБОВЬ Руками,
юже чтобъ никакои день разторглъ! ни косами
смерть сурова! Брякнули, Геи! въ Княжескомъ чинѣ:
щасливо вѣкъ Вамъ златои встаетъ въ благостынѣ!
О Васъ новобрачніи! О съ надеждои многи
Потомки! О и Чада! О брачни Чертоги!

* * *

Зрите всѣ люди нынѣ на отроковицы
Посягающеи лице, чистои голубицы:
Палладіискои вся ЕЯ красота есть равна,
власами ни Венера толь чисто приправна,
Таковыми Юнона очесы блистаетъ,
или Діана, когда калчаны скидаетъ,
изъ лѣсовъ на небо та прибыти хотяща,
красится; но сія въ сеи красотѣ есть вяща.
Такая то у насъ есть Княгиня! днесь тыя

---

[1] Два славныя въ Парижѣ игроки на скрипицѣ.

Божески дары, Князю, зри вся, а благія,
свѣтъ души видя въ Онои, смертну Тую быти
не речеши, и шастьемъ Богамъ СЯ сравнити
не устыдишся. Она поступь Твою равно,
и златомъ блещущую одежду всю славно,
и свѣтлыя пламенемъ наичистымъ оки
зрѣти любитъ, ТЯ любя, а мыслми глубоки
въ себѣ изображаетъ: какъ то съ Неи любо,
поступишъ! и какъ то ЕИ вмѣстѣ быть не грубо!
и какъ то славна всюду узрится съ Тобою!
и еще боится, что мысль та не вѣтръ ли съ тщетою?

* * *

Но небоися, небоися, О Красна Княгиня!
тебя любитъ Юпітеръ, Юнона Богиня:
не бо во снѣ зрится Ти такова днесь радость.
истинна то самая, истинна то сладость.
Любовь Князя вся къ тебѣ будетъ благородна,
со мною, всѣмъ Богамъ ты, о со всѣмъ угодна!

* * *

нынѣ воскликните вси согласно устами;
Брякнули княжескими на любовь руками!
Брякнули, Геи! руками, княгиня прекрасна
съ княземъ такимъ, какова зорница есть ясна,
что въ небѣ равныхъ своихъ весь свѣтъ погашаетъ,
а сама едина тамъ паче всѣхъ блистаетъ.

* * *

Тутъ замолчалъ Аполлонъ. Но купиды сами:
Брякнули княжескими на любовь руками!

* * *

Какъ все въ удивленіе сіе мя привело!
какъ велико веселье все мнѣ сердце развело!
тотъ часъ я узналъ что строи весь тотъ шолъ отъ брака

Князя, по Алеѯандра: ибо то мнѣ всяка
въ оном строю о оба извѣстно казала,
что свадба Алеѯандры такъ быть надлежала!

* * *

Увидѣвъ тогда Меркуръ, что то я догадался,
сталъ ужъ мнѣ тожъ подтверждать; но я разсмѣялся:
Молчи, Меркуріи, пожалуиста молчи,
сказывать то другимъ лѣти, иль поскачи.
Выговоривъ, немогъ я съ радости усидѣть,
чтобъ слѣдующу пѣсню весело незапѣть.

ПѢСНЯ

НА ОНОИ БЛАГОПОЛУЧНОИ

БРАКЪ.

Flambeau des cieux!
Redoubles ta clarté brillante:
l'Hymen regne enfin dans ces lieux.
Tout nous enchante
dans ce séjour:
Le Dieu des cœurs y tient sa cour.

* * *

Heureux Amans!
soyez toujours tendres et constans;
vivez unis cent et cent ans.
vôtre sort coule doucement
sans *vous* causer aucun tourment!
tout le monde
vous seconde!
tout *vous* cherit tendrement.

БАЛАДЪ

О томъ, Что ЛЮБОВЬ безъ заплаты не бываетъ отъ женска пола.

Tout le beau sexe (et c'est partout constant)
paye les feux des cœurs de cent manieres.
une coquette, aprés tout, rend à l'instant
Amant l'heureux par la faveur derniere.
Douce faveur, quand elle est la premiére!
l'autre à la fin tient quelque doux discours
au cœur soumis, qui lui fait bien sa cour.
cela n'est rien; mais c'est la recompense:
Jamais sans prix on ne reste en amour.
Il est enfin l'ultieme complaisance.
Cupidon va quelque fois à pas lent,
lors qu'il rencontre une Prude à cythere
Et si jamais il ne cede en aimant,
il est bien vrai, qu'il ne reste en arriere.
Bien qu'elle lui fasse par tout la guerre.
qu'il ne craint point tout ce bruit du Tambour,
s'il ne parvient jusqu'à quelque fauxbourg,
il en aura du moins une assurance:
toujours les soins sont payés deretour.
il est enfin l'ultieme complaisance.
l'on croit en vain, que c'est perdre son temps,
que d'en vouloir à la beauté trop fierre;
quand elle voit que son fidel galant
par chaque endroit tache de lui plaire.
bien qu'elle ait sa vertu trop severe,
Je gagerai ma tête, qu'à son tour,
aprés plusieurs fins et rusés detours,
Elle en aura quelque reconnoissance:
l'on n'est jamais pour rien en son debours.
Il est enfin l'ultieme complaisance.

ENVOY

Toy, *Belle Iris,* que le ciel fit au tour!
quand tu changeas de ton avis un jour
pour satisfaire à ma treshumble instance;
plus que content dans ce monde je cours:
Ce *fût enfin l'ultieme complaisance.*

БАСЕНКА

О НЕПОСТОЯНСТВѢ ДѢВУШЕКЪ.

Un jour Damon le plus tendre Berger
Revint chez lui tout joyeux d'un verger,
où sa Daphné lui fût trés favorable.
croyant ce sort être à jamais durable
Le lendemain il y hata ses pas.
Qu'y fit Daphné fierre de ses apas?
Elle l'evite, et prend un autre route.
Damon la suit n'etant de rien en doute,
Il la saluë en termes fort polis,
Dont il faisoit ses complimens jolis;
il s'informoit, comment elle se porte;
Pour lui prouver son zele de la sorte.
Puis franchement il commence a causer
avant de lui donner aucun baiser,
en lui faisant la suivante demande:
Est ce pour moy, que vous quitez la bande?
Vous êtes seule! Est ce de votre ardeur
pour m'assurer, dont je fait mon bonheur?
sera ce donc pour m'exposer vos charmes,
afin de jouir des plaisirs sans allarmes?
Alors enfin il se mit en devoir
de l'embrasser, et de la faire asseoir.

Tout doucement, lui dit elle, en colere,
de tous vos soins vraiment je n'ai que faire.
Comment Daphné? lui repliqua Damon,
que voulez vous? est ce enfin tout de bon?
puis je du moins sçavoir quel est mon crime?
offense-t-on par un excés d'estime?
eh! laissez moi, repond elle, en repos.
Et tout d'abord elle tourna le dos.
Damon surpris d'une action si dure
Crût que ce fût une illusion pure.
mais c'est en vain qu'il vouloit la toucher!
lors tout en pleurs il ne put s'empecher
de s'ecrier avec raison, ce semble:
un jour suit l'autre, et point ne lui ressemble.

ПѢСЕНКА

Къ красной дѣвушкѣ, которая стыдится, и будто невѣритъ, когда ей говорятъ что она хараша.

Vous êtes belle, il faut dire vraiment;
Je le dis donc, mais avec tout le monde
J'ajoute à part, qu'il n'est point de seconde
en doutez vous? pour le coup, franchement,
c'est être bien rebelle;
vous êtes pourtant *belle.*

* * *

Consultez bien vôtre cheri miroir;
Il vous fait voir dans la sincere glace,
qu'on vous prendroit aisément pour la *Grace.*
mirez vous y du matin jusqu'au soir,
de plus, à la chandelle,
vous êtes toujours *belle.*

* * *

Balancez vous encor? voici mon cœur,
dont, je suis sur, qu'il n'a flaté persone,
qui tout entier à vos charmes se donne.
mais vous direz, que c'est un grand flateur;
non, non, c'est avec zele:
vous êtes, dit il, *belle.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ ЛЮБВИ.

Французскои работы.

Il est un berger sincere
Delicat, constant, discret,
Qui vous adore en secret,
Et qui mourroit pour vous plaire.
Je n'en dirai pas le Nom:
Je crains toujours votre colere
Je n'en dirai pas le nom:
Mais ecoutez ma chanson.

* * *

Si tôt qu'il vous voit paroitre,
La joie eclate en ses yeux.
Tout lui paroit ennuyeux,
Où vous ne pouvez pas être.
Je n'en dirai pas le Nom
Vous m'exileriez peut être.
Je n'en dirai pas le nom.
Mais ecoutez ma chanson.

* * *

Quand de la faveur supreme
Vous auriez payé ses feux,
à son air respectueux
Vous en douteriez vous méme.

Je n'en dirai pas le Nom.
peu d'amans feroient de même
Je n'en dirai par le nom.
Mais ecoutez ma chanson.

* * *

Si sensible au caractere
De l'auteur de ses couplets,
Vous voulez savoir qui c'est;
Je peux seul vous satisfaire.
Je n'en dirai pas le Nom.
Sachez moi gré du mystere.
Je n'en dirai pas le nom.
Mais retenez ma chanson.

ОТВѢТЪ НА ОНОЕ МОЕГО ТРУДА.

Qu'il soit un berger sincere
Delicat, constant, discret;
Je vous dirai sans secret,
Qu'il ne sauroit point me plaire.
Ne m'en dites pas le Nom:
Craignez toujours ma colere.
Ne m'en dités pas le Nom.
Peste soit de sa chanson!

* * *

Sitôt qu'il me voit paroitre,
Qu'il se derobe à mes yeux:
Tout me paroitre joyeux,
Où lui ne pourra pas être
Ne m'en dites pas le nom:
Je m'en moquerai peut être.
Ne m'en dites pas le Nom.
Peste soit de sa chanson!

* * *

Treve de faveur supreme
Je donne au Diable ses feux:
Il est fort audacieux;
Je crois qu'il le voit lui même.
Ne m'en dités pas le nom.
Un sot amant fait de même.
Ne m'en dités pas le Nom.
Peste soit de sa chanson!

* * *

Quelque soit le caractere
De l'auteur de vos couplets;
Mais si je savois qui c'est,
Je lui dirois de se taire.
Ne m'en dités pas le Nom.
Gardez en bien le mystere.
Ne m'en dités pas le Nom.
Peste soit de sa chanson.

ПРОШЕНІЕ ЛЮБВѢ.

Покинь Купидо стрѣлы:
уже мы всѣ не цѣлы
но сладко уязвлены
любовною стрѣлою
твоею золотою;
всѣ любви покорены.

* * *

Къ чему насъ ранить больше?
себя лишъ мучишъ дольше
Кто любовью недышетъ?
Любовь всѣмъ намъ нескучитъ,
хоть насъ таи и мучитъ.
ахъ сеи огнь сладко пышетъ!

* * *

Соизволь опочинуть,
и саидакъ свои покинуть:
мы любви сами ищемъ.
ту ища не устали
а сласть ея познали,
въ вскачь и пѣши къ тои рыщемъ.

* * *

За любовь (не буду дивно,)
не емлемъ что противно
еи надъ всѣми царице:
Та вездѣ свѣтло блещетъ
такъ что всякъ громко плещетъ,
видѣть радъ любовь сице:

* * *

Стрѣлъ къ любви ужъ ненада:
воля всѣхъ любить рада.
ахъ любовь дарагая!
любовь язвитъ едину,
другои раненъ чрезъ ину.
буди ненависть злая!

ПѢСЕНКА ЛЮБОВНА.

Красотъ умилна!
паче вѣхъ силна!
Уже склонивши,
ужъ побѣдивши,
Изволь сотворить
Милость, мя любить:
люблю дарагая
тя, самъ весь тая.

* * *

Нужъ умилися,
сердцемъ слонися;

Не будь жестока
мнѣ паче рока:
сличью обидно
то твому стыдно.
люблю драгая.
тя, самъ весь тая.

* * *

Такъ въ очахъ ясныхъ!
такъ въ словахъ красныхъ!
въ устахъ сахарныхъ,
такъ въ краснозарныхъ!
милости нѣту,
ниже привѣту?
люблю драгая,
тя, самъ весь тая.
Ахъ! я незнаю,
такъ умираю,
что за причина
тебѣ едина
любовь уноситъ?
а сердце проситъ:
люби драгая
мя поминая.

СТИХИ ПОХВАЛНЫЯ ПАРИЖУ.

Красное мѣсто! драгои берегъ Сенски!
тебя не лучше поля Элисеиски:
всѣхъ радостеи домъ и сладка покоя,
гдѣ ни зимня нѣтъ ни лѣтняго зноя.

* * *

Надъ тобои солнце по небу катаетъ
смѣясь, а лучше ни гдѣ не блистаетъ.

Зефиръ пріятныи одѣваетъ цвѣты
красны и вонны чрезъ многія лѣты.

* * *

Чрезъ тебя Нумфы текутъ всѣ прохладны,
Нумфы гуляя поютъ пѣсни складны.
Любо играетъ и Аполлонъ съ музы
въ луры и въ гусли такъ же и въ флеидузы.

* * *

Красное мѣсто! драгои берегъ сенски!
гдѣ быть несмѣетъ манѣръ деревенски:
Ибо все держитъ въ себѣ благородно,
Богамъ, богинямъ, ты мѣсто природно.

* * *

Лавръ напаяютъ твои сладко воды!
въ тебѣ желаютъ всегда быть всѣ роды:
Точишъ млеко, медъ, и веселье мило,
каково нигдѣ истинно не было.

* * *

Красное мѣсто! драгои берегъ сенски!
кто тя нелюбитъ? развѣбъ былъ духъ звѣрски!
А я немогу никогда забыти,
пока имѣю здѣсь на земли быти.

СТИХИ СЕНЕКОВЫ

О СМИРЕНІИ

Переведены съ Латінскихъ.

Стои кто хочетъ на сколзкои придворнои дорогѣ,
будь силнымъ и любимымъ при царскомъ чертогѣ;
Стараися инои всяко о высокои чести
ищи другои чтобъ выше всѣхъ при царѣ сѣсти
Пускаи сеи любитъ славу и уборъ богатыи
палаты высоки, дворъ полемъ необъятыи,

Слугъ стадо, села, замки, суды позлащенны,
одежду дорогую, власы на мащенны.
Тои богатство, веселье, такъ же поступь смѣлу;
заживаи пріятелеи силныхъ на жизнь цѣлу.

* * *

Но мнѣ въ убогои жизни любъ есть покои сладки,
домъ простои, и чинъ низкои, къ томужъ уборъ гладки:
Акомпанія съ МУЗЫ веселитъ мя съ мала,
покорность ужъ святою казатся мнѣ стала.
Тако когда мои дни пробѣгутъ безъ шума
(пріятна во дни въ ночи, сія мнѣ есть дума!)
Простачкомъ и старичкомъ веселъ приду къ гробу
оставивши на свѣтѣ всю свѣцкую злобу.
Тотъ кто очюнь всѣмъ знатенъ въ сеи жизни бываетъ,
часто не знатенъ себѣ горько умираетъ.

О Д А

о непостоянствѣ міра

Гдѣ бодрость! гдѣ надѣя!
отъ куду дики мысли?
что случилось всѣхъ злѣя?
Міръ сеи изъ сердца вышли,
все зло отстанетъ.

* * *

Такъ малая премѣна
въ сердце взявши начало
въ тѣлѣ всемъ размножена,
хоть мучитъ и немало;
будь терпѣливыи.

* * *

Что въ мірѣ постоянно?
сіе всѣмъ очюнь знатно.

смотри на все созданно,
не всели есть превратно?
кои цвѣтъ невянетъ?

* * *

Весну съ жигаетъ лѣто,
осень то премѣняетъ;
плодомъ древо одѣто
Зима намъ отнимаетъ,
а вѣтръ гнѣвливый

* * *

Уноситъ у насъ тихость,
боится свѣтъ ненасья,
въ щасти много нещасья,
скорыи припадокъ!

* * *

Бои у чернаго съ бѣлымъ,
у сухова есть съ влажнымъ.
младое? по томъ спѣлымъ,
бываетъ легко важнымъ.
низкимъ высоко,

* * *

Не болше есть дня ночи,
ни ночи есть дня болше;
сила? анъ и нѣтъ мочи.
жизнь? но не ста лѣтъ долше.
въ чести упадокъ!

* * *

То стоитъ, то восходитъ.
сіе тутъ пребываетъ;
глѣдишъ? другое сходитъ,
иное пропадаетъ
въ ничто глубоко!

* * *

словомъ, нѣтъ и небудетъ
ничего кромѣ Бога,
(которои неизбудетъ,
ни милость его многа)
чтобъ было вѣчно.

* * *

Сеи единыи, сеи вѣчныи,
сеи силныи, сеи правдивыи,
благіи и безконечныи,
всевѣдущъ прозорливыи
вся управляетъ.

* * *

Сего должно едина
повиноваться воли:
первая (онъ) причина
дарующая доли
примемъ сердечно

* * *

Чтобъ отъ него нибыло:
которои недастъ злаго.
О великая сило!
въ тебѣ мнѣ есть все благо
сердце вѣщаетъ.

ТАЖЪ САМАЯ ОДА ПО ФРАНЦУЗСКИ.

Point de courage! point d'espoir!
mille objets obsedent mon ame!
mais, d'où me vient ce penser noir?
ah! l'amour du monde m'enflamme
depuis le matin jusqu'au soir!

* * *

Quoi que ce petit changement
n'ayant que dans mon cœur sa source
abat le corps cruellement,
et me fasse être sans resource,
que je le souffre constament!

* * *

Que voit on au monde, aprés tout.
qui soit dans la même constance?
tout fuit, tout suit, rien n'est de bout
tous y vacille, tout balance,
tout est sujet aux mortels coups.

* * *

Le printemps se cache à l'été,
l'été se derobe à l'automne;
mais d'abord l'hyver enteté
avec les rudes froids se donne,
et tout raisin est arreté.

* * *

Les vents, quand ils sont en fureur,
otent l'agreable bonace ;
la noire malice avec ardeur
poursuit la bonté, la menace,
aprés l'heur on a le malheur.

* * *

Le noir dispute avec le blanc,
le sec de même avec l'humide,
le leger cede au lourd son rang,
le beau jeune au vieux insipide;
en vaste mer change un etang.

* * *

L'effroiable nuit à son tour
nous prive tous de la lumiere.

Je suis? et je perds tôt le jour.
je puis? d'abord etant par terre
personne ne me fait sa cour.

* * *

L'un s'arrete, et l'autre descend,
un autre tombe, un autre monte;
l'autre reçois tous les encens.
l'un s'abaisse, l'autre surmonte,
un autre perit sans accens.

* * *

En un môt, au monde il n'est rien
de stable, que l'être supreme,
qui fut toujours riche en tout bien,
il est le premier, et l'extreme,
à lui la constance convient.

* * *

Il est seul, il est eternel,
il est tout puissant il est juste,
il voit tout, entend notre apel,
il sait tout, il est tout auguste,
il est eternellement tel.

* * *

On doit obeir a lui seul:
Car il est la premiere cause.
il fait la joie, il fait le deuil,
et comme il lui plait il dispose.
ainsi recevons sans orgueil.

* * *

Tout ce quil nous voudroit donner,
il n'est jamais que favorable.
O DIEU! veuille donc m'ordoner,
ce qu'il Te convient, *adorable*!
mon cœur autrement façoner.

* * *

ЭПИГРАММА ГОСПОДИНУ К:

Accidit id linguis Tibi (Homero ex urbibus olim
Quas septem numerant) has numerare licet.
Itala vult sermone suo fieri Italum amœnum;
Et Germanica vox te facit esse suum;
Illustris Gallum ore, sonô quoque Gallia adoptat.
Quæ spectanda Polo Bella novi generis!
Sed cessare licet nunc his de lite perenni:
Nomine nam *ROSSY* Tu mihi Rossus eris.

СТИХИ О СИЛѢ ЛЮБВИ.

Можно сказать всякому смѣло,
что любовь есть велико дѣло:
Быть надъ всѣми и вездѣ силну.
а казаться всегда умилну,
кому бы случилось?
въ ЛЮБВѢ совершилось,

* * *

Ктобъ смѣлъ встать на ЮВИША славна?
любовь его, княгиня главна
принудила взять виды разны
птичьи, скотски, красны, злобразны;
ЮВИШЪ негордился,
охотно склонился.

* * *

Трудно МАРСА побѣдить было;
у всѣхъ сердце съ страха застыло
Переднимъ. Любовь только едина
побѣдивши (смѣшна причина)
его оковала
плѣненнымъ звать стала.

* * *

Что больше? та царитъ царями,
старыхъ чинитъ тажъ молодцами,
Любовь правитъ всѣми гражданы,
ту чтятъ вездѣ и поселяны,
Та всчинаетъ брани,
налагаетъ дани.

* * *

Не безъ любви миръ, договоры;
а прекращалъ ктобъ инои ссоры?
Словомъ, чинить по своеи воли
что захочетъ гдѣ сели толи;
и дѣвицъ склоняетъ
а насъ запаляетъ.

* * *

Не убѣжишъ тои въ монастыряхъ,
любовь во всѣхъ предъ сѣдитъ пирахъ.
Для любви всѣ танцовать любятъ,
и музыку, чтобъ играть, нудятъ.
Всѣ ей угождаютъ,
всѣ любви желаютъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ЛЮБВИ ОДНОИ ДѢВИЦѢ, которая всегда любила чорнинкую сабачку на рукахъ держать.

Vous avez un petit Cerbere
des plus mal né, des mieux appris
A garder, charmante bergere,
chez vous les jardins de Cypris.
l'exemple de fidelité
peut bien se trouver dans tout autre;
mais celui de sa cruauté,
certe, il n'en est point que la vôtre.

* * *

Or comment vous faire l'eloge
de ce noir petit loup garou?
qui prés de vôtre cœur ne loge
que pour y servir de verrou.
S'il a de la fidelité,
La miene est encore toute autre;
mais pour applaudir la fierté,
il n'a qu'une voix, c'est la vôtre.

ЖЕЛАНІЕ УЧИНЕННОЕ ОДНОЙ ДѢВИЦѢ.

Que le ciel vous donne un amant
Toujours tendre, fidel, constant;
Et que dans cent ans d'ici,
Vous puissiez dire cecy:
J'ignore le soucy!

ПѢСНЯ КЪ ЛЮБОВНИКУ и ЛЮБОВНИЦѢ ОБРУЧИВШИМСЯ.

Accourrez plaisirs
Calmez les soupirs
d'un couple si tendre!
hatez le rendre - - -
heureux, sans desirs:
ils n'ont qu'une ame,
Et leur pure flamme
ressemble aux Zephirs.
Chantons leur bonheur
devant tout le monde.
leur sort le seconde!
eux deux n'ont qu'un cœur.
Celebrons tous

ce lien si doux:
elle est sans pareille!
il est la merveille!
tous deux charment nous.
Douce union!
puisse etre eternelle;
mais, c'est tout de bon.

ПѢСНЯ ОДНОЙ ДѢВИЦѢ
вышедшей за мужъ.

uel hymen! quel fidel amour!
En si bel age
Susanne s'engage.
Quel hymen! quel fidel amour!
Tous les plaisirs ici font leur sejour.
Jeunes cœurs!
Vos tendres ardeurs
Vous promettent mille douceurs:
Le ciel vous fit en tout pour ses faveurs
Tout seconde ces deux amans?
Tout conspire
Tous vous desire
Un siecle entier de doux ravissemens.

ПОХВАЛА ВСЯКОЙ МИЛОЙ.

Rien ne peut sur moi l'absence
même de cent milles jours:
j'aime constament Constance,
je ladorerai toujours.
Par un destin necessaire,
Elle seule aura mon cœur:

Elle seule ma sçû plaire,
Elle seule est mon vainqueur.

* *
*

Qu'elle est en tout sans pareille!
Il n'est point de si doux traits;
son esprit est la merveille,
Tout adore ses attraits.
Par un destin necessaire,
Elle seule aura mon cœur:
Elle seule ma sçû plaire;
Elle seule est mon vainqueur.

* *
*

Bel objet de ma tendresse!
approuves donc mes beaux feux:
à toi mon ardeur sans cesse
aspire par mille vœux.
Par un destin necessaire,
Tu dois seule avoir mon cœur:
Car tu seule m'a sçû plaire,
Et tu seule es mon vainqueur.

* *
*

Si par quelque circonstance
Tu t'engages promptement
Helas! ma chere Constance
Tu me perdra surement.
Par un destin necessaire,
Tu dois seule avoir mon cœur:
Car tu seule m'a sçû plaire,
Et tu seule es mon vainqueur.

ПРОЩЕНІЕ
при разлученіи со всякой милой.

Divin objet d'un feu pur et celeste;
à qui mon cœur adressoit tous ses vœux,
ce jour funeste,
mais pretieux,
où je te fais mes eternels adieux
est le seul prix, le seul bien qui m'en reste.

* *
*

A ses rigueurs, helas! livré sans crime,
Amour, j'etois encore trop heureux,
et dans l'abyme
de mille feux,
me faire envain soupirer sous ses yeux,
C'etoit de fleurs couroner sa victime.

* *
*

Quoi que à mes yeux, la Parque qui m'entraine,
Ait déja mis un funebre bandeau;
Chere inhumaine!
C'est ton flambeau
Qui me conduit au dela du tombeau;
J'y vais porter ton adorable chaine.

* *
*

Trop cher objet, à qui me sacrifie
L'affreux instant d'un depart si cruel,
adjeu! j'essuye
le coup mortel.
Mais, pourquoi donc frappé sur ton autel
en d'autre lieux t'aller rendre ma vie?

ТОСКА ЛЮБОВНИЦЫНА

въ разлученіи съ любовникомъ.

Eh! destin cruel,
arraches donc mon ame:
Je ne vois plus, ah! mon amant fidel.
Rien n'eteindra ma flamme!
mais, toi sort,
jusqu'au Port
Et sur le bord ne lui fais aucun tort.

ТОСКА ЛЮБОВНИКОВА

въ разлученіи съ любовницею.

Eh! cruel destin
arraches donc mon ame:
En vain tu veux renverser mon dessein.
Rien n'eteindra ma flamme!
En tous lieux
Les beaux yeux
De ma Philis font alumer ses feux.

ПЛАЧЬ ОДНОГО ЛЮБОВНИКА

Разлучившагося съ своеи милои, которую онъ видѣлъ во снѣ.

Ахъ! невозможно сердцу пробыть безъ печали,
хоть ужъ и глаза мои плакать перестали:
Ибо сердечна друга немогу забыти,
безъ котораго всегда принужденъ я быти

* * *

Но, принужденъ судьбою или непремѣнной
и отъ всея вѣчности тако положенной,

или насильно волей во всемъ неразсуднои,
и въ порывѣ склониться на иное труднои,

* * *

Ну! чтожъ мнѣ нынѣ дѣлать? коли такъ ужъ стало?
розстался я съ сердечнымъ другомъ не на мало.
Увы! съ нимъ раздѣлили страны мя далеки,
моря, лѣсы дремучи, горы, быстры рѣки.

* * *

Ахъ! всякая вещь изъ глазъ мнѣ его уноситъ,
и кажется что всяка за него поноситъ
меня, симъ разлученьемъ страшно обвиняя,
и надежду, чтобъ видѣть, сладку отнимая.

* * *

Однакъ вижю что съ німи одинъ сонъ глубоки
не согласился, мнить ли что то ему Роки
представлять мила друга велѣли предъ очи
и то въ темноту саму половины ночи!

* * *

Свѣтъ любимое лице! чья и стѣнь пріятна!
и рѣчь хотя мнимая въ самомъ снѣ есть внятна!
Уже поне мнѣ чаще поночамъ кажися,
и къ спящему безъ чювства ходить нестыдися.

ПРАВИЛА

Какъ знать надлежитъ гдѣ ставіть запятую точку съ запятою, двоеточіе, точку, вопросителную, и удивителную.

, Il faut un repos court où la virgule arrete.
; Mais la virgule et point brouille certe la tête.
Coupez, sans balancer, la moitié de tout sens
Par la virgule et point; la grammaire y consent.
On veut rendre raison dans chaque periode
En y mettant deux point; en prose ou: bien en ode.

L'on sçait qu'il est aisé à la fin du discour
. De poser un grand point; c'est sans faire l'amour:
Car l'on dit qu'il est bien expert en toures choses,
Qu'il se mele de tout, jusqu'a plaider les causes.
! Par un longue et ronde il faut marquer du cœur
Toutes les passions; le ton aussi moqueur.
? Ronde et courbe se met aprés chaque demande,
Sois qu'elle soit petite, ou bien qu'elle soit grande.

ПѢСЕНКА

Которую я сочинилъ еще будучи въ Московскихъ школахъ на мои выѣздъ въ чужія краи.

ВЕСНА катитъ,
ЗИМУ валитъ,
и ужъ листикъ съ древомъ шумитъ.
поютъ птички
со синички,
хвостомъ машутъ и лисички.

* * *

Взрыты брозды,
цвѣтутъ грозды,
Кличетъ щегликъ, свищутъ дрозды,
льются воды;
и погоды;
Да вѣть знатны намъ походы.

* * *

конатъ рвется,
якарь бьется,
Знать кораблику понесется.
нужъ плынь спѣшно,
не помѣшно
Плыви смѣло, то успѣшно.

* * *

Ахъ! широки
и глубоки
воды морски, разбьютъ боки.
вось заставятъ
не оставятъ
добры вѣтры и приставятъ.

* * *

плюнь на суку
морску скуку,
Держись черней, а знаи штуку:
стать отишно,
и непышно;
Такъ не будетъ волнъ и слышно.

ОПИСАНІЕ ГРОЗЫ
бывшія въ Гагѣ.

Съ одной страны громъ,
съ другой страны громъ,
смутно въ воздухѣ!
ужасно въ ухѣ!
набѣгли тучи
воду несучи,
небо закрыли,
въ страхъ помутили:

* * *

Молніи сверкаютъ,
страхомъ поражаютъ,
трѣскъ въ лѣсу съ Перуна,
и тѣмнѣетъ луна,
вихри бѣгутъ съ прахомъ,
полоса рветъ махомъ,
страшно ревутъ воды
отъ тои непогоды.

* * *

Ночь наступила,
день измѣнила,
сердце упало:
все зло настало!
пролилъ дождь въ крышки,
трясутся вышки,
сыплются грады,
бьютъ вертограды.

* * *

Всѣ животны рыщутъ,
покоя несыщутъ,
біютъ себя въ груди
виноваты люди
бояся напасти,
и чтобъ непропасти,
руки воздѣваютъ,
на небо глашаютъ.

* * *

О солнце красно!
стань опять ясно,
разжени тучи,
слезы горючи,
столкаи премѣну,
отсель за Вѣну.
дхнуть бы Зефіромъ
съ тишаишимъ миромъ!

* * *

А вы, Аквилоны,
будьте какъ и оны;
лютость отложите,
только прохладите.
побѣги вся зloба
до вѣчнаго гроба:
дни намъ нада красны
пріятны и ясны.

СОНЪ

учиненъ пѣснію на подобіе одной пѣсни Французскои La Reine si belle, и съ ея же Рефренемъ.

Aimable delire
D'un songe amoureux!
Seul prix du martyre,
de mes tendres feux!
Instant, ou ma belle
me serroit si fort,
Tu fuis avec elle!
vraiment elle a tort.

* * *

Sa langue à ma bouche
Répondoit si bien,
Son cœur si farouche
Se changeoit au mien;
Nos bras pêle mêle
Se serroient si fort.
Où s'envole-t-elle?
vraiment elle a tort.

* * *

Est il bien possible,
Disois-je en son sein,
que tu sois sensible,
que tu m'aime enfin!
Iris moins cruelle
Ne veut plus ma mort!
ah! repondoit elle:
vraiment elle a tort.

* * *

Je l'entendois dire
D'un ton plein d'amour,

Cruel, tu peut rire,
Je souffre à mon tour.
Sa tendre prunelle
Le disoit encor.
Que n'attendoit elle?
vraiment elle a tort.

* * *

Tandits que mes larmes
Couloient de plaisirs,
Par quelles alarmes
Se met elle a fuir?
Pour fruit de mon zele
Quand je mouille au Port,
Où s'envole-t-elle?
vraiment elle a tort.

* * *

Cette enchanteresse
Change en se moment
Ma tendre allegresse
En affreux tourment.
Comme une hyrondelle
Qui prend son essort
Où s'envole-t-elle!
vraiment elle a tort.

* * *

Mais par quelle route
La suivre en ces lieux?
Je n'y vois plus goute.
En ouvrant les yeux.
A demi pucelle
Qu'elle etoit encor,
Où s'envole-t-elle?
vraiment elle a tort.

ЭПІГРАММА
къ охуждателю Зоилу

МНОГО НА МНОГИ КНИГИ васъ, братецъ БЫВАЛО,
А НА ЭТУ НЕ УЖЛИ васъ ТАКИ НЕСТАЛО?

* * *

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ ТРЕДЬЯКОВСКАГО.

ТОМА III.

Стр.

1) Разговоръ о правописаніи:

Предувѣдомленіе отъ Автора. 1

Вступленіе; въ которомъ объявляются общія описанія до буквъ і правописанія надлежащія 1

Кончіτся оно на 16

Часть I. Въ ней описывается какъ старый нашъ Алфавітъ, такъ і ортографі́ческія узаконенія, въ церковной печаті понынѣ употребляемыя. 16

Конецъ ея на. 65

Часть II. Положены въ ней основанія на разумѣ утвержденныя; также і доказательства на то, что старый нашъ Алфавітъ есть ізлішенъ, а ортографія старая есть неісправная, і чужая. 66

Конецъ ея на 241

Часть III. Въ ней предлагается новый Алфавітъ гражданскою фігурою, і къ гражданской токмо печаті служащчій: объявляется сходство между гласными і двугласными; также і между согласными; а сімъ показывается, что одноя буквы ізъ согласныхъ у насъ не достаетъ: предлагаются і пра́вила на общчій нашъ нынѣшній выговоръ, і прочее до новыя ортографіи пріналежащчее 241

Конецъ ея 310

Авторово заключеніе 311

Стр.

2) Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ:

Разсужденіе первое о первенствѣ Словенскаго языка предъ Тевтоническимъ 319

Разсужденіе второе о первоначаліи Россовъ 370

Разсужденіе третіе о Варягахъ Руссахъ 477

3) Слово о богатомъ, различномъ, искусномъ и нескотственномъ витійствѣ 541

4) Объ истиннѣ сраженія у Горацієвъ съ Куріаціами 605

5) О мозаикѣ 631

6) Ѣзда въ островъ Любви 639

7) Стихи на разныя случаи 733

Д-76-77

РНБ Русский фонд.
18.61.7.24/3